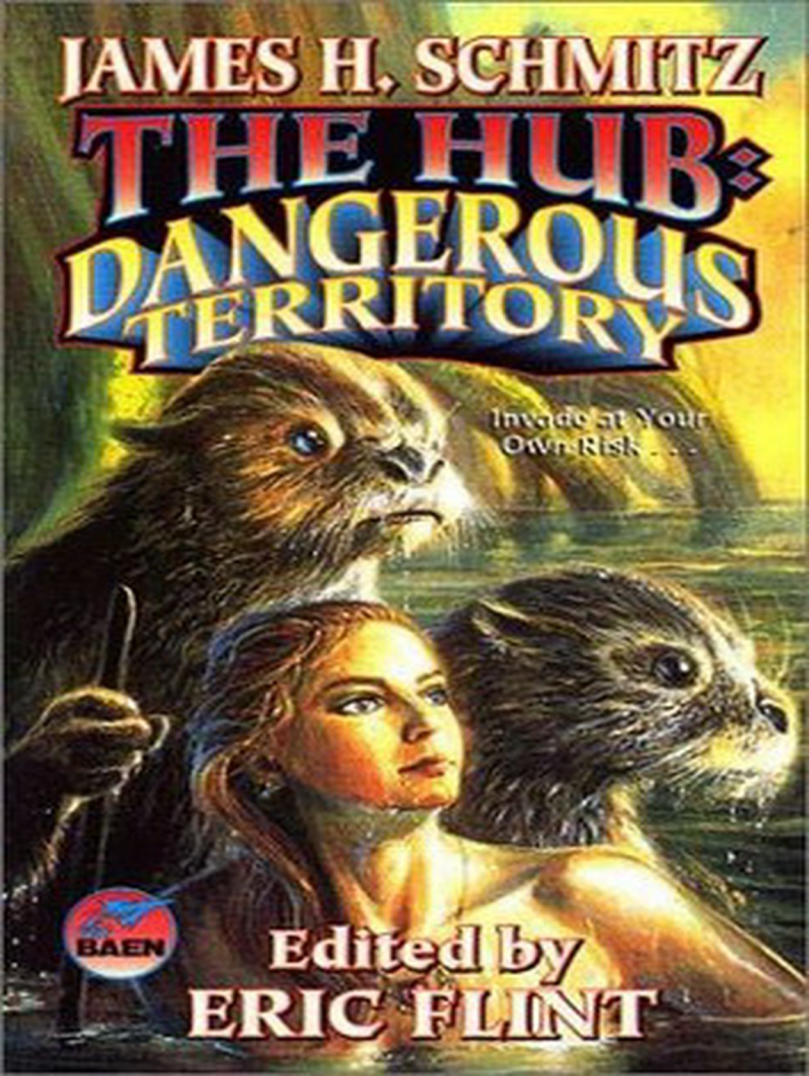
JAMES H. SCHMITZ
THE HUB:
DANGEROUS
TERRITORY
Invade at Your
Own Risk . . .
BAEN
Edited by
ERIC FLINT

В Ядре Звёздного Скопления

Джеймс Шмиц

Аннотация
Джеймс Шмиц. «В Ядре Звёздного Скопления»
В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО
ДЕДУШКА. (перевод Н. Устинова)
СБАЛАНСИРОВАННАЯ ЭКОЛОГИЯ. (перевод Игоря Можейко)
ПРЕКРАСНЫЙ ПОВОД ПООРАТЬ ОТ УЖАСА
ВЕТРЫ ВРЕМЕНИ
МАШЛЮДИ
ИНЫЕ ПРИЗНАКИ СХОДСТВА
КАЖДОМУ СВОЕ
ЗАБОТ ПОЛОН РОТ
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5

ДЬЯВОЛЬСКОЕ ОТРОДЬЕ
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4

Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Глава 9
Глава 10
ПОСЛЕСЛОВИЕ

Аннотация

Джеймс Генри Шмиц — фантаст, известный в нашей стране лишь истинным знатокам жанра (так как его российские публикации ограничились десятком рассказов и повестей), однако в действительности ВЕСЬМА популярный — прежде всего благодаря великолепному циклу произведений о Средоточии — межпланетной федерации, в состав которой входят ВСЕ разумные расы Галактики, — произведений, которым не откажешь ни в УДИВИТЕЛЬНОЙ увлекательности, ни в мастерской выстроенности интриги, ни в МАСШТАБНОСТИ и ДЕТАЛЬНОЙ ВЫПИСАННОСТИ мира далекого будущего. Мира, в который читатель буквально погружается с головой.

Джеймс Шмиц
«В Ядре Звёздного Скопления»

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО

— На этой стороне планеты Мецмиали стояла глубокая ночь: большую часть неба затмевало плотное облако космической пыли. Находившееся на расстоянии немногим более двух световых лет отсюда, оно получило название Преисподней. На фоне мрачного облака мерцала лишь горсточка ближайших звезд. На востоке волнистые края облака были подсвечены главным скоплением солнц Ядра Звездного Скопления, которые пока скрывались за линией горизонта.

Уединенный, сливающийся с окружающим его пейзажем космопорт был ярко освещен, хотя почти пустовал. На одиночных стоянках находилось несколько небольших кораблей, да двое патрульных обозревали местность, неспешно барражируя на высоте шести метров в своих скутерах-поплавках. Охранники не слишком опасались незваных гостей. Корабли были надежно заперты, а кроме них, красть было, в общем-то, нечего. Тем не менее, в обязанности этих людей входил осмотр территории каждые два часа, и они добросовестно выполняли свой долг.

Один из них внезапно остановил скутер и сказал в микрофон:

— Эй, погляди-ка на двадцать вторую!

Его напарник повернул голову в указанном направлении. Двадцать вторую стоянку занимал самый большой корабль из всех находившихся на территории космопорта. Это была межзвездная яхта, которая минувшим вечером вернулась на стоянку после развлекательного круиза. Патрульный в изумлении уставился на нее и спросил:

— Это правда, что на борту никого не осталось?

Первый охранник сверился со своими записями учета.

— Там никого не должно быть до завтрашнего утра, — заявил он. — Завтра ей предстоит очередной техосмотр.

— Тогда что это за хреновина?

«Хреновиной», по его словам, было нечто, похожее на струю тусклого багрового пламени, которое бесшумно рвалось из-под прочной внешней обшивки фюзеляжа где-то примерно на половине длины яхты. «Пламя» как бы стекало по корпусу вертикально вниз и, достигнув земли, исчезало. Казалось, оно спускалось непрерывным потоком сквозь опорную площадку двадцать второй стоянки прямо в почву.

Оба охранника машинально взглянули на датчики излучения, вмонтированные в пульты управления их «поплавков». Удивительное дело — приборы ничего не фиксировали. Патрульные вновь перевели взгляд на яхту. Зрелище было загадочным и жутковатым.

— Впервые вижу такое! — встревоженно произнес второй патрульный. — Надо немедленно доложить начальству! Наверное, кто-то забрался на борт и черт те что вытворяет с двигателями… Постой!

Кажется, истечение странной субстанции прекратилось.

Они молча пронаблюдали, как последние остатки огненного ручья стекли по яхте и беззвучно скрылись под основанием опорной площадки.

Первый патрульный покачал головой.

— Позвоню-ка я начальнику охраны, — сказал он. — Уж он-то обязательно…

Из датчиков излучения одновременно вырвался свист, режущий ухо. Блеклое пламя вырвалось из-под земли под скутерами; оно полностью охватило «поплавки» вместе с находившимися в них людьми. Лишь мгновение в дрожащем багровом зареве тела патрульных дергались в конвульсиях. Потом они бесследно растворились,

словно растаяли, как воск. Огонь опустился и утек в землю. Пронзительный писк радиационных датчиков снизился до легкого шипения и вскоре затих окончательно.

Скутеры неподвижно висели в воздухе, невредимые, но без водителей…

Покоясь в восьмидесяти метрах под поверхностью земли, гойал терпеливо дожидался воссоединения с отделившейся от него частью. Растворив людей, которые заметили, как гойал покидал корабль, он вновь слился с основным «телом» своего хозяина.

Гойал состоял из миллиардов частиц. Этот сгусток материи, принимавший форму то вещества, то энергии, был безгранично растяжим и очень подвижен в космическом вакууме, в отличие от плотных сред планет, где его размеры и маневренность были относительно ограничены. Сейчас он был близок к своей самой компактной вещественной форме. Этот пласт инородной материи в теле Мецмиали испускал лучи неведомой природы. Таким образом, принадлежащие ему сенсорные участки «прощупывали» территорию космопорта в поисках живых свидетелей его появления на планете.

Удостоверившись в их отсутствии, гойал мед-

ленно пополз под землей. Он держал путь к той точке на поверхности планеты, до которой было примерно тысяча километров…

А в этой самой точке Дейнстар Джеймс с досады забралась темно-зелеными ногтями в свою шевелюру, крашенную, в тон ногтям, в аналогичный колер, и, глядя на экран камеры тайного наблюдения, где в данный момент работала, забористо выругалась.

* * *

В маленьком помещении на Складе Нестандартных образцов, который принадлежал Университетской Лиге планеты Мецмиали, кроме нее, никого не было. Склад представлял собой группу массивных зданий, аляповатых на вид, но построенных основательно. Он занимал обширную площадь, на которой можно было возвести поселок средних размеров, и располагался в пустынной местности, на приличном расстоянии от любого маломальского людского поселения. Сооружениям Склада было больше трех сотен лет, и, как любой комплекс капитальной постройки, он был огорожен сплошным энергетическим барьером. Для внешнего мира этот заслон представлял собой своеобразный купол, полностью

скрывающий от постороннего взора складские постройки.

Изначально на месте Склада располагалась крепость. Ее возвели в тот период истории планеты, когда она подвергалась непрерывным нападениям космических пиратов, — как людей, так и инопланетян. Тяжелое вооружение, установленное в свое время для борьбы с такого рода неприятелем, было давно демонтировано. Однако капитальные строения остались; а энергетический барьер бывшей крепости оказалось проще и дешевле оставить в прежнем качестве, нежели снять. Тем более что это сооружение колоссальной мощи до сих пор находилось в отличном рабочем состоянии.

Теперь весь этот комплекс зданий и сооружений был перепрофилирован в автоматизированный склад. По сути, он являлся гигантским музеем как существующих, так и уже исчезнувших галактических форм жизни. А еще в нем содержались — причем в жутком беспорядке — минералы, образцы почв и атмосфер множества исследованных планет. В общем, все то, что научные экспедиции, правительственные группы исследователей, изыскатели, колонисты или просто вольные искатели приключений находили в

космосе и передавали в Университетскую Лигу, если это представляло хоть какой-то интерес. Интерес, достаточный для того, чтобы окупить тщательный анализ природы и свойств этих артефактов. На протяжении более чем столетия Лига прилагала титанические усилия по освоению и упорядочиванию собранных материалов; особо, впрочем, не преуспевая в этом похвальном начинании. Продолжающие поступать неиссякающим потоком экспонаты отправлялись в специально отведенные для них помещения для предварительной описи и складирования. Большая часть образцов не представляла особого интереса и вызывала любопытство разве что у последователей какого-нибудь узкого научного направления. Однако какая-то часть экспонатов — несравненно меньшая — порой оказывалась очень ценной. Исследование таких экспонатов приводило к новым фундаментальным прорывам в той или иной области науки, или же просто вызывало коммерческий интерес. Иногда случалось и то и другое вместе. В случаях, когда выявлялась бесспорная научная ценность образца, он сразу же обретал высокую стартовую цену во время торгов.

По этой причине Склады Нестандартных образ-

цов были в той или иной степени защищены от незаконных посягательств на их содержимое. В этом отношении склад на Мецмиали производил самое внушительное впечатление и порождал среди населения планеты всевозможные слухи. Черный заслон, окружающий Склад, послужил основанием для еще одной сплетни, появившейся совсем недавно. Поговаривали, будто в подвалах складского Банка Жизни в состоянии гибернации содержатся такие инопланетные чудовища, которых никто даже вообразить не в состоянии.

Разумеется, главная причина существования Барьера заключалась в том, что Университетская Лига вовсе не желала разворовывания экспонатов, среди которых, возможно, имелись поистине бесценные экземпляры.

Именно по этой причине Дейнстар Джеймс и проводила на Складе все свое время.

Дейнстар была стройной привлекательной девушкой с гибкой талией. Она была экипирована в черный комбинезон строгого покроя, облегающий ее изящную фигуру, и короткую, просторную белую куртку. Последняя имела множество потайных карманов для ношения инструментов, аппаратуры, хитроумных устройств слежения и тому подобного. Без всего этого работа Дейнстар

была просто немыслима. К широкому ремню с инкрустацией, который опоясывал комбинезон под курткой, крепились, расположенные в ряд, миниатюрные рычажки управления, почти незаметные для постороннего глаза.

Казавшееся на первый взгляд странным пристрастие девушки к одноцветному макияжу — зеленые волосы и ресницы; зеленые губы и глаза — было всего лишь данью профессиональной этике. Она, эта этика, обязывала одеваться в этом сезоне именно так, как одевалась Дейнстар. Также требовалось от случая к случаю менять оттенок косметики, каждый раз сохраняя общий колер. В настоящий момент он был темно-зеленым.

На самом деле зеленые волосы были париком. Этот изысканный, исполненный с исключительным мастерством парик изготовил лично для Дейнстар известный во всей Галактике кутюрье. А вот под мягкими волнами этого чудо-парика, походившего на большой гладкий шлем, прятались тщательно уложенные, коротко остриженные темно-каштановые волосы. Прическа была воздвигнута самой Дейнстар с не меньшим изыском, чем парик от знаменитого кутюрье. В другое время, при выполнении иного задания

парик и прочие аксессуары могли быть цвета морской волны; алыми или слегка отталкивающими бледно-розовыми. Все зависело от цели, которую она преследовала. По своей же сути Дейнстар была довольно консервативна — практически во всех отношениях.

Вот уже десять минут она безуспешно пыталась связаться со своим коллегой, Ковином Вергардом. Последнее сообщение от него, внезапно оборванное, пришло из другого отделения Склада. Он поставил Дейнстар в известность, что там к нему пытаются вломиться какие-то вооруженные типы, вследствие чего он вынужден предпринять одну из своих уловок, причем немедленно.

* * *

Дейнстар Джеймс и Ковин Вергард являлись сотрудниками межгалактического Детективного Агентства Киф и работали на Складе по негласному соглашению между ним и секретариатом Университетской Лиги. Их прислали сюда две недели тому назад. Официально они были оформлены на работу в качестве техников коммуникационной службы. В их обязанности входило техническое сопровождение перевооружения устаревших систем связи Склада. Дейнстар и в

самом деле была высококвалифицированным специалистом в области коммуникации. А вот Ковин Вергард хоть и обладал неплохими практическими навыками в работе со средствами связи, в данной области не специализировался. Он был взломщиком в самом широком смысле этого слова. Если он вознамеривался куда-то проникнуть или просто заглянуть одним глазком, то «не пущать» его в это место являлось делом почти безнадежным.

Методы их работы существенно различались. Дейнстар была, так сказать, «инструментальщицей». Инструменты, с которыми она предпочитала иметь дело, были крошечны, как блохи. Они находились в разобранном виде и все без исключения помещались в одном-единственном плоском несессере. С ним Дейнстар никогда не расставалась. Основную часть своего инструментария она смастерила сама, заботливо и кропотливо трудясь над каждой фитюлькой. Так искушенный рыболов частенько предпочитает изготовить собственными руками особые, подчас ювелирные блесны, мормышки и прочие атрибуты своего хобби, нежели приобрести их без хлопот в магазине «Все для рыболова». Тем более, что по сравнению с приспособлениями и

устройствами Дейнстар лучшие промышленные аналоги выглядели грубыми и тяжеловесными. Да в этом и не было ничего удивительного. Инструменты Дейнстар были спроектированы и изготовлены исключительно для ее тонких, невероятно проворных пальчиков. Выполняя какое-нибудь секретное задание, она расхаживала по вверенному ей объекту, расставляя там и сям по десять, двадцать, пятьдесят, а то и по целой сотне микроскопических электронных «глазков» и «ушей», наряду с дополнительными датчиками, сигнальными устройствами и диктофонами. Причем, если того требовали обстоятельства, все эти устройства отличались внешним видом, абсолютно не свойственным дизайнерской мысли человека. Дейнстар не только подключалась к уже существующим системам связи, но и устанавливала свои собственные системы коммуникации, замаскированные под противошпионские приспособления. Во многих случаях все эти «жучки» и прочие устройства были практически незаметны для постороннего глаза. Впрочем, именно так все и задумывалось. Дейнстар являлась дипломированным «слухачом»; работа ей нравилась, и девушка справлялась с ней превосходно.

С другой стороны, инструменты, которыми, как правило, орудовал Вергард, ограничивались какой-нибудь полудюжиной предметов общего назначения, представляющих типичный набор стандартных приспособлений, которым обычно пользуется всякий мало-мальски опытный медвежатник. Зато Вергард в совершенстве изучил все мыслимые конструкции замков и методы их защиты. Свободно владел он и способами, при помощи которых можно было превратить любой замок в смертельную ловушку при запирании его как снаружи, так и изнутри. Мало того: когда ему приходилось сталкиваться с каким-нибудь замком впервые, он в ту же секунду, как его видел, уже знал, с какой стороны к нему подобраться. Причем это происходило независимо от того, была ли ему знакома конструкция данного замка, или нет. Видимо, эта способность Вергарда скорее была интуицией. Со стороны казалось, что Вергард обладает уникальной способностью проходить без малейшей заминки через целую вереницу дверей, запертых на обычные замки. Скрытая охранная сигнализация и тому подобные вещи могли, конечно, задержать его; но лишь на пару минут, не более. Ну, а какие-нибудь сверхизощренные уловки, на которых он застре-

вал на более длительное время, попадались ему чрезвычайно редко.

Дейнстар и раньше доводилось выполнять различные секретные задания на пару с Ковином Вергардом, и они славно сработались. Только им двоим было известно, что, уже через двадцать четыре часа после их прибытия на объект, Склад Нестандартных образцов оказался оплетен всепроницающей сетью шпионских устройств Дейнстар.

И как раз к этому времени стали возникать всяческие осложнения.

Главной мишенью агентов стал директор Склада, доктор Хишкан. Университетская Лига имела все основания полагать, — пока, правда, бездоказательно, — что некоторые экспонаты в настоящее время отсутствовали на Складе, хотя им полагалось там находиться. Вполне возможно, виной тому был сбой в работе автоматизированного оборудования по складированию, транспортировке и регистрации образцов. Иными словами, недостающие экспонаты просто находились не на положенных местах, и, в конечном итоге, нашлись бы обязательно. Однако более вероятным казалось предположение, что их тайно вывезли со Склада и незаконно сбыли с

рук с целью получения наживы.

Несмотря на внушительные размеры Склада, на нем работало всего двадцать восемь постоянных сотрудников. Все они проживали на территории объекта. Случись кража, любой человек из штата складских служащих неизбежно оказался бы замешан. И, по всей видимости, только один из них, а именно, доктор Хишкан, мог выбрать из этого безмерного многообразия всякой всячины именно те образцы, которые представляли определенную ценность для заинтересованных лиц за пределами Университетской Лиги. Совершенно естественно, что под подозрение в первую очередь попал именно он.

Это создало непростую, можно сказать, щекотливую ситуацию. Доктор Хишкан в научной среде обладал солидной репутацией. Кроме того, некоторые его друзья занимали в структуре Лиги довольно высокие посты. Прежде, чем предъявить обвинение, необходимо было собрать неопровержимые доказательства его вины…

Дейнстар Джеймс и Ковин Вергард приступили к делу осторожно. Они потихоньку нащупывали верный путь, двигаясь по которому можно было рассчитывать на успех. При необходимости они, конечно, могли потребовать помощь извне,

однако у них были весьма ограниченные возможности по передаче информации за пределы Склада. Энергетический барьер представлял собой непреодолимую преграду для сигналов потайного передатчика. В лучшем случае им можно было пользоваться несколько раз в день, в те короткие промежутки времени, когда грузовые космолеты или космические «челноки» проходили через терминалы впускного и выпускного шлюзов. Вообще-то у складских операторов связи имелась возможность работать через Барьер. Однако для этого приходилось находиться в главном помещении контрольной станции неподалеку от терминала выпускного шлюза и постоянно быть на виду.

Две вещи прояснились почти сразу же. Первая: о цели их прибытия на Склад здесь сразу стали догадываться, если уже не знали наверняка. И вторая: все служащие Университетской Лиги, прикрепленные к Складу, начиная с доктора Хишкана и кончая сторожами, в той или иной мере принимали участие в хищениях. Воровство не носило случайный, беспорядочный характер, а было хорошо организованным предприятием — с налаженными внешними каналами сбыта и прочными связями в Лиге, дабы периодически

отмазывать расхитителей от всяческих проверок и расследований.

Если бы не уникальная способность Вергарда незаметно и беспрепятственно перемещаться по территории, с которой ему надо было ознакомиться, и если бы не аппаратура Дейнстар, которую невозможно было засечь, их миссия завершилась бы провалом, не успев начаться. Однако вот уже несколько дней они по крупицам собирали важные сведения. Интересно, что доктор Хишкан отнюдь не намеревался прекращать свою предосудительную деятельность. Его даже не смущало присутствие на подчиненном ему объекте двух сыскных агентов. Видимо, для него слишком много значила эта самая деятельность, чтобы ее можно было отложить до поры до времени, когда парочка псевдо-связистов уберется восвояси, так ничего и не вынюхав. И в самом деле: расследование, затеянное Лигой, и проводимое Дейнстар с Вергардом, толкало доктора на ускоренное осуществление своих намерений. Ведь теперь его запросто могли лишить руководства Складом, основываясь всего лишь на одном подозрении.

Дейнстар и Вергард продолжали работать над реконструкцией систем связи на Складе и, надо

сказать, порядком в этом преуспели. В качестве техников-связистов им предстояло трудиться примерно в течение трех месяцев. Так что они особо не беспокоились, что управятся со своей официальной работой слишком быстро и не успеют завершить свою тайную миссию. И во время работы, и во время перерывов Дейнстар наблюдала, подслушивала, записывала, а Вергард прокрадывался во все закоулки, куда только можно. Тем временем злоумышленники тоже не дремали. В течение последних двух недель доктор Хишкан отлучался со склада много раз. Он отсутствовал по несколько часов. Чтобы он ничего не заподозрил, за пределами Склада слежку за ним не вели. План заключался в том, чтобы позволить ему сделать все необходимые приготовления — условиться о встрече с перекупщиками и прочее, — а потом взять с поличным. В тот момент, когда он вывезет собственность Университетской Лиги за пределы Склада и станет передавать ее скупщикам краденого.

Несмотря на свою воровскую деятельность, обязанности научного руководителя доктор Хишкан выполнял совершенно безукоризненно.

Вскоре с большой точностью удалось установить, какой именно экспонат доктор Хишкан

собирается продать на этот раз. На первый взгляд вариант казался мало обещающим: глыба астероидного материала весом с полтонны. Однако, судя по всему, Доктор Хишкан усмотрел-таки в ней нечто любопытное. Ее изъяли из хранилища и сейчас держали в специальном полуподвальном помещении неподалеку от директорской конторы в главном здании Склада. Этот полуподвал, а по сути, настоящий бункер, не охранялся — по-видимому, во избежание постороннего интереса к его содержимому — но, тем не менее, был заперт на несколько солидных замков. Как-то ночью Вергарду пришлось помудрить над ними несколько минут. Потом за сорок секунд, а то и меньше, он вскрыл их один за другим. Разместив в бункере определенное количество аппаратуры для слежки, которую предоставила ему, естественно, Дейнстар, он запер за собой те же замки и благополучно удалился.

С помощью этой аппаратуры вскоре удалось выяснить, что доктор Хишкан сразу по возвращении на Склад после своей третьей по счету отлучки забрался в бункер и более часа провозился с экспонатом. Своими действиями доктор выявил следующее обстоятельство: предмет его воровских вожделений оказался своеобразным

чемоданом с двойным дном. Этот псевдообломок астероида обладал толстой оболочкой, как бы склеенной из множества «слоев».

Эти «слои» были способны отделяться друг от друга; и в них были упрятаны какие-то непонятные с виду приборы. Хишкан производил с ними различные манипуляции, что в какой-то момент вызвало короткий, но невероятно мощный электростатический разряд в диктофонах Дейнстар.

Дождавшись момента, когда очередные грузовые космолеты покидали территорию Склада, Дейнстар отправила краткое закодированное сообщение своим коллегам, которые дежурили по ту сторону Барьера. Она призвала их быть готовыми к предстоящей, возможно, краже и описала артефакт, который намеревались тайно вывезти за пределы Склада. На следующий день, аналогичным путем, она получила подтверждение приема ее шифрограммы, а также сводку текущих событий. Оказалось, что электростатический разряд, о котором она доложила во время своего предыдущего выхода в эфир, был тут же подхвачен и усилен аппаратурой непонятного происхождения, разбросанной в космосе на протяжении целой трети расстояния до ближайшего скопления солнц Ядра Звездного Скопления. В

сводке высказывались некоторые соображения по поводу источников этого колоссального по силе разряда. Похожие электростатические помехи были отмечены примерно три недели назад. Причем, они носили тот же загадочный характер одновременного и широкомасштабного подхватывания с одновременным усилением теми же приборами неизвестного происхождения, рассредоточенными в космическом пространстве.

Тем временем Вергард добыл журнал с записанной в нем историей злополучного экспоната и снял копию.

Итак, «астероид» был обнаружен на окраинах Преисподней. Его подобрал на пути к пылевому космическому облаку один из трех кораблей экспедиции, снаряженной Университетской Лигой — единственный уцелевший корабль. «Астероид» испускал неравномерную, тоненькую, едва уловимую струйку радиации. Поэтому его привезли на Мецмиали и поместили на Склад Нестандартных образцов. Там он и провел все эти годы, дожидаясь дальнейших исследований. Мысль о том, что излучение могло иметь искусственное происхождение, никому в голову не приходила. Наконец доктор Хишкан обратил свое пристальное внимание на эту глыбу из Преисподней.

— Блуждающий в космосе, — произнесла в задумчивости Дейнстар. — Так ведь это же сигнальное устройство! Инопланетное сигнальное устройство! И, вполне вероятно, оно принадлежит тем, кто погубил наши корабли в Преисподней.

— Похоже на то, — согласился Вергард и после непродолжительной паузы добавил: — Вообще-то мы находимся здесь, чтобы прижать Хишкана к ногтю и остановить разбазаривание Склада…

— Разумеется, — согласилась Дейнстар, — но мы не вправе допустить того, чтобы эта штуковина пропала. Она просто необходима Федерации. С тех пор, как стали подозревать, что в Преисподней таится нечто враждебное людям, причем, активно враждебное, мы уже кое-что разузнали. А эта штука расскажет о тех, кто ее соорудил, неизмеримо больше. Судя по ней, можно даже отчасти понять, что они из себя представляют…

Вергард с пониманием внимал напарнице. За последние восемьдесят лет в Преисподней бесследно исчезло более двух сотен кораблей, пытавшихся исследовать это плотное пылевое облако. Большей частью это были крупные суда Федерации повышенной проходимости. Навигационные условия в Преисподней были

едва ли не самые худшие из всех известных. Ее субпространство представляло собой бурлящие в полном беспорядке энергетические вихри, в глубь которых не отваживался нырять ни один корабль. Продвигаться же обычным пространственным способом означало ползти вслепую сквозь сумрачную среду, которая простиралась на добрых двенадцать световых лет. При вхождении в пылевое облако связь с другими кораблями и станциями, оставшимися за его пределами, терялась почти мгновенно. На ближних подступах к Преисподней работало несколько экспедиций и работало небезуспешно. Но корабли, предпринимавшие попытку проникнуть в ее глубины, никогда не возвращались домой. В немногих отрывочных сведениях, поступивших с этих кораблей, сообщалось, что наряду с естественными опасностями Преисподняя таит в себе враждебные разумные силы.

— Мне помнится, — промолвил Вергард, — что на одном из пропавших кораблей у тебя служил родной брат, верно?

— Да, — отозвалась Дейнстар с грустью. — Уже восемь лет прошло с тех пор, как он… После этой утраты я места себе не находила; думала, не переживу… С корабля пришло сообщение, что

весь экипаж гибнет от последствий применения какого-то оружия, похожего на радиационное… Это было последнее сообщение.

— Ну, хорошо, — сказал Вергард. — Я прекрасно понимаю твои чувства. Давай передадим эту штуковину военным ученым — и дело с концом! Понимаешь, мне не по душе завалить нашу операцию из-за одного, пусть и очень важного, артефакта…

— Ничего заваливать не придется, Вергард! Тебе нужно сделать так, чтобы я попала в этот бункер сегодня ночью, конечно, если это возможно. Мне понадобится примерно два часа, чтобы досконально изучить этот феномен.

— Два часа?

На лице Вергарда отразилось сомнение.

— Да, не меньше. Я хочу выяснить, какого характера источник энергии, который там используется. Ведь он позволяет лучу пробиться сквозь рядовую электростатическую защиту, не говоря уже о силовом барьере Склада. Вполне возможно, мне удастся понять принцип его действия и в дальнейшем изготовить аналоги его энергетической системы или хотя бы ее части.

— Не забывай, патруль каждый час делает обход этого участка. Тебя могут схватить.

— А вот и не схватят! Хочешь пари?!

Вергард хмыкнул.

— Ну ладно, что с тобой поделаешь! Организуем тебе экскурсию в спецбункер доктора Хишкана…

О результатах своего обследования она рассказывала Вергарду так:

— Ну конечно, как я и предполагала, это импульсный отражатель. Локатор дальнего действия, откровенно примитивный. По-видимому, служит курсовым маяком для кораблей. Теперь о сигнальном устройстве… Он ловит импульсы и отзывается на них любым из четырнадцати типов сигнала. Хишкан, скорей всего, запустил все четырнадцать скопом, поэтому и получился такой мощный разряд. Мне думается, он и сам не понимал, что делал.

— Должно быть, выгодная вещь для продажи, — заметил Вергард.

— Без сомнения! Что же касается мощности, то он на сорок процентов эффективнее наших лучших передатчиков — тех, что мне известны на сегодняшний день. Тут уж — никакого примитива! Тот, кому попадет в руки сей «экспонатец», сможет составить реальную конкуренцию системе КомСеть.

Помолчав немного, она продолжила:

— Тут-то и начинается самое интересное… Вергард, эта штука очень старая Просто технологическое ископаемое! По-моему, она не эксплуатировалась и не подвергалась техосмотру в течение последних пяти веков! И все равно пребывает в рабочем состоянии — центральные ее участки так хорошо защищены, что за все эти столетия практически не пострадали. Правда, отдельные части на периферии уже начали разрушаться, либо вообще отвалились. Все это звучит несколько зловеще, тебе не кажется?

Вергард встревожился.

— Да, пожалуй. Если аппаратура чужаков уже пять сотен лет назад превосходила наши самые удачные разработки современных систем…

— Причем, по многим весьма важным показателям, — добавила Дейнстар. — Мне не удалось подобрать ключ к разгадке действия этого устройства. Но я просто уверена, что в нем заложен какой-то оригинальный принцип работы… Что и позволяет сигналу продраться сквозь все помехи Преисподней. Эх, вот если бы у наших кораблей имелась подобная аппаратура…

— Ладно, — сказал Вергард, — мне все ясно. Но давай все-таки устроим так, чтобы Хишкан попался нам на крючок. Как тебе такое предло-

жение: при первой же возможности ты пошлешь кодированное сообщение обо всем, что тебе удалось узнать, и о том, какое это может иметь значение. И обязательно передай ребятам, чтобы они сразу же переслали эту информацию федеральным агентам.

Дейнстар кивнула.

— А еще я им скажу, что мы будем продолжать работу, как и запланировано, но чтобы на случай нашего провала они стерегли эту «безделушку» снаружи. Не дай Бог, еще ускользнет куда-нибудь.

— Я тоже подумал об этом, — сказал Вергард. — Федералы просто обязаны с нами сотрудничать: мы ведь преподнесем им драгоценную «безделушку» на блюдечке.

Вергард ушел, а Дейнстар принялась составлять радиограмму. Через четверть часа, когда эфирное сообщение было уже почти закончено, по ее личному интеркому раздался голос Вергарда. Он сообщил, что впускной шлюз открылся, чтобы запустить внутрь космический «челнок», а затем вновь затворился.

— Я не поручусь, — сказал он, — что этот «челнок» доставил сюда припасы, либо новые образцы.

Он выдержал паузу, а потом вдруг быстро заговорил:

— Ага, так и есть! Можешь сама полюбоваться!.. Слушай, тут какие-то вооруженные субъекты подкрадываются с разных сторон к моему участку. Мне надо срочно линять… Ей-богу, складывается такое впечатление, что кто-то поклялся нас выследить!

Дейнстар услышала щелчок — отключился передатчик. Она тихонько выругалась и включила монитор, передающий изображение территории Склада в районе впускного шлюза. Там стоял «челнок» внушительных размеров. Из него выходили люди. Было совершенно очевидно, что на борту корабля нет ни провианта, ни новых образцов.

Дейнстар уставилась на экран, покусывая губы. Через несколько часов такой поворот событий они с Вергардом встретили бы во всеоружии! За это время грузовой космолет, доставляющий провиант из города каждые двое суток, успел бы прибыть, разгрузиться и отправиться в обратный путь. И когда для него открыли бы шлюз, агенты Киф, находившиеся за внешними границами Склада, приняли бы сигнал о том, что необходимо срочно организовать западню для похитителей

образцов. А полчаса спустя любое средство передвижения, покидающее территорию Склада без полученного от Дейнстар шифрованного «пропуска», немедленно задерживалось бы и подвергалось тщательному досмотру.

И вот теперь, нежданно-негаданно, у них возникли проблемы. Мало того, что на территорию Склада уже просочились контрабандисты, так ведь они еще запросто могут «позаботиться» о двух псевдотехниках, которые приставлены следить за каждым шагом доктора Хишкана. Разумеется, Дейнстар Джеймс и Ковин Вергард в состоянии сделать так, чтобы их местоположение было очень трудно обнаружить. Но если даже их и не удастся выследить, артефакт из Преисподней все равно может быть погружен на «челнок». Похитители смогут спокойно улизнуть с ним, а, может быть, прихватить с собой заодно и доктора Хишкана, и парочку его главных сообщников, окопавшихся в администрации Университетской Лиги. Конечно, Дейнстар сразу же пошлет вдогонку за ними сигнал тревоги… но уж больно все это ненадежно! Космические «челноки» такого класса были чрезвычайно скоростными и маневренными, а этот, небось, имеет на борту и мощное вооружение вдобавок. Был, конечно, мизерный

шанс, что оперативным работникам Киф удастся перехватить беглеца до того, как он состыкуется с кораблем-носителем и вместе с ним покинет пределы планетной системы Мецмиали… Но на эту возможность не приходилось рассчитывать всерьез.

Нет уж, подумала Дейнстар, гостям доктора Хишкана придется малость здесь задержаться! Ей с Вергардом надо во что бы то ни стало заставить их пробыть на Складе хотя бы несколько часов. Иначе вся конспирация пойдет насмарку!

Приняв твердое решение, она включила еще с полдюжины мониторов и подсоединила к ним диктофоны. Затем быстро прошлась по комнате, делая кое-какие приготовления на случай непредвиденных обстоятельств, и вернулась к своему столу. Покончив с составлением сообщения коллегам, она запустила текст в маленький передатчик с автокодированием. Тот сразу же исчез в глубокой нише в стене, где располагались и другие важные устройства.

Глубоко вздохнув, Дейнстар уселась на свое место, чтобы внимательно следить за происходящим на экранах. Теперь по мониторам можно было наблюдать за очень интересными событиями. Одновременно она с нетерпением ожидала

новой связи с напарником.

Прошло еще несколько минут. Дейнстар принялась просматривать те зоны Склада, куда Вергард мог заскочить со своей потайной камерой-шпионом. Затем на экране внезапно появилось его лицо.

— Сейчас тут чисто, — сказал он. — Послушай, Дэнни, а ведь эти типы подобрались к нам довольно близко! Тебя пока никто не беспокоил?

— Пока никто, — ответила Дейнстар, — но вскоре это обязательно произойдет. Управляющий Складом и трое из «челнока» пару минут назад прошмыгнули в коридор. Сейчас они выжидают за дверью.

— Чего выжидают?

— Не чего, а кого. То есть, тебя. Они, наверное, решили, что ты у меня и когда-нибудь все-таки высунешься.

— Им известно, что ты в комнате?

— Очевидно. У одного из них — биодетектор.

— У группы, которая охотится за мной здесь, прибор совсем другой, — сообщил Вергард. — Вот почему они потратили такую уйму времени, прежде чем разойтись не на шутку. Мне-то что: на мне — противозахватный костюм. А как ты — неужели вознамерилась позволить им себя

взять?

— Да ведь у меня на это вся ставка! Давай я тебе вкратце объясню…

Итак, восемь контрабандистов, прибывших на «челноке», очевидно, собирались действовать в качестве посредников при перепродаже артефакта из Преисподней. Они прямиком направились в кабинет доктора Хишкана, который находится в главном здании Склада. Один из настенных мониторов Дейнстар как раз и транслировал кабинет доктора, когда контрабандисты туда вошли. Экспонат был уже доставлен из бункера и стоял в углу. Дейнстар внимательно проследила, как компания перекупщиков подошла к предмету сделки и принялась обсуждать условия.

Главарь контрабандистов по фамилии Уолхем и его помощник Гэйлстер, который в процессе беседы, кстати, продемонстрировал недюжинные научные познания, обладали повадками профессионалов экстра-класса. Во-первых, это были настоящие бизнесмены. Во-вторых, они прекрасно знали свое дело. И, в-третьих, свои незаконные действия они рассматривали только как рассчитанный и оправданный риск, ибо он с лихвой окупал как моральные, так и материальные издержки выбранной ими профессии.

Именно поэтому, будучи контрабандистами-профи, они являлись более надежными партнерами, нежели те, которые принадлежали к кругу таких людей, как сам доктор Хишкан. Интеллектуалы, волею судеб вступившие на преступную тропу, совершенно не обладали никакими моральными устоями. Они вели себя при заключении незаконных сделок по-дилетантски и были трусливы, как зайцы. Дилетанты с горящими от предвкушения огромного барыша глазами и с оружием в руках были абсолютно непредсказуемы. С ними следовало всегда держать ухо востро. В отличие от интеллектуалов, Уолхема и Гэйлстера трудно было «взять на пушку», поскольку они являлись людьми, способными под нажимом обстоятельств трезво мыслить и хладнокровно действовать.

Вот Дейнстар и собиралась оказать на них существенный нажим…

— Насчет нас они полностью не уверены, — заявила она Вергарду. — Хишкан знает, что мы — шпионы, подосланные Лигой. Но он также уверен и в том, что нам не удалось обнаружить ничего предосудительного. А вот Уолхем жаждет удостовериться в этом. Поэтому он послал Хишкану просьбу отловить нас еще до его появления

на Складе. Хишкана беспокоит перспектива оказаться вовлеченным в умышленное убийство по предварительному сговору. Однако ему пришлось с этим смириться.

Вергард понимающе кивнул:

— На данном этапе у него особого выбора нет. Ну, что ж, валяй. Играй с ними в открытую. Точнее, почти в открытую. Я вас послушаю, но выдавать себя не буду, — если только это не станет необходимым условием в твоей игре. Пока они меня не сцапали, твоя жизнь вне опасности. Кстати, ты уже приобрела иммунитет к допросу с пристрастием?

— Ага. — Дейнстар взглянула на часы. — Накачалась по горло этой дрянью двадцать минут назад. Сейчас она действует с максимальным эффектом, так что мне надо скорей войти с ними в контакт.

Лицо Вергарда исчезло с экрана. Дейнстар включила звук настенного монитора, который показывал собравшихся в кабинете у доктора Хишкана. Два набора диктофонов записывали все, что там говорилось. На них уже собралось достаточно материала, чтобы предъявить доктору Хишкану обвинение по целому ряду пунктов. Одна группа диктофонов являлась приманкой.

Эти диктофоны были спрятаны в стене достаточно хитроумно, но все же не настолько, чтобы их нельзя было обнаружить при осмотре. Второй же комплект диктофонов, спаренный с первым, был упрятан исключительно надежно. Аналогичные мероприятия Дейнстар проделала и с некоторыми другими устройствами, обнаружение которых было абсолютно недопустимо. Когда контрабандисты «откопают» в комнате у Дейнстар столь обширный набор всевозможных миниатюрных приспособлений для электронного шпионажа, им покажется невероятным, что здесь можно спрятать еще что-нибудь.

Последний раз Дейнстар окинула взглядом свое убежище. К визиту гостей она подготовилась самым скрупулезным образом, сделав все, что было в ее силах. Она слегка облизала губы и повернула крошечный тумблер на своем поясе управления. Ее пальцы скользнули на полсантиметра в сторону, нащупали выключатель и поставили в необходимое положение. Потом ее взгляд вновь переместился на изображение интерьера кабинета доктора Хишкана.

В этот момент там находились только Хишкан, Уолхем и Гэйлстер. Трое людей Уолхема, а также заведующий Складом Торнелл ждали в прием-

ной. Оставшуюся троицу отправили на поиски Вергарда. Скалистая глыба лже-астероида покоилась по-прежнему в углу. Некоторые его участки были вскрыты, и Гэйлстер с интересом рассматривал несколько приборов, извлеченных оттуда.

Видимо, доктор Хишкан нервничал и торопил с заключением сделки. В настоящую минуту Гэйлстер говорил Уолхему:

— Кажется, наш приятель никак не возьмет в толк, что если клиенты заплатят за этот образчик сполна, то они приобретут эксклюзивное право как на его изучение, так и на практическое применение полученных знаний.

— Господи! — выпалил доктор Хишкан. — Ну, конечно, я это понимаю!

— Тогда вот что я скажу, — продолжил Гэйлстер. — Не помешало бы получить от вас подробное разъяснение по поводу того странного факта, что по некоторым сборочным узлам были изготовлены аналоги!

— Какие еще аналоги? — зрачки доктора Хишкана расширились от изумления и в то же время подозрения. — Да это просто смешно! Я…

— Ты это серьезно? — заставил прерваться его Уолхем, обратившись к своему помощнику.

— Абсолютно, — сказал Гэйлстер. — Из четы-

рех агрегатов, которые я уже проверил, исходит фиксируемое сдвоенное излучение. Нет смысла отрицать это, доктор. Мы хотим знать, зачем вы изготовили дубликаты, и что вы с ними сделали?

— Прошу прощения! — чеканным голосом произнесла Дейнстар в направленный микрофон, когда доктор Хишкан негодующим тоном, запинаясь от волнения, принялся отрицать сказанное Гэйлстером. — Я могу объяснить, в чем тут дело. Дубликаты находятся здесь.

Вслед за тем, как в кабинете раздался ее голос, там на некоторое время воцарилось молчание. Все стали искать глазами направо и налево. Потом, словно повинуясь общему порыву, мужчины повернулись к настенному монитору, на котором возникло изображение Дейнстар.

Доктор Хишкан с облегчением перевел дух, и все же не удержался от череды вопросов:

— Что..? Почему..? Да это просто..!

— А-а… мисс Джеймс! Техник службы связи, если не ошибаюсь, — проронил Уолхем.

— Разумеется, это я, и никто другой, — отрезала Дейнстар. — Уолхем, я подслушала все ваши словопрения. Учтите, что, появившись здесь, вы загнали себя в угол. Тем не менее, мы можем и

договориться — в зависимости от обстоятельств.

Контрабандист внимательно разглядывал девушку. Он был строен, этот начинающий стареть блондин. У него было умное лицо с резкими, запоминающимися чертами. Коротко улыбнувшись, он произнес:

— И вы допускаете, что мне придется по душе предлагаемый вами договор?

— Если вам придется по душе возможность выбраться отсюда. Именно это я вам и предлагаю.

Взор доктора Хишкана с нарастающим недоверием забегал между монитором и лицом Уолхема. Наконец он злобно заявил:

— Что за чушь! Надо найти эту нахалку и привести немедленно сюда! Мы должны выяснить, что это за…

— Мне кажется, — мягко оборвал его Уолхем, — что с возникшей ситуацией я справлюсь лучше. Мисс Джеймс, вы здесь находитесь с целью добыть улики противоправной деятельности доктора Хишкана. Я правильно трактую?

— Да.

— Вы и ваш напарник, мистер Вергард, — детективы Университетской Лиги?

— Вот тут вам несколько не повезло, Уолхем! Мы — частное агентство. А значит, имеем ли-

цензию от правительства Федерации и обладаем всеми возможными привилегиями.

— Я догадывался об этом, — осклабился Уолхем. — Чувствуется в вас эта легавая порода, будь она неладна… Я знаю ваше агентство?

— Киф, Межгалактическое.

Уолхем немного помолчал, потом произнес:

— Понятно… Мистер Вергард доступен для переговоров?

— Нет. Будете общаться только со мной.

— Ну, что ж… пожалуй, этого будет вполне достаточно. Вы, конечно, понимаете, что я не собираюсь принимать ваши условия только под ваше честное слово.

— Нисколько в этом не сомневалась с самого начала.

— Тогда давайте перейдем от слов к делу. — Лицо контрабандиста посуровело и стало сосредоточенным. — Мои люди стерегут вашу комнату. Отоприте им дверь.

— Пожалуйста.

Дейнстар повернулась к пульту управления дверным замком, вмонтированному в стену. Уолхем вынул из кармана переговорное устройство. Они оба прекрасно понимали друг друга. Последнее, чего бы хотел авантюрист вроде Уол-

хема, — это допустить, чтобы ему на хвост село крупное частное детективное агентство. Если такое случалось, то любая ошибка контрабандиста зачастую становилась фатальной. Для таких агентств не упустить жертву было делом принципа и, естественно, репутации. Но если Уолхему и ему подобным предоставлялся хоть малейший шанс смыться вместе с добычей, не оставив свидетелей, они, не раздумывая, использовали эту возможность. Жизни Дейнстар ничто не угрожало до тех пор, пока люди Уолхема не добрались до Вергарда. А случись это, безопасность ей будет обеспечена только в том случае, если перекупщикам постоянно внушать, что они находятся в западне, из которой нет выхода. Через несколько часов они и в самом деле окажутся в ловушке, однако, в настоящий момент это было далеко не так. Все поступки Дейнстар и были нацелены на то, чтобы контрабандисты этого не поняли.

Щелкнул замок. В комнату Дейнстар быстро, но осторожно вошли четверо. Трое из них были контрабандистами, четвертого звали Торнелл, он заведовал Складом. Вошедший первым замер у двери, не забыв направить оружие на Дейнстар. Его товарищи стали медленно приближаться к девушке, не спуская с нее глаз. Дело свое они

знали туго, однако только что были проинформированы своим главарем, что и Дейнстар знала свое не хуже. Оружие, нацеленное на нее, было выставлено отнюдь не для показухи.

— Для начала, Декрейн, — раздался голос Уолхема из монитора, — попроси у мисс Джеймс, чтобы она передала тебе свой ремень управления.

Дейнстар расстегнула пояс, не сделав ни одного лишнего движения, и вручила его здоровенному белобрысому детине, который переминался с ноги на ногу прямо против нее. С точки зрения контрабандистов, ее поведение было крайне разумно. Ведь они считали, что вырывают у ядовитой змеи жало. На самом-то деле пояс мог и не понадобиться.

Декрейн выдвинул стул, велел пленнице сесть на него и держать руки на виду. Дейнстар повиновалась, и человек с оружием отошел от двери и принялся караулить девушку с расстояния трех метров. Декрейн и еще один член шайки приступили к обыску помещения, используя специальные индикаторы. Делали они это быстро и квалифицированно. Торнелл, соучастник доктора Хишкана, — такой же дилетант в преступных деяниях — наблюдал за происходящим, то и дело недоуменно поглядывая то на Дейнстар, то на

ее конвоира. Он никак не мог уразуметь, зачем в отношении такой хрупкой на вид девушки принимаются столь серьезные меры предосторожности.

За шесть минут Декрейн и его напарник обнаружили ровно столько, сколько и было задумано Дейнстар. Когда пучки лучей, испускаемые индикаторами, добирались до спрятанного по-настоящему оборудования, исходящее от него мягкое излучение, накладывало, на излучение индикаторов, способствовало ровному, без дрожания, прохождению лучей индикаторов сквозь защищенные зоны.

Коллекция экзотических устройств, которую Декрейн разложил на рабочем столе Дейнстар, производила просто неизгладимое впечатление. Этим притуплялась бдительность гостей, на что и рассчитывала Дейнстар. Когда Декрейн объявил об очередной находке, Гэйлстер в задумчивости изрек из монитора:

— Значит, вы используете опасный для здоровья противодопросный наркотик, мисс Джеймс?

— Да, вы правы, — призналась Дейнстар. — Но он вполне надежен. И к тому же мой организм его хорошо переносит.

— Сколько же вы на этот раз приняли?

— Свою предельную дозировку — шестьдесят пять единиц. Действует десять часов плюс-минус пятнадцать минут.

Она говорила правду. Выработанная способность поглощать непомерные дозы «противопыточного» не раз ее выручала. Однако уже треть названного количества считалась потенциально смертельной. Декрейн с секунду подозрительно рассматривал девушку, словно оценивая степень ее принадлежности к человеческому роду. Вообще, Декрейн производил впечатление малого флегматичного и туповатого. Череда паукообразных приборов, которые не походили ни на одно устройство, с которым ему прежде приходилось сталкиваться, повергла его в состояние умственной апатии. Когда же из «безразмерного» саквояжа Дейнстар был вытащен целый набор париков самой немыслимой расцветки, парень совершенно обалдел.

— А теперь вас приведут сюда, мисс Джеймс, — проговорил Уолхем, состроив кислую мину. — Я предпочитаю, чтобы наше с вами общение проходило в спокойной деловой атмосфере, поэтому в первую очередь Декрейн вас тщательно обыщет. Уверяю вас, что при этом он будет вести себя, как джентльмен — в меру своих сил и способностей,

разумеется.

— Ни чуточки в этом не сомневаюсь, — миролюбиво заметила Дейнстар. — Ибо, если он будет вести себя по-иному, сохранность его шкуры тоже станет предметом обсуждения при заключении нашей с вами сделки.

У Декрейна заходили на скулах желваки, но он продолжал невозмутимо упаковывать часть аппаратуры, с которой хотел познакомиться Гэйлстер непосредственно. Торнелл хохотнул, было, но, уловив взглядом выражение лица гиганта, испуганно осекся.

* * *

Наполовину вещественное, наполовину энергетическое «тело» гойала ползло под корой планеты к Складу Нестандартных образцов. Оно изредка отклонялось от курса, чтобы избежать возмущения своего энергетического поля под воздействием излучения, исходящего от крупных городов. Его бесчисленные ячейки гудели согласованными координирующими импульсами направления и цели. Прежде, за всю тысячу лет своего существования, гойал был знаком только с планетами Преисподней. Эти сумрачно освещенные своими звездами миры блуждали во тьме

пылевого облака, словно лоскуты светящегося тумана. Некогда эти миры поддерживали существование цивилизации очень изобретательных существ, которые называли себя Строителями.

Строители создали космические корабли, способные нестись среди космической пыли со сверхсветовой скоростью, не получая при этом никаких повреждений. Они разработали навигационную систему, которая позволяла безошибочно прокладывать курс в бесформенных скоплениях пылевой бездны. В условиях пылевого облака обычные средства связи не работали. В итоге Строители добрались до границ Преисподней… и дальше не стали продвигаться. Почему? По их космогоническим представлениям, пылевое облако бесконечно простиралось в глубины вселенной. Строители ужаснулись, когда осознали, что оно не беспредельно. Им показалось, будто оно висит в мистической, пугающей, невероятно открытой Пустоте…

Сами они не отважились нырнуть в это страшное, мерцающее, враждебное Ничто. Подобный поступок казался им просто немыслимым. Однако побуждение заняться исследованиями Пустоты вскоре переросло в поиски других способов проникновения в ее глубины. Многие

десятилетия Строители были заняты поисками этих способов. Наконец они остановили свой выбор на одном из них. Средство, с помощью которого они надеялись осуществить свой замысел, представляло собой некую скромную форму жизни, повсеместно встречающуюся в Преисподней. Ее основу составляло не вещество, а энергия. Эта жизнеформа могла существовать как в открытом космосе, так и на планетах.

Инженерный и научный гений Строителей позволил им зародить в ее среде своеобразный электромагнитный импульс. Слившись с окружающим энергетическим полем, он стал целенаправленно образовывать в нем согласованные, совпадающие по частоте, и, вследствие резонанса, все более и более увеличивающиеся в суммарном количестве энергетические ячейки. Конечным результатом усилий Строителей и стал гойал. Это существо мыслило и действовало, как личность, в то время как в своей структурной основе оно продолжало оставаться гигантским роем простейших прототипов энергетической жизни, с которыми начинали работать Строители. Гойалу суждено было стать их галактическим разведчиком. Из него готовили разумного, обладающего великолепной приспособляемостью

слугу. Гойал мог существовать и самообеспечиваться в открытом космосе так же легко, как и на планетах, которые попадались ему на пути.

С этой точки зрения гойал был наивысшим инженерно-биологическим достижением Строителей. Но в то же время его можно было считать и памятником их безнадежной глупости. Они одарили его уймой уникальных, потрясающих способностей; наделили проницательным специфическим разумом… но забыли вложить в него способность испытывать такое чувство, как благодарность. Когда до него дошло, что он стал гораздо сильнее своих создателей и гораздо проворнее их кораблей, неблагодарный монстр обрушился на Строителей всей своей мощью, навязав им тотальную истребительную войну. Он завоевывал их планеты одну задругой, пока всего через какое-то столетие с небольшим не стал единственным хозяином Преисподней.

Долгое время никто не оспаривал его превосходства. Он свободно перемещался в пределах своей вотчины — колоссального пылевого облака — управляемый локаторной системой, разработанной Строителями, подпитываясь энергетикой туманных планет. Весь этот период у него не возникало представления ни о каком другом

разуме, кроме того, которым обладали Строители и он сам. И вот однажды его локаторную систему потревожил сигнал, который не появлялся с тех пор, как был уничтожен последний Строитель. Неизвестный объект, излучающий энергию явно искусственного происхождения, попал в поле восприятия радиационных сенсоров гойала.

Как огромный паук, который устремляется к жертве по нитям своей паутины, гойал стрелой кинулся по локаторным импульсам через Преисподнюю к этому объекту. В точке возмущения он обнаружил чужой корабль, медленно, вслепую пробиравшийся сквозь пылевой космический мрак. Без колебаний гойал забрался на борт и пронесся по кораблю, сметая на своем пути все живое. В него было заложено понимание технических устройств, и он детально изучил корабль, как некое оригинальное инженерное сооружение. Затем он приступил к изучению убитых им существ. Они явно не были Строителями, однако чем-то эти существа их напоминали. Корабль был спроектирован таким образом, что не реагировал на систему локаторов. Значит, последовал логичный вывод гойала, он прибыл из окружающей Преисподнюю Пустоты…

За этим кораблем вскоре последовали и другие

— поодиночке и группами. Они появлялись, осторожно зондируя удушающий туман на предмет избежания опасностей. И сами существа на этих кораблях, и их аппаратура были укрыты за всевозможными защитными приспособлениями. Они казались вполне надежными, но только до тех пор, пока их надежность не проверял гойал. На его взгляд, защитные экраны, обволакивающие корпуса кораблей, были чересчур легковесны. При соприкосновении с ними он не испытывал абсолютно никаких затруднений. А стоило ему просочиться сквозь экран, как экипаж чужого корабля оказывался полностью в его власти.

Настойчивость, с которой эти существа продолжали вторгаться в его владения, сильно тревожила гойала. Некоторых пришельцев он оставлял в живых еще на некоторое время, — чтобы изучить поподробнее. Он манипулировал пленниками, ставил на них всевозможные опыты… Постепенно у него сложился определенный образ враждебной цивилизации из Пустоты. Ее, как и Строителей, необходимо было уничтожить, дабы удержать свое господство над Преисподней.

Он не собирался предпринимать путешествие в Пустоту в одиночку. Некоторые участки своего

полувещественного-полуэнергетического тела он разместил на планетах Преисподней. Эти участки были незрелыми. В отличие от «материнского тела», они не могли перемещаться в космосе. Кроме того, они не обладали достаточным коммутативным разумом, чтобы научиться подпитываться энергией от окружающих планет. Тем не менее, они росли и развивались. Со временем они должны были превратиться в полноценных существ, подобных гойалу. Вместе с ними он и собирался осуществить смертоносный прыжок в Пустоту. А пока рассчитывал только оборонять Преисподнюю от слепых пришельцев. И еще ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы враждебная цивилизация догадалась о его существовании.

Потом случилось непредвиденное. Целый участок системы локаторов внезапно вышел из строя. Из-за этого оставшаяся часть системы стала работать с ощутимой погрешностью. Впервые за все время своего существования гойал поневоле осознал степень своей зависимости от технической мысли Строителей… После продолжительного и многотрудного поиска ему удалось обнаружить причину неполадки. С одной из окраин пылевого облака исчез узловой локатор. Его потеря поставила под угрозу всю систему. Вскоре

та могла сделаться абсолютно непригодной к употреблению.

Заменить локатор не представлялось возможным. Все-таки разум гойала был иным, нежели разум Строителей. Он без особого труда научился пользоваться своей аппаратурой, но не мог ее создавать. Теперь он понял, что жестоко ошибся, уничтожив в Преисподней единственную цивилизацию. Ему надо было всего лишь подчинить себе Строителей, чтобы их знания и навыки всегда пребывали в его распоряжении. Теперь он даже начал сомневаться в своих возможностях обнаруживать пришельцев, задумай они снова вторгнуться в его владения. Кажется, он оказался больше не в состоянии пресекать их посягательства на тайны Преисподней. Неотвратимо приближался конец его безраздельного владычества…

Лишенный возможности решить проблему, гойал впал в состояние, сходное с депрессией, и бесцельно блуждал по Преисподней. Его энергия постепенно затухала… Внезапно утраченный некогда локатор (несомненно, это был он!) подал сигнал. Встрепенувшись, гойал поспешил к другим узлам системы. Он обнаружил, что начальные импульсы отдаленного сигнала

ими записаны, мало того, они продолжали фиксировать и последующие. Сигнал зарождался вне пределов пылевого облака; он исходил из Пустоты! Неистовствуя, гойал устремился в направлении сигнала. Он не сомневался в том, что произошло. Один из кораблей чужаков обнаружил локатор на самой границе Преисподней и прихватил его с собой, но теперь… о-о, счастье! Теперь украденное устройство можно вернуть. И оно будет возвращено!

Растянувшись в иглу разреженной энергии протяженностью в миллион километров, гойал ринулся в глубины звездной Пустоты, напрягая до предела сенсорные узлы. Прямо по курсу возникла звезда. Похищенный локатор должен был находиться где-то в пределах его планетной системы. Вскоре гойал заприметил космический корабль чужаков, который двигался в одном с ним направлении. Монстр сблизился с ним и проник на борт. Некоторое время он ничем не выдавал себя, поскольку разрабатывал план дальнейших действий. Гойал мог бы пополнить свои резервы, используя энергию корабля. Но пока звездолет продолжал двигаться по направлению к Мецмиали, гойал решил ничего не затевать.

В итоге он рассчитал такое отклонение от кур-

са, следуя которому можно было переместиться на любую из четырех планет этой солнечной системы за один не очень сильный рывок. Гойал продолжал таиться. Немного погодя, его сенсорные датчики зарегистрировали новую мощную вспышку активности утерянного локатора! Теперь уж он знал наверняка не только планету, на которой ему надо было высадиться, но и локализовать место, где следовало искать локатор — с погрешностью всего в несколько сотен километров!

Из переборок полыхнуло багряным пламенем, охватившим кабину управления. В мгновение ока оно поглотило пилотов. Гойал всосал энергию из двигателей до точки насыщения, покинул корабль и исчез в направлении Мецмиали. Когда корабль вышел на ее орбиту, монстр опять с ним сблизился, просочился сквозь защитный экран и направил корабль к планете.

Он добрался до цели незамеченным, обладая при этом максимальной мощностью. Он совсем не затронул своих резервов. Однако ему предстояло находиться на чужой территории и поэтому пришлось соблюдать максимальную осторожность. Через несколько часов его сенсоры уже абсолютно точно знали, где находится локатор.

Гойал подождал, пока ничего не подозревающие люди высадились с корабля. Никакой значительной активности по поводу прибытия звездолета на территорию космопорта заметно не было. Гойал спокойно стек с корабля в землю. Два существа, которые это увидели, были поглощены до того, как успели об этом сообщить.

Более препятствий на его пути не существовало. Хотя продвижение сквозь сплошное, очень плотное вещество планеты оказалось утомительной процедурой даже по меркам гойала. Тем не менее, он быстрее, чем ожидал, добрался до удаленного и изолированного Склада Университетской Лиги.

Здесь ему пришлось надолго остановиться.

Он подполз к энергетическому барьеру, который окружал местоположение бывшей крепости, и частично проник было через него. Тут же инородные энергетические потоки колоссальной разрушительной силы пронзили его тело с ужасным, как ему показалось, треском и грохотом. В эти жуткие мгновения погибла чуть ли не четверть его сенсорных участков. Оставшимся удалось вырваться из враждебного, яростно бурлящего энергетического поля. Затем пришлось претерпеть мучительный процесс перегруп-

пировки уцелевших участков. «Тело» гойала уменьшилось, его собственная энергия была предельно истощена, однако глубоких, непоправимых повреждений он, тем не менее, не понес.

Коммутативный разум несколько минут оставался напрочь дезорганизованным, но потом вновь стал функционировать в обычном режиме.

Итак, не имелось ни малейшей возможности прорваться через этот проклятый заслон! Гойал никогда не сталкивался с чем-либо подобным. Защитные экраны кораблей пришельцев из Пустоты были хрупкими скорлупками по сравнению с этим барьером. А самые мощные энергетические щиты Строителей едва ли превосходили по прочности эти экраны. Гойал принялся рыскать по всему периметру заслона в поисках бреши. И тут он, наконец, обнаружил впускной шлюз.

Шлюз был закрыт, но гойал имел представление о подобных устройствах и знал, для чего они предназначены. Пропавший локатор находился практически рядом, хотя сенсорные датчики указывали его местоположение из-за энергетических помех нечетко, расфокусированно. Локатор определенно находился где-то на территории этого столь свирепо охраняемого объекта. Гой-

ал понял, что ему надо только выждать. Через какое-то время шлюз откроется, ион проникнет внутрь. Там он уничтожит всех, кто встанет у него на пути, захватит локатор и отправится в обратный путь задолго до того, как на чужой планете заподозрят что-то неладное…

Примерно через час с неба плавно опустился какой-то летательный аппарат, довольно вместительный. Он обменялся позывными с маленьким зданием, расположенным у шлюза с внешней стороны барьера. Гойал узнал язык, на котором звучали позывные. На этом языке общались между собой пилоты кораблей, посещавших Преисподнюю. Одна из секций коммутативного разума без особого труда перевела диалог и доложила в центральный блок:

«Судно доставило провиант и снаряжение. Его прибытия ожидали и сейчас пропустят внутрь через шлюз».

Под поверхностью земли, непосредственно у самого входа в шлюз, Гойал замер в ожидании. Он сжался почти до твердого состояния, чтобы облегчить себе проникновение через шлюз сразу же вслед за аппаратом.

В кабинете доктора Хишкана прибытие грузового корабля ожидалось всеми участниками

событий с одинаковым нетерпением, но их ощущения по этому поводу были различны. Например, Дейнстар в некоторой степени испытала чувство облегчения. Однако расслабляться не следовало. Совсем иное дело — главарь контрабандистов. К сожалению, поступки Уолхема, как любого азартного игрока, отличала некоторая импульсивность. Своими опрометчивыми действиями он запросто мог разрушить ее планы. Да и вообще он был, что называется, крепким орешком.

— Всякий раз, когда Склад собирается покидать корабль с достаточно вместительным трюмом, чтобы принять на борт подобный этому артефакту предмет, мы предварительно передаем кодированное разрешение на пропуск этого корабля до того, как выпускной шлюз захлопнется, — заявила Дейнстар. — Вы не знаете, каким должно быть это сообщение. И его шифровальный код вам не заполучить ни от меня, ни от Вергарда. Следующий «грузовик» или «челнок», которые соберутся стартовать отсюда, не получат наше «добро». Они будут остановлены сразу же на выходе.

Последнее и было как раз основной ложью! Если бы преступники решились рискнуть, то они

бы раскусили это в течение пяти минут!

— Это чистый блеф, — проговорил Уолхем ледяным тоном. — И вы, милая барышня, не удержите нас от ухода, как только мы будем для этого готовы. Причем, нам даже не придется подвергать себя какому-либо риску. Чтобы проверить, являются ли ваши россказни правдой, нам достаточно просто выйти отсюда вместе с «челноком». И мы проделаем это до того, как приступим к погрузке нашего объекта.

— Что же вас, господа, удерживает от этого сейчас? — хохотнула язвительно Дейнстар. — Чего вы ждете?

Смешок прозвучал чуть более нервно, чем обычно; в нем прозвучали чуть более высокие нотки. Сказывались клокотавшие в жилах девушки наркотики — как принятые ей самой, так и те, которые ввел ей Гэйлстер, пытаясь нейтрализовать «противопыточный» эффект. Хотя она предупреждала, что это бесполезное занятие. Теперь, два часа спустя, контрабандисты и сами в этом убедились. После того, как она появилась в кабинете доктора в сопровождении Декрейна и Торнелла и сообщила Уолхему о сложившейся ситуации и о том, что он должен был сделать, негодяи перепробовали все, что только можно. В

течение четверти часа они пытались заставить ее ощущать физическую боль; пытались запугать; намеревались даже проникнуть в ее подсознание с помощью психотропных препаратов. Все это, естественно, без малейшего результата. Разумеется, они могли прикончить ее, что, собственно, и предполагали сделать. Могли изувечить, обезобразить внешность. Но Дейнстар отмела эти мысли на корню. Пойти на убийство они могли, но не было нужды напоминать о цене, которую пришлось бы им заплатить за это впоследствии. Уолхему эта цена была слишком хорошо известна.

Вскоре угрозы прекратились. Уолхем со товарищи либо находился в ловушке, либо нет. Если агентство Киф и в самом деле его «закупорило», то ему придется принять предложение Дейнстар, то есть убраться отсюда со всей своей командой, но без добычи. Он понимал, в чем ее козырь: теперь у Дейнстар с Вергардом на руках железные доводы против Хишкана и его соучастников. Артефакт, какова бы ни была его истинная природа, представлял собой огромную ценность. Если его придется силой отбивать у перекупщиков (причем, схватка с «челноком» неизбежно оказалась бы продолжительной и привела бы к ощутимым

потерям с обеих сторон), то он мог оказаться поврежденным, а то и вообще разрушенным. А за сохранность инопланетных образцов Агентство несло ответственность перед Университетской Лигой. Сам же Уолхем не представлял для последней никакого интереса.

Контрабандисту предоставлялась лазейка, чтобы он убирался отсюда подобру-поздорову. Это Дейнстар ясно дала ему понять. Но ведь он только что оформил торговую сделку, которая сулила грандиознейшую прибыль, самую большую за всю его карьеру, а тут ему заявляли, чтобы он уходил с пустыми руками. Уолхем так и не смог определить однозначно, блефует ли Дейнстар или нет, и эта неопределенность выводила его из себя. Если Склад, в самом деле, находился под внешним наблюдением, — а это утверждение Дейнстар особых сомнений не вызывало, — то отправка «челнока» наружу для разведки с последующим его возвращением, скорей всего, возбудит у наблюдателей из Киф подозрение. Этого оказалось бы достаточно, чтобы задержать «челнок» при повторном выходе со Склада. Принятия такого решения, в сущности, и добивалась Дейнстар от Уолхема.

Главарь был вынужден признать, что решись

он на такой вариант, это было бы чистым безумием с его стороны.

Ожидать прибытия очередного грузового корабля было меньшим риском. Но и ждать Уолхем тоже не любил. Вергарда таки не нашли, а в такой диспозиции контрабандисты понятия не имели, какие еще фокусы приготовили для него агенты Киф. Так что прибытие грузовика хотя бы отчасти являлось решением проблемы. Корабль следовало запустить внутрь, позволить ему разгрузиться, как обычно, и затем отчалить. И чтобы никто из команды «грузовика» даже не почувствовал, что на Складе происходит нечто из ряда вон выходящее. Потом Уолхем пронаблюдает, остановят «грузовик» снаружи для досмотра, или нет. Если это произойдет, Уолхему ничего не останется, как принять условия Дейнстар.

А если не произойдет, он будет знать, что она солгала ему, как минимум, в одном. Правда, на этом затруднения не закончатся. Все равно, до тех пор, пока не будет схвачен или убит Вергард, артефакта отсюда не вывезти. Оба агента Киф узнали об Уолхеме достаточно, чтобы не рассчитывать на успех предприятия без попытки нейтрализовать их обоих на длительное время. Если выпадет шанс сделать это, то он сделает это непремен-

но. При таких высоких ставках Уолхем не был склонен к щепетильности. Но в таком случае межзвездная организация опытных охотников за людьми чуть ли не в полном составе бросится на поиски убийцы двух ее сотрудников…

Как бы события ни сложились для контрабандистов, возможная перспектива Уолхема не впечатляла. Торговая операция, в результате которой ему легко, просто, изящно досталась баснословно дорогая добыча, теперь оборачивалась полным провалом, в лучшем случае, — сомнительным успехом, таящим в себе кучу опасностей. Гэйлстер и Декрейн, видя те же перспективы, вполне разделяли чувства своего предводителя. Что же касается Хишкана и Торнелла, то их положение представлялось куда более безотрадным. Они и сами уже стали догадываться об этом. Если перекупщикам удастся слинять вместе с артефактом, они не захотят оставлять в живых свидетелей, знающих слишком много.

На видеоселекторе появилось лицо охранника с Проходного Пункта впускного шлюза. Он доложил, что прибыл грузовой корабль с провиантом, и его собираются пропустить на Склад. Дейнстар — единственная из всех — сохраняла полное спокойствие. Доктор Хишкан переключил на-

стенный монитор на изображение внутреннего пространства шлюза. Все, как завороженные, уставились на экран. Даже Декрейн, которому было строго приказано не спускать глаз с девушки.

Дейнстар про себя отметила, что Декрейн потерял бдительность. Хотя в настоящий момент это упущение Декрейна ничего для нее не меняло. Единственное, что ей оставалось, это ждать. Ее взгляд переместился на стол, где все еще лежала аппаратура, вынутая из инопланетного сигнального устройства и рассортированная Гэйлстером. На другом конце стола находились приборы, принесенные Декрейном из комнаты Дейнстар. Среди них был и портативный передатчик кодированных сигналов. Уолхем хотел быть уверенным, что никто не пошлет наружу сообщение, пока шлюз открыт.

Но ни Дейнстар, ни Вергарду и не надо было отправлять никаких сообщений. Как только рубильники шлюза окажутся повернуты, запасной передатчик, сокрытый в стене ее комнаты, автоматически начнет отщелкивать зашифрованный сигнал тревоги. Он будет посылать сигнал за пределы Склада, повторяя его снова и снова вплоть до закрытия шлюза.

А через двадцать-тридцать минут, когда «грузо-

вик» минует шлюз и поднимется в воздух, его тут же окликнут и остановят.

Тогда Уолхем признает свое поражение, и ему придется приобретать пропуск на свободу уже на диктуемых ею условиях. Это было все, на что она могла рассчитывать.

Да… меньше всего на свете она жаждала попадать в подобные передряги. Ее нервное напряжение все еще не спадало. Но она была рада хотя бы тому, что проделала этот трюк с контрабандистами, не допустив такого поворота событий, при котором Вергарду пришлось бы вызволять ее из этой заварушки с помощью своих ковбойских игр с пальбой и прочими стремительными телодвижениями.

Дейнстар глубоко вздохнула и приказала себе расслабиться. Пока все идет, как надо.

Она скользнула взглядом по Уолхему и остальным. Все молча следили за монитором, чей экран заполняла мертвая, словно засасывающая, чернота энергетического заслона. От этой пугающей черноты был свободен только верхний левый уголок экрана. В этом месте Барьер был отгорожен от взора краешком главного административного корпуса Склада.

В центре экрана сиял огромный оранжево-крас-

ный диск, обозначающий открытый шлюз. Когда Дейнстар, наконец, посмотрела на монитор, диск поменял расцветку и стал серебристо-белым.

Прошло несколько томительных секунд. Вот большой космолет-«грузовик» медленно выплыл из режущей глаза белизны и приземлился. Шлюз позади него поблек, поглощенный мрачной чернотой Барьера. Из космолета неспешно вылезло несколько человек. Вот они направились к главному зданию…

Приподнявшись на стуле, Дейнстар застыла в напряжении…

Внезапно произошло нечто невообразимое: из-под земли вокруг «грузовика», вокруг идущих людей вздыбилась волна какого-то багрового дьявольского пламени. В один момент и корабль, и люди оказались охвачены им; поглощены, уничтожены…

Все находившиеся в кабинете Хишкана разом охнули. Вслед за этим, до того, как кто-либо смог пошевелиться или проронить хоть слово, из динамиков аудиоселектора раздался чей-то оглушительный рев:

— Главный офис, тревога! Радиационное нападение! Немедленно закрыть внутренние защитные поля! НЕМЕДЛЕННО ЗАКРЫТЬ ВСЕ

ВНУТРЕННИЕ ЗАЩИТНЫЕ ПОЛЯ НА СКЛАДЕ!!!

* * *

Уолхем, что бы о нем ни говорили, был человеком действия. Возможно, после двух часов пребывания в подавленном состоянии, которое было связано с приближающимся крушением его надежд, он с радостью воспринял необходимость быстро принимать решения. Итак, совершенно очевидно, что против космолета применено лучевое оружие неизвестного характера. Было, однако, непонятно, почему оно оказалось обращено против людей, высадившихся с «грузовика». Оно поглотило их мгновенно, хотя сам «грузовик» явно не был поврежден. Напряженнее кабинете доктора Хишкана и до этого готово было взорваться с минуты на минуту. Потрясение от случившегося кого-нибудь другого привело бы в состояние полной прострации, но только не Уолхема. Он не только не впал в депрессию, а немедленно принялся отдавать разумные приказы. Четверо контрабандистов, которых с самого начала отрядили на поиски Ковина Вергарда, работали в подземных переходах Склада в нескольких сотнях метров от административного корпуса. Через несколько минут они уже присо-

единились к группе, оккупировавшей кабинет Хишкана. Остальные люди Уолхема дежурили на диспетчерском пункте. Он удостоверился, что защитные силовые поля, укрывающие отдельные участки Склада внутри основного барьера, были приведены в действие. Потом вдруг ему что-то еще пришло на ум.

— Кто отдал приказ для главного офиса?

— Вергард, — отозвалась Дейнстар.

Все уставились на нее, будто услышали откровение свыше.

— Да, это был он, — подтвердил Торнелл. — Вначале-то я не сообразил, но потом узнал голос.

— Вы знаете, где он находится? — спросил Уолхем у Дейнстар.

Девушка покачала головой. Она и в самом деле этого не знала. Вергард мог наблюдать за шлюзом по любому из полусотни мониторов, установленных на Складе. Он запросто мог находиться в одной из построек, примыкающих к административному корпусу… то есть, располагаться слишком близко от загадочного огненного явления, а это небезопасно. Откуда возникла радиационная атака? Какой вывод сделал из этого Вергард? Возможно, подумала Дейнстар, то же фантастическое допущение, к которому пришла

и она. О том, какое он вывел заключение, можно вполне судить по его реакции, а именно, по тому, что по складской системе связи громогласно объявил общую тревогу. Вполне вероятно, Вергард рассчитывал на то, что и она предположила то же самое. Дейнстар была сильно напугана. Она очень хорошо это осознавала и пыталась решить, каким образом справиться с катастрофическим оборотом событий, который те могли принять.

Тем временем Уолхем спешно отослал Торнелла проверить, находился ли космический «челнок», который контрабандисты оставили рядом с приемным доком здания, внутри оградительного поля их участка. Потом он спросил Гэйлстера и доктора Хишкана:

— Вы уже пришли к выводу, что именно произошло?

Гэйлстер пожал плечами:

— По всей видимости, это — оружие избирательного характера, поражающее исключительно живую силу противника. Возможно, заряд был нацелен именно на «грузовик», потому что на его борту еще кто-то оставался. Но на корабле отсутствуют следы повреждений, в то время как одежда на людях исчезла вместе с ними. Орудие, вероятно, установлено за пределами Склада, и

заряд выпущен через открытый шлюз. Но, по моему мнению, оно приводится в действие из какого-то укрытия на территории Склада.

Уолхем испытующе посмотрел на Хишкана.

— Ну, что скажете, доктор? Могло ли это быть одним из ваших местных образчиков? Чем-то таким, что обнаружили мисс Джеймс с Вергардом, и что Вергард на наших глазах привел в действие?

Ученый в сильном недоумении взглянул на девушку.

— Забудьте об этом, доктор, — невозмутимо промолвила она. — Заявление Уолхема не имеет смысла.

— В самом деле? А что в таком случае, по-вашему, имеет смысл? — с нажимом в голосе спросил контрабандист. — Вы с вашим напарником пробыли здесь две недели. Вы оба — разумные люди, в чем мы имели счастье убедиться. Достаточно разумные, чтобы учуять по-настоящему крупную сделку, когда Хишкан, по своей глупости, подсунул ее вам прямо поднос. Достаточно разумные, чтобы попробовать отпугнуть конкурентов. Знаете, что я думаю, мисс Джеймс? Я думаю, что мое появление на Складе похерило ваши с Вергардом планы относительно хишкановского образца.

— Вы в какой-то степени правы. Да, у нас и в са-

мом деле есть планы относительно упомянутого вами артефакта. Но он вовсе не хишкановский, ибо принадлежит Федерации. И теперь для вас было бы лучше, если бы вы помогли нам его туда переправить.

Уолхем почти рассмеялся:

— Я буду помогать ищейкам?

— Вы спросили, что имеет смысл, — сказала Дейнстар. — Одна вещь действительно имеет смысл. Может, вы и сами уже сообразили. Артефакт Университетской Лиги не просто дрейфовал по Преисподней, где был обнаружен. Его кто-то изготовил и туда поместил!

Теперь уже все, находившиеся в кабинете, навострили уши. Девушка рассказала, что, судя по всему, образец представлял собой космическое сигнальное устройство. Изучив его, ученые-люди могли бы получить почти полную картину того, каким образом неизвестные конструкторы этого устройства свободно перемещались по Преисподней, и как они обеспечивали связь внутри пылевого облака. Поведала она и о докторе Хишкане, который недавно дважды послал в эфир невольную информацию о том, что этот космический аппарат находится у людей. Электростатические разряды, произведенные этим

устройством, были записаны на расстоянии от Мецмиали, намного превышающем расстояние до Преисподней.

Уолхем злобно оборвал ее:

— Значит, вам, милая барышня, представляется, что за образцом из Преисподней прибыли инопланетяне?

— В самую точку, — откликнулась Дейнстар и даже зааплодировала от избытка чувств — Уолхем оказался человеком, на редкость проницательным. — А доктору Хишкану, по меньшей мере, должно быть известно, что корабль, пропавший в Преисподней несколько лет назад, сообщил, что атакован оружием, похожим на лучевое. — Да, это правда! Это правда! — лицо доктора Хишкана побелело.

— Мне представляется, — сказала Дейнстар, — что, когда «грузовик» зашел на Склад, вместе с ним проникло еще что-то, о чем пилоты «грузовика» не имели понятия. Нечто, обладающее радиационным оружием неизвестного нам типа. Уолхем, если у вас осталась хоть капля здравомыслия, сообщите на центральную диспетчерскую прямо сейчас, чтобы они послали сигнал о помощи! Нам она вскоре ох как понадобится! Нам необходим самый мощный военный космолет с

орбиты Мецмиали, чтобы он приземлился сюда и справился со всем этим.

— Уолхем! — бесцеремонно вмешался в их разговор голос с мониторного переговорного устройства.

Контрабандист повернул голову.

— Я тебя слушаю, Йи! — Голос Уолхема дрожал от нетерпения.

— Группа парней из Университетской Лиги, которая охотилась за парнем по фамилии Вергард, не отвечает на позывные! — объявил Йи. Его Уолхем оставил в свое время в здании диспетчерской. — Семь человек; у двоих — переговорные устройства. Мы уже восемь минут подряд пытаемся с ними связаться. Похоже, их поджарило так же, как и команду «грузовика»!

Присутствующих охватило тревожное волнение. Уолхем резко произнес:

— Только не надо спешить с выводами! Пусть ваши операторы продолжают устанавливать с ними связь. У них могут быть какие-то веские причины, чтобы не откликаться. Остальные вышли на связь?

— Да, — сказал Йи. — Все, кто не в здании диспетчерской, надежно укрыты за защитными экранами в разных местах.

— Им приказано оставаться на своих местах и докладывать обо всем, что увидят?

— Да. Но никто ни о чем пока не докладывал.

— Как только поступит какое-либо сообщение, сразу дай мне знать. И вот еще что, Йи. Чтобы каждый в диспетчерской твердо знал, что до разрешения наших проблем диспетчерская реагирует только на мои приказы.

— Парни *очень хорошо* понимают это, Уолхем, — сказал Йи.

Контрабандист вновь повернулся к своим подельщикам, которые находились в кабинете.

— Разумеется, мы не настолько глупы, чтобы последовать совету мисс Джеймс! — сказал он. Если Уолхем и ощущал какую-то неуверенность, это не отражалось ни на его лице, ни в тоне его голоса. — Кто-то там побаловался с каким-то радиационным устройством и ухлопал несколько человек. Но мы-то теперь начеку и далеко не беззащитны! Здесь останется Декрейн, который проследит, чтобы мисс Джеймс никаким образом не попыталась влиять на происходящее. Остальные будут действовать группой.

Он выделил тех, кто ранее занимался поисками Вергарда.

— Вы, надеюсь, не забыли, что на нашем «чел-

ноке» — четыре энергетических орудия большой мощности? Вы четверо займите места подле них. Гэйлстер, доктор Хишкан, я и Торнелл возьмем пистолеты. По словам доктора Хишкана, на первом этаже этого здания складированы антирадиационные костюмы, которые используются при проверочных работах. Помните, что примененное оружие поражает живую силу. Мы будем в костюмах, которые заблокируют его действие хотя бы на время. Мы вооружены и будем находиться в «челноке». В загрузочном доке этого здания есть выход за местный барьер. Через него можно вывести «челнок» на Склад. В диспетчерской постоянно работают обзорные мониторы. Их цель — определить местонахождение поражающего устройства или его оператора. Когда их обнаружат…

Щелкнул аудиоселектор. Раздался голос Вергарда:

— Уолхем! Говорит Вергард. Советую меня выслушать!

Уолхем резко повернул голову.

— Что вам нужно?! — огрызнулся он.

— Если вы желаете взглянуть на это оружие, поражающее живую силу, — сухо проговорил Вергард, — то советую переключить монитор

на тридцать шестой участок. Тогда, возможно, лишний раз подумаете, прежде чем гоняться за ним на «челноке».

Через несколько секунд настенный монитор мигнул и прояснился. Все молча таращились на экран. А там было на что посмотреть.

Словно лист живого пурпурного огня, «нечто» с жуткой скоростью текло по поверхности одной из боковых улиц Склада. «Оно» направлялось к неясно вырисовывавшемуся на экране монитора зданию, где обычно проходила предварительная сортировка поступающих экспонатов. Дейнстар поймала себя на мысли, что «его» размеры сами по себе наводили ужас: «оно» занимало всю ширину улицы и было в длину сто пятьдесят, а то и все двести метров. Когда «оно» достигло здания сортировки, большое защитное поле того участка, ярко вспыхнув, пришло в действие. Мгновенно огненная тварь шарахнулась в сторону, метнулась за угол улицы и исчезла из поля зрения.

На экране монитора виды Склада сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой, — это доктор Хишкан в спешке нажимал на кнопки пульта управления. Он обернулся к присутствующим. Его глаза были широко раскрыты.

— Кажется, я его потерял! — воскликнул он. — Его нет на территории Склада.

— Не волнуйтесь так, доктор, — мрачно заметил Уолхем, — «оно» снова появится. А что ты обо всем этом думаешь? — спросил он Гэйлстера. — Что это такое было?

— «Это» явно идентично той субстанции, — промолвил Гэйлстер, — что на наших глазах поглотила «грузовик» и людей у шлюза. Мы наблюдали там только одну «его» часть. «Оно» возникло частично из-под поверхности Склада и снова удалилось под его поверхность. Что же касается того, что это такое… — Он пожал плечами. — Лично мне не приходит в голову ничего такого, с чем можно было бы это сравнить… — Он вновь запнулся, потом продолжил: — У меня сложилось впечатление, что «оно» двигалось целеустремленно, направляя само себя. Мы знаем, что при использовании лучевого оружия можно управлять мобильным зарядом так, как мы это видели.

— Что бы это ни было, Уолхем, — добавил доктор Хишкан, — я считаю очень неразумным пытаться противостоять ему обычными видами оружия!

Контрабандист удостоил его жесткой ухмыл-

кой.

— Так как нет срочной необходимости предпринимать такую попытку, мы ее отложим, доктор, будьте покойны. Лично мне кажется вот что. Из того, что мы сейчас увидели, можно сделать важный вывод. Эта штуковина избегла контакта с защитным полем того здания… или же была отклонена от него, — если представляет собой управляемый мобильный заряд, о котором говорил Гэйлстер. В любом случае, пока не определим, с чем или с кем мы имеем дело, и каким образом вести себя по отношению к нему, это враждебное «нечто» не в состоянии до нас добраться.

Дейнстар резко выкрикнула:

— Уолхем, да не будьте вы идиотом — не рассчитывайте отсидеться за стенами своего «челнока»! Вы забыли, что у кораблей, которые сгинули в Преисподней, тоже были защитные поля?!

Уолхем бросил на нее свирепый взгляд, но ничего не сказал.

— То, о чем говорит мисс Джеймс, — произнес в задумчивости доктор Хишкан, — верно с технической точки зрения. Но даже если мы подвергнемся нападению; результат представляется мне совсем не похожим на тот, какой был после атаки на корабль в Преисподней! Окружающий

нас комплекс когда-то был фортом. Его спроектировали и построили для защиты четвертой части континента от самого мощного оружия, какое только можно разместить в космосе. И в то время, как внутренние поля несопоставимы по силе с внешним заслоном, они все же гораздо плотнее всего того, чем, в принципе, можно оснастить исследовательский звездолет. Я считаю, что мы вполне можем положиться на защитные экраны вокруг нашего здания, пока будем искать выход из сложившейся ситуации.

— Вы так думаете, доктор? — прищурился Уолхем.

— Да, — ответил доктор Хишкан. — И сейчас я настроен гораздо более оптимистично! Когда мы установим природу нападающего на нас объекта, нам следует поискать пригодный способ противостояния «огненному призраку» — доступный в условиях Склада. И нет никакой нужды обращаться за помощью к властям, как предлагает мисс Джеймс. Этим мы выдадим им свои сугубо личные планы — на что, собственно, она и рассчитывает!

Из переговорного устройства раздался голос Вергарда:

— Если вы собрались продолжать свои ис-

следования, доктор Хишкан, то вам сейчас представится эта возможность! Эта штуковина подбирается к административному корпусу с севера и подбирается быстро!

Доктор Хишкан немедленно повернулся к пульту управления монитором.

Строго на север от главного здания располагалась обширная площадь, окруженная массивными постройками. Когда монитор показал поток огня, он уже заполнил половину площади. Как и говорил Вергард, тварь приближалась с бешеной скоростью. В его стремительном продвижении угадывалось некое целенаправленное недоброжелательство, от чего Дейнстар ощутила холодок в спине. Ей показалось, что «огненный призрак» достиг главного здания и защищающего его энергетического поля всего за мгновение ока. Теперь, вместо того, чтобы изменить направление движения, как в прошлый раз, оконечность огненного «тела» загнулась кверху. Пламя поднялось вертикально вверх по стенам здания, в нескольких сантиметрах от мерцающего защитного поля. Несколько секунд настенный монитор не показывал ничего, кроме пульсирующего бледно-пурпурного пламени. Потом оно исчезло, и экран снова заполнила пустующая площадь.

Голос Вергарда быстро произнес:

— «Оно» перетекло через крышу, спустилось по противоположной стене и исчезло под землей…

Голос прервался, но возобновился почти сразу же:

— Мне удалось держать «его» в поле зрения дольше, чем вам. «Оно» уже обшарило половину Склада. У меня такое впечатление, что эта штуковина «осматривает» предметы, прежде чем двигаться дальше. Но я заметил одну вещь, от которой я чувствую себя за энергетическим полем моего участка в гораздо меньшей безопасности, чем некоторые из вас. Эта штука аккуратно держится подальше от внешнего барьера Склада. Все время не подходит ближе, чем на сто метров, и резко сбрасывает скорость, когда приближается к этой незримой отметке. Но, с другой стороны, как вы только что могли заметить, она не уделяет должного уважения внутренним заслонам. Я, конечно, не видел, чтобы она пыталась проникнуть через местное защитное поле, окружающее какое-нибудь здание. Однако она фактически контактировала с этими полями несколько раз без очевидного вреда для себя. Точно так, как она только что проделала, перемахнув через административный корпус.

— К чему вы клоните?! — рявкнул Уолхем. — И о чем это может говорить?

— Мне кажется, — сказал Вергард, — что наш гость проверяет надежность местных защитных экранов. Я бы не решился сделать свою жизнь зависимой от его экспериментов, что вы намереваетесь, по всей видимости, сделать. И еще одно. Кажется, он проявляет особый интерес к зданию, в котором вы находитесь. Предлагаю всем вновь обратить свои взоры на площадь.

На первый взгляд, площадь казалась по-прежнему пустой. Потом кто-то из контрабандистов заметил, что вся ее поверхность искрится крошечными вспышками бледного свечения. «Нечто» находилось там, почти полностью погруженное под землю и, по всей видимости, неподвижное.

Торнелл промолвил, восхищенно наблюдая за этой сценой:

— Может, «оно» догадывается, что нужный ему образец у нас?

Никто не отреагировал на это высказывание. На площади, словно почувствовав, что ее присутствие обнаружено, огненная простыня стала медленно подниматься над поверхностью земли, пока не стала полностью обозримой — плоская и чудовищная по размерам. Тишину в кабинете

нарушил какой-то дребезжащий звук. Он не был громким, но все нервно вздрогнули и посмотрели на стол, где громоздилась собранная аппаратура.

— Что это было? — спросил Уолхем.

— Мой шифровальный передатчик, — сообщила Дейнстар.

— Он записал сообщение?

— По всей видимости.

— От кого?

— Точно я не могу сказать, — спокойно сказала Дейнстар. — Но давайте попробуем угадать. Сигнал поступил не снаружи, так как ему не проникнуть через Барьер. Он — не от Вергарда и не от кого-то из ваших деятелей. Что в таком случае остается?

Главарь контрабандистов уставился на нее, словно увидел впервые.

— Вы в своем уме — предполагать такое?

— Может, и не в своем, — усмехнулась Дейнстар. — Во всяком случае, почему бы ни прослушать перевод?

— Обязательно прослушаем! — Уолхем резко повернулся к Декрейну. — Подойди вместе с ней к столу! И пусть она ни к чему не притрагивается, кроме передатчика!

Скривив рот в неприятной ухмылке, Уолхем

пронаблюдал, как Декрейн конвоировал девушку. Потом Дейнстар взяла в руки миниатюрный радиопередатчик, вставила ноготь в паз и быстро скользнула им в направлении переключателя фонетического переводчика. Когда она вернула прибор на стол, из него послышались слова:

— У кого… это… находится..? Где… оно..? Мне… это… нужно… У кого… это… находится..? Где…

Это продолжалось примерно минуты полторы — три предложения, монотонно повторяющиеся одно за другим. Затем раздался щелчок, и звуки прекратились. Дейнстар поначалу не обратила внимания на то, какое впечатление произвели на окружающих заданные «огненным призраком» вопросы. Она слушала со смешанным чувством страха, горечи, ненависти и с болезненной сменой настроения. Кодированное сообщение было речью, а не механическим синтезом звуков, хотя и осмысленным. Эта речь была передана экономно. Слова, из которых были составлены эти три предложения, когда-то произносили человеческие существа. Эти слова были так добросовестно воспроизведены, что можно было с полным основанием утверждать: предложения были «сотканы» из слов, позаимствованных из речи нескольких различных людей. Людей,

захваченных лютым врагом в Преисподней, подумала Дейнстар, теперь давно уже мертвых, но которым позволено было жить, пока враг изучал с их помощью человеческую речь, «записывал» их голоса, чтобы использовать в будущем…

Она огляделась. Окружающие казались потрясенными не меньше ее. Выражение лица Уолхема ясно показывало, что у него отсутствуют какие-либо сомнения в том, что к ним пожаловал бывший хозяин сигнального устройства, чтобы заявить на него свои права.

— Если окажется, — осторожно заметил доктор Хишкан, — что мы не в состоянии разрушить это существо или взять его под контроль, то, может быть, стоит избавиться от него, просто разобрав устройство, которое он ищет, поместив его за защитным экраном. Если оно его заберет, мы откроем шлюз в Барьере. Это действие будет означать, что мы хотим, чтобы он убрался со своей собственностью подобру-поздорову.

Уолхем насмешливо посмотрел на доктора Хишкана:

— Доктор, не впадайте в панику только из-за того, что это существо что-то там поспрошало! Его бессвязная болтовня просто лишний раз доказывает, что продаваемый вами при нашем

посредничестве артефакт остался, по меньшей мере, таким же ценным, каким был и до этого. Лично я вовсе не собираюсь отказываться от столь лакомого кусочка.

— Мне тоже не хотелось бы от него отказываться! — выкрикнул в запальчивости доктор Хишкан. — Однако способность этого существа использовать специальные коды для общения с людьми указывает на опасно высокий уровень его интеллекта. У вас есть какие-нибудь соображения по поводу того, как с ним обращаться?

Его прервал Гэйлстер, указывая на экран монитора:

— Кажется, «он» начинает двигаться…

Снова все принялись молча наблюдать за огненным «телом» на площади. Его багряное свечение медленно пульсирующими волнами становилось то насыщеннее, то бледнее. Затем его верхушка быстро качнулась, как колеблющийся язычок обычного пламени, вначале к зданию, потом от него… и, обогнув площадь, «огненный призрак» стремительно перетек в боковую улицу.

— Отправился выискивать свое сокровище в другом месте! — объявил Уолхем, после того, как пульсирующее одеяло исчезло из виду. — Итак, если наш приятель всего лишь подозревает, что

его устройство находится здесь, значит, он не уверен в этом. На меня-то его хваленый интеллект произвел гораздо меньшее впечатление, чем на вас, доктор. Любой недоумок может научиться пользоваться сложным оборудованием, если ему покажут, как это делается. Это, наверно, какой-то тупой инопланетяшка — вроде простого исполнителя, которого заслали сюда из Преисподней, поручив конкретную и сугубо ограниченную миссию.

— Вполне возможно, что это робот, — поддакнул главарю Гэйлстер.

— Да, — согласился Уолхем, — вероятно, это робот. И, отвечая на ваш давешний вопрос, доктор, могу с уверенностью сказать: да, у меня есть соображения по поводу того, каким образом стряхнуть его отсюда.

— И каким же это образом? — осведомился доктор Хишкан.

— Здесь не место это обсуждать! — Уолхем одарил Дейнстар взглядом, преисполненным торжествующего злорадства.

Она хорошо поняла значение этого взгляда. Если удастся выследить Вергарда, Уолхем сможет безнаказанно избавиться от оперативных работников Киф. Существовало достаточное

количество свидетелей, которые могли бы подтвердить, что огненная тварь, забравшаяся на Склад, уничтожила более дюжины человек. Среди жертв чудовища вполне могли оказаться и Дейнстар с Вергардом.

— В настоящий момент использовать «челнок» мы не будем, — продолжал Уолхем. — Но нам нужны переносные пушки, и мы немедленно наденем антирадиационные костюмы. Декрейн, проследи за дамой, пока мы не вернемся. Разрешаю применять любые необходимые приемы, лишь бы она не сходила со своего места и вообще вела бы себя, как примерная девочка. Мы принесем костюм и тебе. Остальные, за мной! И пошустрее!

Декрейн начал было что-то говорить, но потом умолк и нахмурился. Остальные быстро вышли друг за другом из кабинета и устремились направо по коридору. Белокурый гигант, казалось, испытывал беспокойство. Имея у себя под боком огромного огненного инопланетянина, он не очень-то обрадовался приказанию босса охранять пленницу в одиночку. В то время как его товарищи залезали в безопасные антирадиационные костюмы! Когда исчез последний из группы, он тяжело вздохнул и вновь обратил внимание на

Дейнстар.

Глаза его расширились от изумления — стул, на котором она только что сидела, был пуст. Рука Декрейна метнулась к кобуре пистолета и замерла, дотронувшись до нее. Верзила застыл, как вкопанный, ибо что-то твердое ткнулось ему в спину пониже лопаток.

— Да, твоя пушка у меня, — прошептала ему сзади Дейнстар. — Ни звука, Декрейн! Если даже вздохнешь громче, чем нужно, я расщеплю тебе позвоночник!

Они молча ждали. Декрейн осторожно дышал, пока в коридоре затихали голоса и шаги его товарищей. Наконец их стало совсем неслышно. Дуло пистолета перестало упираться ему в спину.

— Вот и славно, — тихо сказала Дейнстар, слегка от него отодвинувшись. — Теперь встань туда.

Декрейн облизал пересохшие губы.

— Мисс Джеймс, — сказал он, выговаривая слова с некоторым затруднением, — вы помните, что я все время вел себя с вами по-джентльменски?

— Помню, чучело ты гороховое, — согласилась девушка, продолжая разговаривать с ним из-за его спины. — И в настоящий момент тебе это очень пригодится. Но…

Декрейн упал вперед, крутанувшись всем телом

и отчаянно лягаясь в направлении голоса. Трюк этот у него срабатывал примерно в половине случаев. Смутный образ Дейнстар со вспыхнувшей над ним белизной ее улыбки и ее руки, резко упавшие вниз, подсказали ему, что на этот раз фокус не удался. Рифленая рукоятка пистолета крепко отметилась на его виске, Декрейн смежил очи и его сознание унеслось далеко-далеко.

Дейнстар наклонилась над ним, с секунду размышляя, стоило ли огреть болвана еще разок — для уверенности. Решив, что это излишне, она засунула оружие в карман комбинезона и быстро подошла к большому столу в центре кабинета. На нем, среди сваленных в кучу вещей, взятых из ее комнаты, лежал и пояс управления. Дейнстар закрепила его на талии и надела свою белую куртку, которая находилась на столешнице рядом с поясом. Торопливо порывшись среди остальных вещей, она рассовала по карманам передатчик автокодирования и полудюжину других приспособлений. Затем взяла свой несессер, выпотрошенный Декрейном, и перешла к противоположному краю стола. Здесь были разложены механизмы, которые Гэйлстер вынул из фальшивого астероида для осмотра. На протяжении всего пребывания в кабинете док-

тора Хишкана внимание девушки постоянно привлекало одно из этих устройств. Оно было заключено в оболочку из какого-то квазиметалла, похожего на медь, а размерами и формой смахивало на гусиное яйцо. Гэйлстеру оно не поведало тайны своего предназначения, а доктор Хишкан высказал лишь смутные догадки. В отличие от обоих Дейнстар внимательно изучила это «яйцо», а также его взаимосвязь с некоторыми другими приспособлениями, когда ночью сидела в бункере доктора Хишкана. Поэтому она точно знала, на что оно может сгодиться. Она положила «яйцо» в несессер и вернулась к своим инструментам. Включив камеру-шпиона, она нащупала пальцами переключатель на поясе управления. Миниатюрный приборчик издал прерывистый, стрекочущий звук.

— Я здесь одна, — сообщила она в камеру. — Декрейн — в полной отключке. Как бы мне теперь поскорее выбраться отсюда и встретиться с тобой? Уолхем рвет и мечет, ты и сам слышал. Мне вовсе не светит оставаться рядом с этими психами, когда они примутся заигрывать с живым ломтем этой одеялообразной молнии!

— Когда выйдешь из кабинета, поверни налево, — сказал пустой экран голосом Вергарда… —

Спустись на первом лифте на два этажа вниз и выходи.

— И что потом?

— Я буду тебя там ждать.

— Сколько времени ты находишься в здании? — с тревогой в голосе спросила она.

— Около пяти минут. Заскочил, чтобы прихватить парочку антирадиационных костюмов — для нас с тобой. Костюмы уже при мне. Судя по тому, как у тебя шли дела, я прикинул, что лучше мне пооколачиваться где-нибудь поблизости от вашей компашки. Я все выжидал удобный момент, когда тебя можно будет избавить от общества всей этой шатии-братии. Я уже начал было подниматься по лестнице, когда Уолхем смылся со всей своей командой. Потом услышал в кабинете короткую возню и подумал, что ты обрабатываешь громилу Декрейна. Поэтому я решил подождать.

— Дай Бог тебе здоровья, дружище! — сказала Дейнстар с благодарностью. — Встретимся через минуту.

Она отключила камеру-шпиона, вышла из кабинета, обогнув немилосердно храпевшего на ковре Декрейна, и повернула налево по коридору.

* * *

Укрытие, из которого Ковин Вергард наблюдал за событиями на Складе, было одним из многих, которые он оборудовал вскоре после прибытия на объект — на случай чрезвычайных обстоятельств. На сегодня он выбрал именно его, поскольку оно находилось всего в нескольких шагах от выходной двери административного корпуса и меньше чем в ста двадцати метрах как от диспетчерской, так и от шлюза внешнего защитного барьера. Эти точки были ключевыми при любом развитии событий. На то, чтобы отвести Дейнстар в свое убежище, Вергарду понадобилось гораздо больше времени, чем им обоим хотелось бы. Зато этот, заранее продуманный Вергардом, путь почти полностью пролегал через сооружения, защищенные от инопланетного посетителя местными энергетическими полями.

И вот уже Дейнстар, облаченная в громоздкий антирадиационный костюм, сидела в этой крошечной комнатушке спиной к своему товарищу. Перед ней на стенной полке стоял передатчик автокодирования. Ее пальцы старательно и аккуратно налаживали другие приспособления, принесенные из хишкановского кабинета, сво-

дя их в единую систему. Она не сводила глаз с проекционного поля над передатчиком. Случайные световые сполохи и рябь, мелькавшие по полю, были всего лишь ничего не значившими атмосферными помехами. Но краем глаза она замечала и проблески иного рода. Они-то как раз и являлись очень значимыми. Такие световые импульсы она отслеживала с помощью детектора, фильтрующего частоты. Это было необходимо, чтобы установить параметры, благодаря которым их можно было закрепить на проекционном поле для дальнейшего визуального просмотра и анализа. Этот процесс являлся для девушки почти автоматическим, ее руки просто производили заученные движения. А вот мысли ее были заняты совсем иными проблемами: Дейнстар обдумывала свойства и возможности гигантского огненного пришельца, может быть, еще более кошмарные, нежели он успел продемонстрировать.

Что люди знали о нем? И что он знал о них?

Это живое, смертоносное энергетическое тело или нечто, подобное ему, не могло изготовить сигнальное устройство само. И даже если оно действует не по собственному почину, если в Преисподней у него имеются хозяева, все равно

этот локатор — не его рук дело. Независимо от происхождения, несмотря на свою более чем столетнюю давность, устройство до сих пор находилось в рабочем состоянии. Для определения местонахождения, для обеспечения возможности целенаправленного действия в условиях пылевого облака, оно просто незаменимо. Следовательно, для существа, обитающего в Преисподней, его ценность должна быть колоссальной! Но кто бы ни пользовался этим устройством, ему не доставало способности обеспечивать даже его ремонт. В еще меньшей степени он был способен заменить его в случае пропажи. И хозяин этого локатора должен быть смертельно напуган тем, что человечество откроет секреты его технологии и сможет встретиться с ним в Преисподней на равных…

Итак, загадочное существо пересекло неимоверные бездны космоса, чтобы добраться до Мецмиали и добиться возврата своего локаторного устройства.

Уолхем, привыкший успешно справляться с противником в человеческом обличье, до сих пор надеялся на свою изобретательность. Он считал ее пригодной и для того, чтобы управиться с эмиссаром из Преисподней. А вот для Дейнстар иметь

дело с «огненным призраком» означало примерно то же самое, что иметь дело с полноценным военным кораблем. Объект явно был сложен. Он не был просто элементарной силой, управляемой ограниченным умом робота. Во всяком случае, он продемонстрировал, что в состоянии использовать свою энергию для дублирования знаковой системы общения, применяемой людьми. Проблеск одной из его форм в проекционном поле детектора наводил на мысль, что он способен на гораздо большее. И, вполне возможно, он пришел сюда не один. За пределами Барьера его могут ожидать идентичные организмы, которые пока не обнаружены, и с которыми он поддерживает постоянную связь.

Перед лицом таких фактов — как уже установленных, так и вполне вероятных — решимость Уолхема запудрить мозги инопланетному монстру выглядела чистым безумием. Дейнстар с Вергардом смогли бы, в принципе, убедить остальных контрабандистов в необходимости вызова помощи извне. Однако общая система связи после побега Дейнстар из кабинета Хишкана оказалась полностью отключенной — очевидно, по приказу Уолхема. С помощью шпионских приспособлений агенты Киф выяснили, что Уолхем

координирует действия своей команды, используя персональные переговорные устройства. Они узнали, что в главном здании воздвигается дополнительный защитный экран, проходящий через середину этого строения и соединенный с уже существующими местными силовыми полями. Будучи завершенной, эта система энергетических барьеров должна будет превратить одну половину здания в подобие мышеловки, открытой с одного конца. Люди и артефакт из Преисподней будут находиться в другой половине. Когда огненное чудовище пролезет в «мышеловку», пытаясь добраться до вожделенной добычи, наблюдатели в диспетчерской захлопнут барьер. Монстр будет благополучно заперт внутри местных экранов… если, конечно, они окажутся для него непроходимыми.

Расчеты Уолхема полностью строились на данном гипотетическом предположении. Пока не случилось ничего такого, что бы его опровергло. Инопланетная тварь до сих пор шныряла по Складу. Вергард, сидя перед своей камерой, по которой он следил за всеми событиями этого дня, каждые одну-две минуты сообщал о появлении визитера из Преисподней то там, то сям. В перемещениях по территории Склада все больше усиливался

элемент целесообразности. Один разок монстр «прошелся» вдоль здания, где прятались Дейнстар с Вергардом, сделав при этом коротенькую остановку. Три раза он обнаруживался неподалеку от диспетчерского узла и три раза — у здания административного корпуса. Казалось, что его интерес был сосредоточен в этих двух местах.

Дейнстар с Вергардом могли только сидеть и ждать, пока этот огненный организм не завершит свое быстрое и непредсказуемое рысканье в поисках добычи. Вергард уже вознамерился было прошмыгнуть к шлюзу для персонала, когда голову Дейнстар посетила некая задумка. Газовый заряд временно парализовал бы всех людей на Складе, а главный барьер тогда на некоторое время открылся бы. Этого времени хватило бы вполне на то, чтобы пропустить наружу подготовленный и зашифрованный агентами сигнал бедствия. После этого их основной заботой стало бы постараться остаться в живых до прихода подкрепления.

* * *

Их головы резко повернулись к передатчику на полке перед Дейнстар. Он подал трескучий сигнал выхода на связь. Дейнстар поднялась со

стула, защелкнула шлем своего антирадиационного костюма, сгребла в кучу на полке остальные приборы и быстренько рассовала их по карманам костюма. Потом она взяла свой несессер.

— Где… это… находится..? Мне… это… нужно… — прошелестело из передатчика.

— На сколько установлен радиус приема — все еще на тридцать метров? — спросил Вергард встревоженно.

— Да, — отозвалась Дейнстар.

— На этом расстоянии вообще нет ничего и никого.

Она внимательно посмотрела на коллегу. Он был облачен с головы до пят в антирадиационный костюм. Рядом с ним на стуле лежал маленький лучевой карабин высокой мощности. Вергард не спускал глаз с камеры обзора. Сейчас она показывала только территорию в непосредственной близости от здания. Дейнстар промолчала. Передатчик продолжал шелестеть традиционный набор.

«Его» не было видно, но «он» был рядом. И «он» находился очень близко! В пределах тридцати метров от передатчика, от их убежища, от них самих. И теперь он остановился на более длительное время, чем в тот раз, когда впервые проползал

мимо их здания.

— У… кого… это..? Где… это… находится..?

Она не смогла справиться с чувством страха, — спина похолодела, по коже побежали мурашки. Если бы «он» каким-то образом смог учуять то, что у нее было спрятано в несессере, он непременно потребовал бы это. Раньше она думала, что «он» не способен проникнуть сквозь оболочку несессера, — это было не под силу ни одному из известных ей шпионских устройств. Спрятанный Дейнстар яйцеобразный прибор, размером с ее кулак, являлся ядром, сердцевиной артефакта из Преисподней, его «черным ящиком». По идее эта часть должна содержать все принципиальные ключи к дальности действия и проникающей способности его сигналов. Без этой части остальное содержимое этого большого, как валун, прибора, стала теперь совершенно бесполезна — как для Уолхема, так и для инопланетянина.

Агенты ждали, не сводя глаз с экрана монитора, готовые в любой момент сорваться с места. Позади них находилась незапертая дверь. Она была приготовлена на случай, если здание подвергнется нападению, и это существо окажется способным пробиться сквозь энергетический заслон. Добраться до лифта от двери было делом

нескольких секунд. Спустившись двумя этажами ниже, они оказались бы в системе подземных тоннелей, где их ожидала транспортная капсула. В случае погони они стали бы перемещаться по вешкам, заранее отмеченным Вергардом, от барьера к барьеру, чтобы те замедлили преследователя. Оторвавшись от погони, они в итоге добрались бы до восточного участка Склада, известного, как Цитадель. Здесь старинные защитные экраны образовали густое переплетение наподобие пчелиных сот — такое плотное, что за ним можно было отсиживаться часами даже при самых упорных атаках.

Но здесь таился и серьезный минус — бегство лишало их возможности воспользоваться диспетчерским участком…

Шелест, доносившийся из передатчика, внезапно смолк. Несколько мгновений они оба сидели, не шевелясь. Потом с явным облегчением Вергард произнес:

— Кажется, убрался прочь!

Он переключил монитор на другой режим. На экране разом появилось с полдюжины помещений Склада, видимых с различных ракурсов.

— Вот он!

В поле зрения у дальней стены здания диспет-

черской появился пурпурный огонь. Он тек по одной из улиц Склада, растянувшись на полсотни метров. Будто неведомый морской зверь огромных размеров плыл по океану, выставив спину над поверхностью воды. Вот он опять скрылся из виду. Немного поколебавшись, Дейнстар вынула из кармана детектор, фильтрующий частоты, положила его на полку у стены и нажала кнопку. Над маленьким прибором сразу же появилось проекционное поле — в половину своей яркости.

Вергард, бегая глазами по экрану монитора, промолвил:

— Он и сейчас может добраться до нас за считанные секунды. Не очень-то увлекайся всякими своими штучками.

— Ладно, не буду.

Дейнстар высвободила голову из массивного шлема, откинула его за спину. Ее пальцы скользнули по детектору, коснулись крошечного рычажка настройки, стали его поворачивать мелкими оборотами. И замерли.

Перед ее глазами возникла та самая визуальная проекция, которую она искала.

Проектор представил взгляду плеяду мерцающих, изменчивых крошечных искр и линий света. Они то появлялись, то исчезали… Картина

напоминала смешанную коммуникационную схему какого-нибудь мегаполиса. Дейнстар облизала губы и задержала дыхание. Потом осторожно поколдовала над рычажками и клавишами приборчика, переводя их в исходное положение.

Когда она убрала руку, Вергард тихо поинтересовался:

— Что это?

— Это внешняя коммуникационная система нашего гостя. Это… Дай мне подумать… Вергард! Что он сейчас делает?

— Он рядом с диспетчерской.

Вергард подождал, пока Дейнстар закончит возиться с детектором, — похоже, она напала на какой-то след, а он не хотел ее отвлекать — и добавил:

— Судя по его поведению… да, так и есть! Он явно готовится просочиться сквозь тамошний барьер!

Экран монитора показывал призрачный красноватый блеск защитного барьера диспетчерской, который активизировался у передней сплошной стены здания. Два темно-розовых пылающих пятна, примерно с метр в поперечнике, обозначали места, где инопланетянин вошел в прямой контакт с энергией заслона.

Дейнстар подумала, что энергетическое взаимодействие пришлось ему совсем не по вкусу. Хотя при каждой попытке он удерживал контакт в течение нескольких секунд, очевидно, проверяя прочность барьера. Девушка мельком глянула на экран монитора и вновь обратила свое внимание на роящиеся световые узоры проекционного поля.

За реакцией существа лучше всего было следить по ним. Когда «огненный призрак» касался барьера, среди узоров появлялись темные пятна. Они расширялись по мере усиления контакта с барьером, затем пропадали, — стоило только существу отступить. Конечно, оно испытывало некоторое потрясение — но совсем непродолжительное. У Дейнстар перехватило дыхание, — на этот раз она здорово перепугалась. Местные барьеры хоть и наносили ущерб этому существу, но были не в состоянии его удержать, настройся оно решительно на преодоление энергетических полей. Возможно, люди в диспетчерской этого пока не сознавали. Она не хотела даже думать о последствиях.

Услышав краткое восклицание Вергарда, девушка снова взглянула на экран.

«Вот оно, началось», — подумала она.

Существо медленно выползало из-под поверхности улицы перед зданием диспетчерской, в нескольких метрах от стены. Когда оно еще только проверяло барьер, то всего лишь исторгнуло из себя щупальце с ярко пылающим кончиком и дотронулось до здания. Теперь же оно предстало взору в виде могучей фосфоресцирующей колонны семиметрового диаметра. Колонна расширялась кверху. Ее вершина стала клониться вперед, словно гигантская приливная океанская волна с пенящимся гребнем. Вот гребень дотянулся до стены, и колонна, содрогаясь, стала просачиваться сквозь армированный бетон. Вокруг колонны красным заревом пылало силовое поле, то и дело ослепительно вспыхивая пурпурным сиянием… Но колоссальная масса колонны продолжала неумолимо проникать через барьер.

А среди мириад крошечных огоньков, которые, искрясь, плясали на проекционном поле, Дейнстар отметила внезапное появление продолговатых теней. Они проскальзывали по полю, раз за разом, становясь все темнее и обширнее… Затем они стали постепенно светлеть, и, наконец, исчезли совсем.

Когда Дейнстар снова взглянула на экран монитора, защитный барьер все еще пылал — бурно

и неистово, — но улица была пуста. Инопланетянин скрылся в здании диспетчерской.

— Это существо — не единое целое, — промолвила Дейнстар. — Возможно, это конгломерат, состоящий из миллиардов отдельных ячеек. Они напоминают город, бурлящий деловой жизнью, или армию на марше. Организация… Система! При прохождении барьера его силовое поле, без сомнения, нанесло конгломерату ущерб. Но он потерял максимум полпроцента своих структурных единиц.

Вергард взглянул сначала на проекционное поле, потом — на Дейнстар.

— Никто из находившихся в здании диспетчерской не имел доступа к антирадиационным костюмам, — подытожил он. — Значит, в тот самый момент, когда эта штуковина до них добралась, они все погибли. Если она способна проходить через местные заслоны, как ты говоришь, без особого вреда для себя, то почему тогда она до сих пор не вылезает оттуда? Она там находится уже больше пяти минут.

Не сводя глаз с узора на проекционном поле, Дейнстар произнесла:

— Может, она получила дополнительно еще какие-то повреждения, я точно не знаю.

— Что ты имеешь в виду?

Кивком Дейнстар указала на проекционное поле.

— Это трудно описать словами. Но во внешнем виде нашего гостя явно произошли некоторые изменения. И они становятся все более отчетливыми. Я не вполне понимаю, что это означает.

Вергард мельком взглянул на поле и пожал плечами.

— Поверю тебе на слово. Для меня все это — темный лес. Лично я не вижу никаких изменений.

Дейнстар ощущала неуверенность. Она почти интуитивно чувствовала важность показаний своего прибора, который четко демонстрировал, что во взаимодействии многомиллионных сигналов что-то неуловимо меняется, хотя их узор и казался неизменным.

Вдруг она прервала молчание:

— У этой твари, вне всякого сомнения, есть управляющий центр. Иначе она не смогла бы действовать подобным образом. До прохождения силового поля каждая ее часть была сориентирована на этот центр. Для нее, как для единого целого, существовал некий единый ритм, это очень хорошо просматривалось. А теперь какой-то участок не совпадает по фазе с общим

ритмом.

— Что из этого следует?

Дейнстар покачала головой.

— Пока не могу сказать. Но если потрясение, полученное нашим гостем от барьера, частично подорвало внутреннюю систему коммуникации, то, говоря простым языком, сейчас он, вероятно, частично парализован. Это как минимум. Какой-то процент его структурных единиц — скажем, около десяти, — сейчас уже не связан с его центральной частью, следовательно, больше не согласован с остальными. Конечно, полностью рассчитывать на его выход из строя нельзя, но этим, пожалуй, можно объяснить, почему он до сих пор не появляется.

Оба помолчали. Потом Вергард произнес:

— Раз он сейчас потерял способность двигаться, то, значит, убил всех в здании диспетчерской еще до того, как это потрясение пробрало его насквозь. Иначе Уолхем хоть каким-то образом да проявил бы себя.

Дейнстар кивнула. Режим внутренней связи на экране монитора был включен, однако система так и не заработала. И что бы ни предпринимали Уолхем и его группа в административном корпусе, это нельзя было выяснить даже с помо-

щью шпионских устройств, понатыканных там Дейнстар. Но космический «челнок» не покинул здание. Значит, контрабандисты находились там до сих пор. Если бы Уолхему стало известно, что существо из Преисподней больше не представляет для него опасности, то каждый оставшийся в живых член шайки уже прочесывал бы Склад в поисках Вергарда и Дейнстар. Раз этого не происходило, значит, Уолхем не получил такой информации из диспетчерской. В любом случае, люди, находившиеся там, погибли сразу, как только инопланетянин просочился сквозь барьер.

Внезапно Дейнстар затаила дыхание и проронила:

— Вергард, мне кажется… он пытается выйти оттуда!

— Вижу, барьер замигал, — подтвердил ее слова Вергард, наблюдая за экраном монитора, и, секунду спустя, воскликнул: — А теперь включился полностью! Кажется, ты права! Понаблюдай за следами повреждений. Если наш гость еще не совсем инвалид и заподозрит, что здесь кто-то находится, он может наброситься на наше здание. Что-то его не видно… Наверно, пробирается под землей.

Не отрывая взгляда от проекционного поля, Дейнстар рывком надвинула шлем. Узор, состоящий из множества мигающих светлых точек, вновь пересекла отталкивающая темнота. Теперь, судя по этой темноте, которая становилась все более интенсивной, Дейнстар могла оценить темп продвижения существа через барьер. Все признаки паралича, если они и были, теперь отсутствовали напрочь. Его прохождение через заслон изнутри диспетчерской было гораздо более быстрым по сравнению с проникновением внутрь. Через несколько секунд темнота прекратила распространяться по проекционному полю и стала блекнуть.

— Поздравляю, он выбрался наружу, — заявила Дейнстар, — и, сдается мне, без особых потерь.

— Тем не менее, его до сих пор нигде не видно, — добавил Вергард. — Будь готова к уходу!

Но она и без того была уже на ногах. Передатчик на полке молчал, но на этот раз существо могло и не объявлять о своем приближении, ибо Дейнстар то и дело поглядывала на проекционное поле. Опять барьер испытал незначительные повреждения, но она не могла различить ощутимых дальнейших изменений. Суровая реальность заключалась в том, что для существа теперь

практически не существовало ограничений в количестве таких проходов. Если бы оно решилось на прохождение всех барьеров, то, в принципе, могло это осуществить. Но что-то, связанное с узором, продолжало будоражить ум девушки. Но что именно?

Прошла минута. Показания проекционного поля оставались неизменны. Потом истекла еще одна минута… Теперь, сказала себе Дейнстар, было непохоже, чтобы внимание существа привлекло здание, в котором находились они с Вергардом. Барьер продолжал оставаться спокойным. Существо не выказывало никаких признаков своего существования. Возможно, оно не было уверено, что в здании прячутся люди. Скорей всего пришелец подался на какой-то другой участок Склада. Почти одновременно с этой мыслью Дейнстар увидела, как рука Вергарда легла на пульт управления монитором. Окружающая их местность сменилась на экране комбинацией картинок, транслируемых с различных участков Склада.

На этих картинках все было спокойно. Ни одно из защитных полей вокруг зданий, которые показывал монитор, не казалось возмущенным. Да и весь огромный Склад казался пустынным и спокойным.

— Сдается мне, — заметил в задумчивости Вергард, — что сейчас он опять ошивается возле административного корпуса.

Он отступил на шаг назад от экрана, не сводя с него глаз, и принялся расстегивать антирадиационный костюм.

— Что ты делаешь? — спросила Дейнстар.

Вергард посмотрел на свою напарницу.

— Вылезаю из костюма. Для чего подобные наряды совершенно не предназначены, так это для быстрого бега. Через минуту-другую мне, возможно, предстоит совершить самый стремительный кросс за всю свою карьеру.

— Какой еще кросс? Ты же не…

— Следующий шаг, который намерен предпринять наш инопланетянин, — пояснил Вергард, — будет однозначно касаться Уолхемской братвы. Но какую бы активность он не начал проявлять, как только мы это заметим, я тут же стартую до диспетчерской. Может, нам предоставляется последний шанс позвать на помощь парней извне. И я не хочу, чтобы в решающие моменты меня тормозили десять кило антирадиационного прикида.

Дейнстар тяжело сглотнула. А ведь Корин прав. И все же она чувствовала что-то такое…

— Нет, не надо! Не ходи туда! — отрывисто бросила она, удивившись собственным словам.

Он оглянулся в замешательстве.

— Не ходить туда? Что ты… Да ты посмотри, что делается, а?!

Его глаза снова были прикованы к экрану монитора. Какое-то время Дейнстар не могла разобрать, что он там увидел. Потом, когда картинка плавно сменилась другой, она все поняла.

Космический «челнок» Уолхема выскочил из-под перекрытий административного корпуса, резко свернул направо и, не сбавляя скорости, помчался по широкой улице в восточном направлении.

— Не иначе, как ребята улепетывают в Цитадель, — прокомментировал Вергард. Он принялся нажимать кнопки пульта, сменяя картинки участков, чтобы не упустить «челнок». — Они ведь запросто могут… Но не-ет, наш друг тут как тут!

Между двумя комплексами пакгаузов, на высоте полутора десятков метров, стремительно пронеслось огромное огненное тело, плоское и длинное, и скрылось за постройками одного из них.

— Слишком быстро для людей! — покачал голо-

вой Вергард. — Он знает, куда они направляются, и отрезает путь. Может, пушки «челнока» его удержат! Следи за происходящим, а я пошел.

— Нет! Я…

И тут к Дейнстар наконец-то пришло полное осознание того, о чем раньше она только смутно догадывалась. Она уставилась на Вергарда, вся объятая страхом.

— Это западня, — ровным голосом вымолвила она. — Ну конечно!

— Какая западня? О чем ты говоришь?

— Здание диспетчерской! Ты что, не видишь? — Кивком головы она указала на проекционное поле. — Помнишь, я сказала, что часть этой твари способна отщепиться от главного тела? Когда оно появилось из-за барьера, эта часть не выказывала никаких последствий от шока. Я это видела совершенно отчетливо, но не могла понять, почему. Так вот: эта часть просто-напросто вообще не выходила из-за барьера. Она до сих пор там, Вергард! В здании диспетчерской! Ждет появления кого-нибудь из нас. В общем, теперь их двое…

Дейнстар видела, как лицо Вергарда постепенно проясняется пониманием того, о чем она говорила.

«Челнок» перекупщиков был пойман не бо-

лее чем через минуту. На пути к Цитадели он обнаружил неприятеля и повернул назад. Когда космический пришелец погнался за ним, крохотные вспышки ослепительного белого света показали, что энергетические пушки «челнока» приведены в действие. Огненное тело дернулось вбок, замерло… и «челнок» развернулся снова, разя преследователя прямой наводкой из всех орудий.

В первое мгновение показалось, что это удачный маневр. Гигантская тварь быстро убралась с пути «челнока», перескочила через крышу соседнего здания и скрылась из виду. «Челнок» ринулся по направлению к Цитадели… А на следующем повороте за угол его поймала петля пурпурного сияния, протащила за собой и швырнула на фасад здания. Но огненный исполин не остановился на этом, а стек вниз и опять шарахнул «челноком» по зданию и только после этого накрыл собой корабль. Несколько секунд вокруг поглощенного летательного аппарата вибрировало интенсивное свечение. Потом сгусток сияния поднялся в воздух и двинулся прочь. «Челнока» долго не было видно. Наконец, огненное тело раскрылось в нескольких сотнях метров от этого места, и растерзанная машина упала на по-

верхность склада. Входной люк был наполовину разломан и свернут на сторону. Было совершенно ясно, что Уолхема с его подельщиками внутри больше не было.

Дейнстар, наблюдавшей за этой сценой с каким-то болезненным восхищением, показалось, что огромный хищник схватил некую ядовитую тварь, облаченную в толстую скорлупу, обезвредил ее, взломал панцирь, чтобы извлечь содержимое, и отбросил прочь пустую раковину.

Инопланетянин повернул на запад, к центральному участку Склада, намереваясь, очевидно, вернуться к административному корпусу. Однако вскоре опустился на землю, просочился сквозь покрытие и пропал.

Прошло несколько минут. «Огненный призрак» не появлялся. Вновь экран монитора показывал спокойные, безжизненные участки Склада.

— Может, он поджидает еще кого-нибудь, чтобы внезапно напасть из укрытия, — внезапно произнес Вергард. — Однако напрашивается вывод, что он должен в первую очередь прорваться в главный корпус, чтобы заполучить свое устройство! Должно быть, Уолхем оставил артефакт там. Эта тварь не стала бы так волтузить «челнок», будь она уверена, что в нем находится ее «игрушка».

Дейнстар промолчала. У обоих нервы были на пределе, и Вергард просто мыслил вслух. Они не могли объяснить поведение существа. Но оно до сих пор действовало осмысленно, значит, и в его исчезновении имелся какой-то смысл.

Все, что агенты могли сделать в настоящее время — это ждать, будучи наготове в случае приближения противника, откуда бы он ни возник. Дейнстар стащила с себя антирадиационный костюм. Вергард сделал это еще раньше. Возможно, благодаря защитным костюмам, люди в «челноке» и получили дополнительную секунду-другую жизни. Но перед лицом столь ошеломляюще могущественного существа наличие на теле костюма явно не имело значения. Кроме того, эти костюмы и сами по себе были достаточно громоздки и неудобны, что серьезно умаляло их преимущества в других отношениях. Если бы существовали признаки того, что второе энергетическое тело, то, что меньше по размеру, покинуло здание диспетчерской, Вергарду имело смысл осуществить попытку марш-броска туда.

Таких признаков, однако, не наблюдалось. По сути, не было заметно никаких признаков активности. Наконец, примерно через десять минут после того, как оно исчезло, большое космическое

существо снова дало о себе знать.

Оно медленно выползло из-под земли на площади перед опустевшим административным корпусом. Вергард с Дейнстар имели возможность видеть на экране, как оно осторожно подползло к зданию и забралось внутрь. И при этом не вспыхнуло никаких защитных силовых полей.

Когда «огненный призрак» исчез, Дейнстар и Вергард обменялись встревоженными взглядами. Вергард быстро сказал:

— Уолхем, должно быть, отключил барьеры перед тем, как уйти через местный шлюз, чтобы этот монстр смог забрать свое устройство…

— И позволил им уйти? — с сомнением спросила Дейнстар. Такой вариант, в принципе, обсуждался Уолхемом и его командой до того, как девушка сбежала от них. Но она не была уверена, что матерый контрабандист откажется от своей заветной цели даже под таким невероятным давлением. Их полет на «челноке», возможно, частично был задуман как маневр, уводящий охотника от добычи.

— В противном случае… — нахмурился Вергард и пожевал губу… — Слушай, а было ли что-то такое в узоре на проекционном поле, что пока-

зывало бы повторное расщепление этой жуткой твари?

Дейнстар покачала головой.

— Нет. Но если ты думаешь, что оно отделило от себя достаточно малый кусок, чтобы он проник в шлюз для персонала, и отключил защиту, окружающую здание…

— Именно так я и думаю.

Дейнстар пожала плечами:

— Я бы не стала это утверждать, Вергард. Я ведь все время наблюдала за проекционным полем. Правда, я могла не заметить, если изменения и были, то очень незначительные. Возможно, ты и прав.

Он немного помолчал.

— Ну что ж, — сказал он, наконец. — Теперь у него есть то, за чем он пришел. Посмотрим, что он намерен делать дальше. — Он испытующе взглянул на напарницу и, не меняя тона, добавил: — У него случайно оказался недокомплект, не так ли?

Брови Дейнстар взметнулись ввысь:

— Как ты догадался?

Вергард усмехнулся.

— Разве мы с тобой первый год знакомы? Ты носишься со своим несессером как курица с яй-

цом, будто в нем скрывается, по крайней мере, бриллиант «Кохинор».

— Да, — согласилась Дейнстар. — У меня в несессере некая деталька. Ее изъятие из артефакта делает его абсолютно неработоспособным. И когда существа, явившиеся из Преисподней, обнаружат, что она отсутствует, они не смогут заменить ее.

— На редкость удачная подлянка! — одобрительно сказал Вергард. Он взглянул на несессер: — Предположим, нам удастся выбраться из этой заварухи живыми, — насколько полезной может оказаться эта деталь?

— Невероятно полезной, если попадет к людям, которые по-настоящему разбираются в такого рода устройствах. Насколько мне удалось выяснить, в ней должен заключаться основополагающий принцип навигационной системы Преисподней.

Вергард кивнул.

— В таком случае будем беречь ее как зеницу ока. Во всяком случае, по мере сил. Разумеется, я не исключаю такой возможности, что нам придется ее уничтожить. Ты только представь себе, что наш «друг» заметил отсутствие этой детальки…

— Это могло бы случиться, если у него появится

возможность проверить все устройство целиком, — сказала Дейнстар. — Но если артефакт был смонтирован и «опломбирован» заново, то невозможно ничего обнаружить… Ага, вот и выход нашего гостя!

Они смотрели, как существо выходит из главного здания. Оно вытекло из посадочной площадки у шлюза и быстро развернулось через центральную площадь в западном направлении. Возможно, оно несло в себе артефакт, как в свое время «челнок» Уолхема.

Дейнстар понимала, что он имеет в виду. Существо из Преисподней могло решить, что достигло желаемого, вернув себе сигнальное устройство, и теперь просто-напросто ретировалось. Девушку почти лихорадило в надежде на этот вариант. Хотя она и убеждала себя в том, что более вероятным является другое. Эта тварь не намеревалась оставлять в живых никого из тех, кто стал свидетелем ее появления на Складе.

Дейнстар в который раз подняла глаза на узоры проекционного поля. В них не просматривалось заметных изменений. Однако всякий раз, когда она рассматривала проекционное поле, у нее появлялось чувство неудовлетворенности, ощущения того, что в них не хватает какого-то

скрытого от нее значения. «Я не вижу всего того, что в них есть», — подумала она, устало встряхнув головой. Слишком многое случилось за эти часы! Сейчас ее мысли казались заторможенными, поэтому она с трудом расслышала слова Вергарда:

— Оно остановилось!

«Огненный призрак» подобрался к границе между участками, затаился, потом вдруг изменил курс следования, повернув направо. Быстро миновав три однотипных здания с плоскими крышами, существо остановилось перед четвертым. Зондирующее огненное щупальце прикоснулось к его стене, и защитные барьеры мгновенно пришли в действие.

Дальше все шло по уже известному сценарию. Существо убрало щупальце и не трогалось с места, оставаясь наполовину погруженным в уличное покрытие. Активизированное его близостью, защитное поле продолжало ярко сверкать в течение одной или двух минут, затем успокоилось и пропало. Существо продвинулось вперед так, что две трети его тела оказались внутри здания. Всего лишь несколько секунд спустя оно отступило назад и свернуло в сторону…

— Оно там кого-то поймало! — констатировал Вергард. — Больше ему нечего было там делать.

Как оно узнало, что какие-то бедолаги спрятались именно на этом участке?

На его последних словах резко прострекотал сигнал интеркома на экране монитора. Дейнстар и Вергард уставились на него, затем взглянули друг на друга. Никто из них не сделал попытки дотянуться до клавиши «связь».

Интерком вновь зазвонил. На этот раз он дребезжал целую минуту с короткими перерывами, прежде чем умолкнуть.

— Так вот, значит, как оно узнало! — упавшим голосом произнес Вергард. Потом пожал плечами. — Ну что ж, если оно, или его часть, справляется с барьерными шлюзами на раз и генерирует кодированные импульсы, то оно запросто может рассечь и систему внутренней связи, и способ обращения с интеркомом. Неплохой способ засечь оставшихся в живых. Если мы не станем отвечать…

— В любом случае, оставаться здесь нельзя, — сказала Дейнстар, хмуро взглянув на проекционное поле. Она произнесла это в какой-то странной, бесцветной и отчужденной манере.

— Это точно. Оно пожрет здесь всех перед тем, как отправиться домой. Теперь, по-видимому, оно сможет вырубать любой местный барьер,

который не управляется напрямую из здания диспетчерской. Вскоре оно это поймет, если уже не поняло. — Вергард взял в руки энергетический карабин. — Хватай самое необходимое — и делаем ноги! Я придумал кое-что получше, чем пробовать прорваться в Цитадель, чтобы играть там в прятки с нашим гостем. С такими номерами, которые он навострился отмачивать, мы здесь долго не протянем… — Он всмотрелся в лицо девушки и произнес отрывисто: — Дейнстар!

Та посмотрела на него смущенно, приоткрыв рот.

— Да? Я…

— Проснись, девочка! — В голосе Вергарда прозвучали нетерпеливые нотки: — Я думаю, мы сможем проскочить на участок, который наш «друг» только что зачистил. Если мы оставим барьер выключенным, велика вероятность, что он не станет снова проверять это здание. Хватит нам здесь околачиваться!

— Нет, — покачала головой девушка и повернулась к приборам на полке. — Тебе придется доставить меня в наш штаб, Вергард, и немедленно!

— Отсюда?! Но это невозможно! На пути туда есть отрезки — в общей сложности более трехсот

метров — где мы очутимся на открытом месте без намека на малейшее укрытие. Можно было бы выбрать и более занимательный способ самоубийства! Мы… — Вергард вдруг запнулся и внимательно посмотрел на нее. — Ты что, небось, придумала что-нибудь? А это сработает?

— Может и сработает, если доберемся туда.

Ковин выругался и заморгал в мрачном раздумье.

— Хорошо, — согласился он наконец. — Надеюсь, я смогу это провернуть! А ты по пути или на месте расскажешь, что задумала. Сделаем небольшой кружок. Есть тут кое-какие зацепки, которые могут занять нашего «приятеля» хотя бы на некоторое время. Это даст нам выигрыш во времени минут двадцать-тридцать.

* * *

Едва поспевая за Вергардом по узкому темному проходу, Дейнстар чувствовала, что ее не оставляют какие-то смутные предчувствия. Вергард продолжал двигаться вперед быстрым размеренным шагом. Чтобы не отстать от напарника, ей то и дело приходилось переходить на бег трусцой. Когда она начинала бежать, Вергард тут же замедлял ход, чтобы она могла немного передохнуть.

Это было вполне разумно, поскольку им предстояло достаточно беготни. Но оставаться разумной было не так легко: ноги девушки хотели бежать.

Мы здесь были абсолютно слепы, подумала она. От осознания этого факта возникало чувство испуганной беспомощности. За последние минуты оно достигло такой силы, что стало почти невыносимым. Дейнстар не могла использовать свои инструменты, а местные барьеры на этом участке были отключены, так что агенты оказались лишены даже этой частичной защиты. Как и предполагал Вергард, инопланетянин обнаружил, что силовые поля могут управляться из центральной диспетчерской. Теперь Склад для него был открыт, кроме тех участков, где люди нашли убежище, и где они поставили защитные барьеры под местный контроль. Такие места, конечно, он обязательно проверит.

И агенты могли случайно столкнуться с ним в любой момент, причем без всякого предупреждения. Вопрос, доберутся ли они до своего штаба, стал вопросом везения или невезения, и Дейнстар, привыкшая всегда ко всему готовиться заранее, прежде чем что-то сделать, строить планы, внезапно для себя обнаружила, что неспособна принять такое условие.

Идущий впереди Вергард остановился. Остановилась и девушка, наблюдая, как он осторожно приоткрыл дверь и выглянул наружу. Потом он обернулся, сбросил с плеча энергетический карабин, взял его наизготовку, поманил Дейнстар. Она проследовала за ним — оказалось, что агенты выбрались на одну из боковых улиц Склада. Она простиралась в обе стороны между нетронутыми фасадами зданий. Высоко над головой черной мрачной аркой прогнулся купол главного энергетического барьера.

Они стремглав метнулись через улицу. Пробежав вдоль почти всего фасада здания на противоположной стороне, они обнаружили еще одну дверь, проникнув через которую, очутились в сравнительно широком проходе. Секунду спустя их окутал абсолютный мрак.

Вергард достал фонарь и тихо произнес:

— Смотри под ноги! Этот участок был официально законсервирован пятьдесят лет назад и с тех пор никем не обследовался.

Он быстро, но осторожно двинулся вперед, светя под ноги. Прошло примерно пять минут с тех пор, как они покинули прежнее убежище. Дейнстар не знала, в какой части Склада очутилась. Однако Вергард рассказал ей про это здание.

Оно было частью старой крепости, которую легче было законсервировать, чем снести. Это был аварийный узел, место, из которого управлялись защитные барьеры комплексов, окружающих это здание. Если оборудование до сих пор находилось в рабочем состоянии, то Вергард сможет включить эти барьеры. Тогда примерно десятая часть Склада вновь будет защищена, невзирая на управление из диспетчерской. Это привлечет к этой зоне внимание существа, а агенты двинутся дальше. Их запасное убежище находилось в здании, расположенном на значительном расстоянии отсюда.

Изредка поглядывая по сторонам, Дейнстар следовала за пятном света, которое плясало впереди. Пол местами прогнил, повсюду валялся непонятного происхождения хлам, воздух был спертым и затхлым. Они с Вергардом, возможно, были первыми, кто за последние полстолетия вошел в это здание. Они завернули за угол и подошли к темному дверному проему.

— Тебе лучше подождать здесь, — сказал Вергард. — Там внутри — нагромождение механизмов, некоторые из которых сломаны. Мне придется перелезать через них, карабкаться по станинам… Если система барьеров действует, я

запущу ее через три или четыре минуты.

Он юркнул в дверной проем. Дейнстар смотрела, как подрагивает, удаляясь среди скопления старинных машин, свет от фонаря. Когда же напарник внезапно завернул за угол, она потеряла его из виду. Теперь ее окружала полная темнота. Она нащупала зажигалку в кармане, но не стала вынимать. Нечего взвинчивать бурлящий поток дурных предчувствий, всматриваясь в подозрительные тени. К тому же, темнота не была для нее врагом. Через минуту или две она расслышала в отдалении последовательность металлических звуков. Вскоре они прекратились, и немного погодя вернулся Вергард. Он тяжело дышал, и его перепачканное машинной смазкой лицо было покрыто потом.

— Насколько я понял, барьеры включены, — коротко сказал он. — Теперь надо поскорее выбираться из этих мест!

* * *

Теперь агенты продвигались намного медленнее, чем прежде. Перемещаясь от одного участка к другому, им приходилось пользоваться шлюзами в силовых полях для пропуска персонала. В промежутках между участками они бежали, если

могли. Они пересекли еще две боковые улицы. После второй Вергард сказал:

— В конце этого здания мы окажемся на незащищенной территории.

— Сколько до следующего барьера? — спросила Дейнстар.

— Три квартала. Двойная спринтерская пробежка по открытому пространству! — он поморщился.

— Мы могли бы частично воспользоваться подземными ходами. Но для того, чтобы перебраться через главные улицы, придется всю дорогу следовать под землей — как на пути в Цитадель, так и обратно.

Она покачала головой:

— Давай все же придерживаться намеченного тобой маршрута.

Транспортная капсула подземной системы могла бы доставить их в Цитадель и в дальний конец Склада за считанные минуты. Но использование капсулы было бы мгновенно зафиксировано приборами, отслеживающими перемещение, и также мгновенно привлекло бы внимание инопланетянина к двигающемуся транспортному средству.

Шлюз для персонала на другом конце здания

вывел их в узенький переулочек. Он упирался в боковую часть одного из гигантских помещений для складирования. Когда они двинулись по переулку, раздались потрескивающие, шипящие взрывные звуки — рычание защитного поля, приводимого в действие.

Вергард протянул руку и выхватил у Дейнстар ее несессер.

— Побежали!

Они сломя голову ринулись по переулку. Яростный треск силового поля исходил не от стен зданий, образовывающих переулок, а от какого-то другого здания. Но оно явно находилось где-то неподалеку, поскольку звуки, доносящиеся оттуда, были громкими и не прекращались ни на минуту.

Через сотню метров Вергард внезапно остановился, поймал Дейнстар (она буквально врезалась в него) и сунул ей несессер обратно.

— Ну, вот и все! — выдохнул он.

Дейнстар увидела, что они добрались до двери, ведущей в помещение для складирования. Вергард повернулся к двери, чтобы открыть ее. Вцепившись в несессер, чувствуя, что ее мысли путаются от ужаса, она оглянулась назад, ожидая увидеть волну пурпурного пламени, скользящего

над землей вдоль переулка. Однако переулок был по-прежнему пуст, хотя фасад здания, перед которым пылал барьер, находился всего в нескольких сотнях метров отсюда. Потом, как только Вергард схватил Дейнстар за руку и затащил ее внутрь, ближняя секция здания — то, что они только что покинули — яростно исторгла сверкающую вспышку. Дверь за ними с грохотом захлопнулась, и агенты вновь помчались вперед через огромный вестибюль по проходам между рядами нагроможденных друг на друга упаковочных ящиков.

Минуточку… а где же несессер? Лишь несколько секунд спустя она сообразила, что держит его в руке.

Вслед за Ковином девушка свернула в боковой проход. Еще один поворот направо — и впереди показался конец вестибюля с отходящим в бок широким коридором. Мельком она отметила напряженное лицо Вергарда, когда он повернулся, чтобы удостовериться, следует ли она за ним. Потом вдруг напарник резко свернул в сторону, прижался к штабелю ящиков, присел на корточки и бешено замахал свободной рукой, подавая знак Дейнстар лечь на пол.

Дейнстар подчинилась его команде момен-

тально. Через секунду он был рядом.

— Не поднимайся, — предупредил он шепотом. — Лежи, как убитая!

Задыхаясь от облака поднявшейся при ее падении пыли, распластавшись на полу подле ящиков, она покрутила головой и увидела то, на что он неотрывно смотрел поверх рядов сложенных упаковочных коробок. Бледно-пурпурный отсвет бесшумно скользил по потолку в дальнем конце вестибюля. Казалось, на какое-то мгновение он сделался более ярким, а потом резко поблек.

Агенты, не сговариваясь, вскочили на ноги, забежали в коридор и помчались по нему стремглав.

Даже после того, как парочка вновь перешла на быстрый шаг, добравшись до постройки вне здания складирования, они почти не разговаривали. Оба сильно запыхались и были очень возбуждены. С трудом верилось, что существу не удалось засечь их местоположение. Должно быть, внимание инопланетянина было целиком поглощено силовыми полями, мимо которых он проходил, если уж целая секция его протекла через здание сортировки всего в нескольких сотнях метров от людей.

А что, если бы они оказались в этом переулке несколькими секундами позже…

Дейнстар сунула руку за пазуху и включила блок охлаждения. Вергард утер рукавом лицо. Пот ручейками тек по его щекам.

— На тебе до сих пор твой противозахватный костюм? — спросила Дейнстар.

Вместо ответа напарник вытянул из-за воротника полоску прозрачной, крепкой и упругой ткани, отпустил ее, и она с хлопком вернулась на прежнее место:

— Думаешь, это мне помогло бы?

— Честно говоря, не знаю.

И правда, она этого не знала. Хотя «огненный призрак», скорее всего, обладал чем-то вроде биодетектора, который был встроен в его сенсорную систему, противозахватный костюм вполне мог исказить и затуманить энергетическую картину живого человеческого тела так, что Вергард остался бы незамеченным.

— Как только доберемся домой, — сказала Дейнстар, — первым делом натяну на себя такой же. Возможно, монстр выведал, что кто-то находится поблизости, но не захотел тратить время на поимку еще одного человеческого существа до тех пор, пока не узнает, почему защитные барьеры

на этом участке оказались снова включены.

Вергард с сомнением заметил:

— У меня такое впечатление, что охоту на людей он ставит на первое место! М-да… А теперь нам, подруга моя боевая, предстоит не спринтерская, а стайерская дистанция. Ты к ней готова?

Дейнстар наморщила лоб:

— Поневоле будешь готова! Если опять увижу эту энергетическую тварь, то могу и не выдержать. Я на пределе.

— Будем надеяться, что сия участь минет нас! — велеречиво изрек Вергард. Он сдернул с плеча карабин: — Вон та дверь впереди. Дай-ка я вначале выгляну.

Когда он стал отпирать дверь, Дейнстар поймала себя на том, что еще раз машинально оглянулась и внимательно осмотрела длинный, освещенный, пустой коридор, по которому они добрались сюда, и в гулком безмолвии которого отдавались лишь их торопливые шаги. Потом она заметила, что Вергард притих и замер, пригнувшись у приоткрытой двери.

— Ну что там? — быстро спросила она, когда Вергард повернулся к ней лицом.

— Понятия не имею! — Напарник выглядел озадаченным и даже в какой-то степени испуган-

ным. — Подойди и взгляни сама.

Девушка выглянула через его плечо наружу. Потом она предложила:

— Где-то на диспетчерском участке есть аппаратура для регулировки освещения Склада.

— Ага, — сказал Вергард, — есть. Правда, она запечатана вот уже около сотни лет или того больше. Но наше Существо Номер Два, кажется, до нее добралось. Хотел бы я знать, что все это значит?

Он открыл дверь пошире. Оба осторожно продвинулись вперед, оглядывая представшую их взорам улицу.

Это была одна из главных улиц склада, ширина которой была метров сто пятьдесят, не меньше. На противоположной ее стороне смутно белел фасад массивного строения, в котором располагались центральные генераторы. Примерно в двухстах метрах левее от того места, где находились агенты, он был «проколот» маленькой входной дверью. Она, эта дверь, и являлась следующим этапом на маршруте Вергарда к их убежищу.

К западу и востоку улица простиралась на полкилометра в каждую сторону до ближайшего пересечения ее другими улицами. Но теперь там

сгустился мрак. Было слишком темно, чтобы они могли добраться до двери в стене генератора. Подернутое дымкой сияние над зданиями с другой стороны улицы указывало, что остальная часть склада до сих пор была залита светом прожекторов. Система освещения осталась еще со времен старой крепости, система, которая не устаревала и не изнашивалась. При отсутствии вмешательства извне прожекторы могли гореть целыми тысячелетиями, наполняя Склад дневным светом.

Но какой-то сторонний фактор оказал влияние на систему освещения, и это влияние продолжалось до сих пор. По мере того, как люди стояли и смотрели, мрак на улице заметно усилился, а затем медленно посветлел до прежнего уровня.

— Ясное дело, ведь в Преисподней не очень-то светло, — произнес Вергард, пристально глядя на запад вдоль улицы, и до Дейнстар внезапно дошло, что в этом направлении был расположен диспетчерский участок. — Существо Номер Два, вероятно, пытается улучшить для себя видимость на Складе.

— Или, — возразила Дейнстар, — свести ее на нет, для нас.

Вергард покосился, но спорить не стал.

— У нас не осталось времени на то, чтобы изменить маршрут на другой, — сказал он. — Чем бы наш «друг» там ни занимался, мы можем совершить ошибку, если станем пересекать улицу во время его экспериментов с освещением. Но сидеть здесь, выжидая, вообще не имеет смысла.

Дейнстар кивнула.

— Может, его намерение как раз в том и состоит, чтобы держать нас здесь в состоянии ожидания.

— Да, я тоже подумал об этом. Так что пошли. Прямо сейчас. На предельной скорости — через дорогу. Я бегу сзади.

На мгновение Дейнстар заколебалась. У нее не пропадало ощущение, что переменчивая темнота широкой улицы воспринимается сейчас обостренными органами чувств инопланетянина. Ей казалось, что, как только они выйдут из-под уличного навеса над дверью, за ними будут наблюдать, как за зверушками, которые удирают от опасности. На какой-то момент она была почти убеждена в этом. Однако факт оставался фактом: оставаться здесь было нельзя. Она крепче сжала несессер, глубоко вздохнула и стрелой вылетела из-под навеса.

Они были уже на полпути к своей цели, когда темнота сгустилась так сильно, что с тем же

успехом можно было бы двигаться в любом направлении и в итоге вообще удалиться в глубины черной вселенной. «Глухо», — подумала девушка. Это был внезапный умственный шок. Она содрогнулась, остановилась в нерешительности, чуть не споткнулась; потом почувствовала, что свернула с намеченного пути, сделала попытку вернуться… и вдруг вообще перестала понимать, в каком направлении двигаться. Ее охватила настоящая паника.

— *Вергард!*

— Жми сюда!

Его голос, хриплый и напряженный, послышался, скорее, справа от нее, нежели сзади. Когда она повернула на голос своего товарища, вспыхнул его фонарь, и луч света сузился до бледной нити.

Вергард обвел им маленький кружок на стене генераторной спереди от Дейнстар. Она заспешила к этой спасительной стене… Внезапно нить света оборвалась… а несколькими секундами позже стена и улица стали вновь появляться. Так же тускло и неясно, как и раньше, но на этот раз более осязаемо и реально. Агенты вместе, что называется, ноздря в ноздрю достигли стены и повернули вдоль нее налево. Улица вновь потемнела и пропала в абсолютной черноте.

Вергард ухватил Дейнстар за локоть:

— Можешь перейти на шаг.

Вдобавок он пробормотал что-то неразборчиво, наверное, какое-нибудь соленое словцо. Они направились дальше, прерывисто дыша. Вергард продолжал удерживать девушку за локоть. Темень немного просветлела, потом опять стала густой.

— Постой на секунду! — очень тихо произнес Вергард.

Она тут же остановилась, как вкопанная, и медленно выпустила из легких воздух. Вергард убрал руку с ее локтя. У Дейнстар создалось такое впечатление, что он осторожно проделал какое-то движение, и решила, что напарник выставил карабин в боевое положение и тоже замер.

Он заговорит, когда сможет это сделать. Дейнстар быстро посмотрела вверх и обвела глазами монотонную темень вокруг них. Единственным звуком было тупое слабое гудение механизмов, доносившееся из строения справа. Потом она осознала, что в поле ее зрения что-то появилось.

Это что-то было спереди и слева. Маленький бледный лоскут пурпурного свечения, продвигавшийся быстро, но в странной манере — толчками, как кальмар. Его передний край поднимался

вверх, колеблясь из стороны в сторону, по мере того, как он почти под прямым углом приближался к их пути следования. На каком расстоянии отсюда был он? Если лоскут двигался, касаясь земли или чуть выше ее поверхности, то должен находиться, по меньшей мере, метрах в двухстах отсюда вверх по улице. В этом случае он был значительно больше по размерам, чем ей представлялось вначале.

Пока мысли о размерах летающего объекта проносились в голове Дейнстар, сам объект пересек путь следования агентов на значительном расстоянии впереди, потом внезапно свернул направо и скрылся из виду.

— Видала? — прошептал Вергард.

— Да.

— Прошел между двумя зданиями. Ничего хорошего в этом, конечно, нет, но и на том спасибо, что Существо Номер Два прошло в стороне от нас. Кажется, оно нас не заметило. Пошли дальше.

* * *

Вергард мельком видел еще одного «огненного призрака» — как раз перед тем, как они остановились. Этот выглядел меньше — или дальше — и оставался на виду всего мгновение на левой

стороне улицы.

— Для того чтобы пробраться через шлюз для персонала и выключить барьер для Существа Номер Один, ему следует быть не очень большим, — сказал Вергард, когда они спешно пробирались по узкому проходу в генераторной. Но это вовсе не означает, что Номер Один находится где-то рядом на этом участке.

— Хочешь сказать, что Существо Номер Два не в единственном экземпляре? — высказала предположение Дейнстар.

Вергард и сам уже думал об этом. Существо из Преисподней могло отделить от себя несколько дюжин автономных участков размером с те, которые они видели. При этом его основная масса заметно не уменьшилась. Чтобы ускорить поиск спрятавшихся людей, оно, вероятно, распределило эти автономные части по территории Склада. Карабин Вергарда не мог причинить значительного вреда гиганту-инопланетянину. Однако ему должно было хватить мощности заряда, чтобы разорвать основные силовые связи этих меньших по размеру копий.

— «Малыши» затрудняют наше продвижение, — сказал Вергард, — но и показаться на улице нам придется всего только разок. После

этого у нас будет надежное прикрытие. И мы сможем немного изменить свою тактику…

С тыльной стороны генераторной пролегала центральная улица Склада. Она была чуть пошире, чем та, которую они пересекли последней. С большим удивлением они обнаружили, что освещена она совершенно нормально. Строго напротив, через улицу, виднелась входная ниша в другое здание. Это был последний открытый участок на пути к убежищу.

Вергард вытер лоб:

— Ну что? Готова к последнему броску?

Дейнстар кивнула. Она чувствовала легкое напряжение в икроножных мышцах и брюшном прессе, а от усталости не осталось и следа. У страха есть положительная сторона — тело как бы признает наличие исключительной опасности, требующей решительных действий, и реагирует на нее полной мобилизацией сил. Она подумала, что, когда прикажет мускулам действовать, те начнут сокращаться и растягиваться в полном соответствии с приказом: ноги побегут, а пресс будет держать корпус. Не нужно забывать и о том, что Вергард облачен в защитный костюм, а у Дейнстар такого не было. Вполне возможно, что агентов вычислили «малыши», ведь свето-

вые призраки, которых они видели, сновали по территории в поисках источников жизненной энергии, средоточием которой являлась она, Дейнстар. В таком случае бросок через центральную улицу мог оказаться чрезвычайно опасным предприятием.

Они решили, что первой пойдет она, а Вергард будет прикрывать напарницу своим карабином. Он тронется сам тогда, когда девушка скроется в здании напротив.

Сказано — сделано, Дейнстар выскользнула из двери, глубоко вздохнула и побежала строго поперек залитой светом улицы по направлению к входной нише.

И пока она пулей неслась вперед, ничего не произошло. Карабин ни разу не выстрелил, отгоняя непрошеных наблюдателей. Плиты мостовой мелькали перед ее глазами. Ей показалось, что буквально через мгновение после старта перед ней возник фасад здания. Дейнстар забилась в нишу и, тяжело дыша, прислонилась к стене.

Дверь слева, говорил Вергард. Где же она?

В следующий миг Дейнстар обнаружила эту дверь рядом с собой и распахнула ее.

В следующее мгновение ее разум чуть не оказался низвергнут в пучину безумия. Она отпряну-

ла от двери и побежала прочь с пронзительным криком, в то время как из двери навстречу ей выплывали две массы бледного пламени. Вот теперь она услышала короткое рычание, которое издавал карабин. Целая буря мечущихся, извивающихся нитей пурпурного свечения внезапно окутала девушку и закружила в неистовом смерче. Ближнее из огненных тел исчезло, и карабин загрохотал вновь.

В этот момент Дейнстар потеряла сознание.

* * *

— Третий установлен, — объявил Вергард.

Дейнстар посмотрела на напарника. Он сидел за столом, нагнувшись вперед, оперевшись локтями о стол. Его лицо выражало полную сосредоточенность. Вергард вглядывался в крошечный, плоский, как лист бумаги, прибор, который держал в левой руке.

— Та-ак… — он тяжело вздохнул. — Осталось всего четыре.

Указательный и большой пальцы агента осторожно сомкнулись на устройстве, сместились в сторону на определенное расстояние, потом вернулись на место. Это приспособление было взято из коротковолнового детектора Дейнстар.

Она сама его спроектировала и использовала в тех случаях, когда надо было подключиться к тайным переговорам, вызывающим у нее профессиональный интерес. Временами она аккуратно заглушала частотный диапазон в какой-нибудь важный момент разговора, а иногда вставляла свою дезинформацию.

Но этот инструмент был приспособлен исключительно для ее тонких пальчиков, которые сами по себе являлись колдовскими инструментами, если рассматривать их в плане мастерства, проворства и опыта. Прибор не был приспособлен для грубых пальцев Вергарда или чьих-нибудь еще. Единственное, в чем она могла ему помочь — так это подсказать, что ему надо делать. Управлять надо было обеими руками. В настоящий же момент левая рука у нее была парализована. То, что вывело ее из строя у входа в здание, за мгновение до того, как ружье Вергарда расколошматило второго из двух «малышей», можно было сравнить разве что с ударом молнии, полного воздействия которого удалось счастливо избежать. Вергард тащил напарницу на себе два квартала, потом, уже в убежище, надевал на нее защитный костюм — и все это время она провела без сознания. Потом она вдруг очнулась. Пораженные мышцы

сводила судорога, она пыталась кричать. Когда Дейнстар стала отвечать на вопросы Вергарда, голос у нее был осипший, слова она проглатывала или произносила невнятно. Обнаружилось, что левый бок девушки почти полностью парализован, а язык едва слушался. Как только он смог понять, что ей требовалось и какие у нее были намерения, связанные с дальнейшей их судьбой, Вергард перенес напарницу вниз, на первый этаж здания, в комнату, защищенную барьером. Он прихватил также набор спешно собранных инструментов и приспособлений. Усадив девушку на стул рядом с панелью управления барьером, он разложил на столе различные инструменты, до которых она могла дотянуться правой рукой. Потом принялся манипулировать над миниатюрными круговыми шкалами некого хитроумного устройства, чтобы отрегулировать их в соответствии с семью режимами, которые, по убеждению Дейнстар, требовалось установить во что бы то ни стало.

Через некоторое время он облегчил душу бранью, затем спросил, не поднимая головы:

— Сколько я уже вожусь с этой блохой?

— Шестнадцать минут, — подсказала Дейнстар.

Ее паралич начал понемногу проходить. Она могла уже произносить слова достаточно внятно, хотя левая половина лица оставалась онемевшей. Но девушка до сих пор была не в состоянии пошевелить травмированной рукой. Если бы она могла работать обеими руками, ей понадобилось бы меньше полминуты, чтобы установить круговые шкалы на нужные показания и засунуть устройство обратно в детектор. Для нее подобная работа была не сложнее, чем вдеть нитку в ряд из десятка миниатюрных иголок. Проблема состояла в том, что руки Вергарда не были приспособлены для работы с такими микроскопическими объектами. Ему не хватало изящества.

— Шестнадцать минут! — простонал он. От прилагаемых усилий на лбу выступили капельки пота. — Ну, я, кажется, начинаю понимать, в чем тут дело. Нам может изменить удача.

Ох, может, подумала Дейнстар. Все, что произошло до сих пор, было результатом везения. За последние полчаса они испытали как удачу, так и неудачу. До сих пор основное тело инопланетянина было занято нейтрализацией приведенных в действие защитных барьеров в северной части Склада. Экран монитора показывал прерывающееся мерцание силовых полей. Северный участок

то и дело ярко вспыхивал. Время от времени между зданиями возникало колоссальное багряное зарево. Пока оно оставалось в той стороне, у агентов еще теплилась надежда на благополучный исход. Но барьеры отключались один задругам. Отделившиеся от материнской основы «малыши» вскоре смогут проникнуть через шлюзы для персонала и перережут приборы управления. Возможно, когда шлюзы нельзя было обнаружить сразу, основное тело пробивалось через силовые поля напрямую, амортизируя тот ущерб, за счет которого можно было попасть в защищенное здание.

Только за последние четыре минуты оно, по всей видимости, прошло через три таких местных заслона. Изменения в визуальных показаниях детектора выявили достаточно серьезную степень повреждения узлов энергетического монстра. И это внушало определенные надежды…

Взгляд Дейнстар обратился к несессеру, лежавшему на столе между детектором и передатчиком автокодирования, которые были расположены в пределах досягаемости ее здоровой руки. Внутри несессера все еще находился инопланетный прибор, который она взяла из кабинета доктора Хишкана, важнейшее координирующее

устройство, без которого фальшивый астероид из космического облака был всего лишь бесполезной грудой изнашивающихся механизмов.

Обнаружил ли инопланетянин, что пропавший из Преисподней локатор не способен функционировать, что люди на Складе вынули из него деталь?

Девушка решила, что обнаружил. То, что, несмотря на разрушение целых слоев его узлов в бушующих силовых полях, за последние минуты инопланетянин вновь возобновил свою бурную деятельность по преодолению энергетических заслонов, лишь бы поскорее добраться до пульта управления барьером, наводило на мысль о новой вспышке намерения «огненного призрака» найти оставшихся в живых людей. С его стороны было бы логично предположить, что тот, у кого находится пропавшая «деталька», будет искать спасения на том участке территории, которая до сих пор огорожена многократными барьерами.

Но как только последние из защитных полей окажутся отключенными, а последние здания в северной части будут обысканы, существо повернет сюда. Тогда им придется туго — очень туго! Чтобы не привлекать внимания к скрывающему их зданию, агенты собирались держать местный

барьер выключенным как можно дольше. Они были в защитных костюмах, и, возможно, их вообще нельзя было обнаружить биодетектором. Они могли оставаться незаметными неограниченное количество времени.

Однако Вергард с Дейнстар находились в комнате управления барьером всего несколько минут, когда один из поисковых элементов инопланетянина их нашел. У Дейнстар под наблюдением находились улицы вдоль двух сторон здания, и там ничего не было заметно. Очевидно, «малыш» сумел подобраться через примыкающее здание. Без предупреждения оно низверглось из верхнего угла комнаты и обрушилось на людей. Едва Дейнстар успела заметить непрошеного гостя, как Вергард схватил карабин со стола и разрядил его одной рукой.

Разведчик улетучился так же, как и его двойники у входа в здание — в бурном вихре стремительно бурлящих искр пурпурного цвета. Индивидуальные энергетические ячейки, которые уцелели от поражающего заряда карабина, метались столь же бессмысленно, как насекомые, отнесенные внезапным дуновением ветра прочь от роя. Дейнстар интуитивно включила защитные поля здания почти одновременно с

выстрелом Вергарда. Через несколько секунд индикаторы показали, как моментально замерцали защитные поля в тысячах точек, где блестящие пурпурные нити пытались сквозь них проникнуть, и были ими поглощаемы. Через минуту здание было полностью очищено от них.

Но потом, сразу же вслед за этим, барьер подвергся нападению в гораздо более жесткой манере. Теперь экран монитора показывал быстрые сдвиги и переплетения огненных скоплений на одной из улиц рядом созданием. Четыре или пять «малышей» появились рядом друг с другом, один из них предпринял попытку проскользнуть в здание и вступил во взаимодействие с силовым полем. Испытывая нехватку защитной массы основного тела, он был мгновенно уничтожен. Остальные, очевидно, осознали опасность, и соваться не стали.

— Если разведчики смогут обнаружить шлюз для персонала, они попытаются проникнуть через него! — заметил Вергард.

Он осторожно отложил в сторону инструмент Дейнстар, который настраивал, и теперь сторожил, взяв оружие наизготовку. Входная поверхность шлюза располагалась в стене напротив, окруженная предостерегающим светом,

который показывал, что поле находится в активном состоянии.

Дейнстар не спускала глаз с панели управления. Мгновение спустя она сказала отрывисто:

— Разведчики обнаружили шлюз!

Рядом с индикаторами поля замигал желтый свет, сигнализируя, что шлюз перешел в режим эксплуатации. Когда его дверь стала открываться в комнату, Вергард послал в него заряд, и пурпурное зарево внутри полыхнуло в бешеной вспышке.

Попытка использовать шлюз для атаки больше не повторялась. Непосредственной опасности для осажденных агентов сами по себе сегменты-разведчики не представляли. Но на открытом пространстве, в стороне от здания, где они могли привести в действие свою разрушительную мощь, лишь немногие из них достигали таких размеров, чтобы представлять подобающую мишень для карабина. Отступить в какое-нибудь другое место Склада стало невозможным. «Малыши» барражировали по всем прилегающим к зданию улицам и были настороже. Причем их число все время увеличивалось, поскольку к ним стали присоединяться другие сегменты.

Это означало, что появление основного тела

для того, чтобы окончательно разобраться с людьми, замурованными в этом здании, было лишь вопросом времени. Ни Дейнстар, ни Вергард не обмолвились при этом ни словом. Что ж, им улыбалась удача, а теперь наступила черная полоса невезения. Значит, лимит альтернативных действий оказался исчерпан. Больше обсуждать было нечего.

Вергард отложил карабин и возобновил осторожное, неторопливое ощупывание круглой паукообразной шкалы устройства Дейнстар. Девушка наблюдала за приборами, которые, в свою очередь, наблюдали за передислокациями противника. У Вергарда задергалось правое веко, пот обильно струился по лицу. Но руки продолжали оставаться спокойными. Через некоторое время он объявил, что замкнул первый контакт. Потом второй, а вслед за ним и третий…

* * *

Показания приборов фиксировали некоторые изменения, о которых Дейнстар благоразумно умалчивала, чтобы не отвлекать партнера. То, что основное тело инопланетянина подвергалось суровому наказанию за свои атаки на силовые поля, становилось все более очевидным. Такой узор,

который давал теперь проекционный детектор, мог быть у города, подвергающегося периодическому и грубому отключению от электроэнергии. Затемненные участки не восстанавливались и оставались безжизненными, нарастали симптомы беспорядочно распространяющегося развала общей организации.

Но «огненный призрак» должен был знать, подумала Дейнстар, сколько может еще вытерпеть. Тем временем, он добивался своей цели с ужасающей быстротой. Барьер за барьером вспыхивали ярко и неистово, иллюстрируя направление его поиска в северном комплексе, потом вновь затухали. На экране монитора картинки сменялись одна за другой, по мере того, как Дейнстар следила за продвижением монстра. Потом она включила еще одно изображение, зная, что оно будет последним. Инопланетянину оставалось пройти совсем немного.

Дейнстар на минуту переключила экран на показ территории, прилегающей к их зданию. Здесь по-прежнему постоянно росло количество призрачных световых облаков, мечущихся за барьером. Было очевидно, подумала она, что инопланетянин почти полностью контролирует ситуацию на Складе. Сегменты рассылались

по всей его территории, словно передовые отряды наступающей армии. Они явно должны были убедиться, что нигде больше не осталось скрывающихся людей. Сейчас большинство «малышей» концентрировалось у этого здания, так как составной разум знал, что внутри находятся единственные, кто остался в живых. Естественно, за исключением северного комплекса.

По всем параметрам «огненный призрак» являлся существом разумным и расходовал свои ресурсы методично и экономно. Основная его часть, отделившаяся после захвата диспетчерской, очевидно, так и оставалась там, не принимая участия в других действиях. Это исключало возможность бегства людей со Склада или получения ими помощи извне. Только на протяжении последних нескольких минут, после того, как мозг инопланетянина убедился, что последние уцелевшие прикованы к одному месту, в узоре на проекционном поле стали появляться значительные изменения. Существо, казалось, находилось теперь в движении, выполняя какую-то иную роль в общем, грандиозном замысле. Возможно, подумала Дейнстар, оно воссоединится с основным телом в качестве резервной силы, чтобы компенсировать потери, понесенные тем

при атаке барьеров. А, может, оно направляется сюда.

— Четвертый контакт готов… — произнес Вергард безразличным тоном, словно ему пришло на ум лишь, между прочим, заметить нечто, не представляющее для обоих агентов особого интереса. Менее чем через минуту, в той же невыразительной небрежной манере он объявил, что замкнута пятая цепочка. В Дейнстар вспыхнула надежда — настолько внезапно, что она могла сравниться с обжигающей волной испуга. Девушка быстро взглянула на Вергарда. Погруженный в напряженную работу, он манипулировал над прибором обеими руками, тщательно обдумывая самое незначительное движение каждого пальца. Побелевшим лицом он был похож на наркомана, сидящего в трансе. Девушка не решалась обратиться к нему и, вообще, боялась сделать хоть что-то, что вывело бы его из этого состояния абсолютной погруженности. Между тем, она поймала себя на том, что мысленно взывает к нему с мольбой поторопиться. Ведь времени оставалось так мало. Несколько минут назад последний барьер северного комплекса вспыхнул и погас навсегда. В тот момент, судя по проекционному полю, главное тело иноплане-

тянина казалось неподвижным. В искрящемся рое сигналов проектора появились признаки глубоких продолжительных рассогласований. У Дейнстар мелькнуло подозрение, что последнее потрясение от столкновения с энергий силового поля могло привести огромную массу «огненного призрака» в состояние полной дезорганизации. Но потом стало очевидно, что компонент инопланетянина, оставшийся в диспетчерской, по сути, воссоединялся с главным телом. И стала также ясна его роль. Когда слились две части, неустойчивые нарушения в основной части ослабели и достаточно быстро сгладились. Постепенно подтверждалась правота ее предположения о быстрых многочисленных ритмах, координирующих целое.

Существо из Преисподней было эквивалентом армии, состоящей из миллионов индивидуумов. И эта сущность обладала направляющим разумом. Он помещался в центре участка, который воздерживался от действий, пока энергетические защиты Склада не стали нейтрализованы. И теперь он появился вновь, избежав ущерба, нанесенного основному телу, для того чтобы возобновить контроль и восстановить порядок в «танковых частях». Количественно составное

чудовище уменьшилось, оно как бы «сжалось». Но его эффективность оставалась по-прежнему высокой. Для положения Дейнстар и Вергарда потеря инопланетянином одной только массы ничего не меняла.

А где он находится сейчас? Девушка лихорадочно пролистала картинки на экране монитора, показывающие те участки Склада, по которым он мог добраться от Северного комплекса до этого здания. Нигде не было его видно. Правда, если он снова пришел в движение, то запросто мог перетечь в их сторону под землей. Тогда никакие мониторы не могли его показать…

Дейнстар выдержала паузу, не снимая здоровую руку с пульта управления монитором.

Появлялось ли в этот момент хотя бы малейшее, пусть самое кратковременное, характерное подрагивание на отрезке индикатора защитного барьера? Экран был занят изображением территории около здания. По улицам быстро скользили только призрачные облака сегментов.

Но это еще ровным счетом ничего не значило. Дейнстар задержала взгляд на панели управления барьером. Текли томительные секунды. Затем по индикаторам пробежало легкое колебание, которое сразу же утихло.

Все ясно, существо находилось здесь, непосредственно под зданием. Оно вплотную подступило к зоне действия его силового поля. Дейнстар подтянула несессер с инструментами ближе к себе, открыла цифровой замок, вынула яйцевидное инопланетное устройство и маленький пистолет. Она расположила устройство и оружие рядом на столе таким образом, чтобы ствол пистолета был направлен точно на «детальку». Легкое прикосновение к курку пальцем, — и в устройство будет выпущен разрушающий заряд…

Она вновь обратила взор на экран монитора. Кружащаяся вихрем масса световых тел на улице резко прекратила свой танец.

* * *

Дейнстар обсудила с Вергардом создавшуюся ситуацию. Инопланетянин отследил образец-«астероид» Университетской Лиги не только от Преисподней до Мецмиали, но и до самого Склада. Пока прибор, изъятый из артефакта, был в несессере отгорожен антидетекторными экранами против слежки, сенсорные узлы инопланетянина, очевидно, не могли его обнаружить. Но как только устройство оказалось вынуто, «огненный призрак» неминуемо должен был его засечь.

Интересно, осознавал ли инопланетянин важность этого устройства для себя? Дейнстар полагала, что определенно осознавал. Возникал еще один вопрос: было ли ему известно из опыта общения с людьми, что они, будучи загнанными в угол, находясь перед лицом смерти, в состоянии совершать самые неожиданные поступки, и, в частности, уничтожить подобную вещь, чтобы она не досталась врагу?

Если инопланетянин знал об этом, то на окончательной стадии развития ситуации это могло им прибавить еще немного времени.

Девушка нисколько не удивилась бы, если бы через секунду после того, как она открыла несессер, индикаторы барьера полыхнули бы красным светом. И в этот момент, который стал бы последним в их с Вергардом жизни, она бы спустила курок.

Но непосредственно после изъятия «детальки» из несессера ничего не произошло, разве что «малыши» снаружи здания застыли в неподвижности. Это, конечно, должно было иметь какое-то значение. Дейнстар тоже замерла и стала ждать.

Прошло примерно с полминуты. Потом трескучий сигнал приема, раздавшийся из передатчика автокодирования, внезапно нарушил тишину

в комнате.

Через несколько секунд из передатчика раздались три слова, разделенные промежутками, позаимствованные у живых человеческих голосов и искусно склеенные инопланетянином:

— Мне… это… нужно…

Потом наступила пауза. Вергард разрядил нервозную обстановку, резко и неприятно хохотнув. Она следила за панелью управления барьером. Ее индикаторы оставались спокойны.

— Мне… это… нужно… — вдруг повторил передатчик. И вновь наступила пауза.

— Шесть, Дейнстар! — провозгласил Вергард. Он что-то еще пробормотал и умолк.

— Мне… это…

Передатчик резко отключился. Индикаторы силового поля резко мигнули и успокоились. А вот на экране монитора движение возобновилось.

Сегменты, находившиеся на улице слева от здания, поднялись, как горящие листья, гонимые дыханием приближающегося шторма, закружились в едином вихре и втянулись через крышу здания напротив. В мгновение ока улица опустела. С правой стороны от здания призрачные огненные облака тоже убирались прочь, только медленнее и в восточном направлении. Дру-

гие, тем временем, начали вытекать из фасадов зданий и, пройдя по воздуху, присоединялись к «перелетным птицам». На расстоянии с полкилометра от здания рой замедлил отход и стал «кучковаться». Через несколько секунд мостовая вокруг них засветилась знакомым пурпурным сиянием. Мерцающая масса существа из Преисподней медленно поднялась из-под плит мостовой и стала видна полностью. Его второстепенные эмиссары сливались с инопланетянином и исчезали в нем по мере того, как он поднимался. Потом огненное одеяло с минуту полежало спокойно, заполняя улицу во всю ширину.

Ситуация представлялась однозначной, ее нельзя было истолковать как-то иначе. Инопланетянину требовалась «деталь». «Огненный призрак» знал, что его собственность у людей, находящихся в этом здании. Он сообщил о своем желании, а затем отступил от здания, забрав свои сегменты с собой.

Это подразумевало, что люди могут свободно уйти, если оставят «деталь»…

Но, конечно, ситуация была в действительности совсем другой. Никакого компромисса не существовало. На вид незначительное устройство, на которое был направлен пистолет Дейнстар,

являлся ключевым для монстра из Преисподней. Отказаться от него в этот финальный для инопланетянина момент было немыслимо. И этот поступок, в любом случае, не продлил бы им жизни больше, чем на несколько минут.

Так что пистолет оставался на месте, и Дейнстар не делала больше никаких движений. То, что они с Вергардом владели столь необходимым для инопланетянина предметом, представляло для агентов всего лишь незначительный выигрыш во времени. До тех пор, пока девушка не услышит от Вергарда, что он успешно замкнул седьмую и последнюю оправку в дьявольски крохотном приборчике, с которым мучился почти двадцать минут, она ничего не могла предпринять. Секунды бежали неумолимо, но Вергард молчал.

Когда прошло около двух минут, Дейнстар поняла, что гигантское огненное облако погружается обратно под поверхность улицы. Потом через несколько секунд оно исчезло из виду окончательно.

Тяжелое, как свинец, отчаянье обрушилось на Дейнстар. Когда агенты вновь увидят монстра, он уже окажется совсем близко и будет готов к финальному штурму. А если он пробьет силовое поле из-под здания, то они его вообще не увидят.

Только бы не растеряться и нажать на спусковой крючок в то самое мгновение, когда индикаторы барьера вспыхнут предупреждающим сигналом! Иначе все будет кончено.

Она оглянулась на напарника. Тот положил инструмент на столе перед собой и, нахмурившись, что-то бормотал про себя. Вергард был полностью погружен в свое занятие. Это позволяло его пальцам проделывать ту работу, на которую при обычных обстоятельствах они, скорей всего, оказались бы неспособны. Эх, еще только несколько минут, мелькнуло в мыслях у Дейнстар, и он закончит. Она открыла рот, чтобы предупредить его о том, что им вскоре предстоит пережить, но потом сообразила, что незачем его отвлекать. Ведь Вергард не Господь Бог, не в его силах что-либо изменить.

Когда девушка снова посмотрела на экран монитора, существо из Преисподней начало возникать над поверхностью улицы в ста метрах отсюда. Оно плавно взмыло вверх — эдакая чудовищно распластавшаяся гора пурпурного свечения — и потекло по направлению к ним.

Оставались последние секунды… Палец Дейнстар плавно обхватил спусковой крючок и напрягся.

Медленно и мрачно, как ей показалось, задумчивый голос произнес:

— У меня в глазах потемнело от напряжения. Может, проверить, а, Дейнстар? Мне кажется, я управился, но…

— Скорее — вырвался у нее крик, и пистолет лег на стол. Она неловко повернулась на стуле и протянула правую руку.

— Дай мне!

Вергард, которого резкие действия Дейнстар вывели из транса, тут же очутился рядом с напарницей. Сунув ей устройство, он усадил ее полупарализованное тело так, чтобы она повернулась обратно к детектору и вставила туда собранный им прибор. Затем, чтобы не мешать, быстро отошел. Дейнстар закрепила все, что необходимо, и оглянулась. Вергард вновь стоял у своего стола, не сводя глаз с девушки. Рука его была поднята над толкателем обоймы энергетических зарядов карабина.

— Давай! — прошептала она.

Может, Вергард и не расслышал ее, но его ладонь тяжело опустилась на толкатель, в тот самый момент, когда индикаторы всей восточной части барьера вспыхнули неистовым ярко-красным светом.

* * *

В своей работе Дейнстар предпочитала тонкие методы, если, конечно, это было возможно. Таким уж она была человеком. Она спроектировала детекторное приспособление для помех, главной целью которого являлась возможность осуществления аккуратных незаметных манипуляций с радиосообщениями, проходящими по той линии связи, по которой их, считалось, было невозможно перехватить. Сейчас, для их с Вергардом целей, это приспособление сработало на редкость удачно.

Правда, в данном случае, когда в него была послана целая обойма энергетических зарядов с максимальным напором, ни о каких тонких методах говорить не приходилось. Целый шторм электрических разрядов забарабанил по внутренней коммуникационной системе существа из Преисподней, распространяясь по всему Складу. Реагируя на них, составное тело содрогалось и буквально рвалось по швам. Экран монитора заполнили кипящие гейзеры пурпурного свечения. Под мрачным черным куполом основного барьера поднимающаяся масса разбухла донельзя, и превратилась в извивающееся пылающее

облако. Терзаемое не утихающими статическими разрядами, оно стало увядать, блекнуть и, наконец, распалось на миллиарды световых нитей, бессмысленно мечущихся в поисках спасения. Вскоре все эти миллиарды свалились на защитную полусферу древней крепости.

На протяжении трех или четырех минут величественный барьер с жадным хлюпаньем всасывал их в себя.

Затем на Складе Университетской Лиги наступила тишина.

ДЕДУШКА
(перевод Н. Устинова)

Что-то зеленокрылое, пушистое, величиной с курицу, пролетело вдоль склона холма и стало парить прямо над головой Корда, в десяти метрах над ним. Корд, пятнадцатилетний юноша, откинулся назад, прислонившись к прыгоходу, и задумчиво смотрел на это создание. Прыгоход стоял в районе экватора на планете, куда люди добрались всего лишь четыре земных года назад. Существо, привлекшее внимание Корда, члены Колониальной экспедиции Сутанга в обиходе называли Болотным Жуком. В его пушистом мехе, на загривке, сидело второе, меньшее по размеру существо — полупаразит, Наездник Жука.

Корду показалось, что Жук относится к какой-то новой разновидности. Пристроившийся на Жуке паразит тоже мог оказаться неизвестным видом. Корд по натуре был исследователем, и первое впечатление от необычной летающей упряжки возбудило в нем бесконечное любопытство. Как и почему функционирует этот необыкновенный феномен? И на какие чудеса он способен?

Проводить подобные исследования Корду обычно мешали разные обстоятельства. Колониальная экспедиция была напряженно работающей бригадой из двух тысяч человек, которые преследовали определенные цели — за двадцать лет они должны были составить мнение о совершенно новом мире Сутанга и преобразовать его до такой степени, чтобы на этой планете можно было поселить сто тысяч колонистов в условиях относительного комфорта и безопасности. Поэтому даже от самых юных студентов колонии, вроде Корда, ожидалось, что они ограничат свою любознательность кругом исследований, установленных Станцией, к которой они прикомандированы. Склонность Корда к самостоятельным экспериментам и раньше вызывала неодобрение его непосредственного начальства.

Корд мельком взглянул вниз, на Колониальную Станцию залива Йогер. Около этого низкого, похожего на крепость корпуса, стоящего на холме, не было заметно никаких признаков человеческой деятельности. Центральный шлюз был еще закрыт. Его должны были открыть через пятнадцать минут, чтобы дать выйти Регентессе Планеты, которая сегодня должна была инспек-

тировать Станцию залива Йогер.

По расчетам Корда, за пятнадцать минут он мог узнать что-то о новом Жуке.

Но сначала надо было еще заполучить его.

Корд вытащил из кобуры один из двух пистолетов, висевших у него на поясе. Это был его собственный пистолет — ванадианское пулевое оружие. Движением большого пальца Корд перевел пистолет в положение для стрельбы наркотизирующими ракетками, рассчитанными на мелкую дичь, и сбил парящего Жука, проделав аккуратное микроскопическое отверстие в его голове.

Не успел Жук коснуться земли, как Наездник спрыгнул с него. Этот крошечный ярко-красный демон, круглый и подвижный, как резиновый мячик, в три прыжка подскочил к Корду и раскрыл широкую пасть. С его острых клыков капал яд. Невольно затаив дыхание, Корд опять нажал на спуск и сбил Наездника. Новый вид, точно! Ведь большинство Наездников были безвредными растительноядными, они сосали только сок из овощей.

— Корд! — раздался женский голос.

Корд выругался про себя. Он не слышал, как, открываясь, щелкнул Центральный шлюз. Должно

быть, она обогнула Станцию и пришла с другой стороны.

— А, Грэйэн! — не оглядываясь, откликнулся Корд. — Посмотри-ка, что у меня! Новый вид!

Грэйэн Мэхони, стройная черноволосая девушка двумя годами старше Корда, побежала к нему по склону холма. В звездной колонии Сутанга она была выдающейся студенткой, и Нирмонд, начальник Станции, время от времени ставил ее Корду в пример. Несмотря на это, она и Корд были добрыми друзьями, хотя Грэйэн частенько помыкала им.

— Корд, ты просто дуралей! — набросилась она на него. — Брось эти коллекционерские повадки! Если бы Регентесса сейчас вышла, ты бы погорел. Нирмонд уже говорил ей о тебе!

— Что же он говорил? — осведомился Корд.

— Во-первых, что ты не выполняешь порученную работу, — сообщила Грэйэн. — Во-вторых, что ты по меньшей мере раз в месяц отправляешься в одиночные экскурсии, и тебя приходится выручать…

— Никому, — горячо перебил ее Корд, — пока еще ни разу не приходилось меня выручать!

— А откуда Нирмонду знать, что ты жив-здоров, когда ты исчезаешь на целую неделю? — возра-

зила Грэйэн. — В-третьих, — продолжала она, по очереди загибая свои пальчики, — он жаловался, что в лесах за Станцией ты развел личные зоопарки из неопознанных и, возможно, смертоносных паразитов. И, в-четвертых… ну, Нирмонд просто не хочет больше отвечать за тебя. — Она многозначительно выставила вперед четыре пальца.

— Ну и ну! — выдавил обескураженный Корд. Его краткая характеристика в ее интерпретации выглядела не очень привлекательной.

— Вот именно, ну и ну! Хочу тебя предупредить: теперь Нирмонд требует, чтобы Регентесса отослала тебя назад на Ванадию — ведь через сорок восемь часов на Новую Венеру прибудет звездолет!

Новая Венера была главной базой Колониальной экспедиции на противоположной стороне Сутанга.

— Что же мне делать?

— А ты попробуй притвориться здравомыслящим, — Грэйэн внезапно улыбнулась. — Ведь я тоже говорила с Регентессой — так что пока еще Нирмонд от тебя не отделался. Но если ты оскандалишься во время нашей сегодняшней экскурсии на Фермы, то вылетишь из Экспедиции — и уж навсегда!

Она собралась уходить.

— Кстати, ты бы мог вернуть на место прыгоход: мы им не воспользуемся. Нирмонд отвезет нас на берег в тредкаре, а оттуда мы поплывем на Плоту. Только они не должны знать, что я тебя предупредила.

Корд, ошеломленный, смотрел ей вслед. До сих пор он не предполагал, что его репутация так пошатнулась. По мнению Грэйэн, у которой уже четыре поколения предков работали в колониальных экспедициях, не было ничего хуже увольнения и позорной высылки назад, в родной мир. Корд с удивлением заметил, что сейчас и он испытывает такое же чувство.

Предоставив только что пойманные трофеи самим себе, Корд поспешно взобрался в кабину прыгохода, обогнул Станцию и вкатил машину в ангар…

Возле болотистой бухты, на берегу которой Нирмонд остановил тредкар, покачивались на воде три Плота. Они были похожи на широкополые, остроконечные кожаные шляпы зеленого цвета или на листья кувшинки диаметром в восемь метров, в центре которых росли огромные серо-зеленые ананасы. Что-то вроде растений-животных. Сутанг открыли совсем недавно и не

успели рассортировать все живущее на нем и создать что-то, хотя бы отдаленно напоминающее упорядоченную классификацию. Плоты были местной загадкой. Их мало-помалу исследовали, считали безвредными и даже в какой-то степени полезными, поскольку применяли как средство передвижения, правда, довольно медленное, по мелким водам болотистого залива Йогер.

В группу входили четверо: Грэйэн была впереди вместе с Нирмондом, Регентесса приподнялась с заднего сиденья тредкара, где она сидела рядом с Кордом.

— Так это и есть ваши экипажи? — улыбнулась она.

Нирмонд кисло усмехнулся:

— Их нельзя недооценивать, Дэйн! Со временем они могут сыграть в этом районе экономически важную роль. Ведь эти три Плота намного меньше тех, которыми я обычно пользуюсь. — Он оглядел заросшие тростником берега бухты. — А тот, что, как правило, стоит здесь, поистине исполин.

Грэйэн обернулась к Корду;

— Может быть, Корд знает, где спрятался Дедушка?

Это было сказано из самых лучших побужде-

ний, но Корд надеялся, что никто не спросит его о Дедушке. А теперь все смотрели на него.

— Так вам нужен Дедушка? — волнуясь, спросил он. — Да, я оставил… я хочу сказать — видел его недели две назад примерно в километре к югу отсюда…

Грэйэн вздохнула. Нирмонд что-то проворчал и сказал Регентессе:

— Плоты имеют обыкновение останавливаться там, где их оставляют, лишь бы вода в этом месте была мелкой и илистой. У них есть система корневых волосков, с помощью которой они извлекают со дна залива необходимые химические вещества и микроэлементы. Грэйэн, ты не подвезешь нас в ту сторону, к югу?

Корд с несчастным видом откинулся назад, и тредкар, накренившись, двинулся в путь. У Нирмонда явно возникло подозрение, что Корд использовал Дедушку для одного из своих нелегальных путешествий по этому району, — да так оно и было.

— Корд, я уверена, что ты специалист по этим Плотам, — сказала Дэйн. — Грэйэн говорила мне, что для сегодняшней экскурсии лучшего рулевого, или кормчего, или как он там называется, нам не найти.

— Я умею управляться с Плотами, — ответил Корд, на лбу которого сразу выступили капли пота. — Они совсем не опасны!

До сих пор Корд не сознавал, что произвел на Регентессу хорошее впечатление. Дэйн была молодой, красивой женщиной. Она легко вступала в разговор и смеялась, но не зря ее назначили главой Колониальной экспедиции Сутанга. Чувствовалось, что ей ничего не стоит выгнать из Экспедиции любого, кто нарушает установленные правила.

— У этих Плотов есть одно большое преимущество перед прыгоходом, — заметил Нирмонд. — Можно не бояться, что на борт к ним попадут Рыбы-Кусаки!

Он стал описывать жалящие лентовидные щупальца, которые Плоты раскидывают под водой, чтобы отбить охоту у тех, кто хотел бы полакомиться их нежной плотью. Кусаки и два-три других агрессивных вида рыб, водящихся в заливе, еще не научились тому, что нападать на вооруженных людей, сидящих в лодке, не имеет смысла, но они поспешно уносились прочь, освобождая путь неторопливо двигающимся Плотам.

Корд был счастлив, что его пока оставили в покое. Регентесса, Нирмонд и Грэйэн — все это

были люди с Земли, как и большинство остальных членов Экспедиции; а при людях с Земли он чувствовал себя неловко, особенно, когда их было сразу несколько. Ванадия, его родной мир, сама только-только перестала быть колонией Земли — вот в чем заключалась разница между ними. Все земляне, которых ему приходилось встречать, всецело посвятили себя тому, что Грэйэн Мэхони называла Великим Воплощением, а Нирмонд — Нашей Целью Здесь. Они действовали в строгом соответствии с Уставом Экспедиции — что иногда, по мнению Корда, было совершенно неразумно. Ведь зачастую та или иная новая ситуация выходила за рамки Устава — и тогда кто-нибудь погибал. Обычно в таких случаях Устав быстро пересматривали, но людей Земли подобные случаи, казалось, не особенно смущали.

Грэйэн пыталась объяснить это Корду:

— Ведь нельзя заранее знать, на что будет похож тот или иной новый мир. А когда мы оказываемся там, выясняется, что дел слишком много и за отведенное нам время мы не можем как следует изучить этот мир. Работу сделать нужно — и вот идешь на риск. Но, придерживаясь Устава, имеешь больше шансов остаться в живых…

Корд предпочел бы руководствоваться просто

здравым смыслом и не попадать в такие ситуации, которых он сам не мог бы предусмотреть.

Грэйэн раздраженно отвечала на это, что он ведь еще не достиг Великого Воплощения…

Тредкар, развернувшись, остановился, и Грэйэн вскочила на переднее сиденье:

— Вот он, Дедушка!

Дэйн тоже встала на сиденье и тихо присвистнула, очевидно, пораженная величиной Дедушки: диаметр его площадки равнялся пятнадцати метрам. Корд в удивлении огляделся вокруг. Он был совершенно уверен, что две недели назад оставил этот большой Плот в нескольких сотнях метров отсюда, а, как уже сказал Нирмонд, по собственной инициативе Плоты обычно не передвигались.

Озадаченный Корд последовал за остальными по узкой дорожке к воде, окаймленной тростником, скорее похожим на деревья. То и дело он бросал взгляд на плавающего Дедушку, чуть касавшегося берега. Затем дорожка расширилась, и Корд увидел весь Плот целиком на залитом солнцем мелководье. И тут он в испуге остановился.

Нирмонд, шедший впереди Дэйн, уже собрался вступить на Плот.

— Стойте — закричал Корд. Из-за волнения у

него пересохло горло. — Остановитесь!

Он побежал вперед.

Все застыли на своих местах, оглядываясь вокруг, затем посмотрели на приближавшегося Корда.

— В чем дело, Корд? — спросил Нирмонд спокойно и требовательно.

— Не входите на Плот: он изменился. — Корд даже сам почувствовал, что голое его дрожит. — Может быть, это вообще не Дедушка…

Не успев закончить фразу, Корд уже увидел, что он ошибся. По всему краю Плота были рассыпаны бесцветные пятна, оставленные множеством выстрелов из тепловых пистолетов, в том числе и из его собственного. Таким способом приводили в движение эту инертную и глупую махину… Корд указал на конический центральный выступ:

— Смотрите! Голова! Она пустила ростки!

— Пустила ростки? — непонимающе переспросил Нирмонд.

Голова Дедушки в соответствии с его размерами была почти четырех метров высотой и примерно такого же диаметра. Для защиты от паразитов она была покрыта панцирем, как спина у ящера. Две недели назад на этом месте у Дедушки, как и у всех других Плотов, виднелась во всех отно-

шениях невыразительная выпуклость. Теперь же со всей поверхности конуса тянулось вверх множество длинных, причудливых, безлистых побегов, похожих на зеленые жгуты. Некоторые из них напрягались, как пружины, другие вяло свешивались над площадкой или покачивались над ней. Верхушка конуса была усеяна набухшими красными почками, очень напоминавшими прыщи, чего никогда прежде не бывало. Дедушка выглядел больным…

— Верно, — сказал Нирмонд. — Пустил ростки!

Грэйэн фыркнула. Нирмонд недоуменно взглянул на Корда.

— И это все, что тебя обеспокоило?

— Конечно! — взволнованно начал Корд. Он не уловил значения слова «все»; он был возбужден и дрожал. — Никогда еще ни один из них…

И тут он замолчал. На их лицах он прочел, что до них это не дошло. Или, вернее, они отлично все поняли, но попросту не собирались нарушать свои планы. Согласно Уставу, Плоты классифицировались как безвредные. Пока нет доказательств обратного, их следует и дальше считать безвредными. Нельзя тратить время на уклонения от Устава; по-видимому, этим правилом руководствовалась даже Регентесса.

Корд сделал еще одну попытку:

— Понимаете… — начал он. Он хотел сказать, что Дедушка, у которого появилась даже одна-единственная неизвестная особенность, — это, собственно, уже не Дедушка. Это новый организм с непредсказуемым поведением, и реакции у него иные; его следует осторожно и тщательно изучать, пока неизвестные свойства не будут исследованы.

Но все было напрасно. Они и сами это понимали. Корд беспомощно уставился на них:

— Я…

Дэйн повернулась к Нирмонду:

— Может, все-таки стоит проверить… — сказала она. Она не добавила: «…чтобы успокоить мальчика», но имела в виду именно это.

Корд ужасно смутился. Она, наверное, подумала, что он испугался — ведь так оно и было, — и испытывала жалость к нему. Однако теперь он не в силах был ни сказать, ни сделать что-либо. Он мог только наблюдать, как Нирмонд спокойно идет от одного конца Плота к другому. Дедушка несколько раз слегка вздрогнул, но так всегда бывало, когда кто-нибудь первым вступал на Плоты. Начальник Станции остановился перед одним из странных отростков, потрогал его и подергал. Он

дотянулся и до нижних почкообразных выростов и внимательно осмотрел их.

— Занятные штуки! — крикнул он и еще раз взглянул на Корда. — Но вроде бы они безвредные! Идите все сюда!

Это было похоже на сон, когда ты что-то кричишь истошным голосом, а люди тебя не слышат. Вслед за Дэйн и Грэйэн негнущимися ногами на Плот вступил Корд. Он совершенно точно знал, что произошло бы, замешкайся он хоть на мгновение. Один из них сказал бы дружелюбно, заботясь о том, чтобы это не звучало слишком презрительно: «Корд, если тебе не хочется, можешь с нами не идти!»

Грэйэн вынула из кобуры тепловой пистолет и приготовилась отправить Дедушку в путешествие по каналам залива Йогер.

Корд тоже вытащил свой пистолет и сказал грубовато:

— Мне уже приходилось это делать.

— Отлично, Корд! — Грэйэн одарила его кроткой, ничего не выражающей улыбкой, точно видела впервые в жизни, и отошла в сторону.

Они были так оскорбительно вежливы! Корд решил — теперь уже можно считать, что он на пути домой, к Ванадии.

Какое-то время Корд даже хотел, чтобы произошла любая самая страшная катастрофа, лишь бы она послужила уроком людям из Экспедиции. Но ничего не случилось. Как обычно. Дедушка, почувствовав тепло на одном из краев своей площадки, сначала чуть заметно, для пробы, встряхнулся, а затем решил уйти от этого тепла. Все шло нормально. Под водой, вне поля зрения людей, располагались рабочие органы Плота: короткие и толстые листовидные образования, похожие на весла и устроенные так, чтобы выполнять их роль; покрытые слизью жалящие щупальца, удерживающие вегетарианцев залива Йогер на почтительном расстоянии, и настоящие джунгли из корневых волосков, через которые Дедушка всасывал пищу из ила и медленных вод залива и с помощью которых он мог останавливаться.

«Весла» начали взбалтывать воду, площадка задрожала, корневые волоски выбрались из ила, и Дедушка лениво тронулся с места.

Корд выключил подачу тепла и вложил пистолет в кобуру. Обычно Плоты, начав двигаться, продолжали неторопливо плыть. Чтобы их остановить, надо было обжечь тепловым лучом передний край Плота; их можно было также

заставить двигаться в любом направлении, слегка коснувшись лучом соответствующего края площадки.

Все это было очень просто.

Корд не глядел на остальных. Внутри у него еще все кипело. Он стал смотреть на проплывавшие по обе стороны тростниковые заросли, которые временами отступали, позволяя ему мельком увидеть впереди туманное желтое, зеленое и голубое пространство солоноватых вод залива. За туманом, к западу, находился пролив Йогер-Стрейтс — капризный и опасный во время приливов. А за Йогер-Стрейтс лежало открытое море, великая бездна Зланти — совсем другой мир, который Корду пока еще был неведом.

Ему вдруг стало очень грустно: только теперь он по-настоящему осознал, что, скорее всего, ему никогда больше не увидеть этого мира. Конечно, Ванадия — довольно приятная планета, но там загадочная первобытная эпоха давно уже ушла в прошлое.

Это не Сутанг!

Грэйэн, стоявшая рядом с Дэйн, окликнула его:

— Корд, каким путем лучше всего добраться отсюда до Ферм?

— По Большому каналу направо, — ответил он

и угрюмо добавил: — Мы как раз туда и направляемся!

Грэйэн подошла к нему.

— Регентесса не хочет осматривать все, — сказала она, понизив голос. — В первую очередь — плантации водорослей и планктона. Затем мутантные структуры — столько, сколько можно показать часа за три. Правь к самым лучшим образцам — и ты осчастливишь Нирмонда!

Она заговорщически подмигнула Корду. Он с сомнением посмотрел ей вслед. По ее поведению нельзя сказать, что все так уж плохо. Может быть…

У него появился проблеск надежды. Трудно было не любить людей из Экспедиции, даже когда они твердолобо следовали своему Уставу. Возможно, именно их Цель и придавала им энергию и силу, хотя она же иногда заставляла их быть безжалостными к себе и к другим. Но как бы то ни было, день пока не кончился. Корд еще может реабилитировать себя в глазах Регентессы. Что-то еще может произойти…

Внезапно перед Кордом предстало яркое, почти правдоподобное видение: будто какое-то чудовище, щелкая пастью, лезет на Плот и он, Корд, проворно разряжает пистолет в то место, где у

чудовища должен быть мозг, прежде чем кто-либо, и в особенности Нирмонд, успевает осознать грозившую опасность. Разумеется, чудовища из залива остерегались Дедушки, но, наверное, можно было бы как-то подбить на это хоть одно из них.

Наконец, Корд понял, что до сих пор шел на поводу у своих чувств. Пора начать думать!

Во-первых, Дедушка. Итак, он пустил ростки — зеленые жгуты и красные почки — неизвестно зачем, но в остальном его поведение вроде бы не изменилось. Дедушка был самым большим Плотом в этом конце залива, хотя и остальные заметно выросли за два года, с тех пор как Корд впервые увидел их. Времена года на Сутанге менялись медленно: здешний год был впятеро длиннее земного. Даже те члены Экспедиции, которые высадились сюда первыми, еще не прожили на Сутанге полного года.

Наверное, у Дедушки происходят сезонные изменения. Остальным Плотам, более молодым, подобные перемены, по-видимому, предстояли несколько позже.

Растения-животные, они, видимо, цвели, готовясь к размножению.

— Грэйэн, — окликнул он, — а как эти Плоты

зарождаются? Я хотел сказать — когда они совсем маленькие…

Грэйэн казалась веселой, и надежды Корда возросли. Как бы то ни было, Грэйэн снова на его стороне!

— Никто пока не знает, — ответила она. — Мы только что говорили об этом. Очевидно, половина болотной прибрежной фауны проводит первичную личиночную стадию в море. — Она кивком головы указала на красные почки, усыпавшие конус. — Похоже на то, будто Дедушка собирается цвести, а потом ветер или течение вынесут его семена за пределы пролива.

Это звучало разумно, однако сводило на нет еще теплившуюся у Корда надежду на то, что перемены в Дедушке окажутся достаточно серьезными и оправдают его нежелание ступить на Плот. Корд еще раз внимательно оглядел покрытую панцирем «голову» Дедушки: уж очень ему не хотелось расставаться со своей надеждой.

Между пластинами панциря Корд заметил ряды сочащихся черных вертикальных щелей, которых две недели назад совершенно не было видно. Выглядело это так, словно Дедушка начинает разваливаться по швам. Это могло означать, что Плоты не завершают полный сезонный цикл,

а, достигнув предельных размеров, расцветают — примерно в это время сутангского года — и умирают. Однако можно было поручиться, что Дедушка не развалится до того, как закончится сегодняшнее путешествие.

Корд отвлекся от Дедушки. Он опять вернулся к своей прежней мысли: а вдруг ему удастся побудить к действию какое-нибудь услужливое чудовище из залива — тогда бы уж он показал Регентессе, что он, Корд, не какой-нибудь молокосос.

Ведь чудовища-то здесь действительно водились!

Став на колени на краю Плота и вглядываясь в прозрачные воды глубокого канала, Корд видел множество этих тварей.

Вот пять или шесть Кусак, похожих на огромных сплющенных раков. Чаще всего они шоколадно-коричневые, с зелеными и красными пятнами на панцире. В некоторых частях залива Кусаки были настолько велики, что оставалось лишь удивляться, как они ухитряются добывать себе пропитание, если бы не было известно, что они могут питаться почти всем, вплоть до ила, в котором живут. Однако они предпочитают есть то, что можно откусывать, причем любят, чтоб

пища была живой — вот почему в заливе не купались. Кусаки иногда нападали и на лодки, но сейчас они быстро удирали к берегам канала, так как, видимо, не хотели связываться с большим движущимся Плотом.

Тут и там на дне виднелись круглые полуметровые отверстия; сейчас они казались свободными. Обычно же — и Корду это было хорошо известно — в каждом из них торчала голова. В ней было три ряда зубастых челюстей, терпеливо открытых, как капканы, готовых схватить любой предмет, оказавшийся в пределах досягаемости их длинных червеобразных тел. Близость Дедушки, чьи ядовитые щупальца развевались в воде подобно прозрачным вымпелам, испугала и этих червей — они попрятались.

Но стайки мелких хищников не прятались — вот слева за Плотом из-за тростников мелькнуло, словно вспыхнув, что-то алое. И повернуло игловидный нос им вслед.

Корд, не отрываясь, смотрел на это существо. Он знал его, хотя оно редко заходило в залив и не было пока классифицировано. Это быстрое злобное существо было достаточно проворным, чтобы прямо на лету хватать Болотных Жуков, когда те пролетают над поверхностью воды.

Как-то Корд выудил одно из них, оно прыгнуло на причаленный Плот и бешено металось, пока Корд не пристрелил его.

Но сейчас удочки нет. Можно, конечно, в качестве приманки использовать носовой платок, если хочешь рискнуть своей рукой…

— Что за фантастические создания! — раздался за спиной Корда голос Дэйн.

— Желтоголовые, — сказал Нирмонд. — Они очень полезны. Истребляют Жуков.

Корд невольно встал. Сейчас ведь не до шуток!

Тростники справа от Плота кишмя кишат Желтоголовыми — их там целая колония. Это создания, отдаленно напоминающие лягушек, размером с человека и даже крупнее. Из всех существ, которых Корд видел в заливе, эти нравились ему меньше всего. Отвислые мешкообразные туловища четырьмя тонкими лапами цеплялись за верхушки семиметровых тростников, окаймляющих канал. Желтоголовые еле шевелились, но казалось, что их гигантские выпученные глаза так и вбирают в себя все, что движется перед ними. Время от времени мохнатые Болотные Жуки подлетали слишком близко: Желтоголовый распахивал громадную вертикальную, усеянную зубами пасть — мгновенный

бросок — и Жуку приходил конец. Возможно, Желтоголовые и полезны, но Корд их ненавидел.

— Лет через десять мы узнаем, каков цикл жизни в прибрежном районе, — сказал Нирмонд. — Когда мы открывали Станцию залива Йогер, Желтоголовых здесь не было. Они появились на следующий год, еще со следами океанской личиночной формы, однако превращение было уже почти закончено.

Дэйн увидела, что все Желтоголовые неотличимы друг от друга. Она наблюдала их колонию в бинокль, потом, отложив его, взглянула на Корда и улыбнулась:

— Сколько еще нам плыть?

— Минут двадцать…

— По-видимому, ключом ко всему является бассейн Зланти, — сказал Нирмонд. — Весной это буквально суп из всевозможных зародышей.

— Верно, — кивнула Дэйн, которой довелось побывать здесь в пору сутангской весны, четыре земных года назад. — У меня такое впечатление, что один лишь бассейн Зланти уже полностью мог бы оправдать идею освоения Сутанга. Вопрос лишь в том, — она кивком указала на Желтоголовых, — как ее воспринимают вот такие существа?

Они двинулись к другому концу Плота, обсуждая вопросы, связанные со Зланти. Корд было последовал за ними. Но что-то бултыхнулось в воду сзади и чуть слева от него, не очень далеко. Он остановился и посмотрел в ту сторону.

Через секунду Корд увидел большого Желтоголового. Он соскользнул с тростниковой жерди — вот отчего раздался всплеск. Почти полностью погрузившись в воду, он уставился на Плот огромными бледно-зелеными глазами. Корду чудилось, что он смотрит прямо на него. В этот момент Корд впервые понял, почему он так не любит Желтоголовых. В этом взгляде было что-то, очень похожее на разум: какая-то отталкивающая расчетливость. У подобных тварей рассудок казался неуместным. Какое применение они могли ему найти?

Когда Желтоголовый полностью скрылся под водой, по телу Корда пробежала легкая дрожь: он понял, что тот собирается плыть за Плотом. Корд был взволнован. Никогда прежде он не видел, чтобы Желтоголовые покидали тростники. Чудовище, за которым он наблюдал, могло проявить себя самым неожиданным образом.

Спустя полминуты Корд снова увидел Желтоголового, который неуклюже плыл за Плотом:

во всяком случае, у него не было намерения тотчас идти на абордаж. Корд заметил, как он приблизился к жалящим щупальцам Плота. Желтоголовый проскальзывал между ними, его движения необычайно походили на человеческие. Потом он ушел под Плот и пропал из виду.

Корд стоял, размышляя, что бы все это могло означать. Казалось, Желтоголовый знает о ядовитых щупальцах; когда он приближался к Плоту, каждое его движение преследовало какую-то цель. Корда терзало искушение рассказать обо всем этом остальным, но ведь впереди его мог ожидать триумф — если бы Желтоголовый, разевая пасть, внезапно очутился на краю Плота и Корд покончил бы с ним на глазах у всех.

Между тем пора было поворачивать Плот к Фермам. Если ничего не случится…

Корд наблюдал. Прошло почти пять минут, но никаких признаков Желтоголового не было видно. Все еще ожидая чего-то, чувствуя себя не в своей тарелке, Корд выдал Дедушке точно рассчитанную дозу теплового облучения.

Чуть погодя он выстрелил еще раз. Потом глубоко вздохнул и… думать забыл о Желтоголовом.

— Нирмонд! — пронзительно крикнул он.

Нирмонд и двое остальных стояли у центра пло-

щадки, рядом с большим панцирным конусом, и смотрели в сторону Ферм. Они оглянулись:

— Что случилось. Корд?

Корд на какое-то мгновение лишился дара речи. Он опять очень испугался. Что-то все-таки было не в порядке!

— Плот не поворачивает! — сказал он немного времени спустя.

— Прижги его как следует! — отозвался Нирмонд.

Корд взглянул на него. Нирмонд, стоявший чуть впереди Дэйн и Грэйэн, будто желая защитить их от чего-то, показался ему несколько напряженным — и неудивительно; Корд успел разрядить пистолет в три разных точки площадки, но Дедушка словно вдруг потерял всякую чувствительность к теплу. Они неуклонно продолжали двигаться к центру залива.

Тогда Корд задержал дыхание, переключил регулятор температуры на полную мощность и всадил в Дедушку полный тепловой заряд. На этом месте сразу вздулось шестидюймовое пятно, оно стало коричневым, а затем черным…

Дедушка остановился. Он был мертв. Или что-то вроде этого.

— Правильно! Продолжай… — Нирмонд не

успел отдать приказ.

Страшный толчок. Корда отбросило назад, к воде, затем край Плота позади него свернулся и снова раскрылся, хлопнув по воде со звуком, похожим на пушечный выстрел. Корд упал лицом вперед, ударившись о площадку, и распластался на ней. Плот под ним выпячивался. Еще два сильнейших толчка и хлопка. Потом тишина. Корд огляделся, ища остальных.

Он лежал футах в двенадцати от центрального конуса. Два-три десятка загадочных жгутов, недавно выросших из конуса, напряженно протянулись к Корду, подобно тонким зеленым пальцам. Но дотянуться они не смогли. Ближайший жгут был в десяти дюймах от ботинка Корда.

Но остальных — всех троих — Дедушка схватил. Их сбило с ног примерно в футе от конуса, опутало жесткой сетью зеленых растительных канатов, и теперь они не двигались.

Корд осторожно поджал ноги, приготовившись к следующей сокрушительной атаке. Но ее не последовало. Зато он обнаружил, что Дедушка вновь движется в прежнем направлении. Тепловой пистолет исчез. Корд осторожно, очень осторожно вытащил ванадианский пистолет.

Неожиданно из груды тел послышался голос, слабый, исполненный боли:

— Корд! Ты не схвачен? — это был голос Регентессы.

— Нет, — сказал он, стараясь говорить потише. Внезапно он понял, что слишком уж легко примирился с мыслью о смерти всех троих. Теперь его затошнило и затрясло.

— Что ты делаешь?

Корд с остервенением посмотрел на большую, покрытую панцирем голову Дедушки. Конусы внутри были полыми; лаборатория Станции решила, что в основном они нужны Плотам как резервы для воздуха, необходимого, чтобы держать их на плаву. Но здесь же, в центральной части, размещался орган, управляющий всеми реакциями Дедушки.

Корд тихо ответил:

— У меня есть пистолет и к нему двенадцать сверхмощных разрывных пуль. Две такие пули разнесут конус в клочья.

— Это не годится, Корд! — голос Регентессы был искажен страданием. — Если эта штука потонет, нам все равно конец. А есть у тебя наркотизирующие заряды?

— Да.

Корд пристально посмотрел на ее спину.

— Тогда выстрели сначала в Нирмонда и девушку. Цельсь в позвоночник. Только не подходи сюда…

Корд почему-то не мог спорить с этим голосом. Он осторожно поднялся. Пистолет издал два слабых шипящих звука.

— Ну вот! — хрипло сказал он. — Что делать дальше?

Некоторое время Дэйн молчала.

— Прости, Корд, я не могу тебе этого сказать. Но я скажу тебе то, что могу…

Несколько секунд опять длилось молчание.

— Это существо не пыталось убить нас, Корд. Ему это было бы нетрудно, сила у него невероятная. Я видела, как оно переломило Нирмонду ноги. Но когда мы не шевелимся, оно нас только держит. Нирмонд и Грэйэн потеряли сознание, но из-за тебя оно опять пошло в атаку. Оно пыталось дотянуться до тебя жгутами или щупальцами, или чем-то еще. Так ведь?

— Наверное, — дрожа, ответил Корд. Конечно, именно так все и случилось — и Дедушка в любой момент мог повторить свою попытку.

— Через эти жгуты в нас сейчас вводится что-то вроде наркотика. Через крошечные шипы… Ка-

кое-то оцепенение… — голос Дэйн на мгновение прервался. Затем она отчетливо произнесла: — Видишь ли, Корд, кажется, оно превращает нас в свой пищевой резерв! Понимаешь?

— Да, — ответил он.

— Сейчас у Плотов как раз время созревания семян. Аналогии этому существуют. Наверное, запас живой пищи нужен не самому Плоту, а его семенам. Кто мог этого ожидать? Корд!

— Да. Я здесь.

— Постараюсь не терять сознания как можно дольше, — сказала Дэйн. — Но вот что еще очень важно: Плот куда-то движется. Куда-то в особенно подходящее для него место, может быть, совсем близко от берега. И тогда ты мог бы прикончить его. Иначе он разделается с тобой. Но не теряй голову и жди удобного момента. Не надо героики, понял?

— Конечно, понял, — ответил Корд. Он поймал себя на том, что как бы утешает ее, словно это не Регентесса Планеты, а, скажем, Грэйэн.

— Нирмонду хуже всего, — продолжала Дэйн. — Девушка потеряла сознание сразу же. Будь это в моих силах… впрочем, если бы помощь пришла в ближайшие пять часов, все было бы в порядке. Дай мне знать, Корд, если что-нибудь

произойдет.

— Обязательно, — мягко ответил Корд. Вслед за этим он тщательно прицелился в точку между лопатками Дэйн — и еще одна наркотизирующая пуля с тихим шипящим звуком пошла в цель. Напрягшееся тело Дэйн медленно расслабилось — и это было все.

Корд не видел смысла в том, чтобы она оставалась в сознании, поскольку они двигались совсем не к берегу. Каналы и гряды тростников уже остались позади, и Дедушка не изменил направления ни на долю градуса. Он плыл по открытому заливу — и был уже не одинок!

В радиусе двух километров Корд смог насчитать семь больших Плотов, и на трех ближайших различал вновь выросшие зеленые побеги. Все Плоты шли в одном направлении — к бурлящему центру пролива Йогер, до которого оставалось всего около трех километров! Аза проливом — холодная бездна Зланти, клубящиеся туманы и открытое море! Возможно, Плотам и пришла пора осеменяться, но все шло к тому, что они не собираются разбрасывать семена в заливе… Плавал Корд отлично. У него есть пистолет и нож; несмотря на пророчества Дэйн, он попробует спастись среди всех этих убийц, обитающих

в заливе. Но в лучшем случае у него был лишь крохотный шанс. И к тому же, подумал он, нельзя упускать из виду других возможностей. Корд не собирался терять присутствия духа.

Никто не будет их искать, разве что случайно, тем более именно в это время. Да если бы их и стали искать, то лишь в окрестностях Ферм. Множество Плотов избрали там место для стоянки, и члены Экспедиции наверняка бы решили, что Корд и его спутники воспользовались одним из них. Ведь то и дело случались неожиданности и кое-кто из Экспедиции попросту исчезал — и к тому времени, когда до людей доходило, что надо оказать помощь, бывало уже слишком поздно.

И вряд ли можно было надеяться, что в течение нескольких следующих часов кто-нибудь заметит, что Плоты начали двигаться из болот через пролив Йогер-Стрейтс. Правда, на северном берегу пролива, в глубине материка, была небольшая метеостанция, сотрудники которой иногда пользовались вертолетом. Но почти невероятно, угрюмо подумал Корд, чтобы на нем решили лететь именно сейчас и именно сюда. Нельзя было рассчитывать и на то, что какой-нибудь реактивный транспорт вдруг пройдет достаточно низко, чтобы их заметить.

Да, видимо, дела его плохи, как сказала Регентесса, и он утонет. Он еще никогда не чувствовал себя таким беззащитным…

Корд все равно собирался рано или поздно предпринять одну попытку, и только поэтому он приступил к эксперименту, хотя и был уверен, что толку от этого не будет. Он вынул обойму, в которой находились наркотизирующие заряды, и отсчитал пятьдесят пулек, торопясь, так как совсем не хотел думать о том, на что ему в конце концов могут понадобиться эти пульки. Теперь в обойме оставалось около трехсот зарядов — и в следующие несколько минут Корд методично послал треть из них в голову Дедушки.

Затем он прекратил стрельбу. Дедушка должен был бы заснуть от гораздо меньшей дозы. Но он продолжал невозмутимо плыть. Может быть, он стал в чем-то чуть скованнее, но, по-видимому, используемый в пистолете наркотик не действовал на его клетки.

Корд не мог представить, что бы еще можно было сделать, пока они не достигли пролива. Он прикинул, что при их скорости это произойдет меньше чем через час, и решил, если они действительно пойдут через пролив, рискнуть и броситься вплавь. В таких обстоятельствах Дэйн

не стала бы осуждать его, подумал он. Ведь если Плот просто вынесет их всех в туманные просторы Зланти, шансов на спасение практически не останется.

Тем временем Дедушка явно набирал скорость. Происходили и другие изменения — очень небольшие, но все же пугавшие Корда. Прыщевидные красные почки, усеявшие верхнюю часть конуса, стали постепенно раскрываться. В центре большинства из них теперь торчало нечто вроде тонкого, влажного, алого червяка; червяки слабо извивались, вытягивались сантиметра на три, на некоторое время успокаивались и снова вытягивались все дальше — будто искали что-то в воздухе. Черные вертикальные щели между пластинами панциря стали глубже и шире, чем несколько минут назад; некоторые из них сочились темной густой жидкостью.

При других обстоятельствах Корда заворожили бы такие перемены. Сейчас же они приковали к себе его внимание и вызвали подозрение только потому, что были ему непонятны.

Неожиданно произошло что-то совсем страшное. Грэйэн громко застонала — так, что у Корда волосы стали дыбом, — ее всю скрутило. Лишь потом Корд сообразил, что и секунды не прошло,

как он прекратил стоны и судороги, послав в нее еще одну наркотизирующую пульку; но за это время жгуты Дедушки сжали ее, подобно твердым зеленым когтям какой-то чудовищной птицы, вонзающимся в тело жертвы. Если бы Дэйн не предупредила его…

Бледный, в холодном поту, Корд медленно вложил в кобуру пистолет; жгуты снова расслабились. Кажется, Грэйэн при этом не очень пострадала и наверняка она первая отметила бы, что Корд с таким же успехом мог бы направить свою ярость против бездушного механизма, как и против Плота. Однако Корд некоторое время еще продолжал тешиться мыслью, что он в любой момент может превратить Плот в разорванное на куски и медленно тонущее месиво.

Но вместо этого — что было более благоразумно — он двумя выстрелами добавил дозу наркотика Дэйн и Нирмонду, чтобы с ними не случилось того же, что с Грэйэн. Корд знал, что содержимого двух пулек достаточно, чтобы минимум четыре часа продержать любого человека в бессознательном состоянии. Ну, а пяти выстрелов…

Корд всячески отгонял от себя эту назойливую мысль, но она возвращалась снова и снова, пока ему, наконец, не пришлось примириться с ней.

Пять выстрелов полностью отключили бы сознание каждого из них, пока люди не погибли бы по какой-либо причине или пока им не дали бы противоядие.

Корд в замешательстве твердил сам себе, что он не в силах сделать такое. Ведь это все равно, что их убить.

Но тут он заметил, что снова спокойно поднимает свой пистолет и всаживает по пять пуль в каждого из членов Экспедиции.

Через полчаса Корд увидел, что Плот впереди них, не уступавший по размерам их собственному, внезапно повернул в пенящиеся белые воды пролива, подхваченный водоворотом. Плот закружило и закачало из стороны в сторону, но он сделал резкий рывок вперед — и его вынесло из водоворота. Потом он еще раз восстановил равновесие. Совсем непохоже на слепое растение-животное, подумал Корд. Скорее уж напоминает некое живое существо, целеустремленно борющееся за то, чтобы двигаться в нужном ему направлении.

Ну что ж, Плоты, по-видимому, непотопляемы.

Когда ревущий пролив совсем приблизился, Корд с ножом в руке распростерся на площадке. Но вот Дедушка задрожал и стал накреняться.

Корд с размаху вонзил в него нож и повис на нем. На Плот неожиданно хлынула холодная вода, и он затрясся, как работающий мотор. В этот момент Корду пришла в голову мысль: борясь с проливом, Плот может растерять своих бесчувственных пленников. Но Корд недооценил Дедушку. Дедушка вцепился в них мертвой хваткой.

Внезапно все кончилось. Они скользили по медленной зыби, и невдалеке от них плыли еще три Плота. Пролив свел их вместе, но, судя по всему, они не интересовались друг другом. И, когда Корд поднялся и стал срывать с себя промокшую одежду, Плоты явно стали расходиться в разные стороны. Площадка одного из них была наполовину в воде; должно быть, он потерял слишком много воздуха, державшего его на плаву, и теперь этот Плот, как маленький корабль, медленно шел ко дну.

Отсюда до северного берега пролива было всего два километра, а еще километр до Главной станции пролива можно было бы пройти пешком. Корд ничего не знал о здешних течениях, но расстояние казалось не слишком большим — и все же он не мог убедить себя не брать нож и пистолет. Правда, обитавшие в заливе существа любили тепло и ил и не решались преодолевать

пролив. Но в безднах Зланти водились свои хищники, хотя их и не часто видели так близко от берега.

И все же можно было надеяться на что-то.

Не успел Корд связать свою одежду в тугой узел, спрятав внутрь ботинки, как над его головой раздался какой-то плач, похожий на странное мяуканье. Корд взглянул вверх. Там кружились четыре Морских Жука — таких же, как Болотные, но только больше размером. На каждом из них был невидимый сейчас Наездник. Возможно, они были безобидными, питающимися падалью существами, но размах их трехметровых крыльев производил глубокое впечатление. Корд невольно вспомнил злобного хищного Наездника, которого он оставил близ Станции.

Один из Жуков лениво снизился и на бреющем полете стал приближаться к Корду. Он пронесся над его головой, вернулся и стал парить над конусом Плота.

Значит, Наездник, управляющий полетом этой безмозглой летающей твари, интересовался вовсе не Кордом! Его привлекал Дедушка!

Перед глазами Корда открылось захватывающее зрелище. Теперь весь верх конуса кишел массой слабо извивающихся, алых червеобраз-

ных выростов, которые начали появляться еще до того, как Плот вышел из залива. Должно быть, они казались Наезднику исключительно вкусными. Жук, рассекая воздух ударами крыльев, стал садиться и коснулся конуса. Подобно пружинам капкана, зеленые жгуты взметнулись вверх, обвивая Жука, сминая его хрупкие крылья и глубоко погружаясь в его длинное мягкое тело…

Секунды не прошло, как Дедушка поймал еще одну добычу — на этот раз морскую. Корд едва успел увидеть, как из воды на край Плота, видимо, в отчаянной спешке, выскочило что-то похожее на маленького упругого тюленя — и сразу же было отброшено к конусу, где жгуты скрутили его и уложили рядом с телом Жука.

Но Корда ошеломила не та необыкновенная легкость, с которой было совершено это неожиданное убийство. Потрясло его то, что рухнула надежда вплавь добраться до берега. В полусотне метров от него, огибая Плот, на поверхности воды мелькнуло существо, от которого спасался «тюлень». Корду довольно было одного взгляда. Туловище цвета слоновой кости и зияющая пасть настолько напоминали акул, что совсем нетрудно было опознать в этом существе подобного хищника. Но, в отличие от акул, Белые Хищники

бездн Зланти всегда странствовали тысячами, а это было немаловажно.

Ошарашенный столь невероятной неудачей, все еще сжимая узелок с одеждой, Корд стал пристально всматриваться в воду у берега. Зная, что искать, он без труда обнаружил на поверхности воды предательские холмики — длинные желто-белые блики, то вспыхивающие среди зыби, то опять исчезающие. Стайки более мелких морских обитателей в отчаянии выскакивали из воды и падали обратно.

Корда проглотили бы, как упавшую в воду муху, прежде чем он успел бы проплыть и двадцатую часть пути!

Но прошла еще почти минута, пока он по-настоящему понял всю полноту своего поражения.

Дедушка начал есть!

Каждая из темных щелей, идущих вниз по бокам конуса, оказалась своего рода ртом. Пока лишь одна из них была готова к действию, но и она еще не раскрылась достаточно широко. Однако первый «кусочек» уже попал туда: это был Наездник, которого жгуты выдернули из пушистой шерсти Жука. Хоть жертва была очень мала, Дедушке понадобилось целых семь минут, чтобы протолкнуть его в ротовую щель. Но это

было только начало.

Корду стало не по себе. Он сидел, сжимая узел с одеждой, внимательно следил за Дедушкой и очень смутно сознавал, что все время дрожит под холодными брызгами, которые то и дело попадали на него. Корд пришел к выводу, что пройдет по меньшей мере несколько часов, прежде чем одно из этих черных подобий рта станет достаточно гибким и сильным, чтобы совладать с человеком. В данных обстоятельствах особого значения для остальных это не имело; ведь как только Дедушка доберется до первого из них, Корд немедленно разнесет Плот на куски. Во всяком случае, Белые Хищники хоть едят более опрятно; только до этих пределов Корд еще мог распоряжаться ходом последующих событий.

А надежды на то, что их заметит вертолет с метеостанции, были совсем ничтожными.

Тем временем Корд в каком-то тягучем и кошмарном наваждении продолжал размышлять над тем, что за тайная сила вызвала в Плоте такую жуткую перемену. Теперь он догадался, куда они движутся: разрозненные вереницы Плотов тянулись сзади или шли почти параллельно Дедушке к проливу и держали курс на кишащий планктоном участок бассейна Зланти, лежав-

ший в тысяче километров к северу. Можно было допустить, что в установленное время Плоты способны совершать подобные путешествия ради своих сеянцев. Но ничто в строении Плотов не объясняло их внезапного превращения в проворных и искусных хищников.

Затем Дедушка затащил в рот и упругого «тюленя». Жгуты переломили ему шею, и почти все его тело оказалось в пасти, которая принялась деловито «обрабатывать» тушу — она была слишком велика, чтоб проглотить ее сразу. В это время сверху опять раздалось жалобное мяуканье — и несколько минут спустя еще два Морских Жука почти одновременно попали в ловушку, пополнив собою припасы Дедушки. Дедушка отбросил мертвого «тюленя» и взялся еще за одного Наездника. Оставшийся Наездник неожиданно соскочил со своего хозяина и злобно впился губами в один из жгутов, который снова схватил его и мгновенно убил, ударив о площадку.

Корда обуял прилив дикой ненависти к Дедушке. Убить Жука — все равно, что срубить ветку с дерева; ведь Жуки почти не обладают сознанием. Но чувство солидарности у Наездника можно было объяснить лишь его способностью к разумным действиям — и в этом отношении он

был, по сути дела, ближе к человеку, чем к Плоту, который вполне успешно, но совершенно автоматически хватал и Наездников, и людей… Корд опять унесся мыслью куда-то в сторону и поймал себя на том, что рассеянно думает о любопытном симбиозе, в котором нервные системы двух столь непохожих существ — Жуков и их Наездников — связаны так тесно, что функционируют как единый организм.

Вдруг на лице Корда отразилось безмерное изумление.

Теперь он знал.

Корд вскочил на ноги. В голове у него созрел целый план, его трясло от возбуждения. Тотчас же дюжина длинных жгутов, встревоженных его движением, по-змеиному потянулась к нему, напрягаясь и вытягиваясь. Жгуты не смогли дотянуться до Корда, но их мгновенная реакция заставила его на секунду застыть. Площадка под его ногами содрогалась, как бы гневаясь на его недосягаемость; он стоял не на краю, и поэтому Плот не мог внезапно выгнуться и бросить Корда в объятия жгутов.

Но это было предостережением! Корд осторожно, бочком, обошел конус, пока не занял намеченного им места на передней половине

Плота. Затем он замер в ожидании. Он ждал долгие минуты. Но вот, наконец, его сердце перестало бешено колотиться, беспорядочные, раздраженные вздрагивания утихли, а усик последнего жгута прекратил свои слепые поиски. Если в течение одной-двух секунд Плот не будет знать точно, где находится Корд, это может очень помочь делу.

Один раз Корд оглянулся, чтобы проверить, насколько они отдалились от Главной станции пролива, и пришел к выводу, что их разделяет не больше часа пути. Если все остальное пойдет нормально, это достаточно близко. Корд и не пытался детально продумывать то, что входило в это «остальное», поскольку кое-что было просто невозможно учесть заранее. Кроме того, он почувствовал, что, если обдумывать все слишком детально, это помешает ему приступить к выполнению плана.

Наконец, Корд осторожно взял нож в левую руку, оставив пистолет в кобуре. Правой рукой он медленно приподнял над головой тугой узел с одеждой. Затем широким плавным движением он перебросил узел через конус на заднюю половину Плота — почти на противоположный край площадки.

Мокрый узел упал, глухо шмякнувшись о площадку. И в ту же секунду весь дальний край Плота выгнулся и одним взмахом швырнул этот странный предмет к уже вытянувшимся навстречу жгутам.

Корд тут же бросился вперед. На секунду ему показалось, что попытка отвлечь внимание Дедушки полностью удалась — но в следующее же мгновение площадка выгнулась, и его бросило на колени.

Он был в трех метрах от края площадки. В тот момент, когда этот край шлепнул по воде, Корд опять отчаянно рванулся вперед.

Один миг — и он уже прорезал холодную прозрачную воду чуть впереди Плота!.. Затем Корд изогнулся и пошел наверх.

Плот проходил как раз над его головой. Облака крошечных морских созданий клубились в густых темных зарослях корневых волосков. Корд резко откинулся от широкой колеблющейся полосы стекловидной зелени — жалящего щупальца — и его бок внезапно обожгло: его слегка коснулось другое такое же щупальце. Ничего не видя, Корд продирался сквозь скользкие черные джунгли корневых волосков, покрывавших все дно Плота; потом над его головой показался

зеленый полусвет, и Корд ворвался в пустое пространство внутри конуса.

Полумрак и гнилой горячий воздух. Вокруг Корда билась вода, оттаскивая его в сторону, — а зацепиться не за что! И вдруг Корд различил справа над собой приникшего к вогнутой внутренней поверхности конуса жабообразного, величиной с человека Желтоголового.

Наездник Плота…

Корд дотянулся до этого партнера и руководителя Дедушки, ухватил его за вялую заднюю лапу, подтянулся и нанес два удара ножом — быстро, пока бледно-зеленые глаза чудища только начали открываться.

Корд думал, что Желтоголовому, как и Наезднику Жука, нужно что-то около секунды, чтобы отделиться от своего «хозяина» и приступить к защите. Он же только повернул голову: пасть его открылась и сомкнулась на левой руке Корда, выше локтя. Правой рукой Корд всадил нож в широко раскрытый глаз, и Желтоголовый, отдернувшись, начал выхватывать нож из руки Корда.

Быстро скользнув вниз, Корд обеими руками обхватил скользкую лапу Желтоголового и повис на ней всем телом. Еще секунду Желтоголовый

держался. Затем послышался чмокающий звук, бесчисленные нервные волокна, соединявшие его с Плотом, разорвались, и Корд вместе с Желтоголовым плюхнулись в воду.

Опять черное сплетение корней — и внезапно еще два раза ему обожгло спину и ноги! Задыхаясь, Корд разжал руку. Несколько секунд под ним кувыркалось, уходя вниз, тело Желтоголового, движения которого до странности напоминали человеческие. Потом плотная толща воды вытолкнула Корда вверх и в сторону, и тут внизу что-то большое и белое нанесло удар по телу Желтоголового и ушло дальше.

Корд выскочил на поверхность в пяти метрах позади Плота. И ничего нельзя было бы сделать, если бы Дедушка не начал уже сбавлять скорость.

После двух неудачных попыток Корд все-таки вскарабкался на площадку и некоторое время лежал, задыхаясь и откашливаясь. Теперь его присутствие, казалось, уже не вызывало гнева. Лишь несколько жгутов с трудом пошевелили своими вялыми кончиками, как бы пытаясь вспомнить прежние обязанности, когда Корд, прихрамывая, на некоторое время подошел к трем товарищам — удостовериться, что они

еще дышат. Но Корд даже не заметил движения жгутов.

Спутники Корда еще дышали, и у него хватило ума не тратить времени на то, чтобы самому оказать им помощь. Он вынул из кобуры Грэйэн тепловой пистолет. А Дедушка окончательно остановился:

Корд не успел полностью прийти в себя, иначе он бы терзался мыслями о том, способен ли Дедушка, насильно разлученный с управлявшим его действиями партнером, к самостоятельному передвижению. Вместо этого Корд определил примерное направление — к Главной станции пролива, выбрал соответствующую точку на краю площадки и нанес в нее небольшой тепловой удар.

Сразу вслед за этим ничего не произошло. Корд терпеливо вздохнул и немного увеличил дозу.

Дедушка тихо вздрогнул. Корд стоял.

Сначала медленно и нерешительно, потом твердо и уверенно — хотя снова бездумно — Дедушка зашлепал в обратную сторону, к Главной станции пролива.

СБАЛАНСИРОВАННАЯ ЭКОЛОГИЯ (перевод Игоря Можейко)

Ферма алмазных деревьев с утра была охвачена беспокойством. Ильф улавливал его, но ничего не сказал Орис, решил, что начинается летняя лихорадка или у него живот подвело и мерещится всякая всячина, а Орис сразу потащит его домой, к бабушке. Но беспокойство не проходило, росло, и, наконец, Ильф уверился в том, что источник беспокойства — сама ферма.

Казалось бы, лес живет обычной жизнью. С утра был дождь, перекати-поле вытащили из земли корни и катались по кустам, стряхивая с себя воду. Ильф заметил, как одно из растений, совсем маленькое, подобралось прямо к хищной росянке. Росянка была взрослой, могла выбросить щупальце на три-четыре метра, и Ильф остановился, чтобы посмотреть, как перекати-поле попадется в ловушку.

Внезапно щупальце метнулось, словно желтая молния, обвило концом перекати-поле, оторвало от земли и поднесло к отверстию в пне, под которым и скрывалась росянка. Перекати-поле

удивленно сказало: «Ах!» — они всегда так говорят, если их поймать, — и исчезло в черной дыре. Через мгновение в отверстии вновь показался кончик щупальца, мерно покачиваясь, поджидая, пока в пределах досягаемости не появится что-нибудь подходящего размера.

Ильф, которому только что исполнилось одиннадцать, для своего возраста был невелик и являлся как раз подходящим объектом для росянки, но она ему не угрожала. Росянки в рощах алмазных деревьев на планете Урак никогда не нападали на людей. Ильфу вдруг захотелось подразнить росянку. Если взять палку и потыкать ею в пень, росянка рассердится, высунет щупальце и постарается выбить палку из руки. Но сегодня неподходящий день для таких забав. Ильф не мог отделаться от странного, тревожного чувства. Он заметил, что Орис с Сэмом поднялись на семьдесят метров по склону холма, направляясь к Королевской роще, к дому. Ильф помчался вслед за ними и догнал их на прогалине, разделявшей рощи алмазных деревьев.

Орис, которая была на два года, два месяца и два дня старше Ильфа, стояла на выпуклом панцире Сэма, глядя направо, в сторону долины и фабрики. Климат на Ураке жаркий, но в одних

местах сухой, в других — влажный. Лишь здесь, в горах, прохладно. Далеко к югу, за долиной и холмами, начиналась континентальная равнина, издали похожая на буро-зеленое спокойное море. К северу и востоку поднимались плато, ниже которых и растут алмазные деревья. Ильф обогнал медленно ползущего Сэма и забежал вперед, где край панциря распластался над землей.

Когда Ильф вспрыгнул на панцирь, Сэм зажмурился, но даже головы не повернул в его сторону. Сэм походил на черепаху и был больше всех на ферме, если не считать взрослых деревьев и, может быть, самых крупных чистильщиков. Его бугристый панцирь порос лишайником, похожим на длинный зеленый мех. Порой, во время еды, Сэм помогал себе тяжелыми трехпалыми лапами, которые обычно лежали сложенными на нижней части панциря.

Орис не обратила внимания на Ильфа. Она все еще смотрела в сторону фабрики. Ильф — ее двоюродный брат, но они совсем не похожи. Ильф маленький, гибкий, и рыжие волосы у него на голове вьются тугими кольцами! Орис выше его на целую голову, беленькая и стройная. По мнению Ильфа, у нее такой вид, словно ей принадлежит все, что она может углядеть со спины

Сэма. Правда, ей и на самом деле многое принадлежит: девять десятых фабрики, на которой обрабатывают алмазную древесину, и девять десятых фермы алмазных деревьев. А все остальное досталось Ильфу.

Ильф вскарабкался на самый верх панциря, цепляясь за зеленый лишайник, и встал рядом с Орис. Неуклюжий с виду, Сэм полз со скоростью добрых десять километров в час, держа путь к Королевской роще. Ильф не знал, кто из них — Орис или Сэм — решил вернуться домой.

— Там что-то неладно, — сказал Ильф, взглянув на ферму. — Может, ураган идет?

— Не похоже на ураган, — ответила Орис. Ильф поглядел на небо и молча согласился.

— Может быть, землетрясение?

Орис покачала головой:

— Не похоже на землетрясение.

Она не отрывала глаз от фабрики.

— Там что-нибудь произошло? — спросил Ильф.

— У них сегодня много работы. Получили срочный заказ.

Пока Сэм пересекал еще один перелесок, Ильф раздумывал, что бы это могло значить. Срочные заказы редки, но вряд ли этим можно объяснить

всеобщее волнение. Ильф вздохнул и уселся на панцирь, скрестив ноги. Вокруг тянулась молодая роща — деревьям было лет по пятнадцать, не больше. Росли они довольно редко. Впереди умирал громадный перекати-поле и счастливо смеялся, разбрасывая алые семена. Коснувшись земли, семена спешили откатиться как можно дальше от родителя. Земля вокруг перекати-поля трепетала и вздымалась. Это прибыли чистильщики, чтобы похоронить растение. На глазах у Ильфа перекати-поле погрузилось на несколько сантиметров в разрыхленную землю. Семена торопились убраться подальше, чтобы чистильщики не похоронили заодно и их. Со всех сторон рощи сюда собрались молодые, желтые в зеленых пятнах, готовые укорениться перекати-поле. Они дождутся, пока чистильщики кончат свою работу, затем займут освободившееся пространство и пустят корни. Место, где поработали чистильщики — самое плодородное в лесу.

Ильфу всегда хотелось узнать, как выглядят чистильщики. Никто никогда их не видел. Его дед Рикуэл Чолм рассказывал, что ученые пытались поймать чистильщика с помощью землеройной машины. Но даже самые маленькие чистильщики вкапывались в землю быстрее, чем машина

их откапывала, так что ученым пришлось уехать ни с чем.

— Ильф, иди завтракать! — раздался голос бабушки.

Ильф закричал в ответ:

— Иду, ба…

Но тут же осекся и взглянул на Орис. Та хихикнула.

— Опять меня надули, — признался Ильф. — Противные обманщики!

И он крикнул:

— Выходи, врунишка Лу! Я тебя узнал.

Бабушка Мелди Чолм засмеялась мягким добрым смехом, будто зазвенели серебряные колокольчики, и гигантская Зеленая паутина Королевской рощи подхватила смех. Врунишка Лу и Габон выскочили из кустов и легко взобрались на панцирь. Это были рыжие, короткохвостые зверьки с коричневой шерстью, топкие, как паучки, и очень шустрые. У них были круглые черепа и острые зубы, как у всех животных, которые ловят и едят других животных. Габби уселся рядом с Ильфом, раздувая воздушный мешок, а Лу разразилась серией щелкающих, резких звуков.

— Они были на фабрике? — спросил Ильф.

— Да, — ответила Орис. — Помолчи, я слушаю.

Лу верещала с той же скоростью, с какой передразники обычно разговаривают между собой. Она и человеческую речь передавала с такой же быстротой. Когда Орис хотелось узнать, о чем говорят другие люди, она посылала к ним передразников. Они все до слова запоминали и, возвратившись, повторяли все с привычной для себя скоростью. Если очень прислушиваться, Ильф мог разобрать отдельные слова. Орис понимала все. Теперь она слушала, о чем разговаривали утром люди на фабрике.

Габби раздул воздушный мешок и произнес густым, глубоким голосом дедушки Рикуэла:

— Ай-ай-ай, Ильф! Мы сегодня вели себя не лучшим образом.

— Заткнись сейчас же, — сказал Ильф.

— Помолчи, — ответил Габби голосом Орис. — Я слушаю. — И добавил голосом Ильфа: — Опять меня надули. — Потом захихикал.

Ильф замахнулся на него кулаком. Габби темным комочком моментально метнулся на другую сторону панциря. Оттуда он поглядел на Ильфа невинными круглыми глазами и торжественно произнес:

— Друзья, нам нужно обращать больше внимания на мелкие детали. Ошибки обходятся

слишком дорого.

Наверно, он подслушал эти слова на фабрике.

Ильф отвернулся. Он старался разобрать, о чем говорит Лу. Но Лу тут же замолчала. Передразники спрыгнули со спины Сэма и пропали в кустах. Ильф подумал, что они сегодня тоже чем-то встревожены и слишком суетятся. Орис подошла к переднему краю панциря и уселась на него, болтая ногами. Ильф сел рядом.

— О чем говорили на фабрике? — спросил он.

— Вчера получили срочный заказ. А сегодня утром еще один. И пока эти заказы не выполнят, больше принимать не будут.

— Это хорошо?

— Думаю, что да.

Помолчав, Ильф спросил:

— Поэтому они все так волнуются?

— Не знаю, — ответила Орис и нахмурилась.

* * *

Сэм добрался до следующей поляны и, не дойдя до открытого места, остановился. Орис соскользнула с панциря и сказала:

— Пойдем, но чтобы нас не заметили.

Ильф пошел вслед за ней как можно тише.

— Что случилось? — спросил Он.

В ста пятидесяти метрах, по ту сторону поляны, высилась Королевская роща. Ее вершины легко кружились, словно армия гибких зеленых копий, на фоне голубого неба. Отсюда не был виден одноэтажный дом, построенный в глубине рощи, среди больших стволов. Перед ребятами лежала дорога, она поднималась из долины на запад, к горам.

— Недавно здесь спускался аэрокар, — сказала Орис. — …Вот он, смотри.

Аэрокар стоял у края дороги, недалеко от них. Как раз там, где начиналась просека, ведущая к дому. Ильфу машина показалась неинтересной. Не новая и не старая — самый обыкновенный аэрокар. Человека, сидевшего в ней, Ильф не знал.

— Кто-то в гости приехал, — сказал Ильф.

— Да, — согласился Орис, — дядя Кугус вернулся.

Ильф не сразу вспомнил, кто такой дядя Кугус. Потом его осенило: дядя Кугус приезжал год назад. Это был большой красивый мужчина с густыми черными бровями. Он всегда улыбался. Он приходился дядей только Орис, но привез подарки обоим. И еще он много шутил. А с дедушкой Рикуэлом спорил о чем-то битых два часа, но

Ильф забыл, о чем. В тот раз дядя Кугус приезжал в красивом ярко-желтом аэрокаре, брал Ильфа покататься и рассказывал, как побеждал на гонках. В общем, Ильфу дядя понравился.

— Это не он, — сказал Ильф. — И машина не его.

— Я лучше знаю, — сказала Орис. — Он в доме. И с ним еще двое. Они разговаривают с дедушкой и бабушкой.

В этот момент где-то в глубине Королевской рощи возник глубокий, гулкий звук, словно начали бить старинные часы или зазвучала арфа. Человек в машине обернулся к роще, прислушиваясь. Звук повторился. Он исходил от гигантской Зеленой паутины, которая росла в дальнем конце рощи. Этот звук разносился по всей ферме, и его можно было услышать даже в долине, если, конечно, ветер дул в ту сторону. Ильф спросил:

— Врунишка Лу и Габби там побывали?

— Да. Сначала они сбегали на фабрику, а потом заглянули в дом.

— О чем говорят в доме?

— О разных вещах. — Орис опять нахмурилась. — Мы пойдем и сами узнаем. Только лучше, чтобы они нас пока не видели.

Что-то зашевелилось в траве. Ильф посмотрел

вниз и увидел, что врунишка Лу и Габби снова присоединились к ним. Передразники поглядели на человека в аэрокаре, затем выскочили на открытое место, перемахнули через дорогу и, словно летящие тени, скрылись в Королевской роще. Они бежали так быстро, что уследить за ними было почти невозможно. Человек в машине удивленно посмотрел им вслед, не понимая, видел он что-нибудь или ему померещилось.

— Пошли, — сказала Орис.

Ильф вернулся вместе с ней к Сэму. Сэм приподнял голову и вытянул шею. Орис легла на край нижней части панциря и заползла на четвереньках в щель. За ней последовал и Ильф. Это убежище было ему отлично знакомо. Он не раз укрывался здесь, если его настигала гроза, налетевшая с северных гор или если земля вздрагивала и начиналось землетрясение. Пещера, образованная плоским нижним панцирем, нависающим верхним и прохладной, кожаной шеей Сэма, была самым надежным местом на свете.

Нижний панцирь качнулся — зеленая черепаха двинулась вперед. Ильф выглянул в щель между панцирями. Сэм уже покинул рощу и не спеша пересекал дорогу. Ильф не видел аэрокара и размышлял, зачем Орис понадобилось прятать-

ся от человека в машине. Ильф поежился. Утро выдалось странное и неуютное.

Они миновали дорогу и оказались в высокой траве. Сэм раздвигал траву, словно волны, и раскачивался, как настоящий корабль. Наконец, они вступили под сень Королевских деревьев. Стало прохладнее. Сэм повернул направо, и Ильф увидел впереди голубой просвет, заросли цветущего кустарника, в центре которых находилось лежбище Сэма.

Сэм пробрался сквозь заросли и остановился на краю прогалины, чтобы Ильф и Орис могли выбраться из панциря. Затем опустил передние лапы в яму, настолько густо оплетенную корнями, что между ними не было видно земли. Сэм наклонился вперед, втянул под панцирь голову и медленно съехал в яму. Теперь нижний край панциря был вровень с краями ямы и со стороны Сэм казался большим, поросшим лишайником валуном. Если его никто не потревожит, он будет недвижимо лежать в яме до конца года. Черепахи в других рощах фермы и не вылезали из своих ям и, насколько Ильф помнил, никогда не просыпались. Они жили так долго, что сон длиной в несколько лет ничего для них не значил.

Ильф вопросительно поглядел на Орис. Она

сказала:

— Подойдем к дому, послушаем, о чем говорит дядя Кугус.

Они свернули на тропинку, ведущую от лежбища Сэма к дому. Тропинка была протоптана шестью поколениями детей, которые ездили на Сэме по ферме. Сэм был в полтора раза больше любой другой черепахи и лишь его лежбище находилось в Королевской роще. В этой роще все было особенным, начиная от деревьев, которые никто не рубил и которые были вдвое толще и почти вдвое выше деревьев в остальных рощах, и кончая Сэмом и огромным пнем дедушки-росянки неподалеку и гигантской Зеленой паутиной на другом краю. Здесь всегда было тихо и меньше встречалось зверей. Дедушка Рикуэл говорил Ильфу, что Королевская роща когда-то давным-давно дала начало всем алмазным лесам.

— Обойдем вокруг дома, — сказала Орис. — Пусть они пока не знают, что мы уже здесь.

* * *

— Мистер Тироко, — сказал Рикуэл Чолм. — Я сожалею, что Кугус Овин уговорил вас с мистером Блиманом прилететь на Урак по такому делу. Вы попросту зря потеряли время. Кугусу следовало

знать об этом. Я ему уже все объяснил в прошлый раз.

— Боюсь, что не совсем понимаю вас, мистер Чолм, — сухо сказал мистер Тироко. — Я обращаюсь к вам с деловым предложением насчет этой фермы алмазных деревьев. С предложением, выгодным как для вас, так и для детей, которым этот лес принадлежит. По крайней мере хоть познакомьтесь с нашими условиями.

Рикуэл покачал головой. Ясно было, что он зол на Кугуса, но пытается сдержать гнев.

— Какими бы ни были ваши условия, для нас это неважно, — сказал он. — Алмазный лес — не коммерческое предприятие. Разрешите, я подробней расскажу вам об этом, раз уж Кугус этого не сделал. Без сомнения, вам известно, что на Ураке таких лесов около сорока и все попытки вырастить алмазные деревья в других местах потерпели неудачу. Изделия из алмазного дерева отличаются исключительной красотой, их нельзя изготовить искусственным путем. Поэтому они ценятся не меньше, чем драгоценные камни.

* * *

Мистер Тироко, не спуская с Рикуэла холодных светлых глаз, кивнул: «Продолжайте, мистер

Чолм».

— Алмазный лес — это нечто значительно большее, чем просто группа деревьев. Основой его служат сами деревья, но они — лишь составная часть всей экономической системы. Каким образом осуществляется взаимосвязь растений и животных, составляющих лес, до сих пор неясно, но она существует. Ни одно из этих животных не может выжить в другой обстановке. А растения и животные, которые не входят в экологическую систему, плохо приживаются в лесу. Они вскоре погибают или покидают лес. Единственное исключение из этого правила — люди.

— Крайне любопытно, — сухо заметил мистер Тироко.

— Вы правы, — сказал Рикуэл. — Многие, и я в том числе, считают, что лес необходимо охранять. Пока что рубки, которые сейчас проводятся под наблюдением специалистов, идут ему на пользу, потому что мы лишь способствуем естественному жизненному циклу леса. Под покровительством человека алмазные рощи достигли своего расцвета, который был бы немыслим без людей. Владельцы ферм и их помощники способствовали превращению рощ в государственные заповедники, принадлежащие

Федерации; при этом право рубки оставалось за владельцами ферм и их наследниками, но рубка проводилась под строжайшим контролем. Когда Ильф и Орис подрастут и смогут подписать соответствующие документы, ферма перейдет к государству, и все меры для этого приняты. Вот почему мы, мистер Тироко, не заинтересованы в вашем деловом предложении. И если вам вздумается обратиться с подобными предложениями к другим фермерам, они скажут вам то же самое. Мы все единодушны в этом вопросе. Если б мы небыли едины, то давно бы уже приняли подобные предложения.

Наступило молчание. Затем Кугус Овин сказал мягким голосом:

— Я понимаю, что ты сердит на меня, Рикуэл, но ведь я забочусь о будущем Ильфа и Орис. Боюсь, что ты тревожишься о сохранении этого чуда природы, а о детях забываешь.

— Когда Орис вырастет, она станет обеспеченной молодой женщиной, даже если не продаст ни единого алмазного дерева, — ответил Рикуэл. — Ильфу также будет обеспечено безбедное существование, и он может за всю жизнь палец о палец не ударить, хотя я очень сомневаюсь, что он выберет подобную участь.

Кугус улыбнулся.

— Бывают разные степени обеспеченности, — заметил он. — Ты не представляешь, как много получит Орис, если согласится на предложение мистера Тироко. Ильфа тоже не обидят.

— Правильно, — сказал мистер Тироко. — В деловых вопросах я не зажимист. Все об этом знают. И я могу позволить себе быть щедрым, потому что получаю большие прибыли. Разрешите обратить ваше внимание на другой аспект этой проблемы. Как вы знаете, интерес к изделиям из алмазного дерева не постоянен. Он то растет, то падает. Алмазная древесина то входит в моду, то выходит. Сейчас начинается алмазная лихорадка, вскоре она достигнет максимума. Интерес к изделиям из алмазной древесины можно искусственно подогревать и использовать в своих целях, но в любом случае нетрудно предположить, что через несколько месяцев мода достигнет апогея и сойдет на нет. В следующий раз лихорадка начнется, может быть, через шесть, а может, и через двенадцать лет. А может быть, она и никогда не начнется, потому что существует очень мало природных продуктов, которые рано или поздно не начинают изготовлять искусственным путем, причем качество заменителя обычно ничем не

уступает исходному материалу. И у нас нет никаких оснований полагать, что алмазная древесина навечно останется исключением. Мы должны полностью использовать выгодное для нас стечение обстоятельств. Пока алмазная лихорадка продолжается, мы обязаны ею воспользоваться. Мой план, мистер Чолм, заключается в следующем. Корабль с машинами для рубки леса находится сейчас в нескольких часах лета от Урака. Он приземлится здесь на следующий день после того, как будет подписан контракт. Ваша фабрика нам не нужна — масштабы ее недостаточны для наших целей. Через неделю весь лес будет сведен. Древесина будет отправлена на другую планету, где ее обработают. Уже через месяц мы сможем завалить нашими изделиями все основные рынки Федерации.

Рикуэл Чолм спросил ледяным голосом:

— И в чем же причина такой спешки, мистер Тироко?

Мистер Тироко удивился:

— Мы избавимся от конкуренции, мистер Чолм. Какая еще может быть причина? Как только другие фермеры узнают, что произошло, у них появится соблазн последовать вашему примеру. Но мы их настолько обгоним, что сами снимем

сливки. Приняты все меры предосторожности, чтобы сохранить наш прилет в тайне. Никто не подозревает, что мы на Ураке, тем более никто не знает о наших целях. В таких делах, мистер Чолм, я никогда не ошибаюсь.

Он умолк и обернулся, услышав, как Мелди Чолм взволнованным голосом произнесла:

— Входите, дети. Садитесь с нами. Мы говорим о вас.

— Здравствуй, Орис, — приветливо сказал Кугус. — Привет, Ильф! Помнишь старого дядюшку Кугуса?

— Помню, — сказал Ильф. Он сел на скамейку у стены рядом с Орис. Ему было страшно.

— Орис, ты слышала, о чем мы говорили?

Орис кивнула.

— Да, — она взглянула на мистера Тироко и снова обернулась к дедушке: — Он собирается вырубить лес.

— Ты знаешь, что это твой лес. И Ильфа. Ты хочешь, чтобы они это сделали?

— Мистер Чолм, прошу вас! — вмешался мистер Тироко, — нельзя же так сразу! Кугус, покажите мистеру Чолму, что я предлагаю.

Рикуэл взял документ и прочел его, потом вернул Кугусу.

— Орис, — сказал он. — Если верить этому документу, мистер Тироко предлагает тебе больше денег, чем ты можешь истратить за всю жизнь, если ты позволишь ему срубить твою часть леса. Ты хочешь этого?

— Нет, — сказала Орис.

Рикуэл посмотрел на Ильфа, и мальчик покачал головой. Рикуэл вновь обернулся к мистеру Тироко.

— Итак, мистер Тироко, — сказал он, — вот наш ответ. Ни моя жена, ни я, ни Орис, ни Ильф не хотим, чтобы вы рубили лес. А теперь…

— Зачем же так, Рикуэл, — сказал, улыбаясь, Кугус. — Никто не сомневается, что Орис с Ильфом не поняли сути дела. Когда они вырастут…

— Когда они вырастут, — сказал Рикуэл, — у них будет возможность принять решение. — Он поморщился. — Давайте, господа, закончим эту дискуссию. Благодарим вас, мистер Тироко, за ваше предложение. Оно отвергнуто.

Мистер Тироко насупился и поджал губы.

— Не спешите, мистер Чолм, — сказал он. — Я уже говорил, что никогда не ошибаюсь в делах. Несколько минут назад вы предложили мне обратиться к другим фермерам и сказали, что мне с ними будет не легче.

— Да, — согласился Рикуэл.

— Так вот, — продолжал мистер Тироко. — Я уже вступил в контакт с некоторыми из них. Не лично, разумеется, так как опасался, что мои конкуренты пронюхают о моем интересе к алмазным деревьям. И вы оказались правы: мое предложение было отвергнуто. Я пришел к выводу, что фермеры настолько связаны друг с другом соглашениями, что им трудно принять мое предложение, даже если они захотят.

Рикуэл кивнул и улыбнулся:

— Мы понимали, что соблазн продать ферму может оказаться велик, — сказал он. — И мы сделали так, что поддаться этому соблазну стало почти невозможно.

— Отлично, — продолжал мистер Тироко. — От меня так легко не отделаешься. Я убедился в том, что вы и миссис Чолм связаны с прочими фермерами планеты соглашением, по которому не можете первыми продать рощу, передать кому-нибудь право рубки или превысить квоту вырубки. Но вы не являетесь настоящими владельцами фермы. Ею владеют эти дети.

Рикуэл нахмурился:

— А какая разница? — спросил он. — Ильф — наш внук. Орис также наша родственница, и мы

ее удочерили.

Мистер Тироко почесал подбородок.

— Мистер Блиман, — сказал он. — Будьте любезны объяснить этим людям ситуацию.

Мистер Блиман откашлялся. Это был высокий худой человек с яростными черными глазами, похожий на хищную птицу.

— Мистер и миссис Чолм, — начал он. — Я — специалист по опекунским делам и являюсь чиновником федерального правительства. Несколько месяцев назад мистер Кугус Овин подал заявление насчет удочерения своей племянницы Орис Лутил, гражданки планеты Рейк. По ходатайству мистера Кугуса Овина я провел необходимое расследование и могу вас заверить, что вы не оформляли официально удочерение Орис.

— Что? — Рикуэл вскочил на ноги. — Что это значит? Что еще за трюк? — Лицо его побелело.

На несколько секунд Ильф упустил из виду мистера Тироко, потому что дядя Кугус вдруг оказался перед скамейкой, на которой сидели Ильф и Орис. Но когда он снова увидел мистера Тироко, то чуть не умер со страха. В руке у мистера Тироко сверкал большой, отливающий серебром и синью пистолет, и ствол его был направлен на Рикуэла Чолма.

— Мистер Чолм, — произнес мистер Тироко. — Прежде чем мистер Блиман кончит свои объяснения, хочу вас предупредить: я не собираюсь вас убивать. Пистолет не на это рассчитан. Но если я нажму курок, вы почувствуете страшную боль. Вы — пожилой человек и, может быть, не переживете этой боли… Кугус, следи за детьми. Мистер Блиман, давайте я сначала поговорю с мистером Хетом.

Он поднес к лицу левую руку, и Ильф увидел, что к ней прикреплена рация.

— Хет, — сказал мистер Тироко, прямо в рацию, не спуская глаз с Рикуэла Чолма. — Полагаю, тебе известно, что дети находятся в доме?

Рация что-то пробормотала и смолкла.

— Сообщи мне, если увидишь, что кто-нибудь приближается, — сказал мистер Тироко. — Продолжайте, мистер Блиман.

— Мистер Кугус Овин, — произнес Блиман, — официально признан опекуном своей племянницы Орис Лутил. Ввиду того, что Орис еще не достигла возраста, в котором требуется согласие на опеку, дело считается оконченным.

— А это значит, — сказал мистер Тироко, — что Кугус может действовать от имени Орис в сделках по продаже деревьев на ферме. И если вы, мистер

Чолм, намереваетесь возбудить против нас дело — лучше забудьте об этом. Может, в банковском сейфе и лежали какие-то документы, доказывавшие, что девочка была вами удочерена. Можете не сомневаться, что эти документы уже уничтожены. А теперь мистер Блиман безболезненно усыпит вас на несколько часов, которые понадобятся для вашей эвакуации с планеты. Вы обо всем забудете, а через несколько месяцев никому и дела не будет до того, что здесь произошло. И не думайте, что я жестокий человек. Я не жесток. Я просто принимаю меры, чтобы добиться цели. Мистер Блиман, пожалуйста!

Ильфа охватил ужас. Дядя Кугус держал Орис и Ильфа за руки, ободряюще им улыбался. Ильф бросил взгляд на Орис. Она была такой же бледной, как дедушка с бабушкой, но не пыталась вырваться. Поэтому Ильф тоже не стал сопротивляться. Мистер Блиман поднялся, еще больше, чем прежде, похожий на хищную птицу и подкрался к Рикуэлу Чолму. В руке у него поблескивало что-то похожее на пистолет. Ильф зажмурился. Наступила тишина. Потом мистер Тироко сказал:

— Подхватите его, а то он упадет с кресла. Миссис Чолм, расслабьтесь…

Снова наступила тишина. И тут рядом с Ильфом послышался голос Орис. Не обычный голос, а скороговорка в двадцать раз быстрее, словно Орис куда-то спешила. Вдруг голос умолк.

— Чтотакое? Чтотакое? — спросил пораженный мистер Тироко.

Ильф широко открыл глаза, увидев, как что-то с пронзительным криком влетело в комнату. Два передразника метались по комнате, — коричневые неуловимые комочки — и вопили на разные голоса. Мистер Тироко громко вскрикнул и вскочил со стула, размахивая пистолетом. Что-то, похожее на большого паука, взбежало по спине мистера Блимана, и он с воплем отпрянул от лежащей в кресле бабушки. Что-то вцепилось в шею дяде Кугусу. Он отпустил Орис и Ильфа и выхватил свой пистолет.

— Шире луч! — взревел мистер Тироко. Его пистолет часто и гулко бухал. Внезапно темная тень метнулась к его ногам. Дядя Кугус выругался, прицелился в тень и выстрелил.

— Бежим, — прошептала Орис, схватив Ильфа за руку. Они спрыгнули со скамьи и кинулись к двери.

* * *

— Хет! — несся вдогонку им голос мистера Тироко. — Поднимись в воздух и отыщи детей! Они пытаются скрыться. Если увидишь, что они пересекают дорогу, вышиби из них дух. Кугус, догоняй! Они могут спрятаться в доме.

Тут он снова взвыл от ярости, и его пистолет заработал. Передразники были слишком малы, чтобы причинить серьезный вред, но они, наверно, пустили в ход свои острые зубы.

— Сюда, — шепнула Орис, открывая дверь. Ильф юркнул за ней в комнату, и она тихо прикрыла за ним дверь. Ильф глядел на сестру, и сердце его бешено колотилось.

Орис кивнула на зарешеченное окно.

— Беги и прячься в роще. Я за тобой.

— Орис! Ильф! — масленым голосом кричал в холле дядя Кугус. — Погодите, не бойтесь! Где вы?

Ильф, заслышав торопливые шаги Кугуса, быстро пролез между деревянными планками и упал на траву. Но тут же вскочил и бросился к кустам. Он слышал, как Орис пронзительно крикнула что-то передразникам, посмотрел назад и увидел, что Орис тоже бежит к кустам. Дядя

Кугус выглянул из-за решетки, целясь в Орис из пистолета. Раздался выстрел. Орис метнулась в сторону и исчезла в чаще. Ильф решил, что дядя Кугус промахнулся.

— Они убежали из дома! — крикнул дядя Кугус. Он старался протиснуться сквозь прутья решетки.

Мистер Тироко и мистер Блиман тоже кричали что-то. Дядя Кугус обернулся и исчез.

— Орис! — крикнул Ильф дрожащим голосом.

— Ильф, беги и прячься! — Голос Орис доносился справа, из глубины рощи.

Ильф побежал по тропинке, что вела к лежбищу Сэма, бросая взгляды на клочки голубого неба между вершинами деревьев. Аэрокара не было видно. Хет, наверно, кружит над рощей, ожидая, пока остальные выгонят детей на открытое место, чтобы их поймать. Но ведь можно спрятаться под панцирем Сэма, и он переправит их через дорогу.

— Орис, где ты? — крикнул Ильф. Голос Орис донесся издалека. Он был ясен и спокоен.

— Ильф, беги и прячься.

Ильф оглянулся. Орис нигде не было видно, зато в нескольких шагах сзади по тропе бежали оба передразника. Они обогнали Ильфа и исчезли

за поворотом. Преследователи уговаривали его и Орис вернуться. Голоса их приближались.

Ильф добежал до лежбища Сэма. Сэм лежал там неподвижно, его выпуклая спина была похожа на огромный, обросший лишайниками валун. Ильф схватил камень и постучал им по панцирю.

— Проснись, — умолял он. — Проснись, Сэм!

Сэм не шевельнулся. Преследователи приближались. Ильф никак не мог решить, что делать дальше.

— Спрячься от них, — внезапно послышался голос Орис.

— Девчонка где-то здесь! — тут же раздался голос мистера Тироко. — Хватай ее, Блиман!

— Орис, осторожнее! — крикнул испуганный Ильф.

— Ага, мальчишка тоже там. Сюда, Хет! — торжествующе вопил мистер Тироко. — Снижайся, помоги нам их схватить. Мы их засекли…

Ильф упал на четвереньки, быстро пополз в гущу кустарника с голубыми цветами и замер, распластавшись на траве. Он слышал, как мистер Тироко ломится сквозь кусты, а мистер Блиман орет: «Скорее, Хет, скорее!»

И тут до Ильфа донесся еще один знакомый звук. Это было глухое гудение Зеленой паутины.

Гудение заполнило всю рощу. Так паутина иногда заманивала птичьи стаи. Казалось, что гудение струится с деревьев и поднимается с земли.

Ильф тряхнул головой, чтобы сбросить оцепенение. Гудение стихло и тут же вновь усилилось. Ильфу показалось, что с другой стороны кустов он слышит собственный голос: «Орис, где ты?» Мистер Тироко кинулся в том направлении, крича что-то мистеру Блиману и Кугусу. Ильф отполз назад, выскочил из зарослей, поднялся во весь рост и обернулся.

И замер. Широкая полоса земли шевелилась, раскачивалась, словно варево в котле.

* * *

Мистер Тироко, запыхавшись, подбежал к лежбищу Сэма. Лицо его побагровело, пистолет поблескивал в руке. Он тряс головой, пытаясь отделаться от гудения. Перед ним был огромный, обросший лишайниками валун, и никаких следов Ильфа.

Вдруг что-то шевельнулось в кустах по ту сторону валуна.

— Орис! — послышался испуганный голос Ильфа. Мистер Тироко побежал вокруг валуна, целясь на бегу из пистолета. Неожиданно гудение

перешло в рев. Две огромных, серых, трехпалых лапы высунулись из-под валуна и схватили мистера Тироко.

— Ох! — вскрикнул он и выронил пистолет. Лапы сжали его, раз, два. Сэм распахнул рот, захлопнул его и проглотил жертву. Голова его вновь спряталась под панцирь, и он опять заснул.

Рев Зеленой паутины заполнил всю рощу, словно тысяча арф исполняла одновременно быструю, прерывистую мелодию. Человеческие голоса метались, визжали, стонали, тонули в гуле. Ильф стоял возле круга шевелящейся земли, рядом с голубым кустарником, одурев от шума, и вспоминал. Он слышал, как мистер Тироко приказал мистеру Блиману ловить Орис, как мистер Блиман уговаривал Хета поторопиться. Он слышал собственный вопль, обращенный к Орис, и торжествующий крик мистера Тироко: «Сюда! Мальчишка тоже там!»

Дядя Кугус выскочил из кустов. Глаза его сверкали, рот был растянут в усмешке. Он увидел Ильфа и с криком бросился к нему. Ильф заметил его и остановился как вкопанный. Дядя Кугус сделал четыре шага по «живой» земле и провалился по щиколотку, потом по колени. Вдруг бурая земля брызнула во все стороны, и он ухнул

вниз, будто в воду и, не переставая улыбаться, исчез. Где-то вдали мистер Тироко кричал: «Сюда!», а мистер Блиман все торопил Хета. Но вот возле пня дедушки росянки раздался громкий чавкающий звук. Кусты вокруг затряслись. Но через секунду все стихло. Затем гудение Зеленой паутины сменилось пронзительным воплем и оборвалось. Так всегда бывало, когда Зеленой паутине попадалась крупная добыча…

Ильф, весь дрожа, вышел на поляну к лежбищу Сэма. В голове его гудело от воя Зеленой паутины, хотя в роще уже стояла тишина. Ни один голос не нарушал безмолвия. Сэм спал в своем лежбище. Что-то блеснуло в траве у его края. Ильф подошел поближе, заглянул внутрь и прошептал:

— Сэм, вряд ли нужно было…

Сэм не пошевелился. Ильф подобрал серебряный с синью пистолет мистера Тироко и отправился искать Орис. Он нашел ее на краю рощи. Орис рассматривала аэрокар Хета. Аэрокар лежал на боку, на треть погрузившись в землю. Вокруг него суетилась огромная армия чистильщиков, какой Ильфу еще не приходилось видеть.

Орис с Ильфом подошли к краю дороги и смотрели, как аэрокар, вздрагивая и переворачиваясь, погружается в землю. Ильф вспомнил о пистоле-

те, который он все еще держал в руках, и бросил его на землю возле машины. Пистолет тут же засосало. Перекати-поле выкатились из леса и ждали, столпившись возле круга. В последний раз дернувшись, аэрокар пропал из виду. Участок земли стал разравниваться. Перекати-поле заняли его и принялись укореняться.

Послышался тихий посвист, и из Королевской рощи вылетел саженец алмазного дерева, вонзился в центр круга, в котором исчез аэрокар, затрепетал и выпрямился. Перекати-поле уважительно расступились, освобождая ему место. Саженец вздрогнул и распустил первые пять серебристо-зеленых листьев. И замер.

Ильф обернулся к Орис:

— Орис, — сказал он. — Может, нам не следовало этого делать?

Орис ответила не сразу.

— Никто ничего не делал, — ответила она наконец. — Все сами уехали обратно…

Она взяла Ильфа за руку.

— Пошли домой, подождем, пока Рикуэл и Мелди проснутся.

Алмазный лес вновь успокоился. Спокойствие достигло его нервного центра в Королевской роще, который опять расслабился. Кризис миновал

— возможно, последний из непредусмотренных людьми, прилетевшими на планету Урак.

Единственной защитой от человека был сам человек. И, осознав это, алмазный лес выработал свою линию поведения. В мире, принадлежащем теперь человеку, он принял человека, включил его в свой экологический цикл, приведя его к новому, оптимальному балансу.

И вот пронесся последний шквал — опасное нападение опасных людей. Но опасность миновала и вскоре станет далеким воспоминанием…

Все было верно предусмотрено, думал, погружаясь в дрему, нервный центр. И раз уж сегодня больше не нужно думать, можно и погрузиться в дрему…

И Сэм блаженно заснул.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОВОД ПООРАТЬ ОТ УЖАСА

Как только начался «вход» по системе Марсара, у ведущего программы новостей Кита Дебола появилось стойкое ощущение, то эта командировка ему вовсе не в кайф. Отчасти это могло быть проявлением осадка, которое оставляла в душе всепоглощающая чернота, мгновенно окутавшая псевдопространственный корабль. Он знал, что огни в салоне вокруг него были зажжены. Тем не менее, нигде не было заметно ни единого, даже самого маленького огонька — даже на консоли управления Фернея, которая была расположена прямо перед глазами. Это была самая безжизненная чернота из всех, с какими ему приходилось сталкиваться… Такого рода чернота, должно быть, находилась за пределами расширяющейся Вселенной. Внезапно на ум пришла мысль, что, если бы ему пришлось остаться в этой черноте продолжительное время, она бы высосала из него абсолютно все, оставив в этом кресле пустую раковину, такую же неживую, как она сама.

Слава Всевышнему, что экспедиция не обещала

быть слишком продолжительной. Чиновники из Военно-Космического ведомства, с которыми Кит Дебол разговаривал вчера на брифинге, без сомнения, умышленно подчеркнули мрачные аспекты Пространства-Три. Кит знал, что является нежелательным гостем на юрту, да он и не рассчитывал на большее. Потребовались неимоверные интриги и закулисные игры, проведенные Системой Обозревательных Новостей Эдэси, чтобы добиться назначения своего представителя на один из четырнадцати кораблей псевдопространства, причем это произошло только непосредственно перед отлетом. Военные хотели получить больше денег на реализацию «вероятно дорогих проектов, связанных с исследованием Пространства-Три. В конце концов, их убедил аргумент, согласно которому лучшим способом заполучить всеобщую финансовую поддержку стала бы организация восторженного, из первых рук, телерепортажа об одной из вылазок в псевдопространство, который провел бы популярный ведущий. А в Федерации на тот момент просто не было ведущего, популярнее, чем Кит Дебол. Но людям, с которыми ему фактически предстояло находиться на борту, не были в восторге от этой затеи. Особенно им не нравилось,

что Кит участвовал в процедуре «входа» лишь в качестве бесплатного приложения, поскольку не принимал участия в его обеспечении. И как на многих других людей, которые имели с ним дело, на них он, вероятно, не производил должного впечатления. Кит был худощав, ниже среднего роста, и, хотя все еще выглядел моложавым, уже щеголял — вследствие хорошего питания — маленьким округлым брюшком. Особенно раздражало военных то обстоятельство, что он не соизволил сделать хоть какие-то заметки о сведениях, которыми они усиленно снабжали его для телерепортажа. Им было невдомек, что Кит никогда в жизни не делал записей, потому что у него была феноменальная память.

В правой ладони возникло короткое, острое покалывание — поступил условный код от Фернея, приданного ему технического специалиста, сигнализирующий о том, что телепередача, транслируемая в нормальное пространство особыми военными передатчиками, началась. Кит начал говорить…

Как обычно, он не обращал особого внимания на то, что говорил. В этом не было необходимости. Относящийся к делу материал хранился у него в мозгу, уже оформленный в определенное

количество готовых блоков. По мере надобности они выскакивали наружу в той или иной последовательности, всегда согласованные, выразительные и складные. Как выяснилось, начал он с заявления, что это еще одна веха в истории теленовостей, первый прямой репортаж из псевдопространства или Пространства-Три. В эти мгновения корабли осуществляли переход в область совершенно нового вида энергетических полей. Пространство в этой сфере, по всей видимости, существовало только как удобное условное понятие или как воображаемая среда, фиксируемая только записывающей аппаратурой. Открытие псевдопространства пять лет назад явилось торжеством человеческого разума. Его существование было теоретически доказано военно-космическими математиками, а с помощью вычислений, произведенных ими на суперкомпьютерах, были разработаны и средства вступления с ним в непосредственный контакт. Только для того чтобы обеспечить понимание проблем, связанных с дальнейшим исследованием этого судьбоносного пласта Вселенной, были разработаны две новых всеобъемлющих математических модели.

Кит обратился к технической стороне вопроса.

Военный корабль с исследователями на борту пробудет в псевдопространстве без нескольких минут час. Помимо обычных моторов, он был оснащен двигателем, который обеспечивал попадание в псевдопространство. Двигатель отключат, как только вход в Пространство-Три будет завершен, и снова включат за десять минут до запланированного возвращения. Это объяснялось тем, что получение требуемой для выхода мощности занимало пять минут. Пока корабль без серьезных для экипажа последствий мог находиться в псевдопространстве не более часа.

Двигатель для входа следовало отключить по одной любопытной причине. Хотя перемещаться внутри Пространства-Три было невозможно, перемещение корабля относительно прежнего его местонахождения в обычном пространстве или субпространстве за время его пребывания в Пространстве-Три было очень даже ощутимым. К этому приводило любое использование энергии кораблем, зашедшим в Псевдопространство. В результате он всегда «выныривал» обратно в обычное пространство в точке, удаленной от точки вхождения в псевдопространство. Причем это расстояние значительно превышало то, которое он покрыл бы в обычном пространстве за

то же время при включенных на полную мощность двигателях. Потенциальное значение этого явления для путешествия в пространстве было очевидным. Однако в настоящее время не существовало четкой корреляции между энергией, затраченной кораблем, и пройденным им расстоянием. К тому же, и направление, в котором он двигался, было непредсказуемым. Большая часть многочисленных исследований, запланированных для сегодняшнего часового «входа», была задумана именно для того, чтобы добыть дополнительные сведения по этим аспектам путешествия в псевдопространстве.

Эксперимент начался в окрестностях планеты Орадо. Руководители экспедиции намеревались в его ходе высвободить исключительное количество энергии, ибо военные милостиво разрешили продемонстрировать миллиардам зрителей Эдэси некоторые интересные свойства псевдопространства. Поэтому исследователи достоверно знали только то, что, когда они снова «вынырнут», то окажутся где-то в пределах космических границ Федерации. Точное местоположение будет установлено исключительно после «возвращения».

Кит Дебол дошел до этого пункта в тот самый

момент, когда вход по Марсару завершился, и на корабле вновь вспыхнуло освещение. У него не было в мыслях поступать именно так. Но ему было сказано, сколько продлится «вход», и материал, сложившийся у него в голове, сам собой пересортировывался таким образом, что в нужный момент устранились всякие предварительные объяснения.

Он без остановки перешел к следующей части своего репортажа. Через секунду включится изображение. Его с Фернеем снабдили меньшим по размерам дубликатом основного экрана, который был установлен в дальнем конце салона. Зрители Эдэси получат первое, запущенное в прямой эфир, изображение непространственного энергетического поля. Они будут наблюдать нечто такое, чего никогда не видел человеческий глаз, или, точнее, не мог видеть до той самой поры, пока всепобеждающий разум Человека, его решимость и мужество сумели отыскать-таки способ исследовать Пространство-Три, — возможно для того, чтобы использовать его в будущем.

Иллюзорная среда третьего Пространства возникла нежданно-негаданно. Киту показалось, что его желудок дважды перевернулся. У него возникло ощущение, что его тело раздирается

на части — безболезненно, но неумолимо. Он продолжал говорить, но не имел ни малейшего представления, о чем. Среда была ярко-розовой и белой и производила впечатление обширной, но неустойчивой бездны. Цветовые узоры медленно сменяли друг друга. Нечто, подобное призрачной дымке, проплыло справа налево, — как показалось Киту, где-то вдалеке — точь-в-точь облака плывут по летнему небу. Разумеется, здесь понятия «далеко» и «близко» не имели буквального значения.

Дай слово «холодно», напомнил телезрителям его голос, в третьем Пространстве также утратило привычное значение. Термин «холод» выпадал из любого устоявшегося его понимания. Он означал не просто полное отсутствие тепла, но холод по восходящей шкале; холод холоднее самого сильного холода, если так можно выразиться. В третьем Пространстве это явление больше всего остального грозило жизни человека, оно было тем фактором риска, который сделал бы проникновение в псевдопространство невозможным, если бы о его существовании было известно заранее. К счастью, условием проникновения человека в это пространство явилось великое открытие Марсарова поля, которое, как вскоре выяснилось,

защищало и от чудовищного холода.

Кит решил, что вся эта Моментальная Вселенная медленно скручивалась сразу в двух направлениях! Не только Пространство-Три на экране, но и псевдопространственный корабль; и он сам, и Ферней, сидящий рядом. Воочию он не наблюдал ничего такого, что подтвердило бы правоту подобного вывода, однако у него возникла твердая уверенность в этом, и осознание данного факта было чрезвычайно неприятным. Он услышал, как громко сглотнул Ферней — в этом звуке не было ничего страшного: фильтры все равно уловят и отсеют любые посторонние шумы, — и пожалел, что час назад слишком плотно позавтракал…

— Энергетическое поле Марсара, — продолжал плавно озвучивать технологию «входа» его голос, — как бы обволакивает снаружи коробкообразный корпус псевдопространственного корабля…

А еще Кит поведал зрителям о том, что салон, расположенный в центре корабля, где телевизионщики находились в настоящий момент, представлял собой еще одну коробку, внутреннюю, отделенную от прочих отсеков корабля гравитационными «давилками». Другими слова-

ми, салон висел как бы в воздухе, свободно плавая внутри корабля, и тоже был покрыт М-полем.

Такая конструкция была вызвана необходимой предосторожностью, потому что во время «входа» только Марсарово поле находилось между людьми и невероятным холодом Третьего Пространства. А сейчас будет показано со всей наглядностью, что этот сверххолод способен сотворить с предметом из обыкновенного пространства, который лишен защиты М-поля.

* * *

Кит поднялся на ноги, не переставая говорить, и направился по проходу между креслами в сторону примыкающего к салону отдельного помещения. Он не беспокоился, что окажется вне пределов досягаемости транслирующей аппаратуры. Эта была уже головная боль оператора — сопровождать своего ведущего повсюду на корабле, а Ферней о своих должностных обязанностях не забывал никогда. Кит остановился у второго экрана, за которым сидели два военспеца. Выжидательное выражение, появившееся у них на лицах при приближении штатского, подсказало ему, что они надеялись увидеть наглядные признаки того, что Пространство-Три

прополоскало мозги нежеланному гостю, как, впрочем, и остальным обитателям салона. Поэтому, не прерывая свободно текущей речи, он одарил их знаменитой белозубой улыбкой Кита Дебола типа «очарование под N 5». Военспецы разочарованно уткнулись обратно в свои клавиатуры и переключатели.

— А вот и два господина, которых отобрали для исполнения показатель... — Кит привел полные имена обоих, от чего тех передернуло, и продолжил репортаж, комментируя каждое их движение. Он ни разу не запнулся, ни разу не впал в замешательство. Он получал истинное удовольствие оттого, что блестяще владеет ситуацией, которая, кстати, включала в себя и непрестанное ощущение внутреннего и внешнего дискомфорта исследователей.

Псевдопространственный корабль захватил с собой в Пространство-Три еще одно судно. Это был приземистый, старомодный осадный шлюп. Длиной он не превышал эскадренный миноносец, но зато был обшит броней из самого прочного из всех известных на сегодняшний день технологичного материала. Он был спроектирован так, что мог продвигаться вперед, невзирая на огонь тяжелых орудий, базирующих-

ся на поверхности планет, и при этом не терял боеспособности. Будучи беспилотным, поскольку им собирались пожертвовать ради телезрителей Эдэси, он надвигался на экране на зрителя, постепенно увеличиваясь в размерах. Кит объяснил, что оба корабля находились в движении как по отношению к обыкновенному пространству, так и относительно друг друга. Осадный шлюп перемещался только потому, что его Марсарово поле и «входной» двигатель, которым он был оснащен, продолжал расходовать энергию. Псевдопространственный корабль тоже находился в движении, так как помимо этого использовал свои стандартные моторы для дополнительного маневра, производимого с целью подобраться ближе к намеченной жертве. Но не слишком близко, так как любой контакт с посторонним твердым телом способен разрушить Марсарово поле…

На экране было видно, как между кораблями, примерно посредине, появилось два устройства. Кит плавно перешел к их описанию и для пущего эффекта намеренно ускорил темп своего рассказа. Эти устройства представляли собой телеуправляемые метательные орудия, в каждом из которых пусковое поле несло одиночный заряд в виде

десятисантиметрового ядра. Разумеется, и ядра, и сами орудия защищены эффектом Марсара…

— А теперь, — объявил он с нарастающим волнением в голосе, — одно из орудий развернулось и нацелилось на обреченный осадный шлюп — и вот ядро запущено!

Возник крупный план стального шара, который, казалось, неподвижно висел на бело-розовом фоне смерзшегося псевдопространства. Затем в кадре появился бронированный бок осадного шлюпа, идущего на сближение с ядром. Метательный снаряд ударил в борт и прилип к нему.

Крупный план сменился предыдущим кадром, в котором вдобавок возникло наложенное на общую картину изображение прозрачных часов. Огромный циферблат с бегущей по нему секундной стрелкой был разделен на десять секторов. Когда стрелка соприкоснулась с десятой отметкой, циферблат улетучился; развернулось следующее метательное орудие, и было запущено второе ядро. Кит резко оборвал свой монолог.

На этот раз крупный план отсутствовал. Прошла секунда, — и осадный шлюп разлетелся вдребезги.

Как ни странно, этот процесс отнюдь не носил бурного, взрывного характера. Напротив, он про-

текал с какой-то пугающей неторопливостью. Сначала по массивному бронированному корпусу зазмеились мелкие трещины, потом они стали углубляться и расширяться, сливаясь друг с другом. Еще через какое-то время обреченное судно стало разваливаться на куски. Каждый кусок, отделившись от остальных, раскалывался на более мелкие, те, в свою очередь, — еще на более мелкие… На один миг среди этого хаоса показался «входной» двигатель, защищенный собственными Марсаровым и «давильными» полями. Затем он пропал, устремившись в обыкновенное пространство. Кит почувствовал укол досады. Военные сумели настоять-таки на сохранении двигателя. Благополучное возвращение в целости и сохранности пусть даже одной-единственной детали наносило непоправимый ущерб общему впечатлению.

В остальном же картина всеобщего разрушения была полной. Обломки боевой брони, способные выдержать бомбардировку сверхлучами, продолжали распадаться на осколки, а те — рассыпались в прах. Голос Кита выверенно аккомпанировал катастрофе, постигшей осадный шлюп. В течение нескольких мгновений можно было рассмотреть мерцающий туман, до сих пор сохраняющий

контуры корабля, но вскоре Пространство-Три полностью очистилось. Возможно, ни один из миллиона зрителей Эдэси не заметил одновременного исчезновения метательных орудий, на заднем плане расстрелянных с псевдопространственного корабля.

Все увиденное объясняло необходимость двойной защиты салона, продолжал просвещать зрителей Кит. Если, по какой-то причине, вдруг отказало бы внешнее Марсарово поле (а оно, как известно, иногда отказывало по необъяснимым причинам), то их корабль всего за секунды превратился бы в однородную массу хрупких замерзших частичек. Но салон остался бы нетронутым внутри своего автономного поля. И так как в нем расположен «входной» двигатель, он смог бы вернуть себя в обыкновенное пространство и спокойно поджидать подхода кораблей-спасателей.

Несмотря на столь основательные меры предосторожности, с одним псевдопространственным кораблем не так давно просто-напросто оборвалась связь — он так и сгинул во время «входа». Пространство-Три оставалось средой как неисчерпаемых возможностей, так и неисчислимых опасностей, и до тех пор, пока…

* * *

Кит вновь оборвал себя на полуслове, прислушиваясь к эху собственного голоса. Объяснение было самое простое: он отрабатывал гонорар. Военное ведомство получало от него то, за что заплатило, предоставив площадку для деболовского репортажа. Сейчас он направлялся к аппаратной в дальнем конце салона. Там он представит публике нескольких ученых, поинтересуется у каждого его специализацией, потом переключится еще на несколько второстепенных показов… и, слава те, Господи, этот гнусный час подойдет к концу.

Внезапно в районе левого уха прозвучал резкий шепот:

— Кит! Быстро вернись на место!

Ну что там еще понадобилось Фернею?!

Кит повернулся и, не торопясь, отправился назад к технику-оператору, теряясь в догадках, что случилось. Он ловко отошел от темы предстоящих интервью, слегка изменив ракурс репортажа, чтобы потом исподволь, ненавязчиво подойти к тому, что привлекло внимание Фернея. Какая бы причина ни вызвала этот перерыв, от нее невозможно было отмахнуться.

Когда он уселся в свое кресло перед экраном, послышался торопливый, но четкий голос Фернея:

— Вон та точка в правом верхнем углу! Она появилась буквально секунду назад и быстро растет.

Кит бросил взгляд на экран и сразу нашел точку. Пожалуй, это была даже не точка, а целое пятно — асимметричное и бесформенное, маленькое, темное на фоне сияющей белизны Пространства-Три… Оно постоянно меняло свои очертания и росло прямо на глазах. На мгновение его охватил приступ холодного бешенства. На вчерашнем брифинге никто и словом не обмолвился о том, что во время эксперимента может произойти нечто подобное. А теперь за считанные секунды он должен, видите ли, сообразить, как прокомментировать данное явление, да так, чтобы слова от зубов отскакивали! Но на то он и профессионал. Решение созрело мгновенно — Дебол нажал кнопку переговорного устройства в кармане. С его помощью он намеревался связаться с одним из наблюдателей, находившимся перед большим экраном. Этот человек должен был постоянно находиться под рукой, на случай, если Кит не сумеет внятно объяснить происходящее на экране, — в конце концов телеведущий не обязан разбирать-

ся в пространственной физике! — тогда он был обязан быстро подключиться к репортажу.

Кит не думал, что ему придется воспользоваться этой кнопкой, а тем временем этот болван и не думал откликаться! Кит с яростью нажал на кнопку несколько раз подряд.

Чей-то громкий голос объявил:

— Аварийным постам! Повторяю: всем аварийным постам! К нам приближается неопознанный объект…

Кит перевел дух. Ага, значит, господа военные сами понятия не имели, что это такое! Новое явление в Пространстве-Три в самой середине программы новостей — да ведь это же настоящая сенсация, да еще КАКАЯ!

Он моментально подключился к ситуации и открыл улавливающие фильтры, из которых до этого доносились лишь неясные звуки. В эфир ушли все приказы, отдаваемые в салоне по переговорным устройствам, и отзывы на них, смешанные с его собственным голосом, который выделялся на их фоне, и вовсю распространялся на новую тему, свободно импровизируя комментариями…

С приглушенным ревом включились моторы для перемещения. Псевдопространственный

корабль сместился в сторону от курса следования неведомого объекта, который направлялся прямо на них… и который тридцать секунд спустя вновь нацелился на корабль. А тот уже разогнался не на шутку.

— Они включили «входной» двигатель, — дрожащим от возбуждения голосом объявил Кит, чтобы зрители Эдэси по достоинству оценили драматизм ситуации. — Но не надо забывать, что двигателю потребуется, по крайней мере, пять минут, а это целых триста секунд, чтобы развить мощность, необходимую для возвращения в обыкновенное пространство.

Тем временем эта клякса, то бишь пятно, короче, неопознанный объект, который уже разросся на экране до десяти или даже двенадцати сантиметров в поперечнике, все время нахально ускользал из поля зрения по мере того, как корабль от него уворачивался. Объект все еще был нечетким… Предмет, находящийся от наблюдателя на расстоянии более двух километров (по меркам нормального пространства), было невозможно разглядеть в псевдопространстве как следует. Однако у Кита зародилось подозрение, даже больше, чем подозрение, что по краям этой меняющей свою форму кляксы выделялись

и гроздьями свисали вниз густые щупальца. Она определенно преследовала корабль…

Когда объект исчез с экрана, Ферней начал отчаянно тыкать всеми пальцами в кнопки, пытаясь переключиться на другой экран, где теперь можно было увидеть объект. В левом ухе Кита затренькал сигнал обратной связи с Эдэси, и ликующий голос зашептал:

— Потрясающе, Дебол! Просто грандиозно! Никто из нас в студии не представляет, как это тебе удалось, но, заклинаю, не упускай эту штуковину! Рейтинг передачи подскочил до максимальной отметки менее чем за полминуты, и не опускается! Впечатление такое, будто ты напуган до смерти!

Кит осознал, что он и в самом деле смертельно напуган. Как только колени оказывались рядом друг с другом, они начинали безудержно дрожать… Потом экран мигнул дважды, и на нем появилось псевдопространство несколько иного вида, чем прежде.

— МАМОЧКИ! — хрипло вырвалось у Фернея.

Преследующий их объект теперь находился позади корабля, на расстоянии ближе двух километров. Это можно было утверждать наверняка, потому что его можно было рассмотреть. Всего

два километра, с ужасом повторил про себя Кит, и это притом, что корабль мчится с космической скоростью!

И тут в салоне наступила чернота.

* * *

Кит услышал рядом с собой глухой звук, протянул руку и нащупал Фернея, который всем телом навалился на панель управления. Кит не ведал, без сознания тот или нет, поэтому потряс оператора за плечо. Переговорное устройство все еще было заполнено многоголосицей, а его собственный голос автоматически продолжал:

— Мы приступили к Марсарову «выходу»! Кажется, мы успели, хотя нам оставалось до трагического исхода буквально считанные секунды! Что же это…

— Мистер Дебол, — сообщило ему переговорное устройство, — трансляция была прекращена двадцать секунд назад! Коммуникационная служба держит свободными все каналы связи до тех пор, пока мы не завершим выход в нормальное пространство и не определим координаты своего местонахождения.

Должно быть, двадцать секунд назад и начался «выход». Что ж, неплохо, мелькнула у Кита

своевременная мысль, очень даже неплохо! У зрителей Эдэси наверняка отложатся в памяти последние кадры: внушающий мистический ужас любому человеку таинственный преследователь, неумолимо приближающийся к кораблю. А после этого томительные минуты гробового молчания — вплоть до того момента, когда будет подтверждено чудесное спасение корабля. Да ведь это могло стать телевизионным хитом месяца! Да что там месяца, бери выше — сезона, года, десятилетия! От такой перспективы у него даже голова закружилась.

— Выход завершен, — объявили по переговорному устройству. — Пожалуйста, оставайтесь на своих рабочих местах…

Зажегся свет. Некоторое время экран перед Китом оставался черным. Потом на нем что-то проблеснуло, — и Кит увидел облака и реки сияющих звезд.

Кто-то нервно захохотал и захлопал в ладоши. После этого примерно на полсекунды воцарилась гнетущая тишина… Потом кто-то другой хрипло заорал. Кит, как ошпаренный, вскочил с кресла и замер, как был: с согнутыми коленями, наклонившись вперед, выпучив глаза на экран.

Звезды с правой стороны были омрачены

тьмой, которая неуклонно накатывалась на них… Вот она расширилась и заполнила вначале половину экрана, затем две трети. Теперь уже заголосили все, и в последний момент перед тем, как экран окончательно погас, Кит уловил нечто, напоминающее участок огромной, как бы резиновой, трубы, свисающей из космоса прямо на камеру.

Салон, казалось, стал поворачиваться вокруг своей оси. Палуба под ногами Кита встала на дыбы. Его резко бросило на Фернея. Чтобы не потерять равновесие, пришлось ухватиться за плечи техника.

— Отключить основную передачу! — проревело переговорное устройство. Не совсем, правда, уверенно.

Опять началось вращение, теперь уже в противоположную сторону. На мгновение снова появились звезды в углу экрана и лихо пронеслись по нему. У Кита создалось впечатление, что корабль несется по космосу, как бешеный. Палуба опять вздыбилась. Кита тряхнуло, швырнуло вперед, потом назад, опрокинуло и бросило на пол. Что-то твердое саданло сбоку по голове, и самый популярный ведущий потерял сознание.

* * *

— Он уже приходит в себя, — раздался голос Фернея. — Эй, Кит, очнись!

Кит открыл глаза. Он полулежал в кресле перед экраном, свесив голову на грудь. Над ним склонились Ферней и еще какой-то мужчина. Кит судорожно вздернул вверх голову, чтобы посмотреть на экран. Экран пестрил звездами.

— Что случилось? — выдохнул он.

— Все в порядке, мистер Дебол. Опасность миновала, — заверил его незнакомец. Он был в рубашке защитного цвета, застегнутой до самого горла, и был занят тем, что закрывал плоский чемоданчик с медицинскими инструментами. — Что именно произошло, мы пока не знаем, но скоро все прояснится.

— Майор Роун, — донеслось из переговорного устройства, — вас просят немедленно явиться на Пост номер Три!

Человек улыбнулся Киту и сказал, обращаясь к Фернею:

— Теперь ваш босс будет в порядке.

Он подхватил чемоданчик и быстро удалился.

— Это доктор, — сказал Ферней. — Ты здорово поранил голову, но ему удалось ее заштопать. —

Ферней выглядел бледным и взволнованным. — Эта кошмарная штука, кажется, вернулась в Пространство-Три. В общем, ее больше нет. Я очнулся в тот самый момент, когда она забиралась на борт.

— Забиралась на борт! — безучастно повторил Кит. — Ты бредишь, Ферней. Эта штуковина была раз в сто крупнее нашего корабля! Я видел ее кусок крупным планом!

— Нет, что-то явно залезало к нам на борт, — упрямо заявил Ферней. — Спроси, кого хочешь. Вначале откуда-то раздался страшный грохот по интеркому. Потом кто-то заорал, что открываются корабельные люки. Все три.

— Они были открыты снаружи?

Ферней взглянул на него, как на придурка.

— Кит, честное слово, их никто не мог открыть изнутри! Потом некоторое время снова грохотало. Причем, в разных местах. Экипаж, понятное дело, пытался выяснить, что там происходит снаружи, но на экранах внешнего наблюдения была такая муть, что ничего нельзя было разобрать. — Ферней облизал губы. — Потом начал открываться люк в салон…

— С-сюда?

— Да, именно так, — сказал Ферней. — Оно

проникло сюда.

— Что сюда проникло? — свирепо спросил Кит.

Техспец развел руками:

— Никому не удалось разглядеть эту тварь как следует, Кит! Воздух стал вроде сиропа — такой густой, что дышать невозможно, тем более смотреть сквозь него. Наверное, подобной же дрянью были загажены экраны внешнего наблюдения. Все это продолжалось не больше минуты. Потом воздух прояснился, и люк в салон захлопнулся. Примерно минуту спустя все экраны очистились, а три внешних люка разом закрылись. Никто ничего не видел. Сразу после этого все опять погрузилось в черноту.

— Ты имеешь в виду черноту при «входе» по системе Марсара?

Ферней кивнул.

— Да, мы снова зашли в Пространство-Три. Видимо, для этого оно сюда и полезло, — чтобы запустить «входной» двигатель. Но кто-то не потерял присутствия духа и развернул поле в обратную сторону, иначе мы не вернулись бы в обычное пространство. Эта тварь исчезла, а сейчас главная проблема, кажется, состоит в том, что наш космический двигатель почти выдохся. Мы едва способны двигаться. Но радиопередатчики

снова заработали…

— Они что же, молчали? — спросил Кит.

— Да, заглохли примерно в то же время, что и двигатели для перемещения, — объяснил Ферней. — Потом, как только «гость» ушел, они опять включились. Ребята-связисты уже подали сигнал о помощи. К нам спешит эскадрилья Космических Разведчиков. Сейчас она в четырех сутках пути отсюда…

— В четырех сутках пути?

— Ну да, мы ведь порядочно удалились от родного Ядра Звездного Скопления. Этой пятиминутной гонкой на полном газу, пока прогревался «выходной» двигатель, мы поставили мировой рекорд по части прыжков в Пространство-Три… Куда это ты собрался, а?

Кит, кряхтя, вылезал из кресла.

— А ты как думаешь? Наш репортаж еще не закончен. Сейчас пойду к начальству и не слезу с него, пока мне не расскажут все, что им известно. Потом скажу связистам, пусть освободят нам канал для возобновления трансляции. Ведь это же самая…

— Постой минуту, Кит! — Ферней выглядел обеспокоенным. — Не забывай, что это военный корабль, и сейчас мы должны действовать в

рамках регламента чрезвычайной ситуации. — Он кивнул на открытый люк салона поодаль от них. — Начальство занято кораблем, сейчас проверяют и перепроверяют все системы. Остальным приказано оставаться на своих рабочих местах. Вояки считают, что наше место здесь.

Кит недовольно хмыкнул, осмотрелся. На сиденье кресла, стоявшего в метре от него, валялась фуражка с высокой тульей, а через подлокотник был переброшен мундир со свешивающимся до пола золотым аксельбантом. Кит подошел к этому креслу, снова поглядел по сторонам, а потом напялил на себя и мундир, и фуражку.

— Это вещи доктора, — предупредил Ферней.

— От него не убудет. Сиди тут и не двигайся.

* * *

Кит шел по проходу между креслами, направляясь к раздатчику пищевого довольствия, который находился метрах в пяти от открытого люка. Присвоенные мундир и фуражка были ему явно велики, и время от времени он попадал под пристальные взгляды различных групп военных, торчавших в этом отсеке. Но все были слишком заняты обсуждением недавних событий, чтобы отвлекаться на его персону. Он остановился у раз-

датчика, наугад нажал кнопку и получил тюбик витаминизированного желе. Полуобернувшись, он окинул взглядом из-под козырька часть отсека, находившуюся в его поле зрения, потом приблизился к люку и спокойно шагнул в него.

По другую сторону комингса никого не было видно. Кит свернул в проход, по которому его с Фернеем привели в салон чуть больше часа назад. В самом конце прохода находился главный входной люк, но отсюда его не было видно. Там наверняка что-нибудь подсказало бы ему, как попасть в машинное отделение. Раз у экипажа проблемы с двигателем, то именно там, скорей всего, находились старшие офицеры-исследователи.

В конце прохода он остановился, пораженный картиной, представившейся его взору. Весь тамбур почти целиком был заставлен совершенно незнакомыми ему предметами. Одна стена до самого потолка была завалена светлыми шестиугольными коробками, уложенными вплотную, как пчелиные соты. К ним были подведены жгуты какой-то проволоки, похожей на стальную. По прутьям медленно струились светящиеся пузырьки. Выходной люк загораживала огромная масса шаров всех цветов радуги до полуметра

в диаметре, которые, по всей видимости, были скреплены друг с другом. Самыми любопытными и таинственными среди всего этого добра были громоздившиеся сотнями вдоль левой стены… прозрачные пластмассовые блоки. В каждом из них сидело нечто среднее между длинношерстной обезьянкой хмурого вида и гусеницей.

Кит с открытым от удивления ртом некоторое время глазел на все это хозяйство. Потом подошел поближе и нерешительно потрогал пальцем один из шаров. Палец почувствовал тепло. Где-то около ста десяти градусов по Фаренгейту, решил Кит. Нахмурившись и бормоча себе под нос, он направился по другому проходу.

Пройдя мимо закрытой двери, он остановился в нерешительности, потом вернулся и повернул ручку. Пространство в помещении было так же, как и выходной тамбур, завалено всякой непонятной всячиной. Здесь находились прозрачные мешки, набитые чем-то вроде молочно-белых бриллиантов, и большие темно-красные цилиндры. Цилиндры тихонько постанывали. Кит закрыл дверь, открыл следующую, заглянул в нее и поспешно захлопнул. Покачивая головой, нервно что-то бормоча себе под нос, он направился дальше.

Через минуту-другую над открытым люком он заметил надпись: МАШИННОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — ПЛОЩАДКА ДЛЯ ТЕХОСМОТРА. Кит зашел внутрь и очутился на верхнем ярусе машинного отделения, переплетенном, как паутиной, узенькими металлическими проходами и мостиками с перилами. Снизу раздавались голоса.

Он облокотился на перила одного из мостиков и всмотрелся вниз.

Полдюжины мужчин, двое из них в униформе, стояли у открытого люка, из которого вылезал еще один человек в униформе, офицер-инженер. Старшие офицеры корабля, и каждый из них, вспомнилось Киту, являлся также ведущим специалистом.

Федерации в области военно-прикладных наук. Они находились слишком далеко, чтобы он мог расслышать, о чем они говорили. А вот если удастся подобраться поближе незамеченным, он сможет получить информацию, которую эти ученые чины ни за какие деньги не предоставили бы для показа в телепередаче. Он отошел от перил, нашел лестницу у стены и спустился на нижнюю площадку.

Он стал пробираться среди гудящих машин и механизмов в направлении доносившихся

до него голосов. Вдруг громко лязгнула дверца закрываемого люка. Затем голоса стали доходить до него с другой стороны массивной стальной тумбы, вдоль которой он двигался. Кит быстро юркнул в неглубокую нишу у какой-то станины и замер, прижавшись к стене.

Люди вышли на пересечение проходов слева от Кита и там остановились. Он затаил дыхание. Если бы сейчас посмотрели в его сторону, он не остался бы незамеченным. Но все их внимание было сосредоточено на офицере-инженере и на том, что он говорил.

— Теперь все предельно ясно, — раздавался его голос. — Он вынул наши топливные аноды и заменил их своими…

Кит напряг слух. О чем это он? Мысли его забегали.

— Эти электроды, — продолжал тот же голос, — не только проводят, но и производят энергию. Оказывается, у них поистине чудовищная производительность. Но для наших приводов от этой энергии нет особого проку. Каким-то образом она почти вся рассеивается, отсекается и уходит куда-то в другое место. Этому явлению немедленного объяснения я не нахожу, но на настоящий момент это не самая большая проблема. Мы про-

сто отключим приводы, вытащим электроды и опять поставим свои. Через неделю мы уже будем в доке на космической станции. Если бы нам пришлось довольствоваться новой топливной начинкой, мы ползли бы к Ядру на собственной тяге лет шесть.

— В нормальном пространстве, — добавил другой специалист.

— Да, естественно. В псевдопространстве все было бы совсем по-другому.

Капитан корабля почесал в затылке:

— В псевдопространстве, если приведенные вами цифры по производительности верны, эти самые электроды могли бы вынести нас за пределы Галактики в считанные часы.

— В зависимости от выбранного нами курса, — согласился инженер.

Все помолчали, потом кто-то произнес:

— Когда мы маневрировали, чтобы лучше прицелиться в осадный шлюп, мы, вероятно, следовали одним из проложенных маршрутов или вблизи него. Это, а также малая скорость нашего движения, могло послужить ему сигналом…

— Видимо, этим все и объясняется, — сказал инженер. Потом он добавил: — Но вот что я никак не возьму в толк: как нам удалось не лишиться

нашей атмосферы за все время этой истории с проникновением на борт объекта? Ни у кого ведь не вызывает сомнений, что для этого существа наше присутствие на борту не имело никакого значения. Оно нас просто не принимало в расчет. Тем не менее, давление воздуха не упало ни на один миллиметр ртутного столба.

Еще один офицер сухо произнес:

— Но это уже не та атмосфера! Я обнаружил, что, согласно показаниям прибора, произошло значительное повышение содержания кислорода. По-моему, скоро выяснится, что некоторые из артефактов, которые он оставил на борту, — я подозреваю, это касается в первую очередь тех, что в тамбуре, — содержат жизнь в той или иной форме. И это жизнь, выделяющая кислород.

— Это могло бы стать для нас чрезвычайно удачным обстоятельством, — сказал капитан. — И… — он устремил взгляд в проход и, наконец, заметил Кита.

Возникла напряженная пауза.

— Та-ак, — произнес он вкрадчиво, — кажется, мы тут не одни! Господин из телевещательной корпорации решил составить нам компанию.

Все удивленно переглянулись.

— Мистер Дебол, — задумчиво продолжил ка-

питан, — я так понимаю, вы нас подслушивали.

Кит прочистил горло.

— Да, — сказал он и снял фуражку военврача.

— Вы попали сюда по проходу от главного люка?

— Да.

Некоторое время все молчали. Наконец офицер-инженер произнес:

— На мой взгляд, ситуация вполне безобидная.

Он был явно польщен.

— А, по-моему, совсем наоборот, — заявил капитан, — самая что ни на есть боевая. — Он улыбнулся Киту. — Мистер Дебол, я приглашаю вас стать нашим союзником. Наблюдая за вами во время вчерашнего брифинга, я был поражен, насколько быстро вы схватываете суть дела. Без сомнения, вы уже поняли, какой комментарий следует дать всем этим необычным событиям.

— Да, я понял, — хрипло сказал Кит.

— Отлично. Нам были даны инструкции, согласно которым мы не должны вмешиваться — каким бы то ни было образом в вашу компетенцию. Но сейчас у меня появилось ощущение, что вам предстоит рассказать публике нечто такое, что вызовет огорчение в определенных кругах. Эти люди влиятельны и настаивают на

ограничении исследований в рамках проекта Пространство-Три и даже на их свертывании вследствие дороговизны проекта. Кроме того, их не устраивает отсутствие какой-либо информации и практической пользы, которую можно было бы извлечь из вышеупомянутых исследований.

— Я полагаю, теперь вы можете быть спокойны, поскольку вооружены против них всем необходимым, — сказал ему Кит.

Капитан усмехнулся:

— Тогда давайте вернемся в салон и возобновим ваш репортаж. Естественно, в рамках нашей с вами договоренности.

Они направились к выходу из машинного отделения. По дороге Кит мысленно отрабатывал словесный стиль, в котором он будет излагать миллионам заждавшихся зрителей Эдэси, как псевдопространственный корабль — одно из величайших достижений человечества — был остановлен, поглощен, подвергнут тщательному досмотру, заправлен топливом, загружен и отпущен чьей-то автоматической погрузочной станцией, обслуживающей межгалактические грузовые транспортеры-роботы.

ВЕТРЫ ВРЕМЕНИ

Гефти Раммер шел по узкому проходу между командным отсеком и номерами люкс «Серебряной Королевы», стараясь придать своему изможденному лицу властно-самоуверенное выражение. Если бы оба его пассажира заподозрили, что за прошедшие несколько минут их пилот, и одновременно владелец фирмы «Раммер — Космические Путешествия», несколько раз был на грани нервного срыва, ни к чему хорошему это бы не привело.

Он открыл дверь в люкс мистера Молбоу и зашел туда. Мистер Молбоу лежал на спине на своей кушетке с закрытыми глазами. Он был бледен как смерть и не приходил в сознание: бедняга был сражен наповал, когда какие-то неведомые силы ни с того ни с сего принялись волтузить похожий на брюкву корпус «Серебряной Королевы». За всю восемнадцатилетнюю историю космических странствий «Королевы» никто так свирепо ее не колошматил. Рядом с кушеткой стояла на коленях Керри Руз, секретарша Молбоу, и щупала у патрона пульс. Она озабоченно взгля-

нула на Гефти.

— Что тебе удалось выяснить, капитан? — спросила она дрогнувшим голосом.

Гефти пожал плечами:

— Пока ничего определенного. Хорошо, хоть корабль цел. Бадья крепкая, ничего не скажешь… В других же отношениях… Гм… в общем, я напялил скафандр и выглянул из аварийного люка. Та же картина, что и на обзорных мониторах.

— Значит, ты не имеешь ни малейшего понятия ни о том, что с нами приключилось, ни о том, где мы находимся? — настойчиво продолжала расспрашивать мисс Руз.

Девушка отличалась невысоким ростом, прекрасными большими серыми глазами и густыми иссиня-черными волосами. Она была боса и щеголяла в ночном прикиде, который состоял из чего-то мягкого, обернутого вокруг стана и бюста, и мягких широких брюк. Ее волосы были растрепаны. Сейчас она выглядела лет на пятнадцать, не старше. Она спала в своем люксе, когда на «Королеву» что-то шлепнулось. Тогда у нее хватило здравого смысла не вылезать из окружающего койку поля безопасности до тех пор, пока корабль окончательно не перестанет содрогаться и взбрыкивать. Таким образом, она оказалась

единственной на борту, кто не собрал за время тряски солидную коллекцию синяков и ушибов. Разумеется, она была напугана, но держалась в этой нештатной ситуации молодцом.

Гефти осторожно произнес:

— Возможны разные варианты. Ясное дело, «Королеву» каким-то макаром вышибло из нормального пространства. Чтобы придумать, как вернуться обратно, потребуется некоторое время. Но главное, что корабль не поврежден. Так что пока все не так уж плохо.

Кое-как он убедил мисс Руз. А вот себя Гефти вряд ли успокоил. Он был квалифицированным пилотом нормального пространства и субпространства. Заключив небольшой договор с Военно-Космическими силами Федерации, он в течение последних восьми лет занимался в Ядре частным извозом на двух своих кораблях и нередко хаживал за пределы космических границ Звездного Скопления. Но он никогда не сталкивался ни с чем подобным. То, что он увидел на экранах мониторов, когда корабль более или менее обрел устойчивость, что позволило капитану оторваться от пола кабины управления, а через несколько минут с определенной прытью вынырнуть из аварийного люка, не поддавалось

никакому осмыслению, а, может, и не имело никакого смысла. Судя по показаниям приборов, за обшивкой «Королевы» находился вакуум, и стояла темень хоть глаз выколи. Правда, периодически вспыхивали какие-то огоньки. Их блеск длился не дольше мгновения, и они возникали то тут, то там, словно булавочные уколы. И еще одно явление поразило Гефти: нечто, отдаленно напоминающее гигантский взрыв. Внезапно окружающее пространство далеко впереди «Королевы» озарила ослепительная мертвенно-бледная вспышка, и некоторое мгновение можно было наблюдать, как она, казалось, стремительно движется навстречу. У Гефти создалось устойчивое впечатление, что сам звездолет, набирая скорость, с трудом вгрызается в эту жуткую среду. Однако капитан прекрасно помнил, что, когда он, пошатываясь, поднялся с пола и подошел к консоли управления, чтобы глянуть на монитор, то первым делом переключил двигатели на холостой ход. Так что это двигался свет, а не корабль.

Но такие подробности лучше было с пассажиркой не обсуждать. Керри Руз принялась бы высказывать собственные измышления по этому поводу, что внесло бы излишнюю нервозность. Так что, чем меньше он ей скажет, тем лучше.

Была еще проблема с приборами ориентации. Единственный вид аппаратуры, с которой Гефти мог в данный момент снять хоть какие-то показания, были датчики направления. И они показывали, что «Серебряная Королева» меняет курс двадцать раз в секунду или даже больше.

— Есть ли какие-то признаки того, что мистер Молбоу пришел в себя? — спросил Гефти.

Керри покачала головой:

— Дыхание и пульс, кажется, в норме, а шишка на голове тоже, по-моему, не внушает особых опасений. Но он совсем не шевелится. Чем мы еще, по-твоему, можем ему помочь, Гефти?

— Пока ничем, — сказал Гефти. — Я проверил, все кости у него целы. Посмотрим, как он себя будет чувствовать, когда кончится обморок.

Положа руку на сердце, Гефти недоумевал и по поводу самого мистера Молбоу, и по поводу того факта, что с самого начала чартерный рейс не заладился, и стало твориться что-то неладное. А вот Керри оказалась девушкой, приветливой и дружелюбной на удивление. Уже через день или два после начала путешествия они с Гефти перешли на «ты». Однако вслед за этим она, казалось, стала его избегать. Он подумал, что Молбоу недоволен отношениями молодых людей друг к

другу и сделал секретарше внушение, чтобы не очень-то якшалась с пилотом. Видимо, побаивался, что Керри выболтает его секреты.

Что же касается самого Молбоу, то это был самый молчаливый и замкнутый клиент, которого когда-либо обслуживала «Раммер — Космические Путешествия». Тощий белобрысый тип неопределенного возраста, с водянистыми глазами и резко очерченным ртом. Почему для путешествия к крохотной и безжизненной солнечной системе далеко за пределами цивилизации с целью любительских минералогических изысканий он решил выбрать такой громоздкий полугрузовик, как «Королева», Гефти с ним не обсуждал. Снедаемый подступающей нуждой Гефти придержал свое любопытство, соглашаясь на этот фрахт. Если Молбоу нужен только пилот, а все остальное он предпочитает делать сам, то, без сомнения, это его личное дело. А если он собирается сделать что-либо противозаконное, — хотя трудно было представить, что именно, — его прижмут к ногтю на таможне, когда они вернутся в Ядро Звездного Скопления.

Но теперь все это представлялось совсем в ином свете.

* * *

Гефти почесал в затылке и спросил, не глядя на собеседницу:

— Ты, случайно, не знаешь, где твой босс хранит ключи от бункера грузового отсека?

Керри, казалось, была шокирована этим вопросом.

— Зачем? Нет! Пока он без сознания, я не могу позволить тебе взять ключи, ни под каким видом! И тебе это отлично известно!

Гефти усмехнулся.

— Скажи, у тебя есть какие-нибудь соображения по поводу того, что он хранит в бункере?

У Керри вытянулось лицо.

— Меня нельзя об этом спрашивать… А в чем дело? Это не может иметь никакого отношения к тому, что произошло!

Пожалуй, подумал Гефти, он слишком успокоил ее.

— Как знать! — сказал он. — Я просто не хочу сидеть, сложа руки, и теряться в догадках до тех пор, пока Молбоу очухается. Пока мы не попадем обратно в нормальное пространство, надо цепляться за любую возможность, чтобы прояснить ситуацию. Потому что в случае повторения слу-

чившегося никто об этом нас не предупредит. Я доступно излагаю?

Керри, несомненно, было все понятно. Она побледнела и промолвила нерешительно:

— Ну, если вопрос стоит таким образом… В запечатанных ящиках, которые мистер Молбоу взял с собой из Ядра, хранится какая-то очень дорогостоящая аппаратура. Это все, что мне известно. Я никогда не совала нос в его дела, и мистер Молбоу это очень высоко ценил. И, разумеется, я ограничиваюсь кругом своих профессиональных секретарских обязанностей.

— Значит, ты не в курсе, что он притащил сюда с той луны несколько часов назад? Помнишь два здоровенных ящика, которые он тут же запер в бункере?

— Нет, конечно, Гефти. Понимаешь, он не говорил, с какой целью отправляется в эту поездку. Мне известно только то, что она имеет для него огромное значение.

Помолчав, Керри добавила:

— Судя по тому, как он осторожно орудовал выносным краном при погрузке этих ящиков, в них находится что-то довольно тяжелое. Во всяком случае, у меня создалось такое впечатление.

— Да, я тоже это заметил, — сказал Гефти, хотя

его наблюдательность мало чем могла помочь. — Послушай теперь, что я тебе скажу, — продолжал он. — Я вручил твоему шефу обе связки ключей от грузового бункера, потому что при подписании договора на грузоперевозку он на этом настаивал особо. Только я не сказал, что примерно за полчаса могу изготовить дубликат. Легко.

— О! И ты уже..?

— Нет еще. Но я намерен взглянуть, что прячет в бункере мистер Молбоу. Причем, независимо от того, согласен он на это или нет. Ты бы лучше оделась полностью, что ли, пока я переправлю твоего босса в аппаратную.

— Зачем? — спросила Керри, имея в виду, очевидно, перемещение мистера Молбоу, а не пожелание переодеться.

Капитан понял ее правильно.

— Аппаратная окружена защитным полем полностью. Сейчас оно включено. Если нас опять начнет бомбить, аппаратная станет самым безопасным местом на корабле. Я перенесу туда и его личные вещи, и ты сможешь поискать в них ключи. Может, ты найдешь их до того, как я сделаю новые. А может, он очнется и сам скажет, где находятся ключи.

Керри Руз с сомнением взглянула на своего

патрона и, кивнув, промолвила:

— Наверно, ты прав, Гефти.

Она поспешно вышла из комнаты, шлепая босыми ногами. Через несколько минут она, полностью одетая, явилась в аппаратную. Гефти стоял у настенного столика, на котором были разложены инструменты. Обернувшись к девушке, он сказал:

— Он не шевелился. Его чемоданы — вон там. Я их уже вскрыл.

Керри уставилась на экраны рядом с консолью управления, и ее охватила легкая дрожь.

— Я вот о чем думаю, — сказала она. — Существует ли так называемое Пространство-Три?

— Конечно, существует. Иначе оно называется псевдопространством. Но мы находимся не в нем. Существуют специальные военно-космические корыта, которые могут работать в этой среде, правда, не очень долго. А корабль вроде нашего… Ну, в общем, если бы нас вдруг занесло в Пространство-Три, то и ты, и я, и все, что здесь находится, уже давно превратилось бы в ледышки.

— Понятно, — сказала Керри, поежившись. Гефти слышал, как она подошла к чемоданам. Вскоре она спросила:

— Как выглядят ключи от бункера?

— Их невозможно не заметить, если, конечно, он их не упрятал как следует. У них длина больше пятнадцати сантиметров. Слушай, кто такой этот Молбоу? Он что, ученый?

— Я бы не сказала. Он никогда не отзывался о себе, как об ученом, а ведь я работаю у него уже полтора года. Мистер Молбоу — очень заботливый хозяин… один из самых чутких людей, кого я знаю, честное слово. С самого начала само собой подразумевалось, что я не буду расспрашивать его о бизнесе, кроме того, что мне необходимо знать по моей работе.

— Какое официальное название его бизнеса?

— «Молбоу Инжиниринг».

— Ну, это мне ни о чем не говорит, — отмахнулся Гефти. — А аппаратура, которую он взял с собой из Ядра… Он что, сам ее изготовил?

— Нет, но кое-что из нее спроектировал он сам. Может, даже, основную часть. Компаниям, которые занимались ее изготовлением, пришлось здорово повозиться, потому что мистер Молбоу требовал делать все строго по чертежам и технологиям, которые он им предоставил. Слушай, Гефти, в этих двух чемоданах нет ничего похожего на связку ключей.

— Вот что, — сказал Гефти, — если ты и в

остальных чемоданах не найдешь, то начинай простукивать днища и прощупывать стенки. Может, где-то есть потайные отделения.

— Я очень хотела бы, — замявшись, сказала Керри Руз, — чтобы мистер Молбоу пришел в сознание. Ведь это так… так низко проделывать подобные вещи у него за спиной!

Гефти не смог сдержать усмешки. Теперь он не был уверен в своем желании видеть таинственного клиента пришедшим в себя до того, как будет проверено содержимое грузового бункера «Королевы».

* * *

Четверть часа спустя Гефти Раммер спускался на грузовую площадку, расположенную в расширенной корме «Королевы». В кармане у него позвякивала связка новеньких ключей от бункера. Керри осталась со своим работодателем, кожа которого приобретала здоровый оттенок. Но он до сих пор не размыкал век. Старых ключей Керри так и не нашла. Гефти сомневался в ее усердии. Хотя сейчас она, вроде, осознала всю серьезность ситуации. Впрочем, преданность патрону вполне могла оказаться сильнее, чем это осознание. Тем более что в этом случае она чувствовала бы себя

более комфортно.

Как только Гефти свернул в широкий коридор, ведущий от грузового люка к бункеру, там автоматически включился свет. Шаги гулко отдавались от стальных переборок. На секунду капитан остановился перед большими раздвижными дверями бункера, прислушиваясь к ворчанию работающих на холостом ходу двигателей «Королевы», доносящемуся из соседнего отсека. Знакомый звук несколько успокаивал. Он вставил первый ключ, повернул два раза по часовой стрелке, вынул его и нажал одну из кнопок на контрольной панели рядом с дверью. Тяжелая стальная плита отодвинулась в сторону с мелодичным свистом и скрылась в стене. Гефти засунул другой ключ в замок внутренней двери. Через несколько секунд вход в бункер был свободен.

Он немного постоял, недовольно сморщив нос. Пространство перед ним было освещено, но тускло. Встряска, которую пережила «Королева», не прошла бесследно для местной системы освещения. А чем это здесь воняет? Резкий неприятный душок походил на запах от разлитого нашатырного спирта. Гефти перешагнул через комингс и очутился в широком коротком проходе. Не мешкая, капитан повернул направо и всмотрелся в

полумрак бункера.

Два здоровенных стальных ящика — те самые, которые Молбоу спустил на лишенную атмосферы поверхность луны, загрузил чем-то и втащил обратно на «Королеву» — неуклюже громоздились в углу. Видимо, они сползли туда, когда корабль бросало под ударами невыясненной природы. Один из них был раскрыт и, по-видимому, пуст. Насчет другого Гефти не был уверен. Рядом с ящиками лежали с трудом различимые в темноте растрепанные бухты какого-то очень толстого троса. А почти в самом центре на полу стояла такая штука, которая сразу же приковала к себе взгляд Гефти. Он медленно втянул в легкие воздух, чувствуя, как колени охватывает непроизвольная дрожь.

Он понял, что нехорошее предчувствие и в самом деле не обмануло, хотя он вначале ему и не поверил. Ну конечно! Если из нормального пространства «Королеву» выдернула не какая-то неслыханная внешняя сила и зашвырнула сюда, в Бог знает какое пространство, то, значит, это произошло из-за того, что затащил на борт Молбоу. И это «что-то» должно быть какого-то рода машиной…

Это и была машина.

Вокруг нее можно было различить слабый отблеск проводов — наспех сооруженное поле безопасности. Внутри защитной клетки, которая выглядела весьма ненадежно, находился двойной комплект устройств. Некоторые из них сейчас работали, подмигивая разноцветными огнями. Должно быть, эти вывезенные Молбоу из Центра устройства действительно очень много стоили. Наверное, их действительно было трудно изготовить. Рядом с устройствами располагалась машина, приземистая и массивная на вид. При тусклом освещении в бункере она казалась бесформенной и как бы бесцветной. Эта была та часть оборудования, которой пришлось немало вытерпеть. Но она все равно работала.

Гефти так и стоял, уставившись на нее, как внезапно из машины начали доноситься перемежающиеся всплески щелкающих звуков. Как будто пистолет-пулемет стрелял короткими очередями, причем огонь все время усиливался.

За одну секунду целый рой вопросов промчался беспорядочно у него в мозгу. Что это было? Почему это находилось на той луне? Сломанная часть какого-то корабля… Корабля, чей дом здесь? Может, это нечто вроде двигателя?

Молбоу должен все это знать. Раз его хвати-

ло на то, чтобы спроектировать оборудование, которое необходимо, чтобы вернуть к жизни искалеченное чудовище. С другой стороны, он не смог полностью предусмотреть, что может случиться, если привести сей артефакт в действие. Об этом говорило хотя бы то, что непредвиденное взбрыкивание «Королевы» оказалось для босса Керри полной неожиданностью, да и его самого пришибло аж до полной «отключки».

В любом случае, сейчас следовало привести Молбоу в чувство. Исследовать загадочное устройство до того, как разузнать о нем все подробности из первых уст, было бы полнейшим безрассудством. Было совершенно очевидно, что следующая ошибка, совершенная кем угодно, означала бы конец всем и вся.

Возможно, из-за того, что нервы Гефти были на пределе, он сразу отметил важность двух, казалось бы, второстепенных сигналов от своих органов восприятия. Обоняние сообщило о том, что запах аммиака, к которому он почти привык, заметно усилился. Слух отреагировал на наличие тихого звука — едва уловимого шелеста, выдавшего какое-то движение за спиной. Но здесь, в грузовом бункере, ничто не должно было двигаться. Мышцы Гефти напряглись, и он обернулся…

Почти в то же самое мгновение он отпрянул в сторону в каком-то поистине диком прыжке, споткнулся, приземлившись на ноги, едва не упал, — что-то большое и темное тяжело шлепнулось на пол в том самом месте, где он только что стоял. Гефти пулей метнулся по входному коридору, то и дело оборачиваясь, и одним махом опустил вниз рычажки замка на панели внешней двери.

Это «нечто» выплыло из-за угла коридора, когда двери бункера стали сближаться. Он запомнил в основном быстрое, плавное, вкрадчивое движение, как у большой змеи, когда она ползет. Потом на долю секунды полоса более яркого света из внешнего коридора выхватила из полумрака длинную, массивную, клинообразную голову и зеленоватый металлический блеск внимательных глаз.

Двери бесшумно зашли в проемы и захлопнулись. Существо оказалось внутри. Но прошла еще почти минута, прежде чем Гефти смог унять дрожь в коленях, и отправиться назад к главной площадке. В полутьме бункера «нечто» выглядело как длинный, свернутый в бухту кабель, сваленный рядом с упаковочными ящиками. Его могло помять и серьезно покалечить во время недавней

встряски, как и Молбоу, а когда оно оправилось от контузии, то обнаружило рядом с собой Гефти. Правда, все могло быть и по-другому. «Нечто» могло все это время пребывать в полном создании и, притаившись, выжидать, пока внимание Гефти не сосредоточится на чем-нибудь другом, чтобы, воспользовавшись этим, броситься в атаку. Загадочное существо выглядело достаточно могучим, чтобы расплющить человека и переломать ему все кости, будь нападение более удачным.

Что-то вроде сторожевого животного — «цепная» змея? Какая еще связь могла быть между этим существом и таинственной машиной? Может быть, Молбоу намеревался с самого начала держать змею взаперти в одном из ящиков, а она вылезла на свободу воспользовавшись передрягой?

Что-то слишком много вопросов скопилось, подумал Гефти. А ответы на них были только у Молбоу.

* * *

Он спешил по центральному проходу главной палубы, когда из-за двери, мимо которой он только что прошел, раздался окрик:

— Раммер, стоять! Ни с места. У меня…

Это был Молбоу. Его выкрик закончился на нотке удивления. Реакция Гефти была не очень рациональной, зато мгновенной. Тон Молбоу и его слова показывали, что он вооружен. У Гефти не было оружия при себе, но в аппаратной хранилось ружье. К тому же, следовало учесть, что ему уже пришлось пережить целую серию обескураживающих событий. Да еще он был на взводе из-за того, что его выкурили из его собственного бункера чем-то, от чего за километр несло аммиаком, и что походило на гигантскую питонаконду. В довершение всего, какой-то пассажир его «Королевы», видите ли, приказал не двигаться с места! Все прочие соображения были отброшены прочь страстным желанием добраться до своего ружья.

Он оглянулся, увидел Молбоу, выходящего из полуоткрытой двери и держащего что-то вроде тонкого белого стержня длиной в полметра. Согнувшись, Гефти вприпрыжку бросился вперед, виляя от стены к стене, чтобы Молбоу не смог как следует прицелиться — если, конечно, у него в руках было оружие, и он собирался им воспользоваться. Молбоу что-то сердито прокричал. Потом, когда Гефти достиг следующего пересечения проходов и только-только успел завернуть за угол, струя белого огня рассекла воздух у него над

головой, опалив ему плечи, и врезалась в стену. Гефти кипел от ярости, даже, скорее, не из-за выстрела Молбоу, хотя прицельную стрельбу по собственной персоне он, ясное дело, не очень-то приветствовал. Но даже она подействовала на него слабее, чем безмолвная атака бестии на складе в темноте. Прошло несколько секунд, не больше, прежде чем он добрался до аппаратной. Гефти взял ружье, поставил его на боевой взвод и обернулся в сторону прохода, откуда прибежал сюда. Молбоу, если он сразу же, без колебаний, устремился в погоню за Гефти, должен был вот-вот появиться. Но в проходе было тихо, а Гефти не мог заглянуть туда с того места, где стоял.

Он чуточку подождал, стараясь восстановить дыхание и гадая, куда подевалась Керри Руз, и какая муха укусила Молбоу. Потом, не спуская глаз с прохода, он дотянулся до стенного шкафчика, из которого до этого вынул ружье, и выудил оттуда еще один сувенир, оставшийся у него после пребывания на действительной службе. Это был нож с тонким лезвием, вдетый в узкие ножны. Гефти ловко и быстро приладил застежки вокруг левого запястья, установив лезвие под курткой в сторону предплечья, проверил, работает ли механизм освобождения ножен, и потряс рукой,

чтобы рукав сполз на место.

В проходе по-прежнему царило полное безмолвие. Гефти потихоньку подошел к одному из стульев, снял с сиденья маленькую подушечку и бросил во входной проем.

Послышался пронзительный свист. Подушечка в полете превратилась в клубок ярко-белого пламени. Гефти не стал раздумывать, прицелился повыше в стену напротив входного проема и нажал спусковой крючок. Ружье было метательным. Он услышал, как заряд срикошетил от гладкой перегородки и с грохотом устремился дальше по проходу. Оттуда раздался испуганный нечленораздельный звук. Но не такой, какой издает раненый человек.

— Если ты зайдешь сюда с оружием, — прокричал Гефти, — я снесу тебе башку! Может, хватит ерундой заниматься?

В ответ на некоторое время воцарилась тишина. Потом из прохода раздался дрожащий голос Молбоу. Судя по звуку, он находился примерно в семи метрах от аппаратной.

— Если ты, безмозглый болван, прекратишь свои попытки вмешиваться в чужие дела, Раммер, — сказал он, — то не будет никаких проблем.

Слышно было, как он едва сдерживает клокочущую ярость:

— Ты подвергаешь опасности всех нас. Ты совсем не понимаешь, что делаешь!

Что ж, последнее, пожалуй, смахивало на правду.

— Мы еще поговорим об этом, — неприветливо отозвался Гефти. — Пока я ничего такого не сделал. И потом, я вовсе не давал тебе права распоряжаться на моем корабле. А что ты сделал с мисс Руз?

Молбоу явно замялся.

— Она в штурманской кабине, — наконец, произнес он. — Я… возникла необходимость ненадолго ограничить свободу ее действий. Но теперь можешь спокойно ее выпустить. Мы должны как можно скорее договориться.

Гефти оглянулся через плечо на маленькую закрытую дверь штурманской кабинки. На двери не было замка, но изнутри не доносилось никаких звуков. Наверное, тут таился какой-то подвох. Что ж, выяснить все это не займет много времени. Он повернулся спиной к стене, толкнул дверь, чтобы та открылась, и заглянул внутрь.

Керри сидела на стуле в углу крошечной комнатушки. Сразу стало ясно, почему она не издавала

никаких звуков.

Девушку вместе со стулом плотно покрывал мешок из прозрачной блестящей ткани. Она смотрела сквозь него на Гефти с потерянным видом, губы ее энергично, но беззвучно шевелились.

— Молбоу! — свирепо выкрикнул Гефти.

— Только не кипятись, Раммер! — В тоне Молбоу слышались пренебрежительные нотки. — Моя секретарша нисколько не пострадала. Она без труда может дышать через «усмиритель». Его можно снять, потянув на себя материю.

Гефти поджал губы:

— Учти, пока я буду этим заниматься, проход под прицелом…

Молбоу не отозвался.

Гефти протиснулся обратно в штурманскую и на пробу ухватил прозрачную ткань над плечом Керри. К его изумлению, ткань расползлась под пальцами, как мокрая папиросная бумага. Он резко потянул на себя. Секунду спустя, Керри, отчаянно работая руками, локтями и плечами, выпуталась оттуда. Лицо ее было заплаканным.

— Гефти, — всхлипнула она, — это… мистер Молбоу…

— Он там, в проходе, — сказал Гефти, — и может тебя услышать. — На секунду его внима-

ние привлек висевший на стене второй такой же прозрачный «саван». Для кого он, интересно, мог быть предназначен, если не для Гефти Раммера? — У нас возникли небольшие неприятности, — добавил он.

— О! — она глянула в сторону прохода, потом на ружье в руке у Гефти, затем на его лицо.

— У твоего патрона, — продолжал Гефти нарочито громко, чтобы Молбоу смог его услышать, — тоже есть оружие. Он останется в проходе, а мы будем находиться в аппаратной, пока не придем к соглашению по поводу того, что нам делать дальше. Ответственность за случившееся с кораблем в этом рейсе, между прочим, лежит на нем. Он знает, где мы находимся.

Гефти посмотрел в испуганные глаза Керри и понизил голос до шепота:

— Не принимай мои слова слишком близко к сердцу. Я пока не знаю, что он там задумал. Но до сих пор на все его выходки у меня находился достойный ответ! Сначала он рассчитывал захватить нас обоих врасплох. Это у него не получилось, поэтому теперь он вынужден пойти на сотрудничество.

— А ты пойдешь ему навстречу?

Гефти пожал плечами.

— Это зависит от того, что у него на уме. Я-то заинтересован только в одном, — чтобы в итоге мы остались живы. Давай послушаем, что Молбоу собирается нам сказать.

* * *

Через несколько минут Гефти пытался решить, что будет хуже — рискнуть и поверить словам Молбоу или, наоборот, предположить, что он лжет.

Керри Руз сидела на краешке стула, как курица на насесте. Прямая спина, бесцветное лицо, округлившиеся глаза. Она, очевидно, склонялась к тому, чтобы верить Молбоу, хотя ей и не хотелось бы выглядеть в собственных глазах дурой. Для этого имелись веские основания. В особенности, неправдоподобная среда, в которой они все очутились. Да и тонкий, как карандаш, извергатель огня вместе с прозрачным «усмирителем» достаточно сильно противоречили рассказу Молбоу. Но, насколько было известно Гефти, и загадочная машина, и оружие могли быть изготовлены умельцами Ядра.

Потом еще эта джанандра — большое змееподобное существо на складе. Молбоу прихватил ее с луны вместе со сломанной машиной. Джананд-

ра, как он заявил, уже сопровождала его в одном из путешествий. Обычно она сидела тихо и не проявляла агрессивности. Видимо, неожиданное появление Гефти в бункере спровоцировало ее на нападение. Джанандра не была питомцем Молбоу в истинном значении этого слова. Между нею и патроном Керри сложились особые духовные отношения, которые Молбоу даже не пытался растолковать. Дескать, все равно молодые люди были не способны уловить их многогранную сущность. В этом неизъяснимом качестве джанандра была для Молбоу жизненно необходима.

Этот момент был достаточно интересен, чтобы казаться подтверждением остальных его заявлений, но, в сущности, ничего не доказывал. Единственное, в чем Гефти не нуждался, так это в доказательстве того, что положение всех троих было аховым, а скоро могло стать еще хуже. Он взглянул на экраны мониторов. То, что он там увидел, — окрестности корабля — являлось, по словам Молбоу, иллюзорным, кажущимся пространством. Его порождал временной поток, в котором они сейчас медленно дрейфовали.

Кроме того, по утверждению Молбоу, имелась некая цивилизация, чьи корни в будущем. Человекоподобные существа, являвшиеся ее предста-

вителями, обладали машинами, на которых они путешествовали по временному потоку через всю Вселенную. Они носились на своих машинах, используя так называемые «ветры времени», то погружаясь в нормальное пространство, то выныривая из него. Таким образом, они добирались до самых отдаленных эпох и галактик. Молбоу, будучи одним из таких путешественников, попал в беду в миллионе световых лет от дома своих сородичей, который к тому же остался в прошлых веках. Его аппарат потерпел крушение на луне, начисто лишенной атмосферы. Блок управления и другие приборы оказались сильно повреждены. Кое-как он добрался до человеческой цивилизации, чтобы с помощью людей заполучить необходимое оборудование. Наконец, он вернулся на «Серебряной Королеве» в то место, где был спрятан его времялёт.

Гефти вытянул губы трубочкой. Он не собирался принимать все за чистую монету. Однако если Молбоу *не врал*, то мимо проносились невидимые звезды, а родная Галактика ускользала прочь. В итоге они с Керри могли навсегда затеряться в черных бездонных глубинах космоса и оказаться на таком расстоянии от Ядра Звездного Скопления, которое не смог бы одолеть ни один

космический двигатель. Противостояние с Молбоу необходимо было самым срочным образом урегулировать. У пришельца из будущего нервы тоже были взвинчены. К тому же он проявлял нетерпение. Этим следовало воспользоваться. Если его нетерпение малость усилить, то можно будет выудить подробности, которые требовались Гефти в первую очередь. Медленно, как бы не решаясь выдать себя, капитан «Серебряной Королевы» произнес:

— А зачем вы нас впутали в это дело?

Голос из прохода выпалил:

— Да потому что мои ресурсы истощились практически до нуля, Раммер! Я не смог закупить новый корабль. Поэтому и зафрахтовал ваш, а вместе с ним получил и вас самих. Что же касается мисс Руз… Несмотря на принятые предосторожности, мои действия могли вызвать подозрение и любопытство у ваших сородичей. Стоило мне бесследно исчезнуть, к ней полезли бы с расспросами. Я не мог допустить, чтобы за мной по пятам до самого места катастрофы времялета следовали любопытствующие, поэтому я взял мисс Руз с собой. А что, собственно говоря, это меняет в моем предложении, которое я вам сделал? Захватывающее приключение, которое,

я вас торжественно заверяю, благополучно завершится возвращением в ваши время и место. За причиненные неудобства вам будет выплачена неслыханно щедрая компенсация!

Керри, переглянувшись с Гефти, энергично замотала головой.

— Мы считаем, — сказал Гефти, — что нам сейчас трудно поверить вам на слово, Молбоу. Что вам было нужно в аппаратной?

Молбоу несколько секунд хранил молчание. Потом заговорил:

— Как я вам уже объяснял, ваш корабль не угодил бы в переплет в момент перехода, если бы мой блок управления работал с максимальной эффективностью. В нем надо кое-что подправить, и это требуется сделать как можно скорее.

— А причем тут оборудование моей «Королевы»? Оно-то каким образом способно повлиять на ситуацию?

— С его помощью я смогу выяснить, в чем суть проблемы. Когда меня… вывело из строя… блок был серьезно поврежден. Кое-что мне уже удалось привести в порядок, но я был вынужден сильно торопиться, и…

— Что именно привело к поломке вашего блока?

Голос Молбоу задрожал от нетерпения.

— Определенные участки Великого Потока кишат опасными силами. Я даже не берусь их описать…

— Считаете, что до меня не дойдет?

— Признаюсь, Раммер, я и сам не очень хорошо в этом разбираюсь. Эти силы нельзя назвать живыми, однако, они обладают некоторыми характерными особенностями, присущими живой материи. Можно даже сказать, что они отчасти представляют собой некую разумную форму жизни. Если вы можете себе представить лучевую энергию, способную на сознательную и при этом враждебную деятельность…

У Гефти по спине пробежал холодок.

— Большие, быстро движущиеся источники света?

— Вот именно — В голосе, доносившемся из прохода, вдруг прозвучала нотка сильной тревоги: — Так вы… Когда вы их наблюдали?

Гефти посмотрел на экраны:

— За время нашей беседы — дважды. И еще один раз до этого — сразу, как только началась эта чертова болтанка.

— В таком случае, Раммер, нельзя терять ни минуты! Эти силы чутко реагируют на отклонения

в параметрах моего блока управления. Если они уже находятся в пределах видимости, то, значит, им известно, что где-то поблизости находится корабль. Они попытаются определить его точное местонахождение.

— Чего от них можно ожидать?

— Одной-единственной атаки оказалось достаточно, чтобы вывести из строя блок управления, когда он еще был частью моего времялета. В тот злополучный момент Великий Поток мгновенно выплюнул мой корабль из себя. Корабль таких размеров, как ваш, защищен гораздо лучше. Честно говоря, по этой причине я его и выбрал. Тем не менее, если сейчас же не отрегулировать блок управления, что позволит нам выбраться из этого участка, атаки будут продолжаться до тех пор, пока «Королева» не будет уничтожена. И мы вместе с ней.

Гефти тяжело вздохнул.

— У этой задачи есть еще одно решение, Молбоу. Нам с мисс Руз оно нравится больше. А что касается вас… если вы и вправду намерены позаботиться о том, чтобы мы, в конце концов, попали домой, то оно не вызовет у вас возражений.

— Что вы имеете в виду? — резко прозвучал вопрос.

— Для начала отключить ваш блок управления. Из того, что вы сказали, следует, что это автоматически выбросит нас обратно в нормальное пространство, и мы окажемся все еще не слишком далеко от родного Ядра Звездного Скопления. Там найдется немало людей, готовых рискнуть и отправиться вместе с вами в будущее. Если вы их, конечно, сможете убедить, что они смогут в любой момент вернуться домой… А у нас с мисс Руз, ничего не поделаешь, не хватает авантюрной жилки!

В проходе наступило молчание.

Гефти добавил:

— Не торопитесь и, если хотите, обдумайте как следует мое предложение. Мне совсем не хочется быть мишенью для этих огней. Но, я уверен, и вам это не по вкусу. Однако мне кажется, я могу малость потерпеть, так же, как и вы…

Молчание затянулось.

Немного погодя, Гефти произнес:

— Если вы согласны, то прежде, чем объявиться, забросьте к нам в комнату этот ваш огнемет. Мне ни к чему неприятности.

Он снова выдержал паузу. Керри сидела, закусив губу. Руки были сжаты на коленях в кулачки. Наконец, Молбоу отозвался. На этот раз его голос

был сух и невыразителен.

— Худшее, что мы можем сделать в настоящий момент, — сказал он, — это продолжать дискуссию о том, что именно необходимо предпринять. Если я добровольно разоружусь, вы тоже отложите свое ружье?

— Да.

— В таком случае, я принимаю ваши условия, какими бы неутешительными для меня они ни были.

Он умолк. В следующий момент Гефти услышал, как по полу прохода загремел белый стержень Молбоу. Он ударился о стенку прохода, крутясь, отскочил от нее и закатился в аппаратную, остановившись в метре от ног Гефти. Капитан поднял огнемет и положил на стол. Потом рядом с ним положил свое ружье и отошел в сторону. Керри встревоженно наблюдала за его действиями.

— Гефти, — прошептала она, — он может…

Повернув голову к Керри, Гефти одними губами произнес: «Все в порядке», а вслух выкрикнул:

— Молбоу! У меня нет оружия! Заходите сюда, и заключим мир!

У Гефти сильно билось сердце, пока в проходе раздавались быстрые приближающиеся шаги. Наконец в проеме появился Молбоу. Пришелец

из будущего посмотрел на молодых людей, потом оглядел помещение. На мгновение он задержал взгляд на предметах, лежащих на столе, потом опять вернул его к Гефти. Только после этого Молбоу вошел в отсек:

— Не в наших правилах, Раммер, — сказал он, скривив рот, — делиться секретами Великого Потока с представителями других цивилизаций. Я и предположить не мог, что вы окажетесь таким настырным. Зато теперь…

Он быстро поднял вверх правую руку с зажатым в кулаке маленьким золотистым шариком. Гефти, в свою очередь, сделал ответное движение, но не правой, а левой рукой, будто передергивал затвор помпового ружья.

Армейский нож выскочил из ножен в то же самое время, когда из шарика Молбоу низверглась на пол узенькая струя черного дыма. Эта чернота, рыча, метнулась к ногам Гефти. Но над ней сверкнуло лезвие ножа, вращаясь в воздухе, и по рукоятку вонзилось в грудь Молбоу.

* * *

Несколько минут спустя, Гефти вернулся из передней каюты, которая служила на «Королеве» корабельным лазаретом, и сообщил Керри:

— Он до сих пор жив. Правда, почему — совершенно непонятно… Может быть, даже очухается. Сейчас я накачал его анестезией. Это должно утихомирить его на время. Когда мы окажемся в нормальном пространстве, подумаем, что с ним делать.

За время отсутствия капитана девушка отчасти утратила испуганный вид.

— Ты знал, что он сделает попытку убить тебя? — дрожащим голосом спросила она.

— Я подозревал, что такое пришло ему на ум. Он слишком быстро согласился на предложенные условия. Но я полагал, что мне первым удастся обезоружить его. К сожалению, сделать это не удалось. Теперь нам надо поторапливаться.

Он включил панель аварийной проверки и взглянул на знакомый узор, выложенный световыми сигналами и цифрами. Отсутствие некоторых из них указывало на незначительные изменения параметров корабля, но в целом звездолет был пока полностью управляем. Причину неисправности следовало искать в углу аппаратной, рядом с дверью штурманской кабины. Сама эта дверь, примыкающие к ней переборки и участок пола под ней были выщерблены, почернели и испускали целый букет отвратительного зло-

вония, характерного для обгоревшего пластика. В этом углу стоял Гефти, когда в помещение вошел Молбоу. Если бы он остался там хоть на мгновение после того, как метнул нож, то сейчас был бы в куда худшем состоянии, чем эта, в общем-то, весьма огнестойкая обстановка.

Оба метательных оружия Молбоу все еще выпускали свои заряды в данном направлении — белый штырь, невинно лежавший на столе, и круглое золотистое устройство, выпавшее у него из рук и разбрызгивавшее струи черного дыма. Это продолжалось чуть ли не полминуты после того, как Молбоу рухнул и скорчился на полу. Стрельба прекратилась в тот момент, когда он окончательно обмяк. Очевидно, перестал управлять обоими, когда потерял сознание.

К счастью, аварийные принадлежности, хранившиеся в лазарете, были спроектированы так, что могли держать в состоянии неподвижности самых буйных своих обитателей, не говоря уже о пациенте со страшной ножевой раной в груди. При наклоне, под которым нож вошел под ребра Молбоу, обыкновенный человек не протянул бы и минуты.

Но теперь стало ясно, что Молбоу не был обыкновенным человеком. Даже после того, как его

жуткое оружие было выброшено из корабля через трубу мусорного утилизатора, Гефти не мог избавиться от неприятного ощущения, что ему так и не удалось до конца отвязаться от Молбоу. И не отвязаться ему от него до тех пор, пока кто-нибудь из них двоих не отправится на тот свет.

— Раньше я думал, — сказал Гефти, чтобы отвлечь Керри от грустных мыслей, — что машина, которую Молбоу установил в складском бункере, является чем-то вроде двигателя. Оказывается, у нее совсем другое назначение. Он подсоединил ее к аппаратуре, которую ему изготовили в Ядре, и вместе они образовали то, что он называл «блоком управления». Если бы этот блок подпитывался энергией от корабля, на аварийную панель поступали бы соответствующие сигналы. Но панель молчит, и я ума не приложу, откуда он черпает энергию. Зато теперь мы наверняка знаем, что «блок управления» удерживает нас во временном потоке. И будет нас держать все то время, пока работает. Если бы мы смогли его выключить, поток выбросил бы «Королеву» из своей среды. Именно это и произошло с времялетом Молбоу. Другими словами, мы бы оказались обратно в нормальном пространстве. Чего и нужно добиться. Нам надо проделать это как можно

быстрее. Если Молбоу говорил правду насчет странствований по ветрам времени, то каждая проведенная здесь минута уносит нас все дальше от Ядра Звездного Скопления и от нашего времени, приближая к его эпохе.

Керри кивнула, не сводя с Гефти сосредоточенного взгляда.

— Сейчас я не могу просто пойти туда, в бункер, и начать щелкать на этой проклятой штуке всеми переключателями подряд, — продолжал Гефти. — Молбоу сказал, что она малость барахлит, но даже если машина и была бы в полном порядке, я не рискну предположить, к чему приведет такое щелканье. Однако, по всей видимости, она не связана ни с одной системой на «Королеве». Возможно, просто держит нас в своем собственном поле. Поэтому мне надо как-то изловчиться и подтащить весь этот «блок» к загрузочному люку и вытолкать его наружу. Если мы уберем корабль из зоны действия его поля, то получим тот же эффект, что и отключение «блока управления». В результате мы опять окажемся в нормальном пространстве.

Керри снова кивнула.

— А как насчет питомицы мистера Молбоу — джанандры?

Гефти пожал плечами.

— Все зависит от того, в каком она будет настроении. Молбоу заявил, что она, как правило, не агрессивна. Может быть, это и правда. Для вящей безопасности я влезу в скафандр. Кроме того, придется прихватить кое-какое альпинистское снаряжение, чтоб было, чем ее погонять. Если мне удастся загнать эту тварь в пустой отсек, где она будет находиться вне…

Гефти вдруг умолк и с изменившимся выражением лица уставился на аварийную панель. Потом он быстро повернулся и через край консоли дотянулся до пульта управления стыковочным воздушным замком.

— В чем дело, Гефти? — встрёвоженно спросила Керри.

— Я и сам хотел бы знать… в чем тут дело. — Гефти показал на аварийную панель. — Видишь маленький красный огонек среди сигналов, показывающих состояние грузовой палубы? Минуту назад его там не было. Это значит, что в течение прошедшей минуты двери бункера открывались.

Он увидел на лице девушки тот же, поразившей его ранее, суеверный страх.

— Ты думаешь, это… он?

— Не знаю.

И в самом деле, у Молбоу имелся навык управляться со своим оружием каким-то таинственным образом. Но это оружие являлось продуктом его времени и его науки. Другое дело — механизмы открывания дверей бункера. За время пребывания на борту «Королевы» у него могло быть достаточно возможностей их изучить, а потом переиначить в собственных интересах…

— Сейчас все отсеки и палубы корабля изолированы друг от друга, — медленно произнес Гефти, чтобы и самому уяснить произошедшее. — Единственные связующие точки — это впускные люки для экипажа. Они представляют собой маленькие воздушные шлюзы. Так что джанандра находится в заточении на грузовой палубе. Если она выбралась из бункера, то это, конечно, досадно. Чтобы ее обуздать, придется изыскать какие-нибудь подручные средства. Но все это не так страшно. Скафандры для выхода в космическое пространство находятся на второй палубе. Перед тем, как отправиться на склад, я надену один из них. Подожди минутку, я только сперва посмотрю, как себя чувствует Молбоу.

Похоже, что Молбоу до сих пор был без сознания. Если он притворялся, то делал это весьма

умело. Гефти посмотрел на бледное, изможденное лицо, полузакрытые глаза, покачал головой и вышел из каюты, не забыв запереть за собой дверь. Независимо от состояния Молбоу, большая змея, разгуливающая по складу на свободе, могла доставить множество неудобств. Гефти сомневался в том, что его ружье способно произвести должное впечатление на существо подобных размеров. Несколько траловых приспособлений, имевшихся на борту, можно было использовать в качестве очень эффективного оружия в ближнем бою. Но они, как назло, хранились на той же самой палубе, по которой разгуливала джанандра.

Вернувшись в аппаратную, Гефти обнаружил, что Керри стоит посередине комнаты.

— Гефти, — сказала она, — ты ничего не чувствуешь? Пахнет чем-то странным…

Вскоре аромат добрался идо ноздрей Гефти. У него похолодела спина, — он узнал этот запах. Гефти взглянул на вентиляционную решетку, потом вновь на Керри.

Взяв девушку за руку, он тихо произнес:

— Быстро отсюда. И не вздумай шуметь! Не знаю, как это служилось, но джанандра теперь на главной палубе. Это ее запах. Он проникает сюда по вентиляционным трубам. Значит, она

ползает по причальному отсеку. Мы изберем другой маршрут.

— Что же делать? — прошептала Керри.

— Вначале наденем скафандры, потом избавимся от блока управления Молбоу. Возможно, джанандра повсюду ищет своего хозяина. Если это так, то ей не до нас.

* * *

Гефти не хотелось говорить Керри, что от «блока управления» нужно было избавиться как можно скорее и по другим причинам. То, что Гефти услышал от Молбоу, касательно этих причин, не выходило у него из головы. С того момента, как умолкли странные орудия Молбоу, прошло несколько минут. За это время Гефти дважды наблюдал на экранах мониторов среди неспокойного потока темноты бледный кратковременный проблеск. Гефти ни словом не обмолвился об этом в присутствии девушки — берег ее душевное спокойствие. Если враждебные силы и в самом деле были начеку и разыскивали их здесь, это, конечно, увеличивало прямую угрозу существованию молодых людей. Но это нисколько не удовлетворяло их страстного желания успеть вырваться из безжалостного напора Великого Потока до

того, как «Королеву» отнесет безнадежно далеко от родной цивилизации без всякой надежды на возвращение.

Вместе с тем, эти непродолжительные световые всплески усиливали осознание необходимости предпринять безотлагательные действия. Эти мысли уже давно не давали Гефти покоя. В то же время, все произошедшие события и неизбежная суровая необходимость избежать неверного шага, который мог привести к роковым последствиям среди этого сумбура неизвестных факторов, заставляли его пребывать в каком-то заторможенном состоянии. Теперь, когда малоприятный попутчик Молбоу столь загадочным образом оказался на главной палубе, не осталось ничего другого, как постоянно держать Керри у себя под боком. Если Молбоу до сих пор в состоянии вмешиваться в ход событий, то на борту не оставалось достаточно безопасного места для Керри.

А Молбоу вполне был способен вмешаться.

За то время, пока молодые люди проталкивались по узким, извилистым переходам к воздушному шлюзу, ведущему в соседний отсек, ноздри Гефти дважды ловили аммиачный душок джанандры, исходивший из решеток вентиляционной системы. И все равно они благополучно

добрались до шлюза. Но потом, когда Гефти и Керри миновали вторую палубу, и вышли к корабельному арсеналу, тишину вестибюля позади них нарушил громкий щелчок. Значение этого щелчка было угрожающе очевидным. Немного поколебавшись, Гефти завел Керри в боковой проход, и они направились вдоль него.

Девушка взглянула ему в глаза.

— Она нас преследует?

— Похоже на то.

Времени на скафандры теперь совсем не оставалось. Гефти помог девушке быстро спуститься по ступенькам трапа к воздушному шлюзу, который соединял вторую палубу со складскими помещениями, и нажал кнопку на стене. Как только открылась дверь шлюза, из прохода, откуда они только что вышли, раздался глухой звук. Будто по одной из боковых переборок отбивали сильную барабанную дробь. Керри издала короткий вздох. Вскоре они уже находились в шлюзе, и Гефти быстро пробежался пальцами еще по двум кнопкам. Они напряженно наблюдали, как за ними захлопнулась стальная дверь. А еще через несколько секунд в дальнем конце шлюза открылась дверь, ведущая на неосвещенную грузовую палубу.

Они спустились по трапу и очутились в боковом проходе. Слышно было, как захлопнулся шлюз. После этого они оказались в полной темноте. Гёфти взял Керри за руку, и они двинулись по проходу направо. Для того, чтобы держаться верного направления, Гефти касался кончиками пальцев левой переборки. Когда они добрались до угла, Гефти вновь повернул налево. Через несколько секунд он рывком открыл маленькую дверь, втолкнул в нее Керри, проскочил сам и прикрыл дверцу за собой, оставив узенькую щелочку.

— А теперь что мы будем делать, Гефти? — спросила Керри прерывистым шепотом.

— Останемся пока здесь. Сначала она будет искать нас в бункере.

Охоту за ними джанандра и впрямь могла начать с грузового бункера, где она прежде охраняла машину Молбоу. Хотя могла начать и не оттуда. Гефти взвел свое ружье. На другом конце темного отсека виднелась еще одна дверь. При необходимости они могли отступить чуть подальше, но не более того.

Они ждали в полной тишине, которая нарушалась лишь прерывистым дыханием, да отдаленным басистым гулом двигателей «Ко-

ролевы», работавших на малой тяге. Поскольку здесь было тесно, Гефти ощущал дрожь Керри. Каким образом этой твари удалось пробраться через воздушные шлюзы? Механизмы управления ими были простейшими, — пользоваться ими можно было научить даже собаку. Но у собаки есть, по крайней мере, хотя бы лапы…

Послышалось слабое шипение открываемого шлюза. Справа от входного отверстия в проход, за которым Гефти наблюдал через щелку, что-то проблеснуло. За этим последовали тяжелые глухие удары по полу, расположенному ниже шлюзов. Затем раздался громкий щелчок закрываемого шлюза, и опять наступили полная темнота и безмолвие.

Секунды, казалось, тянулись бесконечно долго. Гефти наглядно представил себе эту тварь: как она затаилась и, вздернув огромную клинообразную голову, напрягает свои органы чувств — не подадут ли в этой темноте признаков жизни два человеческих существа? Затем за входным отверстием прохода раздался какой-то порывистый непонятный звук. Он нарастал по мере приближения к входному отверстию. Миновав же его, он стал стремительно удаляться в левую сторону.

Гефти медленно выпустил воздух из легких,

приоткрыл дверь пошире и прислушался. Внезапно в шлюзовом проходе возник отраженный свет, который теперь исходил слева.

— Она рыскает по центральному проходу, Керри, — прошептал Гефти. — Теперь можно двигаться дальше. Сейчас мы осуществим обходной маневр. Только давай спокойно и по-быстрому. Я, кажется, придумал, как нам избавиться от этой твари.

* * *

В загрузочном шлюзе на грузовой палубе имелось две внутренние двери. Та, что открывалась в сторону площадки перед бункером, позволяла пропускать через себя самые крупногабаритные грузы, предназначенные для перевозки на «Королеве». Эта дверь была почти десять метров шириной и семь метров высотой. Вторая дверь была гораздо уже, но все же позволяла человеку, облаченному в скафандр, пролезать в шлюз и обратно. Благодаря ей можно было не пользоваться лишний раз громоздкой и тяжелой грузовой дверью. Эта маленькая дверца открывалась в сторону крошечной кабинки, из которой и осуществлялось управление шлюзовыми механизмами в процессе погрузки.

Гефти впустил Керри в эту комнатенку и зашел следом. Вокруг стояла кромешная тьма. Он усадил девушку на стул у панели управления. На ощупь нашел на панели тумблер и повернул его. Раздался слабый щелчок. На панели тотчас вспыхнула россыпь бледных световых сигналов. Их отражения появились на темном экране монитора, закрепленного на кронштейне над панелью.

Понизив голос, Гефти принялся объяснять:

— Левая сторона экрана этого монитора показывает шлюз. Правая — большую погрузочную площадку перед бункером сразу за шлюзом. Свет сейчас ни там, ни там не горит, поэтому на мониторе ничего и не видно. Грузовую дверь на площадку можно открыть или закрыть только с помощью вот этих рычажков. Я хочу заманить джанандру в шлюз, закрыть дверь и застопорить эти самые рычажки. Тогда она окажется в ловушке.

— И как же ты собираешься ее туда заманить?

— Это не так уж сложно. Я буду все время находиться в трех прыжках от нее. Потом нырну сюда, в эту кабину, и запру обе двери. Джанандра окажется внутри шлюза. Картина ясна?

— Да, пожалуй, — неуверенно проговорила Керри. — Но ведь это же очень рискованно.

— Ну, если честно, — согласился Гефти, — такой вариант мне тоже не очень-то нравится. Но делать нечего. Так что приступим прямо сейчас, пока у меня боевой настрой не выдохся. Как только я появлюсь на погрузочной площадке перед бункером, там зажжется свет. При появлении любого объекта он включается автоматически. Ты следи за правой частью экрана. Если увидишь, что джанандра меня опередила и первой вылезла на площадку, вопи что есть мочи.

Он перещелкнул два переключателя входных дверей вправо. На темном экране, чуть выше его центра, появилась красная искорка. Второй сигнал, тоже красного цвета, загорелся на переборке кабины рядом с Гефти. Продолговатая секция переборки, над которой появился этот сигнал, оказалась дверью. Плита в полметра толщиной стала проворачиваться на мощных петлях в сторону погруженного в темноту грузового шлюза. Распахнувшись на девяносто градусов, она остановилась.

Из образовавшегося проема в кабинку управления дохнуло морозным холодом.

На экране монитора рядом с красной звездочкой появилась еще одна.

— Теперь обе двери открыты, — пробормотал

Гефти. — На грузовой площадке бункера джанандры нет, иначе там включилось бы освещение. Но она могла расслышать, как открываются двери, и, видимо, уже поспешает сюда. Так что гляди на экраны в оба!

— О чем речь, Гефти, конечно! — дрожащим шепотом заверила Керри.

Гефти снял со стены массивный гаечный ключ на 34, быстро и бесшумно спустился на три ступеньки по трапу. Оказавшись на полу шлюза, он прошел к порогу гигантской грузовой двери, ось вращения которой располагалась горизонтально. Сейчас она была раскрыта в сторону грузовой площадки и утоплена в паз. Секунду Гефти провел в нерешительности. Потом шагнул из шлюза в большой темный вестибюль грузовой площадки. Тот немедленно озарился светом как по направлению к бункеру, так и в сторону шлюза.

Гефти застыл, как статуя. Его внимание было приковано к входу в грузовой бункер в дальнем левом конце вестибюля. Он прекрасно видел, что бункер открыт. Там, внутри, вполне могла находиться джанандра. Однако протекали секунды, а темный вход хранил молчание. Из бункера тоже не поступало никакого намека на движение. Гефти поглядел направо и сделал с десяток

шагов в глубь вестибюля. Потом размахнулся и запустил ключом в вентиляционную решетку на противоположной переборке.

Тяжелый инструмент громко лязгнул по решетке, отскочил и загромыхал по полу. Ощущая бешеные удары сердца, Гефти стал медленно приближаться к нему, не упуская из виду вход в бункер.

— *Гефти!* — раздался пронзительный вопль Керри, — *она уже..!*

Он резко повернулся и рванул обратно к грузовому шлюзу. Джанандра тихонько вылезла из ближайшего бокового прохода за Гефти и теперь подкрадывалась к нему в столь запомнившейся ему скользящей манере, держа голову в метре над полом. Капитан «Королевы» проскочил через шлюз, с разбега запрыгнул сразу на верхнюю ступеньку перед дверью и, спотыкаясь, ввалился в кабинку. Керри вскочила со стула и во все глаза уставилась на него. Гефти одним махом перекинул переключатель двери влево, придавив его к панели. Дверь задвинулась в стену позади него с такой силой, что задрожал пол.

На экране монитора было видно, как по тускло освещенному шлюзу металось толстое, темное, червеобразное тело джанандры, пытаясь найти

выход в просторный вестибюль. Она уже поняла, что сейчас окажется в западне. Переключатель грузовой двери был прижат к панели рядом со своим собратом, и массивная дверь поднялась с неожиданной быстротой. Тяжелое тело с размаху ударилось об нее и сползло на пол. Дверь затворилась. Ту часть экрана, что показывала территорию грузового шлюза, окутал мрак.

— Получилось, — получилось, — получилось!.. — услышал Гефти свой торжествующий шепот и включил внутреннее освещение шлюза.

Сразу же вслед за этим он тихонько выругался сквозь зубы, а у Керри, стоявшей рядом, перехватило дыхание.

* * *

На экране бесновалась джанандра. Самое интересное, что ее буйные телодвижения внутри шлюза явно имели осмысленный характер, они были целенаправленными. Кроме того, теперь стало ясно, что она представляла собой более сложное и организованное существо, нежели то, каким показалось на первый взгляд из-за своего длинного червеобразного тела и массивной головы. Так, в частности, шкура на расстоянии примерно трех метров от головы раздалась в

стороны, образовав широкую, гибкую оборку. Из-под нее выпросталось наружу с полдюжины мертвенно-бледных конечностей. Эти конечности, как и человеческие руки, разделялись на суставы. Вместе с ними из-под оборки показались какие-то развевающиеся, похожие на ленты, придатки, еще более трудно описуемые. Существо привстало на дыбы у двери вестибюля, исследуя поверхность преграды всеми своими членами. Потом оно внезапно развернулось и метнулось к внешней двери шлюза. Три «руки» ухватились цепкими пальцами за штурвалы трех поворотных замков, принялись их вращать.

— Керри, она собирается…

Но джанандре это не удалось. Штурвалы застопорились, а затем открутились в обратном направлении. Замки вновь затянулись туго-натуго. Джанандра отпрянула от двери и приподнялась над полом на половину своей длины, вращая головой по сторонам. Она осматривала верхние полки с инструментом. Вдруг «рука» протянулась к одной из полок, и что-то с нее выхватила. Потом существо снова повернулось, и в следующее мгновение голова заполнила целиком весь экран. Керри сдавленно вскрикнула и в испуге отпрянула, натолкнувшись на Гефти. Выпуклые, зеленые,

с металлическим блеском глаза, казалось, уставились прямо на него. И тут экран погас.

— Что произошло, Гефти? — шепотом спросила Керри.

Гефти сглотнул слюну и вымолвил:

— Тварь раскокала видеокамеру. Должно быть, догадалась, что мы за ней наблюдаем, и ей это не понравилось… Я начал было думать, что Молбоу каким-то непостижимым, сверхъестественным образом управляет джанандрой на расстоянии. Но потом понял, что никаких чудес тут нет. То, что она вылезла из бункера, открыла стыковочные шлюзы, когда забралась на главную палубу, потом спустилась вслед за нами — все это она проделала сама, независимо от Молбоу. Скорее всего, она его компаньон, а не слуга. Возможно, за этой уродливой физиономией скрывается интеллект, ничуть не меньший, чем у любого из нас троих.

Керри облизала губы.

— А она может… Она не выберется оттуда?

— Назад, в корабль? — Гефти решительно помотал головой. — Не-а. Она могла запросто вывалиться за борт. И чуть было это не сделала. Но потом вовремя сообразила, где находится, и что ей нужно предпринять. Однако внутренние

двери шлюза не откроются, пока кто-то не откроет их с этой панели. Не-ет, эта тварь заперта надежно. С другой стороны…

С другой стороны, до Гефти дошло, что теперь он никак не сможет выгнать джанандру из грузового шлюза и отправить ее в Великий Поток. Конечно, она не скрывала своих недружелюбных намерений, но по уровню интеллекта не уступала капитану. Возможно, в чем-то она даже превосходила его. В настоящий момент змея была беспомощна. Избавиться от нее, как он планировал первоначально, означало хладнокровное убийство разумного существа. Пойти на это Гефти не мог. Но пока безобразный и неукротимый партнер Молбоу по космическим полетам оставался в грузовом шлюзе, этот шлюз нельзя было использовать, чтобы избавиться от блока управления, находившегося в бункере.

Гефти отчаянно стал перебирать в уме всевозможные тяжелые инструменты, которые можно было бы применить в качестве оружия, чтобы укротить джанандру и загнать ее куда-нибудь в другое место на корабле.

И тут решение пришло само собой. Вполне можно было совершить одну операцию, правда, довольно ненадежную и отнимающую много

времени — и это в лучшем случае. Потом пришла другая мысль: грузовой бункер прилегал прямо к корпусу «Королевы»…

Сколько времени займет пробиться через корпус? Долбежное, резательное, дробильное и прочее оборудование на борту имелось. Инструменты обладали автономными источниками питания. Надеть космический скафандр, откачать воздух со всей грузовой палубы, оставив джанандру запертой в грузовом шлюзе, беспомощного Молбоу в лазарете и Керри в отсеке управления, предварительно облаченную в скафандр — для дополнительной защиты. Затем отключить энергопитание, поступающее на эту палубу, чтобы не возиться с запутанной схемой электроснабжения «Королевы», и работать в открытом космосе — с полчаса, если поторопиться.

* * *

— Осталось еще десять минут, не больше, — сообщил он по переговорному устройству скафандра, когда дело близилось к концу.

— Я очень рада это слышать, Гефти, — отозвалась Керри дрожащим голосом.

— Что-нибудь происходит на экранах монитора? — поинтересовался он.

Она замялась немного, и промолвила:

— Нет, во всяком случае, не сейчас.

Гефти крякнул, поморгал несколько раз (пот заливал глаза), и. снова взялся за рукоятку тяжелой камнерезки, опустив рабочей частью вниз, к полу бункера. Световой искатель нашел место, где проводился распил. Инструмент выпустил плоский, как лист, пучок лучей, который стал мало-помалу въедаться в толстую обшивку «Королевы», удлиняя уже проделанную прорезь. Гефти наметил круг в восемь метров диаметром вокруг изрядно потрепанного блока управления Молбоу и прикрепленной к нему аппаратуры, на приличном расстоянии от хрупкого на вид генератора предохранительного поля. Круг не задумывался сплошным. В четырех местах разрыва — на равном расстоянии друг от друга — Гефти собирался заложить взрывчатку. Сдетонировав одновременно в этих четырех точках, взрывчатка должна была разрушить крепежные звенья, соединяющие бункер с корпусом, и отбросить прочь агрегат Молбоу. Если это не избавит «Королеву» от его воздействия на ход событий, надо будет попробовать запустить на полную тягу маршевые двигатели.

— Гефти? — раздался голос Керри.

— М-м?

Он расслышал по интеркому, как она сглотнула слюну.

— Огни опять вернулись.

— Сколько их?

— Два, — сообщила Керри. — Мне кажется, что их два. Они все время снуют перед нами. — Она нервно рассмеялась. — Глупо, конечно, но у меня такое ощущение, что они на нас смотрят.

Гефти нерешительно произнес:

— У меня практически все готово, но понадобится минута-другая, чтобы еще немного ослабить последнее сочленение. Если я подорву заряды раньше времени, машина Молбоу полностью не отстанет от корабля.

— Я понимаю, — сказала Керри. — Я просто буду наблюдать… Они только что опять исчезли. — Ее голос изменился. — А теперь тут объявилось еще что-то.

— Что именно?

— Ты ведь сказал, чтобы я следила за световыми сигналами грузового шлюза на аварийной панели.

— Ну да.

— Так вот, внешняя дверь шлюза только что открылась.

— Что?!

— Должно быть, так. Я смотрела на панель, и вот как раз сейчас замигала красная лампочка.

Гефти замолк на мгновение, его мысли пришли в смятение. Зачем джанандре понадобилось открывать шлюз? Молбоу говорил, что она некоторое время способна обходиться без воздуха. Но за пределами корабля она точно не найдет ничего, кроме верной смерти.

А что, если, подумал Гефти, джанандре стало каким-то образом известно, что он собирается вышвырнуть с «Королевы» их с Молбоу машину… В грузовом отсеке находились тросы с дреками. Если четыре или пять из них прицепить к кольцеобразной секции корпуса, которую он ослабил…

— Керри, — позвал он. Да?

— Я собираюсь взорвать это дело прямо сейчас. Ты закрепила скафандр на стене, как я тебе показывал?

— Да, Гефти.

Ее голос был слабый, но четкий.

Он отодвинул резак от линии, которую проделал, и оттолкнул его прочь. Тот откатился на своих роликах к дальней стенке. Гефти быстренько обошел круг, проверяя детонаторы на всех четырех зарядах, протопал к проходу в бункер

и остановился прямо за углом. Наконец, вынул запальный ящичек из скафандра.

— Готова, Керри? — Он открыл ящичек.

— Готова…

— Врубаю! — Гефти запустил руку в ящичек, повернул запальный тумблер. В бункере полыхнуло огнем. Палуба задрожала под ногами. Спотыкаясь, Гефти вышел из-за стены.

Машина Молбоу исчезла вместе с подставкой для обслуживающей аппаратуры и самой аппаратурой. Там, где она стояла, образовалась темная круглая дыра. Больше, на первый взгляд, ничего не произошло. Гефти, тяжело ступая, поспешил к камнерезке, развернул ее и осторожно подкатил к двери. У него не было ни малейшего представления, что сейчас произойдет, но, вполне возможно, скоро здесь замаячит темный силуэт джанандры, заползающий в бункер из вакуума. Лучшим способом отвадить тварь от попыток вновь забраться на «Королеву» — это встретить ее плоским лучом резака.

Вместо этого все вокруг внезапно залил ослепительный свет. Камнерезку вырвало из рук Гефти. Затем его самого подбросило и со всей силы припечатало к потолку. У него возникло ощущение, что корабль периодически сотрясают

неслышимые раскаты грома. А его самого будто прижал пальцем незримый великан и теперь перекатывает из стороны в сторону. В конце концов, скафандр превратился в нечто совсем уж неудобоваримое, и Гефти потерял сознание.

* * *

Левая сторона лица распухла, левый глаз ничего не видел, в макушке пульсировала резкая боль. Тем не менее, Гефти был очень доволен.

Состоялось несколько обсуждений состояния дел на текущий момент.

— Разумеется, — объяснил он девушке, — сейчас мы можем с уверенностью сказать только одно: мы снова очутились в благословенном нормальном пространстве и находимся где-то в пределах родной Галактики.

Керри вяло улыбнулась.

— Но ведь это еще не победа, да, Гефти?

— Но зато и не поражение!

Он окинул моноскопическим взглядом аппаратную. На консоли горел ранее установленный им фонарь аварийного освещения. За исключением аппаратной, остальной отсек управления был погружен в темноту. Возобновившаяся бомбардировка, которой подверглась «Королева»,

лишила энергии всю носовую часть звездолета. Экраны всех мониторов были черны, приборы бездействовали. Но через продырявленный пол бункера Гефти успел заметить звезды нормального пространства. Это что-нибудь да значило…

— Возможно, за все стоит сказать спасибо огню, которым нас шандарахнуло, — сказал он. — Мне не вполне понятно, что произошло, но вполне вероятно, что он атаковал скорее блок управления Молбоу, нежели корабль. В разговоре со мной Молбоу утверждал, что эти блуждающие огни чувствительны к блоку. Во всяком случае, мы — здесь, в обычном пространстве, и избавлены от агрегата Молбоу — и от джанандры. — Он замялся. — Мне кажется, не стоит слишком сильно обольщать себя надеждой. Может оказаться, что мы находимся на очень большом расстоянии от Ядра Звездного Скопления.

Глаза Керри так лучились доверием, что капитану стало не по себе.

— Если даже и так, — безмятежно сказала она, — то ты тем или иным способом сумеешь вернуть нас домой.

Гефти откашлялся.

— Ладно, поживем — увидим. Если ремонтным сканерам удастся восстановить энергоснабжение

«Королевы», приборы оживут в любую минуту. Дадим им ровно десять минут. Если к этому сроку восстановление не произойдет, значит, это сканерам не по силам, и мне придется немного побыть слесарем-ремонтником. А если навигационные приборы придут в рабочее состояние, мы сможем точно определить наше местонахождение.

Если только их не занесло куда-нибудь в отдаленный спиральный рукав, сказал он себе мысленно, куда никогда недобирались картографические бригады Федерации. Оставался еще один, малюсенький вопросик: в каком времени они сейчас находятся? Но поскольку Керри от облегчения даже порозовела, он решил, что не надо спешить с выяснением всех подробностей.

Он взял другой аварийный фонарь, включил его и произнес:

— Пока мы ждем подключения энергии, пойду проведаю, как там Молбоу. Если он продержался до сих пор благодаря оказанной ему первой помощи, то, может, автохирург поставит его на ноги окончательно.

На лице Керри появилось виноватое выражение:

— Я совсем забыла про мистера Молбоу! — Она помялась немного. — Мне пойти с тобой?

Гефти отрицательно покачал головой.

— Помощь мне не понадобится. Эти жужжащие штуковины работают безболезненно для пациента, но все равно, зрелище не из приятных, уж поверь.

Когда он добрался до лазарета, который был на автономном электропитании, он выключил фонарь. Открыв дверь в бокс, где теперь лежал Молбоу, чтобы занести туда автохирург из соседней амбулатории, Гефти стало ясно, что Молбоу все еще жив, но, по всей видимости, находится в горячке. Гефти поставил автохирург на стол и взглянул на Молбоу. Тот медленно ворочался в кровати, насколько это позволяли ему инструменты экстренного медицинского вмешательства, мягко и осторожно ограничивающие свободу движений пациента. Он что-то говорил низким голосом. Лицо было искажено от предельного волнения. Слова произносились им четко, раздельно, но звучали они совершенно незнакомо для Гефти. Было очевидно, что Молбоу полагает, что находится в своем родном времени. Несколько секунд он оставался в неведении, что его навестил Гефти. Потом сощуренные глаза пришельца из будущего неожиданно расширились, и Молбоу гневно закричал.

Гефти почувствовал некоторое замешательство. Молбоу должен был пребывать в бессознательном состоянии хотя бы потому, что находился под анестезией. Тем не менее, он был в сознании. Речь Молбоу стала теперь полностью понятна. И слова, им произносимые, стоили бы внимания, да только при другой обстановке. Гефти поспешил прервать этот словесный поток.

— Послушайте, — сказал он спокойно, — я пытаюсь вам помочь. Я…

Теперь Молбоу прервал его, но отнюдь не спокойным тоном.

Гефти послушал немного и пожал плечами. Ну, не нравился он Молбоу, и все тут! Положа руку на сердце, Гефти мог заявить, что Молбоу тоже не вызывает в его душе положительный отклик. А то, что он сейчас услышал от Молбоу, заставляло любить его еще меньше. И все-таки, в меру своих ограниченных возможностей, Гефти старался сохранить жизнь человеку из грядущих времен.

Он поместил автохирург у изголовья кровати, чтобы тот мог приступить к анализу состояния больного. Потом занял такое место у пульта управления аппаратом, чтобы можно было следить за действиями автохирурга и одновременно наблюдать за Молбоу, находясь вне его поля

зрения, чтобы излишне его не возбуждать. В следующее мгновение автохирург отключил средства первой помощи и аккуратно ввел сильное успокаивающее. Затем принялся ждать. Молбоу должен был впасть в беспамятную дремоту уже через тридцать секунд. Однако препарат, казалось, подействовал на сознание Молбоу так же неэффективно, как и предшествующее анестезирующее средство. Раненый продолжал метаться и вопить, что есть мочи. Гефти встревоженно наблюдал за ним, понимая, что перед ним — совершенно невменяемый субъект. В настоящий момент он не мог ничего поделать, — заключение автохирурга было надежнее любых непрофессиональных догадок. А тот продолжал выжидать.

А потом Молбоу скончался. Это произошло внезапно. Судорожно напрягшееся тело конвульсивно дернулось, а искаженные черты лица, наоборот, смягчились. Глаза остались полуоткрытыми, и, когда Гефти подошел к кровати сбоку, они, казалось, продолжали смотреть, но теперь уже неподвижно. Из угла обмякшего рта показалась тоненькая струйка крови — и замерла…

* * *

Когда Гефти вернулся в аппаратную, там было все так же темно. Энергоснабжение еще не было налажено. Вкратце сообщив Керри о случившемся, он добавил:

— Знаешь, я совсем не уверен, что твой бывший босс был человеком. И это лучше, чем наоборот.

— Почему так, Гефти? — Керри внимательно всмотрелась в его лицо.

Помявшись немного, Гефти произнес:

— Поначалу мне показалось, что он пришел в ярость оттого, что мы расстроили его планы. Но это были не его планы… а джанандры. Это он был ее слугой, вернее, питомцем. Пожалуй, точнее, следует сказать, что он являлся для нее чем-то вроде домашнего животного.

— Но ведь это невозможно! — недоверчиво промолвила Керри. — Подумай только, как разумно излагал мистер Молбоу…

— Он следовал чужим предписаниям, — сказал Гефти. — Джанандра сообщала ему обо всем, что ей было нужно, чтобы он для нее сделал. Когда он пытался меня прикончить после того, как я убежал из бункера от этой твари, он тоже выполнял указание. Решения принимала только

джанандра… Из них двоих именно она обладала подлинным разумом. Ей бы капельку везения, и она сумела бы завладеть кораблем.

Керри кротко улыбнулась.

— Но ты, как мне кажется, довольно успешно справился с ее могучим интеллектом.

— Просто удача оказалась на моей стороне, — сказал Гефти. — В общем, там, откуда пришел Молбоу, командуют существа, подобные джанандре. И вся штука в том, что Молбоу это вполне устраивало. Иного он просто не желал. Когда нас поразил тот последний огонь, он убил джанандру, которая в тот момент находилась снаружи. Молбоу почувствовал, что она погибла, и это окончательно вывело его из равновесия. Он хотел отомстить за ее смерть, прикончив нас обоих. Но так как он был беспомощен, то покончил с собой. Он совсем не хотел, чтобы его вылечили — во всяком случае, он не желал принимать помощь из моих рук. Вот так все это выглядит, если вкратце.

Он потянулся, взглянул на часы и поднялся с кресла.

— Ну что ж, — сказал он, — десять минут, которые я дал «Королеве» на то, чтобы вновь подключиться к энергоснабжению, истекли.

Кажется, моя старушенция с этим не справилась. Так что господину капитану придется засучить ру…

Бесшумно включилась косвенная система освещения аппаратной. Аварийная подсветка мигнула и погасла. Гефти завертел головой по сторонам.

Керри уставилась мимо него на экраны мониторов. Лицо ее сияло.

— О, Гефти! — тихонько всхлипнула она. — Наши звезды, Гефти!

* * *

— Зеленая точка вот здесь, — это мы, — объяснял Гефти с легкой хрипотцой в голосе. Откашлявшись, он продолжил: — Истинное местоположение «Серебряной Королевы», это… — Гефти умолк, понимая, что говорит слишком много и торопливо. Он почти что трещал, как сорока, пытаясь подобным способом хоть как-то ослабить напряженность момента. В следующие несколько секунд их местоположение может и не проясниться, но за это время станет понятно, находятся ли они вне областей космоса, охваченных технической деятельностью Федерации, или им повезло. Тогда они узнают, есть ли шанс

вернуться домой (к худу это, или к добру — неведомо) или им суждено безнадежно затеряться в бездонных пучинах космоса.

В великолепных узорах густых звездных скоплений, которые показывали экраны мониторов, не было ничего узнаваемого. Но Гефти не стал углубляться в размышления по этому поводу. До тех пор, пока точное местонахождение корабля не было определено, или хотя бы не стало известно, находится ли корабль в зоне проложенных космических маршрутов, искать знакомые вехи по развернутой над головой звездной россыпи было пустой тратой времени.

Гефти включил на «тарелке» локатора исходную звездную карту. На ней вновь появилась крохотная светло-зеленая точка. Теперь вокруг нее светился красный ободок. Она как бы висела на фоне трехмерного изображения бездонного Млечного Пути. Некоторое время искомая точка оставалась неподвижной, потом стала плавно перемещаться в восточную часть Галактики. Гефти затаил дыхание. Он чувствовал на себе пристальный взгляд Керри, но все же не сводил глаз с «тарелки» локатора.

Зеленая точка замедлила ход и остановилась. Гефти четыре раза нажал на одну и ту же кнопку.

Большая карта пропала из виду, и на «тарелке», быстро сменяя друг друга, появились и исчезли три локальные звездные карты. Осталась только четвертая по счету. Зеленой искорки в красном кружочке на ней не было заметно в течение нескольких секунд. Потом она всплыла у восточного края карты, заскользила вверх и налево, снова замедлила свое движение и, наконец, остановилась. Теперь звездная карта вместе с зафиксированной на ней зеленой точкой стала плавно перемещаться по локаторной «тарелке». Карта вплотную поднесла эту точку к «мертвому» центральному пятну на локаторной «тарелке» и замерла.

Гефти немного расслабился. Он медленно провел руками по лицу и что-то пробормотал. Потом тряхнул головой.

— Гефти, — прошептала Керри, — что это? Где мы?

Он посмотрел на девушку.

— После того, как нас затянуло в этот Поток Времени, — сказал он хрипло, — я пытался выяснить, в каком направлении нас несет. Судя по этим индикаторам курса, мы пытались двигаться сразу во всех направлениях. Помнишь, блок управления Молбоу барахлил, ибо нуждался в

дополнительной наладке? Ну, в общем, все эти мелкие толчки в разные стороны скомпенсировали друг друга, поэтому нас занесло не так уж далеко. За последние полтора часа мы покрыли расстояние, примерно равное тому, какое проходит «Королева» на полном ходу, скажем, за месяц.

— Тогда где же…

— Дома, — просто сказал Гефти. — Это даже смешно! Мы находимся просто по другую сторону от Ядра. Она противоположна той, откуда мы стартовали. — Он кивком головы указал на «тарелку». — Восточный квадрант Ядра, участок шестьдесят восемь. Участок Г-два позади зеленой точки — это система Эвали. Если попросим помощи, то три часа спустя к нам подойдет, чтобы взять на буксир, Межзвездный Эвали.

Керри засмеялась и заплакала одновременно.

— О, Гефти! Я была уверена, что ты сможешь…

— Но, тем не менее, попотеть пришлось изрядно! Слишком много было поставлено на карту. — Гефти вдруг подался вперед и включил передатчик. — А сейчас давай-ка послушаем последние эвалийские новости. Есть еще кое-что, что я…

Его голос медленно затих. На табло передатчика

высветилась беспорядочная и совершенно непонятная мешанина из букв и разноцветных пятен; из динамика послышалась какофония голосов, музыки и прочих звуков. Гефти покрутил ручку настройки. Табло очистилось, и на нем появилась полоса свежих новостей. Гефти прищурился на нее, скосил глаза на Керри, поморщился.

— Это кое-что, — сказал он немного натянуто, — меня также беспокоило. Похоже на то, что я был более или менее прав.

— А что такое?

— Ничего страшного, — заверил ее Гефти и добавил: — Но это лично мне так кажется. Взгляни на дату выпуска новостей Федерации.

Керри всмотрелась в табло и нахмурилась.

— Но…

— Ага.

— Да ведь это… это же почти…

— Это был тот день, — сказал Гефти, — вернее, сегодня тот день, который последовал непосредственно за датой нашего отправления из Ядра на запад Галактики. Что произошло три недели тому назад. Мы должны были только что миновать Миам. — Он подпер рукой подбородок. — Интересная мысль, не правда ли?

Керри долго молчала.

— Значит, они… то есть мы…

— О, они — это мы, будь покойна, — сказал Гефти. — Иначе и быть не может, разве не так?

— Я тоже так считаю. Это все кажется таким запутанным. Вот что я подумала… Если бы ты связался с ними по радио…

Гефти помотал головой.

— Передатчик «Королевы» не настолько мощный, но его сигнал может достичь Эвали. Через них мы можем затем выйти на КомСеть, и через десять минут или около того… Но я не думаю, что нам следует это сделать.

— Почему? — заинтересовалась Керри.

— Потому что раз уж мы благополучно выбрались из всей этой заварухи, то надо, чтобы для нас все закончилось так же благополучно. Но если мы получим сейчас то самое их сообщение и в то же время никогда не отправимся на луну Молбоу… понимаешь? Просто невозможно узнать, что из этого выйдет.

Керри выглядела неуверенной. Она нахмурилась.

— Наверное, ты прав, — наконец согласилась она с неохотой. — Значит, мистеру Молбоу так и придется оставаться мертвым. И джанандре тоже. — Через секунду она добавила: — Ну и пусть,

ведь эта парочка далеко не ангелы.

Гефти передернуло. Но не от слов девушки.

Помимо всего прочего, из бреда Молбоу он узнал истинную причину, по которой тот взял с собой в путешествие Керри и Гефти. И причина эта не допускала никаких кривотолков: нежная забота Молбоу о гастрономическом благополучии своего хозяина. Джанандра могла обходиться без пищи довольно долго, но после многолетнего поста на луне разговеться парочкой мясных закусок по дороге домой ей бы совсем не помешало.

А ведь джанандра была гурманом. Она предпочитала, как это было известно Молбоу, чтобы закуска была свежей и, даже будучи проглоченной, продолжала барахтаться и извиваться в ее желудке.

— Да уж, — сказал Гефти, — я бы тоже ангелами их назвать постеснялся — и того, и другого.

МАШЛЮДИ

В капканы, установленные вчера в степях к востоку от Землемерной Станции на планете Ледерет, попало несколько особей. Однако все они оказались достаточно известны обоим биологам из исследовательской группы. Джеслин подобрал капканы, оживил пойманных животных ружьем-возбудителем с безопасного расстояния и повернул к точке, расположенной в ста восьмидесяти километрах к северо-западу от станции. Там он снова расставил капканы на расстоянии полукилометра друг от друга. В этой местности покатые холмы были покрыты высоким лесом с обширными участками густого подлеска. Популяция животных, обитающих в этих краях, хоть чем-то, да должна была отличаться от степной.

К полудню Джеслин завершил все подготовительные работы. Он сверил новые местоположения капканов со своими картами и направил Пойнтер обратно на станцию. Джеслин был коренастым, мускулистым мужчиной. Будучи самым младшим членом группы, он совмещал обязанности психолога и сборщика образцов дикой

природы. В глубине души он предпочитал второе. На пути к участкам с капканами частенько попадались любопытные и живописные зверюшки, что доставляло Джеслину неизъяснимое удовольствие. Если такое животное представляло собой неизвестную доселе разновидность, в Пойнтере тут же возбуждался «охотничий» импульс — электронно-механический аналог охотничьей стойки, характерной для тезки Пойнтера, — живой настоящей собаки. Сам Пойнтер являлся универсальным и многофункциональным средством передвижения. Он был одинаково способен как на травлю дичи в самых густых зарослях, так и на полет обратно на станцию с пойманными животными, общий вес которых в несколько раз превышал его собственный вес, разумеется, при условии технической исправности.

День сегодня выдался небогатым на улов. Дичи-то вокруг было полно, да только Джеслин пребывал в меланхолическом настроении, что способствовало, скорее, наблюдению за животными, нежели их преследованию. Все клетки на станции были заполнены, и расставленные в новых местах капканы должны были снова их заполнить до того, как биологи закончат исследования теперешних их обитателей. Джеслин

покрыл большую часть лесного массива, скользя над ним на уровне макушек деревьев и, наконец, вышел на точку, находящуюся в двенадцати километрах к северу от станции.

Здесь преобладали засушливые почвы с растущим на них кустарником. Земля внизу была усеяна шиловидной растительностью. Пойнтер парил над кустарником; и маленькие существа, которых накрывала его тень, с легким свистом шмыгали в заросли колючек. Через некоторое время Джеслин включил переговорное устройство и щелкнул пальцем по кнопке вызова Землемерной Станции на связь. От Ледерета до ближайшей цивилизованной планеты нужно было добираться почти целый месяц. Маленькие группы, работающие на столь отдаленных планетах, принимали некоторые меры предосторожности. Это рассматривалось как нечто само собой разумеющееся. Одна из таких мер заключалась в том, что каждое средство передвижения обязано было подать перед прибытием на станцию опознавательный сигнал.

Зажегся экран монитора, и на нем появилось пухлощекое, усеянное веснушками лицо женщины лет сорока. Альд, диетолог их группы. Она мило улыбнулась Джеслину и спокойным голо-

сом промолвила:

— Привет, Джеслин! — а потом таким же ровным, невозмутимым тоном добавила: — Катастрофа, машлюди…

Экран потух.

Джеслин моментально вытянул руку, схватил рукоятку управления Пойнтером, развернул машину и погнал на предельной скорости обратно к лесу. Включив весь комплект обзорных экранов наземного и воздушного наблюдения, он с замиранием сердца быстренько просмотрел их один за другим.

В настоящий момент он не видел ничего такого, что подтверждало бы предостережение Альд.

Но слово «катастрофа», употребленное в таком контексте, могло иметь единственное значение. Станция захвачена врагом… В данной ситуации ему предстояло держаться от нее подальше, избегать пленения и помогать попавшим в беду товарищам всеми возможными средствами.

Итак, машлюди…

До того, как ее отключили от связи, Альд удалось вставить в свое сообщение только одно это слово. Джеслину был знаком этот термин. Машлюдьми именовались человеческие существа, организм которых был подвергнут

изменениям хирургическим путем и оснащен целым рядом приспособлений. Эти приспособления позволяли машлюдям действовать без опаски в такой окружающей среде, которая вызывала мгновенную смерть у обычного человека, например, в открытом вакууме, если он был лишен защиты скафандра или космического корабля. Это были люди-инструменты, люди-машины. Отсюда и произошло это сокращенное название — машлюди. Джеслину лично не доводилось слышать о последних экспериментах в области киборгизации, как по другому называлось омашинивание человека. Однако существовало приличное количество документальных свидетельств об успешно осуществленных (в той или иной степени) переходах человека в состояние человека-машины, сокращенно — челмаша.

* * *

На секунду он мысленно возвратился к донесению, полученному несколько дней назад с патрульной канонерки. Она была приписана к Ледерету для охраны сотрудников исследовательской Землемерной Станции. С кораблем связалось небольшое суденышко Ай-флота и попросило разрешения на проведение ограниченных горных

разработок на планете. После согласования этого вопроса со станцией разрешение было выдано. Ай-флотские были космическими бродягами; как правило, безобидными. Бригада же их горняков могла предоставить ценные сведения о планете, с которой она, по всей видимости, была хорошо знакома.

Корабль горноразработчиков приступил к работе на дне высохшего озера примерно в тысяче километров от станции. Машлюди, захватившие станцию, вероятно, явились с этого самого корабля. При наличии тяжело вооруженной патрульной канонерки, барражирующей вокруг планеты, это казалось невероятно дерзким поступком. До той поры, пока…

В этот момент своих рассуждений на одном из боковых экранов Джеслин заметил человеческую фигуру. На первый взгляд она показалась Джеслину полностью обнаженной. Человек был распростерт горизонтально в воздухе на высоте около полусотни метров от земли. Как подводный пловец, вытянув назад вдоль туловища руки, он приближался к Пойнтеру с правой стороны, с очевидным намерением отрезать Джеслину путь к лесу.

И для того, чтобы осуществить свой маневр, он

двигался с достаточно большой скоростью!

Некоторое время Джеслин просто таращил глаза на этакое чудо-юдо, — скорее с изумлением, нежели с тревогой. Потом он разглядел, что на летуне надеты трусы, ноги обуты в нечто вроде бутс, а в левой руке зажат какой-то темный предмет. Возможно, какое-то специальное устройство для полета. Иначе Джеслин не мог объяснить столь стремительное перемещение в атмосфере. Зато это зрелище, кажется, проясняло схему захвата станции. Горсточка полуголых ай-флотских горняков, приближавшихся к станции на своих двоих, и, на первый взгляд, безоружных, наверняка не вызвала там ни малейшего беспокойства. Посетителей, небось, даже пригласили войти.

Джеслин посмотрел на лес, видневшийся впереди по курсу следования Пойнтера, и вновь сверился с обзорными экранами. Вдали, с левой стороны, в воздухе появились еще три маленькие точки. Они вполне могли оказаться аналогичными летунами, идущими на перехват. В таком случае, чтобы добраться сюда, им потребуется несколько минут. За это время Пойнтер успеет затеряться в лесной чаще. Чтобы предотвратить подобное, челмаш справа, который был уже на подходе, очевидно, собирался атаковать в

одиночку. Джеслин подумал, что создавшаяся ситуация ему только на руку.

Он вынул из «бардачка» рулон полиэтиленовой липкой ленты, отслоил треть метра и засунул в карман. Потом похлопал по другому карману на правой стороне куртки, дабы убедиться, что пистолет, который он применял в качестве последнего средства защиты от чрезмерно агрессивных представителей фауны Ледерета, находится на месте. Затем включил парализующую пушку Пойнтера, развернул машину в широкой петле и быстро направил навстречу приближающемуся челмашу.

Тот сделал крутую «свечку» до того, как Джеслин успел взять его в прицел. Джеслин наблюдал на экранах, как летун пронесся примерно в двухстах метрах над ним и, очутившись за кормой летательной машины, вошел в пике. Джеслин развернул Пойнтер носом снова к лесу, до которого теперь оставалось не более двухсот метров, и стал набирать скорость. Он заметил, как челмаш вознамерился перекрыть оставшееся между машиной и лесом пространство, двигаясь на бреющем, почти касаясь травы. Вот до него осталось сто метров… потом восемьдесят… шестьдесят…

Челмаш выбросил вперед левую руку с зажа-

тым в ней темным предметом. Джеслин резко затормозил. Конструкторами в компьютерный разум Пойнтера была заложена программа, обеспечивающая способность моментально менять направление движения, чтобы подстраиваться оптимальным образом под тактические увертки преследуемой дичи. Он начал крутиться, как волчок. Когда атакующий летун на какой-то миг приблизился к перекрестию прицела оглушающей пушки, Джеслин плавно нажал на спуск. Челмаша задело внешним краем парализующего поля и боком унесло в сторону. Темный предмет, оказавшийся вовсе не механизмом, обеспечивающим полет, а каким-то оружием, выпал у него из руки. Обмякшее тело, переворачиваясь в воздухе, свалилось в беспорядочном падении. Ловчая сеть Пойнтера подхватила его у самой земли.

* * *

— Меня зовут Халид, — вскоре сообщил челмаш. — А ваше имя мне известно. Вполне возможно, что когда-то, в далеком прошлом, нам приходилось встречаться.

Джеслин оглядел его. Парень был пристегнут ремнем к сиденью, соседнему с креслом Джеслина. Запястья челмаша были прикреплены друг к

другу контактными путами, другая лента удерживала матерчатую повязку на глазах. Последние несколько минут он понемногу приходил в себя, и в том, что пленник заговорил, не было ничего удивительного. Но столь учтивого отношения к своей персоне Джеслин никак не ожидал.

— Если мы даже и встречались, — промолвил он сухо, — я не припомню такого случая.

Халид слегка повернул голову на его голос. Челмаш не был крупным, рядом с Джеслином он выглядел чуть ли не заморышем. Однако под кожей оливкового цвета выпирали тугие бугры мышц, говоря о недюжинной мускульной силе.

— Это только предположение, — примирительным тоном сказал Халид. — Дело в том, что нас с вами, Джеслин, угораздило закончить Ранжиерский Университет в одном и том же году. Я учился на медицинском факультете…

— Жаль, что, судя по всему, вы не стали работать по специальности, — сказал Джеслин.

— Не-ет, — энергично замотал головой пленник, — я-то как раз и работал по специальности! Я — один из результатов эксперимента по созданию машлюдей. Более того, в немалой степени благодаря мне, этот эксперимент удалось довести до столь удачного завершения.

Джеслин хмыкнул и вновь обратил свое внимание на обзорные экраны. Кажется, эксперимент и в самом деле удался на славу. Когда он вышел из машины, намереваясь высвободить Халида из цепких щупалец Пойнтера, то ожидал найти, по меньшей мере, хоть какие-то признаки кардинальных изменений в человеческом теле. Настолько кардинальных, что благодаря им человеку стал подвластен воздушный полет без аэрокаров. Но каковы бы ни были эти изменения, внешне их было не заметить. Беглый обзор нескольких предметов одежды челмаша также не обнаружил никаких устройств, объясняющих его способность к левитации. До тех пор, пока Халид своим поведением не доказал сей непреложный факт, Джеслин не был уверен, что Альд правильно определила сущность людей, напавших на станцию. Более ранние эксперименты в области киборгизации приводили к созданию таких машлюдей, в телах которых пластмасса и металл, предназначенные для выполнения различных функций, пропорционально сочетались с живой плотью.

Джеслин кинул взгляд на часы, вмонтированные в приборный щиток, проверил еще раз экраны и развернул Пойнтер в направлении

участка, обозначенного на карте строго к западу от теперешнего местонахождения. До него было всего-то каких-то три сотни километров. Когда Джеслин последние двадцать минут следовал постоянно меняющимся курсом, блуждая наугад над лесом, он неоднократно замечал на обзорных экранах летающих людей. Вполне возможно, что к настоящему времени он их потерял. Тем временем, у него в руках находился пленник, который вроде был совсем не прочь поделиться с Джеслином нужной тому информацией. Хотя бы частично.

— Сколько машлюдей на Ледерете? — спросил Джеслин для затравки.

— В настоящий момент около сорока, — с готовностью сообщил Халид. — Остальная часть нашей группы, — всего в ее составе насчитывается сто девяносто пять функциональных единиц, — находится на корабле, который уже на подходе и скоро будет здесь.

— Сто девяносто пять, — поинтересовался Джеслин, — это общее количество подвергнутых превращению в машлюдей во время вашего эксперимента?

— Не совсем. До того, как мы усовершенствовали наши методы, периодически случались

летальные исходы.

— Что предпримет ваш космический корабль, когда наткнется на патрульную канонерку?

Халид расхохотался.

— Он просто заберет к себе на борт ее команду. Что ж еще? До того, как захватить станцию, мы, естественно, взяли на абордаж канонерку.

* * *

Джеслин и раньше подозревал подобное. Во время полета через лес он трижды пытался связаться с канонеркой, но все разы безуспешно. Она не отзывалась.

— Каким образом это было осуществлено?

— Мы выследили геологоразведывательный корабль и послали им ложный сигнал тревоги, — откровенно делился подробностями Халид. — Дескать, так и так, у нас произошел несчастный случай, на борту куча раненых. Как и положено в приличном обществе, горняки тут же поспешили на помощь. Когда они подсоединили к шлюзам стыковочную трубу, мы пустили в ход газовые шашки. Причем, сразу на обоих кораблях. Мы ведь дышим не так, как обычные люди. Все было очень просто и, я бы сказал, элегантно. Но вам не стоит беспокоиться, — добавил он безмятежно, —

ни о ваших коллегах, ни об обслуживающем персонале на станции. Никто из них нисколько не пострадал. У нас не было таких намерений.

— Рад это слышать, — буркнул Джеслин совсем не радостно. — А теперь скажите мне, — в чем суть всей этой затеи с машлюдьми? Несомненно, ваш эксперимент увенчался успехом и является важным научным достижением. Если бы он проводился открыто, я бы, несомненно, о нем слышал. К чему такая секретность? И зачем… — Он сдержал себя. — Сколько летальных исходов на счету первой стадии эксперимента, когда вы только разрабатывали методику?

Немного помявшись, челмаш неохотно произнес:

— Пятьдесят два.

— Понятно. Значит, вы экспериментировали не только с добровольцами.

— Конечно, нет, — сказал Халид. — Мы как были, так и остались довольно компактной группой единомышленников. Работа явно была опасной, и до тех пор, пока порог смертельного риска не был преодолен, нас нельзя было расходовать как никчемный материал. Но мы работали тайно и ничего не публиковали до закрепления результатов нашей работы, а в итоге все, как один,

покинули цивилизацию совсем не по этой причине. В конце концов, за неудачу ранних опытов мы не обязаны отчитываться ни перед кем.

— Тогда в чем же причина? — спросил Джеслин.

— Причина — в осознании того неопровержимого факта, что машлюди, которых мы создавали, и которыми вскоре собирались стать сами, взобрались на более высокую ступень развития, чем обычные люди. Одним махом челмаш оказался полностью избавлен от четырех пятых недостатков и немощи, присущих человеческому телу. Его в перспективе ожидает значительно более продолжительная жизнь. У него более ясный ум, он в меньшей степени подвержен эмоциональным расстройствам. В физическом смысле он несравненно более продуктивен и независим от условий окружающей среды, на что никогда не станет способен обычный человек. И ведь это только начало, ибо мы находимся только на старте, мы — пионеры… Да, да, Джеслин, мы стали машлюдьми вовсе не для того, чтобы вкалывать на планетах, лишенных нормальной атмосферы, или в открытом космосе ради своей или, что скорее, чьей-то выгоды. Мы сделали такой выбор просто потому, что этот способ су-

ществования гораздо лучше и перспективнее во всех отношениях. Мы, — с гордостью произнес Халид, — представители вида Хомо Супер, люди ближайшего и отдаленного будущего рода человеческого. И поверь, Хомо Супер, Человек Превосходящий, не тешит себя совершенно идиотскими иллюзиями, будто в его рядах вскоре окажется множество всяких примитивных недоносков, у которых полно денег, чтобы заплатить за превращение в челмаша. Денежным мешкам без капли интеллекта вход в наше сообщество заказан. А также мы не собираемся предоставлять ни свои ближайшие, ни свои долгосрочные планы в распоряжение правительства. Мы — избранная каста, ею и останемся. Вот почему мы пришли к решению отделиться, отрезать себя от пуповины, соединяющей с Федерацией.

— И это, — заявил Джеслин, — оправдывает ваши пиратские действия? Можно подумать, что две сотни машлюдей-гениев не в состоянии найти в космосе задачи посложнее, чем зарабатывать на жизнь так же, как рядовые ай-флотские. Ведь горняки — всего лишь обыкновенные представители хомо сапиенс со средним, если не ниже, уровнем компетентности.

— Наша задача не ограничивается простым

грабежом станции, Джеслин. Конечно, тамошнее оборудование и персонал являются сами по себе ценной добычей. То же самое, правда, с натяжкой, можно сказать и о патрульной канонерке, и ее экипаже.

Джеслин окинул челмаша встревоженным взглядом.

— Вы имеете в виду, что персонал…

— Само собой разумеется, что персонал станции и экипаж канонерки будут преобразованы в машлюдей, — недвусмысленно поведал Халид. — Все они обладают высоко развитым интеллектом, опытом и навыками, которые мы сможем употребить на общее благо с большей пользой. Их согласие на операцию не потребуется. Должен сразу сказать: не все из тех, кто стал челмашем, подверглись преобразованию по своей воле. Однако их протесты сразу же прекратились, как только перед ними стали во весь рост преимущества нового состояния. Они ведь испытали дополнительные возможности на себе! И теперь так же преданы нашей группе и ее целям, как и все остальные. И вы, Джеслин, станете таким же.

* * *

И вот тогда Джеслин ощутил приступ холодной ярости. Трескучая пропагандистская болтовня Халида, конечно, была классическим образчиком промывки мозгов и не более того. Но ведь развернутая челмашем картина будущей экспансии машлюдей могла быть и реализована…

— Наши планы простираются гораздо дальше, — тем временем продолжал челмаш, поскольку считал Джеслина если не завербованным, то достаточно продвинутым в интеллектуальном смысле, чтобы смириться с запланированной для него участью. — Этот вопрос рассмотрен всесторонне и подготовлен со всей тщательностью. Вслед за своим преобразованием в замечательного образца новой расы вы немедленно возобновите свою работу на Ледерете. Как ни в чем не бывало. Все останется по-старому. Вы, как и прежде, будете отсылать благоприятные отчеты о Ледерете в Ядро Звездного Скопления, в свое министерство. Не позже, чем через год, его руководством будет принято решение приступить к подготовительным работам по колонизации планеты…

— А вам-то какая корысть? — не удержался

Джеслин.

— Этого мы как раз и добиваемся. Во-первых, сюда будут поставляться новейшее оборудование и провиант в таких масштабах, какие при иных условиях были бы недоступны такой маленькой группе, как наша. Во-вторых, на Ледерет непременно направят ученых и инженеров, из которых будет несложно отобрать новых членов нашего сообщества, чтобы достойно расширить его состав. Мы будем трудиться осторожной неприметно, а когда придет срок, эта планета навсегда окажется потерянной для Федерации. Зато на ней в избытке будет все необходимое, чтобы основать нашу собственную колонию, колонию машлюдей.

Помолчав немного, потрясенный Джеслин все же нашел в себе силы спросить у собеседника напрямик:

— Очень занимательно, спору нет, но зачем вы мне все это рассказываете?

— Чтобы дать вам ясно понять, — заявил челмаш безапелляционно, — мы просто не можем допустить, чтобы тот, кто знает о нас и о наших намерениях, оставался на свободе. Вероятность того, что, когда сюда начнут прибывать грузы из Ядра, вы будете пребывать в прежнем качестве

недочеловека и сможете вмешаться в осуществление наших замыслов, может оказаться хоть и небольшой, но мы все равно обязаны принять ее в расчет. Сегодня утром мы управились с каждым вторым из изыскательской группы. При необходимости мы способны выделить все наличные средства, включая резервы, исключительно на то, чтобы целыми месяцами напролет охотиться за вами и только за вами.

— Ага, — торжествующе сказал Джеслин, — теперь до меня наконец дошло. Вы предлагаете мне капитулировать!

— Как вам будет угодно, — согласился Халид. — Но в первую очередь я взываю к вашему благоразумию. Вам предоставляется возможность добровольно принять участие в одном из величайших событий в истории человечества. Если отвергнете эту перспективу, то вам, возможно, не удастся избегнуть трагической кончины.

— В настоящий момент, — мягко промолвил Джеслин, — один из активнейших и, насколько я могу судить, красноречивых членов вашей группы содержится у меня в заложниках.

Халид протестующе замотал головой, облепленной липкой лентой.

— Никто из нас не имеет столь большого зна-

чения, чтобы ради него группа пожертвовала своими интересами. Разумеется, тот факт, что я являюсь вашим пленником, не останется без самого пристального внимания. Но при необходимости нам обоим суждено умереть.

Взгляд Джеслина упал на штурманскую карту над щитком. Несколько секунду он изучал по ней путь следования.

— Ну что ж, не буду дискутировать с вашими утверждениями, что жизнь в ипостаси челмаша несравненно лучше, чем жизнь простого смертного, и что в будущем все человечество превратится в сообщество машлюдей. Возможно, и то, и другое — верно. Но лично мне, — в голосе Джеслина зазвучали металлические нотки, — претят лишь ваши способы достижения этих целей.

— Мы прибегаем к крайним мерам лишь вследствие суровой необходимости, — попытался придать бесчеловечной доктрине хоть какую-то легитимность Халид.

— Ладно, над этим я еще подумаю. Теперь, когда вы, насколько я понял, полностью исчерпали доводы в пользу своих воззрений, я буду крайне признателен, если вы немного посидите молча.

Челмаш улыбнулся, пожал плечами и затих.

Через несколько минут Джеслин замедлил ход Пойнтера. Впереди виднелась долина с петляющей по ней широкой поймой реки. Дальнейший курс пересекал реку. На другом берегу тоже возвышался лес. Однако между этим лесным массивом и зарослями, над которыми сейчас этаким грузным колибри завис Пойнтер, располагалось открытое пространство, простиравшееся, как минимум, на полкилометра.

Джеслин то и дело посматривал на обзорные экраны. Он был уверен, что его не преследуют. Даже челмаш-одиночка не смог бы «висеть на хвосте» у виляющего между деревьями на большой скорости Пойнтера без того, чтобы хотя бы разок не попасть в зону обозрения навесных телекамер. А вот открытое небо — другое дело. Чтобы проверить, не снуют ли там машлюди, Джеслину пришлось бы поднять аппарат над кронами деревьев. Но и без того он и так догадывался, что наверху и немного впереди парят и реют машлюди.

Джеслину необходимо было перебраться за реку до того, как охота за ним примет организованный характер. Сейчас для этого представилась лучшая возможность. Между стволами деревьев и подлеском уже просвечивали залитые солнцем

участки долины, и он решил, крадучись, подобраться к ближайшей опушке, а затем, если не будет заметно на небе наблюдателей, сделать стремительный рывок через открытое пространство. Да, Джеслин отдавал себе отчет: будет очень плохо, если его заметят, но, как только машина доберется до леса по ту сторону долины, он сможет снова затеряться среди буйной растительности…

В этот момент Халид издал слабый краткий всхлип. Джеслин взглянул на него и увидел, что лицо челмаша исказилось в напряженной гримасе. С ним явно происходило что-то неладное. Немедленно, не успев даже окончательно осознать свои действия, а, подчиняясь лишь неясному инстинкту, Джеслин развернул Пойнтер прочь от долины и, поддав скорости, направил машину обратно в лес.

Позади него с жутким треском стали валиться деревья. На экране заднего обзора он увидел нечто, следующее за Пойнтером и сметающее все на своем пути… Вертикальный смерч пяти метров в поперечнике, состоящий из кустов, вырванных с корнем и сломанных древесных стволов. Все это вращалось в воздухе и тут же расстреливалось лучом энергомета. Следом за

смерчем рассыпалась веером целая группа летунов.

Добравшись до более густых зарослей, Джеслин повернул налево и сотню метров гнал Пойнтер перпендикулярно своему прежнему курсу, прижимая аппарат к самой земле. Затем он резко вильнул вправо. Примерно с минуту на экранах он ничего не видел, кроме лесной чащобы, через которую продиралась его машина. Затем промелькнули два челмаша, снуя между стволами деревьев повыше подлеска. Рев луча энергомета, до этого на некоторое время поутихший, возобновился с новой силой. Пойнтер метнулся в соседнюю чащобу.

— Бесполезно, Джеслин! — выкрикнул Халид. — Мои товарищи вас обнаружили, и теперь вам не уйти!

* * *

Некоторое время казалось, что челмаш прав. И, тем не менее, летуны оказались не в состоянии состязаться с Пойнтером, когда он удирал через лес. Как только они спускались ниже крон деревьев, и Джеслин начинал увертываться от них в разные стороны, машлюди сразу же отставали и вскоре исчезали из виду. Однако они могли вновь

подняться вверх. Там, в открытом воздушном пространстве, не скованные препятствиями в виде многочисленных ветвей, они имели явное превосходство в скорости, и пользовались этим вовсю. Джеслин не имел понятия, каково общее количество загонщиков, но добрую половину времени ему приходилось пребывать в поле зрения кого-нибудь из них.

А за летунами следовали энергометы. Вдогонку за Джеслином увязались, по меньшей мере, две машины, ведомые летучими корректировщиками. Время от времени раздавался надсадный рев смертоносного луча, кромсающего растительность при очередной попытке прорваться к Пойнтеру, а затем вдруг с противоположной стороны почти одновременно с первым появлялся второй энергомет. Один раз Пойнтер чуть не врезался прямо в один из потрескивающих штабелей поваленного леса. Когда машина увернулась-таки от столкновения, ее тряхнуло так, словно она вот-вот развалится на части, а Халид отозвался на это происшествие, едва не ставшее трагическим, тем, что хрипло вскрикнул.

Но вот вновь наступила тишь да гладь, и Пойнтер ринулся вперед, наверстывая упущенное. Прошла минута, за ней другая, третья… — пре-

следователей на экранах не было видно вообще. Внезапно внимание Джеслина привлек овраг впереди — узкая пойма какого-то высохшего водоема. Он заставил аппарат нырнуть в этот овраг и примерно с четверть километра летел вдоль него, пока тот плавно не перешел в глубокое скалистое ущелье, почти закрытое сверху густым подлеском. Здесь он затормозил машину.

Числовое табло на приборном щитке показывало, что с тех пор, как аппарат влетел в долину, прошло двенадцать минут, — а ему показалось, что бегство от энергометов длилось чуть ли не час.

Джеслин вытер вспотевшие ладони о рабочие штаны, бегло взглянул на съежившегося Халида. Особого удовлетворения, что от этой безумной гонки больше досталось челмашу, а не ему, он не почувствовал.

— Ну, а теперь говори, — сказал он отрывисто, — если тебе жизнь дорога. Что происходит?

Халид выпрямился. Прямо скажем, с ответом он не спешил. Наконец челмаш осторожно заговорил, очевидно, изо всех сил стараясь вернуть самообладание:

— Сразу же после того, как мы обезвредили станцию, некоторым членам вашей исследова-

тельской группы были введены препараты, под воздействием которых человек говорит правду, одну только правду и ничего, кроме правды. Затем их допросили. Они сообщили нам о радиопередатчике большого радиуса действия, которым, в случае опасности и, в частности, нападения враждебных сил, надлежало воспользоваться и послать сигнал о помощи. Когда вас, Джеслин, таким образом предупредили об опасности, и вам удалось бежать, было высказано предположение, что вы постараетесь направиться в то место, где вы и были в итоге обнаружены. Передатчик был найден и сейчас, естественно, находится под охраной. А мы с вами наткнулись на группу машлюдей, которая сторожила наиболее вероятный маршрут вашего следования.

Рассказ пленника привел Джеслина в ужас. По правде говоря, он никак не ожидал, что машлюди столь молниеносно раздобудут информацию о передатчике. Ведь этот секрет был единственной возможностью разрушить их планы!

Взяв себя в руки, он спросил твердым, по возможности, голосом:

— Откуда взялись автоматические энергометы?

— Они входят в снаряжение нашего корабля.

Машины были отправлены заранее, чтобы способствовать вашей поимке.

— Какая поимка?! — невесело усмехнулся Джеслин: — Да если бы Пойнтер хотя бы чуть-чуть задело даже краем луча, — сказал он, — то нас, как пить дать, пришлось бы соскабливать с деревьев! Вы были правы, говоря о своих единомышленниках, что их нисколько не заботят судьбы тех, кто встает у вашей группы на пути. — Он увидел, как потемнели щеки Халида под повязкой, и добавил: — А ведь непосредственно перед тем, как энергометы на нас напали, вы узнали об их приближении. Отсюда можно сделать вывод: в ваши тела, машлюди, встроена некая система связи…

Помявшись, Халид вынужден был признаться, что так оно и есть.

— Как она действует?

— Я мог бы попытаться описать ее основные характеристики, — промолвил Халид, — но был бы понят лишь другим челмашем. Чтобы научиться пользоваться нашей коммуникацией, необходимо испытать ее действие на себе.

— В любом случае, — сказал Джеслин, — вашим друзьям известно, что мы остановились и сели в каком-то месте.

Халид энергично помотал головой.

— Я им об этом не сообщил.

Лицо пленника исказила неуверенная ухмылка.

— В конце концов, Джеслин, я ведь тоже предпочитаю остаться в живых… и не вижу ни одной причины, по которой мы оба должны умереть. Вы в данный момент ни на что уже неспособны. Вы дезорганизованы, поскольку вам было наглядно продемонстрировано энергометами, какая вас ожидает жизнь, если постоянно будете находиться в бегах. Сами понимаете, группа не прекратит охоту за вами, пока не поймает. Можете оценить оставшиеся на вашу долю шансы. Но стоит только согласиться со мной — прямо сейчас, — и все закончится для вас вполне благополучно. Еще есть время.

Он говорил все более настойчиво, и в его голосе заметно нарастала тревога. Джеслин молча разглядывал пленника. Язык Халида молотил, как заведенный. А ведь он боится, внезапно понял Джеслин. Боится куда больше, чем следовало ожидать от челмаша в сложившейся ситуации. Вдруг у него самого побежали мурашки по спине. Хотя здесь, на дне узкой теснины, обзорные экраны ничего опасного не показывали.

Джеслин спокойно протянул руку и включил

оглушающую пушку Пойнтера.

— Джеслин…

Джеслин не откликнулся.

— Джеслин, времени совсем не остается! — ломким от отчаянья голосом воскликнул Халид. — Признаюсь, я сказал тебе не всю правду. Я ничего не могу утаить от группы. Мозг каждого из нас напрямую связан с мозгами остальных членов группы. То же самое можно сказать и обо всей нервной системе. Наша связь друг с другом осуществляется не чисто механическим путем. Действия каждого из нас сравнимы с действиями ячеек, интегрированных в единый коллективный разум. Мои товарищи знают, что вы прячетесь где-то в этой местности, и продолжают вас искать. В любой момент…

Джеслин задрал нос Пойнтера кверху и выстрелил из пушки. Парализующее поле пробило себе путь наверх по ущелью, аппарат мчался вслед за ним. Человеческие фигурки обессиленно закружились между деревьями, словно опадающие по осени листья, и что-то прогромыхало по дну ущелья в направлении того места, где за секунду до этого прятался Пойнтер.

И опять началась сумасшедшая гонка…

Целую вечность спустя Джеслин понял, что ему

и во второй раз удалось оторваться от погони. Пойнтер продолжал нестись вперед совершенно прямолинейно, держась, по мере возможности, ниже крон деревьев. Открытые поляны и русла притоков он преодолевал одним махом, без заминок. Один раз на экранах показалась парочка уже привычных человеческих силуэтов, нарезающая по восходящей круги в небе. Было ясно, что это могут быть только машлюди, и он снова увел аппарат под покров леса.

Потом в моторный отсек Пойнтера что-то врезалось сзади. Толчок был не слишком сильный, и Джеслин не пострадал. Он резво развернул аппарат на сто восемьдесят градусов, благо маневренность позволяла, и заметил фигуру, которая улетала прочь, укрываясь за стволами деревьев. Оглушенная выстрелом из пушки, она закрутилась, как волчок. Джеслин развернулся обратно и снова бросился вперед. Через минуту по лесу прокатился отдаленный треск, потом все стихло.

И все-таки столкновение в воздухе не осталось без последствий. Корпус Пойнтера в какой-то момент стал дрожать, будто нарушилась целостность кузова, и вскоре показатель скорости упал почти до нуля. Покусывая губу, Джеслин взглянул на карту с указанием своего местонахождения.

Мышцы рук ныли от усталости, а его самого трясло от напряжения. Он поймал себя на том, что мысленно побуждает машину двигаться дальше («ну, милая, давай, чего тебе стоит!») и, фыркнув, посмеялся над самим собой.

Потом в просвете между деревьями, прямо по курсу, заструился теплый солнечный свет. Джеслин достал из-под приборного щита сложенный черный колпак и положил рядом с собой. Склонившись над пленником, он расстегнул предохранительный ремень. Челмаш съехал на бок. Рот его шевелился, как будто он что-то непрерывно говорил, но ни единого звука не было слышно. По всей видимости, Халид пребывал в нервном шоке или еще в каком-то состоянии, характерном исключительно для машлюдей.

Джеслин посадил Пойнтер на траву и выключил натужно работающий двигатель. Потом накинул на голову приготовленный черный колпак. Нижняя кромка своеобразного головного убора легла ему на плечи, образуя нечто вроде капюшона. Изнутри колпак был прозрачным. При разглядывании предметов их контуры поблескивали, словно хрустальные.

Джеслин вынул из кармана пистолет, распахнул боковую дверцу и спрыгнул на землю.

Впереди через залитую солнцем прогалину что-то прошмыгнуло между кронами деревьев. Две стрелы, пущенные Джеслином, полетели вслед, вспарывая по пути листву. Джеслин всунулся обратно в кабину Пойнтера и выдернул Халида за руку из машины. Развернув подрагивающего челмаша, Джеслин трусцой устремился к участку открытой земли, до которого было с полсотни метров, тычками погоняя Халида впереди себя.

— Джеслин, ради всего святого, — хрипло взмолился тот.

— Да пошевеливай резвее копытами, сверхчеловек! Еще секунда — и на нашу машину науськают энергомет!

Он почувствовал, что тело челмаша вдруг стало легче толкать, и предупредил:

— Только не вздумай бежать или взлететь! Продырявлю тебе башку еще до того, как успеешь оторваться от меня хотя бы на десять метров!

— Да ты просто рехнулся! Теперь тебе не уйти!

В этот момент у них за спиной взрыкнул алчный луч энергомета. Халид заорал, но продолжал исправно двигаться вперед. Спотыкаясь и падая, они все-таки выбрались из густых зарослей на широкую поляну, залитую солнечным светом. Проворные фигурки машлюдей метались над

верхушками деревьев по ту сторону поляны, в двухстах метрах от них. Джеслин содрал повязку с глаз Халида, опять схватил его за руку, и они припустили изо всех сил вперед по прогалине.

Где-то из ее середины донесся низкий монотонный звук, на какое-то мгновение приковавший к себе внимание. Словно в колокол ударили, а откуда на этой планете он мог взяться? Джеслин остановился, отпихнул пленника подальше от себя. Челмаш кувыркнулся вперед и поднялся на ноги, качаясь из стороны в сторону, как пьяный. Колокольный звон повторился, Халид повернул голову в ту сторону, откуда он раздался, и застыл как изваяние.

Вот оно, подумал Джеслин, начинается…

И «оно» началось.

Под защитным колпаком происходящее привычно воспринималось Джеслином, как застилающая взор пелена, которая, вибрируя, вызывала легкое головокружение. А снаружи колпака, из капкана, спрятанного в середине поляны, волна за волной исходило мощное излучение. Оно приводило в замешательство и оцепенение любой живой мозг, который оказывался в зоне его воздействия. С каждой секундой интенсивность излучения возрастала.

Через десять секунд давление прекратилось.

Халида качнуло, и он медленно осел на землю.

С неба стремглав спикировала человеческая фигура. Несколько раз перевернувшись в воздухе, она на полном ходу врезалась в верхушки деревьев за прогалиной.

Что-то прошлось по зарослям позади Джеслина, с шумом разрыхляя землю и отбрасывая за собой настоящим фонтаном грунт, древесные обломки и прочий мусор. Шум перемещался слева направо и через какое-то время затих в отдалении. Подобное громыхание слышалось из леса с южной стороны. Оно тоже мало-помалу стихло. Это неуправляемые энергометы продолжали свою работу.

Джеслин наблюдал, как сверху один за другим планировали к земле в свободном падении другие машлюди-летуны.

Он прошел вперед, подхватил своего попутчика под мышки и выволок его из зоны действия капкана-мозгодава, который, как только вблизи от него появлялся двигающийся объект с размерами, достаточными для срабатывания механизма запуска, включался автоматически.

Джеслин сомневался, что обнаружит хотя бы обгоревший остов Пойнтера. Однако лучи не

добрались до него, пройдя мимо летательного аппарата в каких-нибудь пяти или шести метрах. Уже приблизившись к машине, Джеслин услышал доносившийся из кабины сигнал вызова на связь. Он поспешно опустил Халида на землю, забрался в кабину и включил прибор связи.

На экране возникло лицо Гованта, геофизика группы.

— Джеслин, — спросил он с напором, — что за чертовщина творится?! Машлюди, захватившие станцию, только что попадали, как подкошенные! Все до последнего, в одно мгновение. Альд утверждает, что это все каким-то чудесным образом подстроил ты. Они все живы, только потеряли сознание.

— Да, я в курсе, — невозмутимо сказал Джеслин. — И вот что предлагаю вам сделать немедленно: разоружите их всех и заприте в одном из вольеров.

— Естественно, — раздраженно промолвил Говант, — этим мы займемся в первую очередь! Мы что, по-твоему, законченные кретины, что ли? Только вот…

— Если вы не законченные кретины, — ядовито произнес Джеслин, — то, наверное, догадались послать экстренные сигналы о помощи всем

военным соединениям, которые находятся поблизости?

— О чем речь? Конечно, догадались! — Говант скосил глаза в сторону и добавил скороговоркой: — Кажется, кто-то уже откликнулся! Но прежде, чем подойдет помощь, может пройти целая неделя, а у машлюдей имеется космический корабль, который…

— По этому поводу можете не беспокоиться, никаких проблем не будет, — сказал Джеслин. — И вот что — вышлите-ка ко мне сюда, координаты сейчас сообщу, несколько грузолетов. У меня скоро должно накопиться порядочное количество вышедших из строя машлюдей. Их необходимо переправить на станцию и, пока они не оправятся от шока, рассадить по клеткам.

Говант изумленно уставился на Джеслина.

— Послушай, а что все-таки ты с ними проделал?

— Ну, — сказал Джеслин скромно, — ничего особенного. Да и что я мог, младший член исследовательской группы, сборщик образцов дикой природы?

— Только не надо прибедняться! Ведь ты у нас еще и психолог.

— Вот-вот, — подхватил Джеслин, — это ты в

самую точку угодил! Руководствуясь чисто психологическими соображениями, я, можно сказать, просто выкрутил «пробки» у них в мозгах. Мне удалось завести в гипношоковый капкан одного из машлюдей, а поскольку я до этого выяснил, что они все — как бы ячейки одного коллективного разума, то через этого челмаша импульс шандарахнул и по всем остальным. Подробности — по прибытии на базу. Сейчас они все парализованы. Через несколько часов они вновь должны обрести способность двигаться, но в течение многих дней после этого они не смогут предпринять ни одного осмысленного действия без посторонней помощи. К этому времени мы загоним в стойло последнего челмаша.

Когда Говант отключился, Джеслин спустился из Пойнтера на землю и направился к несчастному Халиду. По дороге он обдумывал слова, с которыми обратится к челмашу, чтобы тот в добровольно-принудительном порядке и в самые сжатые сроки обеспечил:

а) отключение бесцельно слоняющихся по лесу энергометов;

б) сбор и складирование в одном месте контуженых летунов;

в) послушный перевод на планетную орбиту

захваченной ими патрульной канонерки и своего космического корабля.

ИНЫЕ ПРИЗНАКИ СХОДСТВА

Доктор Хальдер Леорм внезапно почувствовал острое покалывание в запястье, которым давало о себе знать сигнальное устройство под его наручными часами. Он не спеша отвернулся от чашечки Петри с изучаемой им культурой, зашел, минуя лаборанта, в комнату для облучения и закрыл за собой дверь. Сняв прибор с запястья, он убрал с него заднюю крышку и поднес к глазам.

Как оказалось, он заглянул к себе домой — в квартиру, которая находилась в другом районе огромного орадского города Дрейса — в противоположной стороне от лаборатории. Итак, в нескольких шагах от входной двери жилища Леорма на ковровой дорожке лежал навзничь человек. Глаза закрыты, лицо сильно покраснело от прилива крови. Он явно находился без сознания. Хальдер Леорм поджал губы. Человек на ковре был ни кто иной, как доктор Аттео, его новый ассистент, получивший назначение в лабораторию только на этой неделе. Позади Аттео входная дверь с лифт-площадки для доставки жильцов по квартирам и вход в автопорт были распахнуты

настежь.

С натренированной ловкостью, вращая одним пальцем колесико крошечного видового сканера, Хальдер Леорм просмотрел другие участки дома, завершив обзор автопортом. В нем стоял пустой аэрокар. Никого поблизости видно не было.

Хальдер вздохнул, нацепил прибор обратно на запястье и глянул в настенное зеркало. Лицо было бледным, однако выглядело достаточно спокойным. Выйдя из комнаты для облучения, он нахлобучил шляпу и сказал лаборанту:

— Совсем забыл вам сказать, Риф: мне придется снова отправиться в вояж по центральным лабораториям.

Риф, крупный рыжеволосый молодой человек, посмотрел на доктора с некоторым удивлением.

— И хватает же у людей совести каждые два дня посылать вас через весь город! — заметил он. — Чей узел собираетесь распутывать на этот раз?

— К сожалению, меня об этом не уведомили. Скорее всего, что-то срочное, и они хотят знать мое мнение по этому поводу.

— М-да, это уж как водится! — Риф почесал в затылке и оглядел аккуратный ряд чашечек Петри. — Вообще-то, я и сам могу управиться, даже если Аттео и не придет. Вернетесь к вечеру,

доктор?

— Я не стал бы так далеко загадывать, — улыбнулся Хальдер. — Вы же знаете эти совещания, как они обычно проходят.

— Ага. Ну ладно, доктор Леорм. Если я вас до завтра не увижу, передавайте от меня привет вашей очаровательной супруге.

Хальдер, стоя на пороге, улыбнулся в ответ.

— Обязательно передам, Риф!

Он закрыл за собой дверь и направился к выходному уровню гигантской фармацевтической фабрики. Поведение Рифа не давало повода усомниться в его естественности. Если доктор Аттео на самом деле являлся федеральным агентом, занятым слежкой за доктором Хальдером Леормом (что очень походило на правду), то коллеги Хальдера, очевидно, не были в восторге от этого факта. Тем не менее, решил Хальдер, он должен немедленно предупредить Килби. Было вполне вероятно, что его попытаются арестовать прямо в стенах здания.

Он вошел в первую попавшуюся по дороге будку КомСети. и набрал рабочий номер телефона Килби. Его жена работала в конторе одного из крупнейших домов моды в «спальном» районе Дрейса. У нее был собственный кабинет, что на

данный момент было как нельзя кстати. Перед ним на экране почти сразу же появилось молодое лицо с мягкими чертами, украшенное серыми глазами. Она улыбнулась, будучи приятно удивлена неожиданным звонком мужа.

— Привет, Хальдер!

— Привет, Килби… Надеюсь, ты не забыла?..

На лице Килби появилось вопросительное выражение.

— О чем?

— О том, что мы сегодня обедаем у Хасмина.

Хальдер молча наблюдал, как быстро бледнеют щеки Килби.

— Ну, конечно! — прошептала она. — Я и в самом деле забыла. Замоталась тут и… Я прямо сейчас выхожу! Договорились?

Хальдер улыбнулся. Первое потрясение прошло, и теперь его жена сможет держать себя в руках. В конце концов, они ведь оба самым детальным образом подготовились к тому самому дню, когда на них обоих пало, хоть и не окончательно, подозрение властей Федерации.

— Ну, вот и отлично, — сказал он. — Я звоню из лаборатории и сейчас выйду… — он выдержал едва заметную паузу, — если меня не задержат. В любом случае, встретимся у Хасмина примерно

через двадцать минут.

Большие глаза Килби на мгновение сверкнули. А что, если Хальдер попадется? В соответствии с планом, разработанным на этот случай, ей придется выпутываться самой. Такой у них был уговор. Она одарила мужа ослепительной улыбкой.

— Так я заслужила прощение за свою забывчивость, дорогой?

— Вне всякого сомнения, — улыбнулся в ответ Хальдер.

* * *

Вахтеры на проходной Хальдеру были совсем незнакомы. Тем не менее турникет с удостоверяющим личность сканером он миновал беспрепятственно, явно не вызвав интереса к своей персоне. Слева, за турникетом, размещались широкие, открывающиеся внутрь ворота, ведущие к станции метро. Его аэрокар находился на крыше здания, на служебной автостоянке, но план побега заставлял Хальдера с Килби отказаться от личных машин. Они более, чем вероятно, могли оказаться ловушками. Поэтому на первом этапе супруги решили пользоваться только услугами общественного транспорта. Хальдер

зашел на станцию, подошел к забронированной им ранее ячейке камеры хранения и вынул оттуда два свертка. В одном находились полная смена белья и запасной костюм, а также зеркало. В другом — медицинский бокс с полудюжиной запечатанных пробирок, в которых хранились законсервированные культуры микроскопической жизнеформы специальных видов, о существовании которых фармацевтическая фирма, где работал доктор Хальдер Леорм, не подозревала так же, как и о методике, с помощью которой они были открыты.

Доктор отнес свертки в упомянутую выше будку КомСети и заперся там, отгородившись от внешнего мира опущенными жалюзи. Затем быстро скинул одежду. Открыв первую из пробирок, он погрузил в нее иглу шприца и, наблюдая за собой в зеркале, сделал тщательно выверенную по объему инъекцию в каждую щеку. Отложив в сторону иглу со шприцем, он открыл следующий контейнер, зная, что в его организме уже началась бурная белковая реакция.

Три минуты спустя из зеркала смотрел на него смуглый незнакомец с резко очерченными скулами, мощной челюстью, мясистым носом, слегка раскосыми глазами и седеющей шевелюрой.

Хальдер избавился от зеркала, от одежды, которую снял, и от содержимого бокса. По окончании работы по изменению внешности промежуточного хозяина чужеродные организмы, которые произвели перестройку и теперь кишмя кишели в его кровеносной системе, были взяты вегетативной системой Хальдера под неусыпный контроль, поскольку дальнейшая их деятельность могла привести к серьезным заболеваниям и даже к летальному исходу.

Вскоре он вышел из метро на городской окраине, оказавшись на уступе одного из отелей, на высоте сорока этажей от уровня улицы. Он не стал высматривать Килби, или, вернее, ту женщину, в которую должна была превратиться Килби по дороге сюда. Согласно плану, он должен был появиться первым, убедиться, что за ним не было «хвоста», а затем проверить, не следует ли кто-нибудь за его женой.

Килби появилась ровно через пять минут. Теперь она выглядела немного более приземистой дамой, чем раньше, и была лет на десять моложе Хальдера при его теперешней внешности, такая же смуглая, как и он. Расовые признаки внешности обоих были схожи. Подойдя к нему, она сверкнула белозубой улыбкой, кокетливо

посматривая на Хальдера темными вишнями своих глаз.

— Я не заставила тебя, дорогой, долго ждать? — спросила она.

— А сама ты как думаешь? — дружелюбно проворчал Хальдер. — Давай поймаем такси — и вперед. Следом за тобой из метро никто не выходил.

Килби понимающе кивнула.

Она помнила, что оглядываться нельзя. Когда они стали спускаться по ступенькам к выстроившимся в линию аэрокарам-такси, она принялась многословно рассказывать о неком придуманном событии, убедительно играя роль простушки, которую подцепил импозантный фат. Золотистые волосы, высоко поднятые на затылке, волнующе колыхались при ходьбе. Трудно было придумать более глубокий контраст по сравнению с той стройной сероглазой женщиной с неброской внешностью, с каштановыми волосами, мягко ниспадающими на плечи, с которой Хальдер разговаривал всего двадцать минут назад.

Он подумал, что уже одна только маскировка вполне позволит супругам оставаться неопознанными в Дрейсе.

Однако план требовал сделать гораздо больше.

Слишком много было поставлено на карту.

Не прерывая своей болтовни ни на секунду, Килби первой юркнула в салон такси.

Когда Хальдер захлопнул за собой дверцу, тем самым приведя в действие наружную непроницаемость лобового стекла, Килби молча отключила прибор связи, перегнувшись через спинку переднего сиденья, соседнего с водителем. Затем она упала на заднее сиденье рядом с Хальдером, покусывая губу. Голова водителя свесилась на бок, как будто он заснул. Потом бедняга медленно сполз по сиденью и скрылся у Хальдера из виду.

— Покончила с ним мгновенно, не так ли? — спросил Хальдер, включая управление такси с пассажирского места.

— Угу! — Килби открыла косметичку, стряхнула туда с левой ладони маленький пистолетик и коротко пожала руку мужу.

— Ты поведешь машину, Хальдер, — сказала она. — У меня настолько взвинчены нервы, что я могу закричать! Я напугана до смерти! Что случилось?

* * *

Хальдер поднял такси с уступа, и машина стала набирать высоту.

— Мы оказались правы, догадавшись насчет истинных намерений доктора Аттео, — начал он с места в карьер. — Полчаса назад мой ассистент попытался проникнуть в наш дом и, заметь, в наше отсутствие. Придется признать, что он Федеральный агент. Входной капкан его нокаутировал, но это, возможно, лишь подольет масла в огонь. До этого Федеральные власти еще были не готовы произвести наш арест, но теперь они, безусловно, отбросят все сомнения. Нам надо поспешать, если мы намерены опередить коллег Аттео.

Килби прерывисто вздохнула.

— Ты предупредил Рейна и Сантин?

Хальдер кивнул.

— Я послал сигнал тревоги на их столичную квартиру через КомСеть, поскольку посчитал, что в сложившихся обстоятельствах не стоит делать персональный звонок. По моим расчетам наши друзья успеют упаковать вещи и добраться до ранчо до нашего приезда. Там мы и обрисуем им все в деталях.

— Ты перезарядил капкан у входа в дом?

Хальдер притормозил такси и свернул над Дрейсом на одну из центральных магистралей, пересекающих город из конца в конец.

— Нет, — сказал он. — Выведение из строя еще нескольких Федеральных агентов ничего хорошего нам не сулит. Пройдет восемь или девять часов прежде, чем Аттео сможет членораздельно говорить, а к тому времени, при любом стечении обстоятельств, нас на планете уже не будет.

Смуглая женщина, которой была Килби, с дьявольским роем микрофлоры внутри организма, который тоже находился под контролем, взглянула на мужа и произнесла голосом Килби:

— Хальдер, ты полагаешь, нам стоит продолжать поиски остальных?

— Ну, конечно, зачем же останавливаться?

Килби, приподнявшись, произнесла:

— На то, чтобы найти меня, у тебя ушло около трех месяцев. Четыре месяца спустя мы узнали, где находится Рейн Рейлис… и Сантин — почти в одно и то же время. С тех пор мы тратим время впустую. Прошло полтора года, а нас столько же и осталось.

Она замолчала. Хальдер тоже молчал, зная, что она с трудом сдерживала чувства. Через некоторое время Килби продолжила:

— Остается найти тысячу двести, рассеянных по тысячам обитаемых планет. Большинство из них, вероятно, прячется, как прятались и мы. А

тут еще легавые Федерации по нашему следу по пятам идут… Даже если нам удастся скрыться на этот раз, каковы шансы, что мы успеем связаться со всей группой по истечении срока?

Хальдер терпеливо произнес:

— Это трудно, но возможно. Из прошедших полутора лет мы были вынуждены потратить основную часть времени на сбор информации, изучая отдельные нюансы сложного функционирования этой гигантской цивилизации. Мы проделали огромную работу, о масштабах которой наши менторы на Калечи либо сами не догадывались, либо решили от нас утаить. И мы не так уж плохо справились с этой работой, Килби. Теперь у нас есть методика, по которой можно руководить исследовательской группой. Девятнадцать часов в космосе — и мы на другой планете, снова в подполье, с измененной внешностью. С какой стати нам отказываться от нашего плана до тех пор, пока…

Килби прервала мужа, продолжив его интонацию:

— До тех пор, пока в один прекрасный день мы не услышим, что на планетах Федерации человеческие существа вымирают целыми миллиардами?

Хальдер внимательно следил за дорогой.

— До этого дело не дойдет, — покачал он головой.

— Не дойдет? Ты так в этом уверен? — спокойно спросила Килби.

— Ну, хорошо, — сказал Хальдер. — Что в таком случае прикажешь делать? Явиться с повинной?

— Я уже думала об этом.

— Да, конечно! Сдаться властям, чтобы они располосовали нас в лабораториях Федерации на части и физически, и психологически! — Хальдер покачал головой. — Не забывай, мы для них — существа с планеты Калечи… этакие монстры. Даже если мы добровольно раскроем наше инкогнито, они подумают, что это какая-то уловка с нашей стороны. Дескать, нам стало ясно, что нас все равно поймают… и все такое прочее. Думаю, особой милости от них ждать не приходится. Не-ет, если уж нам и суждено потерпеть неудачу, мы постараемся, чтобы Федерация получила соответствующее предупреждение. Но только не за счет наших собственных жизней, естественно, пока это возможно. — Он встревоженно посмотрел на жену. — Килби, нам ведь не впервой проходить через это.

— Да, я знаю. — Она закусила губу. — Наверное,

ты прав.

Хальдер вывел такси из транспортного ряда и развернул по направлению к верхушке высокого здания, находившегося в трех километрах по левую сторону от прежнего курса.

— Мы будем в клубе через пару минут, — сказал Хальдер. — Если ты чересчур взволнована, тебе лучше остаться в машине. Я заберу снаряжение «воздушных бродяг», и на этом же такси мы доберемся до городской черты. Там машину бросим.

Килби покачала головой.

— Мы договорились, что не будем отступать от плана побега ни на йоту, если только в этом не возникнет крайней необходимости. Ничего, я быстро приведу себя в порядок. Знаешь, я просто позволила ситуации слишком сильно повлиять на меня.

* * *

Перед тем, как остановиться около клуба, доктор перевел управление на автопилот с десятисекундной задержкой после посадки. Десяти секунд хватило как раз для того, чтобы супруги покинули салон, и как только дверцы захлопнулись, пустая машина плавно взмыла в воздух. До того, как они добрались до входа в клуб, машина скрылась из

виду за шпилями небоскребов. Регистрационная табличка сбоку от пульта управления извещала, что такси предстоит находиться на линии еще три часа. До той поры пропажи водителя не хватятся. Когда машину обнаружат, пройдет еще несколько часов, прежде чем водитель придет в сознание. То, что он расскажет следователям, уже не будет иметь никакого значения.

В одной из комнат клуба, бронированных загодя для мистера и миссис Энли, они переоделись в шорты и остальную экипировку «воздушных бродяг». Затем сели на метро и добрались до пригорода Дрейса, где было разрешено летать, не пользуясь аэрокарами и прочими средствами воздушного транспорта. Здесь пустыри чередовались с лесопарками, а лесопарки — с небольшими жилыми массивами, и все это простиралось далеко на восток. Беглецы быстро настроили летное снаряжение на бесперебойный прием энергопитания, которое передавалось по городской сети, поднялись в воздух для пробы всего на пятнадцать метров и понеслись в сторону дальнего леса. При таком экономном режиме полета энергия подавалась в рулевой и двигательный блоки дозированными порциями, что делало «воздушное бродяжничество» одним из самых

увлекательных и приятных видов спорта. В свое время Хальдер пришел к выводу, что для подозрительной парочки, которая могла в любой момент решиться улизнуть от федеральной службы по выслеживанию и поимке людей, заниматься им было бы совершенно предосудительно.

В течение полутора часов они строго придерживались восточного направления, приноравливаясь к рельефу лесистой местности. Только изредка рисковали появляться на открытых участках. Время от времени им попадались другие группы «воздушных бродяг». Воспринимая Хальдера и Килби, как товарищей по спортивному увлечению, они возбужденно махали руками и выкрикивали не слышные из-за шума ветра приветствия. Наконец впереди открылась протяженная долина без каких-либо следов человеческого обитания. На дальней ее окраине начинались и вовсе открытые пространства, усеянные мелкими табачными плантациями. По графически прямолинейным полям этой выгодной сельскохозяйственной культуры, не спеша, ползали автоматические культиваторы. Килби, оглянувшись через плечо, качнула головой и повернула к одной из ферм, для чего снизилась и заскользила в каком-то полуметре над поверх-

ностью земли. Хальдер летел следом, в десятке метров от нее. Они приземлились у подножия косогора, рядом с живой изгородью, увитой декоративным плющом. В изгороди немедленно распахнулась маленькая калитка.

Из динамика, встроенного в калитку, раздался голос, подозрительно похожий голос Хальдера.

— Все чисто, ребята, можно заходить!

Пройдя через калитку, они увидели, как по косогору к ним спускается крупными шагами Рейн Рейлис — долговязый рыжеволосый мужчина с широкоскулым лицом.

— Мы получили ваш сигнал тревоги, — сказал он вместо приветствия, — но, как это с нами частенько бывает, и раньше догадывались, что случилась какая-то неприятность.

Килби бросила на него испуганный взгляд.

— За вами тоже кто-то следил?

— Не то, чтобы следил… по крайней мере, мы этого не заметили. Давайте зайдем в ангар. Сантин уже внутри горы.

Все трое двинулись по узкой тропинке между рядами растений. Рейлис продолжал рассказывать:

— Сегодня поступили первые отзывы на наши изыскания. Один из них показался мне весьма

обещающим. Сантин на своем аэрокаре немедленно отправилась в Дрейс, чтобы сообщить вам об этом. Как обычно, перед тем, как позвонить в дверь, она отсканировала вашу квартиру и обнаружила там троих незнакомых мужчин, поджидающих вас, видимо, с определенными целями.

— Когда это было? — задал напрашивающийся вопрос Хальдер.

— В начале второго. Сантин сразу же проверила оба ваших места работы. Никого на месте не оказалось. Она сделала вывод, что вас, очевидно, пока не поймали, и вероятно, вы уже направляетесь сюда. Она позвонила мне. Ваш сигнал тревоги прозвучал почти одновременно с окончанием нашего разговора.

Хальдер переглянулся с Килби.

— Кажется, нам удалось скрыться всего за пять минут до ареста, — сухо заметил он. — Ты сумел прихватить с собой записи, Рейн?

— Да, я забрал с собой все. Если нам удастся благополучно покинуть Орадо, то дальше мы сможем отправиться почти с того же места, откуда прибыли сюда.

Рейн Рейлис распахнул дверь ангара, вежливо пропустил Хальдера с Килби вперед и запер за

собой дверь. Они быстро миновали маленькое помещение и подошли к открытому стенному порталу у противоположной стороны. Внизу виднелось большое, ярко освещенное помещение без окон, обставленное удобной мебелью. Оно целиком могло быть перемещено порталом на расстояние до семи километров от ангара. Этот нюанс имел жизненно важное значение для организации маршрута побега. Если за ними организуют погоню, то след, хотя бы временно, оборвется здесь, на табачной ферме.

Они вошли в безоконное помещение, и Рейн Рейлис опустил вниз рычажок переключателя. Вход в портал зарос и стал неразличим с остальной стеной. В ангаре снаружи механизмы портала охватило огнем. Они яростно полыхали несколько десятков секунд и полностью расплавились, вплоть до шлакообразного состояния.

* * *

Рейн скупо обронил:

— Признаюсь прямо, малость полегчало на душе… Федеральные агенты знают свое дело, но я пока не слыхивал о детекторных устройствах, способных пробиться на полкилометра в толщу базальта, чтобы обнаружить нас внутри горы.

Он замолчал. Из соседней комнаты к ним вошла высокая черноволосая девушка с темно-карими глазами. Сантин Рейлис, единственная из четверых, не стала прибегать к биологическому маскараду. Но, несмотря на значительные различия во внешнем виде, ее вполне можно было принять за сестру Килби.

Хальдер поведал им, что произошло в Дрейсе, заключив свой рассказ словами:

— Раньше я предполагал, что первое подозрение, скорее всего, падет на кого-нибудь из вас. Особенно, конечно, на Сантин, которая легально работала в Опознавательном Центре Орадо.

Сантин довольно усмехнулась.

— А менее открыто, можно сказать украдкой, снимала копии со схем опознания, — добавила она. Сразу после этого ее лицо приняло прежнее серьезное выражение. — Заметили вы какие-нибудь признаки, по которым можно определить, что именно привлекло к вам внимание?

Хальдер покачал головой.

— Я могу только догадываться, что это — работы по микробиологии, которыми я занимался. Судя по характеру этих работ, конечно, можно предположить, что у легавых возникло смутное подозрение о трехлетнем плане Калечи по уни-

чтожению населения Федерации.

— И что как минимум один из группы уже схвачен! — добавил Рейн.

— Возможно.

Наступило короткое молчание.

— Да, новости невеселые, Хальдер, — спокойно промолвила Сантин. — Все, что нам удалось выведать за последнее время в Опознавательном Центре, подтверждает правоту теории Рейна… что у каждого из двенадцати сотен членов группы Калечи, в принципе, можно выявить три одинаковых распознавательных признака в дельта-хромосоме, перетасованные для наших генотипов в бесчисленном количестве вариаций. Чтобы удостовериться в этом, ищейкам Федерации не придется отлавливать многих из нас. После поимки нескольких они начнут делать то же, чем пытаемся заниматься и мы — распознавать остальных членов группы по генному портрету.

Хальдер кивнул.

— Ты по-прежнему собираешься выйти в космос на крейсере «Звездный Свет»? — спросил Рейн.

— Именно так мы с Килби и поступим, — сказал Хальдер. — А вам обоим сейчас, по моему глубо-

кому убеждению, следует проработать один из альтернативных нашему маршрутов побега.

— С какой стати? — отрывисто спросила Сантин.

Хальдер ответил на этот каприз со всей силой убеждения, на какую только был способен.

— Неужели непонятно?! Существует вероятность, что вы до сих пор находитесь вне подозрений.

— Очень может быть. Но это вовсе не повод, чтобы нам разделяться. Мы — рабочая группа, и нам необходимо быть вместе независимо от обстоятельств. А ты чего молчишь, Рейн? Выскажи свое мнение!

— Я с тобой согласен, — сказал ее муж. Он улыбнулся Хальдеру. — Мы будем ожидать вас на берегу озера Сенла за десять минут до старта вышеозначенного крейсера. Итак, друзья, что еще осталось обсудить?

— Не сейчас, — Хальдер немного посидел, насупившись, потом продолжил: — Ну, хорошо. Мы до сих пор не знаем, на что способны власти Федерации. Любой наш шаг может оказаться неверным. Мы вас заберем, как и договорились. Килби и я полетим на Сенлу такими же «бродягами», какими мы добирались до ранчо. Так что

можно отправиться прямо сейчас.

Они перешли во вторую комнату подземного убежища. Рейн повернулся к пульту управления выходом из портала и спросил:

— Где вас выпустить?

— Мы воспользуемся речным выходом, — ответил Хальдер. — В шести километрах отсюда, в девяти от ранчо… Это будет достаточно далеко. Через полминуты мы вылезем наружу и затеряемся среди целой армии отдыхающих, приехавших из Дрейса и столицы.

* * *

Уже смеркалось, когда Хальдер и Килби свернули на прибрежную дорожку озерного курорта «Сенла», заполненную толпами фланирующих бездельников. Не спеша, они направились к дачному домику с верандой, купленному Хальдером на чужое имя несколько месяцев тому назад. Хальдер был поглощен обдумыванием деталей последнего этапа побега с планеты Орадо. По существу, план был до смешного прост. Через час супругам предстояло сняться с дачной яхтенной стоянки на маленьком звездном крейсере и забрать с противоположного берега озера Рейна и Сантин. Затем их корабль должен был присоеди-

ниться к группе примерно из тридцати частных яхт, которая ночью отправлялась из курортной зоны в двухчасовой полет к огромному игорному кораблю, который вращался вокруг Орадо по стационарной орбите. Вряд ли групповой круиз сегодня вечером мог привлечь пристальное внимание властей. А, добравшись до казино, изгои должны были незаметно ускользнуть в открытый космос.

Однако невозможно сказать наверняка, что этот план сработает. Впрочем, не мог внушать стопроцентной уверенности и любой другой план. Четверо диверсантов Калечи только в последние несколько месяцев дошли до истинной сути принципов, на которых держался казавшийся неуправляемым комплекс планет Федерации. Как долго они находились под наблюдением, что о них знала Федерация, в какой степени их подозревали — удовлетворительных ответов на эти вопросы у группы не было до сих пор. Поэтому Хальдер шел молча, ни на минуту не теряя бдительности. В окружающей супругов толпе внимание доктора привлекало все, что могло бы послужить хотя бы намеком на опасность. Был летний вечер. Приближался пик курортного сезона. От людей, заполонивших прогулочную

зону на берегу Сенлы, веяло праздностью и спокойствием. Голоса отпускников сливались в один басовитый дружелюбный гомон. В другое время, подумал Хальдер, если бы все у них шло благополучно, они с Килби могли бы безбоязненно затеряться в точно такой же толпе без всякой биомаскировки. Но сегодня за ними охотились.

Он легонько дотронулся до руки жены.

— Давай немного передохнем вон на той скамейке.

Улыбнувшись в ответ, она свернула с дорожки и первой направилась к свободной скамейке, которая стояла резной спинкой к дорожке, спрятавшись среди декоративного кустарника. Они присели. Хальдер торопливо снял часы с запястья и откинул крышку сканера. Дачный дом находился в нескольких сотнях метров отсюда. К нему вела боковая тропа, которая спускалась к озеру. Света в окнах видно не было, но когда луч сканера проник внутрь, невидимое излучение заполнило погруженные в темноту комнаты и прихожую, предоставляя хитроумному прибору возможность осмотреть помещение. В течение двух или трех минут Хальдер внимательно изучал внутренние помещения. Потом переключил изображение на участок, прилегающий к дому,

и, наконец, проверил яхтенную стоянку с маленьким звездным крейсером. Килби дважды предостерегающе толкала его в бок, когда по близости показывались какие-то люди, явно намеревающиеся составить им компанию на скамейке. Тогда Хальдер просто опускал руку, чтобы не было видно, что у него зажато в кулаке. Но незнакомцы, не останавливаясь, проходили мимо.

Наконец, он вернул часы на запястье. Никаких признаков вторжения непрошеных гостей не обнаружилось. Во всяком случае, было ясно, что ни в самом доме, ни в его окрестностях засада не поджидает. Он поднялся со скамьи и подал руку Килби.

— Что ж, дорогая, отправимся-ка дальше в путь, — сказал он.

Через несколько минут они уже подходили по садовой дорожке к заднему входу в дачный домик. Не должно было остаться ни малейших признаков того, что этим вечером в дом кто-то наведывался. Хальдер тихонько отпер дверь и после того, как Килби проскользнула внутрь, последовал за ней.

Когда они двигались по темной прихожей, Хальдера на мгновение охватило странное чув-

ство — пугающая уверенность в том, что они только что допустили просчет, только вот в чем — непонятно. Одна уже мысль об этом мгновенно парализовала тело доктора. Каждый отдельный мускул — прямо в процессе движения — охватила судорога. Он почувствовал, как по инерции медленно заваливается вперед. Потом падение прекратилось, но равновесие так и не восстановилось. Нелепо накренившись под совершенно невероятным углом, он словно повис в паутине, сотканной из каких-то неведомых сил. От Килби, скрывшейся в темноте впереди, не доносилось ни единого звука.

Собрав волю в кулак, Хальдер попытался вернуть окаменевшим членам привычную подвижность. Не тут-то было — вместо этого по его телу медленно прошлась волна какого-то леденящего оцепенения. Когда она добралась до мозга, все его мысли и ощущения временно исчезли.

* * *

Первым ощущением пробудившегося сознания было, что это сон — без малейшего представления о том, каким образом можно проснуться. И это нисколько не беспокоило доктора Леорма. Вокруг все было погружено в полную темноту.

Ни один звук не нарушал тишину. Органы чувств Хальдера с удивительной избирательностью стали привлекать внимание мозга к тем или иным проявлениям окружающего мира. Как оказалось вскоре, он полулежал в глубоком удобном кресле, откинувшись на спинку, и не мог пошевелиться. Руки онемели, словно были прикованы к подлокотникам. Кроме того, он обнаружил, что не может отдать приказ брюшному прессу, чтобы податься телом вперед. Потом выяснилось, что и голову нельзя повернуть. При этом дышал он вполне свободно; мог открывать и закрывать глаза и осматриваться в неизменной темноте, насколько позволял угол зрения. И это было все, что он мог себе позволить.

Довольно беззаботно — как это бывает только во сне — Хальдер начал спрашивать себя, что могло случиться… И вдруг, ощутив прилив волны ужаса, обжигающей изнутри пищевод, он вспомнил все! Их поймали в западню! Ученые Федерации подготовили для них какой-то загадочный трюк, который блестяще сработал в загородном доме на берегу озера Сенла. А сейчас он находится совсем не там, а в каком-то другом месте.

Что они сделали с Килби?

Немедленно, словно в ответ на этот вопрос, темнота стала как бы светлеть. Процесс этот был постепенный. Прошли секунды, прежде чем Хальдер смог разглядеть, что он находится в помещении неопределенных размеров. Неподалеку от него в центре пола виднелось круглое углубление. Вначале казалось, что из всей мебели в комнате находится только его кресло. Потом, по мере того, как в комнате становилось все светлее, Хальдер краем глаза заметил на некотором расстоянии справа от себя несколько предметов.

На мгновение он напрягся изо всех сил, чтобы повернуть голову. Это оказалось невозможным по-прежнему. Но Хальдер был абсолютно уверен в наличии этих предметов. Он ощущал их боковым зрением. В огромном помещении продолжало светлеть. За несколько секунд до того, как все внезапно опять погрузилось в темноту, Хальдер успел различить три таких же, как у него, кресла, расположенных вокруг центральной ямки, примерно в десяти метрах друг от друга. В каждом из кресел кто-то находился. Самое ближнее к Хальдеру кресло занимала Килби, абсолютно голая. Лицо бледное, как у покойника, глаза открыты, но зрачки неподвижны.

После того, как свет погас, Хальдер сидел, потря-

сенный тем, что его попытка заговорить с Килби не удалась — из горла не вырвалось ни единого звука. Значит, здесь им не позволено ни говорить, ни двигаться. Он не сомневался, что Килби находилась в сознании. Был он также уверен и в том, что в двух других креслах, расположенных дальше, сидели Сантин и Рейн Рейлисы, хоть он и не мог разглядеть их как следует. Те, кто схватил их, позволил пленникам ненадолго увидеть друг друга. Видимо, это было сделано с определенной целью: дать каждому понять, что поймана вся четверка. В тот момент, когда свет уже гаснул, взгляд Хальдера скользнул по руке, лежащей на подлокотнике. Он успел отметить, что его кожа, как и кожа Килби, лишилась смуглого оттенка. Стало быть, они оба были избавлены от микроорганизмов, неузнаваемо изменивших их внешность.

А ведь исследования, проведенные им в Дрейсе, убедительно доказывали, что эту технологию Федерация не способна освоить еще добрую сотню лет, и уж, во всяком случае, до тех пор, пока не столкнется с ее смертоносным применением со стороны Калечи.

Опять создалось впечатление, что на эту мысль тут же поступил ответ. В темном помещении по-

явилось яркое объемное изображение предмета, по форме напоминающего сферу. Его поверхность была раскрашена, как шкура у тигра, оранжевыми и черными полосами. Объект балансировал на мощном хвосте, раздвоенном, как у морских скатов. Из верхней части сферы выпячивались на жгутиках глаза, как у краба. Хальдеру показалось, что зрачки, разделенные вертикальной щелью надвое, как у рептилий, уставились на него в упор. По левому и правому краям сферы сверху вниз тянулись два ряда веревкообразных конечностей.

* * *

Одновременное появлением этого изображения, негромко, но отчетливо зазвучал человеческий голос. Как это бывает во сне, он не имел конкретного источника и, казалось, исходил сразу отовсюду. В Хальдере зародилось подозрение, вскоре переросшее в уверенность, что в этой комнате их разумы подвергаются насилию. Он был убежден, что ученые Федерации приступили к процессу поэтапного вытягивания информации из арестованной четверки. Он будет продолжаться шаг за шагом, час за часом, пока экспериментаторы не придут к убеждению, что

из пленников нельзя больше выжать ни капли. Допрос мог проходить совершенно обезличенно. Однако, то, что здесь ими, как мыслящими существами, полностью пренебрегали, не позволяя сказать слова в свою защиту или даже просто объясниться, коробило больше, нежели продуманная жестокость. И все-таки, как признался самому себе Хальдер, в создавшейся ситуации нельзя было упрекать никого из тех, кто проводил расследование. Ведь группа диверсантов Калечи представляла собой страшную, быстро прогрессирующую угрозу, следовательно, противодействуя ей, Федерация не могла себе позволить ни единой ошибки.

— Этот объект, — говорил голос, — представляет собой изображение Великого Сатога — дышащего кислородом обитателя планеты Калечи, который живет в водной среде. Существуют многочисленные разновидности данного зоологического класса. Здесь представлен господствующий вид. Он обладает высоко развитым интеллектом. Его мозг по объему занимает приблизительно треть всего туловища.

Цивилизация на Калечи основана на понимании биологических процессов и способах управления ими. В этом отношении она опере-

дила нас, граждан Федерации Ядра Звездного Скопления. Особый интерес к проблемам биологии вызван, по всей видимости, генетической неустойчивостью Сатогов. Они научились регулировать это свойство своего организма и применять его с пользой для себя. В настоящее время они уже обосновались, по меньшей мере, на дюжине других планет, приспосабливаясь к каждой из них изменением внешнего вида и перестройкой организма для полного единения с новой окружающей средой.

На протяжении двух столетий наши спорадические контакты с Калечи и ее колониями внешне носили дружественный характер. Однако совсем недавно выяснилось, что все это время Великие Сатоги с большой тревогой относились к технологическому превосходству и преимуществу в количестве населения Федерации и обдумывали, каким образом можно уничтожить потенциального конкурента без риска для себя. Оружие нашлось сразу. Собственно говоря, оно находилось под рукой — колоссальные знания и опыт по изменению генетического кода уже устоявшихся форм жизни с целью получения желаемых свойств и качеств. И тогда Сатоги разработали план, согласно которому по всем

уголкам Федерации должны были расселиться секретные агенты Калечи. Их задача заключалась в создании и дальнейшем накоплении особых видов микроорганизмов. При наступлении условленной даты (пресловутый «день Икс») смертоносные для людей бактерии должны были разом вызвать ужасные пандемии, не имеющие аналогов в истории человечества, сразу на всех основных планетных системах Ядра.

После этого должна наступить очередь самой дерзкой части плана Калечи. Но чтобы ее понять, необходимо вернуться на двадцать два года назад. Именно тогда в зоне стратегических интересов Великих Сатогов пропал исследовательский корабль Федерации. На его борту находился Ол Кантрал, — выдающийся ученый того времени. Теперь стало известно, что корабль был захвачен ни кем иным, как подручными Великих Сатогов. Кантрал, вместе со своими коллегами, а также члены экипажа звездолета подверглись обширному кругу экспериментов со стороны Сатогов. В конечном итоге все пленники были умерщвлены.

Эти эксперименты проводились для того, чтобы снабдить главных биологов Калечи контрольными образцами человеческих тканей, к

исследованию которых они тут же приступили. Ученые Калечи решили воспользоваться высокой мутантной способностью своих соплеменников для создания такого вида Сатога, который стал бы точной копией человеческого существа. Этот новый вид смог бы незаметно внедриться и жить на наших планетах в течение всего времени, необходимого для подготовки ко «дню Икс». Калечианские биологи добились невероятных успехов на своем поприще. Каждая совокупность клеток из всего их многообразия приближалась к усредненной модели той или иной ткани человеческого организма, только до такой степени, которая позволяла инициировать самый благоприятный скачок в генетической структуре, возможный на тот момент. Следуя такой схеме, генерации клеток могли появляться одна за другой с очень коротким интервалом, всего в несколько часов.

Конечным этапом эксперимента — последней клеточной генерацией, выращенной в лабораториях Калечи, — явились сатоговские копии человеческих эмбрионов. На этой стадии было получено чуть более тысячи (1176) индивидуумов, которым было позволено развиться до стадии зрелого организма. Затем каждый из

этих псевдолюдей прошел курс обучения у своих учителей-Сатогов, находясь в полной изоляции от сверстников. Им было внушено, что смыслом всей их жизни является массовое уничтожение обитателей планет Федерации. Дальнейшее обучение было целиком посвящено подготовке к эффективному выполнению поставленной задачи.

В итоге каждый из псевдолюдей был отправлен на ту или иную планету Федерации. Для них были подготовлены фиктивные удостоверения личности, у каждого была и своя псевдородословная, и своя псевдобиография. Окончательные инструкции, полученные этими агентами, были элементарны. Ни одним своим поступком диверсанты не должны были привлечь к себе внимания компетентных органов или силовых структур аборигенов. Им было запрещено устанавливать связь друг с другом. Они обязаны были создавать собственные хранилища для накопления смертоносных вирусов и бактерий, разрабатывать способы их скорейшего распространения, и в назначенный день Икс, через три года после начала операции — в масштабах измерения времени, принятых в Федерации, — выпустить бациллы на свободу.

* * *

Голос ненадолго замолк, затем с прежней силой зазвучал вновь:

— Трезво поразмыслив, следует отметить, что план нападения сравнительно малочисленной цивилизации, обладающей единственной способностью, на крупнейшую в истории Галактики Человеческую Федерацию вполне мог увенчаться успехом. Но, к счастью для людей, Великих Сатогов постигло полное фиаско. Отчасти это произошло вследствие излишней пунктуальности, которую проявили ученые-Сатоги еще на первоначальной стадии своей грандиозно задуманной диверсии.

Из всех людей, находившихся на борту захваченного корабля, они отобрали в качестве образцов для создания псевдолюдей Калечи самого Кантрала и двух его лаборанток. Эти три личностные генные характеристики легко распознаваемы у каждого из тысячи ста семидесяти шести членов группы, засланных в Федерацию девяносто дней спустя. Они проявляются у агентов Калечи в различных комбинациях и на разном уровне, однако, выбранный наугад индивидуум обязательно продемонстрирует только одну

— ту или иную — из трех имеющихся у него характеристик. Ол Кантрал считался в свое время великим ученым, поэтому его генный портрет был скопирован и хранится в соответствующей базе данных. В первую очередь, именно это обстоятельство и способствовало раскрытию бесчеловечного замысла Калечи. Когда три аутентичных дубликата этой конкретной характеристики, а также приличное количество приближенных ее копий были одновременно выявлены в опознавательных базах данных в различных точках Федерации, удаленных друг от друга на огромные расстояния, это вызвало любопытство не только в ученых кругах. Наша служба безопасности привыкла смотреть на явные чудеса с законным подозрением. Местонахождение ничего не подозревавших «кантралов» было сразу же выявлено, взято на контроль, и попавшие под подозрение, казалось бы, ничем не примечательные граждане были разоблачены. Угроза Федерации была раскрыта, и начался интенсивный, хотя и негласный, поиск не выявленных пока, рассеянных по Федерации агентов Калечи…

Голос опять умолк.

Изображение Сатога над выемкой в полу исчезло. В большой комнате вспыхнул яркий свет.

Хальдер почувствовал, как его покидает принудительная неподвижность. Одновременно с этим из его сознания уплывало ощущение, словно он находится не наяву, а в каком-то страшном сне. Он совершенно свободно повернул голову и встретился взглядом с Килби, у которой еще раньше ожили зрачки. Чета Рейлисов сидела позади нее. Рейн уже лишился блокировки и выглядел точной копией Хальдера.

Пока они были пристегнуты к креслам, Хальдер быстро перенес взгляд снова на центр комнаты. В том месте, где раньше было углубление, теперь был ровный пол, на котором стоял массивный полированный стол. За столом сидел крепко сложенный, седой, как лунь, человек с волевым лицом и резко очерченным ртом. На нем была надета черная с золотом официальная мантия Советника Федерации.

— Разрешите представиться, я — Советник Мавиг.

Голос был тот же, что совсем еще недавно звучал в темноте, читая лекцию обездвиженной четверке.

— Я возглавляю контроперацию против внедрения на планеты Ядра агентов Калечи. Моя обязанность — поставить их в известность, какая

участь ожидает выявленного диверсанта после ареста и освидетельствования.

Он замолчал, задумчиво вытянув губы трубочкой, будто решая, стоит ли продолжать.

— Вы, все четверо, подверглись всестороннему исследованию, — заявил он, наконец. — Большая часть работы была проведена, когда вы находились без сознания. Окончательная проверка ваших эмоциональных реакций проводилась в течение инициированной стрессовой ситуации, и только что закончилась. Стрессовая ситуация инициировалась в прослушивании вами звукозаписи доклада по делу Калечи.

Мавиг сделал паузу и, нахмурившись, откашлялся.

— Должен признаться, — продолжил он, — что некоторые аспекты этого дела до сих пор кажутся мне просто невероятными! Более половины вашей группы уже поймано. За оставшимися, хоть они и находятся до сих пор на свободе, ведется наблюдение. Опасность глобальной диверсии резко снизилась. Будущие поколения самым пристальным образом будут следить за деятельностью Великих Сатогов. Больше у них не будет возможности повторить подобный трюк. Когда же им станет известно о мерах, которые мы под-

готовили, думаю, у них пропадет всякое желание даже думать о будущих диверсиях.

Теперь, что касается вас. После того, как мы выследили первый десяток ваших предшественников, стала вырисовываться поразительная картина. Вы не считались с одной из самых строгих инструкций Калечи. Теми или иными способами — часто очень изобретательно — вы старались установить контакт друг с другом. Почему-то это было для вас первостепенной задачей. И уже вскоре стало ясно, почему. Арестованные, находящиеся в бессознательном состоянии, в ходе допроса выдали следователям настоящую причину такого своего поведения.

Советник Мавиг покачал головой.

— Аппаратура, с помощью которой допрашивают, считается очень надежной, — заметил он. — Но я долгое время отказывался поверить полученным данным. И все-таки…

Он вздохнул.

— Ладно. Теперь о том, что же вас ожидает. Вы будете отправлены к членам вашей группы, арестованным ранее, и будете оставаться с ними до тех пор, пока последний из вас не окажется в руках правосудия, а затем…

Мавиг опять сделал паузу.

— Понимаете, мы не можем обвинить вас ни в одном из противозаконных деяний! — сказал он раздраженно. — Вашим намерением с самого начала стало предотвратить преступление, направленное против населения Федерации. Подсознательно или нет, не суть важно. И данное намерение выражено как у всей группы в целом, так и у каждого в отдельности. Великие Сатоги просто-напросто слишком добросовестно отнеслись к своей работе. После ареста вас подвергли самым глубоким медицинским обследованиям, какие только возможны. И все они с неизменным постоянством показывают, что ваш генетический код стабилен и ни на йоту не отличается от полноценного генетического человеческого кода.

Вы, возможно, сделаете вывод, насколько же отстала Федерация в биологии! Куда может это ее завести, если имитация человека выполнена иными существами на уровне полной идентичности… — Советник Федерации Мавиг снова покачал головой и заключил: — Все это в высшей степени абсурдно и находится в прямом противоречии со всем, что мы знаем на сегодняшний день! Вы считали себя человеческими существами и полагали, что ваше место — среди нас. И мы можем только полностью согласиться с этим.

КАЖДОМУ СВОЕ

После того, как корабли сопровождения Федерации передали сигнал, что они завершили выполнение своей задачи и возвращаются домой, в полном распоряжении Азарда осталось шесть часов. Скоро, сказал он себе, можно будет действовать без опаски… и сделать последние шаги в этом рискованном предприятии, которое было столь же велико по масштабам, сколь и опасно. Но оно было необходимо! Без принципа Малатло вся их затея оказалась бы невозможна. Малатло не раз выручал их.

Он пристально посмотрел из задней части большого рулевого отсека на троицу людей из Федерации. Гигантский грузоперевозчик, не спеша, приближался к планете. Отрешенные от всего окружающего, они были сосредоточены на всевозможных приборах управления кораблем. Сашиен сказал, что приступит к посадке через час. Если Азард не присоединится к ним, чтобы наблюдать процесс приземления на экранах мониторов, это может показаться противоестественным. Так что все необходимые

приготовления ему требовалось сделать сейчас.

Он повернулся и молча вышел из помещения. Может, они в нем вовсе и не нуждались. А если даже его присутствия сейчас не хватало, это не имело значения. На пути из Ядра Звездного Скопления он дал всем понять, что его внимание будет непрерывно и полностью поглощено заботой о состоянии и безопасности бесценного груза, вверенного ему судьбой. В этом, как и в остальных вопросах, федералы ни в чем ему не перечили.

Он вошел в кабину лифта, опустился на пять уровней и вышел в тускло освещенный проход, усеянный множеством дверей. Корабль был огромен. До того, как Азард попал в Ядро, он не мог представить, что бывают корабли таких колоссальных размеров. Большая часть грузовых трюмов была занята множеством искусственно выращенных человеческих тел, которые лежали неподвижно, аккуратно разложенные по отдельным отсекам. В каждое из них вскоре внедрят зрелого «старейшину». Таким образом, тела воспрянут к сознательной жизни. Дар пропавшему Малатло от Федерации Ядра. Кроме этого, безвозмездными дарами были и бесчисленные инструменты, агрегаты и приборы, уложенные в «безразмерные» контейнеры, которые были

размещены повсюду на корабле. Дарами являлись также припасы и подручные средства, необходимые на первых порах жизни колонистов. Федерация была богатой и щедрой. И она уважала Принцип Малатло, хоть по большому счету и не разделяла его. Она уважала Азарда и его миссию… Миссию по приходу Малатло к обновленному существованию в мире, который теперь раскинулся перед ними в виде покрытой облаками планеты.

Азард поспешил по гулкому проходу к запечатанной зоне корабля, куда, по принятому соглашению, только он один имел право доступа. Он не считал само собой разумеющимся, что договоренность будет соблюдаться. На нем лежала слишком большая ответственность, что не позволяло проявлять такую роскошь, как доверие. Предполагалось, что двое мужчин и женщина в рулевом отсеке были единственными людьми из Федерации на борту корабля. И все-таки на таком обширном судне этому нельзя было верить безоговорочно. Поэтому в секции, которая была его самой большой головной болью, он установил множество скрытых ловушек и сигнальных устройств. Если кому-то вздумается туда войти, его посещение неминуемо окажется зафикси-

ровано тайной аппаратурой, и станет тут же известно Азарду. Но пока любопытных носов не обнаруживалось.

Он открыл массивный люк отсека, прошел через него и снова запечатал люк за собой. Самым дотошным образом он проверил потайные предостерегающие устройства. Никаких вторжений извне они не зафиксировали. Он спустился на более низкий уровень и открыл второй люк.

Этот люк он оставил открытым. Помещение, в котором он очутился, было заставлено футлярами с биологическими культурами. Всего их было восемь. В двух из них содержалось полмиллиарда «старейшин» — пятьсот миллионов личностей, индивидуальностей, персонифицированных «я». Продуваемые энергетическими потоками, они находились в микроскопических сотах, которыми были облицованы внутренние стенки футляров. Азард не обладал точной информацией о силах, которые сохраняли и удерживали «старейшин» в футлярах. Но он точно знал, что они там.

Он постоял, повернув голову, прищурив глаза, в позе прислушивающегося к чему-то человека. Ничего нельзя уловить, подумал он. Пока футляры оставались закрытыми, ничего здесь было не

уловить. Никакими приборами, никакими органами чувств, даже такими тонкими, как у него. Он наклонился вперед и совершил ряд сложных манипуляций. Только с их помощью и можно было открыть футляр с культурой. Толстая крышка, отвинчиванием которой он занимался, вскоре откинулась назад, предъявив заинтересованному взору набор инструментов на своей внутренней поверхности. Азард к ним не притронулся. Он ждал. Прошла секунда, потом постепенно у него появилось осознанное двухстороннее восприятие заточенных в футляр личностей.

Это было похоже на постепенно усиливающееся гудение возбужденного роя крошечных пчел. В его уши этот гул не проникал. Но зато слышал его мозг. Они были бодры, пребывали в полном сознании, переполнены желанием снова двигаться, чувствовать, жить. Интересно, подумал он, смогли бы люди из Федерации услышать их так, как он, а если да, то дошло бы до них услышанное?

— Теперь уж недолго, — сказал он «старейшинам». — Совсем недолго!

Но гул неуемной жажды вернуть себе все прелести жизни не утихал.

Он закрыл футляр, потом проверил охранные приспособления на всех восьми. Не было ника-

ких признаков того, что кто-то пытался сунуть сюда свой нос. Как уже упоминалось, в шести футлярах «старейшин» не было; в них содержалось нечто другое, почти столь же ценное. Люди из Федерации об этом ничего не знали. Во всяком случае, Азард был на сто процентов уверен, что не знали.

Потом он покинул запечатанный корабельный отсек. Теперь уже не имеет значения, подумал он, удалось ли ему полностью избежать подозрений. Игра до сих пор шла удачно и близилась к своему абсолютно успешному завершению. Трое его попутчиков в кабине управления скоро умрут. Тогда корабль со всем его содержимым окажется в его руках.

Он отправился заканчивать свои приготовления.

* * *

Сашиен, бортинженер, посадил корабль на теневой стороне планеты — в районе, условия в котором специалисты по колонизации из Ядра посчитали наиболее благоприятными для нового начинания Малатло. Посадка гигантского судна оказалась настолько мягкой, что Азард совсем ее не почувствовал. Только когда Сашиен

заглушил реакторы, он понял, что приземление состоялось.

— А теперь, — вскоре сказал Азарду Одан, — давайте выйдем наружу и посмотрим, какова она, ваша планета.

Азард колебался. Он не хотел покидать корабль даже на несколько часов, пока на нем оставался хоть один человек из Федерации. Но потом выяснилось, что на выход направились все трое: Одан, Сашиен и женщина по имени Грильом Тантри. Именно она курировала проект, по которому было налажено массовое производство находившихся на корабле туловищ-зомби для Малатло и разработано их обеспечение всем необходимым — тоже в массовых масштабах. Маленький крейсер для полетов в атмосфере отлепился от боковой поверхности грузового корабля. Полчаса спустя они уже планировали над освещенной стороной планеты.

Внешне здешний мир производил благоприятное впечатление, это была совсем еще молодая планета с часто меняющимися в результате катаклизмов ландшафтами. Над ними проплывали редкие облака, внизу плавно катили свои волны океаны. Они проносились над огромными стадами животных, пасущихся на равнинах,

переваливали через вершины высоко вздымающихся гор. Наконец крейсер повернул обратно на ночную сторону.

— Что это? — спросил Азард, указывая на огромное пятно ярко-желтого цвета, которое сверкало на темной поверхности океана по левую сторону от направления движения.

Сашиен послушно повернул машину туда.

— Это — морское существо, которому через некоторое время суждено стать ценным источником пищи и химического сырья, — пояснил Одан. Он занимался изучением данных, собранных по этой планете, и анализам рекомендаций по возрождению Малатло.

— Как отдельная особь, это существо крошечное. Но для него характерно сезонное размножение, и тогда оно собирается в громадные скопления.

Сашиен сверился с надписью на экране монитора и произнес:

— Площадь этого пятна составляет более пятидесяти квадратных километров. Да, планктона здесь будь здоров!

Они пролетели над простыней желтого огня на поверхности океана.

— Богатая планета, — заметил Азард. — Федера-

ция проявила большую щедрость…

— На самом деле, не такую уж и большую, — отозвался Одан. — Эта планета была обследована и отмечена, как пригодная для возможной колонизации, еще Бог знает когда. Но она так далеко расположена от Ядра, что ей, вполне возможно, так и не нашли бы соответствующего применения. Планет, пригодных для обитания, которые находятся гораздо ближе к нам, и без того хватает. — Помолчав, он добавил: — Одной из причин, по которой эта планета была выбрана для Малатло, как раз и является ее удаленность от Федерации и от любой из известных нам цивилизаций.

— Все равно это очень щедрый жест со стороны Федерации, — промолвил Азард.

— Видите ли, в чем дело, — пояснил Одан, — нас, то есть тех, кто интересуется Малатло и его идеологией, оказалось в Федерации гораздо больше, чем могли предположить даже сами поборники этого движения.

Грильом Тантри кивнула.

— Мы всем сердцем сочувствуем Малатло, — сказала она. — Вот почему мы все трое здесь…

* * *

Малатло. Принцип Малатло… Пожалуй, стоит вернуться назад примерно за двести лет до того момента, когда гигантский грузовой космический корабль Федерации высадился на целинную планету…

Это было героическое время, когда только-только была выкована, наконец, Федерация Ядра Звездного Скопления. Выкована в крови, огне и ненависти, но теперь это был уже пройденный этап. Впервые за многие поколения больше не велись Клановые Войны. Огромное количество людей стало повсеместно оглядываться на собственную историю с содроганием. Происходившие в прошлом вспышки насилия и жестокости стали казаться чем-то неправдоподобным. Люди больше не желали повторения ужасных катаклизмов в виде братоубийственных, гражданских, этнических и прочих войн. Конечно, с образованием Федерации ни насилие, ни жестокость не были искоренены. Но в Федерации прочно утвердилось общество, основанное на трудовых отношениях. Оно подавало большие надежды, но все-таки не было совершенным и, вероятно, никогда бы не стало таковым. И когда

люди, не желавшие возврата к прошлому, поняли, что не в состоянии это общество изменить, они просто не захотели иметь ничего общего ни с этим обществом, ни с Федерацией в целом.

Это и стало краеугольным Принципом Малатло. Никто не мог с уверенностью сказать, откуда взялся этот термин. Название как бы витало в воздухе на тысячах планет. У движения, или идеологии, или философии, как по-разному называли этот принцип, никогда не было харизматических вождей. Но всегда было предостаточно мелких лидеров.

Они предъявили правительству Федерации свои требования. Люди, поддерживающие принцип Малатло, хотели порвать с Федерацией. Они хотели удалиться от всех, кто не разделял их взглядов полностью на Малатло. Приверженцы Малатло хотели жить сами по себе. Они вовсе не испытывали неприязни к другим человеческим существам. Они просто не желали, чтобы принцип Малатло нарушался теми, чьи мысли и действия не согласовывались с ним.

Федерация отнеслась к этому требованию благосклонно. Возможно, люди из властных структур решили взглянуть на это, как на некий эксперимент. Может быть, они одобряли прин-

цип Малатло, но только в частностях, посчитав его непригодным для большинства населения — и уж, разумеется, для Федерации в целом. Во всяком случае, они сделали все необходимое, чтобы стало возможным существование целой планеты Малатло.

Ее точное местонахождение хранилось в секрете. Было лишь известно, что она находилась на громадном расстоянии от Ядра Звездного Скопления. Вероятность случайного обнаружения сей обетованной земли исключалась совершенно. Рядом с ней находилась планета, на которой обитали разумные существа. Они называли себя Рейсилами, а свою планету — Тиурсом. Рейсилы обладали достаточно развитой цивилизацией, но космические полеты пока были им недоступны. Последователи Малатло с самого начала хотели бы иметь таких соседей, чтобы доказать, что человек способен жить в мире с любыми существами. В течение нескольких лет на новую планету были переселены около восьмидесяти миллионов человек, исповедующих Принцип Малатло. Вслед за этим почти все узы с Федерацией были расторгнуты. Приверженцы Малатло были лишены возможности совершать галактические путешествия. В их распоряжение был

предоставлен космический корабль, который по своей конструкции был предназначен исключительно для каботажных полетов в пределах своей новой солнечной системы.

По взаимному соглашению между Ядром и руководителями движения решено было оставить единственную связующую нить между Малатло и Федерацией. Раз в десять лет планету Малатло посещал небольшой корабль. На его борту находилось небольшое количество людей, каждый из которых в достаточной мере симпатизировал Принципу Малатло, чтобы, не дай Бог, каким-нибудь опрометчивым поступком или неосторожным словом не посеять на планете семена раздора. Тем не менее, срок их пребывания на Малатло был строго ограничен временем, которое требовалось для сбора сведений, необходимых Федерации. По окончании своего пребывания на Малатло они возвращались в Ядро с отчетом.

Эти отчеты неизменно содержали в себе самые благоприятные отзывы. Менее чем за два столетия население Малатло увеличилось до двухсот миллионов человек и стабилизировалось на этом уровне. Обитатели новоявленного Эдема создали новые отрасли науки, связанные с человеческой

психикой. Однако как ни странно, они ни с кем не желали делиться открытиями, сделанными в этой области. Они установили дружественные отношения с Рейсилами, которые благосклонно относились к принципу Малатло. Контакты с обитателями Тиурса становились все более обширными. Так было отмечено в последнем докладе.

А потом в Федерацию прибыл Азард на маленьком потрепанном кораблике. Страннику понадобилось более трех лет, чтобы добраться из солнечной системы Малатло до Ядра. Выяснилось, что планета Малатло уничтожена. Рейсилы обрушили на нее с Тиурса поля, изменяющие внутреннюю структуру материи. За несколько дней планета стала непригодной для обитания людей, и Рейсилы полностью употребили ее на свои нужды. За исключением Азарда, последователей Принципа Малатло больше не существовало во плоти. Однако более чем у половины из них сохранились индивидуальности — «старейшины». Они сберегались в восьми футлярах, которые Азард привез с собой в Федерацию. Возможность отделять психическую сущность человека от физического тела в виде «старейшины» и в дальнейшем поддерживать его

автономное существование явилось самым последним и самым великим открытием Малатло.

По словам Азарда, и сам Тиурс в итоге оказался разрушен. Видимо, одно из трансформирующих материю полей вышло на планете из-под контроля. Оно перешло в возбужденное состояние, и его не удалось погасить. Возможно, это случилось не с одним полем, а с целым букетом полей разной природы. Что бы там ни было, еще до того, как единственный корабль, которому удалось-таки ускользнуть с Малатло, покинул пределы солнечной системы, планета Рейсилов также претерпевала процесс ускоренного распада.

Азард умолял власти Федерации еще раз помочь в становлении Малатло. В отличие от колонистов, которые умели сохранять психическую сущность личности, наука Федерации умела создавать человеческие тела, физически дееспособные, но испытывающие недостаток самоосознания. Их личности были совсем не развиты. «Старейшины» с Малатло могли бы переместиться в такие тела и обрести физическое существование.

Федерация изъявила согласие помочь колонии. Тела-зомби считались, в основном, лабораторным материалом. Необходимость производить их в больших количествах прежде не возника-

ла. Однако массовое производство таких тел не представляло особых трудностей — при условии, что к этому будет привлечено достаточное количество средств и ресурсов, включая квалифицированные кадры. Применив технологию ускоренного роста, можно было за считанные месяцы довести до зрелого физического состояния несметное количество тел. Процесс завершался после возбуждения мышц механическим путем и стимуляции нейронов. Все это проводилось одновременно по заранее отработанной схеме. В результате появлялось хоть и примитивное, но зато вполне жизнеспособное, внешне точное подобие человека. Если практическое открытие ученых Малатло могло способствовать превращению ущербной человеческой оболочки в полностью адекватное человеческое существо — что ж… добро пожаловать в исходную заготовку!

Итак, производство тел началось. Тем временем была подобрана планета, которая смогла бы удовлетворить запросы людей, придерживающихся Принципа Малатло. Вскоре «зомби» вместе с основными инструментами элементарной цивилизации были размещены на грузовом корабле. Азард доставил на борт свои ценные футляры. В качестве специалистов, которым предстояло

переправить корабль на планету, были, как известно, выбраны трое добровольцев — Сашиен, Одан и Грильом. Они должны были проследить за автоматической разгрузкой и монтажом, а перед возвращением домой на этом же корабле — удостовериться, что «зомби» окончательно приведены в надлежащее состояние.

С точки зрения Азарда, при таком положении вещей главным упущением было то, что слишком многие люди знали о местонахождении новой планеты. Из этого со всей неизбежностью вытекало, что вскоре кто-нибудь захочет поинтересоваться, как идут дела на Малатло. А такой вариант был совершенно недопустим.

Естественно, он не высказал по этому поводу никаких замечаний. Просто после того, как грузовой корабль вывалит свое содержимое на поверхность планеты, он не должен вернуться в Ядро. На Малатло он тоже не останется. Азард задумал уничтожить помощников, предоставленных ему Федерацией, в течение нескольких часов после посадки. Затем он намеревался снабдить новыми телами столько «старейшин», сколько потребуется для того, чтобы управиться с кораблем, и стартовать на нем обратно в космос. Там они займутся поисками другой планеты,

которая должна находиться настолько далеко от Федерации, чтобы ее никогда не смогли отыскать. В этом Азард и его присные должны быть твердо уверены.

Как только атмосферный крейсер вернулся из обзорного полета над планетой, Азард предпринял определенные шаги по осуществлению задуманного плана. Он немного побаивался троицы специалистов. Не будь они знатоками своего дела, их бы не выбрали для выполнения почетного задания. На протяжении всего путешествия к конечной цели он старался всячески избегать их общества, да они особо и не возражали против этого. Нои краткого общения с ними, уклониться от которого временами было просто невозможно, оказалось достаточно, чтобы понять, что это люди шустрые и быстро соображающие. Вряд ли с устранением федералов должна произойти какая-то осечка. Однако вероятность неудачи оставалась. Следовательно, в первую очередь, ему нужно было вывести из строя корабельные передатчики. Это было проделано быстро и получилось без особых хлопот. Теперь федералы потеряли всякую возможность позвать на помощь. Без сомнения, у толковых инженеров не займет много времени, чтобы разобраться, в

чем дело, и устранить неисправность, если они успеют ее обнаружить. Но до того, как это произойдет, Азард расправится с ними — тем или иным способом.

Приготовления, непосредственно касающиеся тройного убийства, были завершены. Рулевой отсек оставался одним из тех немногих мест на корабле, где периодически можно было видеть вместе всех троих. Другим таким местом была примыкающая к рулевому отсеку зона, где они принимали пищу, работали над вахтенными журналами, отдыхали, слушая музыкальные записи и читая фильмокниги. А Азард мог теперь выпустить лишенный запаха смертоносный газ, который, проникнув в обе эти секции, убил бы всех троих. Но это нужно было сделать в такое время, когда все трое собрались бы в одном месте.

Вся троица находилась в рулевом отсеке, поглощенная расчетами по выгрузке тяжелого автоматического монтажного оборудования. Азард в очередной раз спустился в запечатанную секцию корабля. Когда он вышел оттуда, то нес с собой один из футляров со «старейшинами». Через несколько минут он заперся в грузовой зоне корабля, где в индивидуальных контейнерах, осу-

ществлявших полную жизненную стимуляцию их содержимого, лежали тридцать тел-зомби.

Грильом Тантри и двое мужчин подробно его проинструктировали, каким образом следует вывести эти тела из состояния почти полного анабиоза, которое использовалось для их хранения, и довести до уровня нормального функционирования человеческого организма. В течение прошедших суток эти тридцать уже приближались к необходимому для оживления уровню. Сейчас приборы на контейнере показывали, что они уже его достигли. Оставалось лишь вдохнуть в них сознание, а это было за «старейшинами».

Он открыл футляр, медленно и осторожно начал настраивать параметры. Большинство из обширной массы личностей, заключенных в футляре, не могло быть изолировано от других. С ними нельзя было иметь дело по отдельности. Но с членами определенных ключевых популяций можно было установить контакт при помощи одновременного выставления нужных режимов на круговых шкалах приборов. После этого индивидуальности освобождались одна за другой. Это было все, что требовалось. Азард поставил футляр рядом с одним из раскрытых контейнеров с зомби, направил стрелку высвобождения

на неподвижное тело в контейнере и отпустил «старейшину» на свободу. Он почувствовал, как тот ринулся вперед и вступил во владение своим новым телом. Остальные сразу же поняли, что происходит. Азард почувствовал, как их жажда обладания телами, словно ревущей вздымающейся волной, сдавливает его сознание. Не сейчас, подумал он.

Но тридцать он, как и планировал, все же освободил. Это были дисциплинированные существа. Тела-зомби продолжали лежать спокойно, не шевелясь. Они только дышали — ровно и глубоко. Азард включил лекционное устройство. Когда он покидал секцию, устройство его голосом разъясняло «старейшинам», которые теперь воспринимали окружающий мир органами чувств своих новых тел, что им следует делать. А где-то в другом месте корабля Азард включал маленький монитор. Вначале он показал изображение рулевого отсека. Сейчас помещение было пусто. Тогда Азард включил интерьер одной из кают жилой зоны корабля, где в тот момент находился Сашиен. Потом туда зашла Грильом Тантри. Сашиен отвернулся от стола и начал что-то ей возбужденно говорить. Вскоре их голоса стали различимы, и Азард несколько секунд слушал, о

чем шла речь. Затем Сашиен позвал Одана, и тот показался в дверном проеме.

Губы Азарда сложились в сардонической ухмылке. Он протянул руку за экран и убрал крышечку с длинного штыря, похожего на гвоздь от подковы, засунутого в заднюю поверхность экрана по самую шляпку. Азард надавил на нее и придержал в таком положении. Газ, беззвучно устремившийся в каюту, где находились специалисты из Федерации, был бесцветен и, как уже говорилось, не имел запаха. Он поразил федералов за считанные секунды, и они рухнули замертво один за другим. Азард убрал руку со шляпки штыря. В течение часа корабельная система вентиляции отсосет ядовитые испарения из жилой зоны и выбросит их наружу.

* * *

Теперь он исполнил свой долг почти до конца! С чувством огромного облегчения, торжествуя в душе, Азард сказал себе, что настал момент, когда можно возложить всю ответственность на других, более понимающих, более грамотных адептов Малатло. Охваченный энтузиазмом, он почти бегом припустил через весь корабль в запечатанную секцию. На этот раз он не стал

запирать за собой дверь на замок — теперь в этом не было необходимости.

В телах-зомби, предоставленных Федерацией, было заключено более двух тысяч самых разных генетических кодов. Один из генов с таким кодом был поистине выдающимся, как по физическому развитию, так и по умственным способностям. Накануне Азард принес сюда образец из группы тел с этим геном и запустил механизм пробуждения в его контейнере. Этому телу было суждено принять в себя самого выдающегося «старейшину» из тех, кто столь долгое время находился на попечении Азарда. С величайшей скрупулезностью Азард последний раз проверил как самих зомби, так и условия их содержания. Все-таки он произвел отменный отбор «старейшин» и сделал максимум из того, что было возможно в тех жутких обстоятельствах.

Когда он устанавливал последнюю из шкал на пересадку «старейшины» в тело-зомби, он почувствовал какую-то непонятную слабость… Потом наступил период полной апатии — словно, в один миг, из его организма выкачали все силы. Он вяло опустился на пол.

В полном смятении, не веря происходящему и приложив неимоверное усилие, он заставил себя

повернуть голову…

они стояли рядом — Сашиен, кокетка Грильом и…

А кто же третий?

Чувствуя, что сходит с ума, Азард вдруг понял, что третий — он сам.

— Нет, Азард — промолвила третья фигура, — это не вы. Мы придумали такой странный способ маскировки, который позволил бы ненадолго позаимствовать вашу внешность.

Ну, конечно, это звучал голос Одана.

Азард не был способен ни на что, кроме того чтобы, выпучив глаза, изумленно таращиться на живых федералов. Азард наблюдал, как Сашиен передал женщине какое-то устройство, которое до этого держал наставленным на него. Потом мужчины деликатно подняли Азарда с пола под локотки и усадили в кресло.

— Сейчас я уменьшу давление, — сообщила Грильом, — и вы сможете говорить.

Азард перевел дух. К нему опять вернулась надежда. «Старейшины», которых он снабдил телами и информацией, скоро должны были, предварительно вооружившись, поспешить сюда. Он предупредил их, чтобы они были осмотрительны. А если эти трое хотят, чтобы он

заговорил… что ж, так и быть. Он заговорит.

— Что вам нужно? — хрипло сказал он.

— Зачем вы пытались нас убить? — спросил Одан. — Ведь мы же ваши друзья.

— Ничего я не пытался, — произнес Азард, мучительно пытаясь понять, как им удалось избежать смерти? — Вы бы просто некоторое время побыли в бессознательном состоянии — безо всякого вреда для себя.

Они внимательно посмотрели на странника.

— Зачем вам понадобился наш обморок? — задал вопрос теперь уже Сашиен.

Азард горестно вздохнул.

— Мне нужен этот корабль для Малатло.

— Стоило Малатло попросить об этом заранее Федерацию, и просьба была бы удовлетворена, — сказал Одан. — Вы ведь прекрасно об этом знали.

— Да. Но мы не можем остаться здесь. Эта планета все-таки недостаточно далеко от Федерации. Слишком многие знают, что Малатло — здесь. Мы, конечно, в неоплаченном долгу перед Федерацией, а теперь благодарны вдвойне. Но настала пора разорвать все связи с ее гражданами. Это необходимо. Новый мир Малатло должен зародиться на планете, о которой никто не знает. Надо, чтобы новый Эдем находился так далеко

от проложенных трасс, чтобы его нельзя было обнаружить случайно.

— Но Малатло прежде не возражал против сохранения ограниченных контактов с Федерацией, — заметила Грильом.

— Это неправда. На самом деле, многие мои единоверцы как раз возражали, — заверил ее Азард. — Ибо в итоге мы пришли к выводу, что причиной постигшей нас беды стало то, что Рейсилы с Тиурса через нас узнали о существовании Федерации. Они вознамерились покончить с нами не потому, что боялись нас. Они боялись Федерации, где Принцип Малатло не являлся всеобщим достоянием.

— Все равно вы испытывали нужду в новых телах-зомби, поставляемых из Федерации, — заметила Грильом. — Количество, которое мы смогли разместить на этом корабле, не более чем начальная партия.

— Нет, — возразил Азард. — Их вполне достаточно. Среди пробужденных к новой жизни одними из первых, естественно, будут наши лучшие ученые. Изучив тела, а также мои конспекты по технологии их изготовления, они смогли бы продублировать процесс.

Придав своему лицу серьезное выражение,

Азард продолжал:

— Поверьте, вам не причинили бы никакого вреда. Вас бы оставили на этой планете вместе с крейсером для полетов в атмосфере и резервным запасом продовольствия. Удалившись отсюда на грузовом корабле на такое расстояние, что наш след полностью затерялся бы в космосе, мы послали бы на корабли сопровождения сигнал. Они бы вернулись и забрали вас с собой.

Сашиен и Одан посмотрели на Грильом. Та отрицательно покачала головой:

— Газ, который наш «приятель» запустил в жилую зону корабля, содержал, по крайней мере, три компонента, смертоносных для любого живого существа. Это показал нейтринный анализ. — Грильом иронически взглянула на Азарда. — Наверное, ломаете голову, как нам удалось уцелеть в ядовитой атмосфере? Все очень просто — никого из нас не было в той каюте. Те, кого вы видели и слышали на своем мониторе, были запрограммированными «зомби». Они умерли мгновенно. То же самое случилось бы и с нами, окажись мы на их месте.

Обращаясь к товарищам, она ядовито сказала:

— Вот, парни, полюбуйтесь: перед вами натуральный адепт Малатло, который по собственной

воле вознамерился убить трех своих спутников, с которыми делил тяготы перелета, всего лишь во имя своих бесчеловечных целей. Уму непостижимо!

Азард настойчиво проговорил:

— Тот факт, что я — приверженец Малатло, говорит о том, что если использованный мною газ и вправду оказался смертельным, то это могло случиться только вследствие трагической ошибки! Я согласен, конечно, что это могло привести к ужасным последствиям…

Одан в задумчивости произнес:

— Может, нам стоит опросить кого-нибудь другого. — Он кивнул на футляр, покоившийся рядом с контейнером для тела-зомби. — Дай мне парализатор, Грильом, а сама посмотри, сколько ему еще осталось там вызревать.

Женщина подошла к футляру со «старейшиной» и, склонившись, стала рассматривать круговые шкалы внутри футляра. У Азарда медленно напряглись мускулы. Грильом делала это с уверенным видом — неужели она разбиралась в показаниях приборов? — «Душу» для пересадки в это тело он выбрал совсем не рядовую. Ну-ка, ну-ка, посмотрим… — Она повернулась к контейнеру и открыла крышку. Когда она наклонилась над

«зомби», плечи ее задвигались. Азард не мог разглядеть, чем она там занимается, но догадывался, что федералка оценивает текущее состояние «зомби», сверяясь с различными показаниями. Вскоре она выпрямилась и взглянула на Одана.

— Полное насыщение, — сказала она. — Можно осуществлять Пересадку.

Азард напрягся, чтобы встать. Но враги были начеку и в тот же миг увеличили давление в парализаторе. Он и так не смог пошевелиться, а теперь заодно потерял еще и способность говорить. Голова закружилась, взор помутился. Однако и через пелену он видел, как вокруг него засуетились Грильом и Сашиен. Постепенно зрение восстановило резкость.

Он обнаружил себя сидящим в кресле, но лишенным подвижности по-прежнему. Происходящее в комнате он наблюдал, словно сквозь тонкую, темную вуаль. Азард подумал, что это, по-видимому, результат воздействия какого-то энергетического поля. В центре помещения стоял Одан. На полу лежало приготовленное Азардом тело-зомби. Потом Азард уразумел, что Сашиен и Грильом стоят по обе стороны, чуть позади от его кресла, будто в почетном карауле.

Тем временем тело пошевелилось, открыло

глаза и уселось на полу.

Обвело расфокусированным взглядом комнату, но, вероятно, Азард и оба федерала остались вне зоны его обзора. Очевидно, непроницаемая энергетическая «кисея» загораживала эту часть комнаты. Лицо «зомби» оживилось, когда он заметил Одана. Обладающий внешностью Азарда, тот молча наблюдал за ним. Тело поднялось на ноги.

Все его движения были точны и отлажены. В него был заложен могучий «старейшина», способный моментально запечатлеть свои намерения во всех ответных матрицах «зомби», как на физическом, так и на умственном уровнях. Азарду до зарезу требовалось выйти с ним на связь, но через завесу он пробиться к нему никак не мог. Следовательно, и сигнал тревоги не имел возможности ему послать.

— Дом белке анда гром, Азард, — обратилось тело к Одану. Голос был сильный и звучал уверенно.

— Гелан ра Азард, — проговорил Одан. — Радайриог Федерация. Селлен ра Рейсил.

Тело отреагировало моментально. Оно отпрыгнуло к столу, стоявшему чуть ли не в пяти метрах поодаль от него. Только сейчас Азард заметил

на этом столе то, что, вероятно, давно приметил «зомби», когда еще впервые осматривал помещение — пистолет. «Зомби» судорожно схватил оружие и, направив ствол на Одана, нажал спусковой крючок.

Тут же выронил лазерник и рухнул замертво, заливая пол собственной кровью.

* * *

— Это была проверка, — сообщил Одан Азарду. Теперь у него было прежнее, свое собственное лицо. Фальшивая кожа, или, чем он там был покрыт, бесследно исчезла. — Вы слышали наш разговор. Я назвался человеком из Федерации, а его назвал Рейсилом. Он немедленно осуществил попытку уничтожить меня. Оружие, разумеется, было с секретом. При нажатии на курок оно испускает обратный луч, убивая своего обладателя.

Азард хранил гордое молчание.

— Итак, доказано, что вы — Рейсил, — продолжал Одан. — Вы прикончили бы любого из нас так же легко и непринужденно, как расправились с народом Малатло. Мы хотим знать, как это было. Будете говорить?

— Да. Я расскажу вам все, что вы хотите услышать о Великой. Победе. — Азард придал своему

голосу тоскливые нотки, а лицу — выражение равнодушной покорности. Но внутри его клокотала ярость. Чем дольше он будет увлекать их своим рассказом, тем неотвратимее близится их гибель и окончательная победа Рейсилов над наивными людьми Федерации. Три десятка освобожденных им «старейшин» — команда из отборных бойцов. Облаченные в новые тела, они сейчас уже должны были обыскивать корабль. С оружием в руках. Увидев то, что здесь происходит, бойцы быстро смекнут, каким образом воспользоваться своими телами в полную силу.

— Мы находились в отчаянном положении, — начал он. Убедившись, что полностью завладел вниманием аудитории, он продолжил:

— Еще до первого контакта с поселенцами Малатло Тиурс столкнулся с демографической проблемой. Население планеты постоянно увеличивалось. Оно вот-вот должно было перешагнуть рубеж, за которым Тиурс уже не смог бы обеспечивать своих детей хотя бы необходимым минимумом. Рейсилы не обладали достаточно развитой технологией, необходимой для космических полетов, что могло бы облегчить ситуацию. Разработка методики длительного хранения сознательной личности при отсут-

ствии поддержки со стороны физического тела явилась временным и недостаточно радикальным решением.

— Так, значит, это вы, а не Малатло, — промолвил Сашиен, — первыми разработали методики сохранения «старейшин»?

— Ваши сородичи тоже занимались этим вопросом, — ответил Азард. — Но мы завершили работы по отделению «старейшин» примерно за столетие до того, как они достигли существенных успехов в этом направлении…

Сторонники Малатло, надо отдать должное их проницательности, приняли решение не форсировать отношений с Тиурсом. Они предпочитали, чтобы Рейсилы развивались постепенно и шли своим, естественным для них путем. Рейсилы же, хоть и нуждались позарез в свежей информации, которую можно было получить только от людей, тоже придерживались выжидательной тактики. Для них ситуация таила в себе как великую надежду, так и великую угрозу. Практические средства межзвездных перелетов, а вокруг звезд — планеты и планеты, на которых можно было распространить свою экспансию, — в этом заключалась надежда.

А угрозой являлась перспектива столкнуться в

космосе с конкурентами, более непреклонными и жестокими, чем сами. Последователи Малатло были безобидны, но, судя по их рассказам о своих сородичах, последние не были похожи на божьих агнцев, отнюдь. Было совершенно очевидно, что они захватили колоссальный сектор космоса и вовсе не собирались останавливаться на достигнутом. Кроме того, могли существовать и другие цивилизации, столь же опасные для более слабого противника, как и они. Напрашивался логический вывод: не высовываться, а накапливать силы для преодоления любого встречного сопротивления.

Рейсилы погрузились с головой в научные изыскания, включая те направления, которые были ими давно заброшены, так как представляли непосредственную опасность для них самих. К своему несказанному удивлению они обнаружили, что стоило им проявить интерес к космической навигации, как Малатло изъявил готовность предоставить в распоряжение соседей свои корабли. К сожалению, суда каботажники не были предназначены для межзвездных перелетов. Однако даже такое подспорье позволило тиурским ученым серьезно продвинуться в этом вопросе. Свои достижения Рейсилы хранили в

глубокой тайне от Малатло, равно как и другие свои чаяния и тревоги.

Обитатели Тиурса были существами с гипертрофированно высоким темпом воспроизводства. Так было заложено в них природой. Это обстоятельство на протяжении всей их насыщенной войнами истории сделало экспансию вида своего рода священным принципом, возведенным в ранг официальной идеологии, как только Тиурс оказался объединен в единое тоталитарное государство, ограниченное только поверхностью родной планеты. Нежданно-негаданно многочисленность могла обернуться значительным преимуществом. Когда они ринутся к звездам, нашествие не будет носить характер робких, чисто разведывательных колониальных экспедиций. Это будет мощный исход переселенцев на многих тысячах кораблей, каждый из которых способен заселить целую планету за одно-два поколения.

Для достижения вожделенной цели все работали с лихорадочным упорством. От Малатло они узнали о телах-зомби, которые ученые Федерации могли производить в неограниченных количествах. Были предприняты разработки и в этом направлении. Хранящиеся в подземных бункерах «старейшины», для нормального существования

которых на Тиурсе не хватало места, должны воспрянуть на новых планетах, облаченные в новые тела. Дремлющие зародышевые клетки высокой плодовитости с образцовой наследственностью накапливались десятками миллионов. В то же время велись полным ходом и работы в области перспективных вооружений, военная машина быстро набирала обороты. Полномасштабная наступательная кампания в космосе казалась неизбежной. А потом…

— Приверженцы Малатло сообщили нам, что им стало известно о наших намерениях, и это повергло наших соседей в ужас, — сказал Азард. — Наверное, они посчитали, что способны убедить нас отказаться от плана межзвездной экспансии. — Он замялся. — Именно поэтому пришлось их утихомирить.

— И вы, не задумываясь, уничтожили обитаемую планету, — печально сказала Грильом.

— Мы не могли остановить начатое, — сказал Азард. — А Малатло сообщил бы о наших планах Федерации. Мы решили, что альтернативы нет.

— А каким образом наступил конец самого Тиурса? — поинтересовался Сашиен.

— Мы собирались уничтожить его с помощью полей преобразования массы после Исхода, —

сказал Азард. — Последующим исследователям стало бы ясно, что на Малатло и Тиурсе произошла одна и та же необъяснимая катастрофа. Мы тогда не осознавали, до какой опасной степени эти поля были нестабильными. У некоторых полей, что были размещены на Тиурсе, начался спонтанный распад. Не пожелаешь такого и злейшему врагу! После этого…

Он поежился. Словно ужас, пережитый три года тому назад, снова затопил его разум.

— Мы оказались абсолютно к этому не готовы. У нас оставались считанные дни, чтобы предпринять что-то радикальное, — продолжал он. — Вплоть до последнего момента наиболее ценная часть населения пропускалась через центры по выделению «старейшин». Только одному кораблю из тех, что были оснащены опытным двигателем для межзвездных перелетов, удалось избежать всплеска поля, преобразующего материю в спектральное излучение. Этот корабль был очень мал. Но заполнен «старейшинами» под завязку. Оказался он достаточно вместителен и для транспортировки большого количества зародышевых клеток с высокой плодовитостью, а также вмещал запас продовольствия для одного Рейсила. Полет мог длиться годами. Потому что

теперь существовало только одно место, где могли быть изготовлены тела-зомби для спасенных с погибающей планеты «старейшин». Этим местом была Федерация Ядра Звездного Скопления, населенная людьми.

— Тело, которое вы используете, было подвергнуто генетическому анализу. Раньше оно принадлежало человеку. При каких обстоятельствах вы стали его владельцем?

— Когда мы уничтожили Малатло, некоторое количество его приверженцев оказалось на Тиурсе, — сказал Азард. — Я же был включен в состав группы, в которую входили специалисты различного профиля, необходимые для доставки корабля выживания в зону Федерации. Для этой цели мой «старейшина» был помещен в тело последователя Малатло. Примененный метод заключался в доведении человеческого объекта до состояния клинической смерти. В процессе агонии обитавший в теле «старейшина» растворялся. После этого в умирающее тело вводился «старейшина» Рейсила, и производилась попытка реанимирования. Первые сорок восемь таких попыток оказались неудачными. Участвовавшие в этих пробных опытах «старейшины» Рейсилов погибали вместе с агонизирующими телами. Их

не успевали отделить от плоти. Моя пересадка была сорок девятой. Данное тело было успешно возвращено к жизни, так что я, как видите, выжил.

Потом он добавил.

— Мы могли бы поделиться с Федерацией полезной информацией. Мы предлагаем знания рейсиловских ученых, которые занимались методом пересадки «старейшин», а также разработкой массопреобразующих полей, — при условии возвращения их к физическому существованию — в обмен на использование ваших тел-зомби.

Он не ждал ответа на свое предложение. Федералы должны были сознавать, что «старейшины» теперь являлись их пленниками. При желании, люди могли выжать из них подробную информацию, ничего не предложив взамен. Но если они и дальше продолжат его слушать, развесив уши, у трех десятков освобожденных «старейшин» будет больше времени на то, чтобы обнаружить и уничтожить врага.

— Не следует судить нас слишком строго, — помолчав, добавил он. — Наша история и традиции сделали непрерывную экспансию нашего биологического вида насущной, жизненно необходимой потребностью для каждого из Рейсилов.

Ничто в мире не способно ее остановить. Но раз так получилось, как получилось, наши цивилизации могут представлять определенный интерес друг для друга. Лучше бы вам подумать именно об этом, а не о том, как отомстить за испепеленный Малатло.

— Азард, — сказал Одан снисходительно, — у меня возникло впечатление, что вы не до конца разобрались в ситуации. История, которую вы рассказали в Ядре, была принята всего лишь условно, в порядке рабочей гипотезы. За вами было установлено самое пристальное наблюдение. Постепенно в вашем поведении стали заметны проявления определенного несоответствия. Даже учитывая потрясение от постигшей вас катастрофы, вы говорили и действовали совсем не так, как приличествовало вести в подобных обстоятельствах приверженцу Малатло. Разумеется, в свете этого Принципа ваши чаяния были логичны. Но они были слишком конкретны и бескомпромиссны.

Теперь, что касается вашего разума. Было замечено, что он автоматически блокирует любое пси-зондирование. Такую способность человеческий разум тоже иногда обнаруживает. Однако в вашем случае действует такой механизм бло-

кировки, который ни один человеческий разум пока не освоил. Во всяком случае, сведения об этом отсутствуют. Поэтому вскоре возник вопрос: а являетесь ли вы, несмотря на свой внешний вид, настоящим человеческим существом? Тем временем пришло подтверждение ваших слов о том, что планеты Малатло и Тиурс превратились в пояса астероидов. Возникло предположение, что, если вы и в самом деле не являетесь человеком, значит вы были «старейшиной» Рейсила, который спрятался в человеческом теле… Стало быть, вы обманным путем пытались заставить Федерацию оказать вам помощь в восстановлении чуждого человеку биологического вида. Такой вывод напрашивался сам собой.

Азард уставился на Одана:

— Но если такие подозрения возникли еще в Ядре, то почему же тогда…

— Это была проверка.

— Проверка? — повторил Азард.

Одан вздохнул.

— Даже при вторичном применении Принцип Малатло сохраняет удивительную силу, — заметил он. — Федерацией было принято следующее решение. Вам в любом случае будет оказана помощь по приведению упакованных «старейшин»

Рейсилов в новое физическое состояние. Но это будет сделано только в том случае, если обнаружатся хоть какие-то признаки того, что Малатло был разрушен не по причине злого умысла, а, скажем, охватившей ваши головы паники. И еще если нам станет ясно, что вы сожалеете о содеянном не только потому, что за этим последовало разрушение вашей собственной планеты. Однако все, что вы проделывали с самого начала нашего путешествия, неизменно свидетельствовало об агрессивной враждебности, которую ваши сородичи проявляют ко всем остальным живым существам, даже если они отнеслись к вам с полным сочувствием. Неужели до вас так и не дошло, что вы находитесь под постоянным контролем.

— Это невозможно! — резко отозвался Азард.

— Разумеется, мы обеспечили себя кое-какой охраной, — сказала Грильом Тантри. Она кивнула на тело-зомби, застывшее на полу. — До того, как поместить туда «старейшину» — вероятно, одного из лидеров вашего народа — я ввела в это тело последнюю порцию возбуждающего средства. Об этом важном шаге, необходимом для поддержания жизни в «зомби», вас в свое время не поставили в известность. В телах, куда вы час назад поместили «старейшин», это возбужда-

ющее средство отсутствовало. Поэтому они все погибли уже через несколько минут после того, как «старейшины» привели их в состояние полноценной жизнедеятельности. «Старейшины», естественно, умерли вместе со своими новыми телами.

Азард пытался в течение нескольких секунд не верить ужасному сообщению. Однако было ясно, что Грильом говорила правду. Он собрал волю в кулак и обратился к Одану с неожиданным вопросом:

— Вы разговаривали на нашем языке. Как вам удалось обучиться?

— Несколько лет я занимался изучением малатло-рейсиловских отношений, — пояснил Одан. — Последний корабль, вернувшийся из вашей солнечной системы, предоставил учебные звукозаписи. — Он посмотрел на своих товарищей. — По-моему, друзья, наш пленник поведал нам обо всем, что мы хотели узнать.

Они кивнули.

— В таком случае, — подытожил Одан, — настало время решить вопрос окончательно и бесповоротно.

Он махнул рукой — и Азарда окутала беспросветная темнота.

* * *

Вскоре он пришел в себя и осмотрелся. Все окружающее было словно в дымке. Он сидел уже в другом кресле, вновь лишенный возможности пошевелиться. Федералы, все трое, были неподалеку и занимались своими делами.

Через несколько секунд он понял, что находится на борту атмосферного крейсера. На экране монитора виднелась поверхность одного из океанов планеты. Рядом с монитором стояли два футляра со «старейшинами».

Азард обнаружил, что может говорить, и громко спросил:

— Что вы собираетесь сделать?

Люди оглянулись.

— Здесь мы собираемся избавиться от «старейшин», — заявила Грильом, как о чем-то, само собой разумеющемся.

Несмотря на свое угнетенное состояние, Азарда захлестнула волна невообразимого гнева.

Ничего, подумал он, этих троих тоже ожидает конец! Выпущенные из футляров орды «старейшин» будут яростно бороться за обладание как телами федералов, так и телом Азарда. Ни обитающий в его теле «старейшина», ни физические

тела этих трех не смогут выдержать бешеного напора сотен миллионов «бесквартирных» жильцов.

— У вас нет полномочий на то, чтобы принимать такое каннибальское решение!

— Как раз мы имеем такие полномочия, Азард, — сказал Одан. — Для этого мы здесь и находимся.

— Тогда вы еще хуже нас, — сказал ему Азард. — Мы уничтожили население только одной планеты. А вы замахиваетесь на уничтожение целого вида разумных существ.

Люди не отреагировали на это заявление. Они наблюдали за экраном. Азарду удалось повернуть голову так, чтобы тоже видеть картинку. Вскоре на нем показался край сверкающего желтого образования. Азард понял, что это был рой из миллиардов крошечных морских организмов, собравшихся вместе для размножения. Аналогичное скопление планктона они видели сегодня вечером.

Не оборачиваясь к Азарду, Грильом промолвила:

— Там внизу — неистощимые запасы тел, не обладающих ни разумом, ни «старейшинами». Я выставила контрольные шкалы в этих

футлярах таким образом, чтобы рейсиловские «старейшины» были выпущены на свободу в течение минуты после того, как футляры ударятся о поверхность воды. Выйдя из своих «мест заточения», «старейшины войдут в тела-хозяева, в которых они смогут просуществовать чуть меньше стандартного года. Такова продолжительность жизненного цикла этого криля. Потом «старейшины» умрут вместе со своими новыми телами. Вот как мы решили поступить.

— Вы не правы в одном очень важном отношении, Азард, — добавил Одан. — Мы оставим в целости и сохранности сбереженный вами запас яйцеклеток Рейсилов. Под нашим наблюдением из них будет выращено новое поколение. Только какая-то страшная необходимость могла бы заставить людей уничтожить целый биологический вид. Так что ваши соплеменники не погибнут. Уйдут в небытие лишь его история, его традиции. Умрут его принципы.

— А что мы значим без наших истории и традиций? Без наших принципов?

Люди не отозвались, и он засомневался, задал ли он вопрос вслух. Он вдруг обнаружил, что ему все стало безразлично. Вопрос потерял свою актуальность. Потом Азард заметил, что крейсер

приблизился к поверхности океана, люк распахнулся. Футляры со «старейшинами» полетели вниз, и люк захлопнулся.

Азард поймал себя на мысли, что не испытывает по этому поводу никаких эмоций. Он их вообще перестал испытывать. Федералы искусно выкачали из него все чувства. Затем восприятие окружающего начало тускнеть, и он понял, что умирает. Но и к этому факту он остался равнодушен. Пожалуй, подумал он, они проявили некоторое милосердие.

Затем последний Рейсил умер.

Внизу на сверкающих волнах качались открытые футляры. Обладающие сознанием и жадно желающие обрести физическое существование «старейшины» вдруг поняли, что свободны. Они ринулись вон из футляров и обнаружили вокруг себя изобилие жизни. Они вошли в свои новые тела, овладели ими, закрепились в них. Возможно, на один пронзительный миг некоторые из «старейшин» вдруг сообразили, что они соединились с такой формой жизни, у которой не было предусмотрено собственное сознание. Поскольку собственному сознанию старейшин не на что было опереться, оно постепенно угасло. Тем не менее они еще немного поживут на белом свете.

Чуть меньше земного года.

ЗАБОТ ПОЛОН РОТ

1

Когда Данрич Паррол, главный управляющий Джиардовской Фармацевтической станции на Нэнди-Клайне, поспешно вышел из аэротакси у планово-диспетчерской конторы, он заметил, что ослепительно голубой «Пан-элементал» доктора Найл Этланд уже, припаркован на посадочной полосе рядом с входом в здание.

Паррол протиснулся в дверь и спросил у регистратора:

— Когда она здесь появилась, и где она сейчас?

Девушка поморщилась и взглянула на часы:

— Она прибыла четыре минуты назад и направилась прямо в кабинет мистера Велдроу. Они тут же связались с Фризи и вызвали ее сюда. С возвращением, мистер Паррол! После вашего отъезда у нас тут было скучно, — во всяком случае, до тех пор, пока не возникла нынешняя ситуация.

Коротко улыбнувшись, Паррол сказал:

— Если кто-нибудь мне позвонит, подключайте его к телефону Велдроу, ладно? — и пошел по коридору. В дальнем его конце он открыл дверь в кабинет. Когда он вошел, стоявшие у висевшей на стене карты, все трое, оглянулись. На лице

помощника управляющего Илиума Велдроу при виде шефа появилось явное облегчение.

— Рад тебя видеть, Дан, — сказал он искренне. — Мне кажется, что…

— Дан, это просто кошмар какой-то! — перебила его Найл Этланд.

Заведующая лабораторией джиардовской станции, по-видимому, после того, как Парол позвонил ей в гостиницу при космопорте, одевалась наспех. Скорей всего, именно так и пришлось ей поступить, иначе она не успела бы появиться через десять минут после звонка. Копна медно-рыжих волос до сих пор всклокоченно торчала на голове, как какая-то нахлобучка. На целеустремленном лице с идеальными, словно выточенными чертами не было и следа косметики. Она кивком головы указала на грузную женщину рядом с Велдроу.

— Происшествие явно не носит характер эпидемии. Фризи утверждает, что в экземплярах и образцах, прошедших через лабораторию, не было никаких признаков заболевания.

— Естественно, не было, — угрюмо проговорила старшая лаборантка. — Если бы материал не был стопроцентно здоров, его бы вернули на все те ранчо, откуда он поступил, причем с

рекламацией.

— Безусловно. И до сих пор нет сообщений о тушах дохлых морских коров, которые наблюдались бы повсюду в океане, — продолжала Найл Этланд.

— Так что же произошло? — спросил Паррол. — Судя по сводке последних известий, которую я только что прослушал в гостинице, многое остается неясным, но на эпидемию действительно не похоже. Ведущий упоминал о «загадочных исчезновениях» целых стад в этой местности. Это было подано таким образом, что должно наводить на мысль: в угоне скота подозревается кто-то из местных фермеров.

Найл повернулась к настенной карте.

— Ни черта подобного, Дан! Дай-ка я тебе покажу. Неприятность началась восемь дней назад вот тут… в ста пятидесяти километрах отсюда вверх по побережью. Всю эту неделю ранчо, расположенные к югу от этой точки, поражаются с нарастающей интенсивностью. Хуже всего то, что подсчитанный падеж быстро возрастает. В первых зараженных стадах он составлял от пяти до десяти процентов. Но в сегодняшнем утреннем докладе сообщалось, что в «Годвисонос Океаник» падеж составляет почти шестьдесят процентов

от всего поголовья.

— «Годвисонос»? Шестьдесят процентов! — повторил Паррол с изумлением. — Но в выпуске текущих новостей об этом ничего не говорилось.

— По пути сюда я связалась с Ассоциацией Фермеров юго-востока, — сказала ему Найл. — Эти цифры назвал мне Мачон. Они еще не опубликованы. По сравнению со вчерашними данными они здорово скакнули вверх. Мачон, казалось, был просто в шоке. О происходящем распространяется много самых бредовых слухов, но толкового объяснения, что же там творится, как не было, так и нет.

Паррол посмотрел на Велдроу:

— А что вам удалось сделать?

Помощник управляющего поморщился. Найл Этланд нетерпеливо сказала:

— Велдроу ровным счетом ничего не сделал!

Направившись к двери, она командирским тоном добавила:

— Фризи, за мной! Приготовим как следует все в лаборатории. Вернусь через десять минут, Дан.

Илиум Велдроу, розоволицый мужчина с пухлыми щеками был старше Паррола на десять лет и отличался повышенной чувствительностью. Как помощник управляющего на планете вроде

Нэнди-Клайна, он являлся самой настоящей обузой для всех, с кем ему приходилось работать. Его хотели было потихоньку «сплавить» в какой-нибудь мегаполис Федерации, где он очутился бы, в родной стихии. Однако этому воспрепятствовала «мохнатая лапа» — один из членов совета директоров «Джиард» приходился Велдроу дальним родственником.

Критическое замечание Найл Этланд задело его за живое. Паррол несколько минут втолковывал ему, что фермеры с побережья, особенно те, кто связан с «Джиард» договорными отношениями, — зависят от возможностей компании и специалистов по ликвидации аварий и неполадок, которые периодически возникают в фермерских хозяйствах. На обучение этих специалистов затрачены большие средства.

* * *

Если бы со стадами случилось что-то серьезное, «Джиард» попытала бы счастья в целебных экстрактах. Их выделяли из желез особой породы морских коров, которых разводили на Нэнди-Клайне и больше нигде.

Казалось, Велдроу уяснил суть сказанного. Обидчивое выражение его лица сменилось на

озабоченное.

— Но Дан… эта проблема… что бы она собой ни представляла… по всей видимости, охватывает всю территорию восточного побережья! Что нам мешает добыть требуемые материалы у фермеров, разводящих морских коров на другой стороне континента?

— Мешает, в основном, тот факт, — сказал Паррол, — что эти фермеры связаны договорами с такими структурами, как «Эйджнес». Ты можешь себе представить, что «Эйджнес» допустит нарушение договорных обязательств своим контрагентом только для того, чтобы выручить из беды «Джиард»?

И опять суть дела, кажется, дошла до Велдроу. Даже он не мог не знать, что «Эйджнес Лабораториз» были главными конкурентами «Джиард». К тому же они обладали репутацией самых натуральных головорезов.

— Понимаешь, Дан, — сказал, оправдываясь, Велдроу, — мне приходилось очень не сладко эти два с половиной месяца, пока вы с доктором Этланд находились в Ядре! Я был так загружен на станции своими прямыми обязанностями, что просто был не в состоянии уделять достаточного внимания посторонним вопросам.

Паррол сказал, чтобы Велдроу не беспокоился по этому поводу, а на выходе проинструктировал секретаршу:

— Если в ближайшие несколько часов мне будут звонить, передайте, что я в Ассоциации Фермеров юго-востока, либо в машине доктора Этланд. Она в очередной раз по дешевке купила аэрокар на Орадо и прихватила его с собой на Нэнди-Клайн. Здесь номер, по которому можно связаться с ее машиной.

Спустя несколько минут он уже поднимал в воздух с посадочного уступа «Пан-элементал» Найл Этланд, осторожно касаясь руля управления. Доктор тем временем увлеченно накладывала косметику.

— Ты с ней особенно не церемонься, — посоветовала она, искоса поглядывая в зеркальце пудреницы. — Как только ухватил суть дела, нет ничего проще, чем управлять ею.

— Я не хочу по ошибке включить третью космическую скорость, — буркнул Паррол.

— Дурачок, это же невозможно… пока не окажешься в открытом космосе. Слушай, подними лобовое стекло, а? Четвертая кнопка, второй ряд, левая сторона… «Эйджнес»? Ну, я не знаю. Если бы эти коровы не исчезали, а дохли, я бы тоже,

наверно, подумала об «Эйджнес».

Паррол нашел кнопку ветрового стекла и после секундной заминки нажал ее. Обдувающий их со свистом ветер внезапно утих. Почувствовав себя более уверенно в вождении «Пан-элементала», — только Найл могла бухнуть двухгодичную зарплату на реальную угрозу для жизни, которой являлся этот гоночный аэрокар — Паррол переключился на более высокую скорость и повернул направо к морю. Под ними промелькнула вереница зданий и скрылась из виду. Взору предстала залитая солнцем береговая линия океана Нэнди-Клайна, опоясывающего всю планету.

— А что, если существуют какие-то химические средства, с помощью которых можно было заставить стадо морских коров покинуть определенный участок океана?

— Конечно, существуют. Но кто бы взялся за химическую обработку участка водной поверхности, длина которого сто пятьдесят километров, а ширина — почти восемьдесят? Кроме того, эту территорию покинули бы не *все* коровы.

Распустив волосы, Найл расчесала их, встряхнула головой и уложила на место.

— Попробуй-ка лучше выдвинуть другую гипотезу, Дании, — сказала она.

— А у тебя имеется собственная гипотеза?

— Нет. Сначала посмотрим, что происходит на чрезвычайном съезде фермеров. — Найл мотнула головой назад. — У меня в багажнике напихано всякое разное испытательное оборудование — на случай, если нам все-таки придется искупаться.

Они немного помолчали. Потом Паррол произнес:

— Кажется, там внизу все нормально. Ты не находишь?

Он повернул налево и, замедлив ход, стал снижаться к береговой линии континентального шельфа. В нижней точке отлива шельф простирался почти на шестьдесят километров на восток, образуя солончак колоссальных размеров. С той высоты, на которой находились Найл с Парролом, он представлял собой целую палитру оттенков желчи. Над шельфом кружилось несколько автолетов. Через покрытые водорослями озера, которые образовались при отливе, натужно пробирались баркасы с топливом.

— Такое впечатление, — заметила Найл, — что «Годвисонос Океаник» отправила чуть ли не всех своих сотрудников выискивать поштучно все, что осталось! — Потом она неуверенно промолвила: — Ты прав насчет тех стад, что не выказывают

ни малейших признаков беспокойства. *На самом-то деле,* морских коров ничего особо и не тревожит.

— Ладно, давай поторопимся на съезд, — вздохнув, произнес Паррол.

* * *

Ближе к полудню в районе шельфа солнце стало припекать вовсю. Воздух наполнился тяжелыми запахами соленой воды и буйной растительности. Паррол подогнал водный скутер с опознавательным знаком «Годвисонос Океаник», который сопровождала крикливая стая потревоженных птиц-жужелиц, к кромке прибрежного водоема, образовавшегося при отливе. Здесь эти пурпурно-черные создания оставили суденышко в покое. Скутер сел на воду, и медленно подкатил через весь водоем к «Пан-элементалу» Найл, укрытому в зарослях камыша.

Паррол внимательно огляделся. Облетая эту местность полчаса назад, он видел гибкую длинноногую фигуру доктора Этланд. Она стояла на капоте своей машины, облаченная в открытый купальник и ласты. Сейчас ныряльщицы видно не было. На багажнике «Пана» валялось что-то из испытательного оборудования. Помутневшая

вода свидетельствовала о том, что под ее поверхностью паслись морские коровы.

Паррол перешагнул в большое аэро и пришвартовал к нему свой скутер. На нем были надеты панталоны до колен и ласты. К поясу крепились гарпунное ружье для подводной охоты и нож в чехле. Шельфовые фермы редко подвергались нашествию глубоководных хищников, однако более мелкие вредители попадались частенько. Он дотянулся до задней полки скутера и, порывшись среди барахла, как то: диктофона, ящика с картами и диаграммами, телекамеры, аппарата для дыхания под водой и карманного переговорного устройства, достал сигареты. Когда он закуривал, метрах в шести от него из воды высунулась приплюснутая звериная голова — бурая, с густыми и длинными усами, с белым шрамом, пересекающим череп наискосок — и уставилась на человека в упор.

— Привет, Спиф, — обратился к этой голове Паррол, как к хорошему знакомому. Он узнал в зверюге старшую из двух охотничьих выдр, которых Найл, будучи занятой подводными работами, держала подле себя, как телохранителей. — Где босс?

Выдра фыркнула, изогнула спину, и ее трех-

метровое тело, словно текущая струя густого машинного масла, скрылось под водой. Паррол терпеливо ждал. Через минуту-другую слева от него послышался плеск. На этот раз на него смотрела уже не морда, а лицо доктора Найл Этланд. Она подплыла к Парролу, и он протянул ей руку, чтобы помочь взобраться на капот «Пан-элементала». Найл отжала волосы и стянула с головы прозрачный аппарат для дыхания под водой, покрывающий всю переднюю часть головы.

Взглянув на свои наручные часы, она поинтересовалась:

— Ну что? Удалось выяснить что-нибудь новенькое за эти полтора часа?

— Да, есть кое-какие сведения… — Паррол вдруг запнулся. Почти посередине водоема, оставшегося после отлива, медленно и почти беззвучно из воды поднялась громадная, розовато-серая туша. Пара выпученных буркал с угрюмой подозрительностью уставились на людей и их машины. Это был *Гиппопотамус Амфибиус* — земноводный бегемот. Он был завезен с Земли и приспособлен к жизни в морской воде, которая насыщена кормом в большей степени, нежели пресная. Это способствовало большему привесу тела. Кроме того, животное увеличили в размерах, его мясо

сделали более нежным и придали еще кое-какие вкусовые качества. Так он стал морской коровой, чья доля в снабжении планет Федерации белковой массой была довольна весома. Паррол видел, что эта особь — матерый самец-производитель, достигавший в длину более десяти метров. Его бока был покрыты боевыми шрамами. Поперек спины, как символ принадлежности фирме «Океаник», распластались три широкие полосы белого цвета.

— И ты тут возишься с этим древним страшилищем? — спросил Паррол.

— Ага, — Найл как раз вынимала из одной из своих ласт безразмерную иглу для подкожных инъекций. — Старый паршивец не изъявляет особого желания сдавать кровь на анализ.

— Так зачем тратить на него силы и время?

Найл пожала плечами.

— Просто интуиция. Что ты хотел мне сказать?

— В этом крупномасштабном исчезновении крупного скота есть одна деталь, которую нельзя рассматривать, по-моему, как просто совпадение, — произнес Паррол. — Вся эта история началась у северного изгиба континента. За неделю события продвинулись на сто пятьдесят километров вниз по побережью, добравшись до

владений «Годвисонос Океаник». Почти с такой же скоростью край течения Мерал проходит вдоль шельфа Континентального Разлома.

Найл кивнула.

— Мне это тоже приходило в голову. Если это совпадение, то довольно странное. Однако если даже допустить, что тут замешано течение, это все равно нет ответа на главный вопрос, не так ли?

— Куда подевались эти глупые твари? Конечно, этот вопрос остается без ответа, — нахмурился Паррол. — Тем не менее ни одна из гипотез, выдвинутых на съезде, не выдерживает, на мой взгляд, никакой критики. Хищники не могли стать причиной происходящего. Я опросил половину фермеров севера. Они не отмечали какого-то небывалого количества дохлых или раненых коров, болтающихся по морю, равно как и заболевших. И никто их не угонял. Даже если и можно увести с ранчо стадо, все равно его нигде не спрячешь… — Он замолчал, но вскоре продолжил: — Я тут услышал кое-что и хочу с этим разобраться, не откладывая в долгий ящик. Более двух месяцев тому назад — сразу после нашего отбытия в Ядро — «Таскасон Глиссеры» сообщила властям на материк, что кто-то вырезал весь

косяк принадлежащей им фрайи.

Найл тихонько присвистнула.

— Это плохие новости, Дан! Мне прискорбно такое слышать. Думаешь, тут есть какая-то связь?

— Не знаю. Власти прислали следователей. Те не смогли обнаружить ничего такого, что говорило бы о насильственной гибели косяка. Фрайеловы же клятвенно заверяли, что фрайи были злонамеренно отравлены. Но они не смогли предъявить ни одной прямой улики. Возникает такое ощущение, что они вознамерились хапнуть на шармачка федеральную компенсацию за ущерб. Я попросил Мачона выяснить, где в настоящий момент курсирует таскасоновская флотилия. Как только ее местонахождение станет известно, он даст мне знать, и я сразу же вылечу. Потом мне в голову втемяшилась одна мысль. Возможно, она сможет объяснить проблему фермеров. Существует вероятность того, что пропавшими посчитали, в основном, тех коров, которые отсутствовали только в момент подсчета поголовья. По компьютерным данным, корова, которая кормится под водой или вздремнула на дне, поднимается подышать на поверхность в среднем каждые десять минут. Но, предположим, что-то привело животных к легкому отравлению

и сделало необычайно вялыми. Если теперь каждая корова будет подниматься на поверхность раз в двадцать или тридцать минут, то это почти наверняка приведет к кажущемуся выводу, что их количество ощутимо уменьшилось.

— Остроумная теория, — сказала Найл. — Ты предложил подводный подсчет поголовья?

— Да. Разумеется, это еще та работенка. Особенно на территории размером с годвисоносовскую, но некоторые фермеры готовы приступить к ней немедленно. А ты не…

Она покачала головой.

— Пока ни в воде, ни в пробах крови, отосланных мной в лабораторию, не обнаружено ничего, что позволило бы в качестве причины исчезновения поголовья усмотреть хоть какой-то намек на отравление. А вообще-то я тут заприметила кое-что, что подтверждает твою гипотезу.

— Что именно?

— Старый самец, которого мы только что видели. Не знаю, заметил ли ты, но он погрузился почти сразу же. И единственная причина, по которой я хотела взять у него кровь для анализа, заключается в том, что после того, как я начала обследовать этот водоем, он не поднимался на поверхность каждые десять минут. Отнюдь. Ко-

гда ты здесь появился, он находился под водой уже добрых полчаса. Тем не менее, никаких признаков вялости он там не проявлял. Знай себе тешил брюхо, обгладывая ламинарию. Пожалуй, я не припомню, чтобы я раньше видела морскую корову, преисполненную такого неизбывного энтузиазма в поглощении пищи.

— Интересно, что могло послужить причиной подобного обжорства? — озадаченно спросил Паррол.

Найл пожала плечами.

— Пока не знаю. — Она взяла в руки богатырских размеров шприц. — Хочешь нырнуть со мной, помочь взять у обжоры пробу? Он не подпускает меня сзади, а от Спифа со Свитинг в этом деле проку мало, потому что старый паршивец просто не обращает на них никакого внимания.

* * *

Самец был упрямым и воинственным. Такими качествами обладали многие пожилые вожаки стада, так что Паррол не был этим очень-то обеспокоен.

Они с Найл были уроженцами Нэнди-Клайна. Оба родились в мелководных поселениях в тысяче километров от единственного на планете

континента, и в воде, почти буквально, были как в родной стихии. Верилось с трудом, но Найл помогала пасти морских коров своего поселения с тех пор, как научилась плавать. А плавать она начала раньше, чем ходить. Теперь она ускользала от тяжеловесных выпадов самца почти с такой же легкой грацией, как и у ее помощников-выдр. Потом, когда Паррол стал перемещаться туда-сюда перед носом у гигантского быка, отвлекая на себя внимание, Найл прошмыгнула зверю в тыл, и на некоторое время скрылась из виду.

Через минуту-другую она появилась вновь, показала наполненный кровью шприц, чтобы Паррол мог его увидеть, и стала грести к поверхности воды.

Паррол последовал за ней. Они снова вскарабкались на «Пан», предоставив морской корове возможность продолжить свою бесконечную трапезу, и сняли дыхательные аппараты.

— Дан, я хочу упаковаться прямо здесь и сейчас, после чего двинуть дальше, — сказала Найл. Она убрала шприц и занялась обычными приготовлениями к дальнейшему полету. — Я подброшу все эти материалы в лабораторию, пусть ими занимается Фризи, затем прошвырнусь на восемьдесят-сто километров к югу. Хочу взять такие

же выборочные пробы в местности, где стада, кажется, не затронуты этой напастью. Может, это даст нам хоть какую-то нить к разгадке. Хочешь, возьму тебя с собой, или у тебя какие-то другие срочные планы?

— Я… погоди минутку! — запиликало переговорное устройство на полке скутера, взятого Парролом напрокат. Он протянул руку за коммуникатором и произнес:

— Паррол слушает. Говорите!

— Говорит Мачон, — послышался голос секретаря Фермерской Ассоциации. — Мы связались с «Таскасон-Глиссерами», Дан. Они очень хотели бы с тобой увидеться! Они все время ждали твоего возвращения с Орадо. Слушай, где они сейчас находятся…

Паррол сделал несколько пометок в электронном блокноте переговорного устройства, поблагодарил Мачона и отключил связь.

— Ну вот, — сказал он Найл, — я сию же минуту должен вылетать. Сейчас сезон тайфунов, поэтому я лучше воспользуюсь «Охотником». Если вдруг наскочишь на что-нибудь такое, что, на твой взгляд, будет представлять интерес, сразу же позвони.

Найл кивнула:

— Закидывай свои пожитки назад, пока я позову Свитинг и Спифа. Я подброшу тебя до пересадочной станции…

2

Солнце уже клонилось к закату, когда Паррол забрал «Охотник» с палубы глиссера, на котором базировалась штаб-квартира «Таскасон», и устремился на нем обратно на континент. Он был рад, что остановил свой выбор на столь надежном и прочном средстве передвижения. Территории «Таскасон» располагались как раз внутри пояса тайфунов. Горизонт впереди был свинцово-серым и даже местами траурно-черным. Сплошная стена туч, готовых обрушиться ливнем, стремительно заволакивала небо.

Он позволил себе задержаться у фрайеловов немного дольше, чем предполагал, обсуждая возникшую ситуацию. Однако, полученные им сведения, как ему показалось, не имели какого-нибудь существенного значения. Возможно, что он просто столкнулся с совершенно новым явлением, которое не имело ничего общего с известными ему прежде. «Таскасон-Глиссеры» передали «Джиард-Фармацевтикалз» целую флотилию для химического сбора урожая, и, как следствие этого, относились к Парролу и Найл Этланд, как к своим единственным благонадеж-

ным связникам на континенте.

Уничтожение косяка нанесло им серьезнейший экономический ущерб. Мясо фрайи являлось самым близким местным аналогом полноценного мяса земных млекопитающих. Фрайи представляли собой неуклюжих зверей, тела которых по своему строению и химическому составу почти полностью соответствовали телам некоторых обитателей земных морей. Только жизненный цикл был у фрайей совсем иной. Они размножались в океанских расщелинах и впадинах глубиной от полукилометра до тысячи метров, и у каждого косяка было свое излюбленное место, куда он возвращался каждый год для выведения потомства. Там фрайи из всеядных, дышащих воздухом животных, плавающих вблизи поверхности воды, превращались в глубоководных растительноядных существ, питающихся исключительно одним-единственным видом подводной флоры. За несколько недель зверь удваивал свой вес, выводил потомство и был готов к возвращению на поверхность океана. Каждый косяк являлся собственностью одного из сообществ глиссерщиков-фрайеловов. В конце сезона размножения забивалось ровно столько фрайей, сколько требовалось, чтобы наполнить

до отказа плавбазы глиссерщиков. Затем годичный цикл повторялся. Фрайи, бесспорно, были не единственным, но наиважнейшим источником пищи для глиссерщиков.

«Таскасон-Глиссеры» были уверены, что принадлежавший им косяк был умышленно истреблен либо какой-то конкурирующей организацией с континента, либо одним из концернов, занимающихся переработкой морепродуктов, либо каким-то крупным фермером. Они считали, что это было сделано с целью вынудить их убраться с принадлежащих им морских владений, чтобы туда можно было перенести работы по сбору урожая. Фрайи спешили к месту своего размножения и находились приблизительно в ста километрах от него, когда произошла трагедия.

Идущие следом за косяком пастушьи глиссеры не ведали о случившемся несчастье, пока не обнаружили, что продвигаются среди множества мертвых тел, которыми была беспорядочно усеяна поверхность океана. Косяк погиб, по всей видимости, за считанные минуты. Это было настоящее бедствие, потому что место размножения не могло быть теперь восстановлено с помощью других косяков. Дело в том, что между фрайями и чалотом — растением, которое на

протяжении всего сезона размножения служило им кормом — существовала четкая взаимозависимость. Каждый из симбионтов нуждался в неукоснительном соблюдении партнером своего жизненного цикла. Если фрайям не удавалось появиться на излюбленном пастбище на следующий год, чалот погибал. Прихотливое растение невозможно было возродить на лишенных удобрения площадях.

Если бы среди организаций, базирующихся на континенте, удалось найти виновника этого злодеяния, «Таскасон-Глиссеры» могли бы содрать огромную компенсацию за причиненный ущерб. Либо непосредственно с повинных в преступлении, либо с Федерации, неустанно пекущейся о благосостоянии честных граждан. Однако, кроме всплесков некоего сигнала, зафиксированного на экране радиолокатора, что, в принципе, могло свидетельствовать о паре подводно-надводных судов, удаляющихся из этой зоны, иных доказательств уголовного характера происшедшего не существовало. Паррол клятвенно пообещал посодействовать в этом вопросе, насколько это было в его силах. Глиссерщики, кажется, остались этим довольны.

В других же отношениях, прошедший день су-

щественно не приблизил его к ответу на вопрос, что же творилось со стадами морских коров, принадлежащих береговым фермерам. Фрайи же однозначно погибли. Либо это произошло по причине человеческих жестокости и злопыхательства, либо вследствие извержения из океанских глубин пузырей смертельно опасного газа. В настоящий момент Паррол склонялся к последнему варианту. Что же касается коров, то они, по свидетельству многих, не подыхали. Их просто нигде не было.

* * *

Некоторое время Паррол пробивался сквозь тайфунные бури и воспользовался первой же обширной зоной затишья, чтобы связаться с континентом. Когда он дозвонился до Ассоциации Фермеров юго-востока, его сразу же соединили с кабинетом секретаря. Мачон до сих пор бдел на своем посту. Судя по ослабевшему голосу, он был близок к полному истощению. Зато у него имелась хорошая новость для Паррола. Оправдалось его предположение, что при подводном просчете могут быть обнаружены некоторые пропавшие животные.

Подсчитанные ориентировочно убытки «Год-

висонос Океанию» теперь можно было смело урезать почти на четверть. Некоторые фермеры на севере склонялись даже к еще большему сокращению потерь. Но пропажа оставшихся трех четвертей, поголовья оставалась по-прежнему необъяснимой. Сообщения о новых исчезновениях продолжали поступать из более отдаленных к югу участков побережья.

Следующей в очереди на связь была Фармацевтическая Станция Джиард. Найл Этланд бывала там наездами; в данный момент она отсутствовала. Сведений о том, где ее можно отловить, она не оставила. Находившаяся в лаборатории Фризи, которой Найл велела и дальше производить контрольные замеры у некоторых экземпляров морских коров, сообщила, что результаты проб продолжают оставаться отрицательными.

Порывы свежего ветра снова стали раскачивать «Охотник», и Паррол был вынужден прервать связь. Некоторое время он полностью был поглощен проблемой, как добраться домой живым. Он дважды звонил на «Пан-элементал» Найл, но она не отозвалась. При необходимости она и сама связалась бы с «Охотником». Причина радиомолчания объяснялась просто: она не предполагала, что ее деятельность окажется столь безуспешной,

и поэтому пребывала в дурном расположении духа.

К тому времени, когда «Охотник» прорвался через последний тайфунный пояс, Паррол и сам пребывал в сильном раздражении. Он потянулся, было, к одному из бутербродов, которые прихватил с собой в поездку. Потом вспомнилось, что они давно съедены все до единого, и ему пришлось прислушаться к пустоте урчащего желудка. Пока машина неслась в заданном направлении, он решил еще раз обдумать все как следует. Если не считать рассеянных по небу грозовых туч, небо над континентом на западе было ясным. Он вплывал в надвигавшуюся ночь. Зетман — внутренняя луна — уже нырнула за горизонт. Над головой тихо и безмятежно поднялся диск светлого Дьюза.

Паррола продолжало тревожить смутное ощущение, что между двумя группами событий, которыми он был занят в течение сегодняшнего дня, существовала некая логическая связь. Пропадающие стада морских коров… Сраженный загадочной смертью косяк фрайи «Таскасон-Глиссеров»…

Подробности того, о чем поведали глиссерщики, не выходили у Паррола из головы. Визуально

представив себе события, о которых они рассказали, он дал волю воображению. Иногда таким образом можно было…

Внезапно его лицо прояснилось. Он немного расслабился, чтобы спокойно все обдумать. Потом подался вперед и нажал кнопку на переговорном устройстве.

— Служба КомСети, — раздался безличный голос оператора.

— Дайте справочное бюро Центральной Лаборатории.

Через несколько секунд Паррол уже говорил:

— Я хотел бы посмотреть карты океанических течений вдоль восточного побережья на расстоянии одной тысячи километров от континента.

Он включил экран и подождал появления на нем запрошенных материалов.

Еще одно предчувствие! На этот раз — совсем «горячо»!

* * *

Согласно указателю местонахождения, до станции «Джиард» оставалось сто три километра. Паррол поддал скорости. Он имел все основания полагать, что проблема частично решена. Но он хотел обсудить все это с Найл, а эта своенравная

мадам не подавала о себе никаких вестей. «Пан-элементал» на звонки не откликался. Прошло уже три часа с тех пор, как она последний раз отметилась на станции.

Вместе с раздражением в Парроле, помимо его воли, нарастало чувство тревоги. Вообще-то Найл была очень осторожна. Да и то, что ему удалось выяснить с помощью Центральной библиотеки, теперь, по всей видимости, уменьшало вероятность криминала в истории с исчезновениями морских коров. И все-таки…

Зажужжало переговорное устройство. Паррол подскочил:

— Паррол слушает. Кто это?

— Извините, сэр, — вежливо произнес мужской голос, — я не туда попал.

Глаза Паррола сузились. Голос был записан на ленту и являлся условным сигналом от Найл. Он вставил штекер «шифровальщика» в соответствующее гнездо переговорного устройства, нацепил наушники и стал ждать. Теперь «шифровальщик» был настроен на режим, который они с Найл специально разработали, чтобы пользоваться в экстренных ситуациях. Такие ситуации возникали, когда на используемую парой для переговоров волну настраивались недоброже-

латели.

Через несколько секунд зазвучал чрезвычайно невыразительный шепот «шифровальщика»:

— Тревога. Тревога. Оружие. Воздух. Вода. Земля. Найл. Вода. Восток. Пятьдесят восемь. Север. Сорок шесть. Подходи. Осторожность. Осторожность. Вызов на связь. Нет.

Секунду спустя, сообщение повторилось. Затем «шифровальщик» умолк.

Паррол снял наушники и взглянул на спидометр. Тот показывал, что «Охотник» мчался на пределе своих возможностей. Паррол в задумчивости пожевал губу.

Итак, в ситуации с пропажей коров все же замешан человеческий фактор! Судя по только что полученной шифрограмме, это можно было утверждать с полной определенностью. Такой вывод не опровергал его последние умозаключения, а просто добавлял новые нюансы. Найл была склонна порой сгущать краски, но не до такой степени, чтобы посылать сигналы ложной тревоги. Оружие… Вероятность нападения с воздуха, воды или суши. Но с чьей стороны? Этого она не знала, иначе бы обязательно сообщила. Она послала радиограмму, находясь в пятидесяти восьми километрах к востоку и в сорока шести к

северу от станции «Джиард». Эта точка располагалась за шельфовым мелководьем, в открытом океане, строго на востоке от верхней границы фермы, принадлежащей «Годвисонос Океаник». Как раз на полукилометровой глубине под ней находилась впадина Континентального Разлома.

Паррол выдвинул закрепленную на шарнирах пушку «Охотника», врубил поисковые экраны, снизился почти до уровня воды и на всех парах полетел прямым курсом к «Годвисонос».

Над Разломом стоял слоистый туман. Если не считать легкой зыби, море было спокойным. В полукилометре от точки с сообщенными координатами Паррол посадил машину на воду и заскользил по направлению к тому месту, где ориентировочно должна была его поджидать доктор Этланд. Он откинул назад верх машины, подождал еще минуту, потом ненадолго включил сирену. Когда звук замер в отдалении, из клубящегося тумана донесся короткий ответный вой. Одновременно со звуковым сигналом строго впереди по курсу показалось и тут же пропало пятно тусклого света. Паррол облегченно хмыкнул, включил дальние огни и высветил из тумана «Пан-элементал», наполовину погруженный в воду. Верх аэрокара был закрыт, якорный двигатель

тихонько урчал. Потом тусклое свечение фар выхватило из тумана Найл, стоявшую на капоте машины в своем соблазнительном купальнике. Подбоченясь, она смотрела, как «Охотник» приближается.

Паррол заглушил двигатель, выключил фары и, когда машины соприкоснулись корпусами, включил морской якорь.

— Все тихо? — спросил он.

— Более или менее.

— От кого прячешься?

— Сама точно не знаю. Есть подозрение, что в роли злодея выступает, как ты и предполагал, «Эйджнес Лабораториз». Перелезай ко мне, Дан.

Паррол усмехнулся и перешагнул на «Пан-элементал».

— Что натолкнуло тебя на эту архиреволюционную мысль?

— То, что сегодня около полудня мне кто-то прижег мочку левого уха игловым лучом.

— Да ты что! И кто это был?

Найл пожала плечами.

— Я вообще никого не видела! Проверяла фермерских коров примерно в ста километрах к югу отсюда, как вдруг какой-то мерзавец выстрелил в меня из камышовых зарослей с расстояния два-

дцати-двадцати пяти метров. Он явно подкрался, дыша под водой через тростинку. Сам понимаешь, я обработала из универсального ружья участок дна, откуда рос этот камыш. Наверное, промахнулась. Но, по-моему, киллер все-таки испугался и дал деру, потому что ответной стрельбы не последовало.

— Ты сообщила об этом, куда следует?

Она помотала головой.

— Нет!

Паррол недоверчиво взглянул на коллегу.

— А где в это время были твои выдры?

— Выдры? Ну, не знаю… должно быть, набросились на него. Вообще-то, я припоминаю, что потом в камышах кто-то заверещал, будто его резали, потом донеслись шумные всплески. Я туда не стала заглядывать. При виде крови я всегда становлюсь немного не в себе…

— Да, я это заметил, — произнес Паррол. — А где выдры сейчас?

— До того, как сюда направиться, отпустила их порезвиться в открытом море у «Годвисоноса». Я подумала, что будет лучше, если тот, кто подослал ко мне специалиста по прижиганию мочек, некоторое время побудет в неведении относительно того, что фокус не удался. Может быть,

тогда он воздержится от того, чтобы испробовать что-нибудь другое. В общем, ясно, как божий день: кто-то очень не хочет, чтобы мы слишком глубоко влезали в это дело с пропажами скота. Так что ты был насчет этого прав.

Паррол криво усмехнулся.

— М-да… А я-то ведь, признаюсь тебе честно, только что окончательно пришел к выводу, что ошибался, и решил, что в этой истории человеческий фактор ни при чем.

— Что же тебя надоумило прийти к такому заключению? — Найл засунула руку под полку с аппаратурой и достала оттуда здоровенный бутерброд с бифштексом, зеленью и кетчупом. — Тебе, наверное, не удалось перекусить, бедненький? У меня их тут целая куча.

— Рад это слышать, — промолвил с благодарностью Паррол, беря бутерброд. — Последние пару часов жрать хочется до смерти.

Она задумчиво выслушала его рассказ о посещении «Таскасон-Глиссеров».

— Понимаешь, какая штука, — сказал он в заключение, — глиссерщики полагают, что их животные были перебиты парой подводных лодок, которые напустили на фрайей снизу нечто вроде нервнопаралитического газа. Он прикон-

чил животных, достиг поверхности и мгновенно растворился в воздухе.

Найл кивнула.

— Очень похоже, что именно так все и было, Дан.

— Я в этом не сомневаюсь, — сказал Паррол. — Но за последние полчаса у меня зародилась мысль, что это было проделано вовсе не с помощью такого средства, которое моментально растворяется в атмосфере.

— Почему?

— Потому что место, где все это произошло, находится неподалеку от северной границы течения Мерал. Косяк был уничтожен приблизительно два с половиной месяца назад, вскоре после того, как мы отправились в Ядро Звездного Скопления. Все, что дрейфует оттуда по течению Мерал, достигает Континентального Разлома и здешнего участка побережья примерно за такое же время.

Найл сморщила нос и почесала мизинцем кончик.

— Выходит, беда, постигшая морских коров, была непреднамеренной? Получается, она явилась случайным следствием отравления косяка фрайей?

— Именно это я и предположил, — сказал Парол. — То, что поразило таскасоновский косяк два с лишним месяца назад, в течение последней недели поражало морских коров. Но здесь это отравляющее вещество уже не имеет такого молниеносного эффекта, как там, потому что за это время оно рассеялось среди обширной массы воды, и концентрация его снизилась. Но представь, что приливом яд занесло на отмели. Некоторые коровы поглощают достаточное количество этой дряни, чтобы почувствовать себя скверно, и устремляются в открытое море, надеясь избавиться от того, что их беспокоит. Ближайшие морские поймы с нанесенными туда водорослями находятся примерно в ста десяти километрах от обычного места выпаса коров. Если отравленные коровы каким-то образом проведали об этом, они запросто могли предпринять морскую прогулку к этим поймам. Пока их там не обнаружат, они будут считаться пропавшими без вести… Но то, что была предпринята откровенная попытка убить тебя, меняет картину в одном важном отношении. Очевидно, кому-то очень хорошо известно, что происходит. Это наводит на мысль, что настоящей мишенью, возможно, является не «Таскасон-Глиссеры», а «Джиард».

Если уничтожить стада фермеров, у которых с нами заключен договор, и если глиссерщиков, которые работают на нас, измором вытеснят с их территорий, то нашей работе на Нэнди-Клайне придет конец и, возможно, навсегда. Тогда поле деятельности достанется другим игрокам, в данном случае, «Эйджнес» и некоторым другим. Сейчас мне кажется, что проделка с косяком фрайей и переполох с морскими коровами хоть и являются внешне двумя различными маневрами, но выполнены они одними и теми же людьми. Я считаю, что химическое вещество, повлиявшее на коров, было распространено в Континентальном Разломе чуть севернее прибрежных ферм намеренно, чтобы Мерал отнесло его к югу.

Найл покачала головой.

— По-моему, первая твоя идея ближе к истине, — сказала она.

— Почему ты так решила?

— Пока тебя не было, я обнаружила две вещи. Для наглядности лучше тебе самому взглянуть. — Кивком она указала на багажник своей машины. — Там ты найдешь свои рейтузы и прочее хозяйство для подводного плавания. Если соизволишь напялить все это на себя, то мы разок окунемся.

— Прямо здесь? Зачем?

— Чтобы получить твое непредвзятое мнение о том, что я наблюдала несколько часов назад. Вместо дыхательного аппарата возьми шлем, чтобы можно было разговаривать.

Вода приятно согревала. Хотя под водой было довольно темно, вибрация двух якорных двигателей создавала позади них своеобразный звуковой бакен. Сверху от водной поверхности, до которой было пять метров, исходил слабый фосфоресцирующий свет. Найл Этланд плыла слева от Паррола, словно привидение.

— Ну, вот мы и под водой, — промолвил Паррол. — А теперь что?

— Давай проплывем вокруг машин примерно на этой глубине, — услышал он из шлемофона.

Паррол свернул налево, заметив, как она показала нужное направление. Он проплыл двадцать или тридцать метров и, потеряв терпение, хотел было снова заговорить, как вдруг Найл спросила:

— Ты ведь способен задержать дыхание почти на четыре минуты, правда?

— Ты же это прекрасно знаешь.

— Я просто уточняю. Приступай к задержке дыхания прямо сейчас и продолжай плыть.

— Какого… — Паррол придержал язык. Она

явно придавала этому чрезвычайно серьезное значение. Он перестал дышать, не прекращая гребков, постепенно заворачивая в воде так, чтобы шум морских якорей исходил слева, с такого же расстояния. Расплывчатая тень Найл осталась позади.

Паррол едва сдерживал раздражение, но в то же время в нем нарастало и любопытство. Он был твердо убежден, что Найл отнюдь не затеяла какие-то игры только для того, чтобы сохранить свою репутацию загадочной женщины. Он продолжал плыть. В голове теснился целый ворох вопросов и догадок. Через некоторое время его легкие бурно затребовали воздуха, потом снова успокоились. Морская вода внезапно показалась холоднее, чем раньше. Он сообразил, что удвоенная вибрация якорных двигателей немного отдалилась, и сделал более крутой разворот по направлению к ним. Сколько времени он находился в воде? Должно быть…

— Дан?

Он открыл рот и набрал полные легкие воздуха.

— Что? — хрипло сказал он.

— Как себя чувствуешь?

— Прекрасно.

— Не ври! У тебя от страха поджилки трясутся! Это я тебе не в упрек… Ты задержал дыхание, когда я велела это сделать?

— Да — и не дышал вплоть до этой минуты.

— Что составило… — пауза, — восемь минут и пятнадцать секунд, Дан!

В первое мгновение это время показалось Парролу ничего не значащим фактом. Потом вдруг до него дошел смысл сказанного Найл, и он просто онемел.

— Это и было то самое непредвзятое впечатление, которое я должен был испытать? — вымолвил он наконец.

— Именно. Давай-ка заберемся обратно в машину.

Этланд первой юркнула в «Пан-элементал». Он собрался, было, последовать за ней, но она обернулась и сказала:

— Лучше обсохни снаружи, Дан. Иначе намочишь мне обшивку сиденья. Залезай на капот, а я брошу тебе полотенце.

Вытираясь, Паррол поинтересовался:

— У тебя с задержкой дыхания было так же?

— Если бы я его задержала, было бы так же.

— Значит, старый вожак, над которым мы сегодня утром издевались…

— Ага. Возможно, он всплыл на поверхность случайно, но уж точно не потому, что ему не хватало кислорода. То же самое происходит и со многими другими животными, которые на фермах. *Вот почему* подсчеты поголовья были столь далеки от истинного положения вещей. Что-нибудь не так?

Паррол громко выругался. В тоне его голоса слышалось удивление. Полотенце в его руках промокло насквозь, однако, сам он нисколько не высох.

— Будь добра, подай мне еще одно полотенце!

Найл издала странный звук, похожий на сдавленный смешок.

— Держи!

Он поймал полотенце, глянул подозрительно на Найл, потом вновь осмотрел свое тело. Вода обильно стекала по всей коже, как будто он только что вылез из моря.

— Что происходит, черт возьми? — спросил он решительным тоном.

Она опять издала сдавленный смешок.

— Я… да не переживай ты так, Дан! Это прекратится через минуту-другую. Сегодня днем со мной произошло абсолютно то же самое. Для того чтобы с уверенностью сказать, что с тобой

происходит, мне, вероятно, пришлось бы с пристрастием исследовать тебя под микроскопом.

— Достаточно и квалифицированной гипотезы.

— Квалифицированной гипотезы, говоришь? Ну что ж… То, что мы с тобой подцепили вслед за коровами, запустило в нас некий биологический механизм, который всасывает воду через кожные покровы, выделяет из нее кислород и обратно удаляет воду. Если можно так выразиться, наше тело стало сплошными жабрами. Ты чувствовал, как твои легкие пытались заработать во время задержки дыхания?

Немного подумав, Паррол кивнул.

— Всего на какой-то миг.

— Это, — сказала Найл, — по-видимому, и было то, что приводит в действие механизм дыхания в воде — первый рефлекторный сигнал о нехватке кислорода. Кстати, я думаю, что сейчас уже можешь вытереться насухо. Ты заметил, как вдруг вода стала холоднее?

— Это из меня выходила морская вода? — брезгливо спросил Паррол.

— Да. Как я уже говорила, не думаю, что в этом феномене заключается какая-то угроза здоровью. Если мы не будем входить в контакт с этим веще-

ством, механизм иссякнет через денек-другой.

— Без всяких необратимых последствий?

— Полагаю, что да. Если бы ты не задержал дыхание под водой, то, вероятно, так и не заметил бы происходящих в тебе перемен. Кажется, ты обсох окончательно, так что давай заходи.

3

Когда Паррол проник в салон машины, она протянула ему бутерброд.

— Ты все еще голоден?

— Нет. Хотя… — Паррол вдруг запнулся и уставился в изумлении на Найл. — А ведь правда! Значит, я, как тот самец, который без удержу набивал себе брюхо, а?

— Совершенно верно. В чем бы ни заключался этот особый дыхательный механизм, он требует большого количества энергии, которая очень быстро расходуется. На, возьми. Я сама весь день напролет запихиваю в себя калории… А сейчас тебе предстоит ознакомиться и с другой уликой.

Она сунула ему в руку бутерброд, выпростала из футляра видеокамеру-проектор и установила на полке. Повернула ручку настройки на несколько делений назад и нажала кнопку просмотра видеозаписи. Передний щиток камеры превратился в экран.

— «Огненный» лес, — промолвил Паррол, жуя бутерброд. На экране появился плоский участок морского дна. Съемка велась сверху, под небольшим углом. Местами из ила высовыва-

лись клочки то кустообразной, то древовидной растительности. Эти подводные джунгли жутковато переливались всеми красками спектра. На дальнем плане они сливались в единое покрывало, сияющее ослепительной белизной. Яркое свечение усиливало мрак бездны, которая простиралась вверх на сотню метров.

— Какой-то придонный участок? — спросил Паррол.

— Да, тот, что непосредственно под нами, — ответила Найл. — Последние пару часов до встречи с тобой я ползала по дну Разлома. А теперь смотри внимательно!

В кадре возникла гряда желтых гигантских цветов. Они медленно колыхались оттого, что через гряду медленно продвигалось что-то темное. На один миг — пока включалось увеличение — резкость на экране пропала, потом вновь появилась.

Паррол замер, надкусив бутерброд. Потом проглотил кусок, не прожевав его, и подался ближе к камере.

— О, нет! — вымолвил он. — До дна ведь больше полукилометра! Это же… И, тем не менее, это так и есть! Ну, конечно!

— Морские коровы на дне разлома — живы-здо-

ровехоньки, да еще с отменным аппетитом! — подтвердила Найл. — По всей видимости, именно здесь сосредоточено до восьмидесяти процентов пропавшего поголовья. Через минуту я покажу тебе целые стада. Самая высокая плотность особей в этих стадах — немного южнее. Теперь давай-ка, рассмотрим поближе этот экземпляр.

Снова включилось увеличение, и вскоре Парол воскликнул:

— Такое впечатление, что он потерял половину своего жира! Понятно, почему с такой жадностью бык уплетает «огненные» растения. Повышенные энергетические затраты в связи с пресловутой адаптацией к глубоководной жизни, если я правильно понял?

— Ну, конечно. Для того чтобы поддерживать на такой глубине жизненный тонус в течение минуты, морские коровы должны претерпеть в своих организмах поистине крутые перемены.

— Легкие, уши, всевозможные полости… Да, действительно. В это почти невозможно поверить! Погоди-ка секунду! Предположим, что мы…

— По-видимому, — перебила Найл, — этот процесс похож на развитие механизма дыхания под водой. Чтобы он заработал, требуется внешний

возбудитель. По мере того, как коровы перемещались на дно Разлома, они приспосабливались к глубоководной жизни. А те из них, что остались на фермах, не подвергались воздействию возбудителей, поэтому и не изменились.

Паррол откашлялся.

— Значит, ты думаешь, что если бы мы поплыли вниз без костюмов…

— Вполне вероятно, обнаружили бы, что начинаем приспосабливаться. Хочешь попробовать?

— Ни за что!

— Я тоже. Хотя морские коровы перенесли метаморфоз явно безболезненно. А вот то, что произойдет с человеческим телом, я бы не хотела испытать лично на себе. Ага, последние кадры. Хочешь полюбоваться на стада на юге?

Паррол помотал головой:

— Давай это пропустим. Верю тебе на слово, что основная их часть находится именно там.

Она выключила камеру и засунула в футляр.

— Что ты обо всем этом думаешь, Дан?

— Наверное, то же, что и ты, — сказал Паррол. — Когда фрайи «Таскасон» перевернулись брюхом кверху и подохли, они были на пути к месту своего размножения и находились примерно в ста километрах к юго-западу от него. А место выве-

дения их потомства — Разлом Таскасон лежит как раз под течением Мерал. Между фрайями и чалотом, — растением, которым они питаются, выработан симбиоз. Когда фрайи начинают прибывать, чалот вырабатывает подвижные споры. В организме фрайей белки этих спор вступают в реакцию, вследствие чего становятся пригодными для глубоководного размножения… постой… постой!

Он умолк и нахмурился. Среди современной фауны Нэнди-Клайна фрайи являли собой живой анахронизм. Они были последними представителями класса морских травоядных, чей жизненный цикл сложным образом переплелся с определенными видами растений «огненного» леса.

— Считается, что споры чалота активно занимаются поиском фрайей, когда те прибывают на место размножения, — продолжал он медленно. — Но на этот раз — когда чалот выпустил свои споры в Таскасоновском Разломе — косяк фрайи так и не появился. В итоге течение Мерал унесло споры прочь. В конце концов через Континентальный Разлом они попали на прибрежные фермы. Земные млекопитающие — в данном случае, морские коровы и люди — ближе всех

по биологическому строению к фрайям. Следовательно, споры чалота предназначены для нас! И мы отреагировали на их белки почти так же, как и фрайи.

— Похоже, так оно и есть, — согласилась Найл.

Секунду помолчав, Паррол спросил:

— Почему ты так уверена, что изменения обратимы?

— Просто потому, что чалот здесь не растет. Фрайи сохраняют свою глубоководную форму до тех пор, пока вокруг есть чалот, которым можно питаться. К тому времени, когда сезонный запас истощен, они уже вывели потомство и готовы снова принять форму обычного морского животного. Споры как бы спускают курок первоначальной стадии реакции. Для ее дальнейшего протекания необходим контакт с материнским растением. На некоторых морских коров, которые погрузились на дно Разлома в этом месте, возможно, этот эффект уже не действует, и по этой причине они поднимаются на поверхность.

— Ну, хорошо, — сказал Паррол. — Теперь мы знаем, что беда с коровами случилась непреднамеренно. Это произошло случайно, в результате истребления косяка фрайей. Но до сих пор я не могу снять подозрение с «Эйджнес». Если это они

уничтожили фрайей, то их биохимики довольно скоро должны были сообразить, что сейчас происходит — и это стало бы веской причиной подослать к нам людей с лучевиками, пока мы до всего не докопались. Но зачем надо было уничтожать косяк?

— Вот над этим я и ломаю голову, — сказала Найл. — Ведь «Эйджнес» обладает всеми плодородными площадями, какие только можно было освоить.

— Я согласен с тобой, — промолвил Паррол. — Но только сейчас я вспомнил, что Отмели Гренли расположены примерно в двухстах километрах к северу от Таскасонова Разлома.

— Ну, и к чему ты клонишь?

— Может, ты помнишь, что за неделю или две до нашего отъезда с Орадо туда пришло экспресс-сообщение о том, что у «Джиард» пропала субмарина, используемая для сбора урожая? В последнем сообщении о местонахождении указывалось, что она работает на отмелях Гренли.

На миг глаза Найл расширились.

— Я совсем об этом забыла! Это и в самом деле очень интересно. «Эйджнес» выводит из строя одну из наших жатвенных машин, ориентировочно, в трехстах километрах к северу от того

места, где был уничтожен косяк фрайей. Спрашивается, зачем? Видимо, они что-то в тот район отправили и не хотели, чтобы наша субмарина на это что-то ненароком наткнулась.

— А, может, как раз и наткнулась? Зачем перед этим за триста километров к югу от этого места нужно было уничтожать косяк фрайей?

— Чтобы он не добрался до места своего размножения, — сказал Паррол.

— Правильно. Фрайей сопровождали пастушьи глиссеры «Таскасона». Если бы кто-то напал на глиссеры, об этом мгновенно узнала бы вся планета. Но если фрайи погибли, глиссерам нечего было делать в местах размножения. Они туда не пошли.

— Места размножения! — воскликнул Паррол. — «Огненный» лес, Найл!

Помолчав секунду, она промолвила:

— Ты прав, Дан! Иначе и быть не может. Еще одна плантация нидита, которую пока не обнаружила Служба по Борьбе с Наркотиками!

Паррол подумал, что эта гипотеза почти все объясняет. Сложноцветное растение нидит являлось сырьем для медицинского препарата, обладающего уникальными лечебными свойствами, если его принимали, следуя строгим

предписаниям фармацевтов. И он же способствовал формированию порочных наклонностей при приеме его внутрь без оных мер. На законных основаниях его можно было собирать только под непосредственным надзором властей и в количествах, которые ограничивались реальными потребностями медицинской промышленности. Плантации «огненного» леса с произраставшим на них нидитом, количество которого полностью удовлетворяло эти потребности, постоянно патрулировались. Во всех же прочих «огненных» лесах команды по борьбе с наркотиками старательно уничтожали это растение.

Но если возникла новая, неучтенная ранее плантация с нидитом, и ее первыми обнаружили нечистые на руку люди…

— «Эйджнес» не упустила бы такой шанс, — сказал Паррол. — Два или три сезонных сбора окупят все затраты на планете плюс дадут колоссальную прибыль!

— Именно так и обстоит дело! — подытожила Найл. На один миг она уставилась на Паррола, покусывая верхнюю губу. — Как же вывести негодяев на чистую воду, а, Дан?

— Приближается пик уборочной кампании, верно? — молвил как бы в пространство Паррол.

— Точно! — подхватила Найл. — Как раз в эти самые часы они должны находиться именно на плантации и собирать урожай! Кому мы можем доверить это дело? Фиаве и полицейским? Службе по Борьбе с Наркотиками? Нет, постой…

— Да-да, — согласился Паррол. — Я тоже так думаю.

— Они могут собирать нидит тайком. Для вящей безопасности не погнушаются и убийством непрошеных свидетелей. Но им ни за что не вывезти урожай с Нэнди-Клайна, если нет подкупленных заранее людей как в службе по Борьбе с Наркотиками, так и в полиции на континенте. К тому же коррупционеры, небось, получают часть прибыли. Дело определенно организовано так, что и концов не найдешь! Если мы ударим в набат прямо сейчас, а там, на нидитовой плантации, никого не окажется, нам никогда больше не удастся прижать «Эйджнес» к ногтю. До того, как сделать следующий шаг, мы должны знать наверняка, что их задержали с поличным.

* * *

По всей видимости, Найл с Парролом нарушили уединение Илиума Велдроу. Когда, по возвращении на станцию, они вызвали его в кабинет

Паррола, он посмотрел на парочку с нескрываемым неодобрением. По сравнению с помощником управляющего, облаченного в безукоризненный деловой костюм, сам управляющий и его спутница выглядели самыми натуральными пляжными бродягами, которые не брезговали и уголовщиной. У обоих на плечах висели гарпунные ружья. Паррол даже не удосужился снять панталоны для подводного плавания и натянул брюки прямо на них. У Найл поверх вызывающего купальника была накинута только короткая куртка — и все. Но расстроило Велдроу не одно лишь отсутствие опрятного вида у коллег.

— Боюсь, я не совсем тебя понял, Дан, — сказал он, поморщившись. — Значит, я должен находиться в твоем кабинете и быть приклеенным, как ты выразился, к твоему личному переговорному устройству. В то же время, после вашего ухода станция должна быть погружена в темноту и оставаться запертой на замок. Зачем нужно запираться и выключать свет?

— Потому что, если в течение последующих нескольких часов ты выдашь свое местонахождение, то кто-нибудь может снести твою маленькую глупенькую головку с плеч, — бесцеремонно объяснила Найл.

В глазах Велдроу появилась тревога.

— А что такое? Происходит что-то ужасное, да?

— Если не будешь знать, что происходит, то тебя это не коснется, — сказал Паррол. — И если будешь выполнять то, что тебе велят, и не станешь высовывать со станции свой нос до нашего возвращения, то останешься в целости и сохранности. Давай-ка, для верности повтори еще раз все то, что ты должен делать.

Нельзя сказать, что с охотой, но помощник управляющего подчинился. Итак, он должен дожидаться звонка от капитана Мейса с посыльного судна-жнейки «Атрис». Звонок должен поступить в течение ближайших трех-шести часов и содержать в себе невинную просьбу переслать на судно кое-какие запчасти. Это послужит Велдроу сигналом, что пора набрать два номера аварийного вызова на переговорном устройстве Паррола. Один звонок соединит его с шефом полиции Фиавой, другой — с одним человеком из Федеральной Службы по Борьбе с Наркотиками, с которым Парролу в свое время доводилось работать вместе. После того, как адресаты ответят на звонки, Велдроу должен был нажать передаточную кнопку на телетайпе переговорного устройства. В нем содержалась определенная

шифрованная информация, которую Паррол ввел туда загодя. После этого Велдроу было приказано выключить аппарат.

Паррол решил, что его помощник запомнил более или менее все пункты руководства к действию. Даже если он что-то и напутает, это просто задержит начало операции на несколько часов, только и всего.

* * *

Над течением Мерал ночное небо было ясным и освещенным взошедшим Дьюзом.

— Ты уверен, что впереди нас — «Атрис»? — спросила Найл Этланд.

— Ага, — отозвался Паррол. — Мейс находится примерно в сорока километрах от своего КПП, но это точно «Атрис». Уж я-то эту посудину знаю.

Экран монитора транслировал картинку с места жатвы. В центре экрана виднелось увеличенное изображение посыльного судна, которое располагалось тремя километрами ниже по течению. Две стаи машин по сбору морепродуктов, которые располагались неподалеку, медленно покачивались на волнах в слабом отблеске морской зыби. Жнейки при полной луне бездействовали, и самолет-погонщик кружил позади

более отдаленной стаи, направляя нескольких беглянок обратно к месту работы.

— Тогда чего мы ждем? — нетерпеливо воскликнула Найл.

Паррол посмотрел на нее вопросительно.

— Ты сверилась со штурманской картой?

— Спрашиваешь! Корабль бросил якорь выше северной трети Разлома Таскасон. А-а, понимаю: ты считаешь, что ему будет угрожать опасность, если кто-то «засечет» мой «Пан», рыскающий по дну?

— Может, и так. Во всяком случае, корабль находится слишком близко от того места, откуда мы собираемся действовать. Если негодяи там, внизу, заняты погрузкой нидита в трюмы, то они сильно нервничают, поскольку прекрасно знают, что корабль такого типа «засечь» их не в состоянии. Но само наличие стоящего на якоре в этих местах посыльного судна может заставить их выбросить вещественное доказательство за борт и удрать при малейшем подозрении на шухер.

— Ну и что ты намерен предпринять?

— Взойти на борт, сказать Мейсу, чтобы он убрал свои жнейки на пятьдесят километров западнее и поджидал нас там. Так будет спокойнее для всех. Морской волк догадывается, что гото-

вится что-то необычное, но вопросов никогда не задает. Подай им визуальный сигнал.

Найл шевельнула рукой, и под днищем «Пан-элементала» вспыхнули опознавательные огни «Джиард»: синий… синий… красный. С интервалом в десять секунд сигнал повторился. Вовсю затрезвонило переговорное устройство.

— Нельзя, — пробормотала Найл под нос. Она взяла сигнальную коробку. Под пальцами появилось пурпурное свечение. Когда оно погасло, переговорное устройство перестало звонить, а на посыльном судне замигал сине-сине-красный позывной «Джиард».

— Он понял, что переговариваться открытым текстом нельзя, — промолвила Найл. Она послала сигнал запроса на сближение. Через несколько секунд на «Атрисе» загорелся яркий зеленый свет.

Найл отключила сигнальную коробку.

— Наконец-то! Ну — айда к ним!

Она резко набрала скорость. Нос машины задрался кверху. Паррол отключил на экране панораму жатвы. Залитое лунным светом море убегало под капот. Потом резко накренилось вправо, метнулось назад и снова выровнялось под ними. Машина легко резала морскую гладь.

Вода под «Пан-элементалом» покорно шипела. Впереди показалась корма посыльного судна. Отдельные детали четко вырисовывались в свете Дьюза. На палубе собралось несколько человек. Двое из них…

— НАЙЛ ПОВОРА…

Паррол не успел закончить фразу, предупреждающую об опасности. На палубе «Атриса» была опущена защита. За ней возвышалась кургузая пушка, целившаяся прямо в них. Найл заметила западню в тот же миг, что и Паррол, и отреагировала моментально. «Пан» нырнул вниз, к воде.

Экран заполнила яркая вспышка. Словно гигантский кулак подбросил машину вверх. Найл швырнуло на Паррола, потом прочь от него. Паррол изо всех сил старался дотянуться до пульта управления, машину тем временем несло по воздуху, двигатель ревел как безумный. Он мельком заметил на экране, как удаляется от них нос «Атриса», и как пронесся мимо самолет-погонщик посыльного судна. На один миг послышался скрежет стали, отдираемой от «Пан-элементала». Потом мотор заглох намертво. Парролу удалось частично совладать с управлением машины, но только ненадолго. Правда, этого оказалось достаточно, чтобы выпрямить ее перед тем, как

она рухнула в море.

* * *

Вода вокруг была черной, как деготь. «Пан-элементал», погрузившись в воду кормой, с развороченным и затопленным моторным отсеком, тяжело опустился на какое-то податливое препятствие. Осев еще на несколько метров вниз, он опять остановился. Машина медленно покачнулась и приняла положение, близкое к горизонтальному. Потом накренилась и замерла среди переплетенных между собой цепких побегов водорослей, гонимых течением Мерал чуть ниже поверхности воды.

Паррол, скинув брюки и ботинки, затянул вокруг талии пояс ныряльщика и пошарил вокруг в поисках оставшегося снаряжения для подводного плавания, которое теперь валялось, разбросанное по всей кабине. Он отчаянно клял темноту, предательство экипажа «Атриса» и свою собственную непредусмотрительность. Имея в своем распоряжении заросли нелегального наркотика, который мог сделать миллионерами тысячу человек, «Эйджнес» не составляло большого труда набрать сообщников в каких угодно структурах. Теперь у них с Найл оставался слабый шанс пережить

свой промах. Надо было спешно выбираться из покореженной машины и отплыть как можно дальше в море. Это надо было сделать до того, как «Атрис» пошлет сюда ныряльщиков, чтобы удостовериться, что с нежелательными очевидцами покончено.

Найл лежала, перегнувшись через покосившийся приборный щиток. Времени на то, чтобы узнать, насколько серьезно она пострадала, совсем не оставалось. Она определенно была без сознания. В воде он как-нибудь с ней управится.

Пошарив рукой за сиденьем, Паррол обнаружил два комплекта ласт. Только успел натянуть на себя один, как в окружающей черноте заметил сверкающие огоньки. Он испуганно огляделся и увидел почти рядом нечто, похожее на стайку летающих светлячков. Он тут же сообразил, в чем дело… Экран внешнего обзора показывал ему группу ныряльщиков с «Атриса», которые быстро приближались к ним, оснащенные реактивными движками.

Итак, на то, чтобы убраться отсюда, оставалось всего секунд тридцать, а то и меньше…

Изрыгая жуткие проклятия, Паррол пристегнул второй набор ласт к своему поясу. Потом, извиваясь, как червяк, обогнул переднее сиденье,

подхватил Найл и прижал к себе. Свободной рукой нащупал ручку управления откидным верхом. Вначале Паррол потянул рычаг, убирающий заднюю часть, потом сразу же ухватился за второй рычаг и дернул на себя.

Раздался свирепый рев кратковременного гидродинамического удара, который выдавил весь воздух из его легких. Поток холодной воды закружил мужчину и вынес из машины.

Паррол перекатился через «Пан» в воде, не выпуская Найл из рук. Тут же наткнулся на ствол гигантского дрейфующего растения, который на ощупь был словно резиновый. Отсюда «светляки» казались более крупными и яркими. Они поворачивали по направлению к воздушному фонтану, который бил из «Пан-элементала», и подбирались все ближе и ближе к нему сквозь набухшую от воды массу водорослей. Вода постепенно светлела от их огней. Паррол укрылся за корпусом утопленной машины. И тут он заметил под собой пятно зияющей черноты. Он перенес Найл на левую руку, ухватился за нижнюю часть машины, опустил вниз ноги и сжал бедрами два толстых стебля, отходящих от ствола растения. Зацепившись таким образом за растение, он рванул машину вниз на себя. Она тяжело

покачнулась, стала переворачиваться и вдруг заскользила мимо него. Спустя всего один миг, она выпросталась из зарослей и исчезла внизу.

Паррол перевернулся вниз головой и, крепко удерживая Найл, стал методично грести, погружаясь все глубже и глубже в холодную темень Разлома Таскасон.

4

Оно было ужасно голодно и ослаблено; а теперь получило пищу. Его сознание и память были почти полностью поглощены процессом. Существовали какие-то смутные впечатления: свет, темнота, цвет, указывающие на свойства вещей из внешнего мира, который, однако, Его совсем не интересовал. Оттуда доносились гул, свист, чириканье. Эти звуки Оно тоже игнорировало.

Вкус и осязание, напротив, представляли интерес. Процесс поглощения пищи был прост. В рот что-нибудь вкладывали, и Оно проглатывало это, и как только глотало, в рот снова что-то вкладывали, и Оно глотало опять. Временами случался перерыв перед тем, как положить Ему в рот новую еду, и тогда Оно ощущало тревогу. Но эти перерывы были всегда непродолжительны.

Что бы ни попадало Ему в рот, Оно различало это осязательно и на вкус. Некоторое время Его кормили чем-то одним, потом другим. Пища различалась запахом, соленостью, скользкостью, твердостью, но она неизменно была очень хорошей.

«Наверное, я чуть не умерло с голода!» — вдруг

подумало Оно и тут же задало себе вопрос, а что такое «Я». Впрочем, почти сразу же Оно забыло этот вопрос.

Спустя некоторое время у Него зародилась еще одна мысль. Оно решило, что больше не хочет есть, во всяком случае, сейчас, сию минуту. Что-то запихивалось Ему в рот, но Оно выплюнуло и крепко сжало зубы. После этого никаких попыток что-то делать с Ним больше не возобновлялось. Оно оставалось строго на своем месте, довольное неподвижным положением.

С этого момента стали включаться и другие чувства. Оно обнаружило, что перестало видеть только голубой фон, и в его поле зрения появилась цветистая аллея, полная отдельных предметов. Некоторые из них двигались, но большей частью они все же были неподвижны. Оно стало распознавать звуки, и некоторое время безуспешно пыталось увязать их с предметами, которые видело. Потом пришло осознание какой-то легкости, почти невесомости. В ту же секунду Оно уже знало, что это значит!

«Я нахожусь под водой…»

«…И конечно, это я!» — заключила Найл Этланд, почувствовав удовлетворение от такого резюме.

Выпрямив спину, она сидела в подводном иле.

Правда, не совсем вертикально, откинувшись немного назад, ибо опиралась спиной о нечто твердое.

Что-то пошевелилось. Найл наклонила голову, чтобы посмотреть. Это была рука, отвратительная толстая рука, покрытая маслянистой кожей в складках, испещренная какими-то серыми оспинами. Она тянулась откуда-то сзади, огибая Найл сбоку, и ее кисть оканчивалась какими-то осклизлыми отростками, которые были сложены в щепоть, как бы для хватания чего-то, и приближались к ее лицу.

Она поняла, что нечто твердое, обо что она упиралась спиной, было чудовищем, которому принадлежала эта мерзкая ручища.

Найл судорожно дернулась вверх, чтобы избавиться от соседства с этой тварью. К ее удивлению, это ей удалось. Вслед за этим последовал мощный взмах обутых в ласты ног, поднявший тучу ила, и она понеслась прямолинейно над морским дном в направлении к кусту ослепительно-синих веерообразных «огненных» цветов.

«Огненных» цветов! А это где?..

Воспоминание вспыхнуло в мозгу. Кормовая палуба «Атриса», призрачно вырисовывающаяся в лунном свете, внезапное появление пушки… Их

аэрокар подбили…

Найл перевернулась в воде, затормаживая инерцию, влекущую тело вперед, опустила ноги вниз и обернулась.

Серая тварь, которой, очевидно, был ни кто иной, как Данрич Паррол, стояла на ногах, но не предпринимала никаких попыток погнаться вдогонку. Найл устремила взгляд мимо этого неприятного существа на густые аллеи «огненного» леса, горящие холодным пламенем в вечной тьме на дне Разлома Таскасона.

Медленно — потрясенная, испуганная, и каким-то странным образом зачарованная — она поднесла руки к лицу. Потом завертелась, нагибаясь в разные стороны, чтобы как можно лучше осмотреть свое тело. Провела ладонями, твердыми как резина, по лицу и голове, тоже будто сделанными из резины. Ощущение шока прошло. С эстетической точки зрения она ничего не имела против новой внешности Паррола. Видоизменение произошло почти по одному и тому же образцу и, вероятно, у всех людей протекало бы одинаково. Механизм метаморфоза просто дремал до поры до времени, а сейчас получил возможность проявить себя в полную силу.

Данрич не трогался с места, возможно потому,

что просто не хотел ее тревожить. Найл поплыла обратно, остановилась в нескольких метрах от него, на уровне его головы. На нее пялило зенки чужое, безобразное лицо, можно сказать, чудовищная харя. Мириады крошечных едоков шныряли между столбообразными ножищами, ползали по мягкому илу, кишели вокруг валяющихся повсюду обломков ракушек, пустых панцирей раков и крабов и других остатков трапезы, которую они оба, два монстра, вкушали еще недавно с неутолимым вожделением.

Она бегло рассмотрела Паррола, больше не испытывая неприязни к его внешнему виду. На глазных яблоках выросли прозрачные, немного выпуклые роговые оболочки. Значит, и у нее они тоже были. Из-за этих оболочек нельзя было сомкнуть веки, но неудобства от этого не ощущалось. Ушные раковины покрывали твердые, как кость, и толстые, изогнутые в форме колбасок, коросты. Неизвестно, из чего они состояли, но звук проводили отменно. Носы расширились, ноздри исчезли. Когда Найл попробовала вздохнуть полной грудью, а потом выдохнуть, ничего не получилось. В легких под водой исчезла всякая надобность. Очертания фигуры, если и не остались полностью человечьими, были все же

человекоподобными. Туловища утолщились, огрубели, стали нелепыми, однако были отлично приспособлены, хотя бы временно, для жизни на глубине. Найл чувствовала в себе силу и бодрость, неуклюжее с виду тело отзывалось на ее намерения легко и свободно. Случившийся метаморфоз превосходил самым чудесным образом все мыслимые мечты!

Она подплыла к Парролу поближе, дотронулась рукой до его плеча. Лицо ихтиандра расплылось в довольно мерзкой ухмылке, потом он повернулся, тут же распугав микроскопических едоков, и присел на корточки рядом с шаром, который выступал из ила и фосфоресцировал кремовым светом. Найл плавно опустилась пониже: посмотреть, что он делает.

Паррол коснулся пальцем поверхности этого животного-растения. Свечение задрожало, стало прерывистым. В том месте, где Паррол дотронулся до него, появилось темное пятно. Палец медленно пополз вверх по светящейся поверхности, сделал изгиб, пополз вниз. Следом за ним тянулась темная линия — клетки существа реагировали на касание. Вдруг Найл сообразила, что Паррол пишет на некоем подобии пергамента. Живом подобии. Через несколько секунд она прочитала:

— ТЕПЕРЬ ГОЛОВА РАБОТАЕТ?

Она нетерпеливо закивала, прекрасно отдавая себе отчет, что вопрос был отнюдь не праздным. Паррол вновь скривил уродливую ротовую щель в ухмылке, претерпевшей неприятное превращение, отцепил что-то от пояса и протянул Найл. Испытав приятное удивление, Найл узнала свое гарпунное ружье в чехле. Пока она пристегивала чехол к своему поясу, Паррол снова принялся за каллиграфию, потом отодвинулся немного в сторону, чтобы она смогла прочесть написанное поверх его плеча.

Слова предыдущего вопроса почти поблекли. Постепенно проявились новые слова:

— ЗДЕСЬ НАХОДЯТСЯ НАШИ ДРУЗЬЯ.

Найл бросила на товарища по несчастью испуганный взгляд. Он кивком велел ей следовать за ним, повернулся и поплыл к зарослям сверкающих голубизной фосфоресцирующих цветов, к которым она несколько минут назад устремилась во время своего панического рывка. То вплавь, то ползком он забрался в их гущу. Найл следовала за ним по пятам.

Через двадцать метров они очутились в менее плотных, но в гораздо более высоких зарослях уже не из голубых, а темно-красных растений.

Здесь Паррол продвигался намного осторожнее. Вскоре он остановился, жестом подозвал Найл и раздвинул в стороны несколько веток, покрытых бурыми листьями.

Найл обнаружила, что смотрит на другой участок дна Разлома вниз со скалистого крутого обрыва высотой в полсотни метров. На дне этого уступа опять начинался и простирался дальше «огненный лес». Вблизи можно было рассмотреть отдельные его элементы, но чем дальше, тем быстрее он сливался в многоцветное сияние. Посмотрев, куда указывал Паррол вытянутым пальцем, она с трудом смогла различить длинный темный силуэт жатвенной субмарины, лежавшей вдоль стены, которая вздымалась по правую сторону Разлома. Две другие жатки лежали поодаль от нее посреди фосфоресцирующей растительности. Вместе эта троица образовывала неровный треугольник, внутри которого Найл теперь разглядела двигающиеся фигурки людей, облаченные в глубоководные скафандры.

Не могло быть никакой ошибки в оценке рода их деятельности. Среди других, более крупных по размеру фосфоресцентов, скромные, полуметровые побеги нидита выделялись своим хрупким строением и бледно-голубым свечением. С вер-

шины обрыва было видно, что они образовывали сплошной ковер подлеска среди кустистых зарослей и рощиц «огненного» леса. Наверное, в этой пойме, которая тянулась по дну разлома, нидит произрастал миллионами, если не десятками миллионов экземпляров.

Паррол показал направо. Примерно на половине расстояния между ними и жатками верхом на лучевой пушке с коротким соплом, задранным кверху, барражировал чуть повыше дна одинокий всадник в скафандре.

Найл понимающе кивнула. Из множества ползающих, ходящих и плавающих тварей, которые в бесчисленном количестве паслись среди ветвей «огненного» леса, для человека в глубоководном скафандре ни одна из них не представляла серьезной опасности. Тем не менее некоторые представители глубоководной фауны были далеко не безобидны. Найл увидела, как лучевая пушка сделала резкий разворот в направлении какой-то извивающейся твари, которая выскочила сверху из темноты, быстро пронеслась над головой пушкаря и вновь пропала в мрачной бездне. Попыток атаковать она больше не делала.

Найл внутренне содрогнулась. Одного взгляда на этот плоский, резиноподобный диск вось-

миметрового диаметра было достаточно, чтобы определить, что за существо обрушилось сверху на караульного с пушкой — рыба-плащ. Для данного вида особь была довольно мелкой. Однако лучше было с ней не шутить. Обычно рыба-плащ обитала вблизи стенок океанских разломов. Она цеплялась за трещины, а могла и вгрызться в скалу с помощью многочисленных рядов челюстей, которые усеивали ее подбрюшье, чтобы добраться до прячущихся в каменистых норах различных червеобразных созданий. Но строгой диеты хищники не придерживались и частенько нападали на ныряльщиков. Бывало, что они умудрялись распиливать и глубоководные скафандры.

Многозначительно кивнув Найл, Паррол двинулся вдоль уступа. Она вначале не поняла, зачем он это сделал, но потом сообразила — Паррол намерен по краю обрыва пробраться к тому месту на правой его стороне, где росла высокая купа фосфоресцентов. Спрятавшись под их сенью от охранника, оседлавшего лучевую пушку, они могли незаметно спуститься на дно разлома. Найл кивнула в знак согласия и последовала за Парролом, который методично прокладывал извилистый путь в чаще.

Когда они добрались до цели, доктор Этланд

уловила любопытный звук. Он походил на глухое постукивание. Вскоре последовал еще один аналогичный звук. Это озадачило ее на секунду. Она решила, что открыт огонь по какому-то возмутителю спокойствия из лучевых пушек, установленных по другую сторону от субмаринжаток. Партия сборщиков нидита, вероятно, работала здесь уже неделю, а то и две. Стало быть, этот участок должен был кишеть как рыбами-плащами, так и другими хищниками, которые собрались полакомиться рыбами, убитыми или подраненными выстрелами.

Такими хищниками, как десятиметровая змееподобная тварь, которая, извиваясь, как угорь, переползала через край обрыва всего в нескольких метрах от них! Наверное, почуяла человеческий запах в воде, так как широко разинула пасть и, не раздумывая, набросилась на Найл.

Найл сама не поняла, как у нее получилось уклониться. Она отпрянула назад, и тупая голова змееугря проскочила мимо. Вслед за этим преобразившаяся в монстра женщина плотно обхватила ногами скользкое, извилистое тело, а руками подтащила его к себе.

Мало того, зубами Найл вонзилась в ее плоть! Она не просто укусила — она кромсала осклиз-

лую шкуру, которая не поддалась бы и ножу, все глубже и глубже вгрызаясь в нее. Оторвав очередной кусок шкуры и отбросив прочь, Найл тут же принималась терзать незащищенное мясо. Яростная схватка началась среди зарослей красных фосфоресцентов, затем продолжилась на свободном месте. Змеевидное тело, в которое намертво вцепилась Найл, извивалось и крутилось с чудовищной силой. Сражающиеся упали на дно, подняв густое облако ила. На миг Найл увидела над собой высоко поднятую голову бестии. Огромные челюсти бешено клацали друг о друга. Она и не заметила, когда Паррол тоже вцепился зубами в шею этой твари.

Происходящее воспринималось Найл, как в тумане. Единственное яркое впечатление осталось от вспышки лютого голода, которая охватила ее во время нападения хищной твари, и от пугающего восторга, с которым она утоляла этот голод. Найл быстро заглатывала куски солоноватого мяса, пока почти так же внезапно, как и голод, не наступило чувство полного насыщения. Ее затуманенный разум будто прояснился.

Найл оттолкнула от себя змееугря. Ее искромсанное двумя парами челюстей тело продолжало корчиться, но практически было уже на грани

смерти. Большая голова, казалось, была наполовину оторвана от тела и болталась на каком-то сухожилии совершенно свободно. По всей видимости, борясь со зверюгой, они закатились в ту самую купу высоких фосфоресцентов в нижнем участке Разлома. Паррол плавал туда-сюда в нескольких метрах поодаль от Найл, наблюдая за окрестностями, не появится ли еще какая-нибудь гадина. Найл окинула взглядом умерщвленную добычу и увидела, что Паррол тоже ее отведал. Должно быть, его чувство голода было ничуть не слабее, чем у нее, а реакция столь же непосредственной и агрессивной. Ведь у обоих под рукой были ружья, однако, они не сделали ни малейшей попытки ими воспользоваться!

Найл посмотрела на истерзанное животное и постаралась вызвать в себе чувство отвращения к тому, что произошло. Но ничего подобного не испытывала. Изменившееся тело требовало питания, и удовлетворение этой потребности оказалось удивительно приятным. Ощутив новый приступ голода, она опять покормится этой «угрезмеей».

* * *

Паррол подумал, что, наверное, три или четыре поколения детей в мелководных поселениях выросло на упоительных рассказах старших о морских ведьмах Нэнди-Клайна. В той версии, которую слышал он сам, будучи совсем маленьким, морские ведьмы представлялись в виде человекоподобных великанов-людоедов. Они жили в глубинах океана, но временами поднимались на поверхность с определенной целью — полакомиться маленькими мальчиками, которые заплывали в море дальше, чем было дозволено взрослыми. Вероятно, легенда зародилась у глиссерщиков, которые заселили океанские просторы лет за пятьдесят-шестьдесят до появления первых колонистов из Ядра.

Видимо, у легенды имелась какая-то реалистическая подоплека. Когда глиссерщики стали сопровождать косяки фрайей, многие из них незаметно для себя соприкасались со спорами чалота и претерпевали загадочное превращение. Некоторых, очевидно, забивали насмерть перепуганные товарищи, когда, дойдя до безумия от терзаемого их голода, нечаянные мутанты забирались обратно на глиссеры. Других настигала

смерть во рвах и расселинах, где произрастал чалот. Исчезновение последних связывали с хищниками, которые таились в местах размножения фрайей во время выведения теми потомства. Последний случай, аналогичный тому, что произошел с Парролом и Найл, возможно, имел место много десятилетий тому назад. Глиссерщики до сих пор считают, что плавание под водой среди расселин, где размножаются фрайи, сулит неслыханные несчастья, и старательно избегают подобных выходок. Однако сами они не осознают той конкретной опасности, на базе которой выросло это суеверие.

Тем не менее, в настоящий момент облик «морской ведьмы» был Парролу очень даже на руку. Вдобавок, он не мог пожелать себе лучшего спутника, чем такое же подводное страшилище, плывшее сейчас рядом с ним и управляемое разумом Найл Этланд. Распластавшись по дну и зарывшись по самые глаза в вязкий, тягучий ил, они продвигались по направлению к группе высоких, золотистых фосфоресцентов. Эти полурастения-полуживотные, обладавшие некоторыми зачатками разума, находились примерно в десяти метрах за спиной охранника, управлявшего плавучей лучевой пушкой. Эти обитатели

морского дна были известны специалистам по фауне «огненных» лесов под названием «звездные вспышки». Еще несколько минут они оставались непотревоженными. Пучки щупалец-хваталок на их верхушках колыхались медленно и ритмично.

Затем на дальнем конце группы «звездных вспышек» одна особь стала смещаться по направлению к лучевой пушке. Несмотря на то, что она сама могла лишь медленно скользить по илу на расширенном у основания стебле, сейчас она двигалась помимо собственной воли. Ее проносили по илу, временами проталкивая через него. «Звездная вспышка» находилась в состоянии значительного возбуждения: верхушка раскрылась, как перевернутый зонтик, а светящиеся щупальца, свисавшие по краям этой чаши, взбудораженно метались в разные стороны.

Внезапно Паррол отпустил «звездную вспышку» и чувствительно толкнул Найл в спину. Оба зарылись в ил еще глубже, ибо пушка разворачивалась в их сторону. Лица охранника за стеклом шлема было не разглядеть, но, вероятно, он с некоторым подозрением отнесся к резвой «звездной вспышке». Хотя он мог и не помнить, на каком расстоянии от него прежде находился

фосфоресцентно потревоженный ил с очевидностью указывал, что «звездная вспышка» здорово продвинулась.

Однако сейчас она уже прекратила свое движение. К тому же, «звездные вспышки» имели вполне заслуженную репутацию безвредных созданий. Поэтому чуть погодя охранник развернул пушку дулом к плантации нидита, чтобы не пропустить прорыва рыб-плащей.

Паррол вновь подхватил природный камуфляж и встал на ноги. Найл тоже поднялась. С трудом удерживая вырывающийся фосфоресцент, они, подобравшись к охраннику со спины, водрузили ему на шлем свой живой плюмаж. Верхняя часть скафандра мгновенно скрылась под широким колпаком из извивающихся щупальцев растревоженного существа. Стража вышибло из седла пушки, затащило в ил, а «звездная вспышка» отчаянно цеплялась за скафандр, не давая ему подняться.

Паррол вскочил в седло, ухватившись обеими руками за поворотную стойку. Найл метнулась к нижней части корпуса, где плотно взялась за рычаги управления. Лучевая пушка беззвучно развернулась и сразу после этого маневра сорвалась с места, устремившись к скалистому склону.

Добравшись до обрывистого уступа, плавучая артиллерия понеслась вверх по склону. Оглянувшись, Найл успела увидеть, как охранник вместе со «звездной вспышкой» вкатились в соседнюю купу фосфоресцентов. Там сцепившаяся друг с другом парочка устроила настоящий переполох. Без сомнения, охранник уже передал по переговорному устройству, вмонтированному в скафандр, о затруднительном положении, в котором оказался. Но должно было пройти еще несколько минут, прежде чем кто-то покинет борт подводной лодки, чтобы придти на помощь.

* * *

Оставив далеко позади край уступа, Паррол удалился на несколько сотен метров и задрал пушечное сопло кверху, направив его в темноту. Внизу должны были подумать, что когда странный «агрессор» выбил охранника из седла, тот непроизвольно заклинил рычаг акселератора, из-за чего теперь пушка вынуждена носиться по разлому, самостоятельно газуя. Вряд ли наркоторговцы станут тратить время на поиски взбесившегося орудия.

Волшебные краски «огненного» леса постепен-

но блекли, видимо, на Разлом опускалась ночь. Паррол замедлил подъем и по щитку управления, освещенного мягким зеленым светом, тщательно проверил местонахождение. Найл вскарабкалась к нему наверх и пошарила в ячейках с инструментами. Из одной она вынула карманный прожектор, из другой — крупнокалиберное универсальное ружье. Паррол услышал глухой щелчок — Найл поставила пушку на боевой взвод. Теперь они могли в любой момент оказать радушный прием рыбам-плащам!

Они обменялись улыбками «морских ведьм», которые больше не казались им уродливыми. Теперь, имея на вооружении лучевую пушку, у них появился достаточный выбор действий. Главное состояло не только в том, чтобы постараться дожить до того момента, когда завершится влияние спор, и можно будет с уверенностью сказать, способен ли человек, чье тело претерпело метаморфоз под действием чалота, пережить и этот момент. Нет, надо постараться сделать куда больше.

Наркомафия, очевидно, посчитала, что ее противники утонули еще там, в верхних слоях воды. Те, кто был на палубе на «Актрисе» не стали бы палить по «Пан-элементалу», если б не знали,

кто в нем. Значит, понимали, что, избавившись от Найл и Паррола, могут быть спокойны, что их тайна всплывет. Стало быть, Илиум Велдроу поддался искушению и клюнул на взятку, равно как и капитан Мейс вместе со всей командой «Атриса». Подкуп помощника управляющего был вполне разумным шагом — это предохраняло незаконную жатву нидита от вмешательства со стороны «Джиард». Совершенно ясно, что он сообщил заинтересованным лицам о том, что Данрич Паррол и Найл Этланд напали на след нидита и отправились к Разлому Таскасона, дабы убедиться в своих подозрениях.

Простофили едва не погибли, ибо не учли возможности удара в спину. Ну и что получилось в результате? Сборщики нидита ощущали себя в полной безопасности и, в свою очередь, раскрылись для неожиданного нападения.

Паррол следил за местоположением пушки и признаками физических изменений в себе и в Найл. Те, кто когда-то давно испытали подобное превращение, вернулись на поверхность в ипостаси «морских ведьм». Однако из-за слишком большого количества неясностей спешить с подъемом на поверхность не стоило. Но вот Найл подалась вперед и передвинула рычаг акселера-

тора. Пушка рванулась кверху. Паррол взглянул на Найл и решил, что женщина права. Он продолжал следить за глубиномером. Когда прибор показал всего сто сорок метров ниже уровня моря, он остановил пушку и перевел ее в горизонтальное положение, слегка развернув. Над ее жерлом загорелся прицел, выхватив из темноты небольшой участок стены Разлома. Паррол повел лучом вверх по стене. Здесь она поднималась не вертикально, а под углом, что указывало на то, что люди приближались к краю Разлома.

Поднявшись еще на тридцать метров, они там и очутились. Взорам предстало темное морское дно, состоящее из целого каскада уступов, которые протянулись на пять километров, пока не переходили в едва затопленные водой отмели. Паррол устремился назад вдоль обрыва, ведя машину горизонтально. Когда он опять сделал остановку, пушка оказалась в точке, которая, по его расчетам, находилась непосредственно над субмаринами сборщиков нидита.

Наиболее ощутимый урон можно было нанести именно отсюда. Теперь Найл поняла, что именно искал Паррол. Когда он снова тронул пушку с места, и они медленно заскользили над морским дном, девушка перегнулась через щиток и стала

отслеживать «зайчик» от светящегося прицела. Внезапно она подняла руку…

Вот это, кажется, то, что нужно, подумал Паррол, чувствуя, как его охватывает волнение. Отвесный, темный кряж метров двадцати высотой, до вершины которого было по склону, примерно, с треть километра. Поверхность по другую сторону гребня была гладкой, плоской, почти вровень с вершиной — настоящий заповедник для морских осадков и песка, занесенных сюда с верхних уступов, отгороженный от Разлома Таскасона скалистой стеной кряжа.

Через несколько минут он убедился в этом собственными глазами. Он отвел пушку, установил энергетический луч на полную мощность и привел его в действие. Концентрированный поток заряженных частиц врезался в кряж и стал двигаться по склону. В месте его соприкосновения со скальным грунтом появлялись густые клубы пара и пыли. Пушка плясала, становилась на дыбы, когда до нее добегали отраженные ударные волны. Паррол выключил луч, отодвинул излучатель на двадцать метров, снова включил. Теперь пушка вела себя намного стабильнее. Так или иначе, но вскоре на внешней поверхности кряжа была прорезана глубокая щель длиной в

двадцать метров.

Пришлось потратить около половины всей накопленной энергии заряда, прежде чем верхушка кряжа, наконец, тяжело опрокинулась. В освободившееся пространство тут же хлынула река грязи и песка, которая, подчиняясь закону всемирного притяжения, потекла по морскому дну к краю Разлома, тягуче перекатилась через него и устремилась вниз…

На долю мерзавцев, копошащихся на дне, вполне достаточно, подумал Паррол, сидя на покачивающейся пушке и глядя, как разливается во все стороны темный поток. Даже более чем достаточно. Совокупной массы грязи и песка хватит, чтобы «похоронить» под собой и жатку, расположившуюся у стены, и два других корабля, разлегшихся на поле с нидитом. А это то, что нужно. Кое-кто из водолазов, находившихся снаружи, смогли скрыться, если были достаточно проворны. Остальная часть сборщиков застигнута врасплох. Они, конечно, останутся в живых, ибо скафандры сконструированы так, чтобы выдержать даже сокрушительный удар глубоководного грязевого селя. Однако эти пособники наркодельцов так и останутся на своих местах, пока кто-нибудь их не откопает.

5

Посыльное судно-жнейка «Атрис» раскачивалось на пологих, медленно набегающих волнах. Гудел якорный двигатель. Дьюз скрылся за горизонтом, и кучевые облака закрывали половину ночного неба. На севере и западе формировался туман. За минувший час корабельное переговорное устройство только и делало, что возбужденно трезвонило. Капитан «Атриса» буквально извелся и теперь выглядел огорченным.

Находившаяся на краю одной из близлежащих стай морских жнеек, одиночная машина стала перемещаться на запад — вначале медленно, но, по мере отдаления от «Атриса», увеличивая скорость.

Спустя полчаса заблудшая жнейка достигла точки, расположенной в восьми километрах к западу от посыльного судна. Автоматический зуммер разбудил пилота самолета-погонщика, базирующегося на «Атрисе». Он взглянул на подсвеченную карту для определения местоположения, расположенную над койкой, и увидел мигающую красную точку у самого края восьмикилометрового круга. Сонно выругавшись,

он слез с койки и связался по прямой линии с посыльным судном.

— А тебе-то какого рожна надо? — раздался из динамика хриплый голос капитана.

— Засек заблудшую овцу, — начал пилот. — Я думал…

— Дуй за ней, балбес! Ты же знаешь, что у нас все должно быть в ажуре!

Линия отключилась.

Пилот нахмурился, зевнул и уселся в пилотское кресло. Самолет-погонщик скользнул по носовой палубе «Атриса» и легко поднялся в воздух. Через несколько минут он завис над жнейкой. Пилот направил на кожух двигателя жнейки луч-«погонялку», крутанул рычаги управления и с досадой обнаружил, что рулевые механизмы автоматической жнейки не слушаются. Он грязно выругался, потому что придется выправлять их вручную.

Самолет опустился на воду. Пилот пришвартовался к жнейке, прошел по дощатому настилу к машинному отделению, открыл дверь и ступил внутрь. Спустя миг оттуда раздался дикий вопль, затем из-под машинного отделения донесся сильный всплеск. За ним вскоре последовали низкие каркающие звуки, лишь отдаленно напоминающие человеческую речь.

В дверном проеме машинного отделения показалась «морская ведьма» с пилотом, перекинутым через плечо. Он наглотался морской воды и потерял сознание. Следом вышла еще одна ведьма. Было заметно, как им трудно дышать воздухом, но они все-таки дышали. Первая ведьма забралась в самолет вместе с пилотом. Вторая отвязала жнейку, оттолкнула прочь и присоединилась к своему товарищу. Самолет развернулся, поднялся с поверхности моря и, набирая скорость, устремился строго на запад.

* * *

Незадолго до рассвета на фермы континентального побережья надвинулся густой туман и пополз дальше, вглубь континента. Он плотно окутал Фармацевтическую Станцию «Джиард». Внутри здания многие помещения были безлюдны и погружены в темноту. Но в кабинете Паррола горел свет. Находившееся там грузное существо с нелепой, уродливой, испещренной серыми крапинками головой и с телом, заключенным в некое одеяние, похожее на плащ, очевидно, второпях вырезанное из куска паруси-ны, корпело перед стенографическим аппаратом. На экране было увеличенное изображение очень

длинного шифрованного послания. В данный момент это послание подвергалось незначительной правке в виде вычеркиваний и исправлений. Наконец существо выключило аппарат. Экран исчез, и серый, словно распухший от пчелиного укуса, палец вдавил клавишу на боковой стенке стенографа. На стол выскочило две карточки, покрытые микропечатью. Существо внимательно их рассмотрело, потом тяжело поднялось на ноги.

Из открытой двери кабинета послышался хриплый, огрубевший, но, тем не менее, узнаваемый голос Найл Этланд:

— Мне наконец удалось связаться с Фризи, Дан. Она на пути в госпиталь, где собирается устроить все как надо. Через полчаса сможем спокойно пробраться через служебный вход. Кроме Фризи и доктора Тея никто не будет знать, что мы там и в каком состоянии.

— Как раз примерно полчаса нам и нужно здесь оставаться, — голос управляющего был таким же искаженным, как и у нее, но таким же узнаваемым. — Фиаве я, разумеется, передам, что мы в госпитале.

— Да уж, ему следует знать об этом.

— Ты объяснила Фризи, что произошло?

— В общих чертах. — Найл зашла в помещение. На ней тоже был надет импровизированный плащ, закрывающий все, кроме головы, однако недостаточно, чтобы скрыть факт, что туловище под этим плащом было неуклюжей карикатурой на человеческую фигуру. — Я сказала, что мы подцепили заразу, которая поражала морских коров, и когда она нас увидит, мы будем походить на утопленников после двухнедельного пребывания в воде.

— Неплохое сравненьице! — усмехнулся Паррол. — Будучи «морскими ведьмами», мы были куда симпатичнее, чем теперь, в переходном состоянии!

— Как ты думаешь, тебя до сих пор разносит?

Он поднял вверх уродливые пальцы, внимательно их рассмотрел.

— Несомненно. Не могу поверить, что полчаса назад они выглядели так же страшно, как сейчас. Кроме того, у меня такое ощущение, будто мои внутренности медленно раздирают на части.

— У меня точно такое же ощущение, — призналась Найл. — Боюсь, нам предстоит пережить крайне неприятные минуты, Дан. Но что радует, мы определенно возвращаемся в прежнее состояние.

— Тело старается возвратиться?

— Да. Невозможно предсказать наверняка, что получится. Но морские коровы, кажется, оказались способны повернуть процесс вспять. Может, и нам это удастся. А может быть, и нет. — Она бросила беглый взгляд через всю комнату на кресло, в котором был распростерт пилот самолета-погоняльщика. Глаза у него были закрыты. Его комбинезон, кресло и пол под креслом намокли от воды. — Как там наш воинственный друг?

— Не знаю, — сказал Паррол. — Я не обращал на него внимания с тех пор, как свалил туда. По-моему, он так ни разу и не пошевелился. Наверное, то, что его волокли по прибрежной топи весь последний участок пути, не пошло ему на пользу.

Найл подошла к пилоту и пощупала пульс:

— Во всяком случае, он жив. Я тут прихватила по пути из канцелярии ампулу успокоительного. Для верности сделаю ему укольчик, чтобы он сидел смирно, пока не прибудет полиция. У тебя есть какие-нибудь срочные планы в отношении Илиума Велдроу?

— Нет, — сказал Паррол. — Я надеялся, что мы успеем застать предателя здесь. Я бы с удовольствием понаблюдал за выражением его лица в момент, когда бы мы к нему зашли. Но… придется

полностью предоставить его в распоряжение Фиавы. Давай-ка, отошлем наши отчеты. Как говорится, куй железо, пока горячо.

Найл достала инъектор, нажала спуск и присоединилась к Парролу у переговорного устройства. Он закладывал карточки в телетайп.

— Это для Дабборна из Управления по Борьбе с Наркотиками, — пояснил он. — Я воспользовался его личным кодом, где предупреждаю, что в его конторе возможна утечка информации. Если он попытается оттуда со мной поговорить, это сразу станет известно заправилам нидитового бизнеса самого высокого ранга. А они тотчас предпримут шаги, чтобы «отмазаться» от всего этого. А Фиаве мы позвоним домой. Он может потом связаться с Дабборном и вместе с ним разработать детали операции.

Найл кивнула. Паррол включил переговорное устройство, набрал номер. Сразу же загорелась лампочка выхода на связь. Он нажал кнопку передачи на телетайпе.

— Сообщение принято, — раздался спокойный женский голос. — Будете ждать ответа?

Паррол хранил молчание. Приблизительно через десять секунд лампочка выхода на связь погасла.

— Голос секретарши Дабборна, — сказал он. — Значит, он на своем рабочем месте. Теперь давай поднимем с постели начальника полиции, — пора приступать к решительным действиям. — Он вынул карточки, бросил их в уничтожитель и набрал еще один номер.

Прошла почти минута, прежде чем Фиава отреагировал на звонок. Наконец он известил своим глубоким, сиплым спросонья голосом:

— Фиава слушает. Кто это?

* * *

— Для человека, — глубокомысленно заметил Мачон, — который провел в больнице семь недель, будучи настолько плох, что все это время не мог принимать посетителей, вы выглядите на редкость бодро.

Паррол, сидевший на другом конце обеденного стола, усмехнулся в ответ.

— Меня несколько человек навещали, — сообщил он. — Время от времени заглядывали Дабборн и Фиава, чтобы держать в курсе, как продвигаются дела по нидиту.

— Они проделали первоклассную работу по поимке этой шайки из «Эйджнес»! — заверил Данрича секретарь Ассоциации Фермеров. —

Возможно, пара крупных «шишек» и отделается лишь потерей своих кресел. Зато остальные крепко прижаты к ногтю!

— Я знаю об этом, и с удовольствием приму участие в процессе, как свидетель обвинения. — Немного помявшись, Паррол добавил: — Строго говоря, ни я, ни Найл не болели. Некоторое время нам было чрезвычайно не по себе. Однако по истечении двухнедельного пребывания в больнице мы могли бы принимать посетителей. Но Найл настояла на том, чтобы нас никто не видел до тех пор, пока мы не будем готовы к выписке. За исключением очных бесед с Фиавой и Дабборном, мы строго придерживались этого принципа. Я полагаю, что теперь можно рассказать обо всем — но только, чтобы это осталось строго между нами. Вообще-то Найл для Общества по Изучению Иных Форм Жизни подготовила статью, в которой наш случай излагается во всех подробностях. Статья появится через несколько недель. Но предупреждаю, что Найл все равно против того, чтобы подробности нашего опыта стали достоянием гласности.

— Не волнуйтесь, я умею держать язык за зубами, — заверил его Мачон. — Валяйте.

— Ну что ж, тогда я познакомлю вас с теорией

Найл. В своей основе она, по-видимому, верна. Итак, существует известная модель симбиоза «фрайи-чалот». В течение короткого промежутка времени она представляет собой полный симбиоз — во всех отношениях. Каждый год фрайям приходится приспосабливаться к подводной жизни на этот период. Затем навыки жизни на поверхности быстро восстанавливать. А ведь фрайи являются псевдомлекопитающими. Их тела способны к резкой и кардинальной перестройке не более чем тела морских коров или наши с вами.

— Минуточку! — прервал его Мачон. — Насколько я понял, сами-то вы перестроились кардинально, да еще как! Это просто фантастика! Вы с Найл буквально превратились в «морских ведьм», разве не так?

— Так-то оно так, но на самом деле мы не изменились. Чалот живет за счет промежуточного хозяина, в котором находится. Для нормальной жизнедеятельности нам просто приходилось снабжать его материалом. Проще говоря, мы ели. Когда изменения в вашем организме незначительны, вам всего лишь хочется кушать. Если же они принимают глубинный характер, то на вас периодически нападают приступы самой настоящей прожорливости. Чалот наращивает свои

структуры и поддерживает их существование. Его нужно постоянно подпитывать, иначе структуры просто разрушатся. Если вы не обеспечиваете его питанием, которое поступает в ваш организм извне, он начинает потреблять запасы вашего собственного тела. Мы это поняли. Возникает чувство, что ты помираешь с голоду. Возможно, если ничего не предпринимать, так и может случиться. Поэтому и приходится столько есть.

По отношению к животным-хозяевам чалоту надо выполнить две вещи. Во-первых, ему необходимо добиться того, чтобы фрайи смогли опуститься к «огненным лесам» и находиться там некоторое время, поедая взрослые растения чалота и, тем самым, выпуская на волю его семена. Во-вторых, ему нужно позаботиться о том, чтобы «хозяин» не сдох или не получил сильной травмы. Тогда он сможет вернуться на следующий год и возобновить процесс. Чалот непосредственно не воздействует на организм «хозяина», пока у него не возникает потребности извлекать пищу для себя. Из клеток чалота в теле «хозяина» формируются различные дополнительные органы, предназначенные, вместе со всем его организмом, для выполнения всяческих новых функций. Образовавшийся из чалота и его «хозяина» кон-

гломерат — соединение неустойчивое. Но оно способно существовать в течение некоторого времени на дне океанских расселин.

Конгломерат остается таковым, пока вокруг имеются заросли чалота, который поддерживает его существование. Фрайи питаются в разломах взрослыми растениями и сохраняют глубоководную ипостась в течение всего сезона размножения. Затем они подчищают весь наличный урожай чалота и возвращаются на поверхность. Морские коровы, которые попали сюда, в Континентальный Разлом, могли дышать и питаться под водой только в течение тех дней, которые потребовались туче спор чалота, зародившейся в Разломе Таскасона, на то, чтобы добраться до течения Мерал. В местных «огненных» лесах чалот отсутствует, поэтому коровы поднялись наверх. Когда их доставили на место, они ведь были здорово раздобревшими, правильно?

— Да, — согласился Мачон. — Диета «огненного» леса нисколько им не повредила. Можно даже сказать, что пошла на пользу. Правда, они нагуляли, в основном, жир.

— Да уж, — скривился Паррол, — в основном, жир… Мы с Найл подцепили одну партию спор здесь, на одном из местных ранчо и, возможно,

еще одну — в воде по ту сторону отмели. Тогда споры ничего не добавили к нашим системам жизнедеятельности, кроме способности дышать в воде. Когда же нам пришлось не по своей воле спуститься в Разлом Таскасона, мы стали нуждаться в полном изменении наших организмов. Его мы и получили… По пути в Разлом мы, благодаря чалоту, превратились в глубоководный вариант человека — «морских ведьм». Но оставались мы таковыми только на протяжении нескольких часов. Это произошло из-за того, что споры, которые мы изначально впитали в себя здесь, расходовались на поддержку новых структур в наших организмах, а в Разломе Таскасона чалот уже давно не растет. Вот и нечем было возместить потраченный спорами материал.

Очевидно, у чалота же имеется опыт по генетическому видоизменению, благодаря обширному многообразию хозяев, в которых он «откладывал» свои споры. Сейчас у него остался только один природный хозяин — фрайя. Когда-то Нэнди-Клайн кишмя кишел псевдомлекопитающими этого класса. Можно предположить, что у многих из них имелись сходные симбиотические взаимоотношения с чалотом. У фрайей они сохранились до сих пор. Типы приспособляемости, которые ча-

лот обеспечивает своим хозяевам, варьируются в зависимости от разновидности и соответствуют их потребностям. Изменения в морских коровах гораздо менее радикальные, чем те, которым подвергаются фрайи при переходе в глубоководную форму.

Вообще говоря, превращение воздуходышащего человека в способную обитать на больших глубинах «морскую ведьму» — мероприятие исключительно экстраординарное. Чалот извел на нас всю свою массу. Все это время нам периодически приходилось жадно есть, чтобы дать ему все необходимое для поддержания нашей глубоководной ипостаси. Боже мой, как мы лопали! А потом мы выбрались на поверхность моря и стали изменяться в обратную сторону. Найл этого вначале не заметила. Но когда увидела, каким образом осуществляется метаморфоз, она поняла, что происходит.

— И что же? — спросил Мачон.

— Жир, — сказал Паррол. — Когда вся эта сложная плотная структура чалота, которая обеспечивает вашу жизнедеятельность в океане на глубине трехсот метров, начинает разлагаться, она превращается в жир, который откладывается в теле промежуточного хозяина! Если вы

— фрайя, то это просто замечательно. Для них жир — это что-то вроде премии, которую они получают в результате взаимоотношений с чалотом. После этого они могут целый месяц не есть. У морских коров это было не очень заметно, поскольку чалот мало чего добавил к их и без того крупным прослойкам жира в организме. Но зато мы с Найл!..

Паррол покачал головой.

— Не хочется распространяться обо всех малоприятных подробностях, но доктор Тей вынужден был применить пластиковую кожу, чтобы наши тела буквально не расползлись! Мы выглядели чудовищами. Первые десять дней он держал нас в чанах с водой и хирургическим путем удалял все лишнее из организмов. Потом решил, что нам поможет лечебное голодание. Оно и в самом деле помогло. Правда, чтобы прийти в нормальное состояние, нам понадобилось почти два месяца, полтора из которых Найл не позволяла видеться с собой даже мне…

Сейчас она уже вернула себе первоначальный облик, но ее тщеславие до сих пор остается уязвленным. Думается, скоро это пройдет. Но если в течение ближайшего месяца или около того кому-то вздумается упомянуть при ней о каком-

нибудь существе, страдающем излишним весом, вроде морской коровы, и при этом улыбнуться, то, держу пари, он без лишних разговоров рискует получить прямо в торец!

ДЬЯВОЛЬСКОЕ ОТРОДЬЕ

Глава 1

Когда боль, жгучей пеленой застилавшая разум, стала постепенно уходить, Тайкос Кей был даже скорее удивлен тем обстоятельством, что до сих пор держится на ногах. Обработка была жестокой и труднопереносимой. Временами казалось, что с ней почти невозможно справиться. Тем не менее, он ее выдержал. Ощущение жара от чего-то раскаленного добела, которое, ворвавшись ему в сознание, все-таки не оказало на мозг ожидаемого воздействия, постепенно снижалось. Жар сменился теплом, исходящим от вяло и уныло тлеющих углей. Потом и угли угасли. К Тайкосу стало возвращаться зрение.

Он маленькими порциями пустил в свое сознание ощущение собственного тела. Ощущение было не из приятных. До сих пор в некоторых участках тела оставались отголоски жгучей боли, будто в эти места втыкались крошечные раскаленные лезвия и кромсали плоть. Ущерб, наносимый нервной системе человека одним сеансом болевой обработки, был ничтожен. Однако, суммарный эффект от целого ряда таких сеансов был уже гораздо значительнее. За по-

следние несколько недель сеансы проводились двадцать раз. Теперь, каждый раз подсчитывая вред, который этот процесс нанес организму, Тайкос подумывал, не придется ли ему признать, что кумулятивный эффект достиг такого уровня, при котором ущерб стал необратим.

Однако на этот раз трагедии не случилось. Разум был затуманен, но так было всегда после обработки, и длилось недолго. Убедившись в этом, он переключил внимание со своих внутренних ощущений на окружающий мир.

Появились четкие очертания большой комнаты. Она почти полностью была погружена в темноту, так как освещение было выключено демонами везде, кроме центра потолка. Осталось только пятно света, в которое попадала большая часть рабочего стола, к которому он был прислонен. А еще возвышение метрах в десяти поодаль, с которого за ним наблюдали. Полки, стены, ряды биологических образцов, наборы анализирующего и записывающего оборудования были погружены в темноту.

Тайкос Кей осмотрелся, воспринимая реальность, как она есть. Потом глянул на демонов.

— Вам опять удалось избежать болевых ощущений? — спросил один из трех — меньше всех

ростом.

Тайкос размышлял. Облик маленького демона был все еще как будто в тумане, хоть и начал мало-помалу проясняться. Его звали Колл… Да, точно. Великий Палач Колл. Один из наиболее влиятельных руководителей Вечноживущих. Заместитель председателя Гласа Решимости…

Тайкос напомнил себе: *«В общении с Коллом проявляй большую осторожность!»*

Он издал звук, представлявший собой нечто среднее между вялой попыткой что-то сказать и тяжким стоном. Он мог бы отозваться сразу же. Но во время допроса следовало мыслить ясно и четко, без какого бы то ни было тумана в голове — особенно в тех случаях, когда допрос проводил Колл.

Все трое молча, не шевелясь, уставились на Кея. Кожа и обмундирование посверкивали, будто мокрые, — словно они только что выползли из моря. Кстати, такое вполне могло иметь место: составной частью демонов являлась соленая вода. Им становилось плохо, неуютно, если они долго обходились без нее. Тот, кто находился справа от Колла, держал устройство с посверкивающим голубым глазком. Когда глазок разгорался ярче, это означало, что скоро начнется болевая обра-

ботка. У того, что находился слева от Колла, было оружие, направленное на Тайкоса. Эти двое были коренастыми, мощными созданиями с мускулистыми и кривыми ногами. В данный момент оба сидели на корточках. Однажды Тайкоса заставили смотреть, как один такой демон обхватил руками грудную клетку человека и, не прилагая при этом видимых усилий, медленно сдавливал, пока тот не умер от пневмоторакса.

Экзекуция была проделана по распоряжению Колла. Крупные демоны были простыми исполнителями. Палачи называли их Оганунами. Колл принадлежал к тому же виду, но не был ни крупным, ни сильным. Как и многие Великие Палачи, он был морщинистым и крошечным, ростом чуть больше тридцати сантиметров. В плаще и капюшоне он походил на сморщенную от старости мумию. Но мог перемещаться, как стальная пружина. До этого Тайкос видел, как Колл подпрыгнул на двухметровую высоту, чтобы с размаху всадить парализующую иглу в глаз Огануна, когда тот чем-то ему не угодил. Он вонзал иглу пять или шесть раз, да так молниеносно, что его жертва, казалось, окостенела, как мертвая, не понимая, что происходит.

Тайкос был решительно настроен не злить

Колла. В то же время ему нужно было хранить молчание, насколько это позволит ему Колл, чтобы с ясной головой отвечать на вопросы. Некоторое время он сохранял неустойчивое равновесие между этими двумя соображениями. Он подождал, пока разговорная щель над глазами Колла дернулась, чтобы открыться, и только тогда неуверенно произнес:

— Избежать всех болевых ощущений я не смог. Но все же они оставались терпимыми.

— Они оставались терпимыми, — донеслось из разговорной щели, словно Колл размышлял вслух над этим высказыванием. Тайкос уже давно привык к тому, что многие Вечноживущие прекрасно владели человеческой речью, однако голос Колла до сих пор казался ему неестественным. Глубокий бархатный голос, густой и громкий, который совсем не подходил такому маленькому и зловредному существу.

— Эти ребятишки боятся вас, доктор Кей, — сказало оно Тайкосу. — Знаете, почему?

— Нет, не знаю, — промолвил Тайкос.

— Настроенные лишь на десятую долю той мощности, которая была применена по отношению к вам, — объяснил Колл, — эти инструменты предназначены для наказания за серьезные про-

ступки. Они наводят на них самый настоящий ужас. Они вас боятся, потому что вы, по-видимому, способны переносить мучительную боль, которая выше их понимания. Существуют и другие причины… За последние два дня ваше переговорное устройство зафиксировало шесть сигналов вызова на связь.

— Да, я это слышал, — кивнул Тайкос.

— Вы предсказывали, что одна из так называемых Тувел попытается связаться с вами, когда вы будете здесь.

Тайкос нерешительно произнес:

— Тувела — это ваш термин. Личность, которую вы имеете в виду, известна мне, как Хранительница.

— Очевидно, существо такого же типа, — заявил Колл. — Существо, которому некоторые приписывают обладание аномальными свойствами. Среди них — несокрушимость. Доктор Кей, что вы знаете об этих замечательных качествах, — если, конечно, они вообще существуют?

Тайкос пожал плечами.

— Как я уже сказал, о Хранителях и об их деятельности внутри нашей цивилизации мне стало известно сравнительно недавно. Они действуют чрезвычайно скрытно. У меня был личный

контакт только с одной из них. Она произвела на меня впечатление исключительно одаренного человеческого существа. Но если у нее или у Хранителей в целом и имеются какие-то аномальные свойства, я ничего о них не знаю. Очевидно, Вечноживущие знают о Хранителях больше, чем я, — добавил он.

— Что ж, это вполне возможно. Судя по вашим словам, они утверждают, что бессмертны.

Тайкос покачал головой.

— Мне было сказано, что они разработали метод возвращения организму юношеского здоровья и сохранения его в течение длительного времени. Насчет бессмертия ничего сказано не было. Лично для меня это категория принципиального значения не имеет.

— Представление о бессмертных существах не имеет для вас значения, доктор Кей?

Тайкос вновь замялся, так как затронутая тема с любым Палачом могла повернуть разговор в опасное русло. Тем не менее, он произнес:

— Кто может доказать, что бессмертен, пока не дожил до конца времен?

Темное лицо Колла скривилось в подобии ухмылки. Видимо, реплика Тайкоса его позабавила.

— Да и в самом деле — кто? — согласился он. — Опишите мне ваши взаимоотношения с этими Хранителями.

Ранее Тайкос уже несколько раз описывал Коллу эти взаимоотношения.

— Два года назад, — сказал он, — мне предложили сотрудничать. Я согласился.

— Зачем?

— Я старею, Великий Палач. Среди многих вознаграждений за службу мне посулили обучение методам Хранителей, которые применяются для обретения долголетия и сохранения качеств, присущих молодым.

— Они научили вас этому?

— В моем обучении за основу принят один из основополагающих принципов. Мои успехи, насколько могу судить, явно удовлетворительны.

— В чем заключается ваша служба, доктор Кей?

— Я пока прохожу процесс обучения и до сих пор не в курсе, в чем она будет состоять. Я вполне допускаю, что сыграет какую-то роль мое научное прошлое.

— Способность управлять нервной системой, которую вы применяете, чтобы исказить действие возбудителей боли, вы приобрели в

результате практики по увеличению продолжительности жизни?

— Да.

За ответом последовала длительная пауза. Разговорная щель Колла закрылась, и он застыл. Нижняя часть его глаз с двойным хрусталиком была затянута веками, верхняя — с каким-то отсутствующим выражением пристально таращилась на Тайкоса. Громоздкая свита тоже замерла, видимо, в порыве подобострастия. Тайкос не мог догадаться, что означает это молчание. То же самое происходило иногда и во время ранних допросов. Видимо, крохотное чудовище просто размышляло по поводу сказанного. А, возможно, Палач впал в небольшую прострацию. Если бы к нему обратились сейчас, он никак не отреагировал бы. Казалось, он вообще не замечает ничего вокруг. Тайкос подозревал, что Колл имел склонность к состоянию, которое являлось неким эквивалентом человеческого безумия. Даже Великие Палачи, равные Коллу по рангу, похоже, побаивались своего коллегу. Он же обращался с ними с почти нескрываемым презрением. Его темная мантия с капюшоном были изготовлены из простого материала. Часто при нем не было никаких украшений. А они

скрывали свои карликовые тела под роскошно убранными одеяниями, которые были усыпаны сверкающими драгоценностями. Они явно предпочитали избегать общества Колла. И все же он оказывал на них очень сильное влияние.

Разговорная щель над глазами, скривившись, приоткрылась.

— Доктор Кей, — раздался голос Колла, — меня неодолимо тянет пополнить вами мой музей человеческих существ. Вы видели мою коллекцию?

Тайкос откашлялся.

— Да, — сказал он.

— Разумеется, видели, — вымолвил Колл, будто только сейчас осознал этот факт. — Я ее вам показывал. В качестве предостережения, чтобы вы не вздумали водить нас за нос. Особенно меня.

Тайкос произнес, тщательно выбирая слова:

— У меня и в мыслях не было говорить неправду, Великий Палач.

— Неужели? А я вот совсем не уверен в этом, — сказал Колл. — Вы считаете, что личность, которая пытается связаться с вами по переговорному устройству, — это Хранительница, о которой вы нам рассказали?

— Да, — кивнул Тайкос. — Хранительница Этланд.

— Почему вы решили, что это именно она?

— Позывных моего переговорного устройства больше ни у кого нет.

— Потому что вы с самого начала намеревались жить здесь в полной изоляции?

— Да.

— Хранительница Этланд курирует ваше обучение?

— Да.

— Судя по вашему описанию, это молодая особь женского пола.

— Я сказал, что она только выглядит молодой, — поправил его Тайкос. — Сколько лет ей на самом деле, я не знаю.

— Вы утверждаете, что эти Хранители или Тувелы разработали некую формулу долголетия, которая обеспечивает им даже возвращение молодости…

— Именно это Хранительница Этланд и имела в виду.

— И тем не менее, — сказал Колл, — вы утверждаете, что по заданию Хранителей среди форм жизни, населяющих эту планету, вы отыскиваете такие вещества, которые способствовали бы долголетию. Зачем Хранителям заниматься поисками того, чем они уже обладают?

Тайкос пожал плечами.

— Я знаю, что они подвергают меня различным проверкам. Может быть, таким образом они желают убедиться в моих способностях, как биохимика. Но нельзя исключать и того, что они до сих пор заинтересованы в отыскании более простых и более надежных методов достижения долголетия, нежели те, что имеются у них в наличии.

— Какую роль в нынешней методике играет использование химических веществ?

— Не знаю. Я описал основные подходы, в которых мне было велено практиковаться. Они ни словом не обмолвились о природе более совершенных процедур по достижению долголетия. Мои исследования сводятся к наблюдению за действием пробных материалов.

— Вы предположили, что исследования, проведенные на этом уровне, могут представлять интерес для Вечноживущих…

— Я этого не говорил, — сказал Тайкос. — Конечно, я понимаю, что некоторые Палачи наблюдают за результатами моих проб и анализируют вещества, которые участвуют в процессе.

— Не обольщайтесь, доктор Кей, что их интерес к научной стороне дела гарантирует вам дли-

тельную безопасность. Наши методы достижения индивидуального долголетия не нуждаются в улучшении. Я уверен, что вы нам лжете, и намерен выяснить, в чем конкретно. Зачем вам понадобилось разрешение отозваться на звонок Хранителя?

— Причину я объяснил Палачу Моге.

— Теперь объясните ее и мне.

Тайкос уже мог различать оборудование и образцы, размещенные в затемненных нишах помещения.

— Ответственность за этот проект лежит на Хранительнице Этланд. Она отвечает за меня и за мое обучение. До вашего появления она строго регулярно наведывалась сюда, чтобы проконтролировать, насколько успешно продвигается мое обучение. С тех пор она здесь не появлялась.

— Что из этого следует, по вашему мнению?

— Вероятно, Хранителям стало известно о вашем присутствии.

— Я не считаю это правдоподобным, доктор Кей.

Тайкос пожал плечами.

— Я вижу в этом единственную причину, по которой Хранительница Этланд прервала свои посещения. Возможно, Хранители считают более

предпочтительным для себя, чтобы вы потихоньку покинули эти места до того, как начнутся всеобщие беспорядки. Если мне будет дозволено включить переговорное устройство, когда она снова подаст сигнал вызова, мы, возможно, узнаем, что Хранительница направляется сюда скорее для переговоров с Вечноживущими, нежели для свидания со мной…

— Она сознательно заявится на подвластную нам территорию?

— После того, что сообщили мне некоторые Палачи, — заметил Тайкос, — такое поведение Тувелы не покажется неожиданным. Если это правда…

— Будем считать, что это неправда, доктор Кей.

— В таком случае, — сказал Тайкос, — мне тем более следует дать разрешение на связь, чтобы я попытался отговорить ее от свидания со мной в настоящее время. Если, не подозревая о вашем присутствии, она заявится сюда, то она его обнаружит. И даже, если вы сможете удержать ее, дабы воспрепятствовать ее возвращению…

Колл издал свистящий звук.

— Если мы сможем удержать ее?

— По вашим собственным сведениям, как вы

сами дали понять, Тувелы являются чрезвычайно изобретательными существами, — кротко заметил Тайкос. — Но если вам и удастся захватить в плен или убить Хранительницу, остальные немедленно отправятся сюда на поиски. В результате ваше присутствие неизбежно вскроется.

Он пожал плечами:

— Такого варианта я хочу избежать. Мой долг как служителя Хранителей — оберегать их по мере сил и возможностей от всякого рода неприятностей. Как вам известно, я до сих пор пытаюсь убедить некоторых Вечноживущих в том, что от ваших планов, направленных против моих соплеменников, необходимо отказаться еще до того, как всеобщее столкновение станет неизбежным.

— Я это знаю, — сказал Колл. — Вы пользуетесь изумительным и скандальным успехом. Глас Осторожности становится все более настойчивым. Даже подозрительное предложение воспользоваться вашим переговорным устройством и то получило поддержку. Послушайте, доктор Кей, а, может быть, вы сами — Хранитель, который намеренно позволил себя схватить, чтобы посеять смуту в рядах Вечноживущих и ослабить их решимость?

— Нет, — промолвил Тайкос. — К сожалению, я не Хранитель.

— Вы — Гулон?

— Раз уж вы так называете типичных представителей человеческого рода, то я Гулон.

— Такое прозвище мы дали одной норовистой и безмозглой твари, с которой довелось нам встретиться когда-то в прошлом, — пояснил Колл. — Это существо мы уничтожили, так что название осталось не у дел и только ждало нового применения. Несмотря на все ваши старания, мы не откажемся от своих намерений, доктор Кей. Я знаю, что вы лжете, и довольно складно при этом, но недалек тот час, когда мы подвергнем ваши россказни настоящему испытанию… А теперь продолжайте заниматься вашей коллекцией и почаще вспоминайте о моей…

Тайкос не заметил, чтобы Колл сделал какой-нибудь жест, однако Оганун справа от Колла пристегнул пыточное устройство к одному из ремней своей упряжи, опоясывающей его объемистое тело, и обернулся вполоборота. Крошечная мумия в мантии произвела один из своих блошиных прыжков и уселась на плечо подчиненного. Группа снялась с возвышения и направилась по поднятой над полом дорожке к

выходу. Вооруженный паж, прикрывавший тыл, отходил короткими мощными скачками, бдительно держа Тайкоса на прицеле. В помещении стал разгораться привычный яркий свет.

Тайкос пронаблюдал, как вся троица исчезнет в дверях, услышал тяжелый лязг замков. Он прерывисто вздохнул, взял с рабочего стола устройство, заключенное в коробку с лямками, и прикрепил к своему поясу. Это был многофункциональный прибор, с помощью которого контролировалась температура, влажность, уровни поглощения излучения и другие показатели состояния биологических образцов, размещенных в разных участках помещения.

Руки его не слушались. Допрос прошел совсем не так, как ему бы хотелось. Колл не походил на самого себя — обычно грозного и беспощадного — и это, несмотря на некоторый намеренный вызов со стороны Тайкоса. Палач только раз воспользовался возбудителем боли. Зная Колла, можно было назвать его отношение к Тайкосу на этом допросе дружелюбным, если не панибратским. Худой признак. Все указывало на то, что Колл совершенно убежден (и вовсе этого не скрывал) в том, что мог бы запросто развеять все сомнения, посеянные Тайкосом среди ведущих

Палачей. По мнению Колла, Палач мог доказать, что Тайкос их дезинформировал. Целыми неделями Тайкос тщательно сплетал паутину изо лжи, полуправды и продуманных, будоражащих воображение намеков. Он стремился наполнить сердца Вечноживущих страхом перед Человеком или, на худой конец, перед Тувелами, которых, насколько было известно Тайкосу Кею, просто не существовало в природе! Временами ему трудно было придерживаться согласованности в своих словах, однако со временем он так свыкся с общей схемой своей выдумки, что она иногда ему самому казалась правдой.

До сих пор он успешно сдерживал намерения демонов. Независимо от Колла, так могло продолжаться и дальше — это в немалой степени зависело от случая. Тайкос бесшумно вздохнул. Он уменьшил эту степень, насколько мог, но все равно его усилий было недостаточно!

Он неторопливо прошелся по комнате, то и дело манипулируя рычажками своего прибора, тем самым подстраиваясь под нужды биологических образцов. Доктору никогда не удавалось с точностью установить, находится ли он в данный момент под визуальным надзором, или нет. Но это вполне могло быть вероятно, и он не должен

выглядеть слишком озабоченным. Временами он чувствовал, как под его ногами то и дело поднимается и опускается пол, словно палуба огромного корабля. Вслед за этим со стороны отгороженного дальнего конца комнаты раздавался ритмичный плеск морской воды. Там находилось его переговорное устройство. При нем неизменно находились на посту Огануны-охранники, следя за тем, чтобы он не приближался к ним, пока нет разрешения от Вечноживущих. Почти весь пол там был затоплен водой, так как охранникам нужно было постоянно поддерживать свои похожие на сыромятную кожу шкуры во влажном состоянии.

Из прикрытого энергетической заслонкой вентиляционного окна под потолком доносился неопределенный звук, напоминающий приглушенный рев какого-то зверя. Этот звук, а также периодическое покачивание пола оставались для Тайкоса в течение последних нескольких дней единственным признаком того, что снаружи продолжают бушевать тайфуны…

* * *

Половина моря под аэрокаром была скрыта стеной дождя. В южных широтах Нэнди-Клайна

стоял сезон штормов…

Вдали неясно вырисовывалась сине-черная линия горизонта. Мрачные тучи, одна за другой, летели, клубясь, по небу над океаном на юг.

Маленький, ладный аэрокар внезапно закружило воздушными вихрями. Затем, подчиняясь рулям, он выправился и возобновил полет в юго-восточном направлении.

Присутствующая в салоне Найл Этланд нажала ряд кнопок на переговорном устройстве, вмонтированном в приборный щиток, и отрывисто произнесла в микрофон передатчика:

— Фармацевтическая Станция «Джиард» — прием! Говорит Найл Этланд!.. «Джиард», прием!

Секунду ее загоревшее лицо было сосредоточено в ожидании. Переговорное устройство зажужжало, потом звук перерос в пульсирующий вой вперемежку с треском атмосферных помех. Найл нетерпеливо покрутила ручку настройки: сначала по часовой стрелке, потом — против. По всей шкале из динамика раздавался неразборчивый шум. Найл сердито пробормотала какое-то ругательство. Пальцы пробежались по кнопкам вызова, набрали еще одну комбинацию сигналов.

— Данрич Паррол! Говорит Найл! Прием! Дан,

ты меня *слышишь?* Прием!

Секундное молчание. Затем из динамиков прорвался все тот же бессмысленный дребезжащий звук. Губы Найл скривились от досады и раздражения. Она отключила динамик и посмотрела на животное, покрытое густым, блестящим бурым мехом, свернувшееся калачиком на полу кабины. Животное подняло усатую морду. Темные глаза уставились на Найл.

— Дан? — спросило оно высоким, тонким голосом.

— Нету Дана! Вообще никого нет! — выпалила Найл. — Дальше, чем двадцать километров во все стороны — и мы вязнем в каше из атмосферных помех.

— Каша?

— Ладно, Свитинг, не ломай голову. Попробуем связаться с глиссерщиками. Может, они помогут нам найти профессора Кея.

— Найти Тайк-коса! — согласилась Свитинг. Покрытая мехом выдра переменила позу и, выпрямившись, встала на задние лапы. Опираясь короткими и сильными передними лапами о щиток управления, Свитинг всмотрелась в участки морского пейзажа и неба на обзорных экранах. Потом самка посмотрела на Найл сверху вниз.

Двухметровая в длину — от носа до кончика мускулистого хвоста — она была меньшей из пары охотничьих выдр-мутантов, которые были на службе у Найл.

— Где глиссерщики?

— Где-то впереди. — Найл повернула аэрокар на пятнадцать градусов к востоку. — Сядь на место.

Глиссер, который она заметила на экранах несколько минут назад, вскоре снова появился в поле зрения — теперь уже всего в нескольких километрах от них. Сканеры летательной машины, увеличивающие изображение, показали стопятидесятиметровый корпус из *плавучего* дерева с плоской, обтекаемой надстройкой, несущийся по волнам на своих водных полозьях в двенадцати метрах от поверхности моря. Центральный киль, используемый только в ненастную погоду, был опущен и разрезал волны между полозьями. При менее бурных погодных условиях глиссер легко и непринужденно скользил бы по воде с убранным килем и поднятым парусом. Сейчас мачты были уложены на палубу. В сторону смещавшегося штормового фронта глиссер гнали мощные водометные двигатели, размещенные по краям.

Потемневший от дождя ют[1] был украшен парой синих треугольников. Это был знак «Голубой Гуул», означавший принадлежность судна к флоту Сотиры.

Когда глиссер скрылся за очередной грядой облаков, Найл переключила переговорное устройство на диапазон ближней десятикилометровой связи и произнесла в микрофон:

— Доктор Найл Этланд из «Джиард Фармацевтик» вызывает на связь глиссер Сотиры! Отзовитесь, пожалуйста! — Ага, кажется, ближняя связь работала нормально. Они должны узнать ее по имени. Глиссеры Сотиры периодически занимались сбором морского урожая для «Джиард».

Внезапно из переговорного устройства послышалось:

— Говорит капитан Донкар с глиссера Сотиры. Я вас слушаю, доктор Этланд…

— Я нахожусь в воздухе за вашей кормой, — объявила Найл. — Можете принять меня на борт?

Секундное молчание. Потом Донкар произнес:

— Если это вам нужно — мы вас примем. Только учтите: менее чем через четверть часа мы будем проходить через сильный шторм.

---

[1] Примечания: 1

Ют — кормовая надстройка судна, простирающаяся до крайней точки кормовой оконечности судна.

— Я знаю, но не хочу в этом шторме вас потерять.

— Тогда немедленно снижайтесь, — посоветовал Донкар. — Мы приготовимся к вашей посадке.

Глиссерщики и в самом деле оказались готовы. Чуть ли не до того, как Найл смогла вылезти из аэрокара, с полудюжины облаченных в плавательное снаряжение мужчин с обнаженными мускулистыми спинами, которые блестели от хлещущего дождя, надежно прикрепили ремнями маленькую машину к палубе рядом с каким-то закутанным в пластиковое покрывало предметом. Вероятно, то была гарпунная пушка очень больших размеров. Команда выполнила работу умело и организованно. Когда они отступили, из центрального ряда кают торопливо выбежала очень смуглая девушка, одетая, как и члены команды, в соответствии с погодой. Она что-то кричала, но из-за воя ветра и шума дождя ее почти не было слышно.

Найл обернулась в ее сторону:

— Джат!

— За мной, Найл! Пока нас не затопило разверзшимися хлябями!

Сквозь сплошную стену ливня обе ринулись

к каютам. Свитинг вприпрыжку последовала за ними. Все, бывшие на палубе, сторонились выдры. Большинство аналогичных мутантов предпочитало неограниченную свободу океана Нэнди-Клайна совместной жизни с людьми в прирученном состоянии. Приспособленные к существованию в морской воде выдры-мутанты были известны каждому глиссерщику понаслышке, как минимум. Никто из команды не хотел наживать себе неприятностей.

— Сюда! — Джат рывком распахнула дверь, запустила в каюту Найл и выдру и прошмыгнула следом. На столе лежали приготовленные полотенца. Два из них она всучила Найл, третьим быстро обтерла свою бронзовую кожу. Свитинг отряхнулась так, что крупные брызги разлетелись по всей каюте. Найл использовала первое полотенце для просушки промокшего комбинезона, а другим вытерла волосы, лицо и руки.

— Спасибо!

— Донкар сейчас очень занят, не может отлучиться, — пояснила Джат. — Он меня попросил выяснить, чем мы можем помочь. Итак, что ты забыла тут по такой погоде?

— Кое-кого разыскиваю.

— Здесь? — В голосе Джат послышалось искрен-

нее удивление.

— Я ищу доктора Тайкоса Кея.

Пауза.

— Доктор Кей находится *в этом* районе?

— Не исключено, что он…

Найл вдруг запнулась. И было отчего — Джат быстрым и четким движением приложила сложенную пригоршней руку к своему уху и тут же опустила.

Подруги знали друг друга достаточно давно, чтобы понять смысл этого жеста. Кто-то на глиссере подслушивал их разговор. Найл коротко и понимающе кивнула. Очевидно, в этой части океана происходило нечто такое, что глиссерщики Сотиры считали сугубо своим личным делом. А Найл, хоть и пользовалась особым уважением у глиссерщиков, все-таки являлась представительницей континента. Она не входила в их круг.

— Сегодня утром, — сказала она, — я получила донесение от дежурных метеорологов о крупном скоплении плавучего леса, который они засекли незадолго до наступления тайфунов. Этот лесной массив дрейфует где-то в этом районе. Остров, на котором располагался лагерем доктор Кей, вполне может оказаться частью этого лесного массива…

— Ты в этом сомневаешься?

— Да, я не совсем уверена в этом. Вот уже два месяца от него не было никаких вестей. Но течение Мерал могло отнести его стоянку далеко на юг, как раз в этот район. Мне не удалось с ним связаться. Может быть, с ним все в порядке, однако я уже начала беспокоиться.

Джат закусила губу. Бирюзовые глаза пытливо уставились на Найл.

— То, что ты проявляешь беспокойство, это, конечно, правильно. Однако поисками надо было заняться пораньше. Если он находится на том самом массиве, который обнаружили синоптики, мы этого проверить уже не сможем.

— Почему не сможем? И почему надо было раньше этим заняться?

— В этом сезоне плавучие леса считаются громгорру. Равно, как и вода в двадцатикилометровой зоне вокруг любого острова. Так говорит Флот.

Найл испуганно спросила:

— Когда об этом стало известно?

— Пять недель назад.

Громгорру… Термин глиссерщиков, обозначающий несчастье, дурное предзнаменование, злых духов. Нечто таинственное и зловещее, чего следовало всячески избегать, и что при обычных

обстоятельствах с представителями континента не обсуждают. Джат умышленно употребила данное слово. Это вряд ли могло порадовать незримых «слухачей».

Затрещал зуммер.

Джат быстро подмигнула Найл.

— Это меня. — Она направилась к двери, но по дороге обернулась. — У нас на борту находятся представители Венн. Они сейчас зайдут повидаться с тобой.

Оставшись вдвоем со Свитинг, Найл бросила нахмуренный взгляд на затворившуюся за Джат дверь. Она представить себе не могла, какая связь между громгорру и островами плавучего леса. Но если Тайкос Кей находился в этом районе океана, — а расчеты показывали, что он должен находиться где-то неподалеку отсюда — она непременно должна продолжать поиски.

Глава 2

Когда-то в один прекрасный день Тайкос Кей без предупреждения объявился на Фармацевтической Станции «Джиард» на планете Нэнди-Клайн, чтобы повидаться с Найл. Он был преподавателем биохимии в течение последних двух семестров ее учебы в университете на Орадо. Это был седой, жилистый, рослый мужчина и глубоко мыслящий ученый, гений и чудак одновременно, лучший наставник из всех, с которыми Найл где-либо и когда-либо приходилось встречаться. Она была счастлива снова увидеть своего учителя. Тайкос сообщил, что это она поспособствовала его появлению здесь.

— Каким же это образом? — поинтересовалась она.

— Своей исследовательской работой по плавучим лесам.

Найл вопросительно посмотрела на него. Она написала больше дюжины статей по морским плавучим лесам. Эти феномены Нэнди-Клайна бесконечно дрейфовали по изобилующей водной поверхностью планете, на которой имелся всего один небольшой по размерам континент.

Он да еще массивы полярного льда являлись единственными существенными препятствиями для циркулирующих по планете океанских течений. Она получила информацию на эту тему из первых рук еще в детстве. Леса, которые Найл изучала наиболее подробно, пересекали вместе с большим течением Мерал экваториальный пояс, потом их относило дальше на юг. Многие леса возвращались в итоге к началу своего пути, завершив, таким образом, цикл, длившийся от четырех до десяти лет. Так продолжалось до тех пор, пока их не перехватывали другие течения. Если океанского скитальца не сковывал навсегда полярный лед, и если он не застревал на мелководьях вблизи материка, то его организм, казалось, не знал естественной смерти. Плавучий лес был долгоживущей разновидностью растительного мира, настолько древней, что она стала прибежищем для необозримого количества других биологических видов, тем или иным способом приспособившихся в процессе миграции к переменам климата. Когда плавучий лес пересекал участки океана, где гнездились различные паразитические организмы, те на некоторое время прибивались к его массиву. При выходе леса из ареала привычных для его попутчиков темпе-

ратур они либо покидали своего хозяина, либо погибали.

— А это интересная тема, — сказала Найл.

— Вы хотели спросить, неужели я потратил целых три недели на дорогу сюда только лишь для того, чтобы обсудить эту тему с вами?

— Совершенно верно.

— Да, вы правильно ставите вопрос, поскольку, конечно, причина заключается не только в этом, — признался Тайкос. — Где-то с месяц тому назад я посетил Джиардовский Центр в Орадо-сити. Помимо всего прочего я узнал, что на Нэнди-Клайне не хватает биологов, подготовленных нужным образом для работы в полевых условиях.

— Это еще мягко сказано, — сказала Найл.

— И все же, — заметил Тайкос, — это, по-видимому, не доставляет вашей лаборатории особых неудобств. «Джиард» находится на хорошем счету в главном управлении.

— Да, я в курсе. Мы это заслужили благодаря тому, что далеко оторвались от конкурентов. Но на каждый один объект исследования, попадающий нам в руки, из которого мы можем извлечь для «Джиард» непосредственную практическую пользу, в природе остаются нетронутыми тысячи

объектов, о возможном применении которых в технологическом плане никто и не подозревает. Люди, которые на нас работают — хорошие сборщики, но они не в состоянии проделать серьезный приборный анализ. Да если бы они даже и умели это делать, то все равно не знали бы, что нужно искать. Они приносят только то, о чем их просишь, не более того. Я до сих пор принимаю участие в экспедициях, если могу себе это позволить. Впрочем, сейчас это бывает не так уж часто. Дикая нехватка времени.

— Почему же нельзя подыскать новых работников?

Найл пожала плечами.

— Причина лежит на поверхности. Если человек — достаточно хороший биолог, он обеспечен лучшей работой непосредственно в самом Ядре. Может, здесь, на периферии, они добьется большего, но ему совсем не светит периодически мотать из гущи Звездного Скопления на Нэнди-Клайн для грязной полевой работы. Я… постойте, постойте… а вы, профессор, случайно не собираетесь устроиться на работу в местный филиал «Джиард»?

Он кивнул.

— По правде сказать, да. Я считаю себя доста-

точно квалифицированным специалистом, и у меня с собой своя аналитическая лаборатория. Она в космопорте. Как вы думаете, управляющий вашей станцией заинтересован в моей кандидатуре?

Найл прищурилась.

— Естественно, Паррол просто вцепится в вас! Но я все-таки не могу понять до конца, каким образом вы собираетесь совмещать полевую работу с преподавательской деятельностью в университете?

— Еще в начале года я ушел с кафедры и уволился из университета. Что же касается здешней работы… у меня есть несколько обязательных условий, при соблюдении которых я согласен приступить к ней немедленно.

— И в чем же эти условия заключаются?

— В первую очередь, я ограничусь островами плавучего леса.

«Почему бы и нет, — подумала Найл. — При условии, если фирмой будут предприняты соответствующие меры предосторожности».

Внешне светило биохимии выглядел физически крепким, и его ученице было известно, что он принимал участие в нескольких экспедициях на другие планеты, всем участникам которых

приходилось работать в полевых условиях.

Кивнув, она сказала:

— Мы можем зачислить вас в группу ассистентов, которые числятся у нас по первой категории. Им не хватает научной подготовки, но они уже очень давно занимаются плавучими лесами, так что опыта им не занимать. Их всего то ли десять, то ли…

— Нет-нет! — решительно замотал головой Тайкос. — Если вы не против, мы вместе с вами выберем какой-нибудь остров, и я отправлюсь туда один. В этом состоит условие номер два. Для моего проекта это очень существенный момент.

Найл уставилась на учителя. Многочисленные формы жизни, встречающиеся в плавучем лесу, существование которых он обеспечивал, нельзя было назвать необычайно свирепыми и опасными для человека. Но они обитали там вследствие того, что сами заботились о себе в постоянно меняющихся условиях. Одним из таких условий являлась частая смена врагов и добычи и, вследствие необходимости управляться и с теми, и с другими, — частая смена тактики защиты и нападения. Для незнающего человека, углубившегося в заросли плавучего леса, эти тактические уловки могли обернуться всевозможными ловушками,

в том числе и смертельными. По большей части угроза, как, например, у зыбучего песка, не носила характер осмысленного, целенаправленного действия. Но от этого она не становилась менее опасной.

— Профессор, — заявила Найл прямолинейно, — да вы просто не в своем уме! Вы не протянете в плавучем лесу и суток! Вы хоть представляете себе…

— Представляю. Я внимательно изучил ваши статьи, наряду с другими доступными материалами по местной флоре и фауне; которые, правда, оказались чрезвычайно скудными. Я согласен, что у меня могут возникнуть определенные проблемы во взаимоотношениях с окружающей средой. Мы их обсудим подробно. И все же мое одиночество на острове — это непреложное требование.

— Ну почему вам так приспичило…

— У меня личная заинтересованность: я буду заниматься здесь, главным образом, проблемой долголетия.

— Честно говоря, — сказала она неуверенно, — не вижу никакой связи.

Тайкос усмехнулся:

— Это естественно. Для того чтобы было понят-

но, мне нужно все рассказать с самого начала.

— Может и стоит рассказать. Проблема долголетия… — Найл помолчала немного. — Выходит, что, м-м-м, личное…?

— Продлит ли то, чем я интересуюсь, мою собственную жизнь? Я однозначно нахожусь в таком состоянии, при котором она, жизнь моя, требует постоянного и заботливого ухода. Причем, из первых рук.

Найл была поражена. Тайкос, хоть был излишне худощав, зато обладал крепкими мускулами, был подвижен, как юноша, а его лицо полностью лишено морщин. Несмотря на седину, она вовсе не считала его старым. Ему, вероятно, было где-то чуть за шестьдесят, и он, по-видимому, совсем не помышлял о космических гормонах.

— Вы уже начали курс терапии, продлевающей жизнь? — спросила она.

— Довольно давно, — сухо сказал Тайкос. — А насколько вы, моя милая, знакомы с общепринятыми технологиями по обретению долголетия?

— Разумеется, у меня есть только общее понятие о них. Но я никогда не занималась более детальным изучением предмета. Никто из тех, кого я знаю, не обладает… — конец ее фразы опять повис в воздухе.

— Прошу вас, только не смущайтесь, что обсуждаете эту тему с такой замшелой древностью, как я, — сказал Тайкос.

Она уставилась на него во все глаза.

— Простите, но сколько же вам лет?

— Совсем скоро будет ровно две сотни. Да, да, двести стандартных земных лет. Полагаю, я один из старейших граждан Ядра. Не принимая во внимание, конечно, календарного возраста старожилов из прошлого, которые когда-то прибегли к длительному анабиозу, потом проснулись уже в наше время, и до сих пор еще периодически встречаются в качестве свадебных генералов на презентациях и богемных вечеринках.

Двести лет! Практически, это был предел биологической продолжительности жизни человека. На секунду Найл лишилась дара речи. Она постаралась не выдать потрясение услышанным своим выражением лица. Однако Тайкос, видимо, это заметил, потому что заговорил более непринужденным тоном:

— Любопытно, знаете ли, что мы до сих пор не можем ощутимо продвинуться дальше в этой области! Естественно, во время военных столетий, такой непрактичной области исследований, как геронтологии, уделялось мало внимания. И такое

отношение вполне понятно.

— Непрактичной? — повторила Найл.

— С точки зрения биологического вида. Неограниченное продление жизни отдельных индивидов на самом деле не очень желательно в этом отношении. Естественные восполнения выбывших имеют очевидные преимущества. Собственно, сама эта теория не вызывает у меня особых возражений. Тем не менее, я склонен скорее отвергнуть тот факт, что эту теорию можно применить и ко мне.

Он начал отрицать это приблизительно два десятилетия назад. До того времени он исключительно благополучно применял биохимические регулировки и манипуляции с органами, сопровождаемые время от времени пересадками тканей. Затем начались неприятности. Они появлялись постепенно, так что прошло довольно много времени, прежде чем до ученого дошло, что он столкнулся с настоящей проблемой. Его поставили в известность, что результаты корректировок становятся все более нестабильными, — и пока никто не знал, каким образом привести их к более стабильному равновесию. Вскоре потребуются более серьезные операции по пересадке и расширенное применение искус-

ственных тканей. Ему было предложено занести в компьютер все, что имелось у него в мозгу, и передать на хранение в информационный банк с целью наведения справок в дальнейшем, — а потом, возможно, записаться на длительный анабиоз.

Тайкос решил, что ему не по душе ни одна из предложенных перспектив. Уровень его заинтересованности не снизился, и он не имел ни малейшего желания ограничивать свою жизненную активность ростом количества рубцов и заплат на своем многострадальном теле и подвешенным состоянием длительного анабиоза. Если сейчас он откажется от длительного сна, он может прибегнуть к нему по достижении двухсотлетней возрастной отметки, правда, на не очень длительный срок. Раньше он не уделял вопросам регенерации много внимания. Эти проблемы существовали для других — в распоряжении Тайкоса имелась большая выборка разнообразных проектов по домашним животным, которые он сам выбрал. Потом он решил, что ему следует обратиться к исследованиям в этой области, ибо сможет найти приемлемое решение своей проблемы.

— Этим вы и занимались последние двадцать

лет? — спросила Найл.

— Примерно. В проект включены тысячи исследовательских направлений. Это обстоятельство делает разработки очень длительными.

— Я думала, большая часть этих исследовательских направлений принадлежит не науке, а фантастике, — заметила она.

— Для очень многих так и обстоит дело. Знакомясь с ними, мне приходилось подвергать представленные материалы тщательной проверке. Проблема заключается в том, что никто не может доказать, что их методика ведет к гарантированному увеличению продолжительности жизни — ведь ни одна из них не могла быть опробована достаточно долго. По той же причине мне трудно опровергнуть значимость любой такой методики, по крайней мере, адресуя опровержение тем, кто в нее искренне верит. Из-за этого в геронтологии множество самовлюбленных болванов, которые любого оппонента примут в штыки. Даже общепризнанные работы в этой сфере — и те вызывают сомнение. В частности, у меня.

— Теперь я вас понимаю, — сказала Найл. — Напрашивается вывод, что этим должны вплотную заняться не отдельные ученые или институты, а

непосредственно Федерация.

— С одной стороны посмотреть, вроде бы и правильное предложение, — согласился Тайкос. — Однако вполне возможен и такой вариант, при котором на самом высоком правительственном уровне возобладает мнение о том, что неограниченное продление человеческой жизни весьма сомнительное достижение. Вследствие психологических, экономических, социальных, расовых и прочих факторов. Во всяком случае, хоть Федерация и не препятствует геронтологическим исследованиям, она и не поддерживает их в достаточной мере. Можно сказать, относится к ним терпимо.

— А как же с их собственным возрастом? Члены правительства ведь тоже люди и тоже не молодеют.

Биохимик пожал плечами:

— Возможно, они полностью полагаются на анабиоз — этакое счастливое ничегонеделанье до пробуждения в грядущем, в котором проблемы долголетия благополучны решены. Хотя сказать точно, что движет руководителями Федерации, не могу. Конечно, кое-кому кажется, что если он один из избранных, то ему уж наверняка обеспечат столь комфортное существование, что оно

будет длиться неограниченно долго. Хотя лично я в чудеса не верю. Во всяком случае, сейчас я в значительной степени делаю ставку на биохимию. Так сказать, внимание — отдельные клетки! Очищайте их постоянно от накопления вырождения в генетической цепочке, и все остальные проблемы могут оказаться не столь уж существенными. Несколько лет назад я добился определенных сдвигов в этом направлении. Непосредственным результатом явились улучшения, произошедшие во мне самом. По сути, мне была предоставлена возможность понять, что причина старения, вероятнее всего, заключена в отдельных клетках. Как видите, я до сих пор пребываю в хорошем рабочем состоянии.

— Вы все это опубликовали? — спросила Найл.

— Не под своим именем. Права на интеллектуальную собственность принадлежат университету. Я по-прежнему не оставляю биохимических исследований, но также работаю и в новых направлениях. Занимаясь всеми этими вещами, я часто поражался тому, что наши инстинкты, по всей видимости, не очень-то благосклонно относятся к нашему же потенциальному бессмертию.

Девушка нахмурилась:

— Что именно навело вас на такую мысль?

— В первую очередь тот факт, что люди вообще не склонны прилагать к достижению бессмертия больших усилий. Значительное количество моих соратников сыграли, извините за выражение, в ящик просто потому, что постоянно забывали, а то и отказывались проделывать сравнительно несложные вещи, необходимые для нормального поддержания жизни. Словно решили, что оно не имеет особого значения, поэтому не стоит и беспокоиться.

Найл недоверчиво спросила:

— А вы не преувеличиваете, профессор?

— Абсолютно нет. Безразличие к своему здоровью — широко распространенное явление. Инстинкты благосклонно принимают цикл жизни и смерти, даже если наше сознание противится этому. И это понятно, такое отношение способствуют выживанию биологического вида. Для него, биологического вида, каждый индивид имеет значение только в тот период времени, когда достигает зрелости. Инстинкты поддерживают его существование до той поры, когда у него появляется возможность сделать свой генетический взнос. После этого они начинают работать против. Если в конце концов будет разработан метод сохранения жизни и биоло-

гической молодости, при котором человеку не надо не только прилагать никаких усилий для достижения этого, но и заводить потомство, то это может кардинально изменить существующее положение вещей. В настоящее время похожую картину создает длительный анабиоз. Но эта процедура лишь откладывает решение проблемы. Я начал подозревать, что исследование вопроса долголетия само по себе блокируется инстинктами. И я не уверен, что оно… что нам… и в самом деле *следует* углубляться в этот вопрос. Во всяком случае, я решил проконсультироваться со специалистами, чьи интересы лежат в схожей сфере, физиологии мозга. Они фундаментально занимаются природой инстинктов, и, возможно, обладают необходимой информацией…

* * *

В итоге Тайкосу удалось разыскать два научных коллектива, которые достигли достаточно интересных эффектов долголетия и омоложения в качестве побочных результатов экспериментирования с мозгом. Одним из этих коллективов была ААП — Ассоциация Альтернативной Психики. Найл периодически просматривала сборники статей и часто встречала работы, написанные ее

сотрудниками. Ученые из ААП в своей практике применяли определенные наборы процедур по принудительному расширению и изменению функций мозга.

— Они, наверное, вовсю пользуются искусственными тканями, — предположила Найл.

Тайкос кивнул.

— В самую точку, моя дорогая. Причем пользуются не только для того, чтобы заменить одряхлевшие от старости органы, но и для улучшения здоровья. Таков основный принцип их работы. Такова их точка зрения. Лично я не в восторге от такого подхода. Но они разработали заодно и систему фундаментальных умственных тренировок, направленных на управление эмоциями. А вот непосредственно долголетию они уделяют второстепенное внимание. И, тем не менее, ученые ААП накопили большое количество данных, свидетельствующих о том, что упомянутые тренировки успешно способствуют долголетию…

Другим проектом занимался филиал службы Психологического Сервиса Федерации. Целью его сотрудников являлось всестороннее исследование мозга и достижение контроля сознания над его бессознательным потенциалом. Процедуры

были разработаны самым тщательным образом. Во время их осуществления требовалось применение глубоких терапевтических корректировок. Результаты часто приводили к физическому обновлению и восстановлению подопытного материала, но опять же — это являлось не основной задачей, а полезным побочным эффектом.

Тайкос решил, что такой подход к проблеме его не устраивает. Его интересы были более конкретны, более реальны. А мозг являлся эффективным инструментом для достижения поставленной цели, и его свойств было вполне достаточно. Однако устремления обеих организаций определенно склонялись к преодолению границ обычных человеческих возможностей, что вообще было характерно для исследования причин долголетия. Этим двум организациям были уже известны типичные, присущие организму варианты сопротивления бессмертию, о которых доктор Кей пока только догадывался. А вот ААП и служба Психологического Сервиса Федерации уже разработали методы борьбы с ними.

— Вопрос, касающийся взаимодействия человеческого разума и Всевышнего, — произнес Тайкос со значением. — Теперь я способен научиться распознавать проявления инстинктов, как в моем

собственном мозгу, так и во взаимосвязанных физических процессах, а самое главное — управлять этими проявлениями. К этому я и приступил.

Выяснилось, что биохимик познакомил со своей проблемой членов обоих коллективов, и они специально для него разработали индивидуальный план упражнений по управлению мозговыми процессами. Он занимался под их руководством, пока наставники не пришли к выводу, что их ученик способен продолжать начатое в одиночку. Затем он успешно разделался с последними этапами работы, выполняемой в университете. Надо было продолжить поиск более действенных биохимических сывороток. Теперь он был убежден, что именно в этом кроется залог успеха.

— Не позволять инстинктам вмешиваться, и кто знает: может, у нас получится!

— Бессмертие? — спросила Найл.

Тайкос усмехнулся:

— Давайте, милая барышня, для начала ограничимся тысячей стандартных лет.

Она улыбнулась.

— Вы почти меня убедили, профессор! А как во все это вписывается отшельничество в плавучем лесу?

— Совершенно очевидно, что Нэнди-Клайн полон бурлящей жизнью во всех ее проявлениях. Я имею представление об общем характере химических веществ, поисками которых собираюсь заниматься, и, мне кажется, что здесь я смогу их обнаружить с не меньшим успехом, чем где бы то ни было. А, возможно, и с большим.

Найл кивнула.

— Да уж, у нас на планете можно найти почти все. Но почему этим надо заниматься в одиночку?

— Одиночество предусмотрено программой тренировок, которой я следую, — объяснил Тайкос.

— И чему же одиночество будет способствовать?

— Мозговым упражнениям. На тех стадиях, к выполнению которых я сейчас приступаю, мне придется выходить за рамки обычной умственной деятельности человека, как представителя биологического вида Хомо Сапиенс. Это ведь что-нибудь да значит?

Девушка задумалась.

— По-моему, значит, но не слишком. Неужели это настолько важно?

— Все зависит от точки зрения на проблему.

Люди, с которыми я имел дело, считают ее всего лишь базовой, исходной. Тем не менее, это очень трудная штука. Дело в том, что в наш мозг неизбежно просачиваются шаблоны, по которым функционируют разумы окружающих нас существ. Если эти разумы принадлежат взрослым, окончательно сформировавшимся человеческим индивидам, то их шаблоны выбивают нас из привычной умственной колеи, по которой мы двигаемся. Почему? Просто они слишком хорошо нам знакомы, эти шаблоны. Процесс носит абсолютно разрушительный характер. Поэтому до тех пор, пока я не добьюсь достаточной стабильности своих занятий, мне необходимо свести контакты с людьми к абсолютному минимуму.

Найл пожала плечами:

— Сказанное вами, профессор, находится явно не в моей компетенции. И все же, почему бы вам просто не запереться в каком-нибудь помещении?

— Не подойдет. Требуется географическая отдаленность. Необходимо уединиться на очень большом расстоянии от людей.

— Сколько времени потребуется пребывать в таком уединении?

— По моим оценкам — от трех до четырех лет.

— Три-четыре года в плавучем лесу?

— Именно так. Лес станет моим рабочим местом и одновременно источником лабораторного сырья. Я не могу засесть где-нибудь в космосе и продолжить там столь серьезные исследования. Думаю, необходимые приготовления снизят риск, который ожидает меня, до приемлемого уровня. А разумная степень риска может сыграть и свою положительную роль.

— Каким это образом?

— Грозящая каждую секунду опасность — это мощный мобилизующий фактор. Идея в том, чтобы жить полной жизнью и оставаться предельно жизнестойким и жизнеспособным. Сохранять бодрость, а не прятаться от всех и вся в некой скорлупе — настоящей или придуманной.

Найл задумалась.

— Да, это соображение не лишено смысла, — признала девушка. — Скажите, профессор, а каково ваше нынешнее физическое состояние? — спросила она. — Пожалуй, вы выглядите здоровяком…

— Сейчас состояние моего здоровья лучше, чем десять лет назад.

— Вы не нуждаетесь в медицинском освидетельствовании?

— Я уже много лет в нем не нуждаюсь. В свое время мои артерии были целиком заменены на искусственные, изготовленные из материала, специально предназначенного для этой цели. Это было довольно давно. В остальном, за исключением нескольких трансплантатов, вставленных приблизительно в то же время, почти все мои внутренности — родные. Так что по этой части у меня все в порядке, не о чем беспокоиться.

Найл вздохнула.

— Ну что ж! Все равно мне придется убеждать Паррола, что вы не самоубийца… Ладно, можно считать, что вы приняты, профессор. Запрашивайте зарплату повыше, и настаивайте в трудовом договоре на своих условиях, включая свою заинтересованность во всем, что можно трактовать, как сыворотку для долголетия. После того, как мы это утрясем, я вкратце посвящу вас в те трудности, с которыми вам скорей всего придется столкнуться на острове. За несколько дней с этим не управиться. Придется потратить недели две на зубрёжку и наглядные иллюстрации.

Профессор подмигнул ученице, поскольку ему предстояло на полмесяца поменяться с ней местами: Найл Этланд в качестве преподавателя, а он, доктор Кей, — примерного ученика:

— Для этого я к вам и заявился.

Девушка провела чрезвычайно насыщенный курс обучения, который скорее напоминал натаскивание перед экзаменом. Профессор проявлял себя в качестве ученика столь же успешно, как проявлял себя в качестве университетского преподавателя. Несмотря на свой более чем почтенный возраст, он обладал живым, пытливым умом и феноменальной памятью. Он подтвердил, что сохранил хорошую физическую форму — его мышцы были крепкими и упругими. Найл все выше и выше оценивала перспективы профессора на выживание, хотя и не упоминала об этом вслух. Разумеется, некоторым вещам она была не в состоянии обучить своего великовозрастного ученика. Его умение владеть оружием после обучения можно было назвать удовлетворительным, — но и только. Он научился пользоваться верхолазным поясом достаточно ловко, чтобы более-менее благополучно существовать в полевых условиях. Однако для приобретения подлинно мастерских навыков обращения с этим приспособлением требовалась длительная практика. А вот приемам подводного плавания Найл даже не пыталась его обучить. Чем меньше доктор Кей будет плавать вокруг своего острова, тем для него

будет лучше.

Они побывали на многих наносах плавучего леса, дрейфующих по течению Мерал, и, наконец, выбрали большой архипелаг, который вроде отвечал всем требованиям. На одном из его островков было сооружено убежище, которое совмещало в себе жилое помещение для биохимика, лабораторию и складское хозяйство. Туда было завезено и его имущество: солидная коллекция гигаклеток и двадцатисантиметровых протогомов. Они должны были служить ученому контрольным материалом для сравнения. Используя их, биохимик мог продублировать почти любую из известных физиологических реакций человеческого организма и, как правило, с большей эффективностью. Жилище было полностью замаскировано. Ожидалось, что время от времени у острова могут появляться партии глиссерщиков, занятые своим уловом, а Тайкос не желал, даже сравнительно редко, входить с ними в контакт. Если же во время нежелательных визитов доктор будет прятаться в своей хижине, то его вообще не заметят.

На всякий случай у него было переговорное устройство с зашифрованными позывными. Найл должна была наведываться к нему каждые

восемь недель, забирать накопленные им сведения для лаборатории «Джиард» и оставлять продовольствие до своего следующего посещения. Это в том случае, если он не выходил на связь. Профессор не желал никого видеть, кроме своей ученицы. Паррол покачал головой, ознакомившись с таким условием, однако, поскольку Найл не возражала… А сама мисс Этланд, в свою очередь, вдруг осознала, что превратилась в ретивую приверженку всего этого предприятия. Если Тайкос Кей вознамерился замахнуться на бессмертие, вдыхая полной грудью свежий воздух вместо того, чтобы постепенно увядать или улечься на столетия в анабиозную ванну с физиологическим раствором, то она будет помогать ему. Причем, независимо от того, чем он собирается заниматься для осуществления своего грандиозного замысла. Пока дела у профессора шли совсем неплохо. Вопреки ожиданиям, он держался в плавучем лесу молодцом: общаясь с окружающей средой, которую выбрал сам, серьезных ошибок не совершал. Казалось, он был совершенно доволен своей жизнью отшельника, поскольку полностью погрузился в свою работу. В главном управлении умилялись сообщениям нового сотрудника, которые поступали каждые

два месяца. Некоторые выдержки из этих сообщений выборочно отсылались непосредственно его университетским коллегам, которые переняли от доктора программу работ по долголетию. Они тоже умилялись. Когда Найл виделась с ним последний раз, он дрейфовал по Мералу уже восемнадцать месяцев, выглядел здоровеньким бодрячком и собирался продолжать в том же духе, по меньшей мере, еще столько же времени. Он поведал Найл, что тренировка его мозга проходит успешно.

Глава 3

В центральной рубке глиссера Сотиры, куда Джат привела Найл, находилось трое мужчин. С двумя из них Найл приходилось встречаться раньше. Их звали Фиам и Пелад. Они были Веннами, членами Флота Веннтар — органа управления глиссерщиков. Оба немало пожили и в прошлом были капитанами глиссера. Их покрытые морщинами и почерневшие от загара лица хранили безмятежное спокойствие. Все трое отлично справлялись со своими управленческими функциями. На глиссере слово Венна значило больше, чем слово капитана. Третьим был Донкар, капитан глиссера. Для своей должности он был сравнительно молод и сидел с напряженным лицом, казалось, едва сдерживая гнев. Выглядел он смертельно уставшим, но усталость старался перебороть.

Джат затворила за Найл и сопровождающей ее выдрой дверь и села рядом с Донкаром. Девушка пользовалась на глиссере авторитетом, может быть, чуть меньшим, чем присутствующие здесь. Она провела четыре года в Университете Ядра Звездного Скопления и приобрела технические

знания и навыки, представлявшие большую ценность для ее соплеменников. Очень мало кто из глиссерщиков сумел побывать за пределами Нэнди-Клайна. Их предками были вольные космические скитальцы, которые обосновались на этой водной планете за несколько поколений до того, как сюда прибыли первые колонисты из Федерации. По соглашению с Федерацией они сохранили свою независимость и первоочередное право на морские просторы. В прошлом, однако, случались открытые столкновения флотов с населением континента, поэтому у глиссерщиков осталась привычка относиться с подозрением к любой суше и всему, что с ней связано.

Найл дрожала от нетерпения, ибо знала, что, общаясь с этой категорией людей, лучше не торопить события. Она ответила на вопросы Пелада, в сущности, повторив то, что уже рассказала Джат.

— Значит, точные координаты доктора Кея вам неизвестны? — поинтересовался Пелад, поскольку биохимик стал своего рода легендарной личностью среди тех глиссерщиков, которые знали о его проекте.

Найл покачала головой:

— Я не могу утверждать наверняка, что он находится в пределах четырехсот километров

отсюда, — сказала она. — Просто этот район наиболее подходит для начала поисков. Когда наступает время отправляться к профессору в гости, я вызываю его на связь, и он сообщает мне текущие координаты. Но на этот, раз он не откликнулся на свои позывные. Конечно, в сторону континента все последние недели шли очень сильные атмосферные помехи. Но все равно доктор Кей должен был время от времени ловить мой сигнал, поскольку я пыталась прорваться к нему через эфир все это время.

На миг возникла пауза, потом Пелад спросил:

— Доктор Этланд, на материке знают, какова причина этих помех?

Вопрос вначале удивил ее, потом озадачил. Помехи не были какой-то новостью, причины их возникновения были хорошо известны. Звезды, вокруг которых вращались водные миры, всегда являлись источниками таких помех. Стандартные переговорные устройства, повсеместно используемые на Нэнди-Клайне и других планетах Федерации, были абсолютно неэффективны. Чтобы как-то решить проблему устойчивости связи, было разработано и внедрено несколько принципиально новых систем. Из них стопроцентной надежностью обладала только ограниченная

по своим возможностям мощная радиостанция ближнего радиуса действия.

Пеладу, как и всем остальным, было известно об этом столько же, сколько и Найл.

— Насколько я знаю, — сказала она, — никаких специальных исследований по этому вопросу не проводилось. А что, разве глиссерщики усматривают в этих помехах что-то необычное?

— Существует две точки зрения, — спокойно принялась разъяснять Джат. — Одна из них заключается в том, что возможный источник теперешних помех не связан с солнцем, а препятствуют прохождению сигнала ни кто иные как громгорру. Они намеренно используют неведомую силу, имеющую неестественное происхождение…

— Сверхъестественное, что ли? — позволила себе съязвить Найл.

Пелад переглянулся с Джат:

— Веннтар постановил, что это не подлежит обсуждению с сухопутными. Об этом запрещено упоминать. Но у молодежи длинные языки. Возможно, чересчур длинные. У нас есть основания полагать, что в море появилось нечто, питающее к людям ненависть. Среди нас есть такие, которые различают внятные голоса среди белого

шума, засоряющего прием. Они утверждают, что слышат Песнь Ненависти и Страха. — Он пожал плечами. — По этому поводу сам я сказать ничего не могу, просто потому, что не знаю. — Он взглянул на Фиама. — Умолчание сего факта было бы лучшим средством против утечки информации, но оно оказалось нарушено. Но это не страшно, поскольку доктор Этланд — проверенный друг глиссерщиков.

— Пусть об этом поведает нашей гостье капитан, — предложил Фиам.

— Рассказать, как мне все это представляется? — с легкой усмешкой произнес Донкар.

— Да, расскажи, как тебе это представляется, Донкар. Мы знаем твою точку зрения, но тоже послушаем.

— Ну, хорошо, — Донкар повернулся к Найл: — Доктор Этланд, до сих пор вы задавали вопросы, но никакого объяснения происходящему не получали. Позвольте мне, в свою очередь, задать один вопрос: в состоянии ли человеческие существа вызвать подобные проблемы со связью?

— Сымитировав радиоизлучение светила? — Найл немного подумала, затем утвердительно кивнула. — Скорее всего, такое возможно. Неужели у вас есть основания полагать, что именно так

и обстоит дело?

— Да, так думают некоторые из нас, — сухо промолвил Донкар. — Мы теряем людей.

— Теряете? Как?

— Люди пропадают. Рабочие артели, которые ловили рыбу в непосредственной близости от островов плавучего леса, исчезают вместе со своими малыми надводными и подводными судами. Бесследно. И всегда в районе, где такое случается, связь оказывается полностью нарушенной.

— Для того чтобы несчастные не могли сообщить о том, кто на них напал?

— Да, есть такое предположение, — сказал Донкар. — Такие вещи происходят настолько регулярно, что о совпадении говорить, по всей видимости, не приходится. Понимаете, доктор Этланд, эта проблема затрагивает не только глиссеры Сотиры. В последнее время похожие исчезновения имели место вблизи островов плавучего леса во многих океанских регионах.

Найл уточнила детали. Ее голова лихорадочно заработала. Они с Парролом имели репутацию специалистов по ликвидации неприятностей. Оба считали это частью своей работы. «Джиард» была заинтересована осуществлять свою деятельность на Нэнди-Клайне как можно бес-

препятственнее. В прошлом это служило на благо как глиссерщикам, так и континенту. А проблемы, создаваемые людьми, скорее всего, будут возникать всегда. Естественные богатства планеты были очень и очень соблазнительны… особенно, когда обнаруживалось и держалось в секрете что-то новенькое.

Значит, это могло оказаться именно такой широкомасштабной проблемой. Исчезновения начались к северу от экватора, затем распространились и на юг, через зону деятельности Сотиры. Они начались три месяца назад. А цель, размышляла Найл, по всей видимости, преследовалась одна, — чтобы глиссерщики держались от островов подальше. Это и было достигнуто. Глиссерщиков требовалось не подпускать к островам в течение такого периода времени, который позволил бы тем, кто стоял за этой каверзой, вычерпать до дна обнаруженные случайно богатые залежи редких элементов или выкосить плантации наркотических растений, после чего спокойно убраться из этих мест.

Ни одной из местных организаций не хватило бы силенок проделать подобный трюк. Но той же местной организации, орудующей под прикрытием синдиката из Ядра, это вполне оказалось

бы по плечу…

А при чем тогда громгорру?

Найл мысленно пожала плечами. Глубины Нэнди-Клайна были исследованы только приблизительно. Огромные участки океана все еще оставались не нанесенными на карту. Но девушка не очень охотно верила в неведомые зловещие силы. Весь ее жизненный опыт подсказывал, что если где-нибудь затевалось что-то серьезное, то за всем этим неизменно оказывались исполнители в человеческом обличии.

Присутствующие в центральной рубке были в этом не так уверены. Под дощатым потолком почти осязаемо витало нечто вроде невысказанного, но ощутимого суеверного страха. Он усугублялся палубой, ходящей под ногами ходуном, и завывающим снаружи тайфуном, который сотрясал прочные стены рубки бьющими в нее волнами. Ей показалось, что и Донкар с Джат поддались тревожному настроению, а ведь последняя получила образование такого уровня, который редко встретишь среди глиссерщиков. Но все же эта женщина плоть от плоти морских глиссерщиков, а этот народ веками вскармливался непостижимыми тайнами океана и космоса. Жизнь в космосе и жизнь на море воспитала

отнюдь не робкие натуры, но она же поспособствовала и тому, чтобы ее питомцы не свернули на тропу, на которой могли противопоставить себя непонятным силам.

— Вы говорили о тех, — попыталась уточнить Найл у Пелада, — кто слышит голоса ненависти, когда молчат переговорные устройства?

На какой-то миг в глазах Венна сверкнули непонятные огоньки, тем не менее, он кивнул.

— Скажите, а связывают ли Видящие-Иначе, — Найл употребила термин, которым глиссерщики называют людей с особо чувствительной психикой, — эти голоса с исчезновениями людей в дрейфующих скоплениях плавучего леса?

Немного подумав, Пелад покачал головой:

— Нет. Во всяком случае, не столь определенно.

— Они не говорили, что такое дело не под силу человеку?

— Они этого не говорили, — медленно промолвил Пелад. — Они не знают. Они знают только то, о чем они нам сказали.

Ага, значит, шаманы наговорили достаточно, чтобы застопорить любые действия.

— В таком случае, здесь может быть одно из двух, — сказала Найл. — Первое — то, что чув-

ствуют Видящие-Иначе. Второе — человеческий фактор, отвечающий за нынешние беды в плавучем лесу. Что будет, если глиссерщики выяснят, как обстоит дело па самом деле?

— На моем глиссере установлены шесть космических пушек, доктор Этланд, — поведал Донкар. — И у меня есть люди, которые умеют с ними ловко обращаться.

— Я сам, — сказал Пелад, — один из артиллеристов.

К капитанам присоединился и Фиам:

— Недалеко отсюда находятся еще два глиссера Сотиры. У каждого на вооружении четыре космических пушки — старенькие, но в отличном рабочем состоянии. — Он улыбнулся Найл. — Сухопутные с континента наверняка их помнят.

— Это уж точно, — согласилась Найл. — Вы будете сражаться, зная, что сражаетесь не с громгорру?

— Мы готовы сражаться с любым противником, но только если это люди, — сказал Пелад. — Когда возникала необходимость, мы всегда сражались с людьми. Но с нашей стороны будет очень неразумно бросить вызов злой силе, на которую пушки, возможно, и не подействуют, и которая способна стереть с лица моря глиссеры. — Его

лицо вновь потемнело: — Некоторые считают, что такая злая сила обретается совсем недалеко отсюда.

Да, Найл надо было быть поосторожнее с заявлениями. И все-таки пока все идет хорошо. Мысленно Венны полны решимости драться, если перед ними предстанет враг, с которым можно совладать с помощью космических орудий. Но пока рановато просить их о сотрудничестве с континентальными властями. Недоверие слишком глубоко коренится в их душах.

Через пять минут она уже знала, что ей нужно делать. Ее непосредственная задача — вытащить Тайкоса из беды. Большой нанос плавучего леса, который она искала, находился в восьмидесяти километрах к югу от этого места. Там же уже несколько дней, как пропал без вести сейнер Сотиры. Судя по последним сообщениям, поступившим с его борта, он вполне мог подойти слишком близко к наносу и оказаться еще одной жертвой неведомой опасности, обитающей в водах плавучих лесов. Глиссер Донкара выслеживал сейнер поблизости от наноса, но не обнаружил даже малейшего намека на ключ к разгадке происшедшего. От дальнейших поисков пришлось отказаться.

Других крупных островов в пределах двухсот километров от этого места не было. Следовательно, тот остров, на котором Тайкос приступил к осуществлению своего проекта, должен быть частью упомянутого наноса. В этом можно было быть уверенным почти на все сто. Если сейчас отправиться прямо туда на аэрокаре, то она сможет обнаружить этот остров еще до наступления сумерек. Риск должен быть не слишком велик. В такую юркую машину, как аэрокар, вообще трудно прицелиться, а у нее, к тому же, скоростная и маневренная спортивная модель. Если Найл увидит, что в отношении нее предпринимаются какие-либо враждебные действия, то сможет быстро убраться оттуда. Если же таковых не будет, попытается пробиться к Тайкосу по каналу ближней связи, чтобы выяснить, какова ситуация на текущий момент. В случае чего, ей хватит и часа, чтобы эвакуировать профессора оттуда.

Если у нее не получится с первой попытки, на вторую она уже не рискнет — из-за отсутствия необходимой экипировки. В любом случае, перед тем, как пытаться установить, кто превращает острова плавучего леса в смертельные западни, она нуждалась в солидном подкреплении.

— Вы можете доставить сообщение на конти-

нент? — спросила она.

Все утвердительно кивнули, но Венны сделали это настороженно. Джат промолвила:

— На это может потребоваться несколько часов. Но до настоящего момента флоты всегда были способны пересылать сообщения через зоны помех.

— Кому адресовано сообщение, доктор Этланд? — поинтересовался Фиам.

— Данричу Парролу, — ответила ему Найл. — Станция «Джиард» сможет определить его текущее местонахождение. — Она не хотела чересчур вдаваться в детали всего того, что касалось громгорру, иначе ее сообщение глиссерщики заблокируют. — Дайте Парролу координаты плавучего леса к югу от нас. Я буду его ждать там. Передайте ему, что у меня могут возникнуть осложнения с эвакуацией доктора Кея с острова. Поэтому я прошу, чтобы он захватил с собой полный комплект снаряжения, предназначенный для непредвиденных обстоятельств…

— И Спифа! — решительно оборвал ее тонкий голос из угла рубки.

Глиссерщики испуганно оглянулись. Свитинг подмигнула им, после чего принялась равнодушно чистить шерсть на груди. Люди, плохо

знавшие повадки выдр-мутантов, частенько поражались тому, насколько внимательно она следила за разговорами людей.

— Разумеется, Спифа тоже, — согласилась Найл. — Если нам удастся выяснить, что творится с плавучим лесом, мы постараемся сразу же сообщить вам об этом.

Фиам коротко кивнул.

— Через шесть часов к району этого наноса подойдет скоростной глиссер и будет курсировать вдоль береговой кромки. Он принимает любые сигналы ближней связи. Позывные — «Сотира Донкар» на частотах, которыми пользуются глиссерщики…

* * *

— Великий Палач Колл, — объявил демон, стоявший на возвышении, — убедил Вечноживущих позволить ему подвергнуть проверке Теорию Тувел.

Тайкос Кей не сразу отреагировал на сообщение. Его посетителем был Палач Мога — один из Вечноживущих. Рангом он был пониже, чем Великие Палачи. По биологическому строению своего организма он был ростом с Тайкоса и занимал промежуточное положение между Ве-

ликими Палачами и Оганунами. Весил он тоже примерно столько же, сколько и Тайкос. Мога не уселся на корточки, а стоял прямо на своих длинных пружинистых ногах. Он перемещался, не сгибая коленей, короткими неуверенными шажками. Туловище Моги было заключено в доспехи из серебристых ремней, покрытых изысканной и тщательно сделанной вышивкой. Они с Тайкосом Кеем уже давно стали союзниками и сблизили свои позиции. Хотя, в общем-то, Тайкос осознавал, что их союз мог оказаться совсем непродолжительным.

— У меня создалось впечатление, — сказал он, — что Глас Осторожности мог бы предотвратить слушанье довольно опрометчивых требований Великого Палача.

Разговорная щель Моги возбужденно задвигалась.

— До сих пор нам это удавалось, — сказал он. — Но Великий Палач захватил власть в Гласе Решимости. Он обвинил своего предшественника в Нарушении Правил, и Вечноживущие признали выдвинутые обвинения обоснованными. Бедняга был приговорен к политической смерти в качестве Палача. Вы должны понимать, что на своем новом посту Колл не допустит, чтобы его

требования замалчивались.

— Да, я это понимаю…

Продвижение по служебной лестнице обычно давалось любому демону с большим трудом. Два излюбленных способа занять место вышестоящего начальника заключались либо в его заказном убийстве, которое даже приняло форму некоего ритуала, либо в обвинении его в Нарушении Правил. На практике оба способа приводили к одному и тому же результату.

Тайкос сглотнул слюну.

Плохо дело… Очень плохо!

Он прислонился спиной к своему рабочему столу, чтобы не показать, что у него дрожат колени.

— Каким образом Великий Палач намеревается проверить Теорию Тувел?

— Хранительница Этланд опять пытается связаться с вами, — сообщил Мога.

— Да, я знаю, — за последние полчаса переговорное устройство в отгороженном конце помещения уже с полдюжины раз подавало сигнал выхода на связь.

— Сигналы, — пояснил Мога, — поступают по каналу связи «камби».

Диапазон ближней связи!

— Значит, она уже в этом районе? — спросил

Тайкос хрипло.

— Ищет ли вас кто-нибудь, кроме нее?

— Нет.

— Значит, это — Хранительница. Высоко над островом кружит человеческий летательный аппарат. Он невелик, но превосходно превозмогает штормовую погоду. Он то улетает, то снова возвращается.

— Со времени последнего появления аппарата растительность здесь, на острове, сильно изменилась, — сказал Тайкос. — Возможно, она пока не определила, на каком из островов я нахожусь. Это дает нам возможность предупредить действия Колла! — добавил он с чувством. — Я знаю позывные Хранителей.

Мога издал свист, означающий абсолютное отрицание.

— В данный момент совершенно невозможно даже приблизиться к вашему переговорному устройству. Если я попытаюсь сделать это, не дождавшись разрешения Вечноживущих, то просто погибну. Итак, Коллу позволено осуществить свои намерения. Он сам подготовил целую систему проверок, чтобы установить, являются ли Тувелы на самом деле такими могучими существами, какими их представляет Теория

Тувел. Первое испытание будет проведено, когда Хранительница будет находиться еще в воздухе. В определенный момент в распоряжение Великого Палача будет предоставлено заряженное устройство, направленное на ее аппарат. Если она отреагирует быстро и грамотно, то аппарат окажется выведенным из строя, но сама Хранительница не пострадает. Если она не среагирует правильно и с должной быстротой, то умрет на месте.

Мога испытующе посмотрел на Тайкоса.

— Естественно, ее смерть позволит Вечноживущим сделать важное заключение о том, что Тувелы лишены тех основных качеств, которые им приписывают. Сейчас Великий Замысел находится в уравновешенном состоянии. Чтобы равновесие вновь сместилось в сторону Гласа Осторожности, Хранительница не должна потерпеть фиаско. По ее действиям будут судить обо всем классе существ, к которому она принадлежит. Если же ей не повезет, Глас Решимости получит всю полноту власти.

Предположим, что она выдержала первое испытание. Аппарат опустится в то место, где отряд Оганунов, подчиняющийся Коллу лично, будет поджидать Хранительницу. Если у нее нет

чрезвычайно мощного оружия, она вынуждена будет сдаться на милость победителю. Заметьте, что если она не капитулирует и будет убита, это будет расцениваться как провал. Тувелы, согласно предполагаемой схеме, подобных ошибок не совершают. Тувела должна сдаться и дождаться более благоприятных условий, чтобы действовать в этих условиях с выгодой для себя.

Тайкос медленно кивнул:

— Мне будет позволено общаться с Хранительницей, если ее захватят в плен?

— Нет, доктор Кей. После пленения с ней будет разговаривать только Великий Палач Колл. Испытания возобновятся немедленно, и с каждым разом они будут все суровее и продолжатся до тех пор, пока Хранительница либо умрет, либо не оставит ни тени сомнений у Вечноживущих в том, что теория Тувел верна во всех отношениях. Особенно в отношении того, что Тувелы как индивидуально, так и в целом, представляют собой явление, которое должно побудить нас, пусть даже в самую последнюю секунду, приостановить и в конечном итоге отменить исполнение Великого Замысла. Колл убежден в том, что Хранительница потерпит неудачу, и ручается за благополучный исход предприятия собственной жизнью. Вечно-

живущие больше не будут испытывать никаких сомнений. Окончательные стадии Замысла начнутся осуществляться незамедлительно.

— Короче говоря, — медленно произнес Тайкос, — Великий Палач намерен развенчать Теорию Тувел демонстрацией того, что сможет замучить пытками Хранительницу до смерти и пополнить ею свою пресловутую коллекцию трофеев.

— Да, именно таков его план, который он объявил во всеуслышанье. Естественно, что пытка является санкционированной формой проверки. Она вполне в духе наших традиций.

Тайкос устремил на Могу пристальный взгляд, пытаясь скрыть от него свою растерянность. Против такого хода событий доктор не мог выдвинуть никаких доводов. Такая уж демонам была привита культура мышления. До того, как Палач становился Палачом, он подвергался болезненным испытаниям, в результате которых немногие из кандидатов оставались в живых. По мере того, как демон продвигался к окончательной форме существования, которая называлась «Великий Палач», он проверялся снова и снова. Это был способ оценки Палачей, их суждений и навыков. Тайкос в свое время убедил большин-

ство из них, что Тувелы являются, по меньшей мере, их аналогами, только в человеческом образе. Некоторые из демонов были убеждены, хоть и против своей воли, что их человеческий аналог превосходил самых великих из всего множества Великих Палачей. Значит, Хранители являлись слишком опасными противниками, чтобы бросать им вызов. Шаги же, предпринятые Коллом, были направлены на то, чтобы полностью свести пораженческие настроения среди соплеменников на нет.

— Я буду постоянно держать вас в курсе событий, доктор Кей, — сказал в заключение Мога. — Если у вас появятся какие-нибудь предложения, которые могут оказаться полезными в данной ситуации, немедленно дайте мне знать. Других способов помешать намерениям Колла, кроме как находчивостью и отвагой самой Хранительницы, я пока не вижу. Будем надеяться, что она докажет свою способность разрушить его злокозненные планы.

Палач повернулся, сошел с постамента и направился к выходной двери. Тайкос смотрел союзнику вслед. От ощущения полной безысходности тело налилось свинцовой тяжестью. На мгновение показалось невозможным даже

пошевелить пальцем.

Он не сомневался, что аэрокаром, который засекли демоны, управляла Найл Этланд. И он надеялся только на то, что его ученица очень нескоро появится снова в их поле зрения.

Если бы в распоряжении у него оказались еще недели две-три, то ему, возможно, через Глас Осторожности удалось бы убедить Вечноживущих отменить запланированное нападение на Нэнди-Клайн и вообще убраться восвояси. Но появление Найл ускорило события, и Колл воспользовался этим.

Единственный способ, с помощью которого Тайкос смог бы предостеречь девушку от надвигающейся беды и дать понять, что здесь творится, был совершенно недоступен. Всего только четыре слова, подумал он. Стоило лишь включить переговорное устройство и хватило бы четырех слов вполне, чтобы Найл оказалась в курсе происходящего.

Но теперь, без помощи Моги, без разрешения Вечноживущих, он просто не мог добраться до переговорного устройства. Дело было не в охране. Для охранников он кое-что приготовил. Причина была ошеломляюще проста: отгораживающая стена была высотой четыре метра и самое глав-

ное — в ней не было двери. Тайкос слишком хорошо знал, что он — далеко не в лучшей своей форме. Ему не успеть перебраться через стену и добраться до переговорного устройства за время, необходимое для того, чтобы послать предупреждение, ибо до того, как он успеет включить, его самого «отключат». Ведь профессор больше не обладал достаточной силой и ловкостью для выполнения подобных кунштюков…

Если бы Найл появилась хотя бы две недели назад, ему бы это удалось. Тогда он еще мог положиться на свои силы. Но с тех пор прошло слишком много этих проклятых болевых обработок.

А если бы она отложила свой вылет всего на те же пару недель, то, может быть, никакого предостережения и не потребовалось бы вовсе.

Но Найл была пунктуальна как всегда — явилась точно в срок!

Ну что ж, сказал себе Тайкос, по крайней мере, он все устроил так, что ее не сотрут в пыль прямо в воздухе, над островом, когда аэрокар пойдет на снижение. Это оставляло маленький шанс. И все-таки, им обоим пора, кажется, начать мыслить в категориях позиционной войны. Для этого у профессора были припасены кое-какие заготовки. Но

Боже, как им было далеко до совершенства…

— Голодная, — объявила Свитинг, лежа на полу салона рядом с креслом Найл.

— Ну и голодай себе на здоровье, — отсутствующим тоном сказала Найл.

Свитинг раскрыла пасть и громко рассмеялась.

— Спуститься, а? — предложила она. — Поймать скилта для Найл, а? Найл голодная?

— Найл не голодная. Давай спи! Мне надо подумать.

Выдра фыркнула, уронила голову на лапы и притворилась, что закрывает глаза. Вероятно, Свитинг являлась результатом генетического просчета. Приблизительно двадцать лет назад на Нэнди-Клайн завезли партию детенышей охотничьих выдр. Они представляли собой усовершенствованную породу сохранившихся на Земле выдр, приспособленных к жизни в океане. Несколько месяцев спустя прибрежный фермер, который приобрел щенков, был ошеломлен, когда подрастающие выдрята вдруг все как один принялись обращаться к нему на общепринятом в Ядре универсальном языке, употребляя его искаженный и сильно упрощенный вариант. Неожиданные лингвистические способности совсем не умаляли других их достоинств. Го-

ворящие щенки были игривы, привязчивы и обладали красивым, прочным мехом. Будучи проданными уже оформившимися особями, они мгновенно разошлись среди фермеров морского побережья и достигли физической зрелости через полтора года. В качестве водных охотников, а также погонщиков и охранников морских стад, каждый из них стоил десятка обученных людей. Однако у заматеревших выдр рано или поздно проявлялась склонность к потере интереса к своему одомашненному положению, и они меняли его на свободную жизнь в морских просторах. Там они питались и размножались. На протяжении нескольких последних лет глиссерщики сообщали о своих встречах с довольно большими стадами одичавших выдр. Но до сих пор они продолжали разговаривать на универсальном языке.

Пара, которую Найл вынянчила со щенячьего возраста, осталась у нее в качестве питомцев. Она так до конца и не понимала, почему. Возможно, выдр так же интересовал род ее деятельности, как и ее — их. В некоторых вопросах умозаключения Найл, выраженные акустически, очень удачно вписывались в их образ мыслей и наоборот. Иногда, напротив, возникала обширная стена

взаимного непонимания. Девушка подозревала, никогда, правда, не делая попыток доказать это, что их общий интеллектуальный уровень был существенно выше, чем общепринято считать.

Тем временем аэрокар держал курс на юго-запад. Приборы, сканирующие поверхность океана и установленные на максимальное увеличение, обшаривали местность вокруг самого большого острова плавучего леса в наносе, который находился двумя километрами ниже и почти тремя — впереди. Этот остров был очень похож на тот, который выбрал в качестве прибежища Тайкос. Небольшие различия можно было отнести за счет адаптационных изменений, происходящих в растительном мире по мере того, как плавучий лес перемещался к югу. На острове можно было выделить с пяток крупных лесных участков, расположенных как бы на кончиках неровной пятиконечной звезды. Пространство между ними занимала лагуна примерно с километр в поперечнике — весьма характерное явление для таких островов. Она имела вид мелководного озера, заросшего зеленью. Треть озера была покрыта скоплениями темно-зеленых листьев, распластавшихся на поверхности воды. Леса, несущие на себе полупаразитические формы

растительности, которые целыми гроздьями теснились на толстых извилистых стволах деревьев, вздымались по краям лагуны чуть ли не на двести метров. Это были настоящие живые стены, такие прочные и плотные, что их почти невозможно было разрушить. Удары, нанесенные тайфуном, через око которого они пролетели, оставили лишь отдельные малозаметные повреждения. Уже под поверхностью океана деревья сцеплялись друг с другом своими удивительно мощными корнями. Такая переплетенная корневая система соединяла участки в монолитный и мощный лесной массив.

Остров медленно дрейфовал к экватору. Мимо него катились невысокие волны с пенистыми барашками на вершинах. Возможно, здесь проходила южная граница Тайфунного пояса. Непосредственно над головой у Найл простиралась ровная синева ясного неба. Но аэрокар все еще потряхивало от сильных порывов ветра, и со всех сторон его окружили катящиеся вдаль клубы серых туч.

Замаскированная лаборатория Тайкоса Кея, сделанная из бревен, должна была находиться во втором по величине участке лесного плавучего массива, примерно на трети пути до лагуны

со стороны моря. Он так и не откликнулся на сигналы ближней связи, но, несмотря на свое молчание, вполне мог там находиться. В любом случае поиски следовало начинать с этого места. Признаки вторжения незваных гостей отсутствовали — впрочем, это вовсе не означало, что таковых не было. Под густым пологом такого большого количества деревьев вполне могла бы укрыться целая армия. Но встречи с непрошеными гостями можно было избежать.

Найл решила, что может управиться сама, не дожидаясь Паррола. День был уже на исходе. Если даже ее сообщение попало к адресату без особых проволочек, он сможет отправиться сюда в лучшем случае только где-то посреди ночи. Хотя сведений о нападениях на аэрокары пока не поступало, Найл, опустившись на плавучий лес в открытую, может нарваться на неприятности. Но кто может запретить ей сделать круг в южном направлении, снизиться до уровня моря, нырнуть вместе с машиной под воду и, маневрируя среди водорослей, кочующих вместе с течением Мерал, приблизиться к острову скрытно? Ах, если бы у нее при себе оказалось стандартное снаряжение ныряльщика! Да, будь у нее акваланг с реактивным двигателем, то, не задумываясь, она сделала

бы такой маневр. Оставила бы аэрокар в паре километров от берега и быстро добралась бы до острова. Затем, если доктор Кей находится в своем укрытии, забрала бы его оттуда и сопроводила к притопленной машине почти без риска оказаться замеченной кем бы то ни было. Но, к сожалению, она не захватила с собой нужное снаряжение. Это означало, что ей придется добираться до острова в машине, что было несравненно более сложным делом. Но вполне выполнимым. Джунгли из водорослей, окружавшие наносные острова, предоставляли оптимальное укрытие от приборов обнаружения.

Найл проверила курс и высоту следования и вновь обратила свое внимание на увеличивающие сканеры. Внизу все выглядело нормальным. Вблизи лагуны, например, заметно активизировались животные, включая стаи летучих кестеров. В экологической системе Нэнди-Клайна они играли роль морских и береговых птиц. За плавучим лесом, по левую сторону, то появлялись на поверхности океана, то исчезали под водой два темноватых блестящих тела, по форме напоминающие торпеды. Это тоже были кестеры, только бескрылые. Эти гиганты носили название морских хавалов. Сейчас они набивали себе зобы

кишащей массой скилтов. Их присутствие тоже было признаком того, что это — остров Тайкоса. На участке леса, расположенном по соседству с тем, что выбрал себе Тайкос, скрывалось лежбище морских хавалов…

Внезапно прибор, контролирующий количество оборотов турбины, издал пронзительный тревожный визг, и со всех сторон раздалось угрюмое рычание. Найл увидела, как красная полоска на измерителе расхода топлива взмыла до уровня взрыва. Девушке не оставалось ничего другого, как спешно вырубить рычаг привода главного двигателя.

* * *

Пронзительный свист и рев взбесившихся двигателей утихли одновременно. Теряя движущий импульс, машина начала падать.

— Найл?

— У нас крупные неприятности, Свитинг.

Выдра поднялась с пола. Шерсть на шее встала дыбом, глаза вращались в разные стороны. Но Свитинг знала, что в экстренных ситуациях, которые находились в компетенции Найл, ей следовало соблюдать спокойствие.

Энергетический блок аэрокара… Вероятно,

произошел спонтанный сбой в его работе. Сбои такого рода бывали столь редко, что уже в течение многих лет не приходилось даже слышать о подобном случае.

Кто-то неизвестный, затаившись в дебрях плавучего леса, поразил машину из неизвестного девушке вида оружия, чтобы заставить ее сесть. Встроенные в аэрокар антигравитационные устройства должны были замедлить скорость снижения. И все же…

Найл сосредоточенно взялась за дело.

Когда она в очередной раз взглянула на альтиметр, она выяснила, что у нее в запасе примерно три минуты. Тем временем ветер нес машину над островом. Сейчас под ней была лагуна, а аэрокар уже покрыл треть расстояния до ее дальнего конца. Очевидно, момент выведения из строя двигателей был выбран не случайно. Если машина плюхнется в гущу покрывающих лагуну «кувшинок», ее экипаж, небось, будет встречать на берегу целая приемная делегация.

Найл уже облачилась в плавательный костюм облегченного типа, обеспечивающий максимальную свободу действий в прибрежных водах вблизи плавучего леса. Ласты и дыхательная маска размером с носовой платок лежали на

сиденье. Найл достала их из сумки, которую бросила на заднее сиденье машины, когда покидала Станцию «Джиард». К поясу верхолаза, который охватывал ее талию, крепились различные предметы: нож в чехле, облегченный вариант универсального ружья, сандалии-«цеплялки», подсумок с определенными видами оснастки для плавучего леса. Манок для оклика выдр, с помощью которого она подзывала резвящихся вдалеке Свитинг и Спифа, был прикреплен к запястью чуть выше часов. Снятая одежда была уложена в водонепроницаемый мешок.

— Помнишь, что от тебя требуется?

— Ага-а-а! — радостно подтвердила Свитинг, топорща усы и разинув пасть во всю ширь.

Свитинг все прекрасно понимала. Им с хозяйкой предстояла встреча с какими-то нехорошими парнями. Для Свитинг такое приключение было не впервой. Она должна была не попадаться врагу на глаза и не нарываться на неприятности вплоть до получения более детальных инструкций от хозяйки.

Пока нехороших парней заметно не было. Но они однозначно должны находиться в лагуне, двигаясь к району ориентировочного приземления аэрокара. Машину кренило и шатало

шквальными порывами, пока она стремительно приближалась к точке, расположенной примерно в трехстах метрах от ближайшего плавучего леса. Не совсем туда, куда хотелось бы Найл. Но и в этом случае она могла существенно улучшить свое положение.

Несколько последних мгновений она сидела спокойно, ориентировочно прикидывая силу ветра. Ее взгляд перепрыгивал между альтиметром и выбранной ею зоной посадки на дальнем участке воды. Потом, в ста метрах от поверхности, Найл повернула рычаг вниз. По обеим сторонам машины выпростались широкие лопасти полозьев.

Граничные области тайфуна были удивительно неудачным местом для планирования. Ветер в один миг опрокинул машину на бок, словно нанес свирепый удар могучим кулаком. Вслед за этим последовала затяжная серия сумасшедших кувырков. Но теперь у аэрокара появился необходимый импульс для того, чтобы Найл смогла отчасти взять под контроль управление. Для вражеских наблюдателей, прятавшихся в лагуне и плавучем лесу, это должно было выглядеть бесполезной и почти самоубийственной попыткой к бегству, — как и было задумано. Найл совсем не улыбалось, чтобы они открыли стрельбу.

Дважды она чуть было не врезалась «свечой» в воду, но каждый раз, в самый последний момент, ей удавалось опять набрать высоту. Теперь самая широкая часть лагуны осталась позади, а впереди вновь замаячил участок леса. Машина пронеслась над грядой высокого морского тростника, разросшегося метров на тридцать вширь и окруженного стеной сучковатых деревьев плавучего леса.

Силой ветра машину опять потащило вниз и вправо. На этот раз слишком быстро и слишком далеко. Найл переместила рычаги управления посадочными полозьями. Аэрокар взвился круто вверх, накренился на бок, качнулся в сторону… Время его полета закончилось, — и это было почти над тем местом, где Найл хотела приземлиться. Она дернула еще за один рычаг. Полозья убрались обратно в корпус, и летательная машина стала медленно снижаться, подчиняясь антигравитантам.

Найл схватила ласты, пришлепнула к ногам. Неожиданно по брюху аэрокара хлестнули зеленые верхушки тростника. Она натянула на лицо прозрачную дыхательную маску, засунула слуховые трубки в уши. Теперь нужно открыть дверь и застопорить… Аэрокар опускался в густую рас-

тительность, которая порывисто раскачивалась, издавая влажные, трескучие звуки.

Глухой удар, потом всплеск!

Свитинг прошмыгнула мимо ног Найл к двери, перескочила через пороги беззвучно скрылась в водах лагуны. Девушка швырнула в дверной проем мешок с одеждой и скользнула из машины в холодную воду. Повернувшись к машине, она ухватилась за ручную скобу на боку аэрокара, подтянулась и захлопнула дверь на замок.

Увидев плавающий рядом мешок, она поймала его за лямку и тут же утянула его вместе с собой под воду…

Глава 4

Морской тростник рос на почве из остатков органических отложений, которыми были плотно забиты все промежутки в запутанной корневой системе растений на острове. Он был густой и прочный. Почти сразу же после того, как Найл покинула аэрокар, она уже знала, что избежала немедленной погони. Пролетая над лагуной, она мельком видела закрытую лодку, ходившую маленькими кругами среди островков зелени. С суденышка явно выслеживали Найл. Чтобы добраться до тростников, много времени лодке не потребуется. А на ее борту, вероятнее всего, имеются ныряльщики. В чистой воде ныряльщик, оснащенный реактивным двигателем, настигнет девушку за считанные секунды. Но реактивное снаряжение в итоге дает не слишком большое преимущество, если пловцу приходится сновать туда-сюда, уворачиваясь от гладкой и скользкой подводной растительности. И при работе реактивного оборудования на расстоянии ста метров и менее слуховые трубки Найл выделят тонкий свист из мешанины морских звуков. Поэтому, не дожидаясь этого, она устремилась в сторону

леса. Представители мелкой фауны бросались врассыпную и уносились прочь от стремительно продвигающегося в воде силуэта. Вдруг всполошилась неподалеку стайка юрких скилтов — словно брызнул фонтан серебристых блесток… Свитинг находилась где-то поблизости, хоть выдры и не было видно. Очевидно, она отвлеклась на то, чтобы немного подкрепиться на скорую руку.

Впереди ворочалось что-то большое и темное — дорашен, более двух центнеров вялого уродства. Траурный панцирь был наполовину покрыт, словно порыжевшим мехом, густым слоем веслоногих паразитов. Он пятился, убираясь с ее пути, продираясь сквозь стебли тростника, многочисленные челюсти угрожающе клацали.

Вода стала темнеть. Ага, значит, она добралась до основания леса. Тростниковые заросли закончились, и сквозь тусклые водные сумерки проступили толстые извилистые стволы деревьев плавучего леса. Девушка подплыла к ним вплотную и остановилась, чтобы оглянуться. В ушах Найл раздался ритмичный рокот. Звук работающих двигателей. Но они были далеко.

Тайная обитель Тайкоса Кея находилась менее чем в четверти километра отсюда. Ей надо было добраться туда незамеченной. Несколько минут

спустя, где-то далеко в гуще леса, в лабиринте узких пещер, образованных нижней частью гигантских стволов и погруженными в воду корнями, над волнующейся поверхностью океана показалась голова Найл. Выдра вынырнула в нескольких метрах от хозяйки.

Найл нетерпеливо сдернула дыхательную маску.

— Люди здесь есть? — спросила она.

— Людьми не пахнет.

— Лодки?

— Лодка-скилт. Медленный ход.

— Размеры?

— Размером с три аэрокара, кхе.

С наветренной стороны в лесу ни ныряльщиков, ни кого бы то ни было еще. В воздухе Свитинг использовала ноздри, в воде — чувствительные пузырьки: органы обоняния, расположенные на слизистой оболочке пасти. Как правило, нюх выдру не подводил. «Лодка-скилт» означало то, что это плавательное средство могло погружаться под воду. Возможно, это была та самая лодка, которую Найл видела мельком в лагуне. Свитинг заметила ее в тот момент, когда лодка приближалась в погруженном состоянии к зарослям тростника. Совсем скоро ее команда обнаружит

брошенный аэрокар.

— Убить? — спросила выдра.

— Не сейчас. Возвращайся и наблюдай за тем, что они делают, пока я тебя не позову.

Свитинг исчезла.

Найл продолжила свой путь сквозь потемневшую переменчивую воду, стараясь не касаться гигантских стволов. Они были покрыты слизью, густо населенной ползающими существами. Место не из приятных, но, плывя на такой глубине, можно быстро перебраться на сторону леса, обращенную к морю. Там Найл собиралась подняться на поверхность. Вскоре, сквозь извилистые и запутанные заросли плавучего леса, она увидела, как впереди забрезжил свет. Теперь она заплыла достаточно далеко… Девушка подыскала место, где удобнее было вылезать из воды, вскарабкалась на поваленный ствол и привязала тесемку мешка, в котором находились ее вещи, к остроконечной ветке. Чем меньше будет оставлено следов, тем лучше. Она сменила ласты на сандалии-«цеплялки», пристегнула ласты к своему верхолазному поясу, выставила на нем четверть своего веса и выпрямилась, балансируя на поваленном дереве.

Теперь вокруг нее существовала частичная

защита от гравитационного поля. Обычным занятием человека, который пробирался сквозь дебри плавучего леса, было нечто среднее между альпинизмом и лазанием по деревьям. При наличии верхолазного пояса и достаточных навыков в обращении с ним, это становилось занятием не более трудным, чем передвижение по ровной земле. Найл быстро полезла наверх. У плавучего леса не было кроны в подлинном значении этого слова. Вместо нее над головой Найл простирался толстый ковер из растений-паразитов. Их впитывающие влагу корни простирались вниз, к морю. Найл пробилась сквозь этот настил и выбралась на относительно открытый участок.

Она постояла, оглядываясь по сторонам и приноравливая органы чувств к новой обстановке. Подобный пейзаж был ей знаком с давних пор. Она родилась в одном из поселений Нэнди-Клайна, расположенных на мелководье, на противоположной стороне планеты. Когда к поселению подходил один из плавучих островов, его жители отправлялись на остров пожинать сезонные плоды. Они брали с собой и детей, чтобы приучить их как к щедротам, так и к опасностям плавучего леса. Естественно, что впоследствии они сделали острова предметом своих обширных

исследований.

Хотя заросли здесь были менее густыми, чем на центральных площадках леса, глаз все равно не видел дальше, чем на тридцать метров в любом направлении. Солнечные лучи, с трудом проникающие сквозь лесную чащу, выхватывали из полумрака красновато-коричневые стволы — организмы-хозяева. Лишенные ветвей, они упорно тянулись вверх — некоторые наклонно, другие прямо, а некоторые извилисто. Они были чудовищно массивны, эти стволы — ведь им приходилось держать на себе всю вторичную растительность. Разнородные побеги либо свисали со стволов-хозяев, либо медленно обвивали их поверхность, словно укутывая грубым подшерстком. Эта вторичная растительность категорий инхис и такапу обладала свойствами как растений, так и растений и животных одновременно. Среди этих зарослей ползали, скакали и прыгали маленькие зверюшки.

Сознание Найл только поверхностно проанализировало то, что она видела и что обоняла. Оно отреагировало бы ясно и четко лишь на что-то ей неведомое или представляющее несомненную опасность. Если бы девушка заметила хоть какие-нибудь следы незваных пришельцев, это

заставило бы ее спуститься. Напрягать слух было пустой тратой времени — вой ветра заглушал остальные звуки. Она выбрала подъем по кривому стволу, на который влезла с самого начала, выбравшись из моря. Вскоре он стад разветвляться, — чем выше, тем интенсивнее. Ага, вот среди прочей растительности начали появляться огромные продолговатые листья плавучего леса. Покачиваясь, словно зеленые занавески, они ограничивали видимость до нескольких дюжин шагов наблюдателя. Это обстоятельство, скорее, играло ей на руку, чем, наоборот, доставляло неудобство. Находившееся в постоянном движении гибкое тело девушки, которое в результате загара приобрело почти такой же оттенок, что и у ветвей плавучего леса, было практически невозможно обнаружить вражеским наблюдателям, если они даже находились где-то поблизости.

Она уже поднялась на высоту около ста пятидесяти метров над уровнем моря, когда солнечный свет заиграл мерцающими бликами, продираясь через верхний полог леса. К этому времени Найл пробиралась сквозь густо переплетенную сеть более тонких веток. Он знала, что в любом случае находится выше хижины Тайкоса, и теперь искала замаскированные очертания среди

моря растительности, волнующегося под порывами ветра далеко внизу. Размеры постройки внушали уважение. Однако, тот, кто не знал о ее существовании, мог в течение нескольких минут таращиться на нее вплотную и все равно не заметить. Она была возведена из подсобного материала, что рос в непосредственной близости, и удачно вписывалась в окружающий пейзаж.

В памяти Найл всплыло воспоминание о материале, похожем на папоротник, сильно покореженном и изодранном в клочья тайфуном. Убежище Тайкоса должно находиться десятью метрами ниже, немного левее той точки, откуда девушка вела наблюдение.

Она просунулась сквозь влажную зелень, помогая себе руками, пока не нашла место, откуда было удобнее посмотреть вниз. Внизу не было ничего, кроме колышущихся зарослей. Девушка перепрыгнула на покатый ствол, ухватилась за него руками и гибкими сандалиями-«цеплялками», переместилась по стволу к горизонтально растущей из него ветке, ступила на нее и, выглянув из-за ствола, посмотрела вниз.

Мимо ее плеча проблеснул широкий сноп дневного света, упав прямо на скрытый вход в убежище Тайкоса. Там сидел, по-турецки скрестив

ноги, обнаженный человек. Его неподвижный взгляд был устремлен вверх. Его застывший рот был широко раскрыт в широком оскале, будто человек был охвачен приступом безудержного хохота, когда его настигла команда «замри».

В следующий миг — почти одновременно с тем, как она увидела эту картину, — Найл осознала, что направляет ствол своего универсального ружья на человеческую фигуру, целясь прямо в нелепо раскрытый рот.

Человек не шевелился. Найл несколько секунд тоже оставалась неподвижна. Казалось, сидящий не сводите нее глаз.

Найл почувствовала нечто вроде суеверного страха, и у нее по коже пробежали мурашки. Солнце неожиданно скрылось. Снова подул ветер, и под его сильными порывами лес закачался и застонал.

Разум, наконец, подсказал девушке, что она смотрит на мертвеца. Не на доктора Кея, нет — неподвижная фигура у входа в хижину не имела ни малейшего сходства с Тайкосом… И все же, что заставило человека застыть после смерти в такой нелепой позе: голова запрокинута назад, лицевые мышцы сведены в веселую и одновременно жуткую гримасу?

Найл принялась осматривать место вокруг мертвеца, то и дело, возвращаясь к нему взглядом, будто боялась, что тот вдруг оживет и вприпрыжку бросится к ней. Лес гудел, ходил ходуном, шелестел и хлопал листвой под порывами ветра. Кроме этого Найл ничего не видела и не слышала. Фигура оставалась неподвижной. Найл пришла к выводу, что в таком положении она находится довольно долго. По меньшей мере, несколько суток. Во-первых, труп был выпачкан в грязи, словно вначале его намочил дождь, а затем, когда корка подсохла, шторм забросал несчастного листьями, обломками веток и прочим лесным мусором. Потом труп снова вымок под дождем.

Найл зашла за ствол дерева и стала спускаться. Спустя всего минуту она осторожно раздвинула пучок вьющихся растений, закрывающий приступок перед входом, чтобы можно было заглянуть в строение за мертвецом. Входная дверь куда-то подевалась. Она не была сорвана с петель силой шторма, а убрана намеренно. Вход был как бы расширен, подрезан и с той, и с другой стороны.

Внутри было темновато, но все-таки часть настенного освещения оставалась включенной, и в следующее мгновение, заглянув, она уже

видела достаточно отчетливо. Казалось, из помещения вынесли все, кроме нескольких столов и настенных полок, полностью оголив интерьер. Перегородки исчезли. От постройки остался только прочный внешний каркас. Однако она не была необитаемой: внутри было полным-полно человеческих тел. Кто-то стоял на четвереньках, кто-то сидел на корточках, остальные лежали ничком — всего два-три десятка человек, замерших в разных позах. Такие же мертвые, как и человек на приступке. Найл медленно двинулась вперед, выставив перед собой ружье.

Остановившись рядом с человеком, который сидел у входа, она ткнула его пальцем в плечо. Кожа была холодной, эластичной, плоть под ней свинцово-неподатливой. Найл обогнула его и двинулась дальше, но вдруг резко остановилась, краем глаза заметив что-то привлекшее ее внимание. В следующую секунду она ощутила спазмы в желудке — в спине покойника зияла здоровенная дыра. По-видимому, человек был полностью выпотрошен через нее. Секунду она смотрела на это жуткое зрелище, потом зашла внутрь.

Другие представляли собой нечто аналогичное. Доктора Тайкоса Кея среди них не было. Мертвые глаза таращились на Найл, когда она обходила

застывшие тела. Мертвые рты угрожающе скалились, молили о чем-то, загадочно усмехались. Так или иначе, все они были жестоко изувечены тем или иным способом. Среди них было несколько женщин. У одной из женщин на лбу был вытравлен символ глиссерщиков Сотиры — Голубой Гуул — амулет, приносящий удачу. Некоторые участки стен до сих пор хранили небрежные рабочие записи и пометки Тайкоса Кея. Казалось, от биохимика ничего больше здесь не осталось. Казалось, здесь вообще ничего больше не было, кроме того, что занесли влажные ветры через вход…

Затем взгляд девушки задержался на чем-то, что явно не было занесено сюда ветром. Это что-то покоилось в тени на полке. Полка крепилась к стене бывшего главного помещения. Заинтригованная, Найл медленно подошла. На первый взгляд предмет казался невыразительной фигуркой из черной материи, маленькой пузатенькой куклой в капюшоне, меньше сорока сантиметров в высоту. Истуканчик стоял на расстеленном по всей полке куске измятой темной материи. Когда Найл подошла поближе, она заметила, что и капюшон, и плащ лишь внешне покрывали фигурку. Под ними было что-то еще. Она при-

подняла капюшон дулом своего ружья и увидела морщинистое, чернявое лицо, явно не человеческое. Оно, возможно, было очень искусно вырезано из дерева. Выпученные глаза прикрыты тяжелыми веками. Другой и единственной чертой этого лица была узкая ротовая щель. Миниатюрное уродство фигурки было довольно выразительным. Словно некий демонический идол был теперь хозяином того, во что превратилась лаборатория Тайкоса Кея. Найл опустила капюшон на место и направилась к входу.

Потом она обнаружила еще одну вещь…

Она заметила, что в куче мусора у одной из стен что-то копошится, и откинула ногой мусор в сторону. Кучей лежали три протогома Тайкоса, изуродованные и изрубленные до неузнаваемости. Однако они все еще шевелились. В качестве акта жестокости подобное деяние было совершенно бессмысленно: протогомы не обладали нервной системой и боли не чувствовали. Однако это органично вписывалось в общую картину нелепого и злобного уродства, которое царило в этом месте. Ружье прошипело троекратно, отняв у них жалкие остатки жизни.

Казалось, причин оставаться здесь больше не было. Увиденное вызвало у нее ужас. Временами

Найл казалось, что ей тяжело дышать, что у нее вот-вот закружится голова. Но у нее не проходило неотвязчивое чувство, что в кошмарной картине не хватает каких-то важных деталей. Девушка еще раз огляделась. Мертвецы оставались на своих местах, не меняя поз. Темный маленький идол дремал на неприбранной полке, возвышаясь над ними. Нет… Ничего, кроме вопросов, на которые пока нет ответов.

Сидя в густых зарослях в сотне метров от входа в строение, откуда ей был виден участок пространства, по которому она добиралась до жилища Тайкоса, Найл пыталась ответить на эти вопросы. Вначале голова работала вяло, ибо была затуманена страхом и подкатывающими волнами жалости и бессильного гнева. Ей пришлось прилагать постоянные усилия, чтобы загонять все это на задворки сознания. То, что предстало ее взору в бывшем жилище Тайкоса, не укладывалось в привычные рамки. Казалось, всю эту резню устроили существа, обладающие не человеческим, а совершенно особым типом мышления. Эти твари методически терзали пытками человеческое тело и разум, оставляя жертвы в жалком, униженном состоянии после наступления смерти и в дальнейшем заботливо сохраняя

это состояние, будто именно это являлось их самоцелью… В этом не было никакого смысла, и пока не наводило ни на какие мысли. Но это не влияло непосредственно на сложившуюся ситуацию. Если Тайкосу было известно о незваных пришельцах до того, как они обнаружили его лабораторию и превратили в реализованный бред душевнобольного, то профессор мог все еще оставаться на свободе. У него имелась маленькая лодчонка, на которой он мог переправиться на какой-нибудь другой участок леса, или даже на другой остров в этом скоплении плавучего леса. Зная, что Найл должна в скором времени явиться к нему, он постарался бы оставить ей весточку в доступном для нее месте, надеясь, в свою очередь, что она сможет избежать пленения и связанных с ним пытками и, очевидно, мученической смерти. Он наверняка попытался оставить ей что-нибудь такое, что подсказало бы, что здесь происходит, и где находится сам.

Итак, весточка, которую она должна отыскать. Очевидно, ее следует искать в таком месте, которое бы ассоциировалось у Найл с Тайкосом… Девушка покачала головой. К сожалению, таких мест слишком много. А она не могла тратить время на то, чтобы проверить все возможные

места. Если Тайкос все еще находится на территории острова, на его след вполне может напасть Свитинг.

Мысли изменили направление. Аэрокар. К этому времени ублюдки, которые ни в грош не ставят человеческую жизнь, вероятно, уже добрались до него. Ну и что? Ключи от дверцы и системы зажигания — у нее на поясе в кармашке. Если они машину сразу не затопили, или не отбуксировали прочь, то, должно быть, возятся до сих пор. Если за ними понаблюдать, это может принести больше пользы, чем доклады Свитинг. Найл вскочила на ноги и отправилась в путь.

Заметив просвечивающую через заросли и терзаемую ветром морщинистую поверхность лагуны, Найл остановилась, чтобы вычислить свое местонахождение. Заросли тростника, где приводнилась ее машина, должны находиться справа от нее и совсем неподалеку. Она повернула в нужном направлении и побежала вверх по наклонной толстой ветке, помогая себе руками и коленями, пока не добралась до того места, где листва деревьев плавучего леса нависала непосредственно над лагуной. Здесь она села верхом на ветку, ухватилась за черенки сразу двух листьев, осторожно раздвинула их в стороны и

стала всматриваться в головки тростника, колыхавшиеся внизу, с двухсотметровой высоты.

Площадка, куда она посадила машину, была расширена: растения отброшены в стороны и стебли примяты, так что выделялось пятно чистой воды. Были и другие признаки того, что со стороны лагуны туда прокладывало себе путь некое судно. Больше Найл не углядела ничего и в первое мгновение подумала, что машина либо уже уничтожена, либо куда-то ее отволокли. Но потом услышала серию металлических звуков, частично приглушенных ветром. Кто-то находился там, внизу, и, определенно, взламывал дверцу машины.

Она подождала, машинально прикусив верхнюю губу, но как ни прислушивалась, ничего больше не услышала. Потом в поле зрения показался краешек обшивки аэрокара. Он медленно поворачивался, будто его подталкивали. Секундой позже на открытом участке неожиданно появилась вся машина целиком, а на крыше…

Найл замерла, потрясенная увиденным; мысли ее спутались.

Парагуаны…

Примерно семьдесят лет назад они явились из глубин космоса и напали почти одновременно

на Нэнди-Клайн и дюжину других водных планет Ядра. Они нанесли значительный урон, но, в конце концов, их силам был дан отпор. Считалось, что к тому времени, когда военные корабли Федерации закончили их преследование в космосе, удалось выжить только незначительному остатку популяции этих существ, которые вернулись домой, в свои неведомые миры. Такое открытое нападение чужеземной цивилизации на планету Федерации, даже такую отдаленную, как Нэнди-Клайн, было последним.

О Боже, как мы стали беспечны, подумала Найл. Мы почувствовали свой размах, свою силу и решили, что больше никто из агрессоров не посмеет вернуться…

Словно зачарованная, она не сводила глаз с двух грузных, похожих на громадных лягушек, существ. Они сидели на корточках на крыше ее аэрокара, согнув под острым углом мощные мускулистые ноги.

В голове доктора Этланд промелькнул целый рой образов, основанных на старинных описаниях Парагуанов. Серовато-голубые туловища и мощные руки были переплетены множеством ремней, на которых крепились инструменты и вооружение. Выпученные глаза на больших круг-

лых головах были снабжены двойными линзами. Нижняя их часть использовалась для зрения под водой, а на воздухе была прикрыта веками, как сейчас. Голосовое отверстие соединялось с особой пневматической системой, расположенной под глазами. По-видимому, двое Парагуанов внизу о чем-то быстро переговаривались с другими, остававшимися вне поля зрения Найл, хотя ветер гасил большую часть издаваемых ими звуков.

Ну что ж… значит, они отважились объявиться опять… И на не подозревающей ничего планете их должно было высадиться уже приличное количество. В течение последних месяцев они осваивались на островах плавучего леса и под ними. Маленькая фигурка в опустошенной лаборатории, миниатюрный дьявол, мстительно возвышающийся над изуродованными оболочками человеческих тел, был сделан по их образу и подобию.

Увиденное изменило ближайшие планы девушки. В этом многоуровневом массиве лесной растительности, к тому же охваченном штормом, она чувствовала себя в относительной безопасности от преследования этих мерзких тварей. Но, не зная, на что способны эти инопланетяне, Найл не имела права рисковать. Она осторожно вер-

нулась по ветке назад и настороженно замерла, прислушиваясь. В воде лагуны, позади тростниковых зарослей, что-то шевелилось. Найл не могла рассмотреть это подробно, но было видно, что это очень большое существо грязно-белого цвета. Пока Найл старалась его разглядеть получше, оно медленно погрузилось в воду и исчезло.

Она полезла еще дальше вглубь чащи. Добравшись до более прочной опоры, она встала и поспешно углубилась под непроницаемый полог объединенной кроны. В свой первый поход на Нэнди-Клайн Парагуаны захватили с собой огромное и страшное существо, которое участвовало в сражениях, причем с большим успехом. Оно обладало повадками хищника, да и многое указывало на то, что это — гигантская видоизмененная парагуанская жизнеформа. В военных отчетах указывалось, что этот монстр обладает тонкими органами чувств, одинаковой подвижностью на суше и в воде и с ним чрезвычайно трудно бороться с помощью обычного оружия.

То, что она только что увидела в лагуне, и было одним из таких существ — парагуанским тармом.

На ходу осматриваясь по сторонам, девушка то и дело останавливалась, доставала нож и рубила

стебли, головки тростника, цветы, мясистые сочные листья, толстые щупальца того или иного знакомого ей полуживотного-полурастения. С них осыпалась разноцветная пыльца, изнутри вытекал разноцветный сок. Вскоре тело Найл, руки, ноги, лицо, волосы, снаряжение быстро покрылось полосками и пятнами всевозможных расцветок, но преобладали зеленая, бледно-голубая, шоколадная, серая и белая краска. Природный камуфляж размывал контуры фигуры Найл, делая их сливающимися с окружающей обстановкой. Подобный прием широко использовался при охоте в плавучем лесу на представителей животного мира, которые были достаточно осторожны и зорки, чтобы уклониться от охотников, лишенных маскировки.

Правда, сейчас одной маскировки могло быть недостаточно. Люди обладали целым набором оборудования для выявления живых объектов. Без сомнения, у Парагуанов такие детекторы тоже имелись. Многие такие устройства воспринимали единичное человеческое существо в плавучем лесу всего лишь как еще один живой объект, затерянный среди многих других живых объектов. Однако оставался характерный человеческий запах, и острый нюх мог учуять его так

же успешно, как собака-ищейка. Вскоре она сможет позаботиться и об этом аспекте, но для этого надо было вернуться в окрестности лаборатории Тайкоса.

Мысли Найл на миг замерли.

Лаборатория Тайкоса!

Девушка выругалась шепотом. Если ему удалось выкроить время, чтобы оставить где-нибудь весточку для нее, то он сделал это именно у себя в лаборатории!

Она поняла, что проглядела что-то важное и задумалась. Ах, если бы потрясение от чудовищной картины, представшей перед ее взором, не было таким сильным…

Она вернулась на свой прежний маршрут, которым добиралась от лаборатории к лагуне, только теперь держалась немного выше прежнего пути следования.

Вскоре в массе вздымаемой ветром растительности внизу и впереди в листве возникло какое-то постороннее шевеление. А вот и промелькнуло что-то серо-голубое.

Найл мягко опустилась на ветку плавучего леса, по которой она двигалась, и прижалась к ней всем телом. Потом осторожно переменила положение, чтобы удобнее было смотреть вниз.

Из густой чащи выбрался Парагуан и полез по ветке, расположенной ниже той, на которой распласталась Найл. Он крался, опираясь на все четыре конечности. Хоть поза и выглядела неуклюже, продвигался он с приличной скоростью и довольно уверенно. Вот подобрался к параллельному суку, притормозил, перескочил на него в коротком прыжке, двинулся дальше. Казалось, он был совсем безразличен к тому, что находится на высоте сотни метров над уровнем моря. Значит, пришельцы были способными верхолазами. Когда разведчик достиг завесы из молодой поросли, появился еще один Парагуан. Он следовал за первым на расстоянии десяти метров. Вскоре оба исчезли из виду. Найл выждала ровно две минуты, проверяя время по наручным часам. Никто из инопланетян больше не показывался, — видимо, эта пара работала без помощников. Найл забралась наверх еще на десяток метров и поспешила назад по направлению к лагуне.

Девушку поразило то, что преследователи так быстро смогли напасть на ее след в бескрайнем море зелени. Это казалось совсем невероятным, однако они, несомненно, шли по ее следу. Оба были вооружены тяжелыми на вид устройствами с толстыми стволами, которые крепились к

паутине из ремней, опоясывающих туловища. У первого к макушке была прикреплена какая-то кривобокая коробка. Из нее в разные стороны торчало несколько трубок. Они вращались по собственным траекториям в воздухе, наводя на мысль о локаторном поиске. Второй Парагуан нес на себе приспособление, гораздо миниатюрнее, которое было расположено прямо над его голосовой щелью в верхней части головы. Вероятно, переговорное устройство.

Найл быстро опустилась ниже, на свою прежнюю «тропу» и отыскала укромное место для засады. В старинных военных отчетах содержались некоторые рекомендации, имеющие практическое значение. В частности, для того чтобы вывести из строя Парагуана, следовало целиться в нижнюю половину его головы. Другим их уязвимым местом была нижняя часть туловища…

Она следила за вздымающимся под порывами ветра пучком гигантских листьев. Ага, вот и показался первый враг, который двигался по нижней ветке. Он остановился, стал оглядываться по сторонам, пристально всматриваясь в пространство перед собой.

Найл затаила дыхание. Она терялась в догад-

ках, что за сигналы посылал разведчику прибор для слежки, водруженный на голове. Парагуан двинулся по ветке вперед. Она подождала, пока он пройдет мимо. Строго соблюдая дистанцию, появился Парагуан Номер Два. Когда он приблизился на расстояние меньше восьми метров, Найл прицелилась из ружья и плавно нажала на спуск. Крупное тело дернулось и бесшумно свалилось с ветки.

Найл повернулась налево и снова прицелилась. Номер Один не заметил происшедшего. Через пару секунд он тоже нырнул вниз и скрылся под колышущейся листвой.

* * *

Бути, неприметное кустистое растение из семейства инхис, обладало толстыми древесными черенками и кружевными листьями, как у пальмы или папоротника. На островах плавучего леса он вел полупаразитическое существование. Черенки у него были полыми. При надрезе из них начинала сочиться густая маслянистая жидкость, которая обладала способностью сводить на нет множество запахов. Сам же сок растения четко выраженным ароматом не обладал. В данном случае для Найл ценным являлось то обстоя-

тельство, что он уничтожал запах человеческого тела. Когда плавучие леса стали местом охоты и собирательства, а промысловые животные и экзотические растения стали бояться и избегать охотников и сборщиков, последние начали смазывать себя соком бути, — если, конечно, он оказывался под рукой.

Во время своих прошлых посещений Найл приметила куст бути, который рос немногим далее, чем в ста метрах от лаборатории Тайкоса, чуть повыше уровня ее крыши. Она спрыгнула, чтобы приземлиться в самый центр куста, пролетев метров десять с использованием антигравитационного эффекта, создаваемого верхолазным поясом. Девушка потратила несколько минут на то, чтобы тщательно вымазать соком свой цветастый защитный костюм и все свое снаряжение. Ее нервы были напряжены до предела — небольшое удовольствие находиться в непосредственной близости от лаборатории, набитой мертвецами. Противник мог выведать, что она здесь уже побывала — наверное, Парагуаны уловили своими детекторами свежий человеческий след в лаборатории, и именно отсюда они начали преследование. Возможно, в настоящий момент совсем неподалеку скрывался целый отряд мерз-

ких тварей.

Но, работая с соком бути, торопиться не следовало. Одежда должна была как следует пропитаться защитным составом. В дополнение ко всему прочему Найл вырезала два черенка, прижгла с обоих концов с помощью ружья, чем усилила свой арсенал. Морская вода растворяла сок, а ей вскоре предстояло немного поплавать. Теперь след от ее запаха терялся на высоте десяти метров над кустом бути. Если преследователи доберутся до этого места, а потом не смогут учуять запах, чтобы вновь взять след, они сделают напрашивающийся вывод, что девушка оступилась и свалилась с дерева в океан. Во всяком случае, Найл, насколько это было в ее силах, постаралась сбить инопланетян со следа.

Она выбралась из куста и быстро, но осмотрительно приблизилась к лаборатории, осознавая, что желательно как можно скорее покинуть это проклятое место. Когда она добралась до приступка, ей показалось, что все осталось по-прежнему. Внутри также ничего не казалось потревоженным. Среди сора на полу не было никаких следов от перепончатых ног Парагуанов.

Выставив ружье перед собой, девушка вошла внутрь. Казалось, застывшие покойники уко-

ризненно взирали на нее, когда она двигалась мимо, направляясь к бывшему месту работы профессора Кея. Проходя мимо крошечного идола в капюшоне, грезившего о чем-то, она бросила на полку рассеянный взгляд.

И в этот момент Найл внезапно озарили две мысли, причем одновременно.

Еще до того, как обе мысли окончательно оформились в ее сознании, она круто развернулась, выпустила из рук ружье, схватила жесткую, как кожа, материю, на которой восседал парагуанский истукан, с двух сторон сомкнула концы у него над капюшоном, скрутила жгутом, и получившийся узелок с фигуркой стянула с полки.

В ту же секунду внутри узелка закипела бурная деятельность, проявившаяся в неистовых пинках и вращении. На это расходовалась такая бешеная энергия, что узелок едва не вырвался из рук. Найл со всего размаха грохнула им по полу. Помогло — узелок перестал дергаться. Тяжело дыша и сотрясаясь от ненависти, Найл подняла с пола ружье и выкатила из материи на пол вялую, безжизненную фигурку…

Дело в том, что та сдвинулась со своего места на полке после того, как Найл видела ее в последний раз. Не очень сильно, может быть, всего на три

или четыре сантиметра в сторону. Когда Найл это заметила, ей тут же припомнилось еще одно показание из прошлых отчетов о вторжении Парагуанов. Люди, побывавшие у инопланетян в плену и бежавшие из него, сообщали, что их предводители по сравнению с остальными представителями своего вида — самые настоящие карлики.

Теперь, раз уж она его сразу не прикончила, у нее появился высокопоставленный пленник, который, может быть, и пригодится.

Она опустилась на колени и стащила с головы истуканчика капюшон. К его груди был прикреплен плоский темный диск с торчащими из него стержнями, — то ли из металла, то ли из пластмассы, с утолщениями на концах. Интересно, за счет чего он держится? Найл крепко сжала его края пальцами, сильно дернула на себя — не получилось. Тогда она просунула кончик ножа между диском и телом пленника и потянула лезвие вверх, используя как рычаг. В первую секунду он не поддавался. Потом из сморщенной кожи с чмокающими звуками вылезли четыре зубца, расположенные с внутренней стороны приспособления. Переговорное устройство? Она повертела его в руках. Так вот как следопыты,

шедшие за ней по пятам, узнали, откуда начинать преследование! Возможно, этим приспособлением воспользовались, чтобы созвать остальных следопытов в лабораторию, когда минуту назад она появилась у входа.

Она открыла подсумок. Там, среди прочего, находились средства, позволяющие обезопасить себя от какого-нибудь чересчур активного существа, обитающего в плавучем лесу, если при этом его нужно было оставить в живых. Это были средства сдерживания.

Найл вытащила куски плоского шнура, стянула им маленькие жилистые руки Парагуана, связала перепончатые ноги, залепила узкое голосовое отверстие над глазами отдельным куском, используемым в качестве пластыря. Она проделала эти манипуляции быстро, ее пальцы порхали, как колибри. Потом она осмотрела карлика со всех сторон в поисках других хитроумных приспособлений. Но больше при нем ничего интересного не было, если не считать нескольких дюжин драгоценных камушков на морщинистой макушке. Видимо, они символизировали принадлежность к какому-то рангу, а, может, просто служили украшением. Найл завернула пленника опять в кусок материи, завязала узлом свободные концы.

Потом потратила еще одну, показавшуюся долгой, минуту на то, чтобы надрезать черенок бути и густо обмазать материю соком.

Оставив на полу узел с Парагуаном, она осмотрела отделения рабочего помещения профессора и в одном из них обнаружила оставленное ей послание. Среди многих пометок, которыми была исписана стена, открытым текстом, вполне невинно на первый взгляд, было небрежно нацарапано:

Замечание Найл. Купу сестрана нужно как следует изучить.

А теперь — марш отсюда! И желательно бегом.

* * *

Она замешкалась лишь самую малость. Когда ступила на возвышение при выходе из лаборатории, уронила переговорное устройство, завернутое в плащ карлика. Сам он, запакованный, стреноженный и, таким образом, полностью обезвреженный, ехал на спине у Найл. Неудобство было минимальным — в антигравитационном поле его вес ничего не значил… Менее чем в ста метрах от лаборатории девушка благополучно нырнула в лесную чащу.

Заросли здесь были славные: густые, непроходимые. Из того места, где стояла, согнувшись в три погибели, она могла видеть над собой только ограниченный участок леса. Она следила за этим участком, ожидая приближения кого-нибудь к месту ее укрытия. Вскоре там показались три Парагуана, шагающие гуськом у нее над головой, потом еще два.

Потом на некоторое время все вокруг оказалось заполнено Парагуанами. Очевидно, то была крупная поисковая партия, которая подтягивалась к лаборатории. Найл продолжала двигаться под прикрытием листвы, держась строго противоположного направления — насколько это было возможно. Большинство из инопланетян лезли снизу наверх, поэтому она не могла просто опуститься на более низкие уровни леса, чтобы убраться с их пути. Они подобрались настолько близко, что Найл услышала — впервые в жизни — их голоса: странное, мягко переходящее из одной тональности в другую улюлюканье вперемежку со свистом. Двое карабкались по тросу, который тянулся от «кошки», выпущенной из метателя, всего в каких-то пяти метрах от Найл. Некоторое время спустя она уже никого из них не видела, поскольку в этот момент прокладывала

себе дорогу сквозь зеленое покрывало промежуточного яруса леса. Кроны скрывали девушку от основной массы преследователей. Она решила, что оторвалась, и полезла еще быстрее.

Впереди, с более высоких уровней леса, что-то с треском свалилось, — сломался огромный сук. Вместе с ним вниз обрушились мелкие сучки и прочий лесной сор, задетые при падении. Найл посмотрела наверх — и ужас от увиденного прояснил ее разум. Она медленно сделала один шаг в сторону, добавила регулятором гравитации — как можно больше. Теперь под ногами была пустота… Найл вяло падала, медленно вращаясь, на ковер из крон деревьев нижнего яруса. Она не делала никаких осмысленных движений. Надо было стать листом, падающим с дерева, маленькой, безжизненной, не привлекающей внимание частичкой леса камуфляжной расцветки. Она достигла нижнего покрова, медленно прошла сквозь и плавно опустилась еще ниже, пока не коснулась ногой прочной ветки. Здесь ее движение прекратилось. Потеряв равновесие, она ухватилась за стебли по обе стороны от себя. Страх все еще продолжал сжимать коготочками ее душу.

Когда она была еще наверху, из-за ствола одного

из деревьев плавучего леса показался тарм — он был словно краем клубящейся гряды тумана, который проносился у нее над головой. Когда Найл прыгнула вниз, он находился так близко, что казалось почти невероятным, как она осталась незамеченной… Он был настолько близко, что мог дотянуться до нее одним из своих бледных щупальцев, а когда она уже падала, схватить прямо в воздухе. Однако ой прошел мимо.

Найл довольно долго прислушивалась к удаляющимся звукам, которые сопровождали передвижение монстра, пока не убедилась, что он не намерен возвращаться обратно. Затем поспешно отправилась в путь, все еще во власти страха. Она успела отдалиться от лаборатории на гораздо меньшее расстояние, чем следовало бы, ведь Парагуаны наверняка возобновили поиски. Сейчас они уже, наверное, обнаружили пропажу карлика. Найл успокоила себя тем, что они вряд ли вернутся обыскивать местность, которую уже прочесал великий и ужасный тарм.

Возможно, она была права. Прошло десять минут, а преследователей не было ни слышно, ни видно. Нервы пришли в порядок. Если Парагуаны сместились в восточный район леса, то продолжат бесплодные поиски вплоть до суме-

рек. А до Найл уже стали добираться проблески увядающего солнечного света. Теперь она была совсем близко к крыше леса со стороны взморья. До зарослей сестрана, куда направила весточка от Тайкоса, тоже не могло быть далеко. Восемь месяцев назад они привезли рассаду этого растения с другой части острова и посадили в определенном месте специально для исследований. Доктор Тайкос Кей знал, что упоминание о сестране приведет его бывшую студентку точно к цели.

Вскоре она нашла нужные заросли. Обнаружила она и колонию чакотилов, которые за время, прошедшее после ее предыдущего посещения, свили себе гнезда над сестраном. Крохотные кестеры встретили ее ураганом яростного свиста. Найл нырнула в сестран, но проделала это не слишком удачно, поскольку встревоженные чакотилы всем своим разноцветным роем набросились на возмутительницу спокойствия, и по ее спине замолотили десятки клювиков. Наконец, летуны решили, что наказание достаточно, и оставили ее в покое. Поднятый гам утих так же внезапно, как и начался.

Поиск был недолгим. Профессор сделал именно то, что она от него ожидала. Сбоку к одному из самых толстых стеблей сестрана был прикреплен

липкой лентой крошечный магнитофончик в водонепроницаемой упаковке. Найл положила узелок с пленником, чтобы не мешал. Карлик по-прежнему не подавал признаков жизни, но это могло означать, что он просто затаился.

Найл быстро оценила сложившуюся ситуацию. Итак, она была укрыта со всех сторон. Если бы сейчас показались Парагуаны или, не дай Бог, тарм, она могла скрыться в любом направлении, не пересекая открытое пространство. А благодаря нескольким сотням сердитых чакотилов (гнезда были разбросаны повсюду), ее невозможно застигнуть врасплох.

Да — место ничуть не хуже любого другого, где можно выяснить, что же ей хочет сообщить Тайкос…

Найл уселась, распаковала свою находку и включила диктофон.

Глава 5

Еще задолго до того, как Найл окончательно отложила в сторону диктофон, она решила, что доктор Тайкос Кей по праву входит в когорту величайших лгунов в истории человечества.

Он был все еще жив.

Во всяком случае, менее недели тому назад, когда оставил последний из четырех магнитофонных кристаллов с сообщением для нее.

Найл принялась размышлять, вооруженная полученной информацией.

Около семидесяти лет назад парагуанское руководство мучительно переживало поражение, пытаясь понять, как такое оказалось возможным. Ведь они считали себя расой, достигшей совершенства во всех областях, включая личное бессмертие для тех, кто своим величием заслужил этой награды. Эти избранные именовались Вечноживущими. Им не было равных. Все богатые водой миры Галактики были обречены на то, чтобы принадлежать Парагуанам.

С тех пор, как они впервые покинули пределы Порад-Анца, родной планеты, которую благоговейно называли также Священным Морем,

раса завоевателей не встречалась ни с чем таким, что могло опровергнуть их самонадеянную доктрину.

И вот какая-то недоделанная, к тому же обитающая на суше мразь сумела почти полностью уничтожить парагуанские силы, посланные для захвата нескольких великолепных планет, покрытых океанами. Фиаско ошеломило Вечноживущих. Это противоречило здравому смыслу.

Разве перед тем, как напасть, они не провели изучение Федерации Ядра Звездного Скопления, которое казалось вполне исчерпывающим? Да, следует признать, эта человеческая цивилизация была огромна. Но ведь с другой стороны, она являлась разнородным, слабо организованным, трудно управляемым скопищем отдельных личностей, для которых находиться в конфликте друг с другом было совершенно привычным делом. Показания ее граждан, захваченных в плен, лишь подтверждали общую картину.

Эти дезорганизованные, бестолковые, эмоционально неустойчивые создания наголову разгромили парагуанские войска. Что-то здесь было не так — поражения просто не должно было случиться!

Что же оказалось упущено из виду?

Парагуаны снова приступили к изучению врага со всех доступных им сторон. Получалось, что Федерация встала на пути у последовательно проводимых в жизнь целей и решаемых задач Порад-Анца. Такое терпеть нельзя! Надо было выяснить, в чем причина способности ее граждан блокировать устремления Парагуанов, а потом найти средства, с помощью которых можно лишить их этой способности.

Вскоре ключ к разгадке был найден. В относительно недавней истории этих существ.

Из него и выросла Теория Тувел…

Найл недоверчиво хмыкнула. Немногим более двух веков назад — незадолго до рождения Тайкоса Кея — Ядро Звездного Скопления представляло собой один из самых кровавых театров военных действий всех времен и народов. Тогда приближалась к концу Эпоха Войн. Тысячи правительств входили в межгалактические союзы, многие из которых потом распадались — и все это делалось с целью удержать под своим контролем главные скопления солнц Ядра, а также в борьбе против потенциальных захватчиков.

Тувелы появились на последнем этапе этого, еще до объединения в Федерацию, периода истории Ядра, и были наделены даже более широкими

полномочиями, чем те, которыми в далеком прошлом обладали военные диктаторы. Некоторые из парагуанских историков полагали, что Тувел вывели путем удачного отбора наследственных признаков, что способствовало появлению высокоодаренных личностей. Их деятельность обрастала легендами.

Однако свидетельства тех смутных времен были весьма противоречивы и абсолютно недостоверны.

Но как бы то ни было, Тувелы исчезли с исторической сцены.

Парагуанские же Палачи, исследуя причины своего поражения, пришли к выводу, что Тувелы вовсе не исчезли. Загадочные сверхлюди под названием Тувелы не только существовали до сих пор, но и втайне возглавляли Федерацию, являясь подлинными ее правителями. Это они разработали операцию по разгрому экспедиционного корпуса Парагуанов и непосредственно руководили ею.

Вечноживущие или, по крайней мере, большинство из них, не собирались останавливаться на констатации этого факта, отложив его проверку на неопределенный срок. Теперь у них появилось вполне рациональное объяснение

постигшей их неудачи. Уязвленное самолюбие было в некоторой степени восстановлено. То, что над тобой одержал верх неприятель, который обладает сверхъестественными способностями и о существовании которого не подозревал никто — это вполне приемлемо. Человеческие существа, как таковые, находились на более низкой ступени развития, чем обитатели Порад-Анца. Продемонстрированная человечеством мощь объяснялась тем, что обширные массы людей руководились и направлялись этими загадочными чудовищами.

У Вечноживущих, или опять же у большинства из них, появилась навязчивая идея поквитаться с Тувелами. Парагуанов не оставляло желание взять реванш. Некоторым казалось очевидным с самого начала, что Тувелы являются столь грозным противником, что сними лучше не связываться — хватит и одного раза. Но эта точка зрения никогда не становилась общепринятой. Однако было решено, что во избежание повторного разгрома следует предпринять все разумные меры предосторожности. В ходу у большинства возобладало следующее мнение: если парагуанский Великий Палач является высшей формой жизненного развития, человек-Тувела не мо-

жет превосходить его просто по определению. Преимущество Тувел, сказавшееся поначалу, заключалось только в том, что Вечноживущие не подозревали об их существовании, и, естественно, при подготовке первого штурма не учли столь маловероятного стечения обстоятельств.

Исходя из такого положения вещей, был принят на вооружение Великий План, нацеленный на окончательную расправу с предводителями Ядра и на уничтожение Федерации как цивилизации. Противоположные мнения высказывались двумя группами, известными как Глас Решимости и Глас Осторожности. Между этими, спорящими до хрипоты друг с другом, фракциями существовали многочисленные ряды колеблющихся Вечноживущих, которые образовывали весьма и весьма неустойчивое Равновесие.

Глас Осторожности с самого начала упорно и настойчиво тормозил все предприятие и продолжал этим заниматься в течение всех семидесяти лет. Несмотря на столь упорное сопротивление, Великий План развивался и постепенно вызревал. Парагуаны нашли союзников — у Ядра Звездного Скопления оказалось в космосе больше врагов с хорошей памятью, чем могла предположить Федерация. Но враги эти были достаточно осмот-

рительны. Если бы Парагуаны смогли захватить и удерживать несколько планет Федерации, приковывая к ним основную часть вооруженных сил Ядра… только тогда пара десятков более мелких и более трусливых инопланетных цивилизаций одновременно бросилась бы на штурм других планет Федерации, распыляя и ослабляя оборону людей, пока те не дрогнули бы. Но только в том случае, если Парагуаны успешно справятся со своей задачей.

Глас Решимости утверждал, что такой расклад событий достаточно хорош. Глас Осторожности заявлял обратное. А представителями Равновесия было принято постановление о пробной вылазке: ограниченный, но мощный военный контингент, тщательно соблюдая секретность, высадился на морях Нэнди-Клайна.

Этот отряд рассматривался как расходный материал. Перед лицом такой жестокой реальности, ему не оставалось ничего другого, как постараться взять Нэнди-Клайн неожиданной массированной атакой и сделать это, по возможности, без потерь. После тщательного изучения обстановки такой вариант сомнений не вызывал. И все-таки главной задачей контингента было заставить Тувел проявить себя и заодно проверить,

насколько они бдительны и на что способны. Если выяснится, что они и в самом деле являются существами, превосходящими Вечноживущих по всем статьям, то Теория Тувел должна была восторжествовать и быть признанной со всеми вытекающими отсюда последствиями, вплоть до зубовного скрежета, который издаст Глас Решимости, убираясь в подполье. Такой вывод, например, мог последовать, если экспедиционный корпус, несмотря на явное превосходство в силе, будет уничтожен опять, или вынужден будет отступить. Тогда Великий План будет аннулирован, и Порад-Анцу придется затаиться на неопределенное время, а, возможно, и навсегда.

Но если Нэнди-Клайн падет, как и было запланировано, значит, с Тувелами можно бороться, а Глас Решимости получит всю полноту власти при разработке дальнейших операций по окончательному уничтожению Центра.

В процессе подготовки нападения на планету секретный отряд десантников наткнулся на доктора Тайкоса Кея и…

* * *

За профессором была установлена слежка, которая привела Парагуанов к его лаборатории.

Изучение лабораторного оборудования подсказало, что плененный ими человек обладает глубокими научными знаниями и, возможно, может стать источником полезных сведений. Его прилежно обрабатывали и подробно допрашивали обо всем. Многие Палачи безупречно владели универсальным языком, освоенным ими, чтобы легче понимать врага. Они допрашивали Тайкоса с помощью наркотиков и дозированной боли. Способность управлять процессами, протекающими в мозгу, в чем он достиг значительных высот, позволила биохимику-долгожителю успешно выдержать такой напор. Это обстоятельство Палачи сочли чрезвычайно любопытным. Никто их людей, прежде попадавших к ним в плен, не демонстрировал ничего подобного. Далее они выяснили, что он принимал участие в разработках препаратов но продлению жизни. Это также подогрело их интерес. Во всех отчетах указывалось, что ни одному из людей не удавалось достичь неограниченной продолжительности жизни. Отсутствие программы по обеспечению всеобщего бессмертия было, по сути, наиболее ярким свидетельством того, что цивилизация Ядра, несмотря на свои достижения в других областях, все-таки находилась на более низкой ступени

развития, нежели дети Порад-Анца. У Парагуанов наука о бессмертии во всех ее аспектах являлась уделом избранных. Ею занимались только Палачи. Видимо, исходя из этих своих представлений, они решили, что Тайкос Кей принадлежит к той категории людей, которой что-то известно о Тувелах. Прежние пленники проявляли полную неосведомленность даже в самом вопросе существования своих тайных властителей.

Поначалу Тайкоса озадачило новое направление, в котором стали проходить допросы. Тогда он начал формулировать свои ответы таким образом, чтобы из последующих вопросов Палачей стало понятно, к чему они клонят. Вскоре он получил от них четкое представление о парагуанской Теории Тувел. Теперь он сам искусно мог подводить своих дознавателей к мысли о таких возможностях Тувел, которые подтвердили бы их самые худшие опасения. Он мог утверждать — и достаточно убедительно при этом, — что обладает ограниченной информацией по данному вопросу. Однако даже из того, что он рассказывал, можно было сделать заключение, до угрожающей степени совпадающее с самыми мрачными прогнозами касательно природы Тувел. Большинство Вечноживущих, поддерживающих

связь с экспедиционным корпусом, нашли, что их вера в себя основательно пошатнулась. Между двумя противоборствующими группировками вспыхнули с новой силой ожесточенные прения, которым, казалось, не будет конца. Тем временем Равновесие, по меньшей мере, на данном этапе, сместилось в сторону Гласа Осторожности и высказываемых им взглядов. Ограниченный контингент хотя и не был отозван, однако все действия по ближайшему массированному штурму были приостановлены.

Тем временем Тайкос был встревожен затруднительным положением, в которое он сам же себя и загнал. До очередного запланированного посещения Найл оставалось еще несколько недель, но она считала своей обязанностью появляться точно в установленные сроки, и ему вряд ли удалось бы убедить Палачей покинуть планету до ее прибытия. Если ему это не удастся сделать, ее летательный аппарат либо подстрелят, когда он пойдет на снижение, либо ее схватят после посадки и умертвят каким-нибудь неприятным способом. Парагуаны отнюдь не церемонились с обычными пленниками. Насколько ему было известно, все, кто когда-либо попадал к этим сволочам в руки на Нэнди-Клайне, оставался в

живых максимум несколько дней. Сам профессор стал своеобразным рекордсменом.

Итак, он возвел Найл в ранг Тувелы. Из этого со всей определенностью следовало, по меньшей мере, одно: Палачи не станут убивать, пока будет возможность взять ее живьем. А, зная Найл так, как знал ее доктор Кей, он чувствовал, что это может предоставить ей реальный шанс скрыться в джунглях. Парагуанские ученые занимались результатами его исследований по продлению жизни, и ему было разрешено обходить плавучий лес, чтобы собирать необходимое сырье. Правда, под надзором и только в определенные часы. Каждый раз он пользовался этим для того, чтобы оставить важную информацию в месте, где она могла потом ее найти. По мере ознакомления с сообщениями, ей следовало сделать все возможное, чтобы выбраться с острова и поднять тревогу по всей планете. Даже если ее схватят, они вдвоем смогут продолжать этот блеф про Тувел и добиться добровольного отвода вражеских сил. Успех этой затеи был под большим вопросом, но это 5ыло лучшее, что он мог предложить…

Найл порывисто вздохнула и, сощурившись, посмотрела на завязанную узлом материю, внутри которой сидел парагуанский Палач. Великий

Палач, уточнила она про себя. Не мешало бы хорошенько запомнить ту часть информации, где говорилось о Хранительнице, на случай, если придется играть роль Тувелы. Ту роль, что отвел ей доктор Тайкос. Найл решила, что на основании словесных портретов тех, кто допрашивал Тайкоса, она сможет даже определить имя попавшего ей в руки Великого Палача.

Она поджала губы, продумывая все мелочи. В мозгу уже созрел план, как в ближайшее время с помощью Данрича Паррола бежать с острова. Правда, этот план пока не обеспечивал вызволения из беды несчастного биохимика, а девушка не собиралась покидать остров без своего учителя.

Кроме того, ситуация в любой момент могла измениться самым непредсказуемым образом. Вечноживущие уже достаточно взвинчены словоблудием хитроумного Тайкоса и сыты по горло безуспешными попытками взять Тувелу живьем. Если они заподозрят, что она способна улизнуть с острова и предупредить правительство Нэнди-Клайна, они впадут в панику и решатся на массированную атаку немедленно, чтобы не растерять преимущества в виде фактора внезапности. В лучшем случае это будет стоить планете множества человеческих жизней…

Но эти жизни можно было спасти, уговорив инопланетян отлупить.

Здесь Найл на секунду прервала размышления. Направление, которое они приняли, ей совсем не нравилось, но было неизбежным. Так уж вышло, что Палачи имели все основания полагать — в ее лице они имеют дело с настоящей Тувелой. Если уж Тайкосу почти удалось убедить их убраться с планеты, истинная Тувела просто обязана завершить начатое им дело.

Лично для Найл это означало добровольную сдачу в плен. Одной только мысли об этом было достаточно, чтобы у девушки пересохло во рту…

В нескольких метрах от нее раздался свист чакотила. Найл рванулась с места — и обругала расшатавшиеся до предела нервы. Этот свист совсем не походил на характерный сигнал, подаваемый чакотилами в минуту опасности. За все время, пока она здесь сидела, поблизости от зарослей сестрана не случилось ничего, что было бы достойным внимания чакотилов, а, следовательно, и ее внимания.

Она снова посмотрела на спеленатого Великого Палача. Он бодрствовал. Под материей временами осторожно шевелились. Сможет ли она сыграть роль Тувелы-Хранительницы достаточ-

но хорошо, так, что инопланетянин не сможет разоблачить самозванку? Если Найл правильно вычислила, карлик в узелке был чрезвычайно агрессивно настроенным представителем Гласа Решимости. Если она и ему сможет «втюхать» идею обреченности Порад-Анца, коли его возлюбленные чада и дальше будут настойчиво стремиться бросить вызов Тувелам, то шансы надуть прочих Вечноживущих значительно возрастут.

А почему бы ни попробовать?

В начале надо внушить это себе самой. Забыть о том, что она — Найл Этланд, и стать Тувелой. Чем она наглее и напористее будет себя вести, тем лучше. Никакой полуправды — только сплошная ложь. Преподносить твари сюрприз за сюрпризом, ошеломить ее своим могуществом.

Найл облизала губы, выудила из подсумка «ключ» для размыкания пут и положила ружье на кусок древесины плавучего леса. После прикосновения «ключа» к полосам шнура, опутывающего мешок с Парагуаном, они разошлись в стороны и отпали от материи. Девушка развязала горловину мешка и осторожно высвободила пленника.

Та часть глаз, что предназначена для зрения в воздушной среде, были у Парагуана открыты. Он

пристально рассматривал ими девушку. Путы, туго охватывающие его конечности, остались на своих местах. Найл убрала с его голосовой щели кляп, усадила прямо, прислонив к кусту сестрана, отступила назад на несколько метров и уселась, держа ружье перед собой, но не целясь. Несколько секунд она изучала инопланетянина.

Великий Палач совсем не выглядел устрашающе. Однако девушка помнила призыв Тайкоса избегать недооценки Палачей любого ранга. По-видимому, это имело под собой веские основания. Достижение бессмертия, согласно парагуанской точке зрения на эту проблему, требовало, помимо всего прочего, и последовательного изменения всего организма — вплоть до неузнаваемости. Мускулатура была плотной и сжатой, приобретя чрезвычайную эффективность. Большая часть мыслительного аппарата пряталась не в голове, как у людей, а в коренастом туловище, который, вероятно, не претерпел физиологических изменений. По словам доктора Тайкоса, он и без того был доведен до минимальных размеров, достаточных для выполнения самых необходимых мыслительных функций. Ну что ж, поглядим, что за штучка этот Великий Палач…

А он кого видел в ней? Тувелу?

Найл мысленно представила, как выглядит в его глазах: худющая, почти голая, да еще вымазанная с ног до головы грязными разводами… Да-а, что и говорить, видок еще тот… далеко не самый презентабельный! Но ничего не поделаешь, приходится смириться: ни вечернего туалета, ни парикмахерской, ни самой примитивной душевой кабинки на острове не найдешь! И все равно она была Хранительницей Федерации Ядра Звездного Скопления, Тувелой. И не только. Для Парагуана она была еще и громгорру. Таинственным, могущественным созданием, обладавшим источниками сведений, недоступных пониманию.

— Если не ошибаюсь, передо мной — Великий Палач Колл, — сказала Найл.

Истукан довольно долго не сводил с нее пристального взгляда. Наконец, голосовая щель пришла в движение.

— А передо мной, если я не ошибаюсь, — прозвучал раскатистый бархатный голос, — Гулонка, которую зовут Этланд.

Это был намеренный вызов, ибо Гулон — парагуанское слово для обозначения человека, то есть существа, примитивного по их меркам. В интонации инопланетянина не прозвучало даже

намека на акцент. Да, эти твари, в самом деле, до мелочей изучили человечество.

— Кажется, для таких, как я, у вас припасено и другое название, — безразличным тоном произнесла Тувела. — Но можете называть меня Гулонкой, если вам так больше нравится. Это не суть важно. Важнее другое: где в настоящий момент доктор Кей?

— Недалеко отсюда. Почему вас так интересует доктор Кей?

— Доктор Кей интересует нас теперь, — подчеркнула Найл, — в гораздо меньшей степени, чем раньше. Он неважно справился со своим испытанием.

— Испытанием? — повысил голос Колл.

Найл со значением посмотрела на собеседника.

— Несомненно, вы должны были время от времени задаваться вопросом, — заметила она многозначительно, — почему никто не появляется, чтобы проверить, как идут дела у доктора Кея? Да просто потому, что для него это было индивидуальным испытанием. Хотя знать это вам, возможно, ни к чему, но, так и быть, я вас посвящу, Великий Палач. Доктор Кей являлся кандидатом на Истинную Жизнь. Я не уверена,

сохранит ли он свои претензии на столь почетное звание. Когда мы обнаружили, что доктор у вас в руках, то стали выжидать. Мы наблюдали, насколько успешно он способен справиться с этой непредвиденной ситуацией. Если откровенно, то кандидат Тайкос меня разочаровал.

Голосовая щель Колла открылась и закрылась дважды, но не проронила ни звука. Тувела рассеянно нахмурилась, думая о чем-то своем.

— Однако Вечноживущими я разочарована еще в большей степени, — продолжала она. — Если доктор Кей не сумел убедить вас в достаточной степени, то при помощи самых элементарных рассуждений вы и сами должны были давно догадаться о том, что следует как можно скорее убраться отсюда… и радоваться, что вам предоставлена возможность сделать это! Вы что, разве не чувствуете, что эта планета — ловушка?! Неужто Священное Море вместо того, чтобы стать бессмертным, совсем одряхлело и выжило из ума?

Она пожала плечами, ведь, в конце концов, Тувел не интересовала продолжительность существования Порад-Анца.

— Вам будет велено убраться, — заявила она жестко. — Вы малость переусердствовали в сво-

ей бессмысленной жестокости по отношению к существам, называемым вами Гулонами. Это внушает отвращение. Видимо, физический облик людей внушает вам такой страх, что как только вы его видите, сразу возвращаетесь к своему прежнему животному состоянию. Мы не собираемся спокойно смотреть на бесчинства вашего авангарда. Кроме того, прошло достаточно времени, чтобы мы убедились в отсутствии у доктора Кея удовлетворительных способностей.

Молчание.

Долгое молчание.

Зашуршали кусты сестрана. Завыл ветер и почти сразу затих в отдалении. Быстро наступали сумерки. Сморщенный истукан молча таращил глаза.

Громгорру, подумала Найл.

Это понятие имело значение для обеих противодействующих сторон. Теперь его силу следовало полностью обрушить на плечи Парагуанов. Где-то рядом с ними обретается Тувела — невидимый призрак плавучего леса. Ему уже удалось сдернуть Великого Палача Колла с руководящей полки.

Необходимо, чтобы пленник пропитался этими суевериями… Да, такое может отлично срабо-

тать.

Неожиданно послышался бархатный голос:

— Я вижу и слышу существо, которое хитроумно и нагло лжет, ибо хочет скрыть свою беспомощность. Вы не можете сбежать с острова и не можете связаться со своими друзьями. Вы здесь появились вовсе не затем, чтобы передать Вечноживущим, что им следует покинуть этот плацдарм. Вы здесь, потому что попались на крючок.

Найл скривилась в презрительной усмешке.

— Вы про луч скена? Если технические специалисты, которые занимались моей машиной, способны разобраться в увиденном, они должны были понять, что мне не составило бы труда заблокировать ваши излучатели. Клянусь Истинной Жизнью, я могу сыграть в кошки-мышки хоть с целой оравой Оганунов — этих безмозглых скотов! Великий Палач Колл, оглянись вокруг! Глас Решимости, опомнись! Кто из нас здесь в ловушке? Кто беспомощен?

Она подалась вперед:

— Боже, до чего же скудоумен Порад-Анц! Сунулся на наши планеты и был вышвырнут вон с позором! Потом не придумал ничего лучшего, чем найти себе союзников для повторной попыт-

ки нападения. Но для того, чтобы осуществить Великий Замысел, вам потребуется гораздо большее их число, нежели вы оказались в состоянии отыскать. Но где же таких взять? Вы и без того завербовали в свои ряды слишком много соратников. Тайна стала известна слишком многим, чтобы остаться тайной. Естественно, что и Тувелы о ней прослышали…

Она оборвала патетику. Великого Палача Колла трясло. Из голосовой щели неслись злобные шипящие звуки.

— Раньше мы склонялись к тому, чтобы пощадить ваши жалкие жизни, — вновь завела свою пластинку Тувела, — однако ныне…

— Замолчи, Хранительница! — Колл издал сдавленный рык, больше похожий на всхлип. — Все это обман и надувательство! Вечноживущие не будут тебя слушать! Тувела расхохоталась:

— Да? Ну, ну. Я появлюсь с Великим Палачом, завернутым в тряпку и перевернутым вниз башкой, — и Вечноживущие меня не будут слушать?!

Колл дико заверещал — и превратился в целую серию мгновенных, отрывистых, упругих движений, которые человеческому глазу было трудно вычленить из общей картины, но, тем не менее,

Найл смогла.

Итак, ноги Палача взметнулись вверх. Связанные ступни оказались у плеча. В тот же миг из плеча вырвалась огненная струйка длиной в сантиметр. Она коснулась шнура, которым были опутаны ступни, и тот лопнул. Парагуан обхватил перепончатыми пальцами правой ноги один из драгоценных камней на своей голове и вытащил из оправы, а левая нога уже согнулась и Колл, оттолкнувшись ею, стремительно прыгнул к Найл, отлично сохраняя равновесие. К глазу Найл стремительно приближалась торчащая из драгоценного камня-рукоятки, зажатой в пальцах ноги, острая игла…

К тому времени Найл и сама пришла в движение — упав на спину, она резко откатилась в сторону…

Из иглы вырвалась нить розового свечения, которая пронеслась буквально рядом с Тувелой, когда та нажала на курок.

Одного выстрела оказалось вполне достаточно. Ружейный луч был опаляющ и поразил Колла, когда тот находился на полпути к своей потенциальной жертве. Бугристый торс оказался разрезан почти пополам.

Найл, дрожа, поднялась, раздвинула стебли

сестрана, через которые Колл бросился на нее, и посмотрела вниз. Сплошные дебри отвесной, колышущейся, темноватой растительности и больше ничего. Искать там тело Великого Палача было бы совершенно бессмысленным занятием. Доктор Тайкос Кей не предупредил о том, что внешний покров тела Парагуана может служить вместилищем целого арсенала. Однако Найл и самой следовало бы об этом догадаться — по переговорному устройству, которое торчало из груди Колла.

Почему он решил напасть на Тувелу? Стало быть, ей не хватило красноречия, и она не убедила его, что Порад-Анц ожидает неминуемая гибель, если высадившийся на Нэнди-Клайне отряд не уберется восвояси. А, может, жгучая ненависть к человечеству настолько иссушила его разум, что даже судьба собственного народа не принималась им в расчет. Но зато Тувела определенно убедила его в том, что большинство Палачей поверят ее словам.

Теперь Парагуаны будут знать, мстительно подумала Найл, что смерть Великого Палача Колла — сгинувшего, а затем перерезанного надвое — является ярким свидетельством мощи и суровой безжалостности Тувел.

Пусть Вечноживущие немного «поварятся» в ситуации. Вскоре она даст им знать, что до сих пор находится где-то на острове. Это должно остановить любые поползновения с их стороны приступить к немедленной военной операции. Тем временем, она постарается выяснить, где захватчики прячут Тайкоса, попутно готовясь к выполнению других своих планов… А теперь настало время вызвать на явку Свитинг и узнать о результатах подводной разведки.

Найл тихонько, чтобы не взбудоражить чакотилов, выбралась из гущи сестрана, спустилась на нижнюю ветку, и скрылась в лесу.

* * *

Оказавшись у кромки воды, девушка выглянула из ниши, образованной двумя стволами, и принялась рассматривать соседний лесной участок острова. Из всех пяти лесов, связанных друге другом, этот был самый большой. И в длину и в ширину он в добрых полтора раза превосходил тот, в котором сейчас находилась Найл, и возвышался над последним не менее чем на сто метров. Еще находясь в аэрокаре, она видела густые купы темной, лишенной листвы растительности, взметнувшейся выше остальных зарослей ост-

рова почти в центре леса. Они были похожи на тонкие, гибкие древки копий, хлещущих друг по другу на ветру. Этот лес получил название «смолистых дров». Несколько недель спустя, когда остров начнет проходить через пояс грозовых штормов полярных морских широт, «смолистые дрова» примут на себя удары молний. Тогда их легко воспламеняющийся остов выгорит дотла, и созревшие семена, находящиеся внутри стволов, низринутся в океан.

Умышленно подожженный сегодня вечером, он должен будет стать для Паррола маяком, указывающим на место, где следует искать Найл.

Чистой воды между двумя лесами не было. С одного на другой тянулась под водой корневая система. На корнях росли водные растения, находившиеся в симбиозе с плавучим лесом. Заросли тянулись из центральной лагуны к океану, постепенно редея по мере приближения к неспокойным водам открытого моря. Если Парагуаны не прекратили охотиться за ней, то запросто можно было ожидать засады. Перебраться на «смолистые дрова» было безопаснее по морю с южной стороны леса, тем более что наступил вечер, и сумерки уже спустились с неба. Это снижало видимость над поверхностью воды. Течение

Мерал всегда несло с собой массу водорослей. При необходимости можно было укрыться в этих густых подвижных зарослях.

Найл добавила громкости ультразвуковому манку на запястье. Теперь Свитинг наверняка услышит вызов. Приемник, вживленный в череп выдры, передавал сигналы прямо в мозг, и она спешила на зов хозяина, безошибочно следуя в направлении источника сигналов.

— Найл…

— Я здесь, Свитинг!

Свитинг вынырнула из воды метрах в пяти от хозяйки, энергично встряхнула головой, проплыла вдоль притопленного дерева и вскоре обосновалась рядом с Найл.

— Эти нехорошие парни — новые! — заявила она.

— Да, — сказала Найл. — И новые, и нехорошие. Они не с нашей планеты. Что можешь мне о них рассказать?

— Их много, — заверила Свитинг. — Зато нашла двух друзей для Найл. Они больше расскажут.

— Двух… — Найл не договорила. Появившись над поверхностью волнующегося моря, пятью метрами ниже, на нее смотрели две темные усатые морды.

Одичавшие выдры.

Глава 6

Это была супружеская пара, которая в качестве семейного гнездышка облюбовала лагуну плавучего леса. Самец по размерам был почти таким же, как и Спиф. А вот молоденькая самочка была уменьшенной копией Свитинг. Они были потомками домашних выдр, вероятно, в третьем или четвертом поколении, но владели транскоммутативным языком так же свободно, как и Свитинг. По стилю их речь очень походила на человеческую, только была перенасыщена терминами, появившимися в результате свободного существования выдр в океане. Некоторые понятия, упоминаемые в разговоре, не имели аналогов на языке людей. Тем не менее, Найл, как правило, догадывалась об их значении.

Когда на острове появились Парагуаны, любопытные выдры из чисто спортивного интереса стали изучать незнакомых существ, а также их оборудование. Под лагуной стоял на якоре корабль. По своим размерам он значительно превосходил любую субмарину людей, был прочен и основателен. Очевидно, ему приходилось преодолевать и космические просторы. Входной

люк его был постоянно открыт. Поблизости находился второй корабль, еще огромнее. Обычно он оставался на большой глубине, но временами поднимался почти до уровня моря. По сообщениям доктора Тайкоса, на этом корабле размещался штаб парагуанской экспедиции.

На самом острове Парагуаны разместили десять или двенадцать блокпостов. Большинство из них были маленькими и, вероятно, являлись наблюдательными пунктами или огневыми точками. Исключение составлял участок острова, куда намеревалась переправиться Найл. Там находился, как выразилась Свитинг, «большой дом». Он был расположен у кромки лагуны и углублялся далеко в лес, полностью укрытый густой растительностью. Приблизительно пятая часть этого строения находилась под водой. У Найл создалось впечатление, что это — что-то вроде крупного блокгауза или форта. Он был расположен в нескольких сотнях метров от гнездовья морских хавалов. Сама она не выбрала бы место по соседству с этими гигантскими кестерами, — от гнездовья исходили нестерпимые шум и зловоние — но, вероятно, подобные неудобства не раздражали ни слуха, ни обоняния инопланетян.

Ценность сведений о блокгаузе заключалась в

том, что, скорее всего, в нем можно найти Тайкоса, если, конечно, биохимика не эвакуировали с острова сразу после появления на нем Найл. Исходя из весточек, оставленных им, профессора вместе со всем лабораторным оборудованием поместили в сооружение примерно такого рода.

Выдры ничего о Тайкосе Кее не слышали, но им был очень хорошо знаком чудовищный тарм. С тех пор, как Парагуаны высадились на острове, в лагуне время от времени появлялись двое из этих бледных чудовищ. Но, видно, одного вскоре убрали. Описание, которое выдры дали чудовищу, совпадало с данными из старинных хроник-отчетов. Агрессивный зверь, который пожирал множество самой разнообразной морской живности и изредка совершал вылазки на верхние уровни леса.

— Причинял ли он вам какие-нибудь неудобства? — поинтересовалась Найл.

Видимо, этот вопрос их удивил. Они разинули пасти и рассмеялись характерным для выдр беззвучным смехом.

— Никаких неудобств. Тарм медлительный! — объяснила маленькая самочка.

— Это для вас он медлителен, — заметила Найл. У охотничьих выдр были свои понятия о скорости

подводного плавания. — Я смогла бы оторваться от него под водой?

Они задумались.

— Реактивные двигатели, а? — спросил самец.

— Грустно — их нет! — Свитинг произвела несколько гребковых движений передними лапами и быстро похлопала друг о друга задними. — Человечьим плаванием…

— Человечьим плаванием, ха! Эта тварь тебя скушает! — уверенно заявила самка. — Ты прячься, оставаться без запаха, Найл! А как это — без запаха, а? Фокус, да?

— Ага. Фокус-покус такой. Но только в воде он, увы, не срабатывает.

Самец задумчиво засопел и промолвил:

— Тарм опять под большим домом. То ли останется, то ли нет. — Он обратился к самке: — Лучше убить его поскорее отравой, а?

Вскоре выяснилось, что под убийством отравой подразумевалось изготовление из дрейфующих растений-сорняков одного хитрого устройства. В трубчатый стебель тростника с одного конца вставлялись колючки, которые предварительно следовало разжевать, чтобы они могли поместиться в полости стебля. Потом колючки смазывались вязким и на редкость ядовитым

выделением из мочевого пузыря выдр. Сообщества диких выдр с помощью такого устройства подстреливали на лету кестеров, тем самым разнообразя свою диету. Самка показала, как это делается. Она ловко перевернулась на спину, поднесла к пасти воображаемое дуло этого ружья и губами издала звук пробки, выскакивающей из бутылки.

— И кестер плюх вниз!

Дикие выдры слегка изменили технологию, приспособив ее и для стрельбы по крупным хищникам, которые, случалось, сильно им досаждали. Для этого они использовали более крупные колючки, которые, пробив шкуру, впивались в тело. Крупные морские звери подыхали не так быстро, как пернатые, но в итоге их все-таки настигала смерть.

— Здесь много шипов, — заверил Найл самец. — Воткнуть тарму десять, двадцать, тридцать — и проблем нет.

Девушка быстро прикинула. На Свитинг можно было положиться… Но эти двое были одичавшими выдрами. В свое время пытались проследить генеалогию выращенных в лабораторных условиях детенышей вплоть до первоначального предка-прототипа. Но вскоре все попытки были

безнадежно погребены в извилистом лабиринте коммерческой жизни Ядра. Так и не была выявлена лаборатория, ответственная за выведение говорящих выдр-мутантов. Известно, что детеныши, попавшие на Нэнди-Клайн, оставались единственными в мире представителями выведенной породы. Следовательно, одичавшие выдры Нэнди-Клайна, в свою очередь, стали совершенно новым видом, который существовал, в любом случае, не более полстолетия. За это время он развился до такой степени, что изобрел работоспособное духовое ружье, стреляющее отравленными стрелами. По всей видимости, его ожидало интересное и перспективное будущее, Найл показалось, что она имела представление о желтом экстракте из мочевого пузыря, о котором упомянули выдры-молодожены. Это вещество содержало быстродействующий яд, парализующий нервную систему. Какое воздействие этот яд может оказать на тарма, обладающего неизвестным обменом веществ, было непонятно, однако идея стоила того, чтобы осуществить ее на практике.

Найл задала еще несколько вопросов и выяснила, что всего несколько минут назад выдры видели тарма, неподвижно лежавшего под блок-гаузом. Свитинг первой его учуяла. Место под

блокгаузом было его обычным постом в качестве водного сторожа. Очевидно, его отозвали с поисков Тувелы. Парагуаны целыми группами сновали по лагуне. Однако признаков рассредоточения их по стандартной поисковой схеме не замечалось….

— У косолапых — реактивные двигатели, — заметил самец.

— Они медленные, — заверила Найл самка. — Никаких хлопот!

Как бы не так — на открытой воде вооруженные ныряльщики, оснащенные реактивными двигателями, могли доставить кучу неприятностей. Ну что ж, мысленно пожала плечами Найл, пожалуй, следует рискнуть, чтобы перебраться на другой участок. Кивком головы она указала на лес, темневший вдали.

— Мне надо туда попасть, — сказала она. — Свитинг пойдет со мной. У косолапых есть ружья, и они за мной охотятся. Согласны меня сопровождать?

Выдры опять рассмеялись. В сумерках блеснули кривые белые зубы.

— Друзья Найл, — заявил самец. — Мы пойдем. Поразвлечься, а? Что нам делать, Найл? Убивать косолапых?

— Если попадается любой из них, мы убиваем его быстро! — ответила Найл.

* * *

Через несколько минут все три выдры соскользнули в водную гладь и были таковы. Перед тем, как последовать за ними, Найл огляделась. Над горизонтом все еще виднелся узенький краешек солнца. Небо над головой было ясным — бледно-голубой купол пронизывали призрачно-белые лучи света. На нижней кромке плывущих высоко в южной части неба облаков отражалось багровое сияние светила. Сила ветра была умеренной. Здесь, в гуще леса, ее особо не чувствовалось. Открытая полоса моря впереди была вся взлохмачена и пенилась, но ведь девушке предстоит двигаться под бурлящей поверхностью моря.

В этих широтах Мерал испускало свое собственное поверхностное свечение. Найл видела, как среди вздымающихся волн то и дело вспыхивают и гаснут яркие огоньки — колонии светящихся организмов, реагирующих на сгущавшиеся сумерки. Яркости их огней не хватало, чтобы по ним можно было ориентироваться, настало время переходить на ночное видение…

Она достала из подсумка пару линз для ночного

виденья, вставила под веки и, моргнув, зафиксировала в нужном положении. Линзы представляли собой пластичные оболочки, наполненные гелем, который оптимизировал зрение человека в меняющихся условиях, автоматически под них подстраиваясь. Опытное изделие родной «Джиард», между прочим. Очень удобное.

Потом натянула налицо дыхательную маску, закрепила в ушах наушники и сиганула с дерева вперед ногами. Ее окутал подводный полумрак. Спустя мгновение вода просветлела и приобрела янтарный оттенок — начали действовать нокталопические линзы. Погрузившись на пять метров, Найл развернулась и принялась грести к открытой воде.

Открытой, но не безжизненной.

Справа и спереди двигались заросли кочующих водорослей… Найл их обогнула. Мимо пронеслись стайкой крошечные скилты, слегка задев ноги девушки жесткой чешуей. Она быстро поднесла к глазам левое запястье и взглянула на маленький компас. Выдр нигде видно не было. Если обойдется без приключений, то она их и не увидит. Они должны находиться примерно в тридцати метрах — дикие выдры с правой и левой стороны, а Свитинг — впереди, чтобы заранее

предупреждать о надвигающейся опасности.

Вскоре впереди показалось светящееся облачко. За ним стали туманно вырисовываться и другие… розовые, зеленые, оранжевые. В этом месте южного полушария течение Мерал ускоряло свое движение к южному полюсу. Глиссерщики прозвали этот район океана «Сияющим Морем». Найл проплывала мимо зарослей, где роились «светлячки». Каждая разновидность веслоногих производила строго определенный оттенок подводного сияния. Все они были небольшими по размерам. Если среди этих узких, червеобразных тел и встречались гиганты, то даже они не превышали половины длины предплечья Найл. Но их скопления превращали целые акры[2] поверхностных слоев воды в охваченные пламенем площади.

* * *

Ласты мерно уносили девушку вперед. Используя наушники, она прислушивалась к звукам моря, кожей ощущала переменчивую вибрацию

---

[2] Примечания: 2

Акр (acre), земельная мера, применяемая в ряде стран, использующих английскую систему мер (Великобритания, США, Канада, Австралия и др.). 1 акр = 4840 кв. ярдам = 4046,86 м2.3

водной среды. Некоторое время ее окружала янтарная дымка открытой воды. Затем Найл, изворачиваясь, прошла через темную чащу набухших от воды водорослей. Когда заросли закончились, свет засиял снова. Найл избегала самых ярких мест — там очень легко ее можно было обнаружить.

Один раз к хозяйке подплыла Свитинг, походила кругами рядом и вновь исчезла. Никакой опасности не было, просто выдра проверяла собственное местоположение относительно хозяйки.

Затем раздался звук, мгновенно заглушивший несметное количество остальных звуков Мерала — отдаленный низкий гул. Спустя полминуты он повторился, на этот раз значительно ближе.

Найл продолжала следовать своим курсом, но теперь она переместилась поближе к поверхности, осматривая пространство внизу и впереди, ведь на охоту вышли гигантские морские хавалы. Встреча с одним из этих колоссальных созданий в открытом море, как правило, не предвещала пловцу никаких неприятностей. Впрочем, она не сулила опасностей никому, кроме разве что крупного скилта. Добычей морских хавалов были исключительно скилты, которых эти левиафаны

высматривали и вынюхивали в морских просторах. Когда хавалы издавали такой звук, это означало, что они преследовали большую стаю скилтов. Во избежание трагических нелепостей лучше не оказываться на пути этакой стайки и вообще держаться от охотничьей зоны хавалов подальше…

«Если это возможно», — мысленно добавила Найл.

И вот поступил первый сигнал тревоги!

Из череды светящихся зарослей выскочила дюжина больших торпедообразных тел и стремительно понеслась девушке навстречу. Скилты — приблизительно в центнер каждый. Именно такие экземпляры, как правило, предпочитали морские хавалы.

Найл притормозила, бросилась в сторону и поднялась еще ближе к поверхности океана, Здесь она сразу ощутила порывистые накаты волн…

Море загудело, точно чудовищных размеров колокол.

Полоса светящихся зарослей просто взорвалась, когда через нее, вытянувшись в цепочку, ринулись скилты, шедшие в голове стаи. Они приближались к Найл. Сами по себе скилты были безобидными тварями, но сейчас эти тяжеленные

зверюги, охваченные паникой, неслись с сумасшедшей скоростью, что делало их смертельно опасными. Удар любого из них превратил бы тело человека в сплошное месиво. Под напором тысяч животных море, казалось, готово было выйти из берегов.

Картина происходящего исчезла с глаз Найл, когда она вынырнула на поверхность. Она свернулась калачиком — единственное, что могла сделать. Мощная волна подняла ее на своем гребне. Потом пришло ощущение стремительного и широкого речного потока, который мчался, угрожая затянуть Найл в глубину. Скилты с плеском выскакивали из воды, совершая неистовые прыжки в десятки метров, и с шумом плюхались обратно в море. Потом она ощутила под собой двойной вертикальный прилив воды. Мимо прошла пара морских гигантов.

В следующую секунду рядом очутилась Свитинг. Дикие выдры подплыли следом почти с таким же проворством.

— Найл здесь, а?.. Весело, а?

А вот Найл было не до комментариев. Она стянула дыхательную маску и жадно втянула штормовой воздух. Издалека приглушенно доносились отголоски продолжавшейся охоты

морских хавалов — гул, который Найл даже не слышала, а ощущала всем телом.

В следующие мгновения она была снова в пути. Следующие двести метров поля водорослей были изодраны и искромсаны прошедшей через них стаей скилтов, спасавшихся от хавалов. Повсюду плавали куски скилтов, аккуратно расчлененные ударами массивных кестеров. Потом картина стала принимать свой обычный вид…

Внезапно Свитинг вернулась назад к Найл, прошла мимо лица, образовав небольшой водоворотик, нырнула на полдесятка метров, остановилась для разворота, потом снова повернулась и устремилась к большому бесформенному клубку из водорослей, ниже Найл. Девушка сорвалась с места и, набирая скорость, ринулась ей вдогонку. В темпе за мной! — означали движения Свитинг.

Она юркнула в гущу скользких, словно резиновых на ощупь, зарослей. Выдра была уже там, поджидая Найл. Они забрались слишком глубоко… Найл развернулась, вынула ружье, раздвинула водоросли, чтобы засечь все, что могло двигаться в ее сторону. Когда она поискала глазами Свитинг, той уже и в помине не было.

Найл подождала. Двадцатью метрами левее свисали светящиеся водоросли, вокруг все бы-

ло туманно. Мимо сновали маленькие тени скилтов. Что-то большое и пухлое всплыло из глубины и, поравнявшись с Найл, медленно стало разворачиваться среди зарослей, наверняка чтобы ее рассмотреть. Существо с полминуты пялилось на девушку, потом убралось прочь. Это был большой травяной скилт, раза в три массивнее взбесившихся торпед, из которых состояла стая, спасавшаяся от хавалов. Он питался преимущественно падалью. Если будет следовать в кильватере охотящихся хавалов, ему многое перепадет…

Внезапная волна дикой суматохи — водовороты; всплывающие и погружающиеся папоротникообразные листья водорослей, ощущение глухих ударов — и так же резко все прекращается… Найл была хорошо знакома с этими признаками смертельной схватки. Таковая только что и произошла буквально в нескольких метрах от нее, но сейчас все было уже кончено. Найл двинулась вперед: ружье наготове, настороженный взгляд. В глубину медленно погружалась темная, дымчатая издали завеса, и сквозь нее оседало что-то объемистое, слегка задевая переплетающиеся между собой водоросли. Голова Парагуана была почти полностью отделена от коренастого туло-

вища. Из глубоких ран хлестала кровь. Типичная работа выдры.

Свитинг вернулась сверху. Вместе они затащили громоздкое тело в заросли, ухватившись за лямки его обмундирования. К широкой спине было прикреплено реактивное снаряжение в парагуанском варианте. Найл мельком оглядела устройство и отказалась от мысли им воспользоваться. Чтобы приспособиться к нему, ей бы потребовалось больше времени, чем на то, чтобы добраться обратно до плавучего леса. Крупное резиноподобное тело оставили застрявшим в самом центре зарослей. Когда они отплывали прочь, первый из травяных скилтов, этих санитаров моря, уже принюхивался к нему, подплыв с другой стороны.

В наушниках раздавался свист, который становился все пронзительнее. Найл остановила Свитинг на краю зарослей, где растения лохмотьями свисали вниз. Вот еще две массивные фигуры быстро приближались по открытой воде. Они двигались поверху, углубляясь в воду по косой. За каждым тянулся хвост реактивного выхлопа. В руках у обоих были парагуанские ружья. Возможно, они обнаружили следы короткой схватки и теперь искали погибшего товарища.

В общем, Найл их заметила, когда они находились уже в десятке метров. Парагуаны уже повернулись к ней и уставились водянистыми полукруглыми глазами. По такой близкой мишени трудно было промахнуться из универсального ружья. Промаха и не последовало.

* * *

Находиться в непосредственной близости от гнездовья морских хавалов было занятием не для слабонервных. Из-за стен плавучего леса доносились чудовищный грохот и плеск. Это взрослые кестеры покидали насиженные места, обрушиваясь всем телом в дыру, вырубленную их мощными копьевидными клювами в настиле из корней, который образовывал нижнее основание леса. Вскоре они возвращались, держа в клювах чуть ли не по целой тонне искромсанных скилтов. Каждое такое подношение приветствовалось ревом гигантских птенчиков.

В наветренной стороне от всего этого гвалта, ближе к лагуне, Найл повторно смазала себя соком бути. Она сидела среди массивных стволов, поджидая Свитинг с донесением. Пока они вдвоем занимались тремя парагуанскими морскими патрульными, дикие выдры обнаружили

и отправили на тот свет еще троих. По-видимому, никого из парагуанского морского патруля в живых больше не осталось. Но теперь его должны были хватиться. Дальнейшие действия девушки в немалой степени зависели от того, что предпримут захватчики в связи с пропажей своих дозорных.

Тарм был обнаружен на своей стоянке под блокгаузом. Найл возблагодарила за это судьбу. То, что она чуть было не столкнулась в джунглях с этим мертвенно-бледным морским существом, глубоко врезалось в сознание. Страх до сих пор гнездился где-то в глубине памяти. Сообщения из отчетов прошлого, в которых говорилось о возможном создании и развитии чудовища на физиологической основе самих Парагуанов, придавали тарму какую-то мистическую харизму. Получив некоторое представление о биологическом искусстве Порад-Анца, которое, в частности, привело; к появлению Великих Палачей, Найл подумала, что такие вивисекторские новации вполне возможны. Она внушала себе, что сок бути и разумная осторожность сделают ее незаметной для тарма, буде встреча с ним повторится. Но она вовсе не была в этом уверена. А если парагуанский монстр приблизится к ней в воде, то и

бути не поможет.

Будем надеяться, что помощники вскоре избавят ее от этого страха. Во всяком случае, выдры-молодожены отправились на заготовку ядовитых колючек. Казалось, они были уверены в том, что, притаившись среди подводных сплетений плавучего леса, они без особого труда всадят в огромное тело тарма смертельную дозу яда. Свитинг втихую шныряла по лагуне, выискивая признаки активных вражеских действий…

— Нашла Тайк-коса, Найл!

— Где?!!

Свитинг выскользнула из лагуны на сук, торчащий из воды, и спокойно улеглась рядом с Найл.

— В лодке, — сказала она. — С маленькими косолапыми.

— С маленькими косолапыми? Палачи?

— Полуразмерные, — сказала Свитинг. — Пять, шесть. Тайк-кос разговаривает с Хранительницей Этланд. Потом косолапые разговаривают с Хранительницей Этланд. Голос громкий у них. Ты Хранительница Этланд? А?

— Так думают косолапые.

Под «громким голосом» Свитинг имела в виду усилитель звука.

— Давай-ка по порядку! Во-первых, где лодка с

Тайкосом и косолапыми?

Выдра носом показала на восточную сторону леса.

— Лодка идет в лагуну. Этим путем. Есть огни. Есть громкий голос. Говорят в лес. Они думают, что Хранительница Этланд в лесу. Тайк-кос говорит, что косолапые хотят бесед, а не драк. Ты говоришь — и, возможно, они убираются прочь. Косолапые говорят, что они сожалеют о драках. В лодке нет ружей: пожалуйста, на беседу. — Свитинг помолчала, наблюдая за Найл. — Убить их, взять сейчас Тайк-коса, а?

— Нет, — возразила Найл, — убивать мы их не будем. Я лучше послушаю, что они собираются мне сказать. Ты говоришь, лодка движется в этом направлении?

— Движется медленно. Не слушай косолапых, Найл! Хитрость, а? Ты подходишь — они тебя убивают.

— Может, это вовсе и не хитрость. Оставайся здесь.

Однако она чувствовала дрожь во всем теле, когда поспешно пробиралась обратно к гнездовью морских хавалов. Теоретически, будучи абсолютно уверенной в себе, Тувела на данном этапе, естественно, стремилась бы к переговорам

с инопланетянами, дабы закрепить психологическое преимущество. С другой стороны, настоящая Тувела, скорее всего, знала бы, что делать, попади она в ловушку к Парагуанам. Найл же не была уверена в том, что знает.

Она ненадолго задержала дыхание, когда ветер задул в обратном направлении, и в ноздри хлынула невыразимая вонь из гнездовья. Она уже отдалилась от лагуны на приличное расстояние… Найл открыла подсумок, вынула из него катушку шнура для пут и положила туда устройство для вызова выдр. Потом застегнула и затолкала подсумок в ласт. Прут с соком бути она засунула в другой ласт и связала ласты вместе. В результате получился компактный сверток, который был втиснут в дупло одного из деревьев плавучего леса и для верности примотан шнуром. При Найл остались только верхолазный пояс и универсальное ружье.

Она быстро оглянулась, запоминая место, и направилась обратно к лагуне. Свитинг тревожно и неодобрительно зашипела, когда Найл вернулась. Найл успокоила выдру, объяснив ситуацию подоходчивее. Лодка должна была появиться с восточной стороны, из-за излучины леса, но пока бортовых огней видно не было. Они двинулись

в этом направлении: Найл через лес, держась на небольшом расстоянии от берега лагуны, а Свитинг — по воде, чуть впереди. Если впереди западня, они заметят ее прежде, чем попадутся…

* * *

Судя по описаниям доктора Тайкоса Кея, все шесть его спутников в лодке были Палачами. Притаившись на высоте примерно пятнадцати метров над водой, Найл их внимательно рассматривала. Двое были ростом с Тайкоса, четверо других — помельче, все разного роста, но настоящих карликов среди них не было. Огни лодки высвечивали из темноты то сложенные в одном месте необычные шлемы, начиненные аппаратурой, то непривычные детали доспехов… в которых, разумеется, могло быть спрятано потайное оружие.

Найл особо пристально изучала профессора. В его движениях ощущалась некоторая скованность, что указывало на далеко не лучшую физическую форму. Но голос его, усиленный громкоговорителем, был тверд и четок. А если речь по стилю сильно смахивала на надгробную, то это объяснялось исполняемой ролью. Биохимик прекрасно изображал подчиненного, который

обращается к начальнику — Хранительнице. Он все-таки взял себе именно эту роль, а вовсе не ту, которую ему навязывали захватчики.

Найл была уверена, что пока ловушка ее не ожидает. Впрочем, на сей счет имелись и другие соображения…

Вновь раскатисто зазвучал громкоговоритель. Он был настроен таким образом, чтобы звуки проникали в чащу леса, перекрывая вой ветра. Таким образом, Хранительница Этланд, где бы ни находилась, могла это слышать. Доктор Тайкос Кей и один из Палачей по очереди пользовались громкоговорителем. Остальные сидели на корточках в лодке, медленно плывущей по лагуне.

Сообщение повторялось раз за разом. Она слушала уже несколько минут, двигаясь поверху вровень с лодкой. Вечноживущие следили за ее беседой с Великим Палачом Коллом. Очевидно, передающим устройством являлся один из драгоценных камней, закрепленных у него на башке. Вероятно, это была его идея — предоставить возможность остальным Палачам наблюдать за допросом пойманной в ловушку женщины-человека. Они должны были воочию убедиться в крахе ее притязаний на звание Хранительницы и Тувелы. Если так, то его план сработал. Но

с противоположным эффектом. И то, что сам Колл оказался пленником; и то, что Тувела определенно владела секретами Порад-Анца — все сводилось к тому, чтобы унизить самолюбие Вечноживущих. Именно этим обстоятельством и объяснялся яростный и внезапный выпад Колла. Непримиримый почувствовал, что нужно заставить немедленно свою собеседницу замолчать, чтобы спасти лицо Гласа Решимости. А часом позже Огануны-поисковики обнаружили его труп.

Найл пришла к выводу, что с этого момента ряды Вечноживущих пребывают в смятении. Потеря морского патруля только добавила плюсов к ее репутации. Парагуаны и не подозревали, что у Тувелы имеются помощники не в человеческом обличье. Поэтому пришли к выводу, что дозорные натолкнулись на переправлявшуюся на другой берег Тувелу и погибли, прежде чем успели поднять тревогу. Кроме этого, совсем недавно стали поступать сообщения, что у берегов лесного наноса маневрирует маленькое юркое надводное суденышко. Это глиссерщики Сотиры сдержали слово и обеспечили Найл посыльным кораблем. Естественно, Вечноживущие связывали появление кораблика с пребыванием в лесу Тувелы. Но они понятия не имели, какую

цель оно преследует.

Захватчики находились под психологическим прессом с тех самых пор, как Хранительница избежала пленения, которое казалось неизбежным. С того момента каждым своим действием она только усиливала этот нажим. Они никак не могли взять в толк, что сами вынуждали ее предпринимать эти шаги. По-видимому, все эти события казались им частью задуманного Тувелой плана, который она последовательно приводила в действие. Намерения ее были неведомы, и у Парагуанов не было возможности помешать их исполнению. Они не знали, чем все это кончится. Страхи, тлевшие в них семьдесят лет, которые все это время они старались подавить, разгорелись с новой силой.

И вот, заносчивые и чванные Палачи Порад-Анца отправили на встречу с Тувелой доктора Тайкоса Кея с делегацией, состоящей из членов Гласа Осторожности. Делегаты должны были предложить ей прекращение боевых действий с обеих сторон. Кроме того, Тувеле предоставлялась возможность лично изложить свои условия перемирия. Без сомнения, сподвижники Колла яростно протестовали против этой затеи.

Может, стоит рискнуть и пойти на перегово-

ры?

При существующем на данный момент раскладе у нее появлялись хорошие шансы через какое-то время убраться с острова. А тогда можно было сообщить своим, что в дом прокрался враг, и надо готовиться к обороне. Но если обман раскроется, то она упустит возможность предупредить вооруженные силы Нэнди-Клайна о грозящей опасности. Если бы доктор Тайкос Кей это понимал, он, возможно, не призывал бы ее явиться во вражеский стан.

А если она не отзовется и продолжит таиться в лесу, давление на Вечноживущих не спадет. Они воспримут ее молчание как знак того, что шанс спокойно убраться восвояси предоставлен агрессору не будет. Как на это отреагируют инопланетяне? Им может показаться, что отступать уже поздно. В распоряжении Парагуанов имелась не одна неделя для подготовки массированного удара из укрытых в плавучем лесу баз. Если они решатся нанести его до принятия планетой контрмер, сколько пройдет времени, прежде чем с материка стартуют космические силы? Часы? В этом случае поданный ею сигнал тревоги поступит слишком поздно.

Вообще говоря, вопрос стоял, скорее всего, так:

может ли она взять на себя риск не вступать с Палачами в переговоры?

Внезапно Найл решилась.

Лодка Парагуанов медленно выплыла из-за излучины. Снова загремел громкоговоритель. Было произнесено всего несколько слов. Палач Мога, стоявший рядом с Тайкосом Кеем, осторожно опустил инструмент вниз и выключил его, всем своим видом показывая, что от него не следует ожидать никаких резких движений. Палачи за спиной профессора разом стали перешептываться. Потом шепот стих. Двигатели в лодке были выключены, и она медленно пошла по инерции прямо на спутанный клубок лагунных водорослей. Все ее семеро пассажиров: Тайкос Кей и шестеро инопланетян уставились на фигуру, что застыла у самой кромки леса.

— Доктор Кей! — раздался чеканный голос Тувелы.

Тайкос, кашлянув, произнес:

— Что, Хранительница?

— Скажите, чтобы судно подплыло ближе, и представьте парагуанских чиновников…

Шагнуть в лодку, было словно переступить порог в каком-то сумбурном сне. Палачи стояли на своих длинных, полностью выпрямленных но-

гах, изменив привычной для себя позе, с трудом сохраняя равновесие на широких ступнях. Когда Тайкос по очереди представлял шестерку Хранительнице, они почтительно склоняли головы перед ней. На основании информации, полученной от биохимика, она знала имена Моги и еще одного из парагуанских руководителей. Как и все присутствовавшие здесь Великие Палачи, Мога являлся самой влиятельной фигурой в Гласе Осторожности. Когда лодка повернула обратно в лагуну, он продолжал стоять рядом с Тайкосом, в то время как другие отступили на корму.

Мога что-то быстро произнес в переговорное устройство, после чего оповестил Найл:

— Вечноживущие собираются вместе, чтобы выслушать Хранительницу…

Найл не стала спрашивать, где именно они собираются. Тувела не должна проявлять интереса к подобным мелочам. Из глубины лагуны донесся короткий, пронзительный свист. Свитинг по-прежнему не одобряла решения хозяйки.

Звук больно резанул по нервам Найл. Ситуация и так была достаточно напряженной, а осознание того, что сейчас она не могла позволить себе проявить слабость, усиливало подспудное чувство страха. На некоторое время целый ворох

смутных, тревожных мыслей овладел сознанием девушки. Она заставила себя думать о том, что скажет Вечноживущим, попыталась предугадать вопросы, на которые у нее должны быть готовые ответы. Последнее получилось не очень-то удачно. Однако инстинктивные реакции на происходящее постепенно исчезли.

* * *

Входной проем блокгауза был расположен на уровне воды. Коренастые фигуры Оганунов образовывали две шеренги по бокам от входа. Оружие они держали в положении «на караул». Лодка проследовала несколько метров по туннелю и причалила к платформе. Найл проследовала в здание за Могой. Доктор Тайкос Кей отстал на несколько шагов. Он соблюдал субординацию в соответствии со своим положением. После церемонии представления Хранительница с ним не разговаривала. Оказавшись на следующем этаже, она заметила, что биохимик вслед за ней не поднялся.

Палач Мога задержался у закрытой двери.

— Если Хранительница любезно согласится подождать здесь, я проверю, готово ли Собрание.

Найл осталась ждать.

Через несколько секунд через дверь просочился Палач Мога. На длинной лямке, перекинутой через плечо, он держал нечто вроде дорожной сумки, разукрашенной драгоценностями. Найл показалось, что More было не по себе.

— С позволения Хранительницы… За этой дверью Великие Палачи. Они безоружны и предпочли бы, чтобы Хранительница не обращалась к ним с оружием в руках.

Найл подумала, что если не удастся их убедить, то умрет за этой дверью. Но Тувеле на данном этапе не было никакой нужды подбадривать себя наличием оружия. Да и универсальное ружье само по себе не поможет прорваться через толпившихся в каждом проходе стражников. Она отстегнула от пояса кобуру, протянула More. Тот осторожно положил ее в сумку и распахнул перед Найл дверь. Она шагнула внутрь.

В первый миг показалось, что она попала в переднюю просторного, тускло освещенного зала, огромные размеры которого явно не вписывались в здание блокгауза. Потом поняла, что всю противоположную стену занимал гигантский экран. В помещении собрался высший командный состав в количестве дюжины Великих Палачей, которые сидели на корточках вдоль стен по обеим

сторонам экрана… Эти существа, размерами чуть больше Колла, были облачены в роскошные цветные мантии и шляпы тех же оттенков. Остальные Вечноживущие, как Палачи, так и Великие Палачи всех рангов тоже сидели на корточках, но не по стенам, а рядами по всему залу. Очевидно, это был отсек командного корабля, покоившегося на морском дне под лагуной. Повсюду между рядами Вечноживущих плескалась и посверкивала тонкая прослойка воды. Все это неподвижное скопище земноводных молча пялило глаза на Тувелу из полумрака своего укрытия.

Найл услышала, как дверь за ее спиной тихонько затворилась. И удивительно — вместе с легким щелчком замка бесследно испарилась ее неуверенность. Рассудок мгновенно прояснился и стал холоден. Мысли и чувства упорядочились. Найл вдруг ощутила душевный подъем… Потом обнаружила, что продвинулась вперед и теперь стоит в самом центре помещения, обратившись лицом к экрану.

С холодной расчетливостью отбирая слова, Тувела начала говорить…

Глава 7

Особенностью большого помещения блокгауза, которое Парагуаны предоставили Тайкосу для размещения рабочей лаборатории, являлась коллекция живых образцов. Вдоль трех стен тянулись стеллажи с представителями различных форм жизни, которые встречались на острове. Одни либо покоились на привычных для себя фрагментах плавучего леса, либо свисали вниз, цепко за них ухватившись. Другие торчали из мешочков с лесной плесенью или иными организмами, в которых они были обнаружены. Некоторые плавали в воде из лагуны под куполами из прозрачного материала. Здесь присутствовали самые разные по размерам организмы: от микроскопических до таких, что достигали десятиметровой длины. По большей части они пребывали в биологическом застое — обмен их веществ был заторможен с понижающим коэффициентом в несколько миллионов. Равновесие достигалось постоянным контролем над уровнем белков в ДНК и рядом других проверок. Иначе поддерживать коллекцию в нужном состоянии было невозможно.

В том, насколько продвинулся доктор Кей в своей работе, Хранительница не нашла особых недостатков.

— В этом отношении вы, доктор, — промолвила она, — молодец.

Похвала предназначалась для любых подслушивающих ушей. Она похлопала ладонью по таблицам и графикам и бросила их обратно в папку, предоставленную профессором якобы на проверку.

— Однако удручает то, что я была вынуждена, в конце концов, напрямую вмешаться в дело, с которым, как мы ожидали, вы справитесь и без нашей помощи.

— Имея в запасе больше времени, я бы справился и сам! — возразил биохимик с нотками подобострастия в голосе. — Мне противостояли, как вам известно, весьма неподатливые существа.

— Да уж мне-то известно — с одним из таких неподатливых мне довелось встретиться тет-а-тет. Однако проблема вряд ли была связана с дефицитом времени. Претензии к вам со стороны ваших контрагентов были конкретны. Если бы тезисы были изложены вами ясно и четко, разумное большинство наших непрошеных гостей

сделало бы правильные выводы и поступало на основании этих выводов. Придется рассматривать эту часть вашей миссии, как провал. Но не следует по этому поводу слишком расстраиваться. Основательность вашей работы по основной тематике, которая была выполнена при несколько стесненных обстоятельствах, скомпенсирует ваш провал, по крайней мере, частично.

Биохимик пробормотал слова благодарности и с видимым облегчением вернулся к дополнительным разъяснениям, касающимся его проекта. Найл посмотрела на часы.

Прошло сорок две минуты с того момента, как ее с изысканной учтивостью отвели из зала Собрания в лабораторию и оставили наедине с Тайкосом. С тех пор от Вечноживущих не было ни слуху, ни духу. Палач Мога с ее ружьем тоже не показывался. К добру это или к худу? Когда Найл разговаривала с верховными Парагуанами, она почти являлась Тувелой. Она смешала их с пылью! Она была в наитии, в восторге, ощущая небывалое вдохновение! Вопросов не было. Великие Палачи, находившиеся к ней ближе других, по мере того, как она говорила, оттеснялись все дальше и дальше к стене, каждый раз нервно поеживаясь, когда она бросала на них уничтожа-

ющий взгляд.

А потом все разом ухнуло куда-то в пропасть. Не стало никакой Тувелы, никакой Хранительницы. Осталась просто перепуганная женщина, которая попала в положение, не сулившее ничего хорошего; а ставка была ох как высока! Стоило допустить оплошность хоть в какой-то малости, сделать малейший неверный шаг…

Теперь девушка находилась где-то между этими двумя экстремальными состояниями — ближе к своему обычному. Она была в достаточной степени встревожена, но ее разум снова был занят взвешиванием возможностей, составлением планов, насколько это было возможно в данной ситуации.

Одним из факторов, который следовало принять во внимание, было само это помещение. Оно было длинным, широким, с высоким потолком и располагалось под самой кровлей блокгауза — выйдя из зала Собрания, Найл поднялась еще на один этаж. В помещении имелись две двери, расположенные строго напротив друг друга. Вероятно сейчас они были заперты. Последнее обстоятельство по сути ничего не меняло, ибо за каждой дверью обязательно околачивалась свора вооруженных Оганунов, чтобы Хранительница

и ученый не вышли из лаборатории и не забрели ненароком на совещание Вечноживущих. Примерно посередине помещения находилась площадка, возвышавшаяся над полом на полтора метра. От двери к ней вел пологий пандус. Доктор Тайкос Кей пояснил, что Палачи обычно выбирали место на этой площадке, когда общались с ним во время своих визитов в лабораторию. Освещение обеспечивалось токопроводящими стержнями в стенах и потолке — примитивными, но эффективными. Система вентиляции, будучи столь же незамысловатой, полностью отвечала лабораторным требованиям. Чуть ниже потолка на одной из стен виднелся большой темный прямоугольник, закрытый решетчатой заслонкой. За решеткой имелось невидимое окно — прямоугольное отверстие в стене. Оттуда постоянно веяло солоноватой сыростью плавучего леса, и по лаборатории разносились присущие ему многочисленные запахи. Лишенные свежего воздуха, многие экспериментальные образцы Тайкоса погибли бы в течение нескольких дней. Тем не менее порывы шторма, изредка сотрясающие здание блокгауза, заглушались этим окном, и посторонние звуки сюда почти не проникали.

Значит, темный прямоугольник являлся си-

ловой завесой. Он не пропускал наружу свет и, естественно, был непроницаем для таких плотных объектов, как человеческое тело. Управление завесой, должно быть, осуществлялось извне, иначе Тайкос показал бы ей пульт. Но по обеим сторонам решетки, огораживающей прямоугольник, находились два шиповатых выступа. А под этими выступами размещались генераторы силовой завесы…

Проблема, таким образом, сводилась к наличию орудия и оружия, либо предметов, которые можно было использовать в качестве оружия. Свойствами первого и второго обладало ее универсальное ружье, которому трудно было найти замену. Но одна вещь из всех, что находились в комнате, могла в этом отношении пригодиться. На рабочем столе в центре лаборатории доктор Тайкос Кей оставил небольшие кусачки для обрезания пломб. Полезный инструмент, который можно использовать в разных целях, он мог сыграть важную роль. Другую роль могло сыграть устройство, усеянное множеством крошечных кнопок. Его биохимик постоянно носил с собой, закрепив на ремне.

С его помощью он регулировал в своих образцах индивидуальные требования к окружающей

среде.

Единственным настоящим оружием были ружья у трех парагуанских охранников, которые безучастно сидели на корточках в отгороженном конце помещения, пол которого покрывала полуметровым слоем вода. Взобравшись на площадку, Найл быстренько глянула на них поверх разделительной стены. Двое были обращены лицом к стене, а третий — в сторону длинного стола у второго выхода. Когда она их рассматривала, никто из них даже не пошевелился, но, тем не менее, все трое были готовы действовать молниеносно. Ружья, по всей видимости, представляли собой высокомощные бластеры ближнего боя и предназначались для того, чтобы ими пользовались существа, чьи руки были больше человеческих раза в четыре.

Ружья хоть и были существенным фактором, но решающей роли не играли. Решающую роль могло сыграть переговорное устройство Тайкоса, лежащее на столе, — если быстроходный глиссер Сотиры войдет в зону действия ближней связи. Охваченные нервозностью Вечноживущие постановили, что переговорное устройство должно быть доступно для них в любой момент — на тот случай, если крайняя необходимость вынудит их

вступить через доктора Кея в прямые переговоры с Тувелой. Перед охранниками была поставлена задача умертвить каждого, кто посмеет воспользоваться им при иных обстоятельствах.

Весомую роль играл, конечно же, и сам доктор Кей. В физическом отношении он мог стать обузой, если дела пойдут не так гладко, как хотелось бы, поскольку подрастерял былую силу и ловкость, и стало ясно, что он, в сущности, дряхлый и больной старик. Его лицо выглядело осунувшимся и сморщенным, даже когда он улыбался. Профессор целыми неделями не пускал боль в свое сознание, но его организм в целом подвергся очень серьезным перегрузкам и стал постепенно сдавать. Тайкос это прекрасно осознавал.

Умственно он вроде бы пострадал не так значительно. Найл пришла к выводу, что может положиться на быструю и точную реакцию биохимика. Скорее всего, ей придется рассчитывать на него, ибо главную и решающую роль в ее замысле играла живая коллекция Тайкоса Кея, собранная со всех уголков плавучего леса. Она отметила, что на рабочем столе рядом с кусачками лежало несколько предметов, похожих на зеленые фрукты с толстой, складчатой кожурой, размером с два кулака. Тайкос вынул их из

контейнера, чтобы объяснить, какую роль они играют в его исследованиях, да так и оставил на столе.

Эти «фрукты» назывались «яблоками-буравчиками». Их кожура указывала на то, что они созрели. А тому, кто имел с ними дело, желательно было знать, что у созревших «яблок-буравчиков» имелось любопытное свойство. Они оставались пассивными, пока не получали специфического стимула к действию от окружающей среды, соприкоснувшись с морской водой. В этот миг кожура у них лопалась, и наружу выскакивали «буравчики»…

В лучшем случае, «яблоки» представляли собой объект для исследований, да и то весьма сомнительный. Такого рода объектов здесь хватало. По приблизительной оценке на каждые пятьдесят жизнеформ, которыми были забиты полки вдоль стен, приходилась одна, которая заставляла Найл внутренне содрогнуться при одном только взгляде на нее. Все эти дары плавучего леса были знакомы девушке чуть ли не с пеленок. Например, в центре помещения красовался здоровенный инхис с пурпурными листьями. Бледно-голубые лепестки псевдосоцветий были плотно свернуты. Инхис встречался довольно

редко, но никто не горевал по этому поводу. В лесу Найл ни за что не подошла бы к нему ближе, чем на десяток метров. В соответствии с общепринятой классификацией он считался растением. Это, с позволения сказать, «растение» обладало молниеносной реакцией. Глиссерщики прозвали его «гарпунщиком» — и не без основания. На протяжении нескольких недель он маячил позади площадки, в непосредственной близости от нее, нависая над Палачами, которые, в свою очередь, возвышались над пленником…

Сейчас инхис находился в вялом, пассивном состоянии, как и большинство остальных опасных образцов, и был абсолютно безвреден. Обмен его веществ замедлился до бесконечно малого темпа. Он так и будет оставаться безвредным, пока не получит строго отмеренную порцию возбудителя — хорошую белковую встряску или что-нибудь такое, что нарушит «спячку».

Кто мог дать ему этот толчок? Господи, ну конечно же, доктор Кей со своим активатором, оснащенным кнопками. Он заранее решил, что если придется умереть, у него в этот момент должно быть под рукой средство, с помощью которого можно было бы утащить за собой в могилу хотя бы нескольких врагов.

Хоть такое решение и не являлось сугубо научным, оно было очень характерным для человека…

Найл снова взглянула на свои часы. Сорок три с половиной минуты.

Входная дверь с лязгом отворилась.

* * *

Первым по дорожке шествовал Палач Мога. Сумка, в которой скрывалось универсальное ружье Найл, болталась у него на боку. Лямка перекинута через плечо. Деталь эта могла внушать определенный оптимизм, если бы эскорт, следовавший за ним, чуть менее походил на расстрельную команду.

Найл стояла спиной к рабочему столу Тайкоса. Она чувствовала, как в ней нарастает напряжение, и старалась этого не показывать. Доктор Кей бросил на нее неуверенный, вопросительный взгляд и медленно двинулся вдоль стола. Остановившись в нескольких метрах от нее, он наблюдал, как Мога шел к центральной площадке своей нелепой, подчеркнуто прямой походкой. За ним следовали два Огануна-охранника, выставив массивные короткоствольные ружья. Они не сводили глаз с Найл, готовые в любой момент пу-

стить свое оружие в ход. Следом шли два незнакомых Палача, уверенно передвигаясь привычной для Парагуанов ковыляющей поступью. «Сбруя» у обоих была темно-красная, и каждый держал по бокам два пистолета внушительных размеров. Шествие замыкала еще одна пара стражников. Ружья у этих висели за спиной, зато в руках они несли какие-то предметы, похожие на свернутые сети. Когда вся эта группа зашла в лабораторию, у входа встал пятый стражник, предварительно затворив за собой дверь. У него было ружье иного типа, чем у остальных, — с длинным и узким стволом, укрепленным на массивной треноге. Он установил на дорожке с глухим стуком треногу и сел возле нее на корточки. Дуло ружья, качнувшись, нацелилось на Найл.

Девушка не шелохнулась. Значит, она дала какой-то повод заподозрить ее во лжи.

Парагуаны дошли до площадки и рассредоточились. Мога встал у самого края. По бокам встали Палачи в красных доспехах, сжимая рукоятки своих пистолетов. Охранники заняли позицию рядом с Палачами. Те, что несли сети, встали сзади, с другого края площадки. Найл решила, — насколько она могла судить по выражению лиц инопланетян — что все они пребывают в нерв-

ном возбуждении. Голосовые щели беззвучно шевелились, глаза для зрения в воздухе помаргивали. И все таращились на нее, на Тувелу. На биохимика никто не обращал внимания.

— Хранительница! Сперва я буду говорить от себя лично, — неожиданно прозвучал голос Моги.

Найл хранила молчание.

— Я тревожусь за дальнейшую судьбу Порад-Анца… — продолжил Мога: — Когда вы согласились обратиться к Вечноживущим, я был уверен, что ваша миссия окажется успешной, и Равновесие сместится в сторону благоразумия. Да и реакция Собрания была чрезвычайно благоприятной. Ваши доводы были признаны убедительными. Но случилось непредвиденное. Глас Решимости насильственным путем захватил управление вооруженными силами. Это сделано наперекор всем нашим устоям и является вопиющим Нарушением Правил. Но, по-видимому, это уже не имеет никакого значения. Здесь, на Командном Корабле, и повсюду на планете многие несогласные с переворотом Великие Палачи обрели смерть. Те, кто остался в живых, подчинились Гласу Решимости, который отныне говорит от имени Вечноживущих один. Я пришел сообщить вам о принятом недавно решении. Сказав от себя

лично, теперь буду говорить как бы устами Гласа Решимости.

Гробовое молчание.

Парагуаны на площадке застыли в напряженном ожидании. Найл наблюдала за их поведением, а они поедали глазами Тувелу. Так вот оно что… Стало быть, Палачи в красном представляли Глас Решимости… У нее внезапно возникла мысль, что это, должно быть, очень мужественные существа. Они вошли в лабораторию, чтобы опровергнуть миф. Они бесстрашно бросили вызов громгорру. Теперь они ждали, как отреагирует Тувела на заявление Моги.

А Тувела стояла все так же молча и неподвижно.

Палач, стоящий по правую руку от Моги, отрывисто произнес ряд разнотонных парагуанских гуканий, не сводя глаз с Найл. Спустя примерно полминуты он умолк.

— Как бы вы себя ни называли, — стал переводить Мога, — ясно, что вы — Тувела. Теперь мы это знаем. От имени себе подобных вы угрожали Порад-Анцу. Это непозволительно. Вы дали понять, что при любом противоборстве с Хранителями Вечноживущие неизбежно потерпят поражение. Сейчас, раз и навсегда, будет доказано, что это

— ложь…

Мога умолк. Снова заговорил Палач в красных доспехах. Его напарник, повернув голову, что-то сказал Оганунам, державшим в руках сети. Палачи приняли у Оганунов сети и, встряхнув, развернули. С каемок сетей свисали черные ленты…

Мога вновь взялся за перевод:

— Глас Решимости предлагает вам и доктору Кею умереть смертью Палача. Да, она болезненна, но почетна. Если вы принимаете наше предложение, на вас необходимо накинуть эти сковывающие сети. Если попытаетесь оказать сопротивление, то вас пристрелят на месте, и вы умрете, как Гулоны. В любом случае, Тувела, ваше поражение и смерть ознаменуют начало штурма вашей родины. А теперь, если в силах Тувелы воспротивиться нашим намерениям, покажите, на что вы способны.

Парагуан, стоявший у двери, молча подался вперед и кулем осел на собственное ружье. Его голову и верхнюю часть туловища затянуло клубами зеленого дыма, который исходил от биологического образца, расположенного рядом на стене. Вооруженные охранники на площадке направили ружья на Найл. Палачи в красных

доспехах поспешно изготовили оружие, но в этот миг задрожали и раскрылись с дюжину псевдоцветков «гарпунщика», стоявшего позади площадки, словно разомкнулись веки чьих-то огромных желтых глаз. Найл мгновенно сориентировалась и плашмя рухнула на пол.

В тот момент на Тувелу было нацелено, по меньшей мере, два ружья. Как бы ни был скор «гарпунщик», он не мог помешать разрядить эти ружья в цель.

Однако ружья не выстрелили. Вместо выстрелов раздались совсем другие звуки. Что-то с глухим стуком шмякнулось на пол рядом с Найл. Вместе с удивлением в ее мозг вошло осознание того, что это была сумка, которую держал Мога. Это уже было что-то! Найл вскочила. Схватив со стола пару «яблок-буравчиков», покрытых серой кожурой, она зашвырнула свои метательные снаряды через разделительную стену в затопленный участок помещения. Она слышала, как плоды с плеском упали в воду. Каким-то обособленным участком своего сознания она стала отсчитывать секунды. Потом огляделась.

На площадке никто не шевелился. Нервная система Парагуанов оказалась парализованой, лишенные век глаза с двойными линзами вы-

пучены. В спину каждого были вонзены белые, как кость, шипы, которыми оканчивались туго закрученные жгутом усики, выступающие из псевдоцветков. Четверо Парагуанов пока еще стояли, покачиваясь на выпрямленных одеревеневших ногах, словно прикованные к месту. Троих «гарпунщик» уже отодрал от платформы и тащил к себе. Найл перевернула сумку Моги, вытряхнула свое универсальное ружье и прицепила к верхолазному поясу. Часть ее сознания, которая отсчитывала секунды, к этому времени дошла до числа тридцать и прекратила счет. Из-за перегородки раздалось несколько яростных всплесков, но сейчас слышно ничего не было. Тайкос с белым, напряженным лицом держал обеими руками устройство управления. Он кратко кивнул своей ученице.

Верхолазный пояс был установлен на половину ее веса, когда она достигла разделительной стены. Она подпрыгнула, ухватилась руками за край и перемахнула на ту сторону.

Семь лет назад она видела, как червь-буравчик поразил человека, плывшего под водой. В значительной мере все зависело от того, насколько близко ты окажешься к «яблоку», когда оно сорвется с дерева плавучего леса, упадет в соленую

морскую воду, где его кожура треснет. В этот самый миг «яблоко» извергало из себя тысячи крохотных, извивающихся черных нитей. Они за считанные доли секунды безошибочно находили любое животное достаточных размеров, находящееся поблизости, и набрасывались на него. Словно тончайшие сверла, они продырявливали толстые шкуры или ороговевшую чешую своих жертв.

Трое охранников лежали на полу лицом вниз, частично погрузившись в воду. Двое уже не подавали признаков жизни. Третьего непрерывно били конвульсии. Часть его туловища, находившаяся под водой, была покрыта словно каким-то дымчатым мехом. Все трое были парализованы, а через несколько минут их ожидала смерть. К этому времени червячки-«буравчики» пройду т их тела насквозь, поедая на ходу плоть.

Так что проход для Найл освободился. «Буравчики» были поглощены добычей.

Девушка добралась до стойки с переговорным устройством, покрутила ручки настройки и немного помолчала, чтобы восстановить дыхание.

— Сотира-Донкар! — наконец произнесла она в микрофон. — Сотира-Донкар! Здесь Парагуаны!

Здесь Парагуаны! — И отключила связь.

Ждать ответа времени не было…

— Вы можете привести в действие дымовые завесы «вонючек»?

— Конечно, но…

— Приступайте, доктор! — Найл стянула с себя антигравитационный пояс и крепко затянула его на талии Тайкоса. Затем пристегнула универсальное ружье к своим шортам. — Если нам удастся выбраться отсюда, мы успеем оказаться снаружи до того, как они подействуют на нас.

Тайкос взглянул на окно, расположенное высоко под потолком, затянутое силовым отражателем, и сомнительно хмыкнул.

— Будем надеяться, что вы, моя дорогая, правы!

Он нажал одну из кнопок на пульте управления.

— Вонючки заработали… Теперь что?

Найл нагнулась, сложив ладони вместе:

— Вставайте мне на руки! Так… Старайтесь удержать равновесие. У вас сейчас минимальный вес, и вы быстро взмоете вверх. Цепляйтесь за решетку и сбросьте пояс вниз. Мне кажется, я смогу допрыгнуть до ваших лодыжек.

Она изо всех сил подбросила профессора вверх.

Он и в самом деле быстро взмыл к потолку, ухватился за решетку и повис на ней. Пояс верхолаза плавно спланировал вниз. Вокруг возбужденных «вонючек-душителей» уже клубились султаны маслянистого тумана, заволакивая входную дверь, когда Найл подхватила опускавшийся ремень и надела на себя. Тайкос держался за решетку уже обеими руками. Девушка подпрыгнула, проплыла вдоль стены вверх, ухватила профессора за лодыжки и вскарабкалась по нему наверх. Теперь оба находились в сфере действия антигравитационного поля. Всего через несколько секунд она перекинула ногу через один из прутьев решетки и захлестнула поясом Тайкоса. Тяжело дыша, тот затащил себя на решетку рядом с Найл и потянулся к прибору управления.

— Там внизу дымит, будь здоров! — со свистом выдыхая воздух, проговорил он. — Двери совсем не видно. Может, пробудить еще немного монстриков, а?

— Будите кого угодно, лишь бы нас не прикончили!

Кто-то снаружи уже должен был знать, что намерение подвергнуть аборигенов казни потерпело крах. Цепляясь коленями и левой рукой, Найл приставила дуло ружья к одной из облицо-

вочных ячеек решетки, за которой должен был находиться генератор силового экрана, и нажала на курок. Луч зашипел, а ячейка вспыхнула белым светом. Внезапно девушке в ноздри хлынула невероятная смесь зловонных запахов. Перехватило дыхание, на глазах выступили слезы, но все равно она услышала, как Тайкос закашлял и стал отплевываться.

Потом ячейка отвалилась. Внутри что-то задребезжало и вспыхнуло. Внутрь помещения с ревом ворвался соленый свежий ветер поверх головы Найл.

— Теперь вверх и наружу, профессор! Заслонки больше нет!

Она подтянулась, ухватилась за выступ решетки, зажав его локтевым сгибом, и ощутила резкое покалывание в плече. Вот незадача — задел-таки нервнопаралитический заряд, выпущенный Оганунами-охранниками… Тайкос издал страдальческий звук. Найл оседлала выступ и, сощурившись, посмотрела вниз. Она с трудом различила смутные очертания его фигуры. Ему пришлось бросить устройство управления и обеими руками вцепиться в решетку, содрогаясь в сильных конвульсиях. Ощущая бешеное сердцебиение, Найл дотянулась до Тайкоса, схватила за

руку, перекинула обмякшее тело учителя через выступ и вытолкала в окно наружу, в заросли. Она видела, как он ухватился за ветки и обернулся.

Удушливый туман, взвихренный ветром, заполнял лабораторию наполовину. Послышался взрыв отчаянных гуканий — кто-то из Парагуанов напоролся на биологический экземпляр, на который не действовали удушливые пары вонючек. Сквозь туман смутно было видно, как отчаянно брыкаются массивные фигуры. Они и без того, вероятно, были полузадушены туманом. Но, по крайней мере, один из них видел Тайкоса на решетке достаточно долго, чтобы прицелиться из ружья, стреляющего нервнопаралитическими зарядами…

В одном месте ветром сдуло в сторону маслянистую пелену. Там на низком столе стояли четыре стеклянных контейнера. Когда Найл пришла в лабораторию, она видела, что в них находится. Теперь верхушка ближайшего к ней контейнера разлетелась вдребезги под воздействием луча, выпущенного из универсального ружья. Найл сменила цель. Напуганный организм уже энергично пульсировал в разбитом контейнере, как насос. Треснул второй контейнер. Когда Найл навела ружье на третий, из облака зловонного

тумана выкатился совершенно ошалевший Парагуан и, вскинув большое ружье, направил дуло в сторону вентиляционного окна.

Найл спряталась за выступом. Времени на перестрелку не было, как и необходимости в ней. Два контейнера из четырех были разбиты, и она видела, как из обоих стремительно вырвались наружу струи бледного пара. Экземпляры, находившиеся в этих контейнерах, носили название «кислотных бомб» — и носили вполне заслуженно. Теперь вряд ли кто-нибудь из захватчиков выйдет из лаборатории живым. И, разумеется, всякий, кто заглянет сюда и сможет выбраться наружу, вряд ли будет озабочен составлением донесения о побеге пленников через окно с силовым экраном.

Найл прицелилась в место пересечения потолочных стоек освещения. С грохотом что-то взорвалось, и лаборатория погрузилась во тьму.

Теперь можно и выпрыгнуть из окна. Следом устремились редкие струи удушливого тумана. Тайкос цеплялся за ветки плавучего леса, опираясь судорожно подрагивающим телом о ствол дерева.

— Вы серьезно ранены? — с тревогой спросила его Найл.

Профессор хмыкнул:

— Понятия не имею! Я же биохимик, а не оружейный мастер. Чем же меня ранили? Чем-то вроде нервного возбудителя?

— Да, из этой группы. Вы приняли на себя не весь заряд, иначе не смогли бы держаться на ногах. С верхолазным поясом я смогу вас нести на себе. Но если вы в состоянии двигаться сами…

— Да, я могу двигаться. Кажется, мне вполне по силам справиться с последствиями моего ранения. Если только не буду вас здорово тормозить…

— Давайте-ка, попробуем, — сказала Найл. — Вдогонку за нами Парагуаны ринутся не сразу. Если вам будет слишком тяжело идти, сразу дайте мне знать…

Спрятанный сверток был на месте — в дупле плавучего леса, где его и оставили. Девушка поспешно его распаковала. Тайкос, согнувшись в три погибели и держась за растения, дышал тяжело и надсадно. Найл и сама с трудом переводила дух. С крыши блокгауза они вскарабкались по деревьям леса, прилично «срезали» путь, обойдя с южной стороны гнездовье морских хавалов, и спустились к лагуне. Теперь Найл уже не порхала с ветки на ветку, усталые мышцы давали о себе

знать. Тайкос, даже при поддержке верхолазного пояса, с трудом поспевал за ней, и его временами приходилось буксировать. Затемняющих линз у него не было, с поясом он обращался недостаточно умело, а задевший его нервнопаралитический заряд время от времени заставлял извиваться от судорог по всему его телу. Мышцы безудержно дергались и тряслись. От подобных приступов могло избавить противоядие, которое, без сомнения, у Парагуанов имелось. Однако его сейчас все равно не раздобудешь. Организму профессора придется самому справиться с отравлением и вывести яд наружу. Найл решила, что такое может произойти еще через пять-десять минут дополнительного лазанья по деревьям. Не дай Бог, если этого не случится — с тех пор, как она виделась с ним последний раз, Тайкос потерял половину присущей ему ранее энергии.

Найл вытащила из подсумка упаковку гелевых затемняющих линз и показала Тайкосу.

— Профессор, вам лучше надеть «ночные глаза».

— Ого! Искренняя благодарность. Из всех, пожалуй, вот эти мне подойдут.

От лагуны донеслась серия пронзительных свистов. Доктор Кей повернул голову.

— Свист почти такой же, как у одной из ваших выдр!

— Вы правы, это Свитинг.

Последние несколько минут Найл постоянно слышала прерывистый свист, но не обращала на него внимания Тайкоса, поскольку ветер заглушал большую часть звуков. Вместо того чтобы их расшифровывать, она вскрыла ножом закупоренный конец черенка бути: — Ну что, установили линзы?

— Да.

— Теперь давайте посмотрим, как быстро вы сможете намазать себя маскировочным соком. Возможно, у нас довольно скоро возникнут неприятности.

Тайкос взял черенок и поспешно стал поливать соком одежду.

— Парагуаны? — спросил он.

— Может, и они. Похоже, сюда по лагуне что-то движется. Своим свистом Свитинг предупреждала нас об опасности. Вы знали, что ваши «друзья» прихватили с собой на нашу планету тарма?

— Я его видел. — Судя по тону, с которым это было сказано, Тайкос еле сдержался, чтобы не крикнуть от ужаса. — Вы полагаете, это он нас преследует?

— Во всяком случае, преследователь больше похож на тарма, чем на обаяшек Парагуанов.

— Что же нам делать, Найл?

— Кажется, сок бути — неплохая уловка, если только этот монстр нас не увидит. Совсем недавно он подобрался ко мне совсем близко, но, слава Богу, не учуял. А если он и сейчас подберется к нам на такое же расстояние, то может и учуять. Пойду-ка, послушаю, что скажет Свитинг. А вы заканчивайте с бути. Только пока не смазывайте подошвы вашей обуви.

— Почему?

— Я полагаю, мы от тарма как-нибудь, да избавимся. А обмазочная процедура вполне может оказаться не очень нужной.

Он быстро глянул на девушку и издал звук, очень похожий на смех.

— Еще одна хитроумная проделка Тувелы?

— С помощью ее маленьких помощников.

Найл включила манок для оклика выдр и быстро двинулась к лагуне. Остановившись у самой кромки воды, она огляделась и прислушалась. Ничего, достойного внимания, заметно не было. Со стороны блокгауза на миг послышалось приглушенное урчание двигателей. Потом прямо перед ней из воды вынырнула Свитинг.

— Смотри в оба, Найл! Тарм идет!

* * *

Найл вернулась к профессору. Тарм приближался через плавучий лес, держась выше уровня воды. Вероятно, он рыскал в поисках следов, а, может, находился в движении просто потому, что начал ощущать воздействие растительного яда диких выдр. Под блокгаузом супруги-молодожены всадили в него изрядное число шипов. Свитинг сообщила, что движения инопланетного чудовища кажутся вялыми и неуверенными. Нов течение еще некоторого времени он мог представлять собой довольно серьезную опасность.

Дальнейшие объяснения она отложила на потом, да Тайкос и не настаивал. Оба поспешили вниз, к лагуне. Если тарм и дальше не свернет в сторону, то обязательно наткнется на их след. А значит, этот след должен теряться для преследователя около лагуны. Если же тарм начнет искать беглецов в воде, выдры быстро с ним покончат. Он явно не понимал, что эти маленькие увертливые создания представляют для него серьезную опасность. После того, как стало ясно, что ему их не изловить, он больше не обращал на них особого внимания.

Люди втерли сок бути в подошвы своей обуви. Всего в нескольких метрах ниже плескались волны лагуны. Когда они заканчивали эту процедуру, неподалеку опять засвистели выдры. Найл устремилась в лес и забиралась все выше и выше, прокладывая дорогу Тайкосу. Тот, поспешая следом, держался, так сказать, в ее кильватере. Страх перед тармом гнал профессора вперед, заставляя забыть про усталость. Пройдя примерно сто метров, она вдруг остановилась.

— Доктор, ложитесь!

Найл замерла на ветке, по которой они двигались. Снизу, из зарослей, доносился треск ломаемых сучьев — и ветер был тут совершенно ни при чем. Потом шум ненадолго прекратился и снова возобновился с новой силой. Казалось, он приближается к тому месту, которое люди только что покинули. Подняв головы, не шевелясь, они всматривались в лесные заросли.

Наконец Найл увидела тарма — уже в третий раз. Тайкос тоже его заметил.

Даже будучи вооруженными затемняющими линзами, их глаза не могли разглядеть многих деталей: мешала густая растительность. Огромная тварь, появившаяся на фоне стволов, выглядела жирным гигантским червяком. Близость

инопланетного чудовища снова повергла Найл в оцепенение. Она не сводила с него взгляда, словно заколдованная. Прошло некоторое время, прежде чем она поняла, что тарм задержался примерно на том месте, где люди спустились к воде. Там все еще стоял человеческий дух, и там же он должен был оборваться, уничтоженный вмешательством бути. Бледная масса, казалось, разбухала прямо на глазах. Потом стала плоской. Тарм развернулся и пополз в лес. Тайкос шумно сглотнул слюну.

— Итак, тарм…

— …направляется обратно тем же самым путем, каким мы сюда пришли. Он не преследует нас.

Профессор облегченно вздохнул. Они наблюдали за тармом, пока тот не скрылся из виду. Секунды тянулись слишком долго. Наконец Тайкос вопросительно взглянул на спутницу. Та покачала головой. Лучше пока не трогаться с места…

И тарм появился вновь. Он направлялся к кромке воды, идя по следу. На этот раз он без колебаний сполз в лагуну, и вскоре его туша целиком скрылась под водой. Выдры приветствовали его появление свистом.

Найл с Тайкосом тут же вскочили на ноги и

поспешили прочь. Ветер стал их союзником. Его завывания заглушали звуки их бегства. Найл выбрала самый легкий путь — широкие сучья, полого наклоненные стволы. Просто старине Тайкосу иное было бы не под силу. Он и без того спотыкался, соскальзывал с ветвей и дышал прерывисто, с присвистом. Наконец девушка остановилась, чтобы дать профессору возможность передохнуть.

— В чем дело? — поинтересовался он. — Почему мы задержались?

— Рано еще себя добивать, — отозвалась Найл. — Время не пришло. Может, Парагуаны даже до сих пор не знают, что в лаборатории нет наших трупов. Возможно, они наглухо законопатили двери, чтобы предохранить от заражения оставшуюся часть своего форта.

Тайкос хмыкнул.

— Если инопланетяне до сих пор не прочесали лабораторию, то скоро это сделают! У них есть защитное снаряжение, и они быстро им воспользуются. И кто-то, небось, уже вспомнил о вентиляционном окне.

Найл пожала плечами. Да, это чудовище тарм смог напугать до полусмерти, но парагуанские «следопыты» ее больше не волновали.

— Мы совершили на старте хороший рывок, — сказала она. — Если захватчики и проследят наш путь до лагуны, им будет невдомек, где нас искать дальше. Для них мы можем находиться в любой точке острова. — Она немного подумала и добавила: — Если у Парагуанов осталась хоть капля здравого смысла, они больше не будут тратить на нас время. Они возьмут и ударят по материку. Вот чего я опасаюсь.

Тайкос хихикнул:

— Нет, моя милая, сейчас они будут делать все что угодно, но только не это. И они еще долго не будут на это способны.

— Почему?

— Такой уж у Парагуанов способ мышления. Единственным оправданием тому, что проделал Глас Решимости, являлась гарантия заполучить вашу голову в качестве доказательства, что Тувелу можно уничтожить. Но вас упустили — и теперь, перед тем, как сделать следующий шаг, опять Собрание будет спорить целыми часами. Но к поискам Тувелы это не относится. Палачи будут продолжать заниматься этим и заниматься упорно. Лучше бы нам не сидеть, сложа руки. Удача может оказаться на их стороне. Как далеко отсюда до «инкубатора»?

Найл на секунду задумалась.

— Немногим более полукилометра. Придется заняться верхолазаньем. Причем довольно интенсивно.

— Я совсем не против, — проговорил Тайкос. — На такое расстояние сил мне хватит.

Глава 8

«Инкубатором» называлось животное, организованное в виде свободной колонии. Оно выглядело, как шарообразный нарост на ветке плавучего леса, охватывающий ее со всех сторон. Снаружи шар был покрыт остроконечной «изгородью». Внутренняя полость представляла собой полусферу десятиметрового диаметра, в которой находились стручки с семенами и другие жизненно важные органы. Все они были связаны между собой, но довольно непрочно. Колья «изгороди» варьировались от шипов с палец длиной до метровых кинжалов. Каждый торчал на своей подвижной ветке. Из всех существ, которые обладали достаточной силой и размерами, чтобы представлять собой опасность для внутренних деталей «инкубатора», только два знали способ, с помощью которого можно было проникнуть через «изгородь». Одним из этих существ был человек.

Другим существом являлся летучий кестер — костистое животное с размахом крыльев в пять метров, обитающее среди плавучих льдин юга. Кестер отнюдь не был естественным врагом

«инкубатора», а, наоборот, поддерживал с ним взаимовыгодные отношения. Кестеры периодически улетали на север к островам плавучего леса, которые двигались по течению Мерал, и отыскивали в них «инкубаторы». Кестеры подкладывали в каждый стручок по одному своему яйцу, покрытому кожей, и затем возвращались домой, в высокие широты. В процессе миграций кестеры разносили по колониям «инкубаторов» пыльцу для оплодотворения этих организмов, внося тем самым важный вклад в эту сложившуюся на основе инстинктов сделку. Когда из яйца вылуплялся маленький кестер, стручок с семенами вырабатывал питательный сок. Им-то и кормился будущий опылитель, пока, окрепнув, не оставлял своего попечителя, чтобы улететь к сородичам.

Энергетические ружья человека позволяли без ущерба для него перебраться через «изгородь». Но гораздо проще было прикинуться полярным кестером.

— Он сразу за этими кустами, — сказала Найл и указала на участок защитной «изгороди», дугой выгнувшийся над зарослями кустарника прямо перед ними. — Не подходите к нему слишком близко.

— Я и не собираюсь! — заверил Тайкос. Приближение людей уже произвело яростное громыхание «изгороди». Будто многочисленные сухие кости гремели друг о друга. «Инкубатор» предостерегающе взял свое оружие наизготовку. Тайкос, стоя позади Найл, наблюдал, как она закончила обрезать и зачищать упругий трехметровый стебель, который должен был обеспечить им проход в «изгороди». Еще один прием, усвоенный девушкой с детства. Дело в том, что у обитателей мелководий семена «инкубатора» и яйца полярного кестера считались деликатесом. Заостренные папоротниковидные лапки на кончике стебля являлись вполне приемлемой имитацией шипов на локтевом сгибе костистого крыла кестера. Встреченный поначалу «инкубатором» «в штыки», кестер обычно поводил локтем взад-вперед по одной из колышущихся веток «изгороди». Несколько таких касаний позволяли распознать посетителя, и он допускался шаром во внутренние покои.

Найл вплотную приблизилась к кустам, что росли на ветке плавучего леса прямо у них на пути, и осторожно их раздвинула. Громыхание усилилось. Что-то тяжелое хлестнуло по противоположной стороне кустарника. Она вытянула

стебель, дотронулась его лапкой до ветки «инкубатора» и слегка погладила. Несколько секунд спустя ветка застыла в полной неподвижности. Вскоре то же самое произошло и с другими ветками, расположенными по соседству. Громыхание постепенно затихло. Найл продолжала водить стеблем по ветке «инкубатора». Вдруг ветки, бывшие непосредственно перед ней, отошли назад, открыв пространство примерно в полтора метра высотой и метр шириной.

Найл с Тайкосом, держась вместе, прошмыгнули в этот проход. Найл обернулась и хлопнула стеблем по внутренней поверхности «изгороди». Проход мгновенно закрылся.

Невооруженному глазу показалось бы, что внутри абсолютная темень. Однако линзы помогали увидеть все, что было нужно.

— Вон туда, — сказала Найл, кивком показав направление.

Внутренность колонии была разделена на ячейки широкими прослойками маслянистой клеточной ткани и вся переплетена волокнистыми жилами, толстыми и прочными, как веревки. В самой левой ячейке находились семь крупных стручков. Внешне они напоминали тыкву. У всех стручков, кроме двух, колпачки были приподня-

ты и наклонены набок. Это означало, что в них не было ни оплодотворенных семян, ни кестера-детеныша.

— Мы сядем вон в те стручки? — Тайкос впервые попал внутрь инкубатора.

— Туда сядете вы, — сказала Найл. — Они чистые и удобные, если не считать того, что вас малость опорошит пыльцой. Инкубатор выделяет вещества, которые отпугивают мелких паразитов. Здесь можно оставаться сколь угодно долго.

— Он не против, что мы толчемся здесь?

— Если он и чувствует, что кто-то бродит внутри, то, вероятно, считает, что это кестер. Давайте, не бойтесь!

Тайкос хмыкнул и ухватился за одну из «веревок». На другую, сойдя с ветки, он ступил ногой и очутился рядом с ближайшим стручком. Найл последовала за профессором. Она подождала, пока он не вскарабкается на «тыкву», развернется поудобнее, спустится внутрь и ощутит надежную опору под ногами.

— Тут довольно просторно, — заметил он, глядя на Найл поверх края отверстия. Потом вытер пот с лица и вздохнул:

— Вот, возьмите свой пояс.

— Спасибо. — Найл обернула верхолазный

пояс вокруг талии и застегнула. — Кстати, а где же ваш?

— Спрятал в своей жилой комнате, когда заметил приближавшуюся группу захвата. Думал, что он мне пригодится потом. Но у меня не было никакой возможности его забрать. Вероятно, он все еще там.

— Как вы себя чувствуете?

Тайкос пожал плечами.

— Судороги прекратились. Остались физическое истощение и повышенная чувствительность. Последнее, надо сказать, — пренеприятнейшая штука. Я так понял, вы по себе знаете, что такое нервопарализующие ружья?

— Только наших систем, — сказала Найл. — По всей видимости, ружья парагуанской системы оказывают, в общем, то же самое воздействие на организм человека.

— Включая повышенную возбудимость центральной нервной системы?

— Да, частенько. Если это поверхностный заряд, который пришелся по касательной. Именно такой вы и получили. Возбудимость должна смениться сонливостью. Когда это произойдет, не пытайтесь бороться со сном. Просто сядьте на дно стручка, свернитесь калачиком и засните. В

вашем положении это лучшее лекарство.

— Но только не сию минуту! — решительно заявил Тайкос. — Раз уж у нас есть передышка, может, ответите на несколько вопросов? Тот корабль, с которым вам удалось связаться…

— Гоночный глиссер. Он ждал моего сообщения.

— Каким же образом он там оказался?

Найл в самой сжатой форме поведала профессору о своих приключениях до встречи с ним. Когда она закончила свой рассказ, он промолвил:

— Значит, никто на планете даже не догадывается, что тут на самом деле происходит?

— Никто, — жестко сказала Найл. — Разве что Тувелы.

— Да-а, Тувелы… Ну и задачку же я вам задал, правда?

— Правда. Но, благодаря ей, меня в воздухе только подбили, а не уничтожили. Это Парагуаны насыщают пространство вокруг острова недавно появившимися радиопомехами?

— Да, причем искусственные накладываются на естественные. Это часть Великого Замысла. Захватчики знакомы с системами коммуникации, которые в ходу на Нэнди-Клайне. Много столетий назад они разработали схожие системы на своих

водных мирах. Так что им известно, как вывести радиосвязь из строя.

— С какой целью?

— Для проверки своих способностей по вмешательству в дела па этой планете. Чтобы люди привыкли к этим помехам. Непосредственно перед нападением они собираются заставить замолчать все радио- и телестанции на планете. Никаких посланий, выходящих за пределы пояса Ван-Аллена. Посбивать космические корабли, которые попытаются покинуть Нэнди-Клайн, или приблизятся к нему из космоса. До того момента, пока где-то за пределами здешней планетной системы кого-то по-настоящему обеспокоит радиомолчание, они намереваются установить над твоей родиной полный контроль.

Найл в ужасе взглянула на Тайкоса:

— И у них это может получиться, так?

— До известной степени, может. Я, естественно, не являюсь опытным стратегом, но, по-моему, местные военные укрепления не очень-то впечатляющи.

— Они и не предназначены для отражения массированного нападения.

— В таком случае, если Гласу Решимости удастся сохранить прежнюю схему координации

вторжения и осуществлять его строго по намеченному плану, то я бы сказал, что они способны захватить Нэнди-Клайн. Даже удерживать его некоторое время. В этом отношении ситуация может стать весьма критической. Конечно, для того, чтобы их военная машина оставалась в хорошем рабочем состоянии, им не следовало сегодня вечером убивать так много Палачей-оппозиционеров. А вообще-то, если по большому счету, то Великий Замысел — поистине идиотская затея. У Порад-Анца даже со всеми союзниками нет никаких реальных шансов выстоять против Ядра.

— Вы уверены в этом?

— Абсолютно. Вы только проследите за ходом их рассуждений. Парагуаны досконально изучили людей. Они добыли о нас всю информацию, какую только могли всеми возможными способами. Они проанализировали полученные данные с невероятной дотошностью. Итогом всех их умозаключений по этому поводу и стала теория Тувел.

— Я до сих пор не могу понять, как она вообще могла придти им в голову. Ведь она совершенно несостоятельна.

— С точки зрения Палачей — еще как состоятельна. Если поразмыслить, можно прийти к следующему логическому выводу: за очень

малым исключением Парагуаны не в состоянии понять истинную причину своих неудач. Причем, принципиально. А она, эта причина, заключается в том, что на уровне межгалактической конкуренции их цивилизация очень здорово отстала от нашей. Ее структуры застыли в состоянии, которое они считают образцом совершенства. Когда возникают обстоятельства, с которыми эта их «наивысшая степень развития» справиться не может, Парагуаны оказываются не в состоянии перестроиться. Вы спросите, почему? Пытаться изменить совершенство немыслимо. С подобными обстоятельствами они столкнулись при первой попытке завоевать планеты Ядра. И потерпели неудачу. Сейчас они натолкнутся на те же самые обстоятельства. Поэтому их вновь ожидает полный провал.

— Но теперь у них есть союзники, — заметила Найл.

— Очень ненадежные. Ведь Порад-Анц никогда не добивался существенных успехов, чтобы вовлечь своих сателлитов по-настоящему в боевые действия. А эти сателлиты прекрасно соображают, что к чему. В эпоху Вековых Войн, когда люди были заняты междоусобицами, различные инопланетные цивилизации пытались отхватить

от Ядра Звездного Скопления жирные куски. Во всех исторических хрониках указывается, что интервенты были наголову разгромлены и едва унесли ноги. Чем вы это объясните?

Найл пожала плечами:

— А все объясняется очень просто. Мародеры вмешались в семейную ссору, пусть даже с дракой, и тогда перед семьей встала во весь рост угроза тотальной резни, в которой должны были погибнуть целые поколения. Естественно, что прежние враги дали совместный отпор, и пришельцы не смогли добиться своего. Но на данный момент, откровенно говоря, меня волнует, насколько мы готовы справиться с такого рода ситуацией. Я бы очень хотела это знать — хотя бы в общих чертах. Долгое время нечто, подобное военной угрозе, возникало для Ядра только в том случае, когда какая-нибудь отдаленная провинция решала, что она достаточно велика, сильна и амбициозна, чтобы стать независимой. Но сепаратистские поползновения подавлялись столь быстро, что полноценным сражением это можно было назвать только с большой натяжкой.

— Да, это так, — согласился Тайкос. — А что вы думаете о Верховном Правительстве?

Найл задумалась. Одним из наименее желае-

мых последствий нервнопаралитического заряда, который не смог убить свою жертву, могло стать постепенное развитие у нее рассогласованности процесса мышления. Если этому процессу не уделялось должного внимания, он мог завершиться прогрессирующим слабоумием. Она подозревала, что Тайкос сейчас находится на грани бессвязного бормотания, как у клинических идиотов или полных маразматиков. Если это так, то лучше побуждать профессора рассуждать о конкретных вещах, пока он благополучно не минует опасный порог.

— По-моему, вопрос поставлен слишком широко, — сказала она. — Я на него ответила бы так: просто я не задумываюсь особо о Верховном Правительстве.

— Почему же?

— А зачем мне это? Оно меня не трогает, а с работой своей справляется вроде бы неплохо, — о чем как раз и свидетельствуют скорые расправы с мятежными региональными властями, о которых я только что упоминала.

— Верховное Правительство сохраняет федеративную структуру Ядра, — сказал Тайкос, — ибо все мы, граждане Федерации, в конце концов, признали необходимость такой структуры. Нель-

зя допускать попыток самовольно ее изменить. Даже возможность гражданской войны межпланетного масштаба — и та неприемлема. По общему признанию, Верховное Правительство успешно справляется с такого рода задачами. Но, с другой стороны, невозможно не заметить и огромного количества выражений недовольства его политикой. Наиболее часто встречающаяся претензия заключается в том, что Правительство далеко не все делает для того, чтобы обуздать маргинальные слои населения.

Найл помотала головой.

— Не согласна! Мне довелось здесь поработать с федеральными агентствами по пресечению правонарушений. Они работают достаточно эффективно. Разумеется, они не могут охватить всего. Но я не думаю, что Верховное Правительство сможет здесь что-либо усовершенствовать без создания репрессивного государственного аппарата. Чего я вовсе бы не хотела!

— Вы считаете, что борьба с преступностью должна быть уделом органов местного самоуправления?

— Разумеется, раз уж это проблема местного масштаба. Преступность в своей основе мало чем отличается от других проблем, которые окру-

жают добропорядочных граждан. С ней можно бороться. И мы это делаем постоянно.

Тайкос усмехнулся.

— Вот вам, — заметил он назидательно, — взгляд на вещи, который ни один Палач, за очень редким исключением, не в состоянии уразуметь. А этот взгляд кажется типичным для нашей цивилизации. — Он помолчал немного. — Вспомните, как я, бывало, недоумевал, почему Федерация не проявляет особого интереса к программам по продлению жизни, проектам по евгенике и тому подобным вещам.

Найл бросила пристальный взгляд на профессора. Не бессвязная ли это речь, в конце концов?

— Вы, доктор, находите тут какую-то связь?

— Совершенно определенную. Что касается преступников, то им Верховное Правительство не потворствует напрямую. Но оно не пресекает ситуацию, при которой рядовые граждане привлекаются к решению проблем, вызванных преступностью. И как следствие этого, преступность хоть и остается постоянной угрозой для общества, но вместе с тем удерживается в приемлемых рамках. Это же очевидно! И это только малый фрагмент общей картины. Наше общество поощряет свирепую конкуренцию практиче-

ски во всех сферах деятельности. Верховное же Правительство не слишком озабочено правовой чистотой тех методов, которые используются в этой конкуренции. Рамки дозволенного обычно устанавливаются по взаимным соглашениям между гражданскими организациями, которые наравне с правительственными структурами следят за их соблюдением и в случае необходимости принуждают этим рамкам следовать.

— По вашему мнению, это является неким подобием состояния войны?

— В общем-то, это даже больше, чем подобие, — сказал Тайкос. — Общество, на долю которого выпало суровое военное лихолетье, имеет тенденцию к жесткому тоталитарному управлению. Как следствие, возможности отдельной личности резко сужаются. При подобии уравновешенной анархии, в условиях которой мы сейчас живем, возможности индивидуума обширны, можно сказать, настолько, насколько он сам этого возжелает, или насколько они будут терпимы для окружающих. Для многочисленного класса добропорядочных граждан, которые предпочитают беспрепятственно заниматься своими делами и хотят быть избавленными от всяческих треволнений, создавшееся положение отнюдь не самое

лучшее. На их головы сыплются многочисленные напасти, чего они совсем не желают. Они подвергаются опасности со стороны маргиналов, то и дело терпя от них лишения, а порой и смерть. Но, в общем и целом, эти проблемы никогда не достигают угрожающих размеров. Почему? Да потому что у нас есть и очень агрессивные «антимаргиналы». Они, как правило, не терзают безобидных граждан. Но у них начинают чесаться руки, когда они встречают своих антагонистов — маргиналов. От последних они отличаются, в основном, целями, которые преследуют. Когда для «антимаргиналов» отсутствуют официальные ограничения, они, как класс, становятся сильнее маргиналов. Судя по вашим словам, здесь, на Нэнди-Клайне, вы держите в узде своих нарушителей закона. На какой бы планете граждане ни предпринимали реальных усилий, преступность там тоже оказывается обузданной. В общем и целом, наша цивилизация процветает. — Помолчав, он добавил: — Конечно, у всего этого есть оттенки и нюансы. Лояльный гражданин, маргинал и «антимаргинал» — это условные понятия. Но такая система существует и остается неизменной.

— С какой целью? — спросила Найл. — Если

она намеренно сохраняется неизменной, то это, по-моему, довольно жестоко.

— Действительно, у этой схемы есть и неприятные стороны, — сказал Тайкос. — Однако, человек, как вид, эволюционировал в очень стойкое и деятельное существо с высокой адаптационной способностью к внешним условиям. Человек отлично преуспел в погоне за тем, что считает для себя важным. Эпоха Войн обострила эти качества. А сейчас обострение идет еще интенсивнее. Мне кажется, это еще и поощряется Верховным Правительством. Оно явно не заинтересовано в обеспечении тепличных окружающих условий для граждан Федерации. Его интересует лишь общее качество вида Хомо Сапиенс. И человек, как вид, остается исключительно опасным существом. Верховное Правительство, надо отдать ему должное, ограничивает своих граждан не более, чем того требуют обстоятельства. Именно поэтому оно и не одобряет поисков бессмертия — это изменило бы существо под названием Человек. В какую сторону — никто не скажет наверняка. Евгеника тоже способна изменить человека, поэтому проекты, связанные с евгеникой, тоже не приветствуются, хотя и не связаны с моей тематикой. Мне кажется, Верховное Правительство

предпочитает, чтобы наш вид продолжал эволюционировать сам по себе, без вмешательства высоких технологий и генной инженерии. И пока человек с этим успешно справляется. Правители не хотят рисковать потерей некоторых генетически заложенных в него свойств. Эти свойства могут понадобиться при столкновении с какой-то другой конкурентоспособной цивилизацией. Тогда человек не должен проявить себя низшим существом по сравнению с ней.

Помолчав, Найл промолвила:

— Но ведь это все досужие размышления, профессор.

— Никто с этим и не спорит. Но можно утверждать совершенно серьезно, что у Ядра до сих пор есть свои «Тувелы», и они так же готовы выкладываться в полную силу, как и тогда, когда Федерации еще не было. Более того, общее их число сейчас, по всей видимости, огромно. Этот факт и выбивает почву из-под ног Парагуанов и иже с ними. Захватчикам противостоит отнюдь не малочисленная каста мифических Хранителей. Где и когда бы ни попытались напасть на нас, оккупанты наткнутся на спонтанную стратегию наших «Тувел». Это понимали очень немногие Палачи. Одним из них был Мога. Поэтому он и

покончил с собой.

— Мога совершил самоубийство?!

— В тот критический момент в лаборатории, — сказал доктор Тайкос Кей, — когда вы так изящно хлопнулись лицом вниз. Так как никто в меня не целился, я продолжал стоять и наблюдать. Мога был не в состоянии предугадать все, что произойдет, но мне-то было известно, что Мога сравнительно недавно догадался, для чего были предназначены экспонаты моей биологической коллекции. Он понимал, что если Палачи не смогут удержать пленников от побега, их всех ожидает позорная казнь. Но мы обязаны были бежать — чтобы остановить Глас Решимости. Когда наступил решающий момент, Мога был вполне к нему готов. У других не хватило времени даже на то, чтобы нажать на спусковые рычаги своих ружей. А он нашел время, чтобы швырнуть свой баул, дабы вы завладели своим ружьем. Понимаете, он знал, что вы — грамотная, изворотливая, но все же уязвимая представительница человеческого рода. Он вовсе не верил легенде о несокрушимости Тувел. Но ему приходилось делать все возможное, чтобы способствовать сохранению этого мифа. В нем сидела холодная, я бы даже сказал, безнадежная ненависть к роду

людскому, поскольку он прекрасно сознавал, что люди превосходят Парагуанов. Кроме того, в разговоре со мной Великий Палач как-то заявил, что ощущает смертельную тревогу за Порад-Анц. В основной своей массе Вечноживущие были просто не способны уразуметь, что человечество может обладать более развитой цивилизацией, нежели их собственная. Подобное утверждение показалось бы им просто бессмыслицей. Но Парагуанов все же можно было принудить к отступлению, если убедить, что причудливые сверхлюди, управляющие человечеством, воистину непобедимы. Таким образом, Мога, в сущности, вошел со мной в сговор, а позже — и с вами, моя дорогая. Великому Палачу очень хотелось, чтобы Тувела произвела на его коллег неизгладимое впечатление.

Тайкос умолк, потряс головой и глубоко зевнул. Найл внимательно за ним наблюдала.

— Видите ли, я… э-э, что…

Голос профессора постепенно затих. Глаза были полузакрыты, веки подрагивали. В следующий миг он принялся клевать носом.

— Как вы себя чувствуете? — спросила Найл.

— А, что вы сказали? — Тайкос поднял голову и встряхнулся. — Не знаю, — произнес он неуве-

ренно. — На секунду в голове наступила какая-то сумятица… Все поплыло… И круговорот ярких огней… Даже не знаю, как это описать. — Он глубоко вздохнул. — Наверно, одно из последствий нервнопаралитического заряда?

— Да, доктор, вы правы, — сказала она. — Нервные возбудители — оружие грубое и негуманное. Никогда не знаешь, чего от него можно ожидать. Тот вид возбудителя, под чьим воздействием вы находитесь, может вызревать часами. Дозрев окончательно, он может вызвать непоправимое осложнение в коре головного мозга.

Тайкос раздраженно повел плечами.

— А я могу что-нибудь с этим поделать? До сих пор я сдерживал эту пакость, но сейчас она, кажется, начинает меня одолевать.

— Лучшее лекарство — это сон. Длительный, здоровый и беспробудный. Желательно поспать целые сутки, а то и двое. После этого вы опять будете, как новый.

— Вся беда в том, — признался Тайкос, — что я вряд ли смогу заснуть без снотворного. А у нас его нет… — Он бросил быстрый взгляд на Найл. — А, может, все-таки есть, а?

— Вам повезло, профессор. По дороге сюда я заметила семена балата и немного прихватила

с собой.

Он хмыкнул:

— Надо же, до чего моя бывшая студентка предусмотрительна! Ну ладно… От меня, ясное дело, в таком состоянии толку мало. Так что будет лучше, если вы дадите мне свой балат и вернетесь к своим обязанностям Тувелы. Только постарайтесь вернуться в целости и сохранности, хорошо?

— Постараюсь.

Сон, вызванный балатом, в конечном итоге приводил к смерти. У человека она наступала примерно через неделю. Тайкос знал, что если ей не удастся переправить его на материк, чтобы там ввести противоядие, он больше не проснется.

Он принял от Найл три заключенных в мягкую скорлупу семечка:

— Поплюйте через плечо и пожелайте мне ни пуха, ни пера!

С этими словами растер зерна рядом с лицом. Найл слышала, как он глубоко вдохнул испарения, исходившие от семян. Затем вздохнул, тяжело осел и сполз внутрь стручка, тем самым скрывшись из виду. Спустя несколько секунд оболочка стручка сомкнулась над освободившимся отверстием… Ну что ж, здесь биохимик неко-

торое время будет пребывать в относительной безопасности.

Найл переустановила пояс и проверила остальное снаряжение. Потом замерла на мгновение, задрав голову. Скорее даже не слухом, а всем телом она ощутила нечто вроде приглушенного рокота. Ей показалось, что это доносится с неба. Во время беседы с Тайкосом она уже дважды слышала подобные звуки. Он же их явно не слышал. Это могли быть и громовые раскаты. Однако вряд ли то был гром, подумала она.

Вновь лишенная части своего веса, она быстро направилась вдоль живых тросов к суку плавучего леса, который проходил сквозь «инкубатор», и дальше — к «изгороди». На миг, приложив руки к ветвям изгороди, и подождав, пока не освободится проход, она выскочила в лес.

С минуту она стояла, оглядываясь по сторонам и прислушиваясь. Глухой раскатистый звук больше не повторялся. Вокруг вроде ничего непривычного не происходило. Из гнездовья морских хавалов доносился невероятный гвалт. Но для того, чтобы морские хавалы, как старые, так и молодые, сорвались с места, не требовалось прилагать особых усилий. Найл стала спускаться, пока не услышала снизу плеск и журчание воды.

Тогда она двинулась обратно к лагуне.

Небо к этому времени стало совсем безоблачным, и на нем ослепительно посверкивали громадные звездные скопления. Найл из-под лесного полога окинула взглядом берега лагуны. У основания леса, наискосок через лагуну, медленно покачивалась вверх-вниз вереница крошечных ярко-голубых огоньков. Может быть, ее там ищут? Она повернула выдровый манок.

Вспенив воду, появилась Свитинг. Она еще не остыла от охотничьего азарта и вся горела желанием получить новые инструкции. Тарм либо умирал, либо уже был мертв. Когда он появился на открытой воде, выдры всадили в него свежеприготовленную обойму ядовитых шипов. Вскоре после этого чудовище погрузилось на переплетенное корнями дно лагуны, перевернулось на бок и перестало шевелиться. Далее выдры обнаружили большую группу вооруженных Парагуанов, которые обшаривали плавучие «столы» и другую поросль в центральной части лагуны. Выдры сопровождали захватчиков в воде, выжидая удобного случая для атаки. Вскоре такая возможность представилась. К тому времени, как эта поисковая партия заметила потери в своих рядах, восемь безжизненных тел Оганунов уже

были глубоко засунуты в корневые сплетения…

— Надеюсь, вы не позволили себя обнаружить?

Свитинг усмехнулась.

— Косолапый прыгает в воду. Не выходит наружу. Грустно, а? Морской хавал его съел? Хранительница Этланд его съел? Значит, никаких выдр нет.

Найл представила себе это зрелище. Водоворот на темной поверхности лагуны, три-четыре шумных всплеска — и еще одно трепыхающееся тело стремительно проваливается вниз, к корням… и ни малейшего намека на природу нападавших. Остальные Парагуаны сгрудились на плавучих «столах», держась как можно дальше от воды. Когда засверкали огни, и подошло несколько лодок с солдатами, ощетинившихся ружьями, Свитинг со своими напарником и напарницей покинули засаду. Они издалека пронаблюдали, как лодки забрали на борт поисковую группу и удалились.

А немного погодя:

— Бу-бух! Большущее ружье…

Что и объяснило раскатистые грохочущие звуки, которые слышала Найл. В районе, где засели Парагуаны, внезапно взметнулись вверх и заклубились огромные факелы. Стрельба велась с закрытой позиции на дальнем крае лагуны.

Свитинг описала бледные вспышки выстрелов и глухие, тяжелые звуки разрывов. Стало понятно, что это — энергетическая пушка средней мощности. Ее привели в действие, чтобы уничтожить… Кого? Тувелу? Иным вмешательством Палачи не могли объяснить себе происходящее в районе расположения своих подразделений. А если к тому времени они уже осознали, что великого тарма тоже можно причислить к погибшим или пропавшим без вести…

— А куда они стреляли потом? — спросила Найл.

Свитинг вздернула нос к небу и произвела телодвижение, отдаленно напоминающее человеческое пожатие плечами.

— Туда! По кестерам…

— В кестеров?!

Да, кестеры оказались мишенью для парагуанской пушки. Наверное, орудийный расчет засек приборами высоко в небе перелетную стаю и ошибочно принял ее за летательный аппарат людей. Во всяком случае, через некоторое время после разрыва дождь из обугленных и расчлененных тушек кестеров окропил поверхность лагуны.

Найл закусила губу. Паррол до этих мест, ве-

роятно, еще не добрался, а какой-нибудь другой аэрокар вряд ли рискнул бы лететь в такую погоду. Хаотическая стрельба свидетельствовала, скорее всего, о том, что у Парагуанов сдают нервы, а моральный дух снижается все стремительнее. Доктор Тайкос Кей задавался вопросом, сможет ли Глас Решимости сохранить боеспособность своих воинских частей, которые теперь полностью перешли под его контроль.

— А в этот, последний раз, куда? — спросила Найл.

Одновременно с ее словами послышался плеск воды. Она повернула голову в сторону и увидела, что к ним присоединилась пара диких выдр. Найл поприветствовала супругов, подняв руку. Они молча осклабились и подплыли поближе.

— Не по нам, — как всегда лаконично сообщила Свитинг.

В последний раз под обстрелом опять оказалась лагуна. Огонь накрыл территорию неподалеку от западной части острова. В тех водах выдр не было и в помине. Еще одно свидетельство того, что Парагуанов охватила паника?

— Что они там делают? — спросила Найл. Она кивнула в сторону северной оконечности лагуны. У самого нижнего яруса леса продолжали медлен-

но блуждать крохотные, как следы булавочных уколов, голубые огоньки.

Выдры разведали, что это такое. На той стороне объявилась целая флотилия минисубмарин. Видимо, она была отправлена с большого командного корабля, который находился в водных глубинах лагуны. Каждое суденышко было помечено таким огоньком, с какой целью — непонятно. Субмарины занимались тем, что выставляли часовых вдоль кромки леса — по двое на каждый пост.

Найл прикинула, что это может означать. Начало крупномасштабной облавы? Неужели они задались целью заблокировать Тувелу в лагуне на тот случай, если с ней не было покончено с помощью энергетического орудия? Это казалось невероятным. Как правило, караул выставляется в оборонительных целях. У инопланетян там размещена, по меньшей мере, одна орудийная платформа. Возможно, имеются и другие огневые точки. Все они кажутся им уязвимыми. Вероятно, Парагуаны опасались, что Тувела вскоре выберется из воды и в рамках своих чудо-возможностей начнет вытворять с этими укреплениями что-нибудь эдакое…

Насколько бдительны парагуанские часовые?

Выдры как раз и размышляли над этим, когда Свитинг поймала сигнал от Найл. Парагуаны располагались над поверхностью воды на различной высоте. Так, например, одна пара сидела на корточках на пне плавучего леса. Расстояние от водной поверхности до их ступней составляло немногим более пяти метров. Большинство часовых не могло видеть, что происходит на другом посту.

Когда-то Найл довелось наблюдать, как Спиф со Свитинг выскакивали из воды на шесть или семь метров вверх, чтобы схватить реющих над поверхностью моря кестеров…

— Ее ли сможете «снять» вон ту пару так, чтобы они не успели пикнуть, — сказала она, — то вот вам мое добро. Это на какое-то время привлечет внимание остальных к той стороне лагуны. Потом держитесь от того места подальше… И не трогайте больше ни одного косолапого, пока не получите от меня указаний.

Они согласно закивали головами.

— Чем займешься сейчас, Найл? — поинтересовалась Свитинг.

— Разожгу костер, чтобы Дан смог нас найти.

Глава 9

Она упорно лезла наверх. Древние стволы качались и скрипели под напором ветра. Шелестели своей листвой более тонкие ветви. Снизу, постепенно отдаляясь, доносился шум неспокойного океана.

Когда Найл забралась достаточно высоко, она повернула к лежбищу морских хавалов. Немного ниже гнездовья произрастали самые густые участки «маслянистого» леса. Ее бледный нос уловил водопад зловонных ароматов, принесенных очередным порывом ветра. По лесу разносились неясные рокочущие звуки. Хотя по сравнению с ранним утром сейчас было все же потише. Но кормежка исполинов и связанные с ней периодические взрывы ликования будут продолжаться, с перерывами, всю ночь напролет. Минуя гнездовье, Найл стремилась держаться от него на приличной высоте. Оно было похоже на гигантскую темную пещеру, вырубленную и выпиленную огромными зубастыми клювами в самой сердцевине леса. Тем, кого заносило в эти края, морские хавалы ни почета, ни тем более уважения не выказывали.

Найл находилась над гнездовьем примерно в ста метрах, и до южной стены леса было уже совсем недалеко, как вдруг девушка остановилась, как вкопанная.

В течение последних часов ее органы чувств были как бы настроены на определенную частоту камертона. Такая настройка автоматически пришпиливала ярлык «Опасно» всему, что не соответствовало обычному распорядку жизни леса в целом. Очертания объекта, внезапно уловленного зрением, были лишь частично видимы из-за густых зарослей. Но мозг моментально соединил видимые участки этого объекта в единое целое. Получившийся образ представлял собой нечто большое и бледное.

Этого было достаточно. В тот же миг она поняла, что на остров был переправлен еще один тарм.

Найл, окаменевшая от ужаса и смятения, охвативших ее душу, не могла двинуться с места. В этом месте было невозможно куда-нибудь спрятаться. Малейшее движение привлекло бы внимание чуткого чудовища. Лес в этой местности был совершенно «голый». Между Найл и густой порослью, пучками свешивающейся по всей длине большой наклонной ветки, на которой торчала эта тварь, находились только

разбросанные там и сям кустики второстепенной растительности. В свое время дикие выдры сообщили, что когда захватчики появились в этих местах впервые, то с ними видели двух тармов. Этот экземпляр, видимо, с тех пор содержался на борту большого штабного корабля. Теперь его подняли на поверхность, чтобы использовать против нее. Он подобрался к острову по открытому морю с южной стороны…

Что ему нужно на верхних ярусах леса?.. Обнаружил ли он Хранительницу?..

Ответ на первый вопрос пришел незамедлительно. Через всю лагуну пронесся восточный ветер и донес до тарма запахи всего, что движется. Он затаился в ожидании обонятельных сигналов о том, что враг в человеческом обличье приближается к блокгаузу. Итак, защитная мера, предпринятая исключительно против Тувелы… Вполне возможно, что Найл визуально уже выдала себя, когда в ночной темноте пробиралась среди ветвей плавучего леса. Но он пока не определил ее, как человеческое существо, поскольку от нее не пахло человеком.

Не сводя глаз с тарма, Найл медленно сделала шаг назад, потом другой, третий… Когда она добралась до первого куста, за которым можно было

укрыться, огромное тело изогнулось, меняя позу. Кустарник сомкнулся за Найл. Теперь монстра было не видно… Трудно было избежать напрашивающейся мысли, что он дожидался именно этого момента, чтобы устремиться в погоню, цепляясь за ветки с пучкообразными щупальцами и скользя по толстым стволам. Найл бросилась к мощному главному стволу и быстро обогнула его, хватаясь за бугристую поверхность ствола руками и подошвами-липучками. Оказавшись по другую сторону, она замерла, внимательно рассматривая местность под собой.

В пятнадцати метрах снизу от нее находилась извилистая ветка с буйной растительностью на конце. Резко оттолкнувшись от ствола, Найл спланировала на антигравитационном поясе и уже через пару секунд приземлилась. Пробежала по ветке и забралась в заросли. Только оказавшись в довольно скромном укрытии, она оглянулась. И внизу, и позади все было тихо. Как ни удивительно, но тарм не преследовал.

Найл продолжила свой путь уже в более спокойном темпе. Наконец она остановилась, чтобы поразмыслить о том, что в данной ситуации можно предпринять. Она до сих пор чувствовала себя ошеломленной неожиданной встречей. Подойди

она ближе к затаившейся твари, и даже отсутствие запаха не спасло бы. Как же теперь попасть в «маслянистый лес»? Тарм прятался от него так близко, что приближаться казалось безумной, самоубийственной затеей. Найл перебрала в памяти все, что мог предложить плавучий лес в качестве оружия. Но такое огромное существо быстро и достаточно эффективно не остановишь ничем! Даже луч полного накала, выпущенный из универсального ружья, его бы только раздразнил.

Она уже была почти готова смириться с поражением. Тварь спокойно могла вылеживаться до самого утра. А значит, невозможно устроить маяк для Паррола. Нет, ей просто обязательно нужно что-то предпринять, чтобы тарм убрался с насиженного места.

Почти одновременно с этой мыслью снизу раздался мощный рев. Казалось, он исходил из-под ее ног, буквально в каких-то сантиметрах от них. Звук резанул по нервам и без того натянутым, как струна… Фу, да ведь это всего лишь морской хавал из гнездовья.

У Найл перехватило дыхание.

Всего лишь морской хавал? Из гнездовья…

Она поспешно устремилась вниз.

* * *

Вскоре она уже возвращалась назад, следуя тем же путем, каким спасалась от тарма. Теперь девушка внимательно изучала каждый участок, поглядывая вперед и назад, мысленно рассматривая путь не как подъем, а как скоростной спуск. Когда она проследует им в обратном направлении, то будет двигаться с максимально возможной скоростью. Тогда нельзя будет себе позволить ни одного неверного шага, ни капли сомнения в том, что надо делать и в какую сторону поворачивать. Львиная доля этого спуска будет состоять из прыжков с облегченным весом. Если в каком-нибудь месте предстоящий прыжок казался ей чересчур замысловатым, Найл тренировалась в его исполнении перед тем, как лезть дальше наверх.

Наконец она добралась до места, миновав которое, она через минуту увидит тарма… если, конечно, он оставался там же, где был. Правда, сейчас он вполне мог рыскать вокруг в поисках подозрительной фигуры, что какое-то время шла прямо на него, а потом исчезла самым загадочным образом. Найл продвигалась настолько осторожно и бесшумно, как никогда раньше,

пока не убедилась, что находится в таком месте, откуда можно рассмотреть ветку, где устроил лежбище тарм. Она не стала приближаться к ней с той стороны, с какой сделала это в прошлый раз, а забралась выше по противоположной от тарма стороне массивного ствола, который поддерживал большую часть плавучего леса в этом районе.

Выглянув из-за ствола, она сразу же увидела тарма там, где и ожидала. Передняя часть большого червеобразного туловища была обращена в ее сторону. Огромный бледный диск глаза, лишенного век, казалось, таращился прямо на ствол, за которым пряталась девушка. Вдоль всего бока шевелилось что-то пухлое и комковатое — многочисленные щупальца, втянутые внутрь туловища. Тарм производил впечатление медлительного и неповоротливого существа, но это впечатление было обманчиво.

Найл обернулась в направлении своего предстоящего бегства. Затем вынула из кобуры универсальное ружье и ступила на ветку, которая выдавалась из массивного ствола. Из щупальцев, густо усеивающих тело тарма, мгновенно высунулись переплетающиеся друг с другом в виде косичек кончики. В остальном он остался

неподвижен. Найл прицелилась в самый центр ороговевшей глазной склеры и спустила курок.

Тарм встал дыбом. Найл запихнула ружье в кобуру и кинулась прочь.

Когда она стрелой мчалась по зарослям, наверху, на высоте десяти метров, раздавались звуки, больше всего похожие на то, что по листве барабанят горстями мокрого песка. Она поднырнула под заросли, пролетела вниз несколько метров, потом еще и еще — и вновь устремилась вниз по таким воздушным ступенькам…

Сверху послышалось низкое, утробное завывание, свойственное скорее морской стихии, нежели животному. Найл обернулась и увидела, как тарм, съежившись и приобретя почти шарообразную форму, ломился сквозь заросли на высоте трех десятков метров над ней, то и дело повисая на щупальцах, которые теперь были собраны в единый жгут. Девушка вытащила универсальное ружье, направила пучок лучей в центр этой мясистой сферы и завопила что есть мочи. Жуткий вой оборвался, а огромное туловище резко остановилось. На один миг оно повисло, вращаясь в воздухе, удерживаемое щупальцами, которые цеплялись за ветви плавучего леса сразу в полусотне мест. Затем тарм определил

местонахождение добычи и быстро припустил вертикально вниз. Найл юркнула за ствол дерева и возобновила бегство.

Она то появлялась в поле зрения тарма, то опять исчезала. Очередная серия ступенчатых прыжков не способствовала отрыву от преследователя. Он не отставал, показываясь то наверху, то по одну сторону от нее, то по другую. Расстояние постоянно сокращалось… и тут все пространство вокруг заполнилось зловонием и шумом. Она с трудом разглядела под ногами широкий просвет среди ветвей и стремглав бросилась туда. Через секунду под ней уже прогибалась горизонтально расположенная ветка — узенький шаткий мостик, открытый взглядам со всех сторон, в том числе и снизу. Оттуда доносилось возбужденное громыхание, поскольку морские хавалы ворочались тяжело, с большим трудом…

Сзади послышался глухой, тяжелый удар. Ветку сильно качнуло. Завывания тарма за спиной Найл усилились. Как бы в ответ на эту агрессию снизу раздался свирепый рык. Ветка угрожающе затрещала. Найл помнила, что впереди и справа находятся колышущиеся заросли…

Очертя голову, девушка сиганула с ветки в самую гущу ветвей и уцепилась руками и ногами за

побеги. Раздался треск — громкий, словно взрыв — в считанных метрах от нее… За ним еще один. Потом, спустя несколько секунд, колоссальной силы глухой всплеск.

Затем послышались другие звуки — довольно мерзкие. Их было много…

Найл продралась поглубже в заросли, нашла надежную опору для ног и выпрямилась, держась за ветви кустарника. Она с трудом переводила дыхание, сердце стучало, как паровой молот. Гнездовье было охвачено беспорядочным тяжелым грохотанием. Клювы морских хавалов снова и снова рвали в клочья резиноподобную плоть чудовища, которое свалилось к ним вместе с обломанной веткой плавучего леса, зажатой в щупальцах… Казалось бы, счастливая случайность, но не будем кривить душой, — чтобы случайность стала счастливой, желательно подготовить ее… хм… заранее. Короче говоря, эту ветку Найл предварительно глубоко надрезала с обоих концов своим лучеметом. Итак, и со вторым тармом было покончено. Гигантские кестеры не остановятся, пока не раздерут пришельца на части, искромсав вдоль и поперек. Так что уже минут через десять окровавленные ошметки парагуанского чудовища будут раскиданы

по дышащему зловонием гнездовью и втоптаны в грязь огромными перепончатыми лапами.

Найл постепенно успокаивалась, первым восстановилось дыхание. Она вытерла пот со лба и глаз, потом осмотрела снаряжение, чтобы убедиться, не пропало ли что-нибудь важное после этой бешеной гонки с прыжками и нырянием. Кажется, все было на месте.

Теперь, пока она не столкнулась с другими непредвиденными препятствиями, нужно сложить и поджечь костер из «маслянистого» леса.

Препятствий на пути больше не было.

* * *

Найл внезапно проснулась — уже в четвертый или пятый раз — разбуженная изменившимся характером звучания ветра. Она быстро огляделась. Метрах в четырех от нее, внизу, у самого берега показалась из воды овальная голова. Выдра взглянула вверх. Это была дикая самочка, чья очередь была сейчас отдыхать. В это время ее брачный спутник находился в дозоре вместе со Свитинг.

— Это ничего, Найл…

Выдра зевнула и уронила голову на передние лапы.

Найл повернула к себе запястье тыльной сторо-

ной и взглянула на часы. До рассвета оставалось почти два часа… Примерно столько же времени она провела в состоянии беспокойной дремоты у морской кромки леса, ожидая появления Парола. Сложившаяся к этому моменту обстановка на острове внешне напоминала патовую ситуацию. Над поверхностью воды произошло немного событий. Парагуаны удалились в свои укрытия. По лагуне все еще осторожно передвигалось вспомогательное судно. Однако, те, кто был на ее борту, были заняты не поисками Тувелы. Как бы то ни было Парагуаны, по всей видимости, старались избегать новых стычек с ней. А вот под водой некоторая активность имела место. Она была сосредоточена вокруг корабля, заякоренного на дне лагуны. Будь у Найл самый примитивный реактивный движок, она погрузилась бы под воду, чтобы получше все разведать. Но вражеский корабль сейчас был ей недоступен. Выдры могли действовать на такой глубине беспрепятственно, но их сообщения вряд ли были бы убедительными.

Несмотря на кажущееся затишье, обстановка оставалась взрывоопасной. И взрыв этот, насколько Найл могла судить, не заставит себя долго ждать…

Наверняка Глас Решимости должен придти к выводу, что своими необдуманными ходами он завел себя в тупик. Чтобы избежать провала своего политического курса, он совершил чудовищное (по его же собственным меркам) преступление и опасно ослабил командование экспедиционным корпусом вооруженных сил. А Порад-Анц простит избиение Палачей и Великих Палачей только в том случае, если установки Гласа Решимости будут успешно претворены в жизнь.

И теперь — опять же по собственным меркам Гласа Решимости — эти установки потерпели полный крах уже во время первого же испытания. Все доводы основывались на утверждении, что Тувелу можно победить. Доказательством должна была послужить ее смерть. Только после этого установления факта уязвимости Тувел могло последовать нападение на Нэнди-Клайн.

Тем не менее спустя многие часы Тувела не только была жива, но и достаточно результативно оперировала на территориях, которые располагались в верхних ярусах лесного острова. Парагуаны, несомненно, обладали оружием, с помощью которого можно было превратить в дым не только остров, но и архипелаг плавучего леса

целиком, а заодно и ее вместе с ним. Но пока их база находилась здесь, они не могли применить такое оружие. К тому же захватчикам вовсе не к чему было тревожить планету — в этом случае им пришлось бы начать массированную атаку, не справившись всего-то с одной-единственной Хранительницей. Следовательно, они не могли ожидать, что противоборство со всеми Хранительницами планеты окончится чем-то иным, кроме как победой Тувел. Но если отступить с Нэнди-Клайна без боя, преступление, совершенное Гласом Решимости по отношению к своим политическим соперникам, окажется совершенно бессмысленным — и непростительным в глазах Порад-Анца.

Поразмыслив, Найл пришла к заключению, что Парагуаны, в конце концов, решат атаковать. С нехваткой командного состава, с поколебленной уверенностью — у Гласа Решимости, в принципе, не было альтернативы. Теперь принятие решения стало просто вопросом времени, — когда именно Великие Палачи придут к такому выводу и приступят к соответствующим действиям.

В настоящее время девушка ничего не могла предпринять, чтобы этому воспрепятствовать. Но она, по меньшей мере, сковывала их по рукам

и ногам большую часть ночи. Если гоночный глиссер Сотиры поймал сигнал тревоги, властям планеты уже стало известно о грозящей опасности. Найл вздохнула, поменяла позу и, прищурившись, стала всматриваться в морскую даль. От волнующейся поверхности океана отражался яркий блеск звезд, смешиваясь с призрачным сиянием, которое исходило от скоплений светящихся водорослей. По небу опять покатились округлые гряды облаков. На ближних участках морской поверхности наблюдалось частое, порывистое мерцание — отражение «маслянистого» леса. Хоть бы Паррол сюда добрался…

Найл вновь улеглась и заснула как убитая.

* * *

Что-то энергично ее затеребило. Очень мокрое. Найл раздраженно отмахнулась. Бесполезно…

— Найл, вставай! Спиф здесь!

Сонливость у Найл как рукой сняло.

— А? Где он?

— Идет! — засмеялась Свитинг. — Идет! Недалеко!

В приемнике манка она уловила слабенький резонанс. Это говорило о том, что Спиф находился в море, па расстоянии не дальше трех километров

отсюда и следовал в направлении подаваемого ею радиосигнала. Значит, если Спиф уже на подходе, то вместе с ним и Паррол. Обмякнув от облегчения, Найл спустилась вместе с выдрой к урезу воды. День уже почти наступил. Сквозь пелену облаков было видно, как по небу постепенно разливается свет. Океан потемнел, и его поверхность приобрела стальной оттенок, то и дело на остров накатывались большие волны.

— В какой стороне?

Нос Свитинг завертелся, как стрелка компаса, и замер, указывая строго на юг. Выдра дрожала от возбуждения.

— Близко! Близко! Нам ждать?

— Да, нам ждать, — сказала Найл дрогнувшим голосом. — Они скоро будут здесь…

Паррол сделал все так, как она и думала. Заметив горящий сигнал маслянистого леса, он посадил свою машину к югу от острова и, погрузив машину неглубоко под воду, направил ее к ближайшему краю плавучего леса. Сейчас они со Спифом должны были уже выбраться из аэрокара и, прихватив снаряжение, спешить сюда, используя реактивный движок.

— А где же твои приятели? Что-нибудь случилось?

— А? Да. Теперь под лагуной два корабля. Один — большой.

— Два… Неужели всплыл командный корабль?

— Не такой большой. Косолапые таскают на него всякое.

— Что именно?

Свитинг фыркнула.

— Всякое косолаповское, м-м? Может, уходят… Оу! Спиф здесь…

Она свистнула и бросилась в воду. Найл осталась на месте, напряженно вглядываясь вдаль. Метрах в двухстах от берега, на склоне огромной вздымавшейся волны на один миг показались две выдры — и снова исчезли из виду…

— Черт знает, на кого вы похожи, доктор Этланд!

При первом же слове этой произнесенной басом фразы она обернулась вполоборота и, резко выхватив из кобуры ружье, направила в том направлении, откуда прозвучал голос. Потом сознание полностью усвоило услышанное, и Найл хрипло выругалась.

— Дьявол забери, я подумала, что это… впрочем, неважно!

Верхом на торпедообразном транспортном аквацикле сидел Паррол. Он сдвинул на лоб черные

защитные очки реактивного гонщика и потянулся к свисающей ветке плавучего леса, чтобы сподручнее было держаться в седле. В правой руке он держал такое же универсальное ружье, как и у Найл. А еще он улыбался.

— Доктор Кей…?

— В настоящий момент с ним полный порядок, — сказала Найл. Она засунула ружье в кобуру. Рука ее подрагивала: — У тебя по дороге сюда возникли какие-нибудь неприятности?

— Вообще-то, нет. Кругом все чисто?

— Пока да.

* * *

Паррол покинул материк девять часов назад, после первого же сигнала, полученного им от Найл. Большую часть этого времени его аэрокар трясла болтанка, непременный спутник всякого тайфуна. Из-за сильных помех переговорное устройство не работало. Паррол находился всего в двух часах лета от острова, когда ему с помощью ближней связи наконец удалось установить контакт с флотилиями глиссерщиков. От них он узнал, что доктор Этланд за это время успела послать еще одно сообщение. Скоростной глиссер Сотиры сумел получить обрывочные сведения о

Парагуанах и быстро распространил информацию. Далее эти сведения стали передаваться по районам, охваченным помехами, пока, в конце концов, не достигли материка и, вероятно, всех промежуточных штабов глиссерного флота на Нэнди-Клайне. Парролу не смогли передать, какой эффект возымели в итоге эти тревожные сообщения, так как к тому времени условия прохождения радиосигналов значительно ухудшились. Но в том, что планета предупреждена об опасности, не было никаких сомнений.

Найл с Парролом вкратце обсудили, что может произойти. Вооруженные силы Федерации, размещенные на планете, были немногочисленными. Если даже их передислоцировали в стратегически значимые районы материка, чтобы занять оборонительные позиции для прикрытия, они все равно не смогут оказать Парагуанам должного сопротивления. Полиция, объединившись с отрядами гражданской гвардии, может организовать приличный по размерам флот патрульных аэрокаров. Эти маневренные летательные аппараты можно достаточно результативно использовать для наземных и воздушных схваток, однако они совершенно не предназначены для ведения боевых действий против тяжеловооруженных

космических кораблей. Вообще говоря, хоть на Нэнди-Клайне хватало оружия, но оно, в основном, годилось для решения охотничьих и иногда личных проблем.

— Глиссерщики расчехлили свои старинные космические пушки, — сказала Найл. — Теперь, когда маска с врага сброшена, они будут драться.

— Без сомнения, — согласился Паррол. — Но надо учесть, что из имеющихся поблизости от острова подразделений только морские и космические корабли-разведчики приспособлены для ведения стратегических операций. Мы не знаем, возможно ли с ними связаться в настоящий момент, а также насколько они хорошо вооружены. Если твои перепончатолапчатые «знакомые» смогут окончательно отрубить нашу систему связи…

— Конечно, смогут.

Паррол немного помолчал.

— Может возникнуть серьезная неразбериха! — заметил он. — Значит, несмотря на то, что захватчики вооружены до зубов, они, по-твоему, уже разуверились в успешном штурме Нэнди-Клайна?

— Да. Ведь это следует из их собственной, довольно своеобразной на наш взгляд, логики. Тем

не менее, я не думаю, что это способно удержать их от нападения. Кроме своеобразной логики, Парагуанам свойственен и своеобразный кодекс чести.

Паррол хмыкнул.

— Ну что ж, давай в таком случае подключим к разговору выдр…

К людям присоединились дикие выдры. Они подтвердили сообщение Свитинг о появлении под лагуной второго корабля. Он был в несколько раз крупнее первого и встал на якорь рядом с ним. У обоих кораблей наблюдалась повышенная активность. Паррол с Найл задали выдрам еще несколько вопросов, и картина мало-помалу прояснилась. Очевидно, второй корабль являлся транспортным грузовиком. Парагуаны, по всей видимости, были заняты демонтажем боевых установок, расположенных в плавучем лесу, и погрузкой демонтированного оборудования на грузовик.

— Значит, агрессоры приступили к решительным действиям. И в то же время их отряды еще не совсем готовы к броску. Значит, если нам удастся создать у них еще на стадии передислокации впечатление, что Нэнди-Клайн находится в полной боевой готовности, а, по сути, даже намерена

осуществить упреждающий контрудар…

Найл уже приходила в голову мысль о подобном блефе.

— А как это будет выглядеть в действительности? — спросила она. — Ведь демонстрация нашей силы должна быть просто ошеломляющей. Одним подрывом блокгауза тут не отделаешься. Нужно нечто более грандиозное… Скажем, мощный удар по командному кораблю.

— Такое, к сожалению, нам недоступно. Но вот два других, тех, что на дне лагуны — вполне нам по силам. И мы можем нанести по ним сокрушительный удар.

— Каким же это образом?

— При помощи бомб направленного действия. Ты же сама просила в своем послании, чтобы я прихватил с собой «сюрпризы». Вот, пожалуйста — «ЗЕЛ-11» — в тротиловом эквиваленте килограммовые, приклеивающиеся, тактического применения, три штуки. — Он кивнул вниз на аквацикл, качающийся на воде у самого берега. — Там и все остальное.

— Да, это может иметь смысл, — немного помолчав, сказала Найл. — На своих кораблях они держат шлюзы постоянно открытыми.

— Значит, хватит двух штук. По одной на каж-

дый шлюз.

— Но, Дан, ведь это — все-таки космические корабли. Разве можно с ними покончить одними только бомбами? Если только…

Тут оба посмотрели на Спифа. А тот, в компании с остальными тремя выдрами, молча наблюдал за людьми.

— Спиф, ты не прочь немного побаловаться бомбочками? — поинтересовался Паррол.

Большие глаза выдры-самца заискрились. Он фыркнул.

Паррол поднялся на ноги.

— Я, кстати, привез все, что ты просила, — сказал он девушке. — Пойдем-ка к доктору Кею и отвезем его на аэрокар. Так будет для него самым безопасным. Потом взглянем на корабли.

* * *

Подцепив на буксир Паррола вместе с аквациклом, Найл стремительно неслась на десятиметровой глубине по направлению к аэрокару. Универсальное ружье было прицеплено к ее поясу. Она наслаждалась скоростью реактивного движка и его маневренностью. Люди оставили выдр вблизи плавучего леса. Как бы быстро они ни плавали, им не выдержать подобный темп.

Это было похоже на воздушный полет. Защитное поле реактивного движка сводило трение о воду и давление почти на нет. Круглые специальные очки резко увеличивали видимость до двухсот метров, как бы рассеивая подводную мглу и делая воду совершенно прозрачной. Вблизи поверхности Найл могла поспорить на равных почти с любым морским существом. Для ныряльщика, оснащенного реактивным движком, оставались недоступны только абиссальные глубины океана. Аналогичные приспособления, которые Найл наблюдала у Парагуанов, были довольно примитивны.

Паррол, восседающий на аквацикле, внутри которого спал доктор Тайкос, управлял машиной почти с такой же легкостью, как Найл — реактивным движком. У обоих транспортных средств имелись антифрикционные поля. Дан снизил скорость только когда продирался сквозь густые заросли плавучих водорослей. К тому времени, когда они добрались до аэрокара, стоявшего на якоре посредине поля плавучих водорослей, над горизонтом показался краешек кроваво-красного солнца.

Они переправили так и не проснувшегося биохимика в аэрокар, избавились от аквацик-

ла, заперли аэрокар, осуществили скоростной подводный заплыв к лесу, где собрали вместе всех выдр. Спиф и Свитинг были знакомы с тактическими бомбами на собственном опыте. Их дикие сородичи знали о взрывных устройствах, применяемых людьми, только понаслышке. От других выдр. Они проявили живой интерес к предстоящей операции. Роли были оперативно распределены, и команда отправилась на задание. Спиф — трехметровый сплав из упругих мускулов, стремительности и холодной выдержки — нес на себе оба подрывных устройства Паррола. Контейнеры с ними были прикреплены к его груди. Ему и до этого уже приходилось выступать в роли подрывника-подводника. Третью бомбу Паррол приберег на будущее.

Уже вскоре Найл покачивалась на волнах в пещере, образованной гигантскими корнями, которые формировали подножие острова, и наблюдала за открытыми настежь шлюзами парагуанских кораблей, находящихся внизу. От обоих разливался желтый туманный свет. Над меньшим кораблем вертелись две ярко-голубые точки. Это светились огни на носах двух крошечных подлодок. Лодки безостановочно крутились туда-сюда, как будто несли непрерывную

охрану территории. Имелись и другие признаки всеобщего оживления. Между патрульными лодками курсировала солидная группа Оганунов, оснащенных реактивными устройствами и вооруженных крупнокалиберными ружьями, действие которых было хорошо знакомо Найл. В каждом шлюзе торчало по паре охранников, державших оружие наизготовку.

Вся прочая активность была сосредоточена вокруг большего из кораблей. Группы Парагуанов, сопровождаемые конвоем, заносили на него груз с моря, запакованный и обрешеченный. Доставив его на корабль, они вылезали из шлюза и уносились на своих реактивных устройствах за следующей партией. Так же, как и у охранников, на головах у них горели осветительные прожекторы.

Найл посмотрела по сторонам, и в этот момент сверху из корневых сплетений в воду соскочил Спиф. До этого выдры крутились у поверхности, чтобы перед боевой операцией насытиться кислородом. Спиф приостановился рядом с хозяйкой, понаблюдал из-за корней за кораблем, потом вопросительно склонил голову в ее сторону. Он не мог так далеко видеть под водой, как она с помощью своих очков, но для практических це-

лей его зоркости было вполне достаточно. Найл включила переговорное устройство.

— Дан?

— Слушаю тебя.

— Спиф уже здесь. Он готов к броску.

— Моя группа тоже полностью готова, — раздался в наушнике голос Паррола. — Приступаем к диверсионной акции. Шестьдесят секунд или любое время после этого…

Мускулы Найл напряглись. Она кивнула Спифу и проследила, как он снялся с места и стал пробираться среди корней. Положив ствол ружья на скользкое вздутие корня перед собой, она оглядела водное пространство внизу. Ее наблюдательный пункт располагался как раз посредине между шлюзами обоих вражеских кораблей. Спиф двигался направо к точке над шлюзом грузового транспорта, которая являлась его первой мишенью. Где в настоящий момент находились Паррол с тремя остальными выдрами, девушка не знала.

К шлюзу грузового транспорта приблизилась группа Оганунов. Она сопровождала целый тяжело груженный транспортер. Когда они вошли в освещенную зону, один Оганун из арьергарда странно дернулся в сторону и, яростно трепыха-

ясь, закрутился в воде. Следующий за ним, обмяк-нув, стал всплывать наверх. Его длинные ноги безжизненно обвисли. В следующее мгновение в наушнике Найл послышался несмолкаемый треск универсального ружья Паррола.

Вокруг и внутри шлюзов ненадолго возникла яростная суматоха. Остальная часть команды, конвоирующая грузовой транспортер, пыта-лась укрыться внутри корабля, проскочив мимо охранников. Судя по приглушенным ухающим звукам, некоторые Парагуаны пустили в ход оружие. Затем одна из минисубмарин внезап-но пришла в целенаправленное движение и, оставив корабли, ринулась по наклонной к кор-невому основанию острова. Другая с некоторым запозданием устремилась вслед за ней.

— Дан, лодки засекли твою огневую позицию, приближаются к тебе!

— Начинаю отход.

Лодки достигли подводных корней и забрались в их сплетение. Патруль над меньшим кораблем рассредоточился и приступил к перегруппиров-ке. Очевидно, кто-то им отдавал приказы снизу. Найл выжидала с тяжело бьющимся сердцем. Прогрохотала винтовка Паррола. Выстрел вызвал интенсивный ответный огонь, винтовка прогро-

хотала вновь. Находясь среди корней, Паррол имел перед лодками неизмеримое преимущество в подвижности. Из шлюза меньшего корабля выскочил целый рой вооруженных Парагуанов. Один из них отделился от остальных и властно махнул рукой патрульным наверху. Те рассыпались цепью, и вся группа в полном составе устремилась наверх, к корням. Их командир вернулся обратно в шлюз и стал наблюдать оттуда за подчиненными.

— В боевые действия вступает пехота, — сообщила Найл.

— Значит, корабли остались без внешней охраны?

— Можно сказать, что да.

Команда грузового транспорта скрылась внутри своего судна. Два его охранника плавали в шлюзе взад-вперед, грозно поводя оружием по сторонам. Пара, сторожившая шлюз на другом корабле, должно быть, по-прежнему находилась на своем посту. Однако в настоящий момент там был виден только командир. Найл внимательно его рассмотрела. Маленький, хрупко сложенный — Палач. Вероятно, именно он руководил всей этой операцией…

— Я отдал приказ выдрам атаковать, — про-

звучал голос Паррола. — Сейчас они поражают пехоту. Так что теперь можешь начать действовать в любой удобный для себя момент.

Найл не ответила. Она прицелилась в одного из охранников транспортного корабля и нажала на спуск. Когда он кувыркнулся назад, Найл переместила прицел на другого охранника. В этот момент она заметила Спифа, который уже преодолел половину расстояния до грузового корабля. В процессе своего движения он проделывал зигзаги и стремительные рывки, какие выдра обычно проделывает на охоте, бросаясь на жертву. Свою роль пикировщика Спиф усвоил отлично.

Теперь в прицел попал Палач в шлюзе меньшего корабля. Он не знал о том, что творилось на грузовом судне. Найл дрожала от нетерпения, но огонь пока не открывала. Двое охранников с этого меньшего корабля так и не показывались на виду. Хотелось бы вывести их из строя до появления Спифа. Палач поглядел вокруг и стал возвращаться в шлюз. Одно движение пальцем — и Палач готов! И тут что-то темное дугой обогнуло корпус корабля сверху, промелькнуло мимо извивающейся фигуры Палача и скрылось в шлюзе.

Найл с трудом сглотнула и выскользнула из-под покрова корней. В приемнике раздавались глухие бабахающие звуки. Она не могла определить, исходят ли некоторые из них от корабля. Девушка мысленно отсчитывала секунды. Прозвучал голос Паррола. В следующий миг до нее дошло, что она ничего не поняла из сказанного Даном. Она висела в воде, не сводя глаз с входа в шлюз. Возможно, Спиф решил, что вторая бомба направленного действия произведет больше эффекта, если ее занести в самое нутро космического корабля…

Из шлюза вывалился Парагуан. У Найл дернулась рука, но выстрелить она не успела. Этот Парагуан был мертв! Потом появился еще один — в том же состоянии…

Из шлюза вырвалась черная гибкая молния, задев ворочающиеся тела так, что их основательно встряхнуло, и в тот же миг, как показалось Найл, унеслась за добрую сотню метров от корабля. В следующее мгновение — за двести метров…

— Бомбы установлены, Дан! — трясущимся голосом сказала Найл. — Рвем когти!

Она развернулась, схватила рукоятку управления реактивным движком, опустила ее вниз до упора и превратилась в расплывчатый призрак, устремившийся среди подводного сумрака вслед

за Спифом.

Вот окаянная бестия, а?

Вскоре позади них раздались два мощных хлопка. Гул от них разнесся далеко по морю.

* * *

На поверхности было уже совсем светло. В волнах, вздымающихся между колониями водорослей, плясали ослепительные солнечные блики. В четверти километра к северу неясно вырисовывался край плавучего леса. Над ним кружили и ныряли вниз стаи кестеров. Птиц-исполинов вспугнули и заставили подняться высоко в воздух направленные взрывы, которые вырвали центральный кусок из основания лагуны.

— Ты меня видишь? — раздался в наушнике голос Паррола!

— Нет, Дан! — Найл сдвинула на лоб очки. По воздуху разносились раскатистые, ревущие звуки. — Слишком много плавучих водорослей. Чтобы как следует осмотреться, мне нужно удалиться от них на приличное расстояние, а это опасно.

— У меня те же трудности. Нам нельзя удаляться друг от друга.

— Кажется, нас никто не выслеживает, — сказала Найл. — Давай продолжать двигаться на юг. Когда выберемся из этих джунглей, тогда и попытаемся соединиться.

Паррол выразил согласие, и она вновь погрузилась в воду. Спиф и Свитинг находились где-то поблизости, хотя в настоящий момент их не было видно. Дикие выдры остались с Парролом. Причин ожидать немедленной погони не было. Маленькие подлодки, вероятно, могли бы угнаться за ним, но, находясь среди корней, скорее всего, они были выведены из строя подводными взрывами. Найл погрузилась еще ниже, чтобы не попасть в густые переплетения водорослей. Она повернула выдровый манок, взглянула на компас и тронулась в путь согласно указанному курсу. Паррол знал точное местонахождение аэрокара. Она, со слов Паррола, знала лишь то, что машина находится строго к югу от этого места.

Свитинг со Спифом появились через полминуты и расположились справа и слева от нее… Потом раздался какой-то звук — неясный отдаленный рокот.

— Найл, слышишь?

— Да. Вибрация двигателя?

— Должно быть, что-то в этом роде. Но такого

звучания двигателей я никогда не слышал. Откуда, по-твоему, он доносится?

— Не знаю. — Она наблюдала за своими помощниками. Их головы вращались по сторонам, совершая резкие, импульсивные движения. — Свитинг и Спиф тоже не могут понять, откуда это раздается, — добавила она. — Кажется, затихает.

— Здесь тоже затихает, — сообщил Паррол. — Двигаемся дальше.

Минуту-другую они хранили молчание. Над головой все еще нависал балдахин из переплетенных между собой водорослей. Странный звук стал почти неслышен, потом принялся медленно нарастать и зазвучал громче прежнего. Создавалось впечатление, что вокруг не слишком сильно, но настойчиво сотрясалось море целиком. Она вспомнила об огромном космическом корабле, который все эти месяцы находился на глубоководной стоянке под архипелагом плавучего леса. Прогрев его основных двигателей вполне мог стать причиной такого звука.

— Найл, — раздался голос Паррола.

— Да?

— Соблюдай осторожность! Только что возле меня проявились наши дикие друзья. Они показывают, что у них важное сообщение. Я под-

нимаюсь вместе с ними на поверхность, чтобы выслушать.

— Хорошо, — сказала Найл. — Мы будем начеку.

Девушка двинулась дальше, подстраивая скорость своего движка под темп движения своих приятелей, в котором они осуществляли дальние заплывы. Глухой гром, разносившийся по морю, кажется, оставался прежним. Она уже собралась, было, обратиться к Парролу, как он сам вышел на связь.

— Выслушал доклад выдр, — сообщил он. — В этом районе передвигается под водой очень солидное по размерам судно. Но, очевидно, не оно является источником того шума, который слышен. Оно для этого все же не слишком большое. Выдры наблюдали его трижды — два раза на глубине и третий раз — вблизи поверхности. Каждый раз оно двигалось в новом направлении. Вероятно, судно нами не интересуется, но я подозреваю, что оно несет дежурство в этом квадрате. По-моему, его активность неспроста.

Найл молча согласилась. Вслух она произнесла:

— Вражеские детекторы раньше засекут твою машину, чем нас.

— Это точно.

— Что нам делать, Дан?

— Постарайся добраться до аэрокара раньше этой субмарины. Продолжай следовать в южном направлении и, по мере возможности, держись вблизи естественных укрытий. В настоящий момент я, скорее всего, нахожусь где-то впереди тебя и ближе к подлодке. Выдры снова отправились на поиски. Если мы обнаружим ее на пути к аэрокару, я ее оприходую.

— Оприходуешь?

— Бомбой номер три, — пояснил Паррол. — Я как чувствовал, что заначка может пригодиться…

Найл подала Спифу и Свитинг сигнал тревоги, указывая на водное пространство перед собой. Они тут же добавили ходу и вырвались вперед. На расстоянии десяти метров от Найл они уже превратились в точки. Свисающие сверху водоросли становились все гуще и ограничивали видимость, а распростершийся над головой у Найл покров из этой морской поросли выглядел таким же плотным, как всегда. Найл показалось, что рокочущие звуки становятся громче. Они все сильнее и сильнее действовали ей на нервы, и без того натянутые, как струна… Потом вдруг

разбухшие от накопившейся в них влаги усики водорослей окружили ее со всех сторон. Найл резко сбавила скорость и, мысленно ругаясь, стала пробиваться сквозь заросли не только с помощью рук, но и ног. Завидев возвращавшуюся Свитинг, она затормозила.

Впереди что-то было… Найл последовала за выдрой через заросли к открытой воде. Ага, еще один клубок дрейфующих водорослей. Нос Свитинг указывал направление. Найл обратила туда свой взор. Всего лишь на миг ей удалось заметить размытые очертания подводного судна, проходящего мимо. У Найл перехватило дыхание. Она включила реактивный движок, пулей вылетела из зарослей и помчалась вдогонку за врагом…

* * *

— Дан!

— Что?

— Если встретишься с субмариной, не вздумай, как ты говоришь, ее оприходовать.

— Почему?

— Потому что она наша, дурачок! Я только что рассмотрела ее корпус сверху. Это судно Службы Контроля над Наркотиками! По-моему, оно здесь барражирует по той простой причине, что ее

детекторы засекли парагуанский командный корабль и стараются не выпустить его из своего поля зрения…

Из шлемофона послышался неясный звук удивления, а потом сразу же:

— Возможно, оно здесь не одно!

— Очень может быть. Насколько ты оцениваешь расстояние до него от своей машины?

— Примерно с километр, — с маленькой запинкой отозвался Паррол. — Потратив время на встречу и на то, чтобы вместе отправиться туда, мы…

— …оказались бы в самом эпицентре проводимой операции.

— Вот именно. Давай поднимемся на поверхность и понаблюдаем. Хоть что-нибудь, да увидим.

Найл, сопровождаемая выдрами, устремилась вверх. Она вынырнула среди густых, перепутанных между собой стеблей и стала выбираться из этой вздымающейся вместе с волнами трясины, поднимая шумный плеск. Поверх тростника гулял свежий ветер. Сквозь заросли, ослепительно проблескивая, пробивались лучи утреннего солнца.

— Найл, — выпалил интерком, — здесь корабль

чужаков!

— Корабль чужаков?

— Да, корабль явно парагуанский, другого здесь просто не может быть. Он подо мной… ого, поднимается наверх! Ты не можешь себе представить, будто поднимается океанское дно! Лучше не попадаться ему на пути — он огромен! Рву когти!

Интерком замолк. Найл наткнулась на участок чистой воды, продралась через последний клубок похожей на резину коричневой растительности и обнаружила, что перед ней — открытое море. Дрейфующие водоросли медленно вздымались вместе с огромной волной. Она сдвинула на лоб очки. Сверху раздался короткий пронзительный визг. На бреющем пронесся аэрокар и, набрав скорость, ввинтился в небо. Над ним моментально вспыхнули маленькие пятнышки, кружась в солнечных лучах. Это патрульные машины вереницей поднимались в космос, пробиваясь сквозь вражеские заслоны…

Волна лениво покатилась дальше. Покрывало из водорослей опустилось с гребня во впадину, отгороженное с южной стороны наклонной стеной воды. Найл прыгнула в море, включила реактивный движок, перемахнула через гребень и заскользила по переднему краю. Видимость

была отличная.

— Глиссеры идут, Дан! Три глиссера!

Он что-то произнес в ответ, но она не расслышала. По правую сторону, на расстоянии менее полукилометра, из моря поднимался блестящий металлом корпус парагуанского командного корабля, словно округлая спина гигантского левиафана. Найл попыталась заговорить в интерком, но не смогла. Вокруг разбушевался ветер и грохотал океан. С запада на большой скорости приближались три глиссера, грациозно разрезая волны форштевнями. Они выстроились в одну линию для орудийной атаки. На передней палубе ведущего глиссера массивные, уродливые жерла космических пушек были развернуты в сторону вражеского корабля. Тот выполз из воды уже на треть и продолжал подниматься. Между пушками ведущего глиссера и кораблем протянулась целая паутина из бледных лучей. В местах соприкосновения с корпусом судна они превратились в фонтаны зеленого огня. Следующий глиссер продвинулся левее первого, образуя дугу, вогнутую в сторону противника. Он тоже имел космическую артиллерию, и все стволы были приведены в действие. Вокруг командного корабля Парагуанов бурно закипел океан. В облаках пара кое-где

поблескивал зеленый огонь. До Найл постоянно докатывались прерывистые громовые раскаты. Корабль продолжал подниматься. Лучи с глиссеров продолжали свою смертоносную работу. Ответного огня не было. Вероятно, первый же залп «заварил» бойницы корабля. Наконец он с трудом оторвался от поверхности и с жутким воем устремился в небо. Вода и пар опадали с его брони. Лучи устремились следом, но вскоре погасли один за другим. Грохот стих.

В ушах Найл все еще гремела эта какофония. Лежа в воде на спине, она наблюдала, как корабль удаляется в бирюзовое небо.

Бегите, Палачи, бегите! Но только поздно вы спохватились!

На пятнышке, темнеющем на фоне синевы, в которое превратился удаляющийся парагуанский корабль, сошлись две тонкие белые линии. Затем в этом месте словно вспыхнуло новое солнце — ослепительной вспышкой. Линии огня сместились прочь, а потом исчезли.

Это из космоса подошли к Нэнди-Клайну находившиеся в поиске военные космические корабли Федерации…

Девушка перевернулась на живот, увидела обломок ствола плавучего леса в нескольких

метрах от себя, в несколько гребков догнала его и вскарабкалась. Когда она оказалась наверху, волна подхватила обломок и быстро понесла на юг. Найл пятками удерживала его в равновесии и не забывала окидывать взглядом морскую даль… Эту великолепную страну ослепительного сияния, бушующего ветра и катящихся волн с белыми барашками на вершинах. Ее вдруг охватило непреодолимое желание расхохотаться, выплеснув тем самым наружу накопившееся напряжение. Мимо наездницы пронесся один из огромных глиссеров — менее чем в сотне метров. Надсадно гудя своими турбинами, он явно держал курс на остров. Над ним прошла целая эскадрилья патрульных аэрокаров гражданской обороны с открытыми люками на брюхе. Через несколько минут из этих люков начнут выпрыгивать парашютисты, оснащенные реактивными движками. Десантники приступят к зачистке плавучего леса от детей Порад-Анца, брошенных своими предводителями на произвол судьбы. Так же неотвратимо, как наступающее утро, подобные операции повторятся везде, где по океанским течениям дрейфует плавучий лес. Детали проведения каждой такой операции могут существенно различаться, но общая схема была

неизменной, ибо на Нэнди-Клайне в человеке был разбужен дремлющий до поры до времени демон…

— Найл…

— Дан! Ты где?

— Я на поверхности. Только что засек тебя. Посмотри на юго-запад. Там наш аэрокар. С доктором Кеем все в порядке…

Острое чувство стыда: «Я совсем забыла про бедного Тайкоса!» Девушка во все глаза принялась высматривать аэрокар и почти сразу наткнулась на него.

Она вскинула руку и помахала. Паррол помахал в ответ. Найл спрыгнула с бревна в воду, ушла на глубину, включила реактивный движок и устремилась навстречу.

Глава 10

— Никакой вы не доктор Тайкос Кей, — с нажимом произнесла блондинка. — Никакая вы не доктор Найл Этланд. И никаких огромных, отвратительных белых чудовищ, гоняющихся за вами по лесу, не существует!

Райан Джилленник посмотрел оценивающим взглядом на это юное создание, которому очень шла серебристо-голубая униформа. Только уж больно эта прелестная девчушка была встревожена.

— Да, — заверил он, — конечно же, белых чудовищ нет и не было.

Блондинка просияла.

— Ну, наконец-то! Итак, кто вы такой? А я вам скажу, кто вы такой. Вы — депутат Совета Федерации Райан Джилленник.

— Совершенно верно, — согласился Джилленник.

— Где вы находитесь?

Он огляделся.

— Гм… в радиорубке.

— Это и так понятно. А где расположена эта радиорубка?

— На флагманском корабле. Флагманский корабль подразделения под командованием адмирала Татло. Да вы не волнуйтесь! Когда я бываю самим собой, я помню все. Просто, по-видимому, я ни с того ни с сего временами превращаюсь в одного из этих двоих.

— Вы сообщили, — упрекнула депутата блондинка, — что ранее уже принимали подобные препараты для переноса воспоминаний.

— Да, я их принимал. Но только теперь понял, что этого было недостаточно. Дозы оказывались слишком маленькими.

Она покачала головой:

— А эта доза далеко не маленькая! Во-первых, она сдвоенная. Двадцатишестиминутный заряд и еще двухминутный. В обоих заложены эмоциональные всплески. Кроме того, двухминутный заряд содержал в себе переход из одного пола в другой. Это само по себе способно помрачить сознание. Я считаю, что вам еще повезло, господин депутат! В следующий раз, когда будете иметь дело с незнакомой психомашиной, пожалуйста, дайте операторам точные сведения. При такой спешной работе, как в вашем случае, мы вынуждены были рассматривать кое-какие вещи, как нечто, само собой разумеющееся. Вы запросто

могли стать на несколько недель неадекватным!

— Вы хотите сказать, сумасшедшим, — уточнил Джилленник. Потом вдруг всполошился и издал испуганное восклицание.

— Ну что еще? — озадаченно спросила блондинка.

— Который час?

Она посмотрела на наручные часы.

— По корабельному времени или по стандартному?

— По стандартному.

Услышав ответ, Джилленник заявил:

— У меня осталось примерно десять минут до связи с советником Мавигом. За это время я должен окончательно придти в норму.

— Я могу сделать укол, от которого приходят в норму за тридцать секунд, — предложила блондинка.

— Но тогда я позабуду все, что хранится в перенесенной памяти.

— Отчего же все? Ключевые моменты будете помнить.

Джилленник помотал головой:

— Нет, это не годится! На совещании я должен буду припомнить все подробности. Все до единой.

— Но, как я понимаю, Советник принял аналогичный препарат. Возможно, он пребывает в форме, не лучшей, чем у вас.

— Это вряд ли, — буркнул Джилленник. — Скорее уж конец света наступит, чем плохое самочувствие у Советника. Его никакая зараза не берет.

Подумав, блондинка сказала:

— По-моему, вы и так скоро будете в полном порядке. Вы ведь быстро избавляетесь от побочных действий… А этим двоим, чья память внедрена вам, довелось пережить что-то важное?

— Очень важное. Где они оба?

На лице милашки проглянула обеспокоенность.

— Неужели не помните? Они покинули корабль с час назад. По вашему же приказу, господин депутат. Доктор Этланд сопроводила доктора Кея обратно на планету, чтобы доставить его в больницу.

Джилленник задумался.

— Ах, да, теперь я вспомнил. Это произошло как раз перед тем, как ваше снадобье начало на меня действовать. Правильно? Мне кажется, что…

Он не договорил. Входные двери раздвинулись, и в рубку вошла молодая подтянутая женщина.

Улыбнувшись, она направилась к стойке с передатчиком, заложила в него стопку каких-то бумаг и включила экран. Потом осмотрела другие предметы, разложенные на стойке. Судя по виду, осмотром она осталась вполне довольна.

— Это отчеты, которые вы просили для совещания, господин Джилленник, — объявила она. — У вас как раз хватит времени, чтобы их просмотреть.

— Благодарю вас, Уил, — промолвил Джилленник и направился к стойке.

— Что-нибудь еще? — спросила Уил.

— Нет, — отозвался он. — Это все, что мне нужно.

Уил взглянула на блондинку.

— Нам лучше уйти.

Та нахмурилась:

— Господин депутат не в самой лучшей форме, — заявила она высокомерно. — Как специалист Психологического Сервиса, я имею допуск по форме номер пять. Возможно…

Уил взяла ее за руку.

— Пойдемте, дорогая моя. Я — личный секретарь господина Джилленника, и у меня — допуск по форме номер два. Но даже это не дает мне права сидеть тут и подслушивать.

Блондинка сказала, обращаясь к Джилленнику:

— Если у вас опять начнутся галлюцинации…

Он улыбнулся в ответ.

— Если это случится, я вам тут же просигналю. Идет?

Она неуверенно произнесла:

— Если вы сделаете это сразу, не дожидаясь ухудшения, то — да. Я буду дежурить у сигнального аппарата.

Они обе вышли из помещения, и двери за ними сомкнулись.

Райан Джилленник вздохнул и уселся за стойку. Ему казалось, что его мозг плотно утрамбован, — пожалуй, именно так лучше всего можно было передать ощущения, которые испытывал депутат. За пятьдесят секунд в его сознание ввели два полных комплекта чужих воспоминаний. Он сделал заключение, что эмоциональное их воздействие на него было ослаблено. Причем, в максимальной степени. Но все равно, они оставались необычайно живыми и яркими, хотя были запечатлены по двум различным схемам чувственного восприятия и принадлежали двум разным умам. Следующие несколько часов одна часть его «я» станет, в сущности, доктором

Тайкосом Кеем. Эта его часть помнит все, что произошло с почтенным биохимиком, начиная с того момента, когда к его тайному убежищу в плавучем лесу, крадучись, приближался разведывательный отряд инопланетян, и, заканчивая той секундой, когда его покинуло сознание в стручке «инкубатора». А другая часть личности Джилленника станет доктором Найл Этланд. Эта его часть выборочно окинет мысленным взором период времени между беседой с глиссерщиками Сотиры и ее возвращением на материк вместе с Данричем Парролом, доктором Кеем и двумя выдрами-мутантами.

Сейчас мозг Джилленника уже научился четко распознавать оба набора воспоминаний и отделять их от своих собственных. А до этого, в течение некоторого времени, он путался. Господин депутат ловил себя на мысли, что испытывает наяву цветные кошмары на тему жизни в плавучем лесу. Чьи бы это ни были впечатления, в какой бы последовательности они ни разворачивались в голове, Джилленник некоторое время никак не мог осознать, что это происходило вовсе не с ним. Гораздо сильнее, чем его самого, это огорчало специалистов по перезаписи памяти. Они корили себя за проявившиеся побочные эффекты.

Но, во всяком случае, использованный препарат содействовал самому быстрому и надежному из всех известных способов переноса чужих воспоминаний. Через несколько часов впечатления от процедуры переноса должны изгладиться из его памяти. Так что Райан пришел к выводу, что беспокоиться не о чем…

Он пролистал отчеты, оставленные секретаршей. Среди них оказалось медицинское заключение о состоянии здоровья доктора Тайкоса Кея. Прогноз был благоприятным. Несмотря на возраст почтенного биохимика, восстановительные способности его организма оставались аномально высоки. Поступив в клинику, он находился на грани полного истощения, но через несколько недель интенсивной терапии должен был полностью поправиться. Джилленник был рад прочитать заключение — его чрезвычайно беспокоило здоровье почтенного старца.

Последний отчет, сводка военных действий, уже не представлял никакой ценности. Большая часть боевых действий завершилась пять часов назад — незадолго до того, как команда Найл Этланд высадилась на материк. Преследование противника в космосе продолжалось до сих пор, но количество целей уменьшилось до двенадца-

ти. Джилленник задумался. Может, связаться с Татло и сказать ему, чтобы он позволил убраться еще нескольким вражеским кораблям? Нет, и двух, загруженных под завязку, вполне достаточно, чтобы донести до Порад-Анца печальную для него весть. Слишком большое количество спасшихся может вызвать подозрение. В свое время Парагуаны уже смогли на горьком опыте убедиться, что корабли Федерации превосходят в скорости их корабли. Приблизительно восемь сотен Оганунов, запертых на острове плавучего леса, были взяты живьем. Все остававшиеся с ними Палачи были обнаружены мертвыми. Они покончили с собой. Да, никудышный улов…

Остальные отчеты были малозначительными. Психологический Сервис налаживал на Нэнди-Клайне работу средств массовой информации. Об этом он еще услышит на совещании.

Джилленник еще немного посидел в раздумье и слегка улыбнулся. Общая картина не так уж и плоха, подумал он. Вовсе даже неплоха!

— Командный отсек корабля. Депутату Джилленнику, — раздалось из экранного динамика.

— Слушаю, — произнес он в направленный микрофон.

— Связь полностью налажена и готова к ра-

боте, сэр. Скоро на связь выйдет Орадо. Когда я отключусь, ваша радиорубка будет защищена противоподслушивающим полем.

— Двойная проверка защиты, — проговорил Джилленник и нажал кнопку «Вкл.» ниже экрана.

* * *

— Что вас побудило отдать приказ не преследовать последнюю пару парагуанских военных кораблей и позволить им уйти? — спросил Советник Федерации Мавиг.

Джилленник посмотрел на двух людей, появившихся на экране. Рядом с Мавигом находился Толм Сайндхиз, директор службы Психологического Сервиса. Как и предполагал Джилленник, ситуация уже обрела солидный общественный резонанс. Обсуждение не ограничивалось участием в нем только их троих. Как ранее сообщил Мавиг, к нему был привлечен целый круг лиц с Орадо, обладающих различным весом в обществе. Имен он не называл. В этом не было нужды. Действия депутата Совета Федерации на Нэнди-Клайне обсуждали высшие министерские чины. Так, так, так…

— Флотилия неполнозвездного адмирала Татло

была на подходе к планетной системе, когда мы приняли с Нэнди-Клайна искаженное помехами сообщение о том, что там начались боевые действия. Татло прибавил ходу. К тому времени, как на стационарную орбиту прибыла основная часть его сил, парагуанские корабли по двое и по трое уносились в космос на всех парах. Наши корабли рассредоточились и стали их сбивать.

Было очевидно, что неприятель потерпел сокрушительное поражение еще на поверхности планеты. Хотя колониальные вооруженные силы и приняли участие, но их действия явно не могли стать причиной катастрофы, постигшей Парагуанов. Речь шла даже не об организованном отступлении, — это было беспорядочное паническое бегство. Но какова бы ни была причина обрушившегося на агрессора бедствия, я решил, что нам будет только на руку, если Порад-Анц услышит о нем из первых уст.

Флагманский корабль атаковал два самых крупных парагуанских корабля, класс которых, судя по последним сообщениям с места событий, приблизительно соответствует нашему крейсеру. Логично было бы предположить, что на борту находятся высокие чины. Теперь мы знаем, что, не считая штабного корабля, уничто-

женного еще в атмосфере планеты, они были крупнейшими кораблями из всех, принимавших участие во вторжении. На то, чтобы связаться с Орадо, времени не оставалось. Мы находились в самой гуще боя, и через минуту-другую бравые парни Татло разнесли бы неприятеля в щепки. Я являлся главным гражданским представителем правительства у него на флагмане. Исходя из всего вышеизложенного, я и отдал приказ.

Мавиг поджал губы:

— Адмирал безоговорочно поддержал этот шаг?

— Разумеется, нет, — сказал Джилленник. — С тактической точки зрения, он не имел смысла. Я и сам впоследствии склонен был временами сомневаться в правильности своего решения.

— Полагаю, — сказал Мавиг, — что ваши сомнения рассеялись после того, как вы восприняли сводку, взятую из памяти доктора Этланд.

— Вы совершенно правы.

Мавиг хмыкнул.

— Ну что ж… Теперь нам известно, что произошло с вражеским экспедиционным корпусом, — заметил он. — Командные эшелоны Парагуанов получили достаточную порцию психологической войны — в самой ужасной ее форме. Ваши

действия одобрены, господин депутат. Что привлекло ваше внимание к доктору Этланд и ее друзьям?

— Я высадился на Нэнди-Клайне при первой же возможности, — стал рассказывать Джилленник. — На планете все еще царила неразбериха, и я не мог получить немедленного объяснения причины отступления Парагуанов. Но я выяснил, что боевые действия начались после сигнала тревоги, посланного доктором Этланд с. одного из островов плавучего леса. К этому времени она уже добралась до материка, и я нашел ее в больнице, куда она доставила доктора Кея. Она вкратце рассказала, что тут произошло. Я убедил ее отправиться вместе со мной на флагманский корабль, прихватив с собой и доктора Кея. Она согласилась при условии, что доктор Кей будет постоянно находиться под медицинским присмотром. Совсем недавно они отправились обратно в больницу на материк.

— Люди, находящиеся в курсе всех этих дел… — произнес Мавиг.

— Доктор Этланд, доктор Тайкос Кей, доктор Данрич Паррол, — отозвался Джилленник. — Специалисты по пересадке памяти знают достаточно, чтобы это не выходило у них из головы. То же

самое можно сказать и о моей секретарше.

— С персоналом трудностей не возникнет. А вот можно ли надеяться, что первые трое сохранят тайну?

— Они все прекрасно понимают. Думаю, на них можно положиться. Официальная версия приключившейся с ними истории заключается в том, что доктор Этланд и доктор Кей обнаружили Парагуанов и следили за ними из укрытия. Захватчики свидетелей своего вторжения не видели, и никаких контактов между людьми и Парагуанами не было. Никто и никогда не упомянет о теории Тувел или о чем-нибудь еще, что имеет значение для Нэнди-Клайна.

Мавиг посмотрел на директора Психологического Сервиса. Сайндхиз кивнул и промолвил:

— Судя по личностным характеристикам, проявленным в «конспектах» их памяти, я считаю, что такой вариант вполне приемлем. Я предлагаю снабдить всех троих дополнительной информацией. Тогда они смогут четко уяснить, почему, с точки зрения Федерации, в этом вопросе необходимо соблюдать строгий режим секретности.

— Очень хорошо, — согласился Мавиг. — Сейчас уже установлено, что на других четырех водных планетах, на которые Парагуаны могли

бы высадиться одновременно с высадкой на Нэнди-Клайн, агрессоров нет. По слухам, вражеские действия были сосредоточены только на Нэнди-Клайне. Мы поддерживаем эти слухи. — Он взглянул на Толма Сайндхиза: — Как я понял, ваши люди уже приступили к пропагандистской кампании на этих планетах?

— Да, — отозвался Сайндхиз. — В данном случае, кампания будет несложной. Мы разрабатываем версию, наиболее доступную для местного населения.

— В чем эта версия заключается?

— В том, что части местной гражданской гвардии и колониальные вооруженные силы разгромили агрессора наголову до того, как ему удалось убраться обратно в космос. Версия уже одобрена более чем наполовину.

— Если бы не было подготовительной работы, проведенной доктором Этланд, — задумчиво промолвил Джилленник, — я склонен предположить, что именно так и произошло бы. Разумеется, ценой огромных человеческих потерь. Контратака была осуществлена с поистине всеобщим подъемом.

— Мы очень давно не воевали, — сказал Мавиг. — И в этом кроется часть наших проблем. Как

насчет общей реакции Ядра, господин директор?

— Мы допускаем, что тема вооруженного столкновения может стать главной в СМИ, но только в течение трех суток, — сказал Сайндхиз. — Потом последует целая серия заготовленных сенсаций, которые должны навсегда вытеснить события на Нэнди-Клайне из программ новостей. Можете мне поверить, я не вижу здесь никаких подводных камней.

Мавиг кивнул.

— Тогда пойдем дальше. Мне очень нравится местный термин — «громгорру». Мы его можем позаимствовать в качестве ключевого слова для обозначения событий, произошедших на Нэнди-Клайне.

— Кроме «Громгорру», еще и «Хранители-Тувелы», — многозначительно добавил Толм Сайндхиз.

— Да. Крейсеры, которым удалось беспрепятственно удрать с Нэнди-Клайна, скоро доберутся до Порад-Анца. Немногие оставшиеся в живых участники вторжения изложат свою версию событий. Высшие эшелоны Вечноживущих в течение двух-трех недель впитывают в себя неведомый ранее страх перед Тувелами. В языке Федерации нет второго такого слова, которое

вызывало бы столь мощную реакцию. Что же произойдет потом? Господин депутат, вы ведь обладаете завидным воображением. Как бы вы предложили завершить это дело с Порад-Анцем?

— С точки зрения Тувел-Хранителей? По-моему, в соответствии с их моделью поведения, которую предоставила нам доктор Этланд. Отношение к врагу не должно состоять из одного лишь к нему презрения, но близко к этому. Мы захватили в плен более тысячи Парагуанов низшего ранга, так называемых Оганунов. Простые солдаты нам совершенно ни к чему. Хранители никого бессмысленно не убивают. Через неделю-другую пленников следует отправить на Порад-Анц.

— В сопровождении военно-космического флота? — спросил Мавиг.

Джилленник покачал головой.

— Нет, их должен доставить единственный корабль, господин Советник. Но он должен произвести впечатление — для этой цели я предложил бы «Большого Разведчика». Да, только один корабль! Хранительница Этланд появилась в плавучем лесу одна-одинешенька. Случайность, как считают Парагуаны. Хранители не послали бы на Порад-Анц целую флотилию. Или более одного Хранителя.

— Да… правильно. А потом?

— Из того, что было сказано доктору Кею, следует, — продолжал Джилленник, — что на Порад-Анце пленников не оставляют в живых. Но мы должны убедиться в этом, и нам следует дать понять Вечноживущим, что мы твердо намерены выяснить, нет ли у них в плену полумертвых или с искалеченной психикой наших сородичей. Мы не оставляем граждан Федерации на произвол судьбы.

Толм Сайндхиз промолвил:

— Психологический Сервис предоставит дюжину ксенотелепатов для этой экспедиции. Они выяснят всю подноготную.

Мавиг кивнул.

— Что еще, господин депутат?

— На Нэнди-Клайне были убиты люди, — сказал Джилленник. — Непосредственные исполнители убийств почти наверняка мертвы. Но властям на Порад-Анце следует преподать урок — и за это, и просто за беспокойство, которое нам причинили. Они падки на захват новых территорий. Как насчет того, чтобы урезать их собственные?

— По данным ксеноразведки, они оккупировали от восемнадцати до двадцати водных планет. Им можно приказать, чтобы они убрались, до-

пустим, с двух из этих планет, — скажем, с тех, что расположены ближе всего к Федерации, — и дать им достаточно ограниченный срок на выполнение нашего требования. А по истечении предоставленного для эвакуации срока мы пошлем проверочную комиссию, исполнено ли оно. Этого будет достаточно?

— Полагаю, — сказал Джилленник, — что Хранитель ответил бы утвердительно. — Немного помявшись, он добавил: — Мне кажется, что нам в этой связи не следует употреблять термины «Тувела» или «Хранитель». Ими вообще не надо пользоваться. Пусть Вечноживущие на Порад-Анце сами догадаются, кто от имени Федерации отдает им приказы. Для нас будет лучше, если сверхлюдей теперь окутает тайна, и они станут «громгорру». Так они принесут человечеству больше пользы.

Мавиг кивнул и отвел взгляд в сторону.

— Я вижу, — заметил он, — что выбор того, кто доставит приказы Совета на Порад-Анц, уже сделан. — Он нажал кнопку на стойке перед собой. — Прошу к вашему персональному телетайпу, господин депутат…

Джилленник подошел к устройству, закрепленному на стойке, вынул оттуда карточку и увидел,

надо отметить, без особого удивления, что на карточке значилось его собственное имя.

— Благодарю за оказанное доверие, — спокойно произнес Джилленник.

— Можете готовиться к командировке. — Мавиг перевел взгляд на Толма Сайндхиза: — Следует ожидать, что через несколько недель кое-кто на Нэнди-Клайне станет проявлять интерес к прошлому доктора Этланд и доктора Тайкоса Кея. Возможно, стоит проследить, к чему приведут их «расследования».

Директор пожал плечами:

— Разумеется, мы будем ожидать появления подобных «дознавателей». Однако мне кажется, что если в результате их изысканий что-то и обнаружится, в этом ничего нового не будет…

Протокол заседания Оценочной Комиссии в составе:

Властелинов Сессегура, Предводителей Темных Кораблей.

Предмет обсуждения: «Парагуано-человеческий конфликт на Нэнди-Клайне».

Комиссия заседала в Пурпурном Зале Властелина Айлдана. Кроме него самого и постоянных членов Комиссии на заседании присутствовала также делегация с Вироллы во главе с ее

Полномочным Послом. Властелин Айлдан представил Комиссии Посла и членов делегации. Он упомянул о часто высказываемых требованиях Вироллы и входящих в ее состав рас и народов о том, что Союз Властелинов Сессегура должен дать свое согласие возглавить союзнические вооруженные силы и координировать нападение на Федерацию Ядра Звездного Скопления. Он объяснил, что выводы, сделанные Комиссией, могли бы послужить ответом на эти требования. Затем попросил Властелина Тошина — Главного Посла Союза в Федерации Ядра — прокомментировать разведывательные данные, полученные из Федерации после поражения Парагуанов.

Властелин Тошин: «Общее впечатление, которое оставила у Федерации попытка Парагуанов захватить планету Нэнди-Клайн, таково, что она считается чрезвычайно малозначительным событием. За сравнительно короткий промежуток времени, еще до того, как я покинул Орадо, чтобы лично побеседовать с другими членами этой комиссии, стало ясно, что среднестатистический гражданин Федерации почти ничего не помнит о событиях на Нэнди-Клайне. Разумеется, следует учитывать, что этот самый среднестатистический гражданин, скорее всего, никогда прежде не

слышал о планете под названием Нэнди-Клайн. Из-за неимоверного количества населенных миров Федерации значение отдельно взятой планеты значительно размыто.

На самом Нэнди-Клайне столкновение с Парагуанами остается темой наивысшего приоритета. Казалось бы, что основные силы Парагуанов должны были быть уничтожены военными кораблями Федерации в космосе, тем не менее своим сокрушительным поражением они обязаны прежде всего населению континента. От многочисленного народа, обитающего на морских просторах, так называемых глиссерщиков, ничего добиться не удалось. Следуя своим обычаям, они остаются закрытыми для любого рода контактов. А уж с федеральными представителями массовой информации и другими организациями, интересующимися их мнением о произошедшем, глиссерщики обращаются настолько нелюбезно, что у многих пропадает охота спрашивать их еще раз.

Среди материалов, циркулирующих в Федерации, до сих пор не было ни одного даже малейшего публичного упоминания о теории Тувел. Личность, которую уцелевшие Парагуаны называют в своих отчетах Порад-Анцу «Хра-

нительницей Этланд», и которую они считают принадлежащей к особому классу сверхлюдей, известных, как Тувелы, существует на самом деле. Это доктор Найл Этланд, и она уроженка Нэнди-Клайна. Мое ведомство провело тайное и вместе с тем очень тщательное расследование как ее рода занятий, так и ее прошлого. Большинство из вас ознакомлено с результатами этого расследования. В них отмечается, что доктор Этланд действительно очень одаренная личность и обладает высокоразвитым интеллектом, но все это не выходит за рамки человеческих способностей. По образованию и по профессии она — биохимик. Нет никаких оснований предполагать, что она является одной из тех, возможно, мутировавших людей, которые взяли на себя роль тайных руководителей и защитников Федерации. Расследование, проведенное одновременно в отношении ее напарника — доктора Тайкоса Кея, который, как считают Парагуаны, тоже, вероятно, является Тувелой, дало аналогичные результаты. У нас нет оснований полагать, что доктор Кей представляет собой нечто большее, нежели то, чем он кажется.

Особый интерес представляет тот факт, что общественность Федерации понятия не имеет

о той роли, которую эти личности сыграли в откровенно паническом бегстве Парагуанов с Нэнди-Клайна, и какую оставшиеся в живых Парагуаны им приписывают. На самой планете считается, что доктор Этланд и доктор Кей первыми подали сигнал о присутствии врага, который вторгся на Нэнди-Клайн — и это все, что они сделали.

Под влиянием обстоятельств я решил, что будет неразумно пытаться опросить доктора Этланд непосредственно. Опросить доктора Кея в любом случае не представлялось возможным. По истечении срока пребывания в больнице он, по всей вероятности, вернулся к своим исследованиям на одном из многочисленных островов плавучих джунглей этой планеты. По-видимому, только доктору Этланд известно, где он сейчас находится».

Властелин Айлдан: «Властелин Майнгольм, являющийся в последнее время Послом Союза на Порад-Анце, сейчас прокомментирует несоответствие между обнародованной в Федерации версией причины поражения экспедиционного корпуса Порад-Анца и мнением уцелевших Парагуанов, высказанных по этому поводу».

Властелин Майнгольм: «Как известно Ко-

миссии, только двум парагуанским кораблям, принимавшим участие во вторжении, удалось избежать уничтожения и вернуться на Порад-Анц. На борту этих кораблей находились восемьдесят два Палача и Великих Палача. Из них двадцать восемь были непосредственными свидетелями столкновения Вечноживущих с женщиной, которую называют «Хранительницей Этланд».

Все восемьдесят два являлись членами политической фракции, известной, как «Глас Решимости». За участие в губительном политическом перевороте, совершенном ими ни Нэнди-Клайне, они были приговорены к смертной казни. Перед этим они подверглись частым и интенсивным допросам с применением жестоких пыток. Я присутствовал на нескольких таких допросах, и в некоторых случаях мне было позволено задавать вопросы непосредственно допрашиваемому.

Их рассказы совпадали во всех самых важных пунктах. И доктор Кей, и сама доктор Этланд открыто заявляли, что доктор Этланд является Хранительницей Федерации и, будучи Тувелой, обязана выполнять свое предназначение. И все-таки эти заявления долго не могли убедить Глас Решимости, который решительно отвергал причастность теории Тувел к событиям,

имевшим место в прошлом при первом человеческо-парагуанском столкновении. Особенно яростно они возражали против утверждения, что Тувелы якобы обладают сверхъестественными возможностями. Однако события, которые стали развиваться в той местности, где насильно удерживали доктора Кея, сразу после появления там доктора Этланд, убедили Великих Палачей в обратном. Казалось, никто и ничто не может остановить эту женщину. Она появлялась там, где хотела, и пропадала, когда хотела, будь это в море или в густых зарослях плавучего леса. Она была неуловима как привидение. Более того, кто имел несчастье столкнуться с ней лично, уже не мог сообщить об этом. Он просто исчезал. В списке пропавших числится выдающийся Великий Палач, известный, как неутомимый воин и руководитель Гласа Решимости, а также оба прошедших высшую степень боевой подготовки тарма. (Эти гигантские животные обладали наиболее эффективной разрушительной силой, и, тем не менее…) Когда большинство Вечноживущих проголосовало за переговоры с Хранительницей, она добровольно явилась на базу и велела Великим Палачам убраться с планеты. Глас Решимости понял, что дух их товарищей из

Гласа Осторожности сломлен, и они подчинятся ее приказу. В приступе ярости и отчаяния они перебили большинство, готовое пойти на уступки Тувеле, и захватили в свои руки командование экспедиционным корпусом.

После этого ситуация только ухудшилась. Глас Решимости пошел на такой шаг, исходя из того, что Хранительница Этланд, в своем желании говорить с Вечноживущими, позволила загнать себя в ловушку. В тот момент она все еще находилась в охраняемом помещении на базе, была безоружна, и вместе с ней там находился доктор Кей. Но когда туда была послана расстрельная команда с тем, чтобы ее казнить, все участники были уничтожены в результате ужасающей по своей свирепости атаки обитающих в тех местах живых организмов. До этого момента они казались совсем безобидными. Другие участки форта оказались заполнены смертельно-ядовитыми испарениями. Возникла сильнейшая суматоха, и спустя довольно продолжительное время обнаружилось, что Хранительница покинула базу, будучи, по всей видимости, невредимой, да еще забрала с собой доктора Кея.

После этого их никто не видел. Однако признаки присутствия Хранительницы в том или

ином районе острова следовали один за другим. Великие Палачи и Палачи из Гласа Решимости, находились теперь в яростных спорах друг с другом по поводу выбора оптимального плана действий. Они укрылись за броней командного корабля и двух других космических судов. Эти корабли находились на якорной стоянке глубоко под водой. Им представлялось, что теперь они находятся вне досягаемости Хранительницы. Но вскоре на командный корабль пришло обрывочное сообщение о том, что она предприняла атаку на два других судна. Вслед за сообщением последовали мощные взрывы, в результате которых оба корабля, очевидно, были уничтожены.

Эта капля переполнила чашу терпения. С командного корабля по радио было отдано распоряжение всем подразделениям на Нэнди-Клайне немедленно покинуть планету. Как нам известно, эта запоздалая попытка унести ноги оказалась безуспешной. Люди уже приступили к массированной атаке. Командный корабль, очевидно, был уничтожен в атмосфере планеты. За короткое время весь экспедиционный корпус был фактически истреблен.

Должен особо подчеркнуть, что совокупность этих событий, которые произошли за

сравнительно короткий промежуток времени, подействовала на Парагуанов угнетающе. По признанию оставшихся в живых, их ряды охватила болезненная тревожность и предчувствие скорого краха. В результате таких настроений возобладало убеждение, что они бросили вызов какой-то неуязвимой сверхъестественной силе. Создалось устойчивое впечатление, что уцелевшие в результате битвы на Нэнди-Клайне Парагуаны находились в большей степени под впечатлением пережитого, нежели того реального, прекрасно осознаваемого ими факта, что своими действиями они попрали законы Порад-Анца. Дело не в том, что среди побывавших на Нэнди-Клайне, в итоге, не осталось скептиков в отношении теории Тувелы, а в том, что Тувела, по-видимому, доказала им свою реальную опасность, более реальную, чем они могли себе представить. Впечатление усиливалось тем, что Хранительницей Этланд оказалась молодая женщина. Парагуанам известно, что у людей, как и у многих других рас, именно мужчина, вследствие своих биологических и психических особенностей, а также традиций, является бойцом. То, что мог бы с ними сделать в этих обстоятельствах зрелый мужчина-Тувела, потрясло их воображение.

Было очевидно, что для расправы над силами вторжения Хранители посчитали излишним задействовать одного из своих наиболее грозных представителей. Было также очевидно, что их решение оказалось правильным.

Я должен признать, что свидетельства уцелевших Парагуанов объективно верны. То, о чем они рассказывали, произошло на самом деле. Другое дело, в каком свете следует истолковывать эти события. Сообщения, имеющие хождение по Федерации, искажены в том смысле, что истинная причина разгрома Парагуанов на Нэнди-Клайне заключается в появлении в этом районе доктора Этланд и в предпринятых ею действиях, которые не предаются широкой огласке. Я не знаю, в чем кроется причина такого извращения фактов».

Властелин Айлдан: «Свои замечания по данному вопросу выскажет Властелин Тошин».

Властелин Тошин: «Я согласен с выводами, сделанными Властелином Майнгольмом. Мы можем допустить, что уцелевшие Парагуаны поведали правду — в том виде, как она им представлялась. Далее, мы должны задаться следующими вопросами: почему официальная версия Федерации, касающаяся поражения Парагуанов, никак не связана с теорией Тувел? Почему имя доктора Эт-

ланд было едва упомянуто? И, наконец, почему ее заслуга признается лишь в том, что она сообщила о вражеском присутствии?

Наиболее простое объяснение этому, на первый взгляд, может заключаться в том, что она и в самом деле является Хранительницей-Тувелой — как утверждал доктор Кей, и как потом заявляла Великим Палачам она сама. Но это ставит нас перед другим вопросом, а именно: с какой стати Хранительнице понадобилось выставлять напоказ свою, хранимую в глубокой тайне личность, и подвергать свою группу опасности? Разумному объяснению такие действия не поддаются.

Далее. Я не вижу места для клана тайных властителей в структуре Верховного Правительства Федерации. Это сложный, многослойный орган, и Совет Федерации, входящий в его состав, хоть и считается у населения средоточием власти, частенько производит впечатление посредника между многочисленными могущественными ведомствами. То, что эти структуры, возглавляемые очень сильными, решительными и активными индивидами, являются простыми пешками, которыми манипулируют по своему усмотрению Тувелы-Хранители, представляется весьма сомнительным фактом.

Поэтому я осмеливаюсь утверждать, что нам не следует принимать в расчет тот факт, что доктор Этланд является Хранительницей. Он не является удовлетворительным объяснением поражения экспедиционного корпуса Порад-Анца. Прошу Властелина Айлдана поставить вопрос на голосование».

Властелин Айлдан: «Голосование состоялось, и Комиссия одобрила это предложение. Властелин Тошин подведет итог своему выступлению».

Властелин Тошин: «Другое возможное объяснение заключается в том, что доктор Этланд, будучи хоть не Хранительницей и не Тувелой в парагуанском понимании этого термина, обладает уникальными способностями. Используя их, она до такой степени затерроризировала силы вторжения, что те обратились в беспорядочное бегство. В данном случае я не исключаю возможность применения того, что известно под названием «сил Ульда». По этому поводу могу сказать одно: ни в ее послужном списке, ни в характеристике — нигде не отмечено, что она обладает подобными способностями. Кроме того, не обладая достаточной информацией об использовании людьми так называемых «сил Ульда», у меня нет какого-либо определенного мнения по

этому поводу».

Властелин Айлдан: «Свое мнение выскажет Властелин Галхад».

Властелин Галхад: «Однажды я провел в Федерации обширное исследование по этому вопросу. Я намеревался проверить теорию, которая заключается в следующем: когда какой-либо биологический вид (в данном случае, люди) выходит в космос, то в результате воздействия на него широкого спектра физических и психологических факторов, в конце концов, происходит резко выраженный всплеск использования этим биологическим видом «сил Ульда». Но человечество совсем недавно, по биологическим меркам, вышло в космос. Так или иначе, но я не смог получить ни подтверждения этой теории, ни опровержения, поскольку в Ядре Звездного Скопления не так давно завершился период политической неразберихи, и многие документы пропали. Все доступные мне материалы оказались недостаточно надежными.

Тем не менее, удалось выяснить, что люди шире используют «силы Ульда», чем большинство других разумных существ, которые известны на сегодняшний день. Люди, занимающиеся этим, называются пси. В Федерации к ним со стороны

населения не проявляется особого интереса. Существует достаточное количество ложной информации об их деятельности. Возможно, некоторые ветви Верховной Власти занимаются вопросом пси, но доказательств этому я не обнаружил. Также вероятно, что успехи Федерации в управлении «силами Ульда» небиологическими методами превзошли все известные достижения в этой области. Поэтому там с некоторым безразличием относятся к управлению «силами Ульда» с помощью живого мозга, которое, как правило, является менее точным, нежели с помощью приборов.

Следовательно, вопрос состоит в том, каким же способом доктор Этланд могла использовать «силы Ульда», что привело к таким потрясающим результатам, о которых вам доложил Властелин Майнгольм: то ли непосредственно, то ли с помощью специальных устройств? Побудила ли она безобидные, как правило, низшие формы жизни наброситься на расстрельную команду? Сделала ли она себя пси-невидимой и, в общем, неуловимой? Заставила ли она своих противников сгинуть: в морских ли глубинах, в космосе, или даже в иных измерениях пространства, которые нам пока неизвестны? Помутила ли она

рассудок у членов Гласа Решимости, заставив их таким образом совершить бунт, который привел к столь сокрушительным последствиям? Явилось ли умелое использование «сил Ульда» причиной взрывов на погруженных под воду кораблях, которые спровоцировали немедленное отступление?

Все это вполне возможно. Мы знаем, или догадываемся, что пси и все остальные, кто умеет использовать в своих интересах Ульд, способны породить явления, подобные тем, которые я перечислил.

И все-таки это невозможно. Отчасти потому, что нет сведений, говорящих в пользу того, что какой-либо Ульд-пользователь мог бы употребить эти силы для столь различных целей. Даже если допустить, что доктор Кей тоже является законченным пси-феноменом, и они оба работали на пару, это остается невероятным.

Это невозможно еще и по другой причине. Мы не можем утверждать наверняка, что доктору Этланд удалось исполнить все то, что она сделала, лишь с помощью одних «сил Ульда». Если рассматривать события по отдельности, то каждое из них могло быть вызвано обычными причинами. И так как целенаправленное использование Уль-

да, даже среди людей, остается в значительной мере чрезвычайно редким явлением, его нельзя принимать во внимание при наличии других объяснений».

Властелин Айлдан: «Я ставлю вопрос на голосование. Принято единогласно. Свое мнение выскажет Властелин Тошин».

Властелин Тошин: «Остается, как верно заметил Властелин Галхад, третья возможность. Я нахожу ее даже более тревожной, чем две предыдущие, которые мы уже обсудили. Итак, она заключается в том, что доктор Этланд является именно тем, кем она кажется на первый взгляд — исключительно одаренным человеком, но без каких-либо паранормальных свойств и не обладающим ореолом приобщения к таинственной власти. Наше расследование показывает, что она досконально изучила плавучие леса своей планеты и все встречающиеся там формы жизни. Она хорошо владеет оружием и во многих случаях одерживала верх в схватке с себе подобными. Доктор Кей достаточно долго находился в плену у Парагуанов, чтобы иметь возможность разработать в малейших деталях придуманную им от начала до конца теорию Тувел. Трудно понять, каким образом ему удалось передать эту информацию

доктору Этланд. Однако если предположить, что он нашел-таки способ сделать это, то нам, видимо, следует признать, что доктор Этланд воспользовалась как полученной от доктора Кея информацией, так и своим знанием местности и предоставляемых этой местностью тактических возможностей. Это, а также хорошая физическая подготовка доктора Этланд вкупе с обычным оружием привело к тому, что враг оказался полностью деморализован и в конечном итоге был обращен в паническое бегство. Именно в этом состоит наиболее приемлемое объяснение событий, о которых сообщили уцелевшие Парагуаны.

Разумеется, мы не в силах это доказать. И совершенно очевидно, что этого как раз и добивается Верховное Правительство Федерации. Для достижения своей цели оно позаботилось о том, чтобы в официально утвержденных отчетах по поводу парагуанского вторжения ни словом не было упомянуто ни о роли доктора Этланд, ни о теории Тувел. Все любопытствующие, которым известна парагуанская версия случившегося, со временем узнают, что в этом вопросе многое утаивается. Однако им останется по данному поводу только строить догадки и предположения. И эти их домыслы, скорее всего, будут тревожными. Следует

отметить, что не так уж важно, какая из обсуждаемых нами возможностей соответствует истине. Личность, известная нам, как доктор Этланд, будет представлять для врага смертельную опасность во всех отношениях. Молчание властей Федерации в этом вопросе нам следует рассматривать, как предупреждение, направленное в адрес тех, кто собирается основывать свои действия на слишком определенных выводах. Один из таких выводов сделал в свое время Порад-Анц. Такая политика умалчивания подразумевает, что любой потенциальный агрессор никогда не будет знать заранее, какого рода катастрофа может быть уготована ему людьми. Зато он будет знать, что, попытавшись завоевать какую-либо планету Федерации, он столкнется там с чем-то совершенно неожиданным. Может быть, с тем, что и предположить-то невозможно».

Повелитель Майнгольм: «И все же мы должны попытаться это предположить. Мы установили только то, что доктор Этланд — опасная личность. Какую полезную информацию можно извлечь из парагуанской ошибки относительно человеческого рода?»

Властелин Тошин: «Ошибка подтверждает, что люди невероятно различаются между собой.

Оценка Парагуанов основывается на изучении нескольких тысяч человеческих индивидуумов, тайно похищенных в космосе на протяжении длительного промежутка времени. Испытания проводились до полного уничтожения испытуемых. Без сомнения, в результате этого Порад-Анц многое узнал об этих людях. Его ошибка состояла в обобщении полученных сведений и в расчетах, построенных на этом обобщении. Утверждать только на основании сделанного Парагуанами обобщения, что конкретный человек является таким-то и таким-то, что он способен на то-то и то-то — означает автоматически вводить себя в заблуждение. Человеческий род, его деятельность и философия остаются непредсказуемыми. Индивидуальности отличаются друг от друга, а весь род в целом изменяется под влиянием обстоятельств. По-видимому, такая неустойчивость вида является главным источником его силы. Мы не можем судить о нем только на основании того, каким он является сегодня, или того, каким он был вчера. Мы не знаем, каким он станет завтра. Вот что нас особенно тревожит».

Властелин Айлдан: «Это и в самом деле нас очень беспокоит. Из того, что было сказано, следует, что человеческое Верховное Правительство

следует рассматривать, как фактор первостепенной важности. Свое мнение выскажет Властелин Батрас».

Властелин Батрас: «Функция Верховного Правительства состоит в выработке стратегии. Отчасти его стратегические планы направлены за пределы Федерации — в глубины вселенной. Но это только небольшая часть его планов.

Теперь, что касается Федерации, как объекта нападения. Федерация занимает необозримые территории в космосе. Населенные людьми планеты кажутся почти полностью затерянными среди неизмеримо большего количества планет, на которых обитают другие существа. Все политические структуры Федерации, кроме центральных, представляются слаборазвитыми. Военная мощь Федерации колоссальна, но она очень сильно распылена.

Таким образом, Федерация может показаться на первый взгляд весьма уязвимой для ограниченного захвата ее территорий решительным и хорошо подготовленным противником. Но нам известно, что в течение многих звездных периодов каждая попытка такого захвата терпела фиаско. Мы были свидетелями и того, как более изощренные планы по ослаблению и нанесению

урона человеческой цивилизации также заканчивались полным провалом. Мы до сих пор не знаем подробно, отчего именно потерпели крах некоторые из этих планов. Однако на основании того, что мы только что обсудили, можно, в принципе, сказать, что Федерация является своеобразной биологической крепостью, защитой которой является сама природа ее обитателей. В эту крепость легко проникнуть. Но когда такое происходит, это оборачивается целым ворохом непредвиденных и всегда смертельных ловушек.

Согласившись с таким утверждением, мы должны задаться вопросом: почему Верховное Правительство упорно продолжает действовать так, как будто специально хочет скрыть устойчивость положения Федерации? Мы видели, что его политика заключается в том, чтобы относиться к враждебным действиям, как к чему-то незначительному. По этому поводу Верховное Правительство выдает лишь ту минимальную по объему информацию, которую просто невозможно утаить. Можно предположить, что оно искренне верит в то, что нынешние соседи Федерации по Галактике не представляют собой реальной военной угрозы. Однако проявляемая им огромная сдержанность в применении ответных

мер за умышленное нападение должна иметь под собой более серьезную причину. Например, в последнем случае Верховное Правительство Федерации даже не заставило Порад-Анц разоружиться. Такое принуждение не составило бы большого труда.

По моему мнению, у нас накопилось уже достаточное количество информации, чтобы объяснить, в чем тут дело. Главной заботой Верховного Правительства Федерации является население ее собственных планет. Какие планы оно вынашивает для своих подчиненных, мы не знаем. До сих пор это не поддается анализу. Но мы знаем, какие планы оно не готовит для своего населения. Нам также известны методы, применяемые Верховным Правительством для того, чтобы население не двигалось в направлениях, которые считаются нежелательными.

Поразмыслите еще раз над тем, что сказал Властелин Тошин об этом существе под названием «человек». Индивидуальности могут различаться по складу характера или по манере поведения. Но, как вид, человек является исключительно опасным существом. Без сомнения, агрессивность является неотъемлемой чертой его характера. До того, как выстроилось здание Федерации, люди

воевали друг с другом на протяжении многих звездных периодов на всем занимаемом ими пространстве. Воевали с неутолимой яростью, которую редко встретишь у других разумных существ. С формальной точки зрения, у них с той поры царит мир. Но агрессивный потенциал никуда не делся. В том или ином виде он все равно проявляется. Только сейчас он не выходит за рамки принятых у людей норм поведения.

Я уже сказал, что нам известно, чего не хочет человеческое Верховное Правительство. Оно не хочет, чтобы у его неустойчивых, изменчивых, опасных подданных выработалась идеология космической экспансии. Такие устремления не могут дать людям ничего такого, чего бы у них уже не было. А благодаря этой идеологии они могут в итоге вернуться к временам междоусобиц, которые предшествовали созданию Федерации. Возможно, Верховное Правительство имеет в виду и другие соображения по этому поводу. Мы этого не знаем. Но нам доподлинно известно, что в настоящее время человеческий род склоняется к тому, чтобы не проявлять враждебности по отношению к другим разумным существам. У этого правила есть и исключения, носящие ярко выраженный уголовный характер. Многие, в том

числе и мы, уже испытали это на себе. Но эти исключения и самими людьми рассматриваются, как уголовные. Такое, пока господствующее среди людей, отношение к чужим цивилизациям может измениться, если у нынешнего населения Федерации возникнет впечатление, что ему постоянно бросают серьезный вызов внешние враги. Пока у людей оснований так думать нет. Парагуанское вторжение рассматривается как серьезный вызов только на самом Порад-Анце. Мы предвидели его провал. Вместе с тем мы считали, что сможем извлечь из него полезные сведения для себя — что мы и сделали.

Я предлагаю Комиссии согласиться с тем, что теперь мы обладаем исчерпывающей информацией. Верховное Правительство Федерации продемонстрировало, что оно опасается того состояния, в которое могут впасть его граждане, если их то и дело раздражать такими вещами, как парагуанская попытка захватить Нэнди-Клайн. Нам тоже следует проявлять достаточное благоразумие, чтобы опасаться такого состояния у людей. Если Федерация пойдет по пути ответных завоеваний, то это вскоре может стать у них сложившейся традицией. Вот где кроется реальная опасность!»

Властелин Айлдан: «Комиссия согласна. Я, Властелин Айлдан, говорю сейчас от имени Союза Властелинов Сессегура, Предводителей Темных Кораблей. Я обращаюсь к делегации от Вироллы и ко всем тем, кого они представляют. На всей территории, на которую распространяется влияние Союза, отныне не будет ни готовиться, ни замышляться никаких враждебных действий по отношению к человеческой Федерации. Союз это запрещает. Темные Корабли будут бдительно следить за выполнением этого постановления, как они делали это раньше, на протяжении множества звездных периодов. И остерегайтесь нарушать требования Союза!»

Постановление принимается комиссией единогласно, после чего заседание объявляется закрытым.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В дни своего расцвета Генри Шмиц был одним из известнейших и любимых авторов научной фантастики. Но расцвет этот был короток и длился немногим больше десятилетия. Хотя Шмиц опубликовал свой первый фантастический рассказ в 1943-м году — «Зеленолицый» («Greenface»), появившийся в августовском выпуске «Неизведанного» («Unknown») — его писательская карьера в НФ последующие годы проявлялась лишь эпизодически.

Поворотной точкой в карьере Шмица стал 1961-й год. За предыдущие восемнадцать лет он создал в точности такое же число рассказов — большинство из них (с заметным исключением в виде рассказа «Дедушка» («Grandpa») и четырех историй об агенте с Веги) были весьма среднего качества. Затем, за двенадцать последующих лет, тот же человек написал и опубликовал свыше пятидесяти. И в их числе его лучшие работы: четыре романа — «Наследие» («Legacy»), «Ведьмы Карреса» («Witches of Karres»), «Дьявольское отродье» («The Demon Breed»), «Вечные рубежи»

(«The Eternal Frontiers») — и почти что все его истории о Федерации Ядра Звездного Скопления. В этот период были написаны все истории о Тэлзи Амбердон, которые вместе с «Ведьмами Карреса» являлись самыми популярными сочинениями Шмица.

В истории любого НФ-автора что-либо подобное случалось редко. В шестидесятых, особенно в первой половине десятилетия, до того, как он переключился на романы, проходило не больше двух месяцев и обязательно в одном из ведущих тогда НФ-журналов появлялся очередной рассказ Шмица. И эти рассказы, за редким исключением, неизменно становились хитом номера.

Я — едва начавший читать фантастику подросток — впервые познакомился с Джеймсом Генри Шмицем именно в тот период. В пантеоне великих фантастов он казался мне столь же значительной фигурой, какими являлись такие могучие столпы, как Роберт Хайнлайн, Артур Кларк и Айзек Азимов. Я был бы потрясен, скажи мне кто-нибудь в то время, что его в конце концов почти позабудут.

Увы, но к XX-му столетию его действительно изрядно подзабыли. Писательская карьера Шмица окончательно завершилась к концу 1974-го, а

в 1981-ом он скончался. В начале восьмидесятых многие повести о Тэлзи еще переиздавались в мягких обложках, наряду с новым изданием «Ведьм Карреса», но со временем и они ушли из печати. С тех пор, кроме однотомного издания 1990-го года в твердой обложке Научно-Фантастической Ассоциации Новой Англии, куда вошло несколько его рассказов, не издавалось ничего.

Почему? Конечно же не потому, что померкла его слава, это абсолютно точно. Моя преданность Шмицу никоим образом не редкость среди давних любителей НФ. Я встречал многих, кто, как и я, никогда не заходил в книжный магазин, не посмотрев при этом с надеждой на полки, не появились ли переиздания каких-нибудь его работ.

Мне кажется, что Шмиц, по большей части, пал жертвой основательного и не всегда положительного сдвига, произошедшего на рынке научной фантастики за последние годы. Потому что по природе рынка в его времена, по его собственному таланту и склонностям, Шмиц являлся автором, главным образом, короткой формы. Он написал всего четыре романа, но ни один из них, кроме «Ведьм Карреса», по своей протяженности не ассоциируется с современным термином «роман». «Дьявольское отродье», к

примеру, вполне могла быть великолепной короткой повестью — НФ-аналогом «Сердца Тьмы» Джозефа Конрада. И хотя по своему объему (50 000 слов) она официально классифицируется как роман, сегодня, разве что за пределами рынка для молодых людей, не найдется коммерческого издателя, который принял бы столь короткую рукопись к производству.

Нынешний мир — это мир романус-гигантикус. На рынке фантастики преобладают многостраничные произведения, и не реже — пухлые многотомные циклы. В этом новом краю литературных бегемотов податливое очарование массы коротких рассказов, повестей и небольших романов Шмица, схожих с изящными антилопами, будет быстро затоптано.

Единственное исключение составляет, конечно, роман «Ведьмы Карреса». Но этого романа, хотя он внушителен даже по современным стандартам и, в общем, считается его лучшей работой, недостаточно, чтобы удержать Шмица на плаву. За редким исключением авторы одного романа не становятся и уж тем более не остаются чемпионами продаж.

Однако так уж случилось, и это, по крайней мере, мое мнение, что «Ведьмы Карреса» — да-

леко не лучшая работа Джеймса Шмица. Эта восхитительная вещь — а «Ведьмы», вероятно, представляют собой величайший образец удачного плутовского романа во всей научной фантастике — занимает второе место после кое-чего другого.

Это «кое-что другое» — причудливая Вселенная Федерации Ядра Звездного Скопления, если воспринимать ее как целое. В зависимости от того, где именно вы проведете границу, эта Вселенная включает около тридцати историй самого разнообразного объема. Начиная с двух романов — «Наследия» и «Дьявольского отродья» — и заканчивая множеством повестей, рассказов и коротких рассказов, все работы Шмица, сосредоточенные во Вселенной Ядра, в сумме превосходят все, что он написал, и составляют свыше полумиллиона печатных слов. Этого более чем достаточно, даже в современном мире литературных динозавров, чтобы занять свое место под читательским солнцем.

Издание, которое вы держите в руках, — таким образом впервые представляет любителям фантастики Федерацию Ядра. Не по клочкам и отдельным кусочкам — немного Тэлзи тут, и изредка Триггер вон там — а *целиком и полно-*

стью. Все произведения до единого. Впервые на протяжении четырех томов читатели смогут проследить за приключениями персонажей Шмица, как они постоянно пересекаются, взаимодействуют и перебегают друг другу дорогу. Тэлзи Амбердон, разумеется, занимает высочайшее положение, но вы также найдете все истории о Триггер Арджи (моей любимой героине), жуликоватом Хеслете Квиллане, Холати Тэйте, Пилч, профессоре Мантелише, Вэлане Дэсинджере — обо всех до единого.

Конечный результат по своему объему — это не очередной сериал. Это нечто куда более редкое и куда более ценное. Это калейдоскопическая проекция того, как бесспорно талантливый писатель видел Вселенную будущего, раскрашенную так, как изображал богатство жизни на холсте художник-импрессионист.

Мы представим эту Вселенную в четырех томах, собранных вокруг трех самых главных персонажей Вселенной Ядра Звездного Скопления Шмица: Тэлзи Амбердон, Триггер Арджи и Найл Этланд. Первый и второй том представляют сагу о Тэлзи, где во втором томе впервые появляется Триггер в качестве ее партнерши по пси. Третий том — целиком о Триггер. Четвертый же том

будет сосредоточен на приключениях еще одной героини, Найл Этланд.

Этот цикл — кульминация, которая оставалась для меня предметом мечтаний четверть века. И за это я должен поблагодарить многих людей.

Во-первых и прежде всего, своего издателя, Джима Баэна. Без его поддержки этот проект с самого начала был бы совершенно невозможен.

Затем я хотел бы специально упомянуть моего помощника, Гая Гордона. Я не был знаком с Гаем, когда начинал работу над проектом. Мы встретились с ним совершенно случайно, когда я просматривал Интернет, выискивая все, что имеет отношение к Джеймсу Генри Шмицу. К полному своему удивлению, я обнаружил целый сайт, посвященный Шмицу, и великолепный (Он до сих пор существует: www.white-crane.com/Shmitz/index.htm или поищите по словам «Shmitz Encyclopedia». Я советую всем, кто интересуется Джеймсом Шмицем, посетить этот сайт).

При участии еще нескольких преданных поклонников Гай создал этот сайт и потратил несколько лет, чтобы собрать все работы Шмица и множество дополнительного материала. Сейчас весьма вероятно, что он мировой эксперт по жизни и творчеству Джеймса Шмица. Гай

с коллегами щедро предложили эти ресурсы в мое распоряжение, и предложение это я жадно принял. В последующие месяцы, когда мы работали вместе, подготавливая этот том, роль Гая стала такой, что официально значится на первой странице: второй составитель серии. Работать с ним было истинным удовольствием и одной из неожиданных удач данного проекта.

Не могу также не упомянуть людей, участвовавших в «почтовой рассылке Шмица» — их были буквально десятки, но ключевые фигуры заслуживают публичного признания за свой труд: Гарри Ирвин, Гарлейн Эддорский, Джордж Филлис и Кен Укер. Также спасибо Арнольду Бейли, Патрику Кэмпбеллу и Шэрон Кастер за их постоянную помощь. Наконец, я хочу поклониться множеству людей с сайта «Baen Books» — (www.baen.com — затем нажмите «Hang Out at Baen» s Bar»), кто одобрял этот проект с той самой минуты, как я впервые озвучил идею, а Джим отозвался с предложением ее поддержать. Никогда не говорите, что чат — это просто приятная трата времени. В известном смысле, этот цикл родился именно там.

Эрик Флинт